БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXXII 11.
Полка 8 4.
№ 26. 5.

КУРСЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

КУРСЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ

ДОКТОРА ГЕОРГА ВЕБЕРА,

ПРОФЕССОРА ВЪ ГЕЙДЕЛЬБЕРГѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Е. и В. Корша.

ТОМЪ II:

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1862.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

БИБЛІОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

211/97

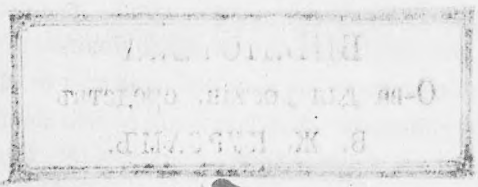
1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 21 октября 1861 года.

Ценсоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

БИБЛІОТЕКА
Егора Егоровича
ЗУМПСЛОВСКАГО



(Печатано съ изданія 1860 года безъ перемѣнъ).

11337.

Лен. Гос. ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ И УТВЕРЖДЕНІЕ ЕДИНОБОЖІЯ.

I. ТОРЖЕСТВО ХРИСТІАНСТВА НАДЪ ЯЗЫЧЕСТВОМЪ.

1. Христіанская Церковь первыхъ вѣковъ.

§ 229. Римляне оказывали большую терпимость къ языческимъ религіямъ другихъ народовъ, какъ видно уже изъ того, что они постепенно включили въ кругъ государственной религіи не только міръ греческихъ боговъ, но также богослуженіе и священные обряды народовъ Востока: Халдеевъ, Персовъ, Египтянъ и Сирійцевъ. Христіанство съ своей стороны не допускало никакой связи съ язычествомъ, оно тотчасъ же стало въ строгую къ нему противоположность; христіане рѣшительно уклонялись отъ всякаго участія въ праздникахъ и религіозныхъ обрядахъ язычниковъ, и отдѣлялись отъ нихъ даже въ повседневномъ житейскомъ обиходѣ. Это возбудило ненависть народныхъ массъ, недовѣріе правителей, и навлекло тяжкія гоненія христіанскимъ общинамъ, которыя вопреки исконному обычаю язычниковъ допускали въ себѣ соединеніе разныхъ племенъ и сословій и отваживались, въ полномъ упованіи на ниспосланное имъ Откровеніе, презирать господствующую вѣру и противиться связаннымъ съ нею гражданскимъ учрежденіямъ. Исторія упоминаетъ о десяти гоненіяхъ на христіанъ, со временъ Нерона (къ которымъ относятъ смерть Петра и Павла) до перваго десятилѣтія чет-

вертаго вѣка, когда Діоклеціанъ и Галерій пытками и кровавою сѣкирой сгоняли исповѣдниковъ распятаго Христа къ жертвеннымъ алтарямъ, предавали церкви пламени и сожигали книги Св. Писанія. При Траянѣ преслѣдованіе смягчилось, хотя, какъ видно изъ писемъ къ этому государю виѳинскаго намѣстника, Плинія, и не прекратилось еще совсѣмъ (§ 221). Даже благородный Маркъ Аврелій считалъ необходимымъ силою сокрушать упорство мнимыхъ изувѣровъ, которыхъ общинное устройство, основанное на началѣ братской любви, подрывало, въ его глазахъ, монархическую связь имперіи; а кратковременное правленіе Декія (250) внесено въ лѣтописи Христіанской Церкви кровавыми чертами. Но полная вѣры, радостная готовность, съ которою мученики терпѣли истязанія и смерть, размножала число вѣрующихъ, такъ что кровь мучениковъ справедливо назвали сѣменемъ Церкви Христовой. Гонимые прятались въ подземныхъ переходахъ (катакомбахъ), за гробницами возлюбленной братіи, въ пещерахъ и дебряхъ горъ: притѣсненіе только возвышало ихъ упованіе на Бога и предохраняло юную общину отъ ранней порчи и внутренняго распаденія; число отступниковъ (переметчиковъ, предателей), которые выдавали на сожженіе священныя книги своихъ единовѣрцевъ или курили ѳиміамъ и приносили жертвы передъ статуями государей, было ничтожно въ сравненіи съ множествомъ исповѣдниковъ, которые, какъ «воины Бога и Христа», до смерти оставались вѣрны обѣту, данному ими при крещеніи. Какъ скоро Богъ отверзалъ сердца ихъ живой вѣрѣ, они ощущали въ себѣ тотъ блаженный покой, котораго весь тогдашній міръ не могъ даровать человѣку, и котораго не могли лишить ихъ ни насмѣшки, ни гоненія.

Достопамятнѣйшими изъ мучениковъ были: Игнатій (Богоносецъ), епископъ антіохійскій, ученикъ Апостола Іоанна. При Траянѣ привезли его въ Римъ и бросили дикимъ звѣрямъ на съѣденіе (116 или 117 г.). Посланія его весьма важны уже по одной своей древности.— При Маркѣ Авреліи Іустинъ, родомъ изъ Самаріи, былъ сѣченъ и заплатилъ головой (166 г.) за непоколебимую приверженность къ евангельскому ученію, которое онъ защищалъ въ краснорѣчивомъ обличи-

тельномъ письмѣ противъ лжеучителя Маркіана. Два его «Посланія въ защиту христіанъ» къ Антонину Пію и Марку Аврелію остались безуспѣшны.—Поликарпъ, епископъ смирнскій, подобно Игнатію ученикъ Апостола Іоанна, и пользовавшійся за святую жизнь свою высокимъ уваженіемъ у христіанъ, погибъ жертвою народной ярости (168 г.). Ученикъ его Ириней, епископъ лугдунскій (ліонскій) въ Галліи, извѣстенъ своимъ сочиненіемъ «Пять книгъ противъ еретиковъ» и своею мученическою смертью (202 года). Кипріанъ, епископъ карѳагенскій (около 250), въ своемъ сочиненіи О единствѣ церкви раскрывшій пагубныя слѣдствія расколовъ и отдѣленія отъ церкви, посвятивъ всю жизнь призрѣнію больныхъ и бѣдныхъ, также умеръ подъ «трепетною» рукой языческаго палача. Мученики стали вскорѣ свѣтлыми идеалами земнаго существованія; могиламъ ихъ воздавалось поклоненіе, и заступничество ихъ передъ Богомъ сдѣлалось одною изъ высшихъ надеждъ христіанина.—Борьба только что возникающаго христіанскаго общества, его новой вѣры и міросозерцанія съ могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ въ мірѣ государствъ, съ его язычествомъ и тысячелѣтнею гражданственностью,—эта борьба, окончившаяся гибельною для послѣдняго побѣдой—всегда останется историческимъ зрѣлищемъ громаднаго величія.

Въ отвѣтѣ Траяна на письмо намѣстника его, Плинія, сказано: «При производствѣ слѣдствія противъ лицъ, обвиненныхъ передъ тобою въ христіанствѣ, ты, конечно, избралъ надлежащій путь; потому что нельзя постановить объ этомъ ничего общаго, ничего такого, что могло бы служить опредѣленнымъ правиломъ во всѣхъ случаяхъ. Отыскивать ихъ не слѣдуетъ; но кого обвинятъ и уличатъ, того должно наказывать, однакоже такъ, что если кто изъ нихъ отопрется отъ христіанства и докажетъ это на дѣлѣ, то-есть призоветъ нашихъ боговъ, то за раскаяніе слѣдуетъ его простить, хотя бы онъ и былъ прежде заподозрѣнъ. Доносовъ безъ подписей не принимать ни по какимъ преступленіямъ: это послужило бы опаснѣйшимъ примѣромъ, да и было бы противно духу моего времени.»

§ 230. Въ эпоху гоненій, христіанство, силою присущей ему истины и успокоительнаго догмата объ отпущеніи грѣховъ и о жизни вѣчной, равно какъ и по благопріятному стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ, распространилось во всѣ концы вселенной, такъ что уже въ третьемъ столѣтіи оно

перешло за передѣлы римской державы. Возникли церковныя общины въ Сиріи, Малой Азіи, Арменіи, Месопотаміи и Персіи; въ Египтѣ и сѣверной Африкѣ; въ Греціи, Македоніи и Италіи; въ Галліи (Ліонѣ), Испаніи и Британіи. — Къ числу внѣшнихъ обстоятельствъ, способствовавшихъ быстрому распространенію Евангелія, принадлежатъ, кромѣ гоненій: 1) громадность римской державы, тѣсная связь различныхъ областей ея между собою и далекое распространеніе греческаго и латинскаго языка, чѣмъ много облегчалась передача христіанскаго ученія. 2) Разсѣяніе Іудеевъ и іудейскихъ христіанъ по всему римскому государству. 3) Выше изображенное нами (§ 224) направленіе вѣка къ мистическому и таинственному, которое нашло себѣ въ христіанскомъ ученіи, въ окруженномъ чудесами явленіи Спасителя, въ разныхъ символахъ и т. д. обильную пищу и возвышеннѣйшую сферу. Между тѣмъ, какъ именно это привлекало къ новой религіи образованные и высшіе классы, а ученые и философы старались связать евангельское ученіе съ своимъ любомудріемъ, особенно съ системами Пиѳагора, Платона, Аристотеля и др., 4) бѣдные и несвободные, какъ рабы, такъ и отпущенники, скоро и охотно примкнули къ ученію, предоставлявшему имъ человѣческія права, которыхъ не давало язычество, и обѣщавшему всѣмъ равенство передъ Богомъ и передъ закономъ. 5) Упадокъ вѣры и упованія язычниковъ къ божествамъ отцовъ дѣлалъ религіозное обновленіе народа настоятельною потребностью. Уже съ давнихъ поръ вошло въ обычай выставлять въ театральныхъ мимическихъ шуткахъ, на потѣху толпѣ, соблазнительныя исторіи небожителей, любовныя похожденія Зевса и Афродиты, и это дѣлалось самымъ безцеремоннымъ образомъ, такъ что часто доходило до картинъ, полныхъ грубѣйшаго чувственнаго разврата; человѣчество, уже нѣсколько вѣковъ нуждавшееся въ какой-нибудь опорѣ, алчно хваталось за каждую новую вѣру или суевѣріе и тѣмъ самымъ породило какую-то дикую смѣсь всѣхъ языческихъ богослуженій. Даже нечистыя празднества и мистеріи сирійскихъ и малоазійскихъ божествъ съ ихъ каженниками-жрецами нашли себѣ доступъ въ Римъ, гдѣ для всего отыскивалось

мѣсто. Когда, въ эпоху возрастающаго бѣдствія, древніе боги оставались глухи къ мольбамъ вѣрующихъ, вѣра въ ихъ могущество умерла, и отягченныя грѣхами души и совѣсти скоро обратились къ общинамъ христіанъ, гдѣ снова обрѣтали силу молитвы и твердую увѣренность, что будутъ услышаны Отцомъ Небеснымъ.

Члены апостольской церкви, въ которой каждый новый членъ присоединялся крещеніемъ, раздѣлялись на два разряда: на мірянъ и клиръ [1], или иначе духовныя лица. Кромѣ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ званій священныхъ, въ апостольской церкви были самими Апостолами установлены и постоянныя должности, на которыя возводили чрезъ рукоположеніе. Степени постоянной іерархіи въ церкви апостольской были три: степень епископа, степень пресвитера и степень діакона. Епископы, поставляемые Апостолами, наблюдали за чистотою вѣры и церковнымъ благочиніемъ, и имѣли право духовнаго суда, начиная отъ простаго выговора до тяжкаго отлученія. Они поставляли пресвитеровъ и діаконовъ. Пресвитеры учили народъ и совершали таинства въ зависимости отъ епископа. Должность діаконовъ сперва состояла въ попеченіи о содержаніи бѣдныхъ и больныхъ, а потомъ при случаѣ и въ совершеніи таинствъ. Всѣ члены участвовали дѣятельно при церковныхъ собраніяхъ, на которыхъ рядомъ съ молитвами и пѣснями духовными читалось Св. Писаніе и произносились религіозныя поученія или слова, и которыя обыкновенно заключались Евхаристіей и вначалѣ соединенными съ нею, а потомъ отдѣльно совершаемыми братскими трапезами (агапами). Недостойные или отступники исключались изъ сообщества (отлучались), и только раскаяніемъ и церковнымъ покаяніемъ (епитиміею) достигали отпущенія и воспринятія ихъ по прежнему въ общину святыхъ. Гдѣ бы ни являлись новыя общины, единая вѣра и единая любовь къ Искупителю обнимали собою всѣхъ членовъ великаго братства любви.

§ 231. Съ дальнѣйшимъ распространеніемъ и развитіемъ христіанства обязанности служителей церкви естественно усложнялись и вводилось болѣе единства въ ихъ управленіи: духовенство сельскихъ общинъ подчинилось городскому епископу, главѣ духовнаго

---

[1] Отъ греческаго клирос или клеросъ, участокъ, наслѣдственный надѣлъ. Этимъ обозначалось только преимущество духовныхъ, какъ избраннаго сословія.

округа или епархіи (dioecesis), а епископъ, въ свою очередь, сталъ подвластенъ епископу главнаго областнаго города, носившему санъ митрополита или архіепископа. Изъ митрополитовъ всѣхъ болѣе значенія имѣли антіохійскій, александрійскій и римскій, также константинопольскій, іерусалимскій, ефесскій и другихъ такъ-называемыхъ «апостольскихъ престоловъ», частію по важности этихъ городовъ, частію по древности церквей, въ нихъ основанныхъ. Они назывались патріархами и мало по малу пріобрѣли право посвящать всѣхъ прочихъ епископовъ. Для совѣщаній о дѣлахъ вѣры и церкви со временъ апостольскихъ учреждались соборы (синоды), на которыхъ (въ послѣдствіи) митрополиты съ подвѣдомыми имъ епископами постановляли свои рѣшенія; рѣшенія эти утверждались потомъ императорами и тогда получали силу государственныхъ законовъ. При возникшихъ вскорѣ спорахъ касательно догматовъ, соборы, на которыхъ, по ученію Церкви, покоилась благодать Святаго Духа, являлись облеченные законодательною властью, и постановленія ихъ, обыкновенно равно далекія отъ всѣхъ преувеличеній и крайностей, принимались за вселенское, каѳолическое ученіе, тогда какъ мнѣніе противоположное считалось лжеученіемъ, ересью, и исповѣдники его отдѣлялись отъ Церкви въ видѣ секты.

§ 232. Еретики и секты. Такимъ образомъ, уже во 2 вѣкѣ простое христіанское исповѣданіе, произносимое при крещеніи, надо было оградить точнѣйшими опредѣленіями и дополненіями отъ лжеученій гностиковъ, манихеевъ и другихъ еретиковъ, изъ чего мало по малу образовалось такъ-называемое апостольское исповѣданіе вѣры. Но самая страшная борьба возникла въ 4 вѣкѣ по вопросу о естествѣ Христа между александрійскими учителями, еретикомъ Аріемъ и Аѳанасіемъ Великимъ. Первый изъ нихъ училъ, что «Сынъ нѣкогда сотворенъ изъ ничего божественною волею, что Онъ есть первая тварь и вмѣстѣ зиждитель міра, что поэтому Его конечно слѣдуетъ называть Богомъ, но что Онъ тѣмъ не менѣе зависимъ отъ Отца». Это ученіе (извѣстное подъ именемъ аріанства) осуждено какъ еретическое на первомъ вселенскомъ соборѣ, созванномъ 325 г., въ Никеѣ, Константиномъ Великимъ и состоявшемъ изъ 318 епископовъ, а также и на второмъ, созванномъ Ѳеодосіемъ 384 г. въ Константинополѣ; по никейскому и Аѳанасіеву исповѣданію, или символу вѣры, ученіе

православной церкви о тріединомъ Богѣ установлено было слѣдующее: Богъ-Сынъ не сотворенъ отъ вѣка, а рожденъ изъ существа Божія и потому единосущенъ Отцу (гомоузіосъ). Но германскіе народы, Готы, Вандалы, Лангобарды, къ которымъ христіанство перешло чрезъ аріанскихъ миссіонеровъ, держались еще цѣлые вѣка проповѣданной имъ вѣры, что Христосъ, Сынъ Божій, существенно отличенъ отъ Отца. Средняя партія, во главѣ которой стоялъ Евсевій, епископъ никомидійскій, и которая учила, что «рожденный отъ вѣка изъ существа Божія, Сынъ не единосущенъ, а лишь подобносущенъ (гоміузіосъ) Отцу», получила на Востокѣ нѣкоторый вѣсъ подъ названіемъ полуаріанской. Токи крови пролиты были изъ-за положеній, непостижимыхъ для человѣческаго ума. Упорство Востока и софистика Грековъ мучились сами и мучили букву Писанія для составленія формулъ, которыя непостижимое дѣлали бы понятнымъ и дали бы такимъ образомъ значеніе общепризнанной истины тому или другому его опредѣленію.

Главы противоположныхъ партій поперемѣнно то чествовались, то изгонялись; Арій умеръ 336 г. въ Константинополѣ въ самый день торжественнаго вшествія своего въ сѣдалище апостольской церкви; еще треволненнѣе была жизнь знаменитаго противника его, Аѳанасія. Враги изображали его тираномъ, императоры то преслѣдовали его, то воздавали ему должную честь, но рѣшительно всѣ его боялись; народъ въ Египтѣ любилъ Аѳанасія какъ своего заступника и покланялся ему, какъ святому; въ званіи епископа пася свою паству въ теченіе 46 лѣтъ, онъ провелъ 20 изъ нихъ въ бѣгствѣ и изгнаніи, часто чудесно спасаемый безпредѣльной преданностію вѣрныхъ, и во все это время неуклонно защищая главный, единственный помыслъ своей жизни—безусловную вѣру въ Божественность Христа и съ тѣмъ вмѣстѣ въ значеніе христіанства, какъ совершеннаго Откровенія Божія, которое онъ такъ ревностно оборонялъ противъ новаго языческаго напора. Онъ шелъ къ своей высокой цѣли, не боясь людской грозы, не уступая никакимъ житейскимъ соображеніямъ, равно строгій къ другимъ, какъ и къ самому себѣ.

Первыя секты возникли между іудейскими христіанами, которые отстаивали необходимость Моисеева закона, считая язычниковъ вовсе не сопричастными или по крайней мѣрѣ весьма мало сопричастными Христу. Они носили названіе Назареевъ и Евіонитовъ,

и почитали Мессію то просто за боговдохновеннаго человѣка, то за высшее существо, рожденное отъ дѣвственнаго зачатія; первые исчезли въ 4, послѣдніе въ 7 вѣкѣ, не достигнувъ правильнаго церковнаго устройства. Въ противоположность къ нимъ, еще въ апостольскія времена, образовалось, подъ вліяніемъ Платоновскаго и восточнаго идеализма, уничтожающее всю евангельскую исторію мнѣніе докетовъ, отрицавшихъ въ Іисусѣ Христѣ все плотское и признававшихъ тѣло его призракомъ, однимъ только явленіемъ духа. Именемъ гностиковъ преимущественно обозначались всѣ тѣ, кто, по обычаю восточныхъ вѣроучителей и греческихъ философовъ, полагалъ различіе между обыкновеннымъ пониманіемъ и тѣмъ высшимъ вѣдѣніемъ религіозныхъ истинъ, которое доступно только для немногихъ избранныхъ (свыше одаренныхъ) или посвященныхъ. Они распадались на разныя секты, смотря потому, кто изъ нихъ стоялъ ближе къ восточному богомудрію (θеософіи), кто къ Платоновской философіи; вообще же преобладало между ними восточное созерцаніе съ его образностію въ представленіи и необузданною фантазіей. Средоточіемъ всѣхъ умозрѣній гностиковъ былъ вопросъ о происхожденіи зла, причемъ, держась дуалистическаго взгляда, они противопоставляли совершенному Богу мертвое злокачественное вещество и объясняли постепенный переходъ къ борьбѣ и смѣшенію двухъ противоположныхъ началъ цѣлымъ рядомъ истеченій и переливовъ (эманацій) въ нисходящей линіи. Эманаціи назывались также эонами. «Одинъ изъ такихъ эоновъ, деміургъ (т. е. мастеръ, зиждитель), создалъ изъ вещества видимый міръ, такъ что вмѣстѣ съ міромъ возникли рознь, борьба и уничтоженіе». Изъ троякихъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, силъ — силы духовныя божественнаго свойства, силы матеріальныя не божественнаго, а посредствующія, психическія, принадлежатъ деміургу. «Духовныя силы связаны преимущественно въ человѣкѣ актомъ міросозданія, а искупленіемъ онѣ освобождаются отъ узъ вещества; стало-быть, въ природѣ человѣка есть изначала нѣчто, ставящее его выше деміурга». Деміургомъ представлялся имъ Богъ Іудеевъ, Іегова, а Христа почитали они однимъ изъ высочайшихъ эоновъ, который явился воспріять міръ въ полноту божественной жизни и разрѣшить великую міровую распрю на землѣ. Гностики отдѣляли свое ученіе, какъ мистическое или таинственное, отъ церковнаго, но не противоборствовали послѣднему, признавая въ немъ народное воз-

зрѣніе, необходимое для большинства. Рядомъ съ Священнымъ Писаніемъ допускали они и преданіе, идущее отъ Апостоловъ. Образъ жизни ихъ былъ обыкновенно строгъ и воздержанъ. Отраслію гностиковъ были маркіониты, составлявшіе еще въ 6 вѣкѣ церковно-устроенную партію, но сильно ненавидимые и гонимые противниками. Гностицизмъ, своими фантастическими догматами и языческими воззрѣніями, много помутилъ свѣтлое ученіе Христа.—Другая секта, далеко распространенная на Востокѣ, въ Африкѣ и въ Италіи, равно ненавидимая и гонимая какъ отъ язычниковъ, такъ и отъ христіанъ, были Манихеи. Родоначальникъ ея, Мани, былъ магъ, изгнанный изъ Персіи по основаніи тамъ господства Сассанидовъ (§ 225),—человѣкъ очень даровитый, который во время бѣгства попалъ на мысль выступить преобразователемъ всѣхъ изученныхъ имъ народныхъ религій и привести ихъ къ одному высшему единству. Отвергнутый христіанами, которымъ онъ выдавалъ себя за боговдохновеннаго апостола Іисусова, за воплощеніе обѣщаннаго имъ утѣшителя (параклета), преслѣдуемый магами, онъ послѣ многоразличныхъ перемѣнъ счастія, въ царствованіе Варана I (272—275), попался въ руки враговъ и былъ ободранъ живой. Главныя основанія манихеизма слѣдующія: «Богъ въ своемъ царствѣ свѣта и демонъ съ своимъ царствомъ тьмы противостоятъ другъ другу независимо. Послѣ долгихъ междоусобій въ своихъ нѣдрахъ, царство демона соединилось для борьбы противъ царства свѣта. Первенецъ Божій, первичный человѣкъ ратовалъ вмѣстѣ съ четырьмя чистыми стихіями за это царство; онъ палъ, былъ спасенъ; однакожь, часть свѣта его увлечена въ тьму. Для постепеннаго возвращенія этого свѣта Богъ послалъ матерь жизни сотворить вселенную. Живительная сила видимаго міра есть именно тотъ свѣтъ, связанный узами матеріи. Для освобожденія его исходятъ отъ Бога двѣ новыя мощи небесныя: Христосъ и Духъ Святой. Первый, въ видѣ солнца и мѣсяца, второй въ видѣ эѳира, притягиваютъ къ себѣ свѣтовыя силы земли. Чтобы удержать ихъ, демонъ сотворилъ новаго человѣка по образу первичнаго и соединилъ въ немъ чистѣйшій свѣтъ съ своей тьмою, отчего человѣкъ и есть сліяніе и образъ совокупныхъ силъ вселенной, микрокосмъ, или малый міръ. Свѣтъ преломился въ созданіяхъ, человѣчество подпало соблазнамъ матеріи и призрачнымъ обольщеніямъ демона (іудейство и язычество). Тогда явился на землю самъ Христосъ, облеченный кажущеюся плотію; страданія его, хотя так-

же только кажущіяся, однакожъ исторически дѣйствительныя, принимаются за символъ всего свѣта, въ узахъ матеріи. Христосъ своимъ ученіемъ и своею притягательною мощью началъ освобожденіе свѣта изъ этихъ узъ, но какъ ученіе его понималось апостолами въ іудейскомъ смыслѣ и Евангеліе — по словамъ еретика — подверглось искаженію, то Мани явился какъ утѣшитель (параклетъ) для довершенія побѣды. Оттого въ однихъ только его писаніяхъ содержится полная истина. Концомъ всемірной исторіи будетъ совершенное выдѣленіе свѣта изъ тьмы, которыхъ силы вслѣдъ за тѣмъ снова нападутъ другъ на друга». Общество Манихеевъ состояло изъ такъ-называемыхъ избранныхъ, освященныхъ богослужителей, которые обязаны были соблюдать строжайшій аскетизмъ, безбрачіе, воздержаніе отъ мясъ и охмѣляющихъ напитковъ, и которые одни обладали смысломъ тайнаго ученія; всѣ остальные были только «слушателями» (катехуменами), которые молитвами и заступленіемъ совершенныхъ братій получали отпущеніе грѣховъ, неизбѣжныхъ при дозволенномъ имъ участіи въ дѣлахъ и радостяхъ земной жизни. Богослуженіе ихъ было просто; въ 6 вѣкѣ они подавлены гоненіемъ. — Монтанисты. Подобно Мани, и фригіецъ Монтанъ (род. 150) выдавалъ себя за возвѣщеннаго Христомъ утѣшителя, который явился будто бы для того, чтобы придать Церкви «мужеское совершенство» передъ самымъ наступленіемъ такъ-называемаго «тысячелѣтняго царствія». Строгость христіанской жизни и церковной чистоты доводитъ онъ до крайности. Онъ училъ, «что жизнь христіанина должна быть постояннымъ отреченіемъ; что онъ долженъ радоваться только о Господѣ и утѣшаться мученическимъ концомъ, потому что всякая земная утѣха, даже и утѣха наукою, грѣховна. Смертоубійство, блудъ и отпаденіе къ идолопоклонству, говоритъ онъ, исключаютъ отъ церковнаго общенія безвозвратно. Но та Церковь не настоящая, гдѣ не соблюдается вполнѣ строгость нравовъ, гдѣ допускается вторичный бракъ и гдѣ кающіеся преступники принимаются снова: надъ такою плотскою церковью высоко возносится церковь духа.» Исключенные отъ общенія со вселенскою церковью, Монтанисты существовали при собственномъ церковномъ устройствѣ до 6 столѣтія. На Западѣ смѣлый Тертулліанъ отстаивалъ подобныя же крайне-строгія начала. — Секта новаціанъ также безвозвратно отвергала всѣхъ одержимыхъ смертными грѣхами, считая церковь общиною святыхъ и чистыхъ; она прервала общеніе съ

каѳолическою церковью и переходившихъ отъ нея крестила вновь. Поддерживаемое монтанистами вѣрованіе въ возвращеніе Іисуса Христа и въ имѣющее наступить за тѣмъ тысячелѣтнее царствіе (хиліасмосъ), нашло себѣ еще въ апостольскія времена вдохновеннаго провозвѣстника въ лицѣ Керинѳа. — О времени празднованія Пасхи рано возникли упорныя разногласія, и малоазійская партія, удержавшая обычай пасхи іудейской, была наконецъ отлучена отъ Церкви, какъ еретическая [1]. — Еще сильнѣйшій споръ начался въ 4 столѣтіи въ Африкѣ, гдѣ приверженцы крайней церковной чистоты воспротивились поставленію на карѳагенскій епископскій престолъ Цециліана, рукоположеннаго однимъ предателемъ (traditor), и противопоставили ему слишкомъ строгаго Доната [2], по которому вся эта партія названа Донатистами. Императоръ Константинъ поручилъ изслѣдованіе всего дѣла сперва особой коммиссіи въ Римѣ, а потомъ церковному собору въ Арелатѣ (314), и когда вопросъ былъ рѣшенъ противъ Донатистовъ, Константинъ издалъ строгіе законы для подавленія этой партіи. Но нумидійскіе и мавританскіе поселяне и кочевники вооружились дубьемъ, чтобы отмстить за развалины сожженныхъ вслѣдствіе того церквей своихъ и за пролитіе крови нѣсколькихъ священниковъ. Въ дикомъ остервенѣніи вели они въ теченіе 4 вѣка разбойничью войну противъ каѳолической церкви и противъ Римской имперіи. Старанія Августина (§ 235) примирить или опровергнуть болѣе умѣренную часть этой партіи имѣли мало успѣха. Донатисты пали наконецъ передъ силою римскихъ законовъ, поддерживаемыхъ легіонами, но даже до 7 вѣка нѣкоторые изъ нихъ продолжали еще бороться и страдать, въ живое свидѣтельство того, какую страшную власть имѣетъ худо понятая религія надъ преданными, энергическими и темными умами народной массы.

---

[1] Эта партія прозвана четыренадесятниками (quartodecimani) оттого, что, вопреки постановленію Никейскаго собора, настаивала на празднованіи Пасхи съ Евреями четырнадцатаго низана.

[2] Донатъ училъ, что церковь состоитъ изъ однихъ совершенныхъ; что ея нѣтъ нигдѣ, кромѣ Африки и притомъ кромѣ Донатистовъ; что крещеніе и рукоположеніе (въ таинствѣ священства) надобно повторять надъ тѣмъ, кто вступаетъ въ ихъ церковь. — См. Начертаніе церковной исторіи архимандр. Иннокентія, ч. I, стр. 254.

11337

2. Правленіе Константина (325—337).

§ 233. Достигнувъ единовластія, Константинъ довершилъ устройство имперіи, начатое Діоклеціаномъ (§ 227). По возведеніи христіанства на степень государственной религіи, онъ перенесъ резиденцію двора въ Византію (съ тѣхъ поръ прозванную Константинополемъ), которой мѣстоположеніе такъ благопріятно для торговли и мореплаванья и вмѣстѣ такъ живописно; онъ надежно укрѣпилъ ее стѣнами и башнями и изукрасилъ дворцами и церквами, пристилищами и колоннадами, статуями и картинами, вывезенными изъ другихъ городовъ. 4-го ноября 326 г. послѣдовало торжественное освященіе. Къ учрежденію новой столицы могла привести его та вѣрная мысль, что Римъ, главное сѣдалище язычества, съ его Капитоліемъ и храмами, съ его древними воспоминаніями и закоренѣлыми привычками, съ его правами и предубѣжденіями, значительно затруднилъ бы для него задуманный переворотъ въ религіи и въ государствѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ окружилъ себя многочисленнымъ штатомъ царедворцевъ, придворныхъ чиновъ, тѣлохранителей и слугъ, отличенныхъ разными титулами, степенями почета и формами одежды; преобразовалъ финансовую часть, опредѣливъ точнѣе коронныя права (регаліи), учредивъ правильную систему податей и установивъ поземельный, ремесленный и поголовный сборъ, правда обременительный для подданныхъ; онъ вновь раздѣлилъ имперію на четыре префектуры, или главныя намѣстничества (Востокъ, куда принадлежали Ѳракія и Египетъ; Иллирикъ съ Грецією и Придунайскими краями; Италія съ Африкой; Западъ — Галлія, Испанія, Британія): каждая префектура распадалась на большее или меньшее число областей (діойкезъ) [1], а эти въ свою очередь дѣлились на округи (провинціи). Префекты и цѣлые полки подначальныхъ имъ чиновъ завѣдывали отъ имени императора администраціей, судопроизводствомъ, полиціей и государственнымъ хозяйствомъ; но военная сила имѣла осо-

[1] Областной начальникъ назывался викаріемъ, а областной казначей діойкетомъ.

быхъ начальниковъ (воеводъ). Правильное почтовое устройство облегчало сообщенія. Государственному совѣту принадлежало высшее рѣшеніе по судебнымъ и административнымъ дѣламъ, тогда какъ сенатъ утратилъ всякое значеніе и сдѣлался мало по малу роскошью совсѣмъ излишней. Чины и титулы подкопали истинное честолюбіе и благородную стойкость духа, они только питали склонность къ тщеславію и усиливали нравственную распущенность народа. Когда замерла свобода, на мѣсто доблести всюду началъ протѣсняться эгоизмъ. Прямой нѣкогда человѣкъ поневолѣ началъ гнуть спину, уста истины приноровились мало по малу къ лести и лжи, и поколѣнія, отличавшіяся прежде мужествомъ и энергіей, совершенно отдались слабодушію и низкимъ побужденіямъ. Скоро не стало возможности набрать изъ римскихъ гражданъ войско, способное устоять противъ врага, и почти одни варвары бились въ полѣ за императоровъ. Продажное, трусливое и облѣнившееся племя только и жило потѣхами да чувственными наслажденіями. Римскій міръ раболѣпно лежалъ у ногъ императора и на всемъ пространствѣ имперіи не было границъ игу его господства. Однакожь выработанныя въ лучшую эпоху, идеи государства, права и законности, и понятія о человѣческихъ правахъ и личной свободѣ, водворенныя христіанствомъ, не могли уже сгинуть безъ слѣда: это важное пріобрѣтеніе не допустило образованный міръ возвратиться опять къ страшному состоянію великихъ деспотій Востока.

Поземельный налогъ взымался со всего имущества, включая сюда невольниковъ, рабочихъ и скотъ, и для этого каждыя пятнадцать лѣтъ производилась новая перепись; промысловый налогъ падалъ на всѣ отрасли занятій, и каждые четыре года подвергался новой раскладкѣ; поголовный или подушный сборъ взымался съ рабовъ и несвободныхъ работниковъ, причемъ за первыхъ вносили его господа, а за вторыхъ—землевладѣльцы или помѣщики, которые (неся отвѣтственность за другихъ) платили такимъ образомъ двойные налоги. Тяжесть податей и притѣснительный способъ ихъ сбора повели къ тому, что города утратили свое прежнее довольство, что средній классъ лишился своего благосостоянія и многіе землевладѣльцы обѣднѣли, вслѣдствіе чего постоянно увеличивалось число

несвободныхъ колоновъ, которые, какъ крѣпостные оброчники, были прикованы къ землѣ; особенно это бывало въ то время, когда раззорительныя войны и хищничество армій, состоявшихъ по большой части изъ варваровъ, лишали помѣщика и земледѣльца жатвы, на которую они разсчитывали.—Такъ какъ съ этихъ поръ одни христіане обладали полнымъ правомъ гражданства, то чрезъ устраненіе іудеевъ и язычниковъ отъ важнѣйшихъ гражданскихъ правъ возникла новаго рода политическая неравноправность. Она возникала впрочемъ и другими еще путями, именно благодаря привилегіямъ и льготамъ, даваемымъ въ пользу ветерановъ (заслуженныхъ воиновъ). Общинная дѣятельность городовъ, которая уже и при прежнихъ императорахъ болѣе и болѣе отходила изъ-подъ независимой администраціи самихъ гражданъ, теперь была совершенно подчинена надзору и руководству императорскихъ чиновниковъ. Всѣ магистратскія и общинныя должности сосредоточились въ рукахъ небольшаго аристократическаго кружка полныхъ гражданъ (декуріоновъ), тогда какъ всѣ остальные обыватели исключены были отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ.

§ 234. Іерархія и монашество. Послѣдніе годы своей жизни Константинъ главнымъ образомъ посвятилъ дѣламъ церкви и религіи, отлагая однакожь принятіе св. крещенія, во очищеніе грѣховъ, почти до самой своей кончины. Онъ основалъ много церквей и надѣлилъ ихъ недвижимостью изъ общинныхъ имуществъ, которыми онъ часто распоряжался произвольно; онъ освободилъ духовенство отъ податей и даровалъ ему разныя другія преимущества; епископамъ предоставилъ право собственнаго суда, разрѣшилъ отказы имуществъ въ пользу Церкви и наконецъ совершенно воспретилъ языческія жертвоприношенія.

Такимъ образомъ мѣсто языческаго жречества заступилъ мало по малу христіанскій духовный чинъ; разчлененный на многія постепенности (іерархія), надѣленный большими преимуществами и между прочимъ правомъ самосуда, этотъ чинъ сталъ руководителемъ въ дѣлахъ религіи и взялъ въ свои руки школу, воспитаніе и призрѣніе бѣдныхъ. По мѣрѣ распространенія христіанства, уклоненіе отъ брака и всѣхъ любовныхъ наслажденій, умерщвленіе плоти и чувственности, строгая воздержность (аскетизмъ) и самоистязаніе уважа-

лись болѣе и болѣе, какъ такія дѣла, которыя всего лучше приближаютъ вѣрующаго къ Небу; пустынножительство и затворничество получило значеніе святаго призванія и до того распространилось, что уже въ концѣ 3 столѣтія крѣпкій въ вѣрѣ Египтянинъ Антоній [1] (252—357), покинувъ свои богатыя имущества и облекшись въ власяницу, удалился въ пустыню, собралъ тамъ вокругъ себя разсѣянныхъ дотолѣ пустынниковъ (монаховъ) и устроилъ подъ своимъ надзоромъ первое общежительство, а ученикъ его Пахомій [2] пріучилъ ихъ жить по установленному чину (уставу) въ огражденныхъ мѣстахъ или отовсюда замкнутыхъ зданіяхъ (монастыряхъ, киновіяхъ, клавстрахъ). Нищета, цѣломудріе и послушаніе—вотъ три обѣта, къ строгому соблюденію которыхъ обязывался каждый при вступленіи. Дѣломъ рукъ своихъ снискивали они себѣ необходимое для жизни, а излишекъ раздавали нуждающимся. Вскорѣ и женщины стали сходиться для подобнаго общежительства и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ. Это было началомъ монашества, которое пріобрѣло столь важное историческое значеніе въ Средніе Вѣка. Чѣмъ далѣе шло самоотреченіе и самоистязаніе покаянниковъ, тѣмъ болѣе почиталъ ихъ, тѣмъ болѣе дивился имъ народъ. Если Павелъ пустынникъ [3] (235 — 341) провелъ много лѣтъ въ одной египетской пещерѣ, если Антоній поселился въ первоначально въ покинутыхъ развалинахъ, если Иларіонъ [4] палестинскій (292—372) служилъ Господу въ глухой пустынѣ, то другіе подвижники простерли самоотреченіе и аскетизмъ гораздо далѣе. Два такъ-называемые столпника (стилиты), Симеонъ и Даніилъ [5], проведшіе часть жизни на столпахъ, пріобрѣли такое уваженіе въ народѣ, что словамъ ихъ внимали какъ священнымъ завѣтамъ, и вообще они имѣли величайшее вліяніе на образъ мыслей и дѣйствій всего восточнаго человѣчества.

§ 235. Отцы Церкви и другіе писатели церковные. Ученіе о предопредѣленіи. Пелагіанизмъ. Труды Отцовъ Церкви и другихъ христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ большею частію защитительные (апологетическіе) или спорные (поле-

---

[1] Преподобный и Богоносный Антоній Великій.
[2] Преподобный Пахомій Великій.
[3] Преподобный Павелъ Ѳивейскій.
[4] Преподобный Иларіонъ Великій, ученикъ Антонія.
[5] Преподобный Симеонъ былъ наставникомъ Св. Даніила.

мическіе), направленные противъ нападковъ язычниковъ или лжеученій еретиковъ, представляютъ тѣмъ болѣе важности, что на нихъ основывается то преданіе, котораго авторитетъ въ дѣлахъ вѣры, богослуженія и церковнаго чина признанъ каѳолическою церковью на ряду съ библейскими писаніями. Потому чѣмъ ближе они къ апостольскому времени, тѣмъ значеніе ихъ важнѣе, ибо естественно предполагать, что апостолы изустно сообщили своимъ современникамъ много такого, чего нѣтъ въ ихъ собственныхъ писаніяхъ, но что можно найдти и изучить въ трудахъ Отцовъ Церкви. Писатели первыхъ вѣковъ имѣютъ особенное значеніе и потому, что христіанство приводится ими въ нѣкоторое соотношеніе съ научными понятіями и съ философіею древнихъ, а это открыло доступъ къ нему и для высшихъ сословій тогдашняго общества Благодаря трудамъ этихъ писателей началось сочетаніе восточныхъ представленій о религіи, о богодухновенности, о правительствѣ, законѣ и священновластіи съ воззрѣніями Грековъ и Римлянъ на человѣческую мудрость и свѣтскій порядокъ вещей, на пророческое вдохновеніе и на изслѣдованіе разсудочной мысли. Согласно съ потребностями эпохи старались доказать всю ничтожность язычества, ложь и мечтательность различныхъ системъ полиѳеизма, и напротивъ выставить и (паренетически) превознести евангельское ученіе о единомъ и вѣчномъ Богѣ, откровенномъ чрезъ Іисуса Христа, во всей животворной его силѣ, проникающей и очищающей душу человѣка, обновляющей и ублажающей его жизнь. Нѣкоторые изъ нихъ писали по-гречески, какъ напр. Іустинъ Мученикъ († 166), александрійскіе учители Климентъ († 217) и Оригенъ († 254); церковный историкъ, первоначальникъ христіанскаго бытописанія, Евсевій († 430), и знаменитый духовный витія, епископъ константинопольскій, Іоаннъ Златоустъ, который смѣлыми проповѣдями противъ дворскаго разврата навлекъ себѣ гнѣвъ императрицы Евдокіи и двукратное изгнаніе († 407); другіе писали по-латини, какъ напр. Тертулліанъ карѳагенскій, остроумный, полный воображенія, но не совсѣмъ чуждый монтанистскихъ воззрѣній писатель († 220); «изъ пунійской латини онъ успѣлъ выработать оригинальную литературу христіанству, въ которой видимъ борьбу геніальнаго краснорѣчія, неудержимой фантазіи, слишкомъ осязательнаго пониманія идеальныхъ представленій, глубокаго чувства и вмѣстѣ настоящей юридической разсудочности»; Лактанцій († 325 въ Трирѣ), воспитатель сыновей импе-

ратора Константина, знаменитый своими сочиненіями, въ которыхъ онъ подражалъ Цицерону и по философіи, и по языку; Минуцій Феликсъ, котораго прекрасно-написанный и остроумный разговоръ «Октавій» имѣетъ въ виду изслѣдованіе истинной религіи; Амвросій медіоланскій († 397) и Блаженный Августинъ, епископъ Гиппонскій въ Африкѣ († 430). Историческій матеріалъ христіанства былъ рано внесенъ и въ сферу поэзіи. Такъ, современникъ Константина, Ювенкъ, обработалъ евангельскую жизнь Іисуса Христа въ духѣ Виргиліева эпоса, а Пруденцій (ок. 400) облекъ свои христіанскіе помыслы и набожныя чувствованія въ благочестивыя пѣсни и гимны, и изложилъ евангельскія ученія въ формѣ эпико-дидактическихъ стихотвореній. Благочестивый Галлъ Павлинъ, съ 409 г. епископъ ноланскій [1], прославленный своимъ милосердіемъ къ бѣднымъ [2], изобразилъ жизнь св. мученика Феликса въ гекзаметрахъ и облекъ свои религіозныя чувства и мысли въ поэтическія формы язычества.—Между писавшими по-гречески, которые бо́льшею частію принадлежатъ Востоку, особенно знаменитъ остроумный, подвижный, неутомимо дѣятельный Оригенъ, столько же въ качествѣ знатока греческой философіи, которую онъ старался риторски соединить съ ученіями христіанства, но тѣмъ навлекъ себѣ обвиненіе въ ереси, сколько и своими толкованіями (экзегезами) Новаго Завѣта, причемъ онъ допускалъ въ Св. Писаніи троякій смыслъ,—аллегорическій, нравоучительный и дословный, или буквальный. Подобно наставнику своему, ученому, богато одаренному умомъ, чувствомъ и пылкимъ воображеніемъ, Клименту александрійскому, Оригенъ старался представить христіанство, какъ ученіе всѣхъ лучшихъ мыслителей и поэтовъ древности, какъ единую истинную философію и поэзію; оба они привносили въ христіанство философскія и поэтическія начала и придавали ему соотвѣтственную направленію той эпохи научную оболочку и оттѣнокъ мистицизма Знаменитые современники и противники Юліана, Василій Великій и Григорій Назіанзинъ, отличаясь утонченнымъ риторскимъ образованіемъ, обнаруживали въ своихъ твореніяхъ и проповѣдяхъ уже болѣе суровый взглядъ строгаго монашескаго аскетизма, болѣе взыскательную религіозную ревность и самоотреченіе, основанное на крайне бдительномъ наблюденіи за движеніями души и на безусловномъ по-

[1] Нола въ Кампаніи, нынѣ въ Неаполитанской области Терра ди Лаворо.
[2] Отчего и прозванъ Милостивымъ.

давленіи всякихъ человѣческихъ слабостей и поползновеній. Григорій, не только въ полемическихъ своихъ писаніяхъ, но даже и въ стихотвореніяхъ, былъ можно-сказать первообразомъ духовнаго воззрѣнія для слѣдующихъ вѣковъ.—Между западными Отцами, болѣе державшимися практически-церковнаго направленія, важнѣйшими были: классически-образованный, благоразсудительный Амвросій, создатель церковнаго хороваго пѣнія и мужественный поборникъ духовной власти; онъ перенесъ на западъ Европы водворенный Оригеномъ поэтическій и аллегорическій взглядъ на христіанство,—тотъ взглядъ, по которому въ каждомъ чувственномъ образѣ должно искать сверхчувственнаго значенія; далѣе, ученый Далматъ, Блаженный Іеронимъ, отличавшійся глубокимъ изученіемъ языковъ и достигшій знанія свѣта и людей опытомъ собственной треволненной жизни: его латинскій переводъ Библіи Ветхаго и Новаго Завѣта съ еврейскаго и греческаго подлинниковъ получилъ, подъ названіемъ Вулгаты, церковный авторитетъ. Ревнитель монашества и безбрачія, онъ въ теченіе 90-лѣтней жизни оказалъ своими многочисленными писаніями сильное и плодотворное вліяніе на выработку ученія и уставовъ церкви. Онъ скончался въ 420 г. пустынникомъ неподалеку отъ Виѳлеема. Величайшее значеніе для церковныхъ доктринъ всѣхъ эпохъ имѣлъ полный энергіи и чувства Августинъ, родомъ изъ римской провинціи Африки, поборникъ ученія о предопредѣленіи, или дарѣ благодати. Проживавшій въ Африкѣ, британскій монахъ Пелагій высказалъ тогда мнѣніе, что «грѣхопаденіемъ Адама природа человѣческая отнюдь не повредилась вообще, и что поэтому человѣкъ силою своей воли можетъ и внѣ христіанства быть достоинъ благодати Божіей, но что споспѣшествуемый въ исправленіи своемъ попеченіями Церкви, онъ становится причастенъ высшаго блаженства въ царствіи Божіемъ.» Противъ этого мнѣнія, колеблющаго вѣру въ единую благодатную силу Церкви, Августинъ выступилъ поборникомъ ученія о первородномъ грѣхѣ и о предопредѣленіи Божіемъ. «Грѣхопаденіемъ Адама, говорилъ онъ, природа человѣческая пала подъ бременемъ вины безконечной, и сама по себѣ, одною собственною силой, стала уже не способна къ добру; поэтому только Божія благодать, даруемая чрезъ посредство Церкви и безъ всякаго содѣйствія со стороны человѣка, однихъ воскрешаетъ къ новой жизни, другихъ оставляетъ на погибель, предопредѣливъ имъ, слѣдовательно, отъ вѣка — неизбѣжное осужденіе.»

Августинъ, котораго мнѣнія и писанія имѣли величайшее вліяніе на религіозное воззрѣніе Среднихъ Вѣковъ, въ оставленныхъ имъ «Исповѣдяхъ» изобразилъ намъ ходъ своего собственнаго образованія и своей внутренней жизни. Человѣкъ, отъ природы страстный и ревностный, онъ сначала искалъ удовлетворенія въ земныхъ благахъ и въ философскихъ сочиненіяхъ язычниковъ, особенно у Цицерона и приверженцевъ ново-платонической школы; но ни они, ни пылко мечтательный манихеизмъ (§ 232), въ который юный Августинъ также углублялся, не утолили жажды его духовнаго умозрѣнія. Тогда, въ бытность свою въ Римѣ и Миланѣ, узналъ онъ вполнѣ христіанское ученіе въ томъ собственно видѣ, какой сообщили ему стремленія Оригена и Амвросія сочетать новое благовѣстіе съ древнею наукой, ученіе, на которое еще гораздо прежде указывала ему впрочемъ благородная его мать, Моника, и узнавъ, онъ отдался ему со всѣмъ жаромъ своего африканскаго характера. Съ тѣхъ поръ онъ совершенно измѣнилъ свою жизнь, свой образъ мыслей и сдѣлался ревностнѣйшимъ поборникомъ христіанскаго ученія и христіанской чистоты. Изъ числа его сочиненій, въ которыхъ рядомъ съ риторскимъ тономъ рѣчи встрѣчаются перлы истинной поэзіи, особенно замѣчательно его твореніе «О государствѣ Божіемъ» (De civitate Dei), писанное по образцу Платона: оно столько же важно своимъ геніально-благочестивымъ содержаніемъ, сколько и тѣмъ высокимъ значеніемъ, какое высказанныя въ немъ идеи имѣли для христіанской поэзіи, искусства и строя мысли въ средневѣковую эпоху. Основная мысль этого творенія та, что какъ человѣчество состоитъ частію изъ плотоугодниковъ и окаянныхъ, частію изъ живущихъ о духѣ и призванныхъ къ вѣчному блаженству, такъ и міръ состоитъ изъ двухъ рядомъ существующихъ государствъ, изъ которыхъ одно, преходящее, управляется діаволомъ, основано на себялюбіи и ведетъ людей къ забвенію Бога, а другое, небесное, гдѣ царствуетъ Господь, основанное на любви къ Богу и ведущее насъ къ отреченію отъ нашей чувственной самости. Къ тому грѣховному, земному государству, которое въ день страшнаго суда погибнетъ во всепожирающемъ пламени, принадлежитъ, по мысли Августина, міръ явленій и особенно Римская держава минувшей и современной автору эпохи, —держава, въ которой, не смотря на ея философію и образованность, онъ видитъ только созданіе діавола, полное нечестія, лжи и неправоты; истина пребываетъ только въ небесномъ царствѣ святыхъ и

блаженныхъ, которое подъ водительствомъ Божіимъ управляется ангелами, святыми и духовными.—«Бесѣды съ самимъ собою» можно считать за продолженіе его «Исповѣдей»; здѣсь онъ старается доказать, что всякое благополучіе должно исходить отъ христіанскихъ добродѣтелей,—вѣры, любви и надежды. Въ сочиненіи «О истинной религіи», писанномъ для обращенія еретиковъ, Августинъ предлагаетъ риторски-изукрашенную философію религіи, гдѣ старается выразить сущность христіанскаго ученія, но находитъ ее не въ «нравственной цѣли христіанства», а только въ «исторіи Откровенія и сподобленія даровъ вышней благодати», также въ «преданіи и въ знаменіяхъ Господа, въ пророчествахъ и дарахъ чудотворенія», такъ что, по его мнѣнію, «внутреннія свидѣтельства божественной истины должны уступить первенство свидѣтельствамъ чисто-внѣшнимъ».

3 Юліанъ Отступникъ.

§ 236. Изъ трехъ порочныхъ сыновей Константина, которые по волѣ отца подѣлили между собой имперію, единодержавія надъ нею достигъ Констанцій (337 — 361), когда послѣ цѣлаго ряда злодѣйствъ и долгихъ кровопролитныхъ войнъ, какъ между братьями, такъ и противъ другихъ полководцевъ, которыхъ войска провозглашали императорами, онъ, побѣдою при Мурсѣ (въ травянистыхъ низинахъ Паннонія), освободился отъ послѣдняго своего противника, Магненція (351). Ревностный поборникъ аріанства, онъ снова принудилъ св. Аѳанасія къ бѣгству, отнялъ престолы у епископовъ, преданныхъ его ученію, и воздвигъ кровавое гоненіе противъ всѣхъ непоколебимыхъ исповѣдниковъ Аѳанасіева символа. Будучи занятъ на Востокѣ дѣйствіями противъ Персовъ, онъ послалъ двоюроднаго брата своего Юліана въ Галлію для обороны границъ имперіи отъ германскихъ народовъ. Юліанъ разбилъ аллеманскаго государя Кнодомара при Страсбургѣ, два раза переходилъ за Рейнъ (у Шпейера и Майнца), отразилъ въ Нидерландахъ Франковъ (357) и снова ввелъ въ войскѣ древнеримскую дисциплину и знаніе военнаго дѣла. Завидуя такимъ успѣхамъ, императоръ отозвалъ лучшую часть его войскъ, чтобы послать ихъ въ Азію противъ Персовъ. На-

прасно Юліанъ возражалъ противъ этого распоряженія, ничто не помогло. Тогда раздраженные отозваніемъ легіоны возмутились и провозгласили императоромъ своего полководца въ любимомъ его городѣ, Парижѣ (360). Юліанъ готовился уже къ междоусобной войнѣ съ выступившимъ противъ него Констанціемъ, какъ вдругъ смерть послѣдняго при Тарсѣ (3 ноября 361) остановила кровавое начинаніе и обезпечила Юліану спорный престолъ (Юліанъ 361 — 363). Немедленно по прибытіи своемъ въ императорскій чертогъ, онъ удалилъ всю излишнюю дворцовую челядь, сократилъ придворный штатъ и держался въ одеждѣ и образѣ жизни такой простоты, которая часто доходила чуть не до грязи и цинизма; онъ старался придать силу законамъ соблюденіемъ безпристрастнаго судопроизводства и возстановить въ войскѣ порядокъ и ратную доблесть. Все это должно было освѣжительно подѣйствовать на вялыхъ его современниковъ, но ревностныя усилія Юліана воскресить опять язычество помѣшали успѣху благихъ его стремленій. Гнетъ, испытанный имъ въ юности отъ христіанскихъ учителей, породилъ въ немъ расположеніе къ самому Евангелію, котораго высокаго содержанія онъ не постигъ, тогда какъ богатая фантазіей природа, любовь къ Платоновской философіи и страсть къ литературѣ и поэзіи древности сдѣлали его восторженнымъ почитателемъ языческаго міра. Однакожь онъ былъ на столько справедливъ и разсудителенъ, что не воздвигалъ на христіанъ кровавыхъ гоненій; но онъ удалилъ ихъ, какъ отъ себя, такъ отъ служебныхъ и учительскихъ обязанностей, опровергалъ ихъ воззрѣнія учеными трактатами (въ письмахъ, рѣчахъ и сатирическихъ статьяхъ), снова возвелъ языческое богослуженіе, особенно блистательный культъ Солнца (Миѳры), на степень народной и государственной религіи и старался возвеличить его множествомъ торжественныхъ жертвоприношеній (гекатомбъ). Однакожь стремленіе этого «романтика на кесарьскомъ престолѣ» оживить превратившуюся въ трупъ народную религію и воротить нравы и учрежденія отшедшей эпохи, было истинно безумною затѣей. Поэзія язычества давно уже исчезла, а языческое суевѣріе, облеченное въ мистицизмъ, риторство и софистику, не могло

дать человѣческому сердцу желаннаго покоя. Гораздо болѣе чести его любви къ справедливости и его политикѣ дѣлаетъ то, что онъ уравнялъ въ правахъ всѣ секты и возвратилъ городамъ общинныя имущества. Послѣ кратковременнаго мирнаго правленія, одушевясь древнеримскимъ геройствомъ, предпринялъ онъ смѣлый походъ противъ Новоперсидской державы и побѣдоносно проникъ за Тигръ и Евфратъ, но тутъ, завлеченный въ непроходимыя горныя дебри, былъ вынужденъ къ многотрудному отступленію, и пущенная въ него смертельная стрѣла разомъ уничтожила всѣ его созданія. «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» были, говорятъ, послѣднія его слова. — Преемникъ его, слабодушный Іовіанъ (363 — 364), заключилъ позорный миръ, уступивъ всѣ новыя завоеванія, и возратилъ христіанству прежнее его мѣсто, котораго оно уже и не теряло болѣе; только что слѣдующій обладатель Востока, Валенсъ (364 — 378), былъ восторженно преданъ аріанству, тогда какъ храбрый, воинственный, но часто до жестокости суровый, братъ его Валентиніанъ I (364 — 374) сколько можно ограждалъ свободу совѣсти на Западѣ. За то преемникъ Валенса, Θеодосій (378 — 395), не только объявилъ, согласно положенію константинопольскаго собора, единосущность Христа съ Богомъ православно-вселенскимъ ученіемъ (381) и преслѣдовалъ аріанство въ своей имперіи, но запретилъ также подъ страхомъ кары за государственную измѣну обычай жертвоприношеній и прорицаній (388), и отдалъ языческіе храмы на ограбленіе и отчасти не совершенное разореніе. Епископская церковь вступила теперь въ связь съ римскимъ кесарьствомъ, чтобы сдѣлаться господствующею вполнѣ. Она сообщала императору божественное освященіе, религіозный блескъ, а отъ него получала внѣшнее могущество и богатство, но вмѣстѣ съ этимъ нерѣдко и повелѣнія по дѣламъ религіи и церковнаго устройства. Такъ развилось мало по малу византійское сліяніе церкви съ государствомъ. Безнравственныя театральныя позорища были воспрещены или ограничены, жребій рабовъ и плѣнныхъ значительно смягченъ, такъ долго угнетенный женскій полъ пріобрѣлъ высшее значеніе, вдовы и сироты были приняты подъ защиту правительства,

церковь и государство господствовали вмѣстѣ и объ-руку надъ земною жизнію человѣка, и на ихъ взаимномъ соотношеніи утверждался теперь всякій важный шагъ въ развитіи государственнаго быта. — Угасъ священный огонь Весты, замолкли сивиллы и оракулы, и міръ языческихъ боговъ палъ ницъ передъ вѣрою въ распятаго Спасителя. Только у жителей отдаленныхъ захолустьевъ и горъ, да въ училищахъ нѣкоторыхъ философовъ держалась языческая вѣра (паганство, или «деревенщина», отъ pagus, деревня, волость) еще около столѣтія, пока Юстиніанъ (§ 249) не нанесъ послѣдняго удара ветхимъ ея останкамъ, стараясь силою меча обратить упорныхъ старовѣровъ на путь истины; тогда послѣдніе исповѣдники философіи Платона (въ томъ числѣ и Симплицій) переселились за границу, въ Персію. Напротивъ, въ выродившейся между тѣмъ Римской державѣ, пышность древняго богослуженія, блескъ языческихъ торжествъ, мечтательная (мистическая) философія, напыщенное риторство и софистика успѣли приняться и на новой почвѣ.

Юліанъ и Либаній были послѣдніе значительные писатели отходящаго язычества. Оба обладали большою начитанностью и большими свѣдѣніями въ классическихъ твореніяхъ древности; но философско-поэтическая фантасмагорія, которую Юліанъ вздумалъ противопоставить христіанству, принявшему въ себя самые свѣжіе и лучшіе соки древней религіи, и для которой онъ напрягалъ все свое прилежаніе, весь свой умъ и свое софистическое краснорѣчіе, была пустая и безполезная для жизни затѣя, которая не могла дѣйствовать на душу, была непонятна для простаго здраваго смысла и безплодна для дѣятельной любви. Либаній род. въ Антіохіи на Оронтѣ 314 г.; его литературная дѣятельность длилась со времени Констанція до Аркадія; это былъ извѣстный эллинистъ и знаменитый преподаватель риторики; онъ писалъ довольно правильнымъ греческимъ языкомъ риторическія упражненія для своихъ учениковъ, рѣчи и письма, которыя хотя и отличаются натянутостью и искусственностью изложенія, однакожь многое поясняютъ въ правахъ, образѣ мыслей и воззрѣніяхъ того времени,—времени замирающей культуры древняго міра, упадка въ государственномъ его быту и преобладанія христіанско-религіознаго созерцанія рядомъ съ суевѣріемъ мистициз-

ма. Второстепенное значеніе имѣютъ прочіе языческіе писатели, наприм. грамматикъ Макробій (ок. 400), упомянутый уже риторъ Симмахъ, идиллическій стихотворецъ и «живописецъ природы» Авзоній (309—392), воспѣвшій побережья Мозеля (онъ былъ учителемъ Граціана, и оттого многіе считали его христіаниномъ), сочинитель эпиграммъ и хвалебныхъ стихотвореній, идиллій и миѳическихъ разсказовъ, Клавдіанъ (ок. 395), и другіе. Риторскій характеръ римской литературы доводили они до крайности, все болѣе и болѣе удаляясь отъ естественности и простоты; цѣлію ихъ было вовсе не дальнѣйшая разработка знаній древности, а только усвоеніе себѣ наличнаго ихъ запаса, который удерживался въ памяти съ помощью сухихъ, безжизненныхъ формулъ, и вотъ первоначальный источникъ того школьно-богословскаго образованія, которое господствовало въ Средніе Вѣка. Рядомъ съ этимъ направленіемъ преобладала еще философско-поэтическая мечтательность, которой благопріятствовало новое религіозное воззрѣніе, и которая въ связи съ математикой, астрономіей и естествовѣдѣніемъ породила очень оригинальную систему касательно пространства и времени, или такъ-называемаго таинственнаго значенія числъ, составленную изъ положеній опыта, фантастическихъ вымысловъ и логическихъ умозаключеній; система эта была въ ходу въ теченіе всей средневѣковой эпохи и долго прилагалась ко всѣмъ наукамъ безъ изъятія.

Гибель язычества. Въ то самое время какъ Ѳеодосій на Востокѣ подавилъ язычество, сынъ и преемникъ Валентиніана I, Граціанъ, велѣлъ вывести изъ сенатской куріи въ Римѣ алтарь богини Викторіи (Побѣды). Напрасно благородный консулъ Симмахъ умолялъ именемъ сенаторовъ, чтобъ не лишать ихъ маститую старость этого добровѣщаго алтаря, который былъ такъ дорогъ имъ съ-издѣтства; напрасно взывалъ онъ именемъ вѣчнаго Рима, чтобы при шаткости религіозныхъ понятій сохранить уваженіе къ дѣдовской старинѣ и не истреблять той вѣры, при которой Римъ снискалъ себѣ всемірное владычество. Обыкновенно кроткій и снисходительный, императоръ отнюдь не хотѣлъ допустить, чтобы взоры вѣрныхъ оскорблялись долѣе памятниками язычества.—На Востокѣ нѣкоторые изъ болѣе суровыхъ монаховъ и епископовъ сами подстрекали народъ къ разоренію капищъ. Тщетно возсылалъ Либаній свои краснорѣчивыя мольбы за эти капища, которыя онъ такъ старался возвеличить заодно съ Юліаномъ Отступникомъ. Только

немногія изъ прекрасныхъ сооруженій древности были спасены отъ рукъ набожной толпы чрезъ освященіе ихъ въ христіанскія церкви. Когда разрушили таинственный Серапеіонъ въ Александріи и разбили въ куски статую божества, — Египтяне, по древнему предсказанію, ожидали съ часа на часъ, что земля повергнется снова въ хаосъ. Но небо съ прежней ласкою простиралось надъ землею, и Нилъ все такъ же щедро разливалъ свои дары.—У язычества мучениковъ было не много. Нѣкоторые философы пали жертвами своихъ убѣжденій, но не съ славою свободно принятаго мученичества, а растерзанные, противъ воли, руками разсвирѣпѣвшей толпы. Такою страшною смертью погибла въ одной церкви и очаровательная, ученая Ипатія, бывшая главою новоплатоновской школы въ Александріи (415).

II. ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ.

1. *Народные союзы Германцевъ* (ср. § 213).

§ 237. Въ теченіе третьяго вѣка прежняя разрозненность Германіи была устранена возникновеніемъ большихъ народныхъ союзовъ и тѣмъ самымъ положено начало предпріятіямъ болѣе важнымъ и совершаемымъ уже массами соединенныхъ племенъ. 1) На сѣверѣ (отъ нижняго Рейна до Эльбы и Эйдера) образовался союзъ Саксовъ, присоединеніемъ къ воинственнымъ Саксамъ Хауковъ, Англовъ (въ Шлезвигѣ) и разныхъ береговыхъ племенъ. Хищническими набѣгами на морѣ и на сушѣ этотъ союзъ крайне вредилъ Римлянамъ. На югъ отъ нихъ жили Тюринги (Гермундуры) на Заалѣ и Веррѣ вплоть до Гарца. 2) Ихъ западными сосѣдями на нижнемъ Рейнѣ были Франки (Саліи), которые вмѣстѣ съ Херусками (у Гарца), Узипетами, Каттами, Хамавами, Бруктерами, Сигамбрами (на Зигѣ и Рурѣ) и другими племенами сомкнулись въ союзъ Франковъ и, тѣснимые Саксами, напали на принадлежащую Римлянамъ бельгійскую Галлію и мало по малу овладѣли ею. Франки, вооруженные копьями и палицами, были боевой народъ, смѣлый и вмѣстѣ хитрый. Въ вольныхъ земскихъ общинахъ выбирали они своихъ королей изъ знатнѣйшихъ родовъ цѣлаго племени. 3) На югозападѣ (по верхнему Рейну до

Лана) сидѣли Аллеманны, состоявшіе изъ разныхъ германскихъ, особенно древне-свевскихъ племенъ (наприм. Ютунговъ): ихъ стремительная воинская отвага причиняла Римлянамъ много тревогъ. Обиталища свои по Некару, по обоимъ берегамъ Рейна и по верховью Дуная расширили они постепенно до римскаго пограничнаго вала и придвинулись наконецъ къ Боденскому озеру. Сосѣдомъ ихъ на востокъ было пришедшее съ сѣвера и впослѣдствіи соединившееся съ ними свевское племя Швабовъ, по сѣверному рубежу которыхъ въ при-Майнскихъ земляхъ простирались обиталища Бургундовъ. Въ первобытномъ своемъ отечествѣ, между Эльбою и Одеромъ, свевскія племена даже въ позднѣйшее время отправляли еще во мракѣ лѣсовъ общія религіозныя торжества, при которыхъ лилась кровь и человѣческихъ жертвоприношеній. 4) Къ востоку господствовали Готы, которые съ нижней Вислы и отъ Балтійскаго моря (съ «Янтарнаго берега») перешли въ прежнія обиталища скиѳскихъ кочевниковъ по прибрежьямъ Чернаго моря; къ ихъ союзу принадлежали Герулы, Ругіи, Вандалы, Гепиды и друг. Уже во второмъ вѣкѣ совершали они хищническіе походы моремъ и сухимъ путемъ на Римскую имперію, захватили и ограбили Византію, Халкедонъ, Трапезунтъ, Эфесъ (храмъ Діаны), острова Эгейскаго моря и нѣсколько разъ высаживались въ Греціи и Пелопоннесѣ. Многіе римскіе императоры откупались отъ ихъ набѣговъ данью; другіе, какъ наприм. Децій и Клавдій, вели съ ними кровопролитныя войны. Когда Авреліанъ (въ 274 г.) предоставилъ имъ Дакію, царство Готовъ простиралось отъ Тейса въ Венгріи до р. Дона и Чернаго моря, и отъ Карпатъ до Дуная. Въ четвертомъ столѣтіи Днѣпръ (Борисѳенъ) отдѣлялъ Вестготовъ (въ Молдавіи, Валахіи и друг. мѣст.), управляемыхъ царственнымъ родомъ Балдовъ (т. е. смѣлыхъ), отъ Остготовъ, подъ державою династіи Амаловъ (т. е. безпорочныхъ). Готы, отличаясь живостью характера, были особенно воспріимчивы къ умягченію нравовъ и успѣхамъ цивилизаціи. Рано принялось у нихъ христіанство, рано нашли себѣ у нихъ дѣятелей наука и законодательство. Уже въ половинѣ четвертаго вѣка (ок. 370) епископъ Улфила (Вулфила), потомокъ семьи военноплѣнныхъ, выведенной изъ Малой Азіи въ Дакію, перевелъ все Св. Писаніе (за исключеніемъ книгъ Царствъ) на готскій языкъ, придумавъ и выработавъ напередъ готскій алфавитъ, заимствованный изъ греческаго съ примѣсью древнихъ тузем-

пыхъ знаковъ, или рунъ. Евангеліе скоро пустило у нихъ глубокіе корни. Вѣрными слугами и бойцами послѣдовали они за Спасителемъ, какъ за верховнымъ вождемъ въ борьбѣ противъ міра и его грѣховности. Ученіе Арія полюбилось имъ особенно тѣмъ, что въ немъ личность Іисуса Христа представлялась имъ человѣчески ближе, была доступнѣе ихъ воображенію и легче имъ удерживалась. — На востокѣ, у Кавказа и вверхъ по Волгѣ кочевалъ красивый и воинственный пастушескій народъ Аланы, возя за собой женъ и дѣтей въ крытыхъ телѣгахъ (кибиткахъ), а среди безвѣстныхъ странъ внутри Россіи хозяйничали сарматскія (славянскія) племена.— Германія въ эпоху римскаго разврата и упадка была питомникомъ первобытной народной силы, юношеской вольности, жизни по душѣ и высокой чистоты нравовъ.

2. Ѳеодосій Великій. Переселеніе народовъ до раздѣла Римской имперіи (395).

§ 238. Въ царствованіе Валента на Востокѣ, изъ степей средней Азіи пришелъ въ Европу дикій, отвратительный собою, но доброконный кочевой народъ—Гунны (376). Покоривъ Аланъ, одолѣли они храбрыхъ Остготовъ, которыхъ престарѣлый король Германарихъ съ отчаянья самъ умертвилъ себя, и бросились потомъ на Вестготовъ; но эти, будучи передъ тѣмъ обращены епископомъ Улфилой къ аріанскому христіанству, получили отъ Валента дозволеніе перейдти съ женами и дѣтьми за Дунай и занять новыя жилища въ Мизіи (Moesia). Благодаря подкупности римскихъ начальствъ, Вестготы, противъ уговора, сохранили при себѣ оружіе, и какъ вскорѣ потомъ они были доведены до крайности корыстолюбіемъ и жестокостью намѣстниковъ, которые устроили даже искусственный голодъ, въ своихъ видахъ, то переселенцы схватились за привычный мечъ и, подъ начальствомъ своего воинственнаго герцога (воеводы) Фридигерна, взяли приступомъ городъ Маркіанополь, разбили римскіе легіоны и прошли, грабя и опустошая, всю Ѳракію. Тогда самъ Валентъ поспѣшилъ навстрѣчу врагамъ, но въ кровопролитной битвѣ при Адріанополѣ (378), не смотря на храбрость своей пѣхоты, былъ разбитъ и, спасаясь бѣгствомъ, лишился

жизни въ хижинѣ, подожженной преслѣдующими врагами. Съ необузданной яростью прошли теперь побѣдители по беззащитному краю до Юлійскихъ Альповъ и угрожали даже предѣламъ Италіи. Въ такой бѣдѣ, Граціанъ, старшій сынъ энергическаго, но жестокаго Валентиніана и, по смерти его (375), обладатель всего Запада, назначилъ опытнаго въ бояхъ Испанца Θеодосія августомъ Востока (379). Осторожностію военныхъ дѣйствій, задерживающими переговорами и наконецъ условіями, поселившими раздоръ между непріятелемъ, онъ кончилъ готскую войну тѣмъ, что часть враговъ поселилъ во Θракіи, Мизіи и Дакіи, съ освобожденіемъ ихъ отъ податей и признаніемъ за ними ихъ законовъ и національныхъ особенностей, а другую часть принялъ наемниками въ римскія войска.

Ослабленные Остготы держались на Дунаѣ, но подобно двинувшимся съ нижней Эльбы на юговостокъ Лангобардамъ, Гепидамъ и друг., стали большею частію подвластны Гуннамъ, основавшимъ въ сарматскихъ равнинахъ по Дунаю обширное царство; всѣ упомянутые народы несли Гуннамъ и военную повинность и дань.

Гунны. Историкъ Амміанъ Марцеллинъ (§ 224) такъ описываетъ Гунновъ: Они безбороды и противны лицомъ оттого, что мальчикамъ вскорѣ по рожденіи прорѣзываютъ щеки, предупреждая этимъ ростъ бороды; тѣломъ они неуклюжи и кривоноги, словно какія-нибудь животныя или грубо отесанные болваны. Гнусной наружности соотвѣтствуетъ у нихъ и дикій образъ жизни. Имъ не нужно ни огня, ни вкусныхъ яствъ; пища ихъ состоитъ изъ полевыхъ кореньевъ и изъ полусыраго мяса всякаго скота, которое они кладутъ подъ себя на лошадь и тѣмъ немного размягчаютъ. Домовъ у нихъ нѣтъ никакихъ, и они имъ такъ же нелюбы, какъ гробницы; не видно у нихъ даже и тростниковыхъ шалашей. Бродя по горамъ и лѣсамъ, они съ-издѣтства привыкаютъ переносить голодъ, жажду и ненастье. Одежда у нихъ льняная или сшитая изъ шкурокъ мелкихъ звѣрковъ, и всегда одна и та же, дома и для выхода; надѣвъ ее разъ, они носятъ ее до тѣхъ поръ, пока она распадается въ лохмотья. Головы накрываютъ шапками на перегибъ, а косматыя голени обертываютъ козлиною шкурой; неуклюжая обувь мѣшаетъ имъ свободно ступать. Поэтому они плохіе пѣшеходы, но какъ будто сро-

слись съ своими лошадьми, которыя хотя и не красивы, зато сносливы; всѣ обыкновенныя дѣла свои Гунны дѣлаютъ, не слѣзая съ коня. И день и ночь каждый изъ нихъ всегда верхомъ, и покупаетъ, и продаетъ, и ѣстъ, и пьетъ, и спитъ на хребтѣ своей скотины; верхомъ же собираются они на сходки и совѣщанія. Ихъ не связываетъ никакая строгая царская власть, они слѣдуютъ за своими князьями кому съ кѣмъ любо. На бой выходятъ въ клинообразномъ порядкѣ съ страшными оглушительными криками. Ловкіе и проворные, разсыпаются они вдругъ нарочно въ разныя стороны и начинаютъ страшную безпорядочную рѣзню. Имъ не приходится ни брать приступомъ окоповъ, ни грабить непріятельскаго лагеря, — такъ они быстро подвигаются впередъ. Изъ-дали сражаются они дротиками, которыхъ наконечники сдѣланы искусно изъ острыхъ костей, а вблизи сѣкутся мечами; но особенно страшны они тѣмъ, что въ то самое время какъ противникъ обращаетъ все вниманіе на взмахи ихъ меча, они накидываютъ на него арканъ и стягиваютъ его такъ крѣпко, что тутъ уже нѣтъ мѣста сопротивленію. Они не знаютъ ни плуга, ни сохи. Безъ всякой осѣдлости и безъ всякаго установленнаго порядка кочуютъ они, съ своими кибитками, съ мѣста на мѣсто, какъ бродяги; эти кибитки служатъ имъ жильемъ, гдѣ помѣщаются у нихъ и жены, и дѣти, пока выростутъ. Рожденный въ другомъ мѣстѣ, воспитанный гдѣ-нибудь въ дали, ни одинъ изъ нихъ не скажетъ, откуда онъ родомъ. Вѣроломные, непостоянные, легко отдаваясь всякой новой надеждѣ, они слѣдуютъ во всемъ побужденіямъ слѣпой страсти. Какъ неразумное животное не знаютъ они разницы между добродѣтелью и порокомъ; о религіи или суевѣріи не имѣютъ также никакого понятія. Они крайне падки на золото и дотого непостоянны и раздражительны, что по нѣскольку разъ въ день ссорятся и опять мирятся между собою.

§ 239. На Западѣ, императоръ Граціанъ (374—383), воспитанный стихотворцемъ Авзоніемъ (§ 236), одаренный тѣлесными и духовными преимуществами и страстно любившій охоту и оружіе, палъ отъ возстанія британскаго намѣстника Максима. Страшась Ѳеодосіевой энергіи, Максимъ сначала довольствовался однѣми заальпійскими областями, тогда какъ братъ Граціана, Валентиніанъ II (383—392) и его прекрасная собою мать, аріанка Юстина, управляли Италіей. Но когда, въ надеждѣ на религіозный раздоръ, Максимъ вздy—

малъ было овладѣть и Италіей, онъ, встрѣтясь съ Θеодосіемъ при Савѣ, потерялъ и сраженіе, и жизнь. Послѣ этого Θеодосій призналъ императоромъ Запада двадцати-лѣтняго Валентиніана, взявъ за себя его прекрасную сестру и придавъ ему въ правители храбраго Галла, Арбогаста (391). Властолюбіе и зависть вскорѣ породили раздоры между юнымъ государемъ и его опекуномъ. Валентиніанъ былъ убитъ въ своемъ ложѣ (392), и Арбогастъ надѣялся удержать за собою власть надъ Западомъ, поставивъ тамъ слабаго, зависимаго отъ его воли императора (ритора Евгенія) и поблажая древней народной вѣрѣ; однакожь Θеодосій, съ наемнымъ готскимъ войскомъ, разбилъ его въ жаркомъ сраженіи при Аквилеѣ и тѣмъ привелъ къ самоубійству. Евгеній также кончилъ насильственною смертію (394). И вотъ какъ Θеодосій, прозванный теперь Великимъ, достигъ наконецъ, послѣ многихъ кровавыхъ битвъ, господства не только на Востокѣ, но и на Западѣ, и въ послѣдній разъ соединилъ всю Римскую имперію подъ своей державой. Но какъ ни старался онъ поднять упавшее государство хорошими законодательными мѣрами, тяжесть налоговъ, корыстолюбіе чиновниковъ и большіе расходы на содержаніе двора успѣли уже породить въ немъ гнетущую бѣдность, которая въ связи съ жестокими войнами до того уменьшила народонаселеніе въ Италіи и въ провинціяхъ, что цѣлыя мѣстности лежали впустѣ и полямъ недоставало рабочихъ рукъ.

Епитимія, которую неустрашимый Амвросій медіоланскій наложилъ на высокаго властителя, когда тотъ въ припадкѣ гнѣва велѣлъ умертвить семь тысячъ гражданъ въ циркѣ города Θессалоники за то, что они убили одного намѣстника, — эта епитимія свидѣтельствуетъ, какой высоты достигла уже въ то время власть епископовъ, а въ благородномъ смиреніи, съ какимъ императоръ принялъ наложенное на него покаяніе, видно глубокое признаніе духовной и нравственной мощи христіанства, властнаго обуздывать и карать злоупотребленіе силы даже со стороны верховныхъ правителей. Такимъ образомъ Церковь становилась щитомъ свободы и святые являлись заступниками народа передъ свѣтской властью, и если своимъ ученіемъ «каждый да повинуется власти предержащей» и заповѣдью «воздавать кесарево кесарю» христіанство даровало

монархическому порядку такое прочное основаніе, какого не создать бы и тончайшей политикѣ, то, съ другой стороны, оно поставило властителямъ непереходимый предѣлъ другимъ своимъ ученіемъ, что Богу должно повиноваться паче всѣхъ людей, и еще тѣмъ, что предоставило христіанскимъ общинамъ свободу духа, воли и совѣсти.

Передъ кончиной (395) Θеодосій вручилъ управленіе Востокомъ и Иллиріей осьмнадцатилѣтнему сыну своему Аркадію (395—408), руководимому коварнымъ и корыстолюбивымъ Галломъ Руфиномъ, а власть надъ Западомъ передалъ одиннадцатилѣтнему Гонорію (395—423) подъ вѣдѣніемъ умнаго политика и отличнаго воина, Вандала Стилихона.

Между преемниками безхарактернаго и бездѣятельнаго Аркадія заслуживаютъ упоминанія только слабый, руководимый женщинами, духовенствомъ и придворными Θеодосій II (408—450), при которомъ составлено было уложеніе, носящее его имя (Codex Theodosianus), да мужъ жившей въ монастырской воздержности сестры его Пульхеріи, энергическій и храбрый Маркіанъ (450—457, см. далѣе § 250). Восточно-византійская имперія принимала болѣе и болѣе формы и характеръ (азіятскаго) Востока и введеніемъ въ офиціальной сферѣ греческаго языка мало по малу совершенно отдалилась отъ Запада. Какъ нѣкогда при персидскомъ дворѣ, такъ теперь здѣсь льстецы-фавориты, хитрые интриганты и самовольные военачальники захватывали въ свои руки все вліяніе и дѣлали имперію и столицу позорищемъ своихъ козней, происковъ и страстей. Руфинъ былъ свергнутъ и убитъ евнухомъ Эвтропіемъ, а этого столкнулъ опять Готъ Гайна, добившись его изгнанія и потомъ казни (въ 399).

3. Вестготы. Бургунды. Вандалы.

§ 240. Раздѣленіе окончательно ослабило имперію, которая по большей части управлялась уже иноплеменными сановниками и защищалась иноплеменнымъ войскомъ. Духъ древности исчезъ безъ слѣда. Зависть и ревность къ Стилихону побудили лукаваго Руфина подбить смѣлаго вестготскаго короля Аллариха къ вторженію въ провинціи Западной имперіи (396). Съ убійствомъ, грабежемъ и опустошеніемъ прошли Готы Θессалію, Беотію, Аттику и Пелопоннесскія земли,

попирая ногами остатки эллинской образованности и искусства, пока, окруженные войсками Стилихона, они вынуждены были отступить. Пылая местью, ринулся потомъ на верхнюю Италію Аларихъ, назначенный отъ византійскаго двора намѣстникомъ и главнымъ воеводой въ Иллиріи; опустошая шелъ онъ вверхъ по берегамъ, но потерпѣлъ въ двухъ кровавыхъ, хотя и нерѣшительныхъ битвахъ противъ Стилихона (при Полленціи и Веронѣ, 403) такія потери, что удалился въ Иллирію съ тѣмъ чтобы выждать болѣе благопріятной поры. Вскорѣ обѣ имперіи стали заискивать его услугъ, и судьба ихъ была совершенно въ рукахъ молодаго германскаго витязя, котораго Готы подняли на королевскій щитъ [1]. Едва этотъ готскій король былъ оттѣсненъ за предѣлы имперіи, какъ въ Италію вторглись, подъ начальствомъ герцога Радагайса, сильныя дружины языческихъ Германцевъ, Вандаловъ, Бургундовъ, Свевовъ, Аланъ и друг., которыя безпощадно разоряли города и села, церкви и храмы, вездѣ оставляя за собой слѣды страшнаго опустошенія. Но и эти были побѣждены при Фезулахъ (Фіезоле, недалеко отъ Флоренціи) тактикой Стилихона и храбростью его германскихъ войскъ (406). Радагайсъ умеръ плѣнникомъ; тысячи его воиновъ пали подъ мечемъ побѣдителей или погибли отъ голода и болѣзней; другіе поступили на жалованье къ Римлянамъ. Остатки этихъ полчищъ, вмѣстѣ съ ватагами другихъ германскихъ народовъ [2] (Аллеманновъ, Геруловъ и проч.), ринулись на Галлію и наполнили ее убійствомъ и разореніемъ отъ Альповъ до Пиренеи и Арденнъ. Римскія укрѣпленія по Рейну и внутри края были разрушены, древній городъ Аргенторатъ (Страсбургъ) разоренъ въ конецъ, и совершенно уничтожено въ тѣхъ странахъ господство труса Гонорія, который прятался между тѣмъ за болотами и стѣнами Равенны. — Послѣ долгихъ переходовъ изъ края въ край, Бургунды отвоевали себѣ наконецъ прекрасныя, плодоносныя поля по берегу Роны, у Юры и вдоль верхняго и средняго Рейна;

[1] То-есть торжественно признали королемъ.

[2] Вообще, въ эпоху великаго переселенія, различныя племена смѣшивались между собою чрезвычайно; преобладающее племя давало обыкновенно свое названіе цѣлой разнокалиберной ордѣ.

здѣсь основали они Бургундское королевство, обнимавшее собою западную (галльскую) Швейцарію и восточную Галлію и простиравшееся отъ Средиземнаго моря до Вогезовъ (Васгау). Во время гуннскаго нашествія столицею ихъ былъ Вормсъ на Рейнѣ. Преданные войнѣ и охотѣ, германскіе Бургунды поселились преимущественно въ горахъ, оставивъ равнины и города за прежними владѣльцами. — Вандалы, Свевы, Аланы и друг. овладѣли послѣ кровавыхъ битвъ западною частью Пиренейскаго полуострова, гдѣ Свевы водворились на сѣверозападѣ (въ Галлиціи), Аланы въ Лузитаніи (Португаліи), Вандалы на югѣ (Вандалузія, Андалузія). Спустя двадцать лѣтъ (430) оба послѣдніе народа, подъ предводительствомъ хитраго и храбраго вандальскаго короля Гейзериха, перешли на житье въ сѣверную Африку, тогда какъ Свевы были впослѣдствіи присоединены къ Вестготскому королевству въ Испаніи.

Избалованная долгимъ миромъ подъ римскимъ владычествомъ и погрязшая въ изнѣженность и пороки, Испанія подпала такимъ образомъ господству варварскихъ племенъ, которымъ пощада была неизвѣстна и которые въ своихъ неудержимыхъ хищническихъ походахъ останавливались только передъ волнами Атлантики. Страшно звучатъ извѣстія о злополучномъ жребіи этой страны. «И Римляне, и Испанцы равно лишались своей собственности, и города и села подвергались одинаково опустошенію. Такъ какъ новыхъ посѣвовъ сдѣлано не было, а изъ того, что стояло на корню, не столько пошло въ прокъ, сколько было попорчено и пропало, то распространился такой голодъ, что жители вынуждены были поддерживать свое жалкое существованіе даже мясомъ человѣческихъ труповъ. Дикіе звѣри, привыкшіе къ человѣчинѣ среди множества непогребенныхъ тѣлъ, смѣлѣе нападали на живыхъ людей, терзая ихъ безъ пощады, а къ довершенію всѣхъ бѣдъ открылась обыкновенная спутница голода, моровая язва, и похищала въ огромномъ числѣ и притѣсненныхъ и притѣснителей.»

§ 241. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, доблестный Стилихонъ заключилъ съ Аларихомъ дружественный союзъ, обязавшись ему ежегодною данью. Враги Стилихона воспользовались этимъ для обвиненія его въ государственной измѣнѣ и повели дѣло такъ, что онъ былъ казненъ (408). Муже-

ственно перенесъ онъ смерть, въ Равеннѣ; германскіе его наемники были частію перебиты, частію принуждены бѣжать. Тогда-то двинулся въ Италію Аларихъ, раздраженный задержкою обѣщанной дани и призванный на помощь съ одной стороны—гонимыми приверженцами Стилихона, съ другой—тяжко-угнетаемыми аріанами; онъ осадилъ Римъ и принудилъ устрашенныхъ жителей, которыхъ одолѣвалъ притомъ ужаснѣйшій голодъ, купить милосердіе побѣдителя цѣною золота, серебра и драгоцѣнныхъ тканей. Когда же равеннскій дворъ горделиво отвергъ Алариховы мирныя предложенія, король Готовъ еще дважды являлся подъ стѣнами міродержавнаго прежде города, взялъ его наконецъ приступомъ въ ночную пору и отдалъ на трехдневное разграбленіе своему войску и и передавшимся ему толпамъ рабовъ. Богатыя украшенія и золотые сосуды христіанскихъ церквей остались однакожь неприкосновенны. Вскорѣ потомъ этотъ герой умеръ во цвѣтѣ лѣтъ въ нижней Италіи. Преданіе говоритъ, что его гробъ и сокровища были преданы землѣ въ руслѣ отведенной рѣчки Бузенто и за тѣмъ всѣ работавшіе при этомъ военноплѣнные умерщвлены, чтобы никто не могъ узнать, гдѣ погребенъ великій король, и чтобы римская корысть не потревожила его праха. Шуринъ ето Атаульфъ (Адольфъ), столько же прекрасный, какъ и мужественный, женясь на благородной и очаровательной сестрѣ Гонорія, Плацидіи, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Готы должны были удалиться въ Галлію, опустошаемую ратными дружинами иноплеменниковъ и волнуемую страшными мятежами, по милости безсовѣстныхъ правителей и полководцевъ. Атаульфъ (412), а по убіеніи его въ одномъ походѣ на Барцелону, преемникъ его Валлія (415), основали здѣсь Вестготское царство, которое сначала простиралось отъ Гаронны до Эбро и имѣло столицею Толозу (Тулузу), но вскорѣ, по удаленіи Вандаловъ и Аланъ въ сѣверную Африку, охватило мало по малу и остальныя области Испаніи, тогда какъ напротивъ южногалльская полоса отошла впослѣдствіи къ Франкамъ.—Плацидія воротилась къ равеннскому двору и, по смерти Гонорія, успѣла, при помощи Византійцевъ, возвести на западный престолъ своего малодушнаго и изнѣженнаго сына отъ втораго брака,

Валентиніана III, которымъ она и управляла потомъ вполнѣ до самой своей кончины.

Этимъ кончились переселенія Вестготовъ. Бывъ почти въ теченіе пяти вѣковъ ужасомъ Восточной и Западной Римской имперіи, приведя и ту и другую на край гибели, и обошедши въ своихъ ратныхъ странствованіяхъ всю Грецію, Италію, Галлію и Испанію, успокоились они на берегахъ Гаронны и зажили въ мирѣ съ римскими гражданами, у которыхъ переняли образованіе и искусства такъ же скоро, какъ прежде совершали свои переходы. Они теперь узнали и оцѣнили благоустроенный гражданскій бытъ, охраняющій отъ грубаго произвола, познакомились съ привязывающимъ къ родной почвѣ и обезпечивающимъ отъ голода земледѣліемъ, сблизились съ ремеслами и искусствами, которыя доставляютъ столько удобствъ и наслажденій въ жизни; мало того, они сами сдѣлали во всемъ этомъ такіе успѣхи, что вскорѣ стали первенствовать надъ Римлянами не одной только храбростью, но и образованіемъ.— При безсиліи римскаго управленія и невозможности пособить горю, вторженія вражескихъ полчищъ породили въ аквитанской Галліи такой страшный безпорядокъ, что даже мѣры Вестготовъ при насильственномъ занятіи ими края были для туземцевъ все-таки пріятнѣе тѣхъ тяжкихъ поборовъ, какіе несли они до этой поры.

§ 242. Переходъ Вандаловъ въ Африку подъ начальствомъ Гейзериха (430) совершился по условію съ римскимъ намѣстникомъ того края, Бонифаціемъ. По вознесеніи на престолъ Валентиніана III (425 — 455) заклятой врагъ Бонифація Аэцій, главный полководецъ и самый вліятельный министръ новаго государя, изъ ненависти и злоумышленія вызвалъ правителя Африки на открытый мятежъ, вслѣдствіе чего Бонифацій нашелъ нужнымъ для подкрѣпленія себя прибѣгнуть къ помощи Вандаловъ, обѣщая имъ третью часть земель ему подвластныхъ. При появленіи Вандаловъ онъ хотя и раскаялся въ этой слишкомъ поспѣшной мѣрѣ и противусталъ имъ даже съ оружіемъ въ рукахъ; однако опытные въ бояхъ Германцы, опираясь на помощь притѣсненныхъ старожиловъ и на приверженцевъ донатистской ереси (§ 232), преодолѣли это сопротивленіе и, оттягавъ у равеннскаго двора сѣверную Африку, основали тамъ Вандальское царство съ главнымъ городомъ Карѳагеномъ, захватили Си-

цилію, Сардинію, Балеары и навели ужасъ на всѣ острова и побережья морскими набѣгами. Въ лицѣ Вандаловъ явился страшный бичъ на разслабленную римскую державу и немилосердно вымещалъ на ней старые грѣхи противъ Карѳагена. Наконецъ, когда Римляне и Вестготы стали грозить Гейзериху войною съ обѣихъ сторонъ, онъ навелъ на Западную имперію нашествіе Гунновъ.

Провинція Африка, цвѣтущая торговлей, промышленностью, благосостояніемъ и отличавшаяся своимъ образованіемъ и своею собственною литературой, пришла въ совершенную безрядицу и одичалость, благодаря вопервыхъ религіознымъ гоненіямъ, поднятымъ при римскомъ владычествѣ на изувѣрную секту донатистовъ, которой пламеннѣйшіе ревнители прозваны циркумцелліонами [1], а вовторыхъ — благодаря тѣмъ неслыханнымъ ужасамъ, которыми наполнили этотъ несчастный край дикіе, буйные и хищные Вандалы. Цвѣтущіе города превратились въ груды развалинъ, дворцы и богатые, изящные дома были ограблены и потомъ сожжены, церкви также всѣ обобраны, священнослужители перебиты, жители подверглись всѣмъ возможнымъ обидамъ и притѣсненіямъ. Всякій слѣдъ римской гражданственности въ Африкѣ исчезъ въ короткое время подъ владычествомъ Гейзериха, соединявшаго дикость и хищничество варвара съ лукавствомъ и мстительностью природнаго Испанца и со всею безпощадностью чисто-африканскаго тирана. При осадѣ Гиппоны (теперь Боны) скончался въ 430 епископъ этого города, геніальный Августинъ (§ 235). Незадолго до своей кончины уладилъ онъ примиреніе между императрицею Плацидіей и Бонифаціемъ, не успѣвъ однакоже смягчить жестокую участь африканской провинціи. Побѣжденный Бонифацій ушелъ въ Равенну (432), гдѣ встрѣтилъ его милостивый пріемъ. Но вскорѣ потомъ онъ былъ убитъ въ войнѣ, поднятой противъ него Аэціемъ съ помощію Гунновъ.

4. Аттила, царь Гунновъ (450)

§ 243. Около половины 5 столѣтія, Аттила, по прозванію Бичъ Божій, человѣкъ необычайной энергіи и прозорливости, твердой воли и смѣлой отваги, покинулъ свою

[1] Т. е. колобродами, потому что они шайками бродили и шныряли около домовъ.

деревянную столицу на Тейсѣ, гдѣ онъ былъ ужасомъ данниковъ своихъ, восточныхъ Римлянъ, съ тѣмъ, чтобы мечемъ пріобрѣсти себѣ Западную имперію, половину которой требовалъ онъ въ видѣ приданаго за обрученной ему сестрою императора Валентиніана, Гоноріей. Болѣе пяти-сотъ тысячъ суровыхъ воиновъ, частію покоренныхъ, частію союзныхъ и обязанныхъ воинскою службою Германцевъ, двинулись опустошительно чрезъ Норикъ (Австрію), Виндилицію (Баварію) и Аллеманію къ Рейну, и уничтожили тамъ Бургундское королевство и королевскій домъ въ Вормсѣ (Пѣснь Нибелунговъ). Гдѣ разъ ступилъ конь Аттилы, гласитъ старинная народная поговорка, тамъ уже переставала расти трава. Гунны разрушили римскіе города на Рейнѣ и въ Галліи (Мецъ, Триръ и др.) и пронесли смерть, грабежъ и опустошеніе до самой Лоары, гдѣ уже осадили Орлеанъ (Генабумъ [1]). Тутъ удалось храброму и дѣятельному Аэцію, въ крайности заключившему союзъ съ германскими народами въ Галліи и Испаніи, положить предѣлъ побѣдоносному завоевательному движенію Аттилы: во главѣ сильнаго войска, состоявшаго изъ Римлянъ, Бургундовъ, Вестготовъ, Франковъ и пр., онъ остановилъ Аттилу страшнымъ народнымъ побоищемъ (451) въ широкой Каталаунской равнинѣ (Шалонъ-на-Марнѣ). 162,000 труповъ (въ томъ числѣ былъ трупъ геройскаго короля Вестготовъ, Θеодориха) покрыли поле битвы, и долго сохранявшееся народное повѣрье, будто души убитыхъ, не примиренныя смертію, еще три дня сражались въ воздухѣ, показываетъ, какъ сильны были ожесточеніе и ярость дикихъ воинскихъ полчищъ. Гуннъ еще боролся съ наступавшихъ врагомъ, огородившись своими телѣгами, и потомъ, освобожденный отъ своего сильнѣйшаго противника по удаленіи Вестготовъ съ гордымъ королевичемъ Торисмундомъ, возвратился (452) въ Венгрію (Паннонію), чтобы въ слѣдующемъ году ворваться въ верхнюю Италію чрезъ незащищенные проходы Юлійскихъ Альповъ. За разрушеніемъ Аквилеи (которое послужило поводомъ къ основанію Венеціи на ска-

[1] Впослѣдствіи Аурелианумъ.

листыхъ и песчаныхъ островахъ лагунъ) послѣдовалъ штурмъ Милана, Павіи, Вероны, Падуи и другихъ городовъ и опустошеніе полей верхней Италіи; Аттила уже двинулся къ Риму, но римскому епископу Льву удалось просьбами склонить его къ заключенію міра съ Валентиніаномъ и къ отступленію. Внезапная смерть Аттилы (причиною которой было сильное изверженіе крови или мщеніе его бургундской невѣсты) остановила развитіе Гуннскаго царства (453). Послѣ трудной борьбы, въ которой палъ старшій сынъ Аттилы Эллакъ (454), Остготы, Лангобарды, Гепиды и др. возвратили себѣ свою независимость и прежнія свои земли по Дунаю и Тейсѣ, между тѣмъ какъ остатки кочевыхъ Гунновъ потерялись въ богатыхъ пастбищами степяхъ южной Россіи. Подобно огненному шару, падающему иногда съ ночнаго неба, который помрачаетъ звѣзды своимъ сіяніемъ и далеко разсѣваетъ мракъ ночи, но вдругъ гаснетъ безъ всякаго другаго слѣда, кромѣ изумленія людей, долго разсуждающихъ о немъ,—подобно этому огненному шару мгновенно уничтожилось могущество Аттилы, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ на землѣ; но въ пѣснѣ и преданіи имя его звучало еще долгое время, и слава его сохранилась до нашихъ дней въ римскихъ лѣтописяхъ и въ нѣмецкихъ героическихъ пѣсняхъ.

Аттила и братъ его Бледа достигли власти надъ всѣми ордами своего дикаго разбойническаго народа порабощеніемъ и избіеніемъ многочисленныхъ гуннскихъ племеначальниковъ. Вскорѣ и Бледа погибъ отъ своего властолюбиваго брата, послѣ чего Аттила принудилъ многія германскія племена къ покорности и военной службѣ и наложилъ тяжкую дань на Остготовъ. Онъ поощрялъ также поселеніе образованныхъ Римлянъ и Грековъ въ его царствѣ. Отъ нихъ заимствовали Гунны всякаго рода роскошь и удобства образованныхъ народовъ, и потому жизнь этихъ варваровъ представляетъ странное смѣшеніе азіятскихъ нравовъ и дикости съ греко-римскими удовольствіями и заведеніями. Резиденція Аттилы была устроена со всею роскошью дворовъ константинопольскаго и равеннскаго. Его генералы, придворные чиновники и многочисленныя жены имѣли у себя ковры, бани и великолѣпныя палаты; на торжественныхъ пирахъ они ѣли съ серебряныхъ блюдъ, имѣли греческую ку-

хню и украшали и себя и коней своихъ разнообразнѣйшими драгоцѣнностями. Одинъ король оставался вѣренъ обычаю: онъ ѣлъ и пилъ изъ деревянной посуды, употреблялъ пищу и одежду монгольскаго пастуха. Вообще Аттила, рядомъ съ дикостію и грубостію гуннскаго завоевателя, выказалъ большія правительственныя способности, и такую твердость, прозорливость и превосходство силъ, которыя внушали чувство страха и зависимости каждому, кто только приходилъ въ личныя столкновенія съ нимъ, и даже цѣлымъ народамъ. Онъ выступалъ гордо, маленькіе глаза его блистали во всѣ стороны, на лицѣ всегда серьёзномъ, почти мрачномъ, выражалось сознаніе собственнаго превосходства и властолюбіе. Какъ Алариха, воины почтили своего царя великолѣпною тризной, на которой пѣли пѣсни во славу героя, и убили рабовъ, приготовлявшихъ могилу, чтобы никто не нарушилъ его покоя, чтобы драгоцѣнные гробы и богатыя сокровища остались неприкосновенны. — По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, Болгары — потомки Гунновъ, отброшенныхъ тогда къ Черному и Азовскому морямъ.

5. Паденіе Западной Римской имперіи.

§ 244. Въ это время римское владычество быстро приближалось къ упадку. Валентиніанъ собственноручно убилъ храбраго Аэція (454), послѣднюю опору имперіи, опасаясь его возвышенія и досадуя на его прямодушіе. Но этотъ трусливый развратникъ вскорѣ самъ былъ убитъ (455) Петроніемъ Максимомъ, котораго семейную честь онъ оскорбилъ. Петроній, провозглашенный преемникомъ Валентиніана, искалъ руки императорской вдовы, что побудило ее употребить Вандаловъ орудіемъ своего мщенія убійцѣ мужа. Гейзерихъ высадился въ Остіи, овладѣлъ Римомъ (при чемъ въ смятеніи убитъ Петроній) и двѣ недѣли грабилъ городъ, художественныя сокровища котораго были частію расхищены, частію безпощадно изуродованы (вандализмъ). Капуа, Нола и другіе города почувствовали «Немезиду Карѳагена». Награбивъ и обогатившись добычею, взявъ съ собою плѣнныхъ (въ томъ числѣ императрицу и обѣихъ дочерей ея), Вандалы возвратились на берега Африки, въ свою

блестящую столицу, и предоставили волѣ случая безсильный римскій престолъ. Въ то время Свевъ Рицимеръ, человѣкъ храбрый, искусный, но запятнанный кровью, пріобрѣлъ такое вліяніе, что до самой смерти своей (472) произвольно располагалъ престоломъ и имперіей, не облекаясь самъ въ императорскую порфиру. Твердые и самостоятельные государи, какъ Авитъ (456) и Майоріанъ (457—461), должны были уступать мѣсто безхарактернымъ и слабодушнымъ (Либій Северъ, 461—465), чтобы Рицимеръ могъ хозяйничать по своему, между тѣмъ какъ морскіе разбойники—Вандалы—нагло грабили острова и берега отъ Испаніи до Малой Азіи. Наконецъ, въ правленіе Анѳимія (467—472), родственника византійскому императорскому дому, имперіи Восточная и Западная соединились, чтобы общими силами отомстить варварамъ. Но флотъ ихъ, снаряженный на огромныя суммы, погибъ неподалеку отъ Карѳагена, отчасти вслѣдствіе измѣны и ошибокъ предводителей, отчасти благодаря искуснымъ распоряженіямъ Гейзериха. Анѳимій былъ убитъ (472), а 40 дней спустя опустошительный моръ свелъ въ могилу самого Рицимера и любимца его Олибрія, возведеннаго имъ на императорскій престолъ. Черезъ три года по смерти Рицимера (въ теченіе этого времени титуломъ императора пользовались Гликерій и Юлій Непотъ), честолюбивый полководецъ Орестъ украсилъ голову своего сына Ромула Августула (475 — 476) безславною и немощною короной. Въ это время воинскія полчища Германцевъ потребовали, чтобы имъ была уступлена треть италійской земли, — и получили отказъ: отважный Геруль Одоакръ, нѣкогда ходившій въ Италію простымъ солдатомъ и потомъ за свою храбрость возведенный въ военачальники тѣми Германцами, которые состояли въ римской службѣ, — Одоакръ велѣлъ убить плѣннаго Ореста, назначилъ безвредному императору мѣсто жительства въ Кампаніи съ пенсіей и, провозгласивъ себя италійскимъ королемъ (476) по желанію германскихъ войскъ, положилъ конецъ существованію Западной Римской имперіи. Десять лѣтъ спустя, послѣдній римскій намѣстникъ въ Галліи (Сіагрій въ Суассонѣ) низложенъ мечемъ предводителя Франковъ

Кловиса (Хлодвига), и за тѣмъ въ Европѣ водворился новый порядокъ, основанный на христіанствѣ и германствѣ. Такъ пала всемірная римская держава подъ ударами германскихъ ратниковъ. Всѣ племена участвовали въ этомъ великомъ событіи, хотя безъ общаго плана и предварительнаго соглашенія, какъ слѣпыя орудія судьбы. Но воспоминаніе объ общей великой борьбѣ облеклось въ богатые циклы сказаній, изъ которыхъ германскіе пѣвцы всѣхъ временъ почерпали свои сюжеты, какъ нѣкогда греческіе изъ Троянской войны. Германская героическая сага, разраставшаяся съ переходомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, постоянно раждая новыя пѣсни, коренится въ великой народной борьбѣ противъ Рима.

6. Ѳеодорихъ остготскій (ок. 500).

§ 245. Двѣнадцать лѣтъ со славою властвовалъ Одоакръ въ качествѣ римскаго патриція и нѣмецкаго военнаго короля, когда Ѳеодорихъ, король Остготовъ, съ согласія византійскаго императора, выступилъ изъ Паннонiи и Мизіи противъ Италіи. За нимъ послѣдовали 200,000 ратниковъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Такой силѣ не могъ противустоять Одоакръ. Побѣжденный Ѳеодорихомъ при Веронѣ (489, отсюда «Дитрихъ Бернскій» [1]), онъ укрылся за стѣнами Равенны, которую сдалъ лишь послѣ трехлѣтней обороны, и притомъ на почетныхъ условіяхъ. Но Готы вскорѣ убили его на шумномъ пиру (492). Избравъ столицею Равенну, Ѳеодорихъ (492 — 525) мудро и правдиво управлялъ остготскимъ царствомъ подъ именемъ италійскаго короля. Это царство простиралось отъ южной оконечности Сицилiи до нынѣшняго австрійскаго Дуная, и заключало въ себѣ на востокѣ Иллирію, на западѣ Провансъ. Ему покорились Аллеманны, занявшіе опустошенную Рецію, Маркоманны и Лангобарды, поселившіеся въ опустѣлыхъ областяхъ Норикѣ и Винделиціи, и впослѣдствіи получившіе общее названіе «Баварцевъ».

[1] Такъ называетъ Ѳеодориха нѣмецкая героическая сага, разумѣя подъ *Бернемъ* (итальянскимъ) *Верону*.

Благоговѣя передъ древнеримскимъ государственнымъ устройствомъ и передъ величествомъ императора, къ которымъ германскіе военные короли всегда питали нѣкоторое чувство зависимости, Ѳеодорихъ уважалъ древніе законы и учрежденія, но ограничивалъ дѣятельность римскаго населенія ремеслами, торговлею и земледѣліемъ, которымъ возвратилъ прежнее процвѣтаніе, а военную службу предоставилъ исключительно Готамъ, назначивъ имъ за это обложенную податью, третью часть всей земли. Даже образованіе и ученость пользовались его покровительствомъ, хотя онъ и удерживалъ отъ нихъ своихъ Готовъ; ученые Римляне, какъ напр. историкъ Кассіодоръ, черезъ него достигали высшихъ государственныхъ должностей. Онъ познакомился съ образованностью и стройнымъ государственнымъ бытомъ и полюбилъ ихъ въ Константинополѣ, гдѣ еще въ юности прожилъ нѣсколько лѣтъ заложникомъ. Изъ римскаго права велѣлъ онъ составить одно общее уложеніе для Готовъ и для прежнихъ жителей Италіи и весьма заботился о водвореніи правосудія. Въ религіозныхъ дѣлахъ руководствовался онъ терпимостью. Замѣчательныя слова Ѳеодориха, приводимыя Кассіодоромъ, лучше всего показываютъ его политическое направленіе: «пусть ищутъ другіе короли сраженіями пріобрѣтать добычу или губить завоеванные города: мы же желаемъ съ Божіею помощью побѣждать такъ, чтобы подданные сожалѣли о томъ, зачѣмъ не раньше подпали нашему владычеству». Внѣ своего царства Ѳеодорихъ пользовался такимъ высокимъ уваженіемъ, что враждовавшіе между собою короли повергали свои споры на его рѣшеніе, и всѣ народы Запада заявляли ему свое уваженіе. Главное стремленіе этого великаго и мудраго короля состояло въ томъ, чтобы мирно соединить всѣхъ нѣмецкихъ державцевъ подъ своимъ вліяніемъ и образовать изъ всѣхъ германскихъ племенъ большой международный и мирный союзъ,—стремленіе, которое не могло имѣть большаго успѣха. Лишь подъ конецъ его жизни недовѣрчивость, возбужденная предательскими связями нѣкоторыхъ знатныхъ Римлянъ съ византійскимъ дворомъ противъ аріанскихъ Готовъ, вовлекла его въ излишнюю строгость: разгнѣванный римскою неблагодарностью и итальянскимъ лукав-

ствомъ, онъ приговорилъ къ смерти знаменитаго своими философскими сочиненіями Боэтія и тестя его Симмаха (525). Написанное Боэтіемъ въ темницѣ сочиненіе: Утѣшеніе въ философіи, сообщало многимъ впечатлительнымъ натурамъ высокіе помысли и успокоеніе, и производило тѣмъ болѣе сильное дѣйствіе, что зависть царедворцевъ и гнѣвъ Ѳеодориха внезапно низвели его съ высоты человѣческаго и земнаго счастія. Эта жестокость навлекла великому готскому королю непримиримую ненависть здравомыслящихъ Римлянъ. Вскорѣ послѣ его смерти, пепелъ «обреченнаго проклятію еретика» былъ выброшенъ изъ колоссальнаго надгробнаго памятника и развѣянъ по вѣтру (августъ 526); но и пустой мавзолей—красноречивый памятникъ, и въ мудромъ «Дитрихѣ Бернскомъ», переходившемъ изъ рода въ родъ въ героической пѣснѣ и въ сказаніи, узнаемъ мы возвышенный и величавый образъ великаго германскаго миротворца.

Стремленіе Ѳеодориха (род. 455) соединить древнюю образованность, учрежденія и правосудіе съ гото-германскимъ бытомъ, лишило готское царство той силы и крѣпости, какой достигли другія германскія государства безмѣрною суровостью, жестокостью и варварски-разрушительнымъ неистовствомъ. Участіе Остготовъ въ гнилой цивилизаціи вымиравшаго римскаго міра и внѣшнее сліяніе суроваго, крѣпкаго воинственнаго народа съ вялымъ и изнѣжѣннымъ населеніемъ отжившаго образованнаго государства, замѣшали первыхъ въ неизбѣжную гибель тогдашняго политическаго устройства, а для послѣднихъ только продлили предсмертную борьбу и страданія безнадежнаго племени. Ѳеодорихъ сохранилъ основанный римскими императорами образъ правленія съ большею частію должностей, съ титулами и чинами, и предоставилъ завѣдываніе правительственными дѣлами исключительно туземцамъ, которые далеко превосходили воинственныхъ Готовъ образованіемъ и опытностью въ дѣлахъ. Готы составляли нѣчто въ родѣ военной касты, которая въ сущности никогда не сливались въ одно цѣлое съ прежнимъ населеніемъ. Рѣдко заключались между ними браки; ихъ разъединяли всѣ внутреннія и существенныя отношенія: языкъ, нравы, національные юридическіе обычаи, а всего болѣе религія. Этотъ разладъ погубилъ Остготское царство въ Италіи. Такъ какъ Ѳеодорихъ не отважился разбить гнилую форму Римской имперіи, или не могъ пересилить

римскую образованность, то опасный внутренній разладъ продолжалъ существовать между двумя населеніями, чтобы снова обнаружиться и разрѣшиться естественнымъ образомъ, какъ скоро перестала сдерживать его преобладавшая надъ нимъ сила и какъ скоро внѣшнее нападеніе, съ римской стороны, доставило ему новую пищу.—Относительно правосудія Θеодорихъ, пользовавшійся полновластіемъ римскаго императора, издалъ слѣдующее постановленіе: «Такъ какъ Готы съ Божіею помощію живутъ совокупно съ вами, то мы признали нужнымъ, дабы не было, по обыкновенію, никакихъ ссоръ между сосѣдями, назначить къ вамъ испытаннаго человѣка въ качествѣ графа для рѣшенія споровъ между двумя Готами согласно нашимъ постановленіямъ; если же возникнетъ спорное дѣло между Готомъ и Римлянином, то онъ призоветъ знающаго законы Римлянина и (по соглашенію съ нимъ) справедливо рѣшитъ дѣло. А спорныя дѣла между двумя Римлянами пусть вѣдаютъ Римляне, которыхъ мы посылаемъ судьями въ провинціи, дабы каждый могъ пользоваться своимъ правомъ и при различныхъ судьяхъ простиралась на всѣхъ одинаковая справедливость.» Въ правленіе Θеодориха, Италія снова достигла цвѣтущаго благосостоянія: раздробленіе большихъ помѣстьевъ на малые свободные участки, которые и Готъ мало по малу сталъ охотно обработывать, подняло земледѣліе, бывшее въ самомъ глубокомъ упадкѣ; единообразіе мѣръ, вѣсовъ и монеты, хорошія дороги, не тревожимыя никакимъ сбродомъ, рѣки и каналы оживили внутреннюю торговлю; а умѣренныя таможенныя пошлины и радушіе къ иностранцамъ способствовали развитію внѣшней торговли, преимущественно съ Греціею.—Кассіодоръ (465—577) былъ чрезвычайно важнымъ явленіемъ для христіанскаго образованія Среднихъ Вѣковъ. Онъ основалъ уже въ старости монастырь въ Калабріи, который долженъ былъ служить пріютомъ безмятежной жизни и занятій духовными предметами и полезными работами для утомленныхъ свѣтомъ людей, и въ тоже время быть образцовою духовною школой. Съ этою цѣлью въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Кассіодоръ далъ инокамъ наставленіе о томъ, какъ соединять скудное общее образованіе того времени, или занятіе нѣкоторыми частями античной науки, съ аскетическою или созерцательною жизнію и съ полезною тѣлесною работой, совѣтуя для этого школьное обученіе, особенно списываніе книгъ, и сельское хозяйство, ското-

водство и разведеніе плодовыхъ деревьевъ. Эти наставленія не остались безъ вліянія на монашество послѣдующихъ столѣтій и сдѣлали то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монастыри замѣнили изчезнувшія училища риторики, философіи и права, и что остатки древней образованности примкнули къ христіанскимъ учрежденіямъ. Указанное Кассіодоромъ, по примѣру языческаго грамматиста, раздѣленіе всѣхъ необходимыхъ учебныхъ предметовъ на такъ-называемый тривіумъ (грамматика, риторика, діалектика для низшихъ классовъ) и квадривіумъ (ариѳметика, музыка, геометрія, астрономія для высшихъ классовъ), или на семь свободныхъ искусствъ, господствовало во все продолженіе Среднихъ Вѣковъ. Эти учебные предметы составляли общее образованіе знатной молодежи. Изъ остальныхъ сочиненій Кассіодора, Письма его важны для исторіи того времени, его Лѣтопись и Исторія церкви—какъ образецъ для монашеской исторіографіи послѣдующихъ временъ. — Боэтій (473—525) былъ послѣднею звѣздою римской литературы. Выше упомянутое утѣшительное сочиненіе его написано въ формѣ разговора между заключеннымъ въ темницу авторомъ и олицетворенною философіей. Разговоръ ведется, попеременно, то риторскою, нерѣдко поэтическою прозой, то стихами. Въ этомъ сочиненіи авторъ избѣгаетъ всего христіанскаго и говоритъ лишь о томъ утѣшеніи, какое доставляетъ человѣку научная философія, независимо отъ всякой религіи; сочинитель старается пробудить мысль о человѣческомъ достоинствѣ и величіи души, выказывающихся въ несчастіи, и оживляетъ эту мысль примѣрами нѣкоторыхъ великихъ Римлянъ давноминувшаго времени. Онъ напоминаетъ страдальцу оказанныя имъ заслуги, обращаетъ вниманіе его на перстъ Провидѣнія, на ходъ земныхъ дѣлъ и на различное достоинство человѣческихъ благъ; говоритъ о цѣли жизни, объ истинномъ счастіи человѣка, о тщетѣ внѣшнихъ благъ и счастія, о различіи между кажущимся и истиннымъ, между внѣшнимъ чувственнымъ міромъ и невидимымъ царствомъ духа; доказываетъ, что добродѣтель и порокъ заключаютъ въ самихъ себѣ свою награду и кару, и оканчиваетъ опредѣленіемъ соотношенія между свободою человѣческой воли и божескою мудростію съ ея вѣчными законами. Когда погибла древняя образованность, Боэтій далъ новымъ поколѣніямъ сѣмена истинно-прекрасныхъ и благородныхъ, хотя и мечтательныхъ стремленій, которыми впослѣдствіи смягчались варварство и фанатизмъ; въ суровую пору Среднихъ Вѣковъ онъ сообщилъ тысячамъ

страждущихъ сердецъ утѣшеніе философіи и, когда жестокая власть предавала ихъ, какъ предала и его, смерти, онъ раскрывалъ передъ ними то небо, которое носитъ въ себѣ каждое благородное сердце; онъ одинъ переносилъ несчастныхъ изъ безотрадной и грубой дѣйствительности въ область возможнаго, и тамъ, гдѣ себялюбіе полуварваровъ оставляло по себѣ страшную пустыню, онъ уготовилъ вѣчно зеленѣющія поляны надежды и любви. — Боэтій важенъ еще и тѣмъ, 1) что сочинилъ учебники вышеупомянутыхъ семи искусствъ, учебники, которые служили основою школьному образованію средневѣковой эпохи; 2) что перевелъ на латинскій языкъ многія сочиненія Аристотеля, 3) что эти переводы и его собственныя богословскія сочиненія о троичности и естествахъ во Христѣ имѣли вліяніе на христіанское богословіе въ Европѣ, такъ что можно считать его творцомъ схоластики, или господствовавшей въ Средніе Вѣка богословской философіи.—Исторія Готовъ, составленная Іорнандомъ (Іорданомъ) въ 6 вѣкѣ, преимущественно по Кассіодору, важна для потомства въ томъ отношеніи, что онъ повидимому воспользовался туземными сказаніями и пѣснями о герояхъ для древнѣйшей исторіи.

7. Франки.

§ 246. а. Хлодвигъ. На Маасѣ и Самбрѣ уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній жили Салійскіе Франки германскаго происхожденія. Древнѣйшими королями ихъ называютъ Фарамунда (т. е. вождь, герцогъ) и Меровея; Дорникъ[1] былъ средоточіемъ этого царства. Но когда власть перешла къ воинственному и хитрому Хлодвигу, онъ расширилъ предѣлы своей области завоеваніемъ послѣдняго остатка Римской имперіи (486) на Сенѣ и Луарѣ, велѣлъ отрубить голову доброму намѣстнику Сіагрію (§ 244), который былъ выданъ ему Остготами, и избралъ своимъ мѣстопребываніемъ сначала Суассонъ, потомъ Парижъ. Затѣмъ двинулся онъ (соединясь съ единоплеменными Рипуарскими Франками (на нижнемъ Рейнѣ) противъ Аллеманновъ, поселившихся по обѣимъ сторонамъ Рейна, нанесъ имъ рѣшительное пораже-

[1] Нынѣ Турнэ, въ Бельгіи.

ніе (496) при Цюльпихѣ (Тольбіакѣ между Бонномъ и Ахеномъ или, по другимъ показаніямъ, при Тулѣ) и покорилъ земли ихъ на Рейнѣ и на Мозелѣ и отъ Лана черезъ примайнскія земли до Некара. Въ жару боя Хлодвигъ обѣщалъ принять вѣру своей христіанской супруги (Клотильды, королевны бургундской), если сомнительная побѣда склонится на его сторону; и въ томъ же году принялъ крещеніе въ Реймсѣ, отъ епископа Ремигія, вмѣстѣ съ 3,000 знатныхъ своей дружины, по Аѳанасіеву исповѣданію. Но христіанство не смягчило его одичалаго сердца. Онъ остался вѣренъ своей натурѣ, въ которой соединялись грубая сила, хитрость, коварство и варварская жестокость. Земли, простирающіяся къ сѣверу отъ Ремсской долины по среднему Некару, Кохеру, Якету и Тауберу до самаго Майна, были отданы для поселенія Франкамъ, и названіе Франковъ навсегда вытѣснило отсюда названіе Аллеманновъ. Единовѣріе между Франками и Галлами составило силу Франкскаго государства. Хлодвигъ и его соратники сочли долгомъ воздать Сыну Божію то, чего лишили его аріане. Вслѣдствіе этого Бургунды, силу которыхъ сокрушили раздоры и кровавыя семейныя усобицы, были принуждены къ уплатѣ дани и къ принятію католической вѣры (500) и царство Вестготовъ (послѣ побѣды при Вуглэ, неподалеку отъ Пуатье, 507 г.) ограничено на гальской почвѣ. Расширивъ такимъ образомъ Франкское государство на Востокъ до Роны и на югъ до Гаронны, Хлодвигъ постарался упрочить за собою и за своими потомками власть надъ всѣмъ королевствомъ, чрезъ жестокое избіеніе всѣхъ франкскихъ племеначальниковъ. За ревность къ распространенію католическаго исповѣданія между аріанскими Германцами, духовенство величало его «христіаннѣйшимъ королемъ» и вторымъ Константиномъ. Къ этому времени, вѣроятно, относятся салійскіе законы (§ 343. 3. Б.), большею частію основанные на обычномъ правѣ. Франкское царство сохранило однако весьма многое отъ римскихъ временъ какъ въ законоположеніяхъ, такъ и въ государственныхъ и церковныхъ уставахъ. «Бѣлокурые» военные короли Франковъ заняли мѣсто римскихъ императоровъ и намѣстниковъ, а въ управленіи, податной системѣ, судѣ, словомъ во всей общественной жизни остались

старые порядки, обычаи и формы. Романцы, образованные по-древнему, окружали дворъ, завѣдывали дворцовымъ и государственнымъ хозяйствомъ, и занимали высшія должности. Вслѣдствіе того, романскій элементъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ вскорѣ получилъ перевѣсъ и во франкской Галліи, тѣмъ болѣе что германскіе Франки преимущественно занимались однимъ военнымъ дѣломъ.

Христіянство еще въ третьемъ столѣтіи было занесено римскими солдатами въ Галлію, состоявшею въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Римомъ, хотя бы сказаніе о ѳиванскомъ легіонѣ, который, сражаясь при Максиміаніанѣ противъ багодовъ (§ 227), принялъ за свои христіанскія вѣрованія мученическую смерть, вмѣстѣ съ вождемъ своимъ Маврикіемъ, и было лишь священною легендой. Въ четвертомъ вѣкѣ число обращенныхъ въ христіанство между воспріимчивыми Галлами значительно увеличилось. «Въ особенную честь (говоритъ Ранке) Галлія вмѣняла себѣ то, что домъ римскихъ императоровъ, рѣшившій дѣло въ пользу христіанства въ разгарѣ борьбы его съ язычествомъ, имѣлъ свое главное мѣстопребываніе въ Галліи; тамъ же, по преданію, выставилъ Константинъ символъ христіанства на своемъ знамени. Не ранѣе второй половины четвертаго столѣтія явился паннонскій воинъ, святой Мартинъ, который, жертвуя собою, въ глазахъ народа низвергалъ предметы его поклоненія, какъ коническіе памятники и священныя деревья туземныхъ, такъ и храмы и изваянія римскихъ боговъ, ибо тѣ и другіе стояли и пали вмѣстѣ,—и замѣнялъ ихъ построеніемъ христіанскихъ церквей. Онъ основалъ большой соборъ въ Турѣ, и потомъ многія монашескія учрежденія внутри страны и на сосѣдственныхъ островахъ, настоящіе разсадники богословскихъ занятій и церковнослужительскихъ обязанностей; изъ этихъ школъ выходили епископы городовъ и просвѣтители края.—Галлы до того слились съ римскимъ міромъ, что вмѣстѣ съ нимъ пережили успѣхи и упадокъ его образованности и вмѣстѣ съ нимъ перемѣнили религію.

§ 247. б. Мервинги. Злодѣйскій характеръ отца наслѣдовали четыре сына, подѣлившіе между собою Мервингское царство Франковъ по смерти Хлодвига (511), при чемъ старшій получилъ восточную часть Франкскаго государства Австразію съ столицею Мецомъ, а трое младшихъ раздѣлили между собою западную часть — Нейстрію и принадле-

жавшую къ ней Бургундію. Нація оставалась однако единою и отъ времени до времени управленіе снова соединялось въ одномъ лицѣ. (Такъ напр. при Лотарѣ I въ 558 г. и Лотарѣ II въ 614 г.).—На правой сторонѣ Рейна были покорены (531) Тюринги и земля ихъ раздѣлена между Франками и союзниками ихъ—Саксами; на Ронѣ и въ Альпахъ были приведены въ полную покорность Бургунды (534), но имъ оставлены ихъ туземные законы и учрежденія; наконецъ, владычеству Франковъ подпали и на югѣ плодоносныя земли между Гаронною и Пиренеями (Аквитанія). Много было кровавыхъ войнъ у Франковъ съ Вестготами за обладаніе этимъ прекраснымъ краемъ и древними римскими городами: Тулузою, Нарбонною, Каркасонной и друг., пока наконецъ вестготскій король Амальрихъ, изъ аріанскаго фанатизма оскорблявшій свою франкскую супругу съ цѣлью обратить ее въ свою вѣру, былъ побѣжденъ братомъ ея Хильдебертомъ парижскимъ (531) и въ бѣгствѣ сраженъ копьемъ одного Франка (534), послѣ чего опустошенный край сдѣлался добычею побѣдителя.

Все царство Мервинговъ раздѣлялось на графства, разграниченіе которыхъ въ германскихъ частяхъ его большею частію совпадало съ древнегерманскими волостями, а на прежней римской почвѣ—съ древними городскими округами. Графовъ назначалъ король по собственному усмотрѣнію, и передавалъ каждому изъ нихъ, въ его графствѣ, сборъ ратниковъ и начальство надъ ними, сборъ и представленіе поземельныхъ податей и попеченіе объ общемъ мирѣ. Каждое графство, въ свою очередь, раздѣлялось на мелкіе участки, соотвѣтствовавшіе стариннымъ германскимъ сотнямъ. Въ послѣднихъ были отчасти періодическія, отчасти особо созываемыя сходки, на которыхъ графъ стариннымъ, торжественнымъ образомъ творилъ судъ свободнымъ членамъ общины, въ опредѣленныхъ для того, священныхъ мѣстахъ [1], при чемъ сама община еще принимала живое участіе въ дѣлахъ и въ большой части случаевъ постановляла приговоры. Надъ многими графствами поставлялся обыкновенно герцогъ, котораго права въ сущности простирались только на военныя дѣла. Та-

[1] Эти сходки происходили подъ открытымъ небомъ, въ тѣни деревъ, на холмахъ, близъ источниковъ и въ другихъ священныхъ мѣстахъ.

кимъ образомъ названіе герцогъ обозначало въ Галліи лишь военнаго, назначеннаго королемъ, сановника безъ самостоятельной и обширной власти.

Королевскій домъ Мервинговъ представляетъ, подобно злодѣйскому дому Атридовъ (§ 13), ужасную картину человѣческаго разврата. Избіеніе братьевъ и родственниковъ, кровавыя усобицы, многоженство и взрывы необузданной, страстной ненависти наполняютъ лѣтописи его исторіи. Особенно ужасны злодѣйства королевскихъ женъ Брунгильды (въ Австразіи) и Фредегунды (въ Нейстріи), вызванныя кровомщеніемъ. Эти злодѣйства наконецъ искоренили въ родѣ Хлодвига всякую нравственную и физическую стойкость, такъ что по смерти Дагоберта (638) мервингскіе правители уже носятъ въ исторіи прозваніе «лѣнивыхъ королей», между тѣмъ какъ управляющій королевскими имуществами (доменами), майордомъ (домоправитель), постепенно захватываетъ въ свои руки всю правительственную власть вмѣстѣ съ главнымъ начальствомъ надъ войскомъ. Посѣщеніе годичныхъ народныхъ собраній въ мартѣ мѣсяцѣ, въ колесницѣ, везомой четырьмя быками, стало наконецъ единственнымъ занятіемъ слабыхъ Мервинговъ, у которыхъ знать отняла даже право назначать майордома: въ эту должность она уже сама опредѣляла по избранію, т. е. передавала ее сильнѣйшему изъ среды своей, такъ что майордомы перестали быть слугами или сановниками короля. Сначала каждое изъ трехъ королевствъ имѣло своего особаго майордома, пока храброму и умному Пипину Геристальскому (изъ Люттихскаго округа) удалось, послѣ побѣды при Тестри на Соммѣ (687), соединить достоинство майордома Нейстріи и Бургундіи съ званіемъ майордома Австразіи и сдѣлать его наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ. Съ тѣхъ поръ замѣчательные потомки его пользовались королевскою властью, называясь герцогами Франковъ, между тѣмъ какъ Мервинги были королями лишь по имени, пока наконецъ внукъ Пипина присвоилъ себѣ и послѣднее (752).

Дополненія. Конецъ Брунгильды былъ ужасенъ. Приговоренная къ смерти совѣтомъ вельможъ, она была привязана къ хвосту дикой лошади и замучена до смерти (613), по приказанію Лотара,

сына Фредегунды. Сынъ и преемникъ Лотара, Дагобертъ (+ 638), былъ безнравственный государь. Изъ страха за спасеніе души своей, онъ обогатилъ аббатство Сенъ-Дени и назначилъ его мѣстомъ погребенія французскихъ королей. При Дагобертѣ и его преемникѣ Пипинъ Ланденскій, майордомъ въ Мецѣ, положилъ основаніе могуществу своего дома. Сынъ его Гримоальдъ наслѣдовалъ его званіе; но когда Пипинъ преждевременно попытался возвести своего сына на престолъ, народъ возсталъ противъ него (656), убилъ его вмѣстѣ съ сыномъ и возвратилъ власть Мервингамъ. Пипинъ Геристальскій былъ внукъ Пипина по дочери послѣдняго. Онъ сначала присвоилъ себѣ верховную власть въ Австразіи, а потомъ и въ остальныхъ частяхъ монархіи. Искусный въ военномъ дѣлѣ сынъ его, Карлъ Мартелъ, изъ тюрьмы, куда засадила его мачиха, началъ свое поприще, еще болѣе славное чѣмъ поприще его предшественниковъ.—Исторія этой эпохи, въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ ее духовный лѣтописецъ Григорій Турскій, обнаруживаетъ такое нравственное состояніе, въ которомъ необузданно властвуютъ ничѣмъ не смягченныя грубая сила, дикая страсть и чувственныя побужденія. Рядомъ съ порочнымъ дворомъ, гдѣ господствуютъ злодѣйства, сладострастіе, женская злоба и жестокость при наружномъ благочестіи, суевѣріи и щедрости къ духовенству и церкви, и который непосредственностію и наивностью, съ какою онъ предавался и тому и другому, оправдываетъ приводимое духовными историками сравненіе съ израильскими царями ветхаго завѣта, — радомъ съ этимъ дворомъ стоитъ духовенство, котораго власть, богатство и численность возрастаютъ съ каждымъ днемъ и въ которомъ обнаруживаются два различныя направленія: у бѣлаго духовенства замѣтно стремленіе къ умноженію богатства, власти и удовольствій, и слѣдовательно желаніе примкнуть ко двору и дворянству, съ благочестивою щедростью расточавшимъ имущества и права, а у чернаго духовенства — религіозное рвеніе, аскетизмъ, лишенія и тѣсная связь съ угнетеннымъ народомъ, сочувствіе къ его страданіямъ и радостямъ. Учрежденіемъ монастырей въ дикихъ, малолюдныхъ краяхъ (Санктъ-Морицъ, въ Валлисѣ; Дисентисъ, въ Граубюнденѣ; Маурмюнстеръ, въ Эльзасѣ; Мюнстерталь, на Юрѣ; окрестности Зальцбурга и долина рѣки Агу, въ Лангедокѣ), они положили основаніе обработкѣ негостепріимныхъ мѣстностей и воздѣлыванію одичалыхъ захолустьевъ.—Обращенія язычниковъ у

Фризовъ и Саксовъ, предпринятыя въ это время галльскими и британскими миссіонерами, еще не имѣли большаго успѣха. Замѣчателенъ отвѣтъ храбраго вождя Фризовъ, Ратбода, на увѣренія духовныхъ лицъ, что языческіе предки его находятся въ аду: когда готовились уже окрестить его, онъ отдѣлался отъ св. обряда словами, что ему было бы пріятнѣе идти въ адъ къ этимъ храбрымъ, чѣмъ жить розно съ ними въ раю.

8. Англосаксы.

§ 248. Въ половинѣ 5-го вѣка римскія войска оставили Британнію, которой уже не могли удержать за собою. Туземцы, отвыкшіе отъ оружія подъ римскимъ владычествомъ, и потому безсильные противиться бурному напору дикихъ Пиктовъ и Скотовъ Каледонскихъ, при королѣ Вортигернѣ искали помощи германскихъ племенъ, жившихъ на нижней Эльбѣ, которыхъ въ то время уже знали и боялись, какъ отважныхъ морскихъ разбойниковъ на легкихъ гребныхъ судахъ. Охотники до странствій и приключеній, Саксы, Англы, Юты и другіе прибрежные народы явились на призывъ (449) подъ предводительствомъ Генгиста и Горсы, но вскорѣ обратили свой побѣдный мечъ отъ сѣверныхъ Каледонцевъ на самихъ Бритовъ, которые при внутреннихъ раздорахъ и отсутствіи общественности не могли оказать имъ дружнаго сопротивленія; подкрѣпленные новыми пришельцами, Германцы послѣ долгой и страшной истребительной войны завоевали Британнію, съ тѣхъ поръ получившую названіе Англіи. Языческое варварство и германскія учрежденія вытѣснили христіанско-римскую образованность, законодательство и языкъ; бывшіе римскіе города пали или исчезли безъ слѣда, древне-британская церковь съ ученіемъ и установленіями восточнаго христіанства уступила культу Одина, и мало по малу стало укореняться то первобытное состояніе, въ которомъ, кромѣ войны и охоты, занимались только земледѣліемъ и скотоводствомъ. Туземцы кельтійскаго племени большею частію были истреблены мечемъ: всѣ, имѣвшіе возможность спастись, бѣжали въ Галлію и увеличивали собою число британскихъ поселенцевъ въ Арморикѣ (отсюда Бре-

тань). Только въ гористомъ Уэльсѣ и на югозападномъ берегу, въ Корнуэльсѣ, сохраняли Кельты свою независимость до 13-го вѣка, и доселѣ мѣстный языкъ, пѣсни и національныя особенности свидѣтельствуютъ объ ихъ кельтійскомъ происхожденіи. Остальная Англія, послѣ свыше полутора-вѣковой борьбы, подпала владычеству Англосаксовъ, которые основали тамъ семь небольшихъ королевствъ (гептархію: Кентъ, Соссексъ, Эссексъ, Вессексъ, Останглія, Мерція, Нортомберландъ). Послѣднія постоянно воевали между собою до 9-вѣка, когда Эгбертъ вессекскій соединилъ всѣ семь королевствъ (827) и назвался королемъ Англіи. Германское язычество еще въ 7-мъ вѣкѣ уступило вліянію христіанства: посланный папою Григоріемъ Великимъ, бенедиктинецъ Августинъ прибылъ въ Кентъ съ миссіею (ок. 600), убѣдилъ короля и его дворянство креститься и положилъ основаніе кантерберійскому архіепископству. Подъ вліяніемъ королевскихъ женъ, которыя были воспріимчивѣе къ ученію о страдавшемъ и распятомъ Спасителѣ, чѣмъ браполюбивые короли, христіанство вскорѣ одержало побѣду и въ другихъ частяхъ гептархіи. Англосаксы, изъ ненависти къ кельтизму упорно противившіеся древнебританскому христіанству съ его болѣе свободными формами и понятіями, охотно вступали въ союзъ съ церковію св. Петра, уплачивали папѣ «Петрову лепту» и благоговѣйно ходили на богомолье въ вѣчный городъ. Такъ какъ по ученію миссіонеровъ, ключи отъ рая въ рукахъ св. Петра, то Англосаксамъ не хотѣлось получить отъ него отказъ, когда имъ придется постучаться въ двери небесной обители. — Въ Ирландіи, гдѣ кельтійское населеніе и христіанство не были вытѣснены Англосаксами, св. Патрикъ еще въ половинѣ 5-го вѣка проповѣдовалъ Евангеліе и положилъ основаніе монашеству, которое вскорѣ перешло также въ Шотландію и нашло тамъ готовую опору въ пустынножительствахъ кульдеевъ [1], укрывавшихся отъ языческаго преслѣдованія. Съ тѣхъ поръ церковный бытъ и число духовныхъ лицъ и монаховъ до того распространились

[1] Cultores Dei, христіане, которые даже послѣ прибытія папскихъ миссіонеровъ придерживались древняго, чистаго христіанскаго ученія, преимущественно въ Шотландіи, Уэльсѣ и Ирландіи.

на Британскихъ островахъ, что церковь чуть не поглотила государства, и многіе короли и дворяне искали душевнаго успокоенія или въ тиши монастырской кельи, или въ дальнихъ странствованіяхъ на богомолье.

Артуръ. Оссіанъ. Беовульфъ. Къ этому времени относится происхожденіе легенды о британскомъ королѣ Артурѣ, поборникѣ древнебританской національности и христіанской образованности, храбро сражавшемся въ горахъ Уэльса противъ враждебныхъ Англосаксовъ. Оттого позднѣйшая романтическая поэзія выставляетъ его образцомъ рыцарства и основателемъ такъ-называемой рыцарской общины круглаго стола, и тѣмъ набрасываетъ на жизнь его непроницаемый покровъ сказанія и вымысла.—Шотландскія героическія пѣсни, приписываемыя слѣпому герою и пѣвцу Оссіану, сыну Фингала, и славящія въ унылыхъ, трогательнымъ звукахъ отважныя дѣла, военные подвиги, меланхолическія чувства и мечты отшедшихъ ратниковъ, повидимому принадлежатъ этой эпохѣ. Переходя изъ устъ въ уста въ продолженіе столѣтій, народныя пѣсни вѣроятно подверглись многимъ перемѣнамъ и прибавленіямъ, прежде чѣмъ были собраны и изданы (на гальскомъ [1] нарѣчіи). Древнѣйшимъ англосаксонскимъ стихотвореніемъ признается богатая языческими миѳами пѣснь о Беовульфѣ, героическая поэма изъ древнѣйшаго датскаго быта, сложившаяся изъ многихъ отдѣльныхъ пѣсней. Повѣствуя о подвигахъ, плаваніяхъ и приключеніяхъ сильнаго королевича Беовульфа, который вступаетъ въ борьбу съ духами-великанами болотистой пустыни и побиваетъ дракона, охраняющаго золотыя сокровища, она даетъ вѣрное, наглядное изображеніе рыцарскаго быта сѣверныхъ эделинговъ, съ веселыми пирами и военными играми подъ звуки арфы, а также дикой, суровой природы сѣвера съ ледяными морскими берегами. «Дальнее странствованіе пѣвца», поэтическое описаніе путешествія, тоже очень важно для исторіи древнесѣверныхъ сказаній, потому что содержитъ въ себѣ исчисленіе многихъ древнихъ племенъ.

Англосаксы перенесли свои народныя учрежденія въ завоеванный край. Свободный собственникъ съ своимъ семействомъ, подзащитными и рабами, составлялъ родъ или гидъ; нѣсколько родовъ составляли марку или общину; соединеніе нѣсколькихъ общинъ со-

[1] Нарѣчіе шотландскихъ горцевъ, отрасль кельтійскаго языка.

ставляло волость или ширъ. Значительная часть земли была общинною собственностію, именно луга и лѣса; раздѣленныя по жребію поля принадлежали дворянству и свободнымъ поселянамъ, а наибольшимъ участкомъ владѣлъ избранный изъ знатныхъ родовъ король, въ пользу котораго поступала еще пеня за смертоубійство. Только свободные имѣли право носить оружіе; только они составляли законы, судили и пользовались голосомъ въ общинѣ; оружіе и длинные по плеча волосы отличали свободнаго человѣка.—Первобытная народная сходка (фолькмотъ), съ участіемъ всѣхъ свободныхъ, вскорѣ перешла въ представительное собраніе однихъ «мудрыхъ»—витинагемотъ. Послѣднее было совѣтомъ короля; оно оберегало народныя права и расширяло ихъ новыми законами; выбирало короля изъ царственнаго рода и могло требовать отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ; рѣшало войну или миръ; и только съ его согласія могъ король созывать военныя силы и требовать податей. Для сильнѣйшаго противодѣйствія многочисленнымъ врагамъ, англосаксонскіе князья и вельможи поставили верховнаго начальника, такъ-называемаго бретвальду, въ качествѣ войсковаго короля, и придали ему болѣе обычной королевской власти. Первоначально назначенный для того только, чтобы соединять подъ своимъ начальствомъ рати семи королевствъ, бретвальда пріобрѣлъ впослѣдствіи, когда христіанство проникло къ Англосаксамъ, большое вліяніе въ церковныхъ дѣлахъ всѣхъ королевствъ, и чрезъ это все болѣе и болѣе ставилъ въ зависимость отъ себя внутреннія дѣла вообще. Главными занятіями Англосаксовъ въ мирное время были скотоводство, особенно свиноводство, и земледѣліе; торговли и ремеслъ они не знали; древніе города, процвѣтавшіе въ эпоху римскаго владычества, пришли въ упадокъ; нѣкоторые совсѣмъ исчезли съ лица земли.

III. ВИЗАНТІЙСКАЯ ИМПЕРІЯ.

1. Императоръ Юстиніанъ (527–565).

§ 249. Византійская имперія представляетъ печальную картину нравственнаго разложенія: дворъ, окруженный восточною пышностію и великолѣпіемъ и раздираемый на партіи догматическими спорами, гдѣ женщины и любимцы своими

козними и преступленіями возводятъ и низвергаютъ слабыхъ или порочныхъ императоровъ, а вліятельные придворные богословы сообщаютъ политикѣ религіозное и церковное направленіе; дерзкую придворную стражу, такъ же нагло играющую престоломъ, какъ играли имъ преторіанцы въ Римѣ; и раздражительную народную массу, которая стремится къ чувственнымъ удовольствіямъ, живетъ раздачею хлѣба и наслаждается грубыми конными представленіями цирка (гипподромъ), между тѣмъ какъ провинціи изнемогаютъ подъ тяжестію налоговъ и чиновничьяго произвола, земледѣліе приходитъ въ упадокъ, таможенныя пошлины и исключительное право продажи и купли (монополія) губятъ торговлю и ремесла. Ожесточенная борьба за неразрѣшимые вопросы о способѣ соединенія и взаимномъ отношеніи божественнаго и человѣческаго естества во Христѣ раздѣляетъ дворъ и имперію на враждебныя партіи (монофизиты, моноѳелиты и др.), которыхъ взаимная ненависть и ожесточеніе могутъ сравниться развѣ только съ той яростью, съ какою враждовали между собою политическія партіи синихъ и зеленыхъ, названныя такъ по цвѣту возницъ на ристалищахъ. При пылкости южнаго населенія и живой его фантазіи, придающей даже духовному видимый образъ, подобныя глубокомысленныя отвлеченности могли проникнуть въ практическую жизнь народа, а при безчисленномъ множествѣ праздныхъ монаховъ и духовныхъ лицъ въ городѣ и деревнѣ, въ многолюдныхъ улицахъ и отдаленныхъ пустыняхъ, не было недостатка въ предводителяхъ и бойцахъ.

Монофизиты. Моноѳелиты. Адопціанисты. Александрійская школа такъ строго понимала единство божественнаго и человѣческаго естества во Христѣ, что послѣднее какъ бы исчезало въ первомъ; въ антіохійской же, съ цѣлью упрочить бытіе человѣческаго естества, принимали самостоятельное его существованіе, которымъ нарушалось самое единство. Представителемъ послѣдняго воззрѣнія былъ Несторій, за полное слiяніе стоялъ Кириллъ александрійскій. Первый, осужденный на Ефесскомъ вселенскомъ соборѣ (431), въ своей монастырски-ученой безпомощности, неискусный въ интригахъ и оставленный всѣми партіями, умеръ въ нищетѣ (ок. 440). Но ученіе его нашло себѣ приверженцевъ

въ Персіи. Извѣстные тамъ подъ именемъ халдейскихъ христіанъ, въ Индіи — подъ именемъ христіанъ Ѳомы, а у противниковъ своихъ называемые несторіанами, они распространили далеко въ Азію христіанскую благотворительность и греческую образованность. Однако споръ все еще продолжался. Когда Евтихъ константинопольскій, преслѣдуя Кирилловы начала, училъ, что все человѣческое во Христѣ поглощено божественною его природою и слилось съ нею въ одно божеское естество, то былъ преданъ проклятію и низложенъ. Хотя приверженецъ его Діоскоръ александрійскій и содѣйствовалъ его оправданію на новомъ соборѣ въ Ефесѣ (449) и низложенію его противника насиліемъ раздраженнаго народа, но этотъ насильственный поступокъ, возбудившій общее негодованіе, только довершилъ ихъ пораженіе. На вселенскомъ соборѣ, созванномъ императрицею Пульхеріей и супругомъ ея Маркіаномъ въ Халкедонѣ (451), ефесскій соборъ 449 года объявленъ «разбойническимъ», Діоскоръ низложенъ и Евтихъ проклятъ, и рѣшено—Іисуса Христа признавать имѣющимъ два естества несліянно, но и нераздѣльно. Но черезъ это еще не было устранено александрійское воззрѣніе. Исповѣдники его, получившіе отъ своихъ противниковъ названіе монофизитовъ (т. е. признающихъ во Христѣ одно естество), искали покровительства у свѣтской власти, вслѣдствіе чего религіозный споръ сталъ политическимъ орудіемъ и церковные раздоры возбуждали дворцовые и столичные перевороты. Императоръ Зенонъ старался согласить партіи посредствомъ двусмысленно и неопредѣленно составленной формулы соединенія (генотиконъ, 482 г.); но эта формула, равно презираемая обѣими сторонами и отвергнутая монофизитами, только усилила раздоръ. Монофизитское ученіе о единомъ естествѣ никогда не достигло церковнаго признанія. Послѣ тщетной попытки Юстиніана примирить партіи посредствомъ нѣкоторыхъ уступокъ, монофизиты отпали отъ каѳолической церкви, и составили свое церковное исповѣданіе, къ которому принадлежали: 1) египетская національная церковь Коптовъ; 2) армяне, 3) яковиты въ Сиріи и Месопотаміи.—Императоръ Гераклій (съ 622 года), желая обратить къ православной церкви монофитовъ Арменіи и Сиріи, издалъ съ этою цѣлью новую формулу вѣры, признавшую во Христѣ, при двухъ естествахъ, одну божественную волю; но этотъ законъ только возбудилъ новые споры и новый разладъ. Приверженцы его (моноѳелиты) были прокляты рим-

скимъ епископомъ, и хотя императоръ Констансъ II (648) низложилъ епископа Мартина I, велѣлъ привести его изъ Рима въ Константинополь и уморилъ въ нищетѣ, однако шестой вселенскій соборъ въ Константинополѣ (680) опредѣлилъ во Христѣ двѣ воли, божескую и человѣческую, соотвѣтственно двумъ естествамъ. Отлученные отъ церкви и преслѣдуемые императорами, монофелиты удержались подъ именемъ маронитовъ въ Ливанскихъ горахъ, имѣя своего патріарха и оставаясь вѣрными ученію объ одной волѣ.—На Западѣ, въ отдаленномъ отъ греческой образованности и софистики, подобныя отвлеченности не нашли для себя удобной почвы. Когда два испанскіе епископа приняли и разработали ученіе несторіанъ, что Христосъ, по человѣческому естеству своему, есть сынъ Божій лишь по усыновленію, то вызвали противъ себя опроверженія Алкуина, были прокляты при Карлѣ Великомъ на двухъ соборахъ и принуждены отказаться отъ своихъ мнѣній. И хотя это отреченіе было неискренно и непрочно, однако ученіе адопціанистовъ возбудило такъ мало сочувствія въ тогдашнемъ, что умерло вмѣстѣ съ его проповѣдниками.

§ 250. Пятымъ преемникомъ Маркіана (§ 239) былъ Юстиніанъ, человѣкъ незнатнаго происхожденія, но правленіе котораго составляетъ эпоху во внутренней и внѣшней политикѣ Восточной имперіи. Онъ велѣлъ своему министру Трибоніану и нѣсколькимъ замѣчательнымъ правовѣдамъ составить собраніе законовъ и юридическихъ правилъ, извѣстное подъ названіемъ Corpus Juris (533, 534), и преобразовалъ школы права; онъ укротилъ дерзость уличныхъ партій, возбудившихъ противъ него страшное возстаніе, приказавъ своему полководцу Велисарію, въ знаменитый день «Ники»[1] (20-го января 532 года), изрубить 30, 000 мятежниковъ преимущественно изъ партіи «зеленыхъ» и закрывъ гипподромъ на неопредѣленное время; онъ добылъ хитростію шелковичныхъ червей въ Китаѣ и перенесъ шелководство въ Европу; поднялъ торговлю и промышленность устроеніемъ дорогъ и поощреніемъ обмѣна и предпріимчивости, построилъ церкви (храмъ св. Софіи) и великолѣпныя зданія, оградилъ имперію крѣпостцами по Дунаю и защитилъ православное вѣро-

[1] Слово Ника, т. е. побѣждай, было въ этотъ день лозунгомъ сражавшихся.

ученіе о естествахъ Христа противъ уклонившихся отъ этого ученія монофизитовъ, аріанъ и другихъ еретиковъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ. Помышляя только объ удовлетвореніи собственнаго властолюбія и гордости, онъ старался возводить къ императорскому престолу всякую власть и всякій почетъ; одно государство, одна церковь, одинъ законъ должны были управлять цѣлымъ міромъ. Онъ оскорбилъ послѣдніе слѣды республиканскихъ учрежденій, напр. консульство, и такъ какъ любовь его къ пышности и расточительности, а также войны и самый способъ управленія требовали огромныхъ суммъ, то онъ ввелъ самую пеструю и притѣснительную податную систему, безъ всякаго соображенія съ средствами народа. Правленіе Юстиніана нашло себѣ отличнаго повѣствователя въ лицѣ Прокопія, Велисаріева тайнаго секретаря, который въ своей исторіи войнъ персидской, вандальской и готской, а потомъ въ своей тайной исторіи двора («Анекдота»), послѣдовательно написалъ «исторію, панегирикъ и сатиру» на тогдашнюю эпоху.

1) Первые византійскіе императоры. Юстиніанъ и Ѳеодора. Обладаніе Восточною Римскою имперіей, послѣ печальнаго правленія Аркадія (—408) и слабохарактернаго сына его Ѳеодосія (408—450), перешло въ руки энергическаго Ѳракійца Маркіана (450—456), которому наслѣдовалъ столь же энергическій человѣкъ простаго и варварскаго происхожденія, Левъ Великій (457 — 474), первый императоръ, коронованный патріархомъ. По смерти его, власть захватилъ зять его Зенонъ (474—491), удержавшій за собою престолъ хитростію, вѣроломствомъ и насиліемъ до самой своей смерти. Тогда вдова его возвела на тронъ стараго придворнаго сановника Анастасія (491—518). Будучи врагомъ православія, онъ долженъ былъ постоянно имѣть дѣло съ внутренними мятежами; въ тоже время силы государства поглощались войнами съ суровымъ горнымъ народомъ—Исаврами, съ Персами и Болгарами. Чтобы оградить столицу отъ нападеній, онъ залежилъ такъ-называемую «длинную каменную стѣну», простиравшуюся на 16 часовъ пути отъ Пропондиты, по холмамъ и равнинамъ, до самаго Чернаго моря. По смерти Анастасія, хитрость и подкупъ доставили престолъ 68-лѣтнему Ѳракійскому полководцу Юстину (518—527), который нѣкогда деревенскимъ мальчикомъ прищелъ въ новую столицу съ дву-

мя братьями. То былъ грубый человѣкъ, лишенный всякаго образованія, укрѣпившій однако имперію бережливостію, строгостію нравовъ и энергическимъ поддержаніемъ общественнаго порядка, и внушившій уваженіе и страхъ сосѣднимъ народамъ, такъ что онъ могъ оставить упроченный престолъ и приведенное въ порядокъ государственное хозяйство своему преемнику Юстиніану, исполнявшему при бездѣтномъ императорѣ должность канцлера. Юстиніанъ женился на Θеодорѣ, бывшей кипрской актрисѣ, которая прежде славилась своею безнравственностію, соединяла большія способности и умъ съ красотою и властолюбіемъ и старалась наружнымъ благочестіемъ и приверженностію къ церковному православію привести въ забвеніе свою прежнюю жизнь; она постоянно имѣла большое вліяніе на своего супруга, который не только велѣлъ короновать ее императрицей и называть во всѣхъ публичныхъ актахъ «высокодостойною, Богомъ данною супругой», но даже сдѣлалъ ее соправительницей. Оттого вліяніе ея на управленіе государственными дѣлами было весьма значительно. Отъ нея исходили важнѣйшія рѣшенія въ дѣлахъ государственныхъ, судебныхъ и церковныхъ; бывшая актриса управляла всѣмъ и заставила членовъ сената, при торжественныхъ церемоніяхъ, прикасаться губами къ ногѣ своей. Ужасна была ея месть и немилость. Нерѣдко, по ея приказанію, предметъ ея недавней ненависти или прежней благосклонности внезапно исчезалъ въ подземныхъ могильныхъ казематахъ дворца и угасалъ тамъ медленною смертью.

2) Возстаніе въ день Ники. Подобно своему супругу, Θеодора также благопріятствовала партіи «синихъ», потому что «зеленые» однажды презрительно отказали ей, когда она просила мѣсто смотрителя дикихъ звѣрей при циркѣ, которое прежде занималъ ея отецъ, для втораго мужа своей матери. «Синимъ» во всемъ давали предпочтеніе. Только имъ оказывались милости, только они получали общественныя должности; только имъ проходили безнаказанно или и вовсе незамѣченными многочисленныя беззаконія, даже злодѣйства. Ибо не только придворные и административные чиновники, но и члены судебныхъ коллегій, личный составъ городскаго управленія, полицейскіе коммиссары, сержанты и пр. были всѣ изъ партіи «синихъ». Раздраженные этимъ и подкрѣпленные соперническою придворною партіей и недовольными монофизитами, «зеленые» возбудили грозное возстаніе противъ Юстиніана; «синіе», тоже недоволь-

ные поступками императора, примкнули къ своимъ прежнимъ врагамъ и раздули возстаніе въ революцію и уличный бой, при чемъ половина города съ великолѣпнѣйшими зданіями сгорѣла послѣ пятикратнаго пожара. Гипатій, сынъ Анастасія, былъ провозглашенъ императоромъ, Юстиніанъ уже помышлялъ о бѣгствѣ, уже были приготовлены суда на Босфорѣ; но Ѳеодора воспротивилась отъѣзду. Въ благопріятную минуту, когда неестественный союзъ враждебныхъ партій уже начиналъ ослабѣвать, Велисарій внезапно напалъ на нихъ съ германскими наемниками, Готами и Герулами, и дѣло кончилось страшнымъ пораженіемъ мятежниковъ. Тогда послѣдовала ужасная кара: 30,000 труповъ лежали въ циркѣ; Гипатій погибъ въ волнахъ Босфора; конфискаціи, ссылки и смертные приговоры предписывались ежеминутно; повсюду съ трепетомъ ожидали смерти. Такъ кончилось возстаніе въ день Ники.

О характерѣ и правленіи Юстиніана во многихъ отношеніяхъ можно сказать тоже самое, что о французскомъ королѣ Людовикѣ XIV. Оба выказали неутомимую дѣятельность и прилежаніе къ дѣламъ, оба были заражены ханжествомъ, надъ обоими тяготѣло женское вліяніе и въ обоихъ государствахъ жажда военной славы и неумѣренная роскошь, основанная на сильно-гнетущей системѣ налоговъ, привели къ тождественнымъ явленіямъ. Финансовыя операціи новѣйшаго времени и разныя средства къ умноженію государственныхъ доходовъ, какъ напр. казенныя монополіи, продажа должностей, разнаго рода пошлины, налоги на жизненные припасы (акцизъ), принудительные займы, конфискація имуществъ (особенно у еретиковъ) и мн. друг., вошли въ употребленіе еще при Юстиніанѣ.

3) Corpus Juris. Этотъ знаменитый сводъ законовъ заключаетъ въ себѣ: 1) законы и постановленія (constitutiones) прежнихъ римскихъ императоровъ, сгруппированныя по содержанію (codex Justinianeus); 2) научный учебникъ права (Institutiones) въ 4 книгахъ (оконченный въ 533 году); 3) собраніе изреченій, поясненій и рѣшеній прежнихъ юристовъ, куда вошли извлеченія изъ ихъ сочиненій и толкованій, которыя, будучи размѣщены по содержанію и подведены подъ отдѣльные титулы, содержали все, пригодное юристу на практикѣ. Вслѣдствіе такого распредѣленія, состоящее изъ 50 книгъ собраніе, плодъ огромныхъ ученыхъ трудовъ, получило латинское названіе: Дигесты [1], между тѣмъ какъ греческое названіе: Пандекты оз-

[1] Digestio вообще означаетъ распредѣленіе цѣлаго по частямъ, между прочимъ и разнесеніе питательнаго сока по различнымъ частямъ организма.

начаетъ собраніе, обнимающее всю область науки римскаго права; наконецъ 4) новыя (состоявшіяся послѣ втораго пересмотра свода) постановленія Юстиніана (Novellae), большею частію на греческомъ языкѣ, но съ переводомъ на латинскій (authentica).

§ 251. Смутное состояніе Вандальскаго царства въ Африкѣ и Остготскаго въ Италіи манило къ завоеваніямъ. Оттого Юстиніанъ задумалъ воевать съ обоими, чтобы покореніемъ ихъ возвратить своей имперіи тѣ размѣры, какіе она имѣла при Константинѣ, и въ тоже время искоренить аріанство, принятое этими народами. Велисарій, первый полководецъ того времени, въ нѣсколько мѣсяцевъ покорилъ Вандальское царство, терзаемое религіозными усобицами по смерти Гейзериха (477) и разслабленное жгучимъ солнцемъ Африки; съ тріумфомъ привезъ онъ въ Константинополь плѣнникомъ послѣдняго царя Вандаловъ Гелимера, который свергнулъ съ престола своего кроткаго брата Гильпериха, состоявшаго въ союзѣ съ Юстиніаномъ, и въ темницѣ умертвилъ его вмѣстѣ съ сыновьями. Долго защищался Гелимеръ въ одномъ нумидійскомъ горномъ замкѣ, пока недостатокъ съѣстныхъ припасовъ принудилъ его сдаться. Такъ пало царство германскихъ Вандаловъ послѣ столѣтняго существованія. Край былъ подчиненъ намѣстнику Восточной имперіи, аріанство было искоренено, бѣлокурая вандальская молодежь размѣщена по отрядамъ византійской арміи и перемѣшана съ Романцами, а захваченныя сокровища вмѣстѣ съ множествомъ плѣнныхъ отправлены въ византійскую столицу. — Около того же времени (534) благородная дочь Ѳеодориха (§ 245) Амаласунта, пристрастіе которой къ римскимъ обычаямъ и образованности не нравилось суровымъ Готамъ, была предательски убита своимъ родственникомъ Теодатомъ, съ которымъ она рѣшилась раздѣлить власть для успокоенія народа, когда сынъ ея Аталарихъ погибъ преждевременно жертвою собственнаго распутства. Тогда Юстиніанъ, у котораго Амаласунта еще прежде просила помощи противъ стремившагося къ одиновластію супруга, объявилъ себя мстителемъ за нее и послалъ Велисарія въ Италію. Послѣдній завоевалъ Сицилію, овладѣлъ Неаполемъ и въ теченіе цѣлаго года искусно и геройски защищалъ Римъ, взятый имъ безъ боя при содѣйствіи римско-

каѳолическаго населенія, противъ готскаго царя Витигеса (537), наслѣдовавшаго убитому Теодату. Благоговѣя передъ храбростію Велисарія, Готы предложили ему владычество надъ Италіей и сдали ему свою столицу Равенну (539). Но Велисарій, хотя и обманулъ ихъ довѣріе, вступивъ во владѣніе царствомъ отъ имени императора, однакожь не избѣгнулъ зависти и злословія византійскихъ царедворцевъ. Среди славныхъ побѣдъ онъ былъ отозванъ и, стольже покорный и вѣрный, сколько и храбрый, сѣлъ на корабль съ добычею и военноплѣнными (въ томъ числѣ съ Витигесомъ) и отправился въ Константинополь (540). Ему предстояло защищать для неблагодарнаго императора, къ ногамъ котораго онъ почтительно повергъ богатое достояніе Ѳеодориха Великаго, восточную границу имперіи противъ персидскаго царя Косру (Хозроя) Нушірвана. А между тѣмъ Франки, призванные на помощь Готами, опустошили всю Ломбардскую долину, испепелили Миланъ и перебили все мужское населеніе. Такіе же ужасы были совершены Бургундами въ Генуѣ.

§ 252. По удаленіи Велисарія, остатокъ готскаго войска, согласно съ германскимъ обычаемъ, поднялъ на царскомъ щитѣ храбраго Тотилу и провозгласилъ его королемъ (544). Тотила побѣдилъ византійскихъ полководцевъ, и быстро покорилъ всю Италію. При этомъ погибла большая часть художественныхъ сокровищъ, памятниковъ и сооруженій Рима, такъ что съ того времени древняя роскошь и образованность Италіи просвѣчиваютъ только сквозь его развалины. Велисарій возвратился; но дурно снабженный войскомъ и деньгами со стороны недовѣрчиваго императора, онъ при всей своей отвагѣ и при всемъ искусствѣ не могъ вновь завоевать утраченное. Какъ тать блуждалъ онъ нѣсколько лѣтъ по берегу съ мѣста на мѣсто, лишенный всякой возможности дать рѣшительное сраженіе. Разгнѣванный Юстиніанъ отозвалъ его обратно и наказалъ своею немилостію (549). Но преданіе о томъ, будто онъ былъ лишенъ зрѣнія и ходилъ нищимъ, есть уже позднѣйшая выдумка. Его геройское величіе и благородныя качества помрачаются лишь слабостію, съ какою онъ подчинялся своей недостойной и порочной супругѣ (Антонинѣ), пользовавшейся пріязнію императрицы. Преемникомъ его былъ

евнухъ Нарсесъ, искусный царедворецъ, въ маленькомъ, щедушномъ тѣлѣ котораго таилась геройская душа, подобная Велисаріевой. При Тагинѣ, въ напоенной кровью мѣстности близъ Сентина (busta Gallorum, § 159) палъ Тотила съ храбрѣйшими своими ратниками отъ меча побѣдоносныхъ непріятелей (552). Тщетно остатки готскаго войска подняли Тея на королевскомъ щитѣ; послѣ многихъ кровавыхъ битвъ при Вольтурно и древнихъ Кумахъ (554), гдѣ братъ его охранялъ царскую казну, онъ тоже палъ во главѣ своей знати, и лишь горсть ратниковъ, которой Нарсесъ позволилъ свободно уйти въ уваженіе ея храбрости, искала поселиться въ безвѣстныхъ мѣстностяхъ по ту сторону Альповъ, гдѣ она затерялась между другими племенами. Такъ кончило свое существованіе Готское царство, павшее со славой; но бѣдной Италіи, которая сверхъ того была страшно опустошена и разграблена вражескими набѣгами языческихъ Аллеманновъ, эта продолжительная война нанесла такія раны, отъ которыхъ она съ этихъ поръ уже не могла оправиться вполнѣ. Древній міръ съ своимъ искусствомъ и величіемъ превратился въ обломки и мусоръ.

2. Лангобарды.

§ 253. Съ тѣхъ поръ Нарсесъ, въ качествѣ императорскаго намѣстника (экзарха), управлялъ изъ Равенны завоеваннымъ краемъ по византійскимъ законамъ; онъ обратилъ владѣнія Готовъ въ дворцовое имущество императора и угнеталъ народъ религіозными преслѣдованіями и тяжкими налогами. Но по смерти Юстиніана, когда супруга слабаго племянника и преемника его Юстина II (565 — 578) отозвалась насмѣшливо о побѣдителѣ Готовъ, обвиненномъ въ корыстномъ угнетеніи, что ему приличнѣе быть евнухомъ, Нарсесъ, не за долго до своей смерти, призвалъ Лангобардовъ изъ Паннонiи (Венгріи) въ Италію. Послѣдніе, знакомые съ соблазнами Италіи со временъ Готской войны, охотно откликнулись на этотъ призывъ и двинулись (568) подъ предводительствомъ искуснаго воеинаго короля Альбоина (который незадолго передъ тѣмъ побѣдилъ Гепидовъ, умерт-

вилъ царя ихъ и взялъ себѣ въ невѣсты прекрасную дочь его Розамунду) въ область рѣки По, которая отъ нихъ получила названіе Ломбардіи. Павія послѣ трехлѣтней осады взята была приступомъ и объявлена столицею Лангобардскаго королевства.

Въ составъ этого королевства вскорѣ вошла вся верхняя Италія вмѣстѣ съ Тосканою, а также области отъ Капуи до Тарента съ Беневентомъ, между тѣмъ какъ остальная часть нижней Италіи, римское герцогство и восточное побережье съ приморскими городами, остались за византійскимъ Равеннскимъ экзархатомъ. Венеція и Генуа тоже состояли подъ византійскимъ владычествомъ, а герцоги Фріульскій, Сполетскій и Беневентскій пользовались почти независимымъ положеніемъ, хотя по имени и были подвластны Лангобардамъ и считались у послѣднихъ передовымъ отрядомъ противъ Грековъ и Аваровъ.—Альбоинъ погибъ отъ мщенія своей супруги. По германскому обычаю, онъ сдѣлалъ себѣ кубокъ изъ черепа ея отца, и на одномъ шумномъ пиру заставилъ ее пить изъ этого кубка. Это и побудило раздраженную супругу убить его (573). Но когда она, простирая дальше свои порочные замыслы, приготовила ядъ для своего новаго любимца, чтобы выйти за греческаго намѣстника, то первый заставилъ ее выпить половину приготовленнаго кубка, такъ что оба они поплатились жизнію за свое преступленіе.

Суровые Лангобарды, занятые лишь войною и охотой, насильственно обращались съ туземцами. Не условно, какъ Готы, а произвольно завладѣли они большими помѣстьями, и сверхъ того присвоили себѣ третью часть произведеній всякой другой земли. Въ городахъ прежнія жители перешли въ состояніе полусвободныхъ (альдіевъ), а въ селахъ стали крѣпостными. Римское право утратило офиціальную силу, и Римляне, лишенные собственныхъ чиновниковъ, поступили подъ власть лангобардскихъ начальниковъ. Но подъ мощною рукой германскаго поселенца, плодоносныя поля вскорѣ дали обильную жатву. Сильное дворянство герцоговъ и графовъ стояло во главѣ воинственнаго народа, избиравшаго себѣ королей въ народныхъ собраніяхъ (на такъ-называемыхъ майскихъ поляхъ). Два столѣтія сохраняло Лангобардское королевство свою независимость въ постоянной борьбѣ съ во-

сточною имперіей, пока изнѣженное красотами Италіи, пало подъ ударами Франковъ въ 8-мъ вѣкѣ. Аріанизмъ, первоначально принятый Лангобардами, какъ и большею частію германскихъ народовъ, подъ римскимъ вліяніемъ мало по малу былъ вытѣсненъ каѳолическимъ исповѣданіемъ, что много способствовало сліянію побѣдителей и побѣжденныхъ въ одинъ народъ. Вскорѣ исчезли также германскіе нравы и языкъ. За то Лангобарды усвоили себѣ образованность и науку древнеримскаго населенія, сняли съ послѣдняго «позорную печать побѣжденнаго», и сообщили городамъ новое и крѣпкое общинное устройство, основанное на германскомъ началѣ. Быстро уравнивался житейскій бытъ обоихъ народовъ. Прежніе обители края снова научились у завоевателей воинскимъ упражненіямъ и тщательной обработкѣ земель, а завоеватели переняли у нихъ торговлю и ремесла, мирныя искусства и знанія. Духъ свободы и воинская отвага возвратились въ сердца и пробудили новую жизнь.

Послѣ Альбоина, королемъ былъ избранъ Клефъ (573), а когда и онъ былъ убитъ за свою жестокость по 18-мѣсячномъ царствованіи, дворянство цѣлыя десять лѣтъ не приступало къ выбору, пока страхъ раздоровъ и ослабленія не побудилъ его на этотъ шагъ (584). Выборъ палъ на Клефова сына, рыцарственнаго Автариса (+ 590), котораго баварская, имъ самимъ избранная супруга Тейделинда имѣла большое вліяніе на дѣла какъ въ его собственное правленіе, такъ и при двухъ его преемникахъ (Агилюльфѣ изъ Тюрингіи, ум. 615, женившемся на Тейделиндѣ, и Адельвальдѣ, ум. 625), хотя она и придерживалась Аѳанасіева исповѣданія. Она основала соборъ въ Монцѣ, гдѣ съ того времени хранилась желѣзная корона Ломбардовъ съ желѣзнымъ обручемъ (будто бы выкованнымъ изъ гвоздей того креста, на которомъ распятъ Спаситель). Изъ слѣдовавшихъ затѣмъ королей многіе пеклись объ улучшеніи законовъ и правосудіи. Такъ напр. Ротарисъ (+ 652) велѣлъ записать древніе обычные законы Лангобардовъ; Гримоальдъ (+ 671) исправилъ ихъ по совѣту туземныхъ судей; Люитпрандъ (+744), Рахисъ (+749) и Айстульфъ (+756) распространили ихъ примѣсью римскаго права, съ утвержденія народныхъ собраній. Законы Лангобардовъ превосходили остальные германскіе,—бургундскіе, франкскіе, баварскіе и

друг., точностію, мягкостію и порядкомъ, и потому долго держались рядомъ съ римскими. Убійство могло искупаться деньгами, при чемъ однако господствовало большое различіе между свободными и несвободными (§ 343. 3. Б.). Стремленіе Айстульфа подчинить себѣ всю Италію вызвало тѣсный союзъ римскаго двора съ Пипиномъ, а слѣдствіемъ этого союза было паденіе Лангобардскаго царства. По смерти Айстульфа въ 756 году, на престолъ вступилъ Дезидерій (756—774). Намѣренію послѣдняго склонить Франковъ въ свою пользу посредствомъ брака своей дочери съ Карломъ Великимъ, помѣшалъ папа. Карлъ отослалъ назадъ уже помолвленную съ нимъ дочь лангобардскаго короля, что и было первою причиною вражды между ними.

3 Византійскій дворъ и иконоборство.

§ 254. Безнравственность византійскаго двора вскорѣ угасила тотъ блескъ, который приданъ былъ имперіи Юстиніаномъ. Среди гнуснѣйшихъ злодѣйствъ всходили порочные государи на запятнанный кровью престолъ, чтобы послѣ кратковременнаго, трепетнаго обладанія имъ, снова уступать его какому нибудь болѣе счастливому сопернику; ослѣпленія, урѣзыванія носа и ушей принадлежали къ числу повседневныхъ явленій при этомъ дворѣ. Хладнокровная жестокость Фоки († 610) превосходитъ всѣ злодѣйства Нерона и Домиціана, а хищничество Констанса († 668) было гибельнѣе для художественныхъ сокровищъ Рима и Сиракузъ, чѣмъ военные походы Аларіха и Гейзериха. Это страшное однообразіе прерывалось лишь преступленіями и потѣхами развратной, перезрѣлой столицы, злостными интригами наглыхъ женщинъ и придворныхъ (евнуховъ), и яростными религіозными спорами о вопросахъ, недоступныхъ человѣческому пониманію.— Между тѣмъ какъ спорили съ ожесточеніемъ о томъ, имѣетъ ли Христосъ, по двойственности своей природы, одну или двѣ воли, и наконецъ признали двѣ воли, дикія болгарскія и славянскія полчища завоевали земли при Гемѣ, утвердились въ Мизіи и Македоніи, и загубили въ Греціи и Пелопоннесѣ послѣдніе остатки эллинской образованности. Исчезли даже названія областей и городовъ, и мракъ варварства

водворился въ пріютахъ древней образованности и гуманизма. Въ то же время, предѣламъ имперіи до самыхъ стѣнъ столицы угрожали съ сѣвера татарскіе Авары (§ 273), съ востока воинственные Персы, а съ юга воодушевленные исламомъ Арабы (§ 262).

Императоры седьмаго вѣка. Слабохарактерному, добродушному Юстину II (§ 250) наслѣдовалъ храбрый Ѳракіецъ Тиверій (578—582), а послѣднему Римлянинъ Маврицій (582—602) все царствованіе котораго было наполнено отчасти богословскими спорами, отчасти битвами противъ Персовъ при царяхъ Гормисдасѣ IV и Хозроѣ II Парвизѣ, отчасти войнами противъ Аваровъ, у которыхъ они вынуждены были данью покупать миръ. Возмущеніе войскъ лишило Мавриція престола. Предводитель мятежа Фока началъ свое ужасное правленіе (602—610), полное кровавыхъ жестокостей и величайшаго сластолюбія, умерщвленіемъ своего предмѣстника и всего его семейства. Преемникъ Фоки, Гераклій (610 — 641), уготовилъ неистовому варвару точно такой же конецъ. Онъ сначала купилъ миръ у Персовъ, которые покорили себѣ Сирію, Палестину и Египетъ, стали твердою ногою въ Аравіи и дѣлали набѣги на Малую Азію вплоть до самаго Константинополя; но этимъ миромъ онъ такъ успѣшно воспользовался для вооруженій и подготовки войскъ, что въ короткое время отнялъ назадъ у непріятелей всѣ ихъ завоеванія и побѣдоносною битвой у развалинъ Ниневіи (627) до того ослабилъ ихъ государство, что не долго спустя оно сдѣлалось добычею Арабовъ. Свирѣпость, съ какою самъ Хозрой (Козру), а по убіеніи его собственнымъ сыномъ и преемникомъ Кобадомъ II, и этотъ деспотъ, преслѣдовали и избивали ближайшихъ къ себѣ людей, наперсниковъ и родственниковъ,—эта неслыханная свирѣпость еще болѣе ускорила ослабленіе и внутреннее распаденіе Персіи. При десяти преемникахъ Гераклія, изъ которыхъ, кромѣ вышеупомянутаго Константа (641—668), стоитъ назвать по имени только Константина IV (—685) и Юстиніана III (—711), вся византійская исторія наполнена борьбою противъ воинственныхъ Арабовъ, да еще внутренними злодѣйствами.

§ 255. Когда возрастающее поклоненіе иконамъ и мощамъ, принятымъ въ церкви съ давнихъ поръ, какъ «сокращенное откровеніе, повѣствованіе и наставленіе для на-

рода»[1], стало угрожать опасностію въ томъ смыслѣ, что необразованная, льнувшая къ одной внѣшности толпа принимала наружный знакъ за сущность и въ слѣпомъ суевѣріи воздавала самому веществу иконъ божественное почитаніе, тогда императоръ Левъ Исаврянинъ (717—741), впадая въ противоположную крайность, велѣлъ удалить изъ церквей всѣ иконы[2]. Это вызвало страшное волненіе, которое болѣе ста лѣтъ потрясало имперію и тронъ, повело къ отпаденію отъ византійскаго государства еще подвластную ему часть Италіи и самый Римъ, и вызвало буйные порывы дикаго изувѣрства. Двѣ партіи — иконочтителей (иконодуловъ) и иконоборцевъ (иконокластовъ)—враждебно противустали другъ другу. Въ духѣ Льва дѣйствовалъ и сынъ его, энергическій деспотъ Константинъ (741—755), котораго чтители иконъ прозвали Копронимомъ (т. е. «навозникомъ»). Созвавъ изъ своихъ единомышленниковъ церковный соборъ, онъ велѣлъ объявить служеніе иконамъ «діавольскимъ навожденіемъ», каралъ сопротивляющихся смертью или ссылкою и положилъ преграду распространенію монашества и безбрачія. Въ тоже время онъ успѣшно воевалъ съ дикими Болгарами, азіятскимъ кочевымъ народомъ, который по проложенному Гуннами пути проникъ въ Дунайскія земли и заимствовалъ отъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ языкъ, нравы и обычаи. Константинъ пріостановилъ ихъ набѣги сооруженіемъ пограничныхъ крѣпостей. Сынъ его Левъ IV (775—780) также принадлежалъ къ иконоборствующимъ императорамъ. Но послѣ преждевременной, внезапной его кончины, супруга его, страстно-властолюбивая Аѳинянка Ирина (ок. 800), созвала новый соборъ (въ Никеѣ) для отмѣны постановленій Копронимова собора и возвратила опять церквамъ ихъ иконное благолѣпіе. Увлекшись властолюбіемъ, она велѣла ослѣпить

[1] Слова Ѳеодосія, епископа Амморейскаго, на Никейскомъ соборѣ. См. Начертаніе Церковной Исторіи, соч. Иннокентія, ч. I, стр. 408.

[2] Быть-можетъ, съ цѣлію искоренить заблужденіе іудеевъ и мусульманъ, полагавшихъ, что христіане вѣруютъ не въ единаго Бога, а идолопоклонствуютъ. Такъ какъ почитаніе иконъ находилось въ совершенномъ противорѣчіи съ іудействомъ и исламомъ, которыя ужасались всякаго внѣшняго изображенія Божества, то Левъ видѣлъ въ этомъ главное препятствіе къ замышляемому имъ обращенію іудеевъ и магометанъ въ христіанскую вѣру. (см. Начерт. Церковн. Исторіи, соч. Иннокентія, ч. I, стр. 395).

своего собственнаго сына (Константина VI) и, томя его въ бездѣйствіи, сама помышляла о брачномъ союзѣ съ Карломъ Великимъ, какъ вдругъ всѣ ея замыслы были разрушены заговоромъ. Она умерла въ ссылкѣ на остр. Лесбосѣ, питаясь собственнымъ трудомъ. Усердіе ея къ св. иконамъ и ея скорбно-смиренная кончина доставили Иринѣ вѣнецъ святости. Глава заговорщиковъ Никифоръ сталъ ея преемникомъ (803).

§ 256. Послѣ нѣсколькихъ низверженій съ престола, сопровождаемыхъ убійствами и изувѣченіями, императорскаго вѣнца достигъ энергическій Левъ V Армянинъ (813 — 820), и напугалъ чтителей иконъ новыми запрещеніями, равно какъ и ближайшій преемникъ его, Михаилъ II (820—829), который, по умерщвленіи Льва предъ алтаремъ, перешелъ на тронъ прямо изъ темницы; такъ же поступалъ и сынъ послѣдняго, Θеофилъ (829—842), ревностный покровитель зодчества, наукъ и учебныхъ заведеній. Но когда жена его, Θеодора, въ малолѣтство сына своего Михаила III (842 — 867), изъ набожности и политическихъ видовъ снова разрѣшила иконопочитаніе, возбужденная этимъ вопросомъ буря мало по малу стала утихать [1]. Михаилъ III, не уступавшій худшимъ изъ императоровъ въ сладострастіи, распутствѣ, суетности и жестокости, палъ наконецъ жертвою заговора, руководимаго Василіемъ Македонянином. Въ лицѣ Василія вступила на престолъ династія, которая съ немногими перерывами управляла имперіей около 200 лѣтъ и снова придала ей нѣкоторую силу, преимущественно тѣмъ, что принимала въ греческое войско чуждыхъ наемниковъ. — На Западѣ постановленія противъ иконъ никѣмъ не приводились въ исполненіе. Въ это же время святые братья Меѳодій и Кириллъ старались распространить евангельское ученіе между Болгарами и Славянскими племенами на югъ и на сѣверъ отъ Дуная.

Не смотря на господствующее развращеніе народа и па порочность двора, Константинополь оставался въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ пріютомъ образованія и учености. Въ то время какъ остальная Ев-

[1] За это благодарная Церковь до нынѣ воспом инаетъ память царицы Θеодоры, сопричтенной лику Святыхъ.

рона медленно высвобождалась изъ мрака невѣжества, суевѣрія и варварства, византійскіе писатели сохраняли еще научный смыслъ и знаніе того, что необходимо въ общежитіи человѣческомъ. Іоаннъ Грамматикъ, въ началѣ 7 вѣка, ученый объяснитель Аристотеля и авторъ многихъ сочиненій по части грамматики и философіи; Іоаннъ Дамаскинъ, основатель систематическаго богословія, въ 8 вѣкѣ, и умершій въ 891 г. патріархъ Фотій, человѣкъ обширныхъ свѣдѣній въ церковной литературѣ и древностяхъ, были лучезарными свѣтилами въ ту эпоху литературной пустоты. Но нравственность и добродѣтель совершенно исчезли. Самые даже энергическіе императоры посрамляли свою военную славу безчеловѣчною жестокостью; роскошь и сластолюбіе считались лучшею усладой жизни.—Собраніе законовъ, составленное при Василіи и его преемникахъ и названное Василиками, первоначально произошло изъ перевода, сокращенія и передѣлки Юстиніанова кодекса (§ 250), но въ послѣдствіи оно было распространено и служитъ важнымъ пособіемъ для критики и истолкованія законодательныхъ трудовъ Юстиніана (Corpus Juris). Сборникъ Василикъ подвергался многократнымъ пересмотрамъ и, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, не восходитъ далѣе эпохи Константина Багрянороднаго (ок. 950).

4. Славянскіе народы.

§ 256. б. Славяне (извѣстные Германцамъ подъ именемъ Вендовъ), составляя на ряду съ Германцами, Романцами и Кельтами одно изъ главныхъ племенъ европейскаго населенія, жили въ теченіе тысячелѣтій по лѣснстымъ Алаунскимъ высотамъ (въ такъ-называемомъ Волхонскомъ лѣсу), по верховьямъ Волги и по приднѣпровскимъ равнинамъ, откуда они постепенно проникали все далѣе на западъ. Между тѣмъ какъ Русь и Поляки, сохранившіе вѣрнѣе всѣхъ прочихъ племенъ особенныя черты своей народности, распространялись мало по малу во всѣ концы своей первобытной родины и разселились по обширной равнинѣ отъ Вислы до Поволжья, другія племена, прозванныя у Германцевъ Вендами, подались на западъ и заняли опустѣвшія вслѣдствіе переселенія народовъ германскія земли, отъ южнаго берега Балтійскаго моря до Фихтельгебирга (т. е. сосноваго

хребта) и Богемскаго лѣса (Бёмервальда), иныя же потянулись на югъ и проникли до самыхъ предѣловъ Восточной имперіи. Къ славянскому корню принадлежатъ не только племена по Одеру и Вартѣ, а также обитатели Богеміи (Чехи) и Моравіи, но и порубежники Германцевъ на Эльбѣ, Гавелѣ и Заалѣ, Гевельцы и Украны въ Бранденбургѣ, Далеминцы и Сорбы въ Саксоніи и жители прибалтійскихъ странъ, Поруссы въ Пруссіи, Вильцы (Лутичи) и Помераны (поморяне) въ Померанiи, Ободриты въ Мекленбургѣ, Линоны въ Лауэнбургѣ — также славянскаго происхожденія; наконецъ, вендскія же племена поселились въ Лаузицѣ (Лужицѣ), у Фихтельгебирга и въ краяхъ прилегающихъ къ рр. Майну и Регницу. Но современемъ, подъ вліяніемъ живущихъ между ними и рядомъ съ ними Нѣмцевъ, они утратили свой славянскій языкъ, свои особенности и онѣмечились почти совершенно. Другія толпы Славянъ заняли пространство между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ, такъ наприм. Словенцы и Карантаны (Винды) сѣли въ восточно-альпійскомъ краѣ, который называется теперь Стиріей (Штейермаркъ, т. е. стирійская украйна), Каринтіей и Крайной; нѣкоторыя поселились отчасти съ разрѣшенія византійскихъ императоровъ, отчасти по собственной волѣ, въ придунайскихъ земляхъ, Иллиріи, Далмаціи, Босніи, Сербіи, Славоніи, Кроаціи (Хорватіи), которыя и доселѣ прозываются ихъ именами; иныя проникли даже въ Македонію, Грецію и далѣе въ Пелопоннесъ; такъ что въ настоящее время обиталища Славянъ простираются отъ Адріатическаго моря до Камчатки и отъ Балканскаго хребта до морей Балтійскаго и Бѣлаго. Всѣ эти славянскія племена были въ близкомъ сродствѣ между собою по языку, нравамъ и происхожденію, но распались на множество большихъ народовъ и мелкихъ, то соединенныхъ, то раздѣльныхъ между собою, племенъ. Славяне живѣе и впечатлительнѣе Германцевъ и обладаютъ многими семейными добродѣтелями и пріятными общежительными свойствами: веселые, пѣвучіе, услужливые, они легко перемогаютъ заботы и трудности жизни, но въ раздраженіи скоро выступаютъ изъ границъ умѣренности, готовы дойти до кровожадности, мсти-

тельности и вѣроломства. Мгновенная вспышка, легкость на подъемъ, быстрота въ замыслѣ и въ исполненіи, соединенныя часто съ приглядною ловкостью и удалью,—вотъ существо славянской природы. Гордые своей народностью, склонны они презирать и пренебрегать все иноземное, хотя при живой подвижной натурѣ легко усвоиваютъ себѣ чужія особенности. Безъ истинной любви къ свободѣ, основанной прежде всего на уваженіи къ самому себѣ, они такъ же заносчивы съ низшимъ, какъ раболѣпны и смиренны передъ высшими. Стремленіе къ истинному образованію, къ облагороженію духовному и нравственному высказывалось у нихъ не такъ сильно, какъ у германскихъ и романскихъ племенъ. Занятыя ими области Римской имперіи превратились въ пустыни и никогда уже не оправлялись, тогда какъ области, завоеванныя германскими племенами, вскорѣ дали отъ себя новый цвѣтъ. Угнетаемые Нѣмцами, которые обходились съ ними какъ съ рабами (Sklaven), они платили за это презрѣніе неугасимою ненавистью къ обидчикамъ. Преданные болѣе мирнымъ занятіемъ, скотоводству, рыбной ловлѣ и земледѣлію, въ войнѣ отличались они сначала только въ качествѣ ловкихъ ѣздоковъ. Въ нравахъ замѣтно у нихъ нѣкоторое сродство съ Востокомъ: женщина поставлена не такъ высоко, какъ у германскихъ племенъ, и семейная жизнь выработалась не въ столь благородныхъ формахъ. Религія Славянъ была соединенное съ человѣческими жертвами идолослуженіе, въ основѣ котораго лежало чествованіе благотворныхъ и зловредныхъ силъ природы. Главнымъ божествомъ ихъ былъ Свѣтовитъ, котораго четвероглавый ликъ въ Арконскомъ храмѣ, на остр. Рюгенѣ, былъ средоточіемъ богослуженія для всѣхъ славянскихъ племенъ по Одеру и Эльбѣ. — Южныя славянскія племена должны были довольно долго признавать надъ собою власть Аваровъ; наконецъ они свергли это тяжкое иго и основали подъ предводительствомъ Франка Самона свое собственное государство (624), котораго ядромъ была Богемія, но которое отсюда простиралось на югъ до Стирійскихъ Альповъ, на востокъ до Карпатъ, и до Гавеля и Шпреи на сѣверъ. Тридцать-семь лѣтъ отстаивалъ Самонъ свое господство и противъ напора Аваровъ

и противъ нападенія собственныхъ соплеменниковъ, и много содѣйствовалъ къ утвержденію на всѣ будущія времена могущества Славянъ на востокѣ Германіи. Обладая балтійскимъ побережьемъ, славянскіе народы обнаруживали нѣкоторое время великую торговую дѣятельность. И впослѣдствіи долго еще разсказывались чудеса о прославленномъ сагою вендскомъ городѣ Юлинѣ (Волинѣ), этой «сѣверной Венеціи», которая при своемъ выгодномъ положеніи на одномъ изъ острововъ въ устьѣ Одера, была, говорятъ, въ раннюю пору среднихъ вѣковъ богатымъ торговымъ рынкомъ для дальняго востока. Множество красиво срубленныхъ деревянныхъ домовъ (избъ) свидѣтельствовало, какъ увѣряютъ, о богатствѣ и роскоши вендскаго купеческаго города [1].

§ 256. в. Общее обозрѣніе и выводы. Между тѣмъ какъ славянскіе народы по Одеру и Эльбѣ, по Дунаю и въ восточныхъ Альпахъ положили начала объемистой государственной жизни, а потомъ уступая одолѣвающему напору Нѣмцевъ, должны были по большей части измѣнить свои нравы, языкъ и народный обычай на нѣмецкіе, въ то самое время покинувшія отечество германскія племена утратили въ завоеванныхъ ими чужихъ земляхъ родныя воспоминанія и національныя особенности и приняли языкъ, образованіе и законодательство побѣжденныхъ народовъ. Если, съ одной стороны, явленіе это свидѣтельствуетъ о могуществѣ духовнаго образованія, дающаго даже слабому и утѣсненному перевѣсъ надъ необразованностью сильнаго и грубаго, то, съ другой стороны, оно доказываетъ воспріимчивость и податливость германской натуры, безсильной устоять противъ напора чуждыхъ ей вліяній. Прекраснѣйшія области римскаго запада достались среди бурь великаго переселенія народовъ германскимъ племенамъ; воспоминанія о прежней общей связи подъ владычествомъ Рима тогда не исчезли еще совершенно; установленіемъ союзныхъ отношеній очень можно было бы создать германскую западную имперію и противупоставить ее восточной византійской. Но далекія отъ того,

[1] Красиво срубленная деревянная изба, въ то время и въ тѣхъ краяхъ, была дѣйствительно замѣчательною роскошью.

чтобъ слиться въ одно цѣлое и содѣйствовать стремленіямъ великаго Ѳеодориха, германскія государства болѣе и болѣе разъединялись, выработали каждое самобытно свою жизнь въ тѣсно ограниченныхъ сферахъ и тѣмъ самымъ доставили побѣду чужеродцамъ. Лангобарды въ долинѣ По сдѣлались Итальянцами, Вестготы и Свевы на Пиренейскомъ полуостровѣ превратились въ Испанцевъ, Франки приняли галльскій языкъ и образованіе, хотя и страна и народъ носили съ тѣхъ поръ имя новопришельцевъ. Но мало того, что главныя племена забыли общее свое происхожденіе, свои родовыя и кровныя связи, и устроились въ своемъ особомъ быту независимо другъ отъ друга: даже отдѣльныя народности распались еще на многія государства и державы и нерѣдко истощали свои силы въ войнахъ, родовыхъ усобицахъ и кровоместныхъ расправахъ. Англосаксы, которые на Британскихъ островахъ до такой степени пересилили кельтійское населеніе, что только тамъ германскій языкъ и бытъ, германское право и религія, одержали верхъ надъ романскою культурой,—и Англосаксы раздѣлились на семь королевствъ; Франки распались на три или четыре государства; въ Испаніи рано возникла національная рознь, породившая впослѣдствіи многія отдѣльныя державы; въ Бургундіи внутренній разладъ и усобицы постоянно ослабляли народную силу. Нигдѣ дробленію государствъ не противодѣйствовали законами о наслѣдіи престола; земли дѣлились между сыновьями властителей какъ частныя имущества. Когда въ 8 и 9 вѣкѣ Карлъ Великій хотѣлъ совокупить германскія государства въ одно цѣлое, Вандалы и благородное племя Остготовъ уже были сокрушены мечемъ Византіи, а у всѣхъ прочихъ, благодаря помѣси съ римскимъ населеніемъ, выработался и сложился къ той порѣ опредѣленный и особый народный характеръ. Этому распаденію содѣйствовала въ свою очередь и рознь въ вѣрѣ, такъ какъ первыя обращенныя къ христіанству германскія племена держались аріанскаго ученія, а напротивъ Франки и Англосаксы приняли римскую догму и римское богослуженіе и старались распространять ихъ съ фанатическою ревностью. Когда же въ шестомъ и седьмомъ вѣкѣ постепенно исчезли всѣ языческія и еретическія ученія

и римско-каѳолическая церковь распространилась по всему Западу, тогда конечно установилась между всѣми народами одна общая связь, но, надо замѣтить, такая, которая болѣе стѣсняла, нежели поощряла національное развитіе, которая доставила совершенное господство романизму и, всеобщимъ церковнымъ типомъ, наложеннымъ ею на всѣ племена, рѣшительно пригняла самобытность германскаго характера. — Хотя германскіе народы долго еще сохраняли свое особенное право и законы, основанные на преданіи и обычной старинѣ; по прежнему судъ творился на судебныхъ сходкахъ (Malstätten), и значительнѣйшіе германскіе народы, Лангобарды, Бургунды, Франки и Вестготы, старались тщательнымъ собираніемъ и записываніемъ уберечь отъ порчи дошедшіе къ нимъ отъ предковъ юридическіе институты и передать ихъ въ цѣлости потомкамъ; но въ тоже самое время — странное стеченіе обстоятельствъ! — въ Византіи составленъ Юстиніановъ Кодексъ, которому впослѣдствіи суждено было не менѣе самой церкви подклонить германскіе народы игу латинства. Римская гражданственность и римскій языкъ, римское право и церквоустройство были такими сильными дѣятелями общественнаго быта, что простыя, необразованныя и честныя племена не могли, при встрѣчѣ съ ними, не подчиниться ихъ вліянію. Только особенности нравовъ и воинское мужество, коренившіяся въ самомъ существѣ природы и духовнаго настроенія Германцевъ, остались нетронуты и вскорѣ оказали благотворное воздѣйствіе на испорченный романскій міръ. Надежная вѣрность Германцевъ, ихъ прямодушное слово, ихъ уваженіе къ женщинѣ и личная честь остались и на будущее время признанными ихъ добродѣтелями, которыя послужили къ облагороженію общественнаго и домашняго быта потомковъ. — Сколько ни утратила германская нація прекрасныхъ силъ черезъ великое переселеніе народовъ, это событіе всегда будетъ гордостью и славою Германцевъ, и уничтоженіе римскаго міродержавства на вѣки останется величайшимъ ихъ подвигомъ въ исторіи. Это чуялъ и народный инстинктъ, привязавшій къ той глубокотревожной, обильной дѣлами эпохѣ свои древнѣйшія и величавѣйшія поэтическія созданія. Богатырское время великаго

переселенія народовъ стало тѣмъ таинственнымъ родникомъ сагъ, откуда, въ неизслѣдимой, туманной высотѣ исходятъ живые потоки племенной исторіи германскихъ народовъ, гдѣ, какъ среди громаднаго Альпійскаго хребта, блистательно выникаютъ тамъ и сямъ облитые солнцемъ горные исполины, которые въ своихъ золотыхъ вершинахъ сосредоточиваютъ славу и честь цѣлыхъ племенъ. Таковы свѣтлые образы Остготовъ Германриха и Дитриха бернскаго (т. е. веронскаго), таковъ бургундскій король Гюнтеръ съ героемъ Нибелунговъ Сигфридомъ, таковъ лангобардскій властитель Альбоинъ и другъ. Эпоха переселенія народовъ является въ исторіи Германцевъ именно чѣмъ-то въ родѣ Альпійскаго хребта, гдѣ и въ самомъ дѣлѣ романскій и германскій міръ безпрестанно встрѣчаются и расходятся, смѣшиваются и отталкиваются между собою, такъ что часто очень трудно бываетъ рѣшить, какому собственно племени принадлежитъ та или другая блестящая въ дали вершина. Эту эпоху можно назвать послѣднимъ общимъ отечествомъ всѣхъ германскихъ племенъ передъ тѣмъ, что имъ разойдтись въ разныя стороны и забыть въ новозанятыхъ ими обиталищахъ о своемъ прежнемъ единствѣ. Въ героическихъ типахъ народной поэзіи сохранилось у германцевъ послѣднее воспоминаніе о ихъ первобытномъ сродствѣ и общей національной связи.

IV. АРАБЫ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ ИСЛАМА.

§ 257. Внутренность полуострова Аравіи — обширная песчаная степь, по которой бродятъ орды Бедуиновъ (т. е. кочевниковъ), гдѣ нѣтъ никакой тѣни въ защиту отъ палящихъ лучей солнца, гдѣ однообразіе безконечной равнины лишь изрѣдка прерывается родникомъ или скоро изсякающимъ въ пескѣ потокомъ, вокругъ котораго ростутъ купы пальмъ, иногда цѣлыя рощицы въ видѣ оазисовъ, и гдѣ только верблюдъ, способный переносить голодъ, жажду и безсонницу и доставляющій пользу всѣмъ своимъ существомъ, — мясомъ, шерстью, молокомъ, даже навозомъ,—можетъ поддерживать взаимныя сообщенія. На немъ да на благородномъ, быстромъ конѣ держится все богатство обитателей степи Бедуиновъ, которыхъ

зовутъ также Сарацынами [1]. Югозападная береговая полоса (Іеменъ), прорѣзанная плодоносными долинами, поэтому и называется Счастливою Аравіей. Здѣсь, въ тропической атмосферѣ, прохлаждаемой высотой горъ и вѣтрами съ океана, зрѣютъ дрогоцѣнные плоды. Здѣсь—страна ладона, сахарнаго тростника, кофейнаго дерева (Мокка), гранатъ, смоквъ и финиковыхъ пальмъ, страна пшеницы и индѣйскаго проса, гдѣ благородное, способное къ образованію племя живетъ въ гордой независимости. Не очень далеко отъ берега Чермнаго моря, въ области Геджазъ, лежатъ города пророка Мекка и Медина. Римляне проникали только въ сѣверную, Каменистую Аравію, съ древнею столицей Петрою (по еврейски Села).—Жители Счастливой Аравіи, благодаря производимой ими искони обширной караванной и морской торговлѣ, были богаты и наслаждались довольствомъ и роскошью; напротивъ кочевники пустыни вели подъ управленіемъ наслѣдственныхъ племеначальниковъ (эмировъ и шейховъ) простой и умѣренный образъ жизни. Окруженные совѣтомъ старшинъ, эти начальники блюдутъ миръ въ предѣлахъ племени, рѣшаютъ возникающіе въ немъ споры, предводительствуютъ молодежь въ хищныхъ набѣгахъ и усобицахъ и подѣляютъ между родичами награбленную добычу. Сыны пустыни, закаленные бродячей жизнью и солнечнымъ зноемъ,—народъ сметливый, довольный малымъ, простой, пылкій въ любви и ненависти, и на отмщеніе скорый. Рядомъ съ высокими добродѣтелями, вѣрной преданностью и благоговѣйнымъ уваженіемъ къ племеначальникамъ, стойкостью въ данномъ словѣ, мужествомъ и благороднымъ гостепріимствомъ, господствуютъ у нихъ сильныя страсти и пороки,—жестокость, кровожадность, хищничество, охота къ усобицамъ и такая жажда кровной мести, которая съ обѣихъ сторонъ переходитъ изъ рода въ родъ по наслѣдству и плодитъ племенныя войны до безконечности. Пылкое воображеніе Арабовъ упивается былинами и сказками, а подвиги и судьбы праотцевъ славятся у нихъ въ метрическихъ пѣсняхъ. Ихъ религія, сначала естественная и состоявшая въ звѣздопоклонствѣ, привнесеніемъ въ нее іудейскихъ догматовъ и искаженныхъ христіанскихъ началъ, превратилась наконецъ въ какую-то темную смѣсь разнообразныхъ богослуженій

[1] Бедуинъ отъ арабскаго бидъ, пустыня. Сарацынами называлось собственно сильное кочевое племя на сѣверѣ пустынной Аравіи, долго боровшееся съ Восточною имперіей. Нѣкоторые производятъ имя Сарацыновъ отъ арабскаго шаркіинъ, восточные,

и догматовъ. Важнѣйшею національною святыней Арабовъ была Кааба въ городѣ Меккѣ,—храмъ съ четыреугольнымъ чернымъ камнемъ, по всей вѣроятности—аэролитомъ (воздушнымъ). Камень, косно повинующійся одному лишь тяготѣнію, служилъ символомъ слѣпой необходимости природы и неизмѣннаго соблюденія союзныхъ договоровъ. Къ Каабѣ совершались ежегодно благочестивыя странствованія, во время которыхъ прекращались всѣ войны и усобицы. Огромная ярмонка и поэтическія состязанія, при которыхъ піэсы, удостоенныя награды, получали почетное мѣсто въ Каабѣ и вывѣшивались всѣмъ на поглядѣнье,—все это вмѣстѣ служило къ возвеличенію священнаго торжества въ заповѣдной мѣстности, которая становилась черезъ это средоточіемъ и объединительною связью для многихъ, далеко разсѣянныхъ, разрозненныхъ враждою и взаимною ревностью племенъ.

§ 258. Могаммедъ (571—632), изъ знатнаго исмаэлитскаго рода Курейшитовъ, на который возложено было храненіе чернаго камня въ Каабѣ, еще въ молодости совершилъ въ качествѣ купца нѣсколько караванныхъ путешествій въ чужія земли, при чемъ для него стало яснымъ превосходство единобожной религіи христіанъ и іудеевъ надъ идолопоклонствомъ его соплеменниковъ. Поэтому, какъ скоро онъ достигъ независимаго положенія бракомъ съ богатою вдовою Хадиджею, онъ удалился отъ мірской суеты внутрь самого себя и сталъ думать о томъ, какъ бы освободить свой народъ отъ духовнаго рабства. Ожиданіе Іудеями Мессіи, обѣщаніе Іисуса Христа послать возлюбившимъ его ведущаго къ истинѣ утѣшителя (параклета), подѣйствовали на его пылкое воображеніе и возбудили въ немъ чувство живаго чаянія, что онъ и есть тотъ самый избранникъ, въ комъ такъ нуждается міръ. Припадки падучей болѣзни, которою онъ страдалъ, благопріятно настроили толпу къ вѣрѣ въ его собственныя показанія, что онъ находится въ общеніи съ ангелами и получаетъ вдохновенія (видѣнія) свыше. На сороковомъ году жизни выступилъ онъ съ своимъ ученіемъ: «Есть только одинъ Богъ, и Могаммедъ пророкъ его». Но, вначалѣ, кромѣ его жены, тестя Абу-Бекра, зятя и двоюроднаго брата Али и нѣсколькихъ другихъ родственниковъ и друзей, никто не вѣрилъ его посланію; мало этого,—опасный

мятежъ принудилъ его приверженцевъ переселиться въ Абиссинію, а потомъ заставилъ и самого Могаммеда бѣжать изъ Мекки въ Медину (16 іюля 622 г., начало могаммеданской эры, гиджра, то-есть бѣгство § 19). Здѣсь нашелъ онъ союзниковъ, родичей и вѣрующихъ послѣдователей, съ которыми предпринималъ набѣги противъ язычниковъ и іудеевъ и наконецъ, послѣ многихъ славныхъ сшибокъ (бой при Бедрѣ), завоевалъ себѣ возвратный путь въ Мекку. Еще въ Мединѣ окончилъ онъ, раздѣленную на суры [1], священную книгу Коранъ, содержащую въ себѣ полное собраніе мнимыхъ его откровеній и составляющую вмѣстѣ законъ вѣры и гражданскій законъ могаммеданъ; потому что рядомъ съ вѣроученіемъ и нравоученіемъ въ ней заключаются разныя обрядовыя правила и постановленія гражданскаго права. Теперь и Мекка признала его пророкомъ, а вскорѣ потомъ цѣлая Аравія начала молиться единому Богу, котораго открылъ ей Могаммедъ. Пророкъ скончался въ одиннадцатомъ году гиджры (632). Гробница его въ Мединѣ сдѣлалась съ тѣхъ поръ вмѣстѣ съ его родиной, Меккой, предметомъ благочестивыхъ странствованій для богомольцевъ. Могаммедъ соединялъ важность и достоинство въ поступи и осанкѣ съ радушною привѣтливостью и внѣшнею красотою. Щедрый на благотворенія, онъ велъ простой образъ жизни и не былъ чуждъ семейныхъ добродѣтелей, но грѣшилъ излишней падкостію къ женщинамъ.

§ 259. Исламъ («богопреданность», такъ называется законъ Могаммеда). Признавая Моисея и Христа пророками Божіими, которыхъ законъ предоставлено ему было завершить, Могаммедъ принялъ основныя ученія іудейства и христіанства, но облекъ ихъ во множество правилъ и положеній, дѣйствовавшихъ съ особенною силой на восточную воспріимчивость. Онъ училъ, что есть единый вѣчный Богъ, творецъ и вседержитель, снова открываемый людямъ чрезъ его посредство, что есть воскресеніе мертвыхъ и будущая жизнь, гдѣ добрые и вѣдущіе узрятъ лицомъ къ лицу создателя, а злые и невѣрующіе получатъ свою казнь. Держась восточныхъ обычаевъ, онъ предписывалъ частыя омовенія, обрѣзаніе, пять

[1] Сура по-арабски—знакъ, слѣдъ, ступень. Такихъ ступеней, или главъ, въ Коранѣ 114.

ежедневныхъ моленій, лицомъ къ Меккѣ, постъ (въ теченіе мѣсяца рамадана), благочестивыя странствованія въ Мекку и раздачу милостыни, запретилъ употребленіе вина и свинаго мяса, которое слыветъ нечистымъ у всѣхъ восточныхъ народовъ, и разрѣшилъ многоженство, господствовавшее тамъ искони. Но главною заповѣдью Корана было то, что исламъ должно распространять всѣми средствами и иновѣрные народы приводить къ нему огнемъ и мечомъ, а чтобы внушить мусульманамъ (собственно мослеминъ, множ. отъ мослемъ, «правовѣрный») мужество и презрѣніе смерти, онъ утверждалъ, что долговѣчность, судьба и конецъ каждаго человѣка заранѣе опредѣлены неизмѣннымъ совѣтомъ Божіимъ (фатализмъ), а тѣмъ, кто падетъ въ священной борьбѣ, обѣщалъ рай, полный чувственныхъ услажденій, гдѣ имъ будутъ служить черноокія дѣвы (гуріи) [1].

§ 260. Халифатъ. Али, мужъ любимой дочери пророка, Фатимѣ, надѣялся быть преемникомъ (халифомъ) Могаммеда въ духовномъ и свѣтскомъ званіи судьи и владыки, но коварная жена Могаммедова, Аиша, умѣла устроить такъ, что преемникомъ былъ назначенъ отецъ ея Абу-Бекръ, (632—634), а ему наслѣдовалъ Курейшитъ Омаръ, отличавшійся простотою, энергіей, смиреніемъ и умѣренностью (634—644). Въ его правленіе привыкшіе къ боевой жизни мусульмане, одушевясь подъ вліяніемъ новой вѣры героизмомъ и презрѣніемъ къ смерти, перенесли свой побѣдоносный мечь за предѣлы Аравіи. Въ первомъ пылу «священной брани» завоеваны были Палестина и Сирія, и въ христіанскіе города Іерусалимъ, Антіохію и Дамаскъ вступили восторженные поборники Могаммеда. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда храмъ Соломоновъ, Омаръ велѣлъ соорудить могаммеданскую мечеть. Кто изъ покоренныхъ не обращался къ исламу, тотъ становился подвластнымъ и данникомъ. «Мечь Божій» Халидъ, Саадъ и хитрый Амру предводили дружины воинственнаго пастушескаго народа, которому одна сильная воля и одна, вооруженная духовнымъ и свѣтскимъ полновластіемъ рука, указывали вѣрную цѣль дѣятельности. Цѣлымъ рядомъ кровавыхъ битвъ (при Кадезіи) смятенное борьбами за престолъ Персидское царство приведено было къ покорности (636). Послѣдній царь Іезде-

[1] Пророкъ полагалъ ихъ по семисотъ при каждомъ райскомъ ложѣ.

гердъ бѣжалъ, какъ нѣкогда Дарій отъ Александра, унося съ собою священный огонь, въ дальнія горы, но тамъ послѣ второй несчастной схватки онъ палъ отъ руки убійцъ. Съ нимъ угасъ геройскій родъ Сассанидовъ. Столица его Маданнъ (древній Ктесифонъ) съ своимъ бѣлокаменнымъ дворцомъ и несмѣтными сокровищами досталась въ руки побѣдителей, которые въ завоевательномъ порывѣ проникли теперь за Оксъ (Аму) и Яксартъ (Зейхунъ) и перенесли Могаммедово ученіе въ область верхняго Инда. Древній зендскій языкъ (пегльви) погибъ, религія маговъ уступила мѣсто Корану и слѣды ея остались только у одной гонимой и притѣсняемой секты — гебровъ. Небольшая община Парсовъ, укрывшаяся въ горахъ, сохраняла еще нѣсколько времени вѣру праотцевъ, пока гоненія не постигли и ея; тогда она выселилась въ Индію, гдѣ послѣ многихъ превратностей судьбы нашла себѣ постоянное убѣжище на полуостровѣ Гузуратѣ. Вскорѣ увѣровали въ Могаммеда дикіе обитатели безвѣстной Бухаріи и отдаленнаго Туркестана, и въ Арменіи христіане приведены были въ положеніе даннической секты, то терпимой, то угнетаемой преобладающимъ мусульманствомъ. Исламъ съ этихъ поръ былъ уже постоянно господствующею религіею Востока.

Новые города Басра, Куфа и, нѣсколько позже, Багдадъ на Тигрѣ (впослѣдствіи и Ширазъ) стали средоточіемъ торговли и международныхъ сообщеній и пріютомъ восточной пышности и любострастія. — Балхъ (на развалинахъ древней Бактры) и Самаркандъ, въ очаровательномъ мѣстоположеніи, также обязаны своимъ происхожденіемъ могаммеданамъ.

§ 261. Изъ Сиріи двинулся Аму на раздираемый религіозными партіями Египетъ, взялъ Александрію, при чемъ, какъ говорятъ, погибли послѣдніе остатки библіотеки, истребленной большею частію пожаромъ музея еще въ Цезаревы времена, сжегъ Мемфисъ, вблизи котораго, на разливѣ богатой дельты Нила, изъ стана могаммеданскаго полководца возникла новая столица Кагира (Каиръ), и вездѣ вытѣснялъ Евангеліе, водворяя на мѣсто его Коранъ. Древніе обитатели края, Копты, которые, будучи приверженцами ученія о единомъ естествѣ въ Іисусѣ Христѣ (монофизитами), подверга-

лись жестокимъ гоненіямъ со стороны православныхъ, охотно поддались новымъ властителямъ и приняли на себя иго дани и покорности.—Вскорѣ потомъ Омаръ палъ подъ кинжаломъ одного персидскаго невольника, и халифатъ достался Отману (644—656), который собралъ и привелъ въ порядокъ Коранъ. Пристрастіе къ роднѣ стало причиною его насильственной смерти, и тогда только достигъ наконецъ священнаго престола Али, давно уже считавшій его законнымъ своимъ достояніемъ. Но сирійскій намѣстникъ Муавія (656—679), изъ враждебнаго пророку рода Омейядовъ, возсталъ противъ Али и послѣ продолжительнаго кроваваго междоусобія, кончившагося убіеніемъ соперника и отреченіемъ его сына, Гасана (661), достигъ съ помощію Амру халифскаго достоинства, которое около ста лѣтъ оставалось за его домомъ, властвовавшимъ въ великолѣпномъ Дамаскѣ. Второй сынъ Али, великодушный, кроткій Гусейнъ, который, вопреки совѣту своей супруги, старался, по смерти Муавіи, занять халифскій престолъ, погибъ въ неравной борьбѣ съ сыномъ его Іездомъ I (680—683); онъ умеръ, весь израненный, смертію героя, послѣ того, какъ его младшій сынъ и племянникъ пали въ его объятіяхъ отъ непріятельскихъ стрѣлъ; рядомъ съ нимъ легли благороднѣйшіе и великодушнѣйшіе мусульмане. Потомки его пользовались у правовѣрныхъ величайшимъ уваженіемъ.

Эта борьба раздѣлила мусульманъ на двѣ религіозныя партіи: шіитовъ (нынѣ большею частію Персіанъ), признающихъ право наслѣдія только за родственниками пророка, величающихъ Али съ его потомствомъ законными халифами и дающихъ ему въ ряду первосвященниковъ (имамовъ) первое мѣсто послѣ Могаммеда, и на суннитовъ (Турковъ и Арабовъ), которые отстаиваютъ право свободнаго избранія халифовъ, видятъ въ Муавіи, его предшественникахъ и преемникахъ, законныхъ намѣстниковъ пророка, и рядомъ съ Кораномъ признаютъ еще обязательную силу сунны, то-есть изустныхъ преданій Могаммеда, подтвержденныхъ Абу-Бекромъ и его преемниками, но которыхъ шіиты отнюдь не допускаютъ вполнѣ. Сунна содержитъ въ себѣ изреченія и разсказы пророка, сохраненные его вдовою Аишей, его товарищами и первыми халифами, и будто бы предназначенные имъ самимъ для передачи потомству.

§ 262. Подъ державою Омейядовъ, Арабы, не смотря на внутреннее распаденіе и междоусобія, продолжали свои завоевательные походы на сушѣ и на морѣ. Кипръ, Родосъ и Малая Азія почувствовали остріе ихъ меча, столица Византійской имперіи выдержала отъ нихъ семь осадъ и нападеній (668—675) и спаслась только благодаря своему крѣпкому положенію и такъ-называемому греческому огню, изобрѣтенію сирійскаго Грека Каллиника, которое состояло изъ искусственной смѣси горючихъ веществъ, пылало даже подъ водою и производило опустошительное дѣйствіе. Преемникъ Іезида, Мерванъ I (683—685), боролся большею частію съ внутренними врагами и погибъ отъ руки собственной властолюбивой жены; но когда страшный сынъ его Абдъ-Альмаликъ (685—705) смирилъ мятежныя племена чрезъ своего кровожаднаго полководца Гаджаджа и сталъ полновластнымъ повелителемъ всѣхъ правовѣрныхъ, онъ счастливо продолжалъ войну съ Византійцами въ Арменіи и Малой Азіи. — Въ то же время сѣверный берегъ Африки былъ покоренъ вплоть до (Гибральтарскаго) пролива, и въ теченіе продолжительной войны истреблена тамъ христіанская религія и гражданственность. Кайрванъ, въ Киренской области, окруженный зелеными пажитями и рощами финиковыхъ пальмъ, сдѣлался изъ простаго становища цвѣтущею столицей того края и средоточіемъ караванной торговли. Карѳагенъ снова превращенъ въ груду развалинъ (675) и христіанскіе жители его избиты для того, чтобы прочнѣе водворить тамъ господство ислама. Кочевыя Берберскія племена, потомки древнихъ Нумидовъ и Мавританцевъ, стали въ самыя близкія отношенія къ побѣдителямъ, съ которыми было у нихъ много общаго въ правахъ, характерѣ и образѣ жизни. Съ тѣхъ поръ сѣверная Африка, бывшая нѣкогда сѣдалищемъ римской гражданственности, выступила изъ ряда образованныхъ странъ міра. Племена доброконныхъ Бедуиновъ основали на развалинахъ древняго великолѣпія могаммеданскія разбойническія державы, и свѣтъ Евангелія, разливавшійся отсюда во времена св. Августина ясною и благотворною теплотою по всему Западу, угасъ теперь вполнѣ, уступивъ мѣсто вѣрѣ въ Бога Могаммедова, восточному многомоленію и восточному ханжеству.

§ 263. Когда Омейядъ Велидъ (705—714), преемникъ кровожаднаго и воинственнаго Абдъ-Альмалика, сидѣлъ халифомъ въ Дамаскѣ, а намѣстникъ его Муза предводилъ войска въ Африкѣ,—въ то время Вестготъ Родриго отнялъ испанскій престолъ у энергическаго, но самовластнаго короля Витицы, который благими преобразованіями старался поднять значеніе королевскаго сана, основаннаго на выборѣ, и смирить преобладаніе духовенства и безпокойной знати. Сыновья низвергнутаго короля, заодно съ дядею своимъ, архіепископомъ севильскимъ, и губернаторомъ Севты, графомъ Юліаномъ, призвали Арабовъ на отмщеніе. Одинъ изъ подначальныхъ Музѣ полководцевъ, Тарикъ, переправился черезъ проливъ, на крутой скалѣ мыса Кальпе положилъ основаніе крѣпкому городу Гибральтару (Джебель аль Тарикъ, то-есть «Тарикова гора») и, сожегши за собою флотъ, побѣдилъ Вестготовъ въ великой битвѣ при Хересъ дела Фронтерѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Родригомъ легъ весь цвѣтъ его рыцарства (711). Въ слѣдующемъ же году столица края, Толедо, досталась въ руки невѣрнымъ. Побѣдоносно прошли Арабы (Мавры) всю Испанію до замкнутой горами Астуріи, куда храбрѣйшіе изъ Вестготовъ укрылись подъ начальствомъ Палайо. Сарацины, минуя ихъ, прошли прямо черезъ Пиренеи, завоевали южную Галлію до Роны, и грозили уже гибелью и франкской державѣ, и христіанству, когда богатырь Карлъ Мартелъ (т. е. Молотъ), побочный сынъ маіордома Пипина Геристальскаго (§ 247), поразилъ ихъ, ровно черезъ сто лѣтъ по кончинѣ пророка (въ 732 г.), въ убійственной, семь дней длившейся сѣчѣ между Туромъ и Пуатье, и принудилъ воротиться въ Испанію. Шесть лѣтъ спустя, онъ снова побилъ ихъ при Авиньонѣ и Нарбоннѣ въ Провансѣ (738). Карлъ Мартелъ сталъ такимъ образомъ спасителемъ христіанскаго германства на Западѣ. Арабы поступали кротко съ испанскими христіанами, которые за 125 лѣтъ до этого (подъ державою Реккареда) отъ аріанскаго исповѣданія перешли къ римско-католическому; за умѣренную подать имъ дозволено было жить сообразно своимъ законамъ, правамъ и религіи; побѣдители предоставили себѣ одну верховную власть. Намѣстникъ Муза палъ жертвою зависти. Новый халифъ Сулей-

манъ (Солиманъ, 714—717) велѣлъ заключить его въ темницу, а оставленнаго имъ въ Испаніи сына — обезглавить. — Арабы утвердились также и въ Сициліи, когда одинъ вѣроломный сановникъ византійскаго императора [1] вызвалъ ихъ изъ Африки на этотъ прекрасный островъ (827); отсюда производили они хищническіе набѣги на нижнюю Италію (гдѣ отвоевали себѣ крѣпкія становища въ Тарентѣ и въ Калабрійскихъ горахъ), на Церковную область и Лигурію. Они проникали даже въ Піэмонтъ, Верхнюю Бургундію и къ мирнымъ берегамъ Леманскаго озера, которымъ и Альпы не послужили отъ нихъ защитой. Они вошли съ своимъ флотомъ въ самый Тибръ, отряды ихъ доходили до воротъ Рима (846) и успѣли ограбить храмъ св. Петра, пока папѣ Льву IV удалось наконецъ, съ помощію неаполитанскихъ и гаэтскихъ гражданъ, уничтожить морскую силу невѣрныхъ близъ Остіи и такимъ образомъ спасти святой городъ Римъ (849). Но долго еще держались они въ свѣтлой и теплой Кампаніи съ ея прекрасными плодами и роскошною растительностью; даже классическая мѣстность Помпеіи носитъ на себѣ ихъ замѣтные слѣды.

Вестготское королевство въ Испаніи. Счастливыми войнами противъ Свевовъ въ сѣверозападной Испаніи и противъ греческихъ (византійскихъ) городовъ на югѣ и востокѣ, вестготскіе короли расширили предѣлы своихъ владѣній и наконецъ сдѣлали изо всего Пиренейскаго полуострова одно цѣльное государство. Подобно Остготамъ, они также приняли гражданственность и языкъ побѣжденныхъ и старались слить германское населеніе съ древнимъ романскимъ, введеніемъ между ними одинаковаго законодательства, для чего изложили на письмѣ свое обычное право и пополнили его добавками изъ римскаго (§ 343. 3. Б.). Однако, пока Вестготы были преданы аріанству, сліяніе это не могло совершиться вполнѣ; религіозная ненависть и раждаемыя ею гоненія приводили къ кровавымъ ужасамъ и нарушали мирное общежитіе. Но возрастающая власть епископовъ, состоявшихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Рима, готовила христіанству неизбѣжное паденіе, и хотя Леовигильдъ (567—586), самый энергическій и воинственный король

[1] Евфимій, начальникъ флота при Сицилійскомъ намѣстникѣ, патриціи Фотинѣ.

со временъ Теодориха II (453 — 466), истиннаго основателя господства Вестготовъ въ Испаніи, наказалъ своего старшаго сына смертію за отпаденіе отъ вѣры отцовъ, однакожь второй сынъ его Реккаредъ (586 — 601) даровалъ римско-католическому исповѣданію первенство въ Испаніи и облегчилъ сліяніе германскаго и романскаго элементовъ тѣмъ, что браки между ними положилъ считать законными. Реккаредъ былъ первый германскій король, давшій короновать себя епископу. Сколько ни благопріятно было единеніе вѣры для укрѣпленія государства, оно имѣло однакожь и нѣкоторыя вредныя послѣдствія. Духовенство, съ архіепископомъ толедскимъ во главѣ, вскорѣ достигло такой силы и вліянія, которыя далеко оставляли за собою власть избирательныхъ королей; церковные соборы и синоды, заступавшіе мѣсто земскихъ думъ, рѣшали вопросы о законодательствѣ и государственномъ уложеніи, вопросы о мирѣ и войнѣ. А когда король Вамба (672—681) установилъ закономъ, что духовенство обязано воинскою службою наравнѣ съ дворянами, то вліяніе и внѣшняя сила духовенства возрасли еще больше. Страсть къ гоненіямъ, вооружавшая прежде одну христіанскую партію на другую, обратилась теперь съ сугубой жестокостью противъ многочисленныхъ въ Испаніи Евреевъ, которые отличались и богатствомъ и ученостью. Этому горю старался пособить Витица (701—710), запретивъ гоненіе на Жидовъ, ограничивъ власть духовенства и ревностно стремясь установить наслѣдственность королевскаго сана. Его низверженіе и смерть ознаменовали собой начало роковой эпохи для Испаніи.—Многочисленность Евреевъ облегчила Маврамъ овладѣніе этимъ краемъ, а обѣщанныя Арабами равенство всѣхъ подданныхъ передъ закономъ и равномѣрность податей (согласно кореннымъ началамъ ислама) склонили на ихъ сторону множество несвободныхъ людей, жившихъ подъ гнетомъ могущественной аристократіи.

Арабы въ Сициліи. О взятіи Сиракузъ въ 9 вѣкѣ одинъ очевидецъ разсказываетъ слѣдующее: «Мы оборонялись 10 мѣсяцевъ; часто бились и днемъ и ночью, и на водѣ и на сушѣ, и подъ землею; все перепытали противъ врага и устроенныхъ имъ работъ. Трава, проросшая на кровляхъ, служила намъ пищею; мы мололи кости животныхъ и употребляли ихъ въ видѣ муки; наконецъ пришлось намъ даже ѣсть маленькихъ дѣтей; отъ голода распространились страшныя болѣзни. Разсчитывая на крѣпость башенъ, мы надѣялись

дождаться выручки; когда рухнула главная башня, мы все еще три недѣли держались противъ врага. Въ ту самую минуту, какъ, истомленные зноемъ, наши воины легли отдохнуть, начался вдругъ общій приступъ и городъ былъ взятъ Арабами. Мы побѣжали въ церковь св. Сальватора, непріятель — за нами. Мечъ его посѣкалъ начальствующихъ, священниковъ, монаховъ, старцевъ, женъ и дѣтей, всѣхъ безъ разбора. Потомъ благороднѣйшіе граждане, въ числѣ тысячи человѣкъ, избиты были у городскихъ воротъ камнями, дубьемъ и бичами; коменданта Никеза Тарсскаго до половины ободрали, вырвали у него кишки и потомъ разможжили его о камень; всѣ большіе дома были сожжены и городская крѣпость разрушена. Въ день, когда празднуется у нихъ жертвоприношеніе Авраамово (въ бейрамъ), многіе хотѣли сжечь архіепископа и насъ съ нимъ вмѣстѣ; но какой-то старикъ, имѣвшій у нихъ большое значеніе, спасъ всѣхъ насъ. Писано на четырнадцать пяденей подъ землею, среди безчисленной толпы плѣнныхъ—Евреевъ, Африканцевъ, Ломбардовъ, христіанъ и нехристей, бѣлыхъ и негровъ, въ Палермо».

§ 264. Омейяды царствовали не безъ славы: семейныя добродѣтели и правосудное управленіе Омара II († 720) и веселая дворская жизнь Іезида II († 724), возвышаемая любовью, поэзіей и свѣтлыми пирами, заслужили себѣ громкія похвалы. У Византійцевъ заимствовали они административное искусство и римско-греческую цивилизацію и привлекали въ свою столицу врачей, зодчихъ и математиковъ. Однакожь они были ненавистны многимъ правовѣрнымъ; расколы, мятежи и семейныя распри уронили ихъ значеніе. Велидъ II (743—744), сладострастный преемникъ и племянникъ халифа Гишама (724—743), ненавидимаго за свою скупость и алчность, погибъ въ кровавомъ междоусобіи, а Іезидъ III († 744) пережилъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ вступленіе свое на престолъ. Среди этихъ смутъ, роду Аббасидовъ, происходившему отъ Аббаса, дяди Могаммедова, удалась низвергнуть Омейядовъ (750). Храбрый халифъ Мерванъ II (744—750), послѣ кратковременнаго бурнаго правленія, былъ побѣжденъ своимъ счастливымъ соперникомъ, «кровопролитцемъ» Абуль-Аббасомъ (750—754) и его дядею, жестокосердымъ Абдаллахомъ, при рѣкѣ Забѣ въ Туркестанѣ; вслѣдъ за тѣмъ онъ бѣжалъ и былъ убитъ однимъ хорасанскимъ фанатикомъ. Страшно

было кровомщеніе, сгубившее весь родъ Омейи. Девяносто членовъ этой династіи умерли въ Дамаскѣ насильственною смертью отъ руки безчеловѣчнаго Абдаллаха, который справлялъ потомъ отвратительный пиръ на трупахъ своихъ жертвъ. Гробы халифовъ были осквернены и прахъ ихъ развѣянъ по вѣтру. Старцевъ, мужей и грудныхъ младенцевъ побивали равно безпощадно. Только Абдерраманъ, внукъ халифа Гишама, спасся при помощи вѣрныхъ Бедуиновъ по опаснѣйшимъ пустыннымъ путямъ черезъ Египетъ и сѣверную Африку въ Испанію; племеначальники тамошнихъ Арабовъ провозгласили его своимъ царемъ, и онъ основалъ независимый халифатъ въ Кордовѣ (756). Аббасиды избрали себѣ столицею богатый, блистательный Багдадъ (663), построенный «вольнодумнымъ» халифомъ Абу Джяфаръ аль Мансуромъ (754—775), гдѣ современникъ Карла Великаго Гарунъ аль Рашидъ (Правосудный), сынъ роскошнаго и расточительнаго халифа Могаммеда I Альмади (775—786), царствовалъ такъ достославно и энергично, что имя его потомъ долго жило въ сказкахъ и повѣствованіяхъ (786—809). Славу его блистательнаго правленія раздѣлялъ съ нимъ визирь его Джяфаръ Бармекидъ, изъ древне-персидскаго царственнаго рода, пока Гарунъ аль Рашидъ, изъ подозрѣнія и зависти къ величію этого человѣка, не осудилъ его на смертную казнь. Восходящій къ его эпохѣ сборникъ сказокъ: Тысяча одна ночь, котораго содержаніе заимствовано большею частію изъ Индіи, до сихъ поръ составляетъ одну изъ любимыхъ книгъ дѣтскаго возраста. При блистательномъ халифскомъ дворѣ въ Багдадѣ страстно занимались игрою въ воланъ (летокъ) и въ шахматы; изобрѣтеніе послѣдней принадлежитъ отдаленному Востоку.

Гарунъ аль Рашидъ и его преемники (Эминъ 809 — 813, Мамунъ 813 — 833, Мутассимъ 833 — 842, охотникъ до гоненій Мутаваккиль 847 — 861, Мунтасиръ 861 — 862, и друг.) обращали болѣе вниманія на мирныя искусства, нежели на военныя дѣла. Во всѣхъ арабскихъ городахъ устроены были мечети, дворцы, сады, библіотеки, астрономическія обсерваторіи и т. п.; промышленость и оживленная торговля доставляли богатство, раждавшее любовь къ роскоши и великолѣпію, но неразлучно съ тѣмъ также изнѣ-

женность и распутство. Зобеида, жена Рашидова, первая, вопреки заповѣдямъ Могаммеда, начала носить шитье шелками и драгоцѣнными камнями, наполнять гаремъ душистыми мазями и куревами, и переодѣвать женскую прислугу въ мальчиковъ. Въ арабскихъ столицахъ процвѣтали поэзія и разныя искусства, какъ-то: архитектура, музыка (введена была нотная система) и орнаментная живопись (арабески); наукамъ обучали въ Кордовѣ, Кагирѣ, Багдадѣ, Салерно и въ друг. мѣстахъ, особенно грамматикѣ, исторіи, правовѣдѣнію, философіи, математикѣ (алгебрѣ) [1], астрономіи и астрологіи, естествознанію (химіи, ботаникѣ) и медицинѣ. У Индійцевъ заимствовали они звѣриную басню и различныя свѣдѣнія, перевели сочиненія греческихъ писателей, особенно Аристотеля (§ 99), Эвклида (§ 133), Птолемея, Галена, Гиппократа и другихъ (§ 224), которые стали потомъ извѣстны западнымъ ученымъ сначала только по арабскимъ переводамъ; да и вообще вліяніе арабской литературы и цивилизаціи на средневѣковое образованіе христіанъ было очень велико. Арабамъ обязаны передовые народы той эпохи знакомствомъ съ риѳмою и многими важными формами стихосложенія. Изъ Индіи заимствовали они такъ-называемыя арабскія цифры, благодаря которымъ западные края освоились съ дивнымъ изобрѣтеніемъ придавать числамъ значеніе по ихъ относительному положенію (нумерація). Арабы расширили географическія свѣдѣнія путешествіями для новыхъ открытій и измѣреніемъ градусовъ широты и долготы. Вмѣстѣ съ этимъ обогатили они Западъ новыми статьями торговли и сильно двинули промышленость перенесеніемъ шелковаго червя, индиго, шафрана, сахарнаго тростника и другихъ растеній въ Испанію и Сицилію. Подобно древнимъ Финикійцамъ, Арабы сдѣлались посредниками между Востокомъ и Западомъ.

§ 265. Упадокъ халифата. Но среди мирныхъ занятій утратились мало по малу восторженный героизмъ и воинская доблесть; роскошь и сладострастіе подорвали силу и боевую опытность прежнихъ дней; религіозныя распри повели къ расколамъ и сектаторству, ослабляя то энергическое единодушіе, которое доставляло прежде побѣды боговдохновеннымъ вои-

[1] Самое названіе алгебры арабское и происходитъ отъ словъ альджебрату, то есть, въ буквальномъ смыслѣ: возсоединеніе раздѣльныхъ частей (уравненіе).

намъ; вѣроломные намѣстники и непокорные главы племенъ отлагались отъ халифовъ и основывали независимыя владѣнія; раздѣлы земель, войны за престолъ и мятежи разрушали единство и ослабляли силы народныя. Бойкіе сатирики, какъ напримѣръ отпущенникъ Бешенъ бенъ Бордъ, и смѣлые кощуны, какъ Абу-Нувасъ, безъ зазрѣнія воспѣвали передъ халифами хвалы вину и порокамъ, которые болѣе и болѣе распространялись въ выродившемся поколѣніи. Вскорѣ багдадскіе халифы сдѣлались игралищемъ своей турецкой гвардіи, которая распоряжалась тропомъ пророка по-преторіански и облекла духовный санъ повелителя правовѣрныхъ въ блестящій, но всегда непрочный военный деспотизмъ. Верховный министръ (эмиръ-аль-омра, начальникъ начальниковъ или князь князей) захватилъ, подобно франкскому маіордому, всю свѣтскую власть надъ государствомъ и войскомъ въ свои руки и оставилъ за халифомъ одно безспльное достоинство духовнаго главы. Въ качествѣ охранителей халифскаго престола, мѣсто Турковъ заступилъ, въ половинѣ 10 вѣка, происходившій изъ Дилема персидско-княжескій родъ Буидовъ, которые не оставили уже повелителю правовѣрныхъ ровно ничего, кромѣ хотбы (почетнаго упоминовенія въ молитвѣ) и права бить монету. Сами они управляли государствомъ не безъ славы, и наряду съ оружіемъ уважали науку и искусства. Но государственное и религіозное единство, придававшее вначалѣ такую великую мощь исламу, исчезло навсегда; власть эмира-аль-омра признавалась на столько, на сколько онъ могъ вынудить къ тому силою оружія. Въ 11 вѣкѣ владѣнія Арабовъ на Востокѣ стали жертвою обратившихся къ исламу Сельджукскихъ Турковъ, которые кочевали и свирѣпствовали до тѣхъ поръ по берегамъ Аральскаго моря и которыхъ султанъ вынудилъ себѣ у багдадскихъ халифовъ санъ эмира аль-омра (1058) и передалъ его въ наслѣдіе потомкамъ. Сельджуки, избравшіе столицею своей династіи живописно расположенную Бухару, вскорѣ сдѣлались властителями всей западной Азіи, а могущество халифовъ превратилось въ одну призрачную тѣнь (сравни § 301. 2). Два вѣка существовали они еще по имени; но внукъ Монгола Чингисхана взялъ наконецъ приступомъ Багдадъ (1258), и тогда, среди общаго

кровопролитія, погибъ, преданный своимъ честолюбивымъ визиремъ Альками, послѣдній халифъ, сладострастный Мостасимъ, спѣсиво провождавшій жизнь, полную лѣни и чувственныхъ наслажденій (§ 332). Исторія Арабовъ служитъ новымъ доказательствомъ тому, какъ скоро блекнетъ величіе самыхъ даровитыхъ народовъ, если они допустятъ ржавчинѣ разврата подточить свое нравственное существо.

§ 266. Изнѣженные халифы не смогли отстоять государственное единство своей державы. Въ восточной Персіи (Афганистанѣ) основалось блистательное царство Газневидовъ (ок. 1000), которое при Махмудѣ расширило свои предѣлы до Ганга. Онъ покорилъ властителей (раджъ) Лагора, Мультана, Дельги, разрушилъ крѣпкія индійскія капища (пагоды) на высотахъ Гималайи, чтобы водворить на ихъ мѣстѣ исламъ, разграбилъ сокровища богатаго храма Магадевы (Сивы) въ Сомнатѣ, который поддерживался сборомъ съ 2000 различныхъ мѣстностей, и вывезъ оттуда огромную добычу. Велика была слава газневидскаго государя, который соединялъ отвагу завоевателя съ великодушіемъ, правосудіемъ и любовью къ искусству, и котораго блистательный дворъ въ Газнѣ украшался присутствіемъ знаменитѣйшихъ ученыхъ и поэтовъ Востока. Къ первымъ принадлежитъ Абу насръ бенъ Гирмадъ аль Фараби, сочинитель извѣстнѣйшаго изъ арабскихъ словарей, и врачь философъ Авиценна (Ибнъ Сина), котораго Махмудъ вытребовалъ себѣ у Ховаресмцевъ вмѣсто дани; въ числѣ поэтовъ прежде всѣхъ должно назвать Персіянина Фердуси, котораго великая миѳико-историческая эпопея Шахнамѣ (царская книга) содержитъ въ себѣ сказанія о царяхъ и герояхъ Ирана по древнимъ народнымъ преданіямъ и позднѣйшую исторію Персіи до паденія Сассанидовъ. Рядомъ съ нимъ отличался при дворѣ Махмуда «царь стихотворцевъ» Анссари. — Но, прошло нѣсколько поколѣній, и царство Газневидовъ досталось въ добычу варварскимъ Сельджукамъ.—Такимъ же образомъ въ 10 вѣкѣ пріобрѣли себѣ независимость Фатимиды въ Египтѣ и сѣверной Африкѣ. Абу Абдаллахъ, прозванный Магади (т. е. «правителемъ»), возводившій начало своего рода къ Фатьмѣ (Фатиме), дочери Могаммеда, быстро шагалъ съ своимъ бѣлымъ знаменемъ отъ побѣды къ побѣдѣ и покорилъ своей власти всѣ арабскія племена въ сѣверной Африкѣ и на островахъ Средиземнаго моря. Ненавидимые Абасидами и приверженцами ихъ, въ качествѣ шіи-

товъ, Фатимиды, подъ водительствомъ своего вдохновеннаго главы, принявшаго титулъ эмира аль муменинъ, т. е. «повелителя правовѣрныхъ», успѣли однакожь снова пробудить тотъ энтузіазмъ, который первоначально сообщалъ такую побѣдоносную силу исламу. Въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній славно господствовали Фатимиды, особенно при Абу Абдаллахѣ и единомышленномъ ему внукѣ его Абу Тагерѣ, прозванномъ Альмансуромъ, т. е. «побѣдителемъ», надъ странами отъ Чермнаго моря и Ливана до Атлантическаго океана, но вскорѣ и они поддались лѣни и изнѣженности, вслѣдствіе чего держава ихъ распалась на разныя владѣнія. Важнѣйшимъ изъ нихъ было царство Моравидовъ (1070), завоевавшихъ Фецъ и построившихъ Марокко, гдѣ улицы освѣжались тѣнью густыхъ пальмъ. Другое царство возникло въ Тунисѣ, а на плоскогорьяхъ Атласа утвердились въ вольной самобытности воинственныя племена Бедуиновъ, которыя всѣ чтили Могаммеда какъ пророка Божія.

1. Въ восточной Персіи одна династія вытѣсняла другую. Въ 9 вѣкѣ Хорасанъ и окрестная страна находилась подъ владычествомъ Тагеридовъ [1]. Чрезъ нѣсколько десятилѣтій они пали отъ остраго меча Якуба кузнеца (Соффара), который выступилъ къ концу 9 вѣка изъ Седжестана, побѣдоносно прошелъ сосѣдніе края и основалъ царство Соффаридовъ. Вскорѣ потомъ персидскому князю Исмаилу, ведшему родъ отъ Сассанидовъ, удалось не только соединить въ одну державу всѣ области отъ Каспійскаго моря и за предѣлы Бухаріи, но и передать ихъ своимъ потомкамъ, Саманидамъ (отъ Самана, дѣда Исмаилова). Держава эта, въ 10 вѣкѣ, при наслѣдникахъ Исмаила Ахмадѣ (907—914) и Насрѣ (прозванномъ эмиръ-эсъ-саидомъ, т. е. «счастливымъ властителемъ», 914 — 944), достигла цвѣтущаго состоянія. Главные города ея Бухара, Самаркандъ, Балхъ сдѣлались рынками всемірной торговли; земледѣліе и промышленность оживились необыкновенно; край былъ изрѣзанъ военными дорогами, каналами, водопроводами; въ Бухарѣ и Самаркандѣ основаны высшія училища и астрономическія обсерваторіи; ревностно воздѣлывались науки; другомъ Насра и глашатаемъ его

[1] Основатель этой династіи Тагеръ былъ одинъ изъ полководцевъ Гарунъ аль Рашида. По смерти его, онъ обезпечилъ престолъ за сыномъ его Аль Мамуномъ, погубивъ другаго сына, Амина. Въ награду онъ былъ сдѣланъ намѣстникомъ Хорасанской области, простиравшейся тогда отъ Тигра до Индустана, и вскорѣ потомъ отложился отъ халифата (ок. 820).

подвиговъ былъ знаменитый пѣвецъ любви Рудеги, который соединялъ въ своихъ произведеніяхъ цвѣтъ арабской, персидской и индійской литературы и перевелъ на персидскій языкъ индійскія басни Бидпая, еще прежде переложенныя на арабскій. Блистательное созданіе великодушнаго благочестиваго Насра, основателя могаммеданскаго отшельничества дервишей, при слабыхъ его преемникахъ быстро склонилось къ упадку и большею частію досталось въ руки воинственнаго газневида Себектегина, который въ 975 г. основалъ у подошвы хребта Гиндуку, въ Газнѣ (или Гизни) и Кабулѣ, независимое владѣніе, которое вскорѣ расширилось во всѣ стороны. Великій сынъ его Махмудъ (997 — 1030) покорилъ себѣ царство Саманидовъ, разбилъ въ страшномъ сраженіи при Балхѣ (1009) безчисленныя орды Татаръ, приведенныя Илекъ-Ханомъ изъ Бухаріи, и соединилъ Индію и древнеперсидскія области, Бактрію, Согдіану и другія, въ одно великолѣпное царство, гдѣ промышленость и торговля процвѣтали рядомъ съ науками и поэзіей. Держась могаммеданской вѣры, эта династія опиралась однакожь въ своемъ господствѣ на уваженіе къ древнеиранской народности. Она оказывала терпимость къ зороастрову огнепоклонству и поощряла оживленіе языка и поэзіи коренныхъ Персовъ. Махмудъ приказалъ собрать въ окрестностяхъ Мерва древнія богатырскія саги и преданія, изъ которыхъ потомъ Абуль Касимъ Мансуръ, прозванный Фердуси, т. е. «райскимъ», составилъ величественный эпосъ Шахнамѣ, котораго первая половина содержитъ въ себѣ историческія и религіозныя преданія народа объ отдаленной иранской старинѣ. — Въ 10 вѣкѣ въ Сиріи и Месопотаміи Гамаданиды (потомки мятежника Гамадана, племени Талебъ) основали, хотя и не надолго, двѣ цвѣтущія державы, которыхъ столицы Мосулъ и Алеппо служили прибыльнымъ рынкомъ для восточной торговли и пріютомъ для художества и учености Арабовъ. Но они не могли долго удержаться въ своихъ владѣніяхъ, тѣснимые съ югозапада Фатимидами, а съ сѣверозапада тревожимые захватами могучихъ Буидовъ, которые, выступивъ въ 10 вѣкѣ изъ прикаспійской страны Дилема [1], мало по малу покорили себѣ большую часть Персіи и наконецъ привели въ свою зависимость самихъ халифовъ.

2. Еще до Фатимидовъ, въ 9 вѣкѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ странѣ Фецъ, основали себѣ независимое владѣніе потомки Али,

[1] Горной части Мазандерана и Гиляна.

Эдрисиды (отъ Эдриса, праправнука Али); въ Тунисѣ утвердились Аглабиты (отъ Ибрагима ибнъ Аглаба, намѣстника Гарунъ аль Рашида въ среднемъ Магребѣ [1], а въ плодоносномъ и обогащенномъ торговлею Египтѣ учредили въ то же время самостоятельное государство Тулуниды (отъ египетскаго намѣстника, Турка Ахмеда, сына Тулунова), а потомъ Икшидиды (отъ Икшида, отнявшаго этотъ край у халифовъ въ 933 г.). Аглабиты, избравъ себѣ столицею блистательный Каирванъ, правили съ силою и славой. Они завоевали Сицилію, которая въ рукахъ маврскихъ поселенцевъ достигла новаго процвѣтанія и своеобразной гражданственности, составившейся изъ сліянія античныхъ элементовъ съ христіанствомъ и магаммеданствомъ, и производили набѣги въ нижнюю Италію до самыхъ окрестностей Рима. Но владычество ихъ утверждалось на мечѣ, и ненависть, возбужденная противъ всего этого рода кровавыми злодѣйствами неистоваго тирана Абу Ишака, который съ яростію тигра терзалъ и чужихъ, и соплеменниковъ, и даже своихъ близкихъ, повела къ тому, что уже въ 10 вѣкѣ Аглабиты, подобно западнымъ Эдрисидамъ, должны были уступить Фатимидамъ (969). Когда Фатимидъ Моэзъ покорилъ сѣверную Африку и Сицилію, онъ послалъ своего храбраго полководца Джевара противъ Египта, гдѣ незадолго до этого, одинъ умный, отважный и воспріимчивый къ высшимъ идеямъ черный невольникъ Кафуръ основалъ независимую державу на развалинахъ власти Икшидидовъ. Джеваръ завоевалъ этотъ край, и Моэзъ выбралъ великолѣпную столицу его, Каиру, главнымъ городомъ фатимидскихъ владѣній. Моэзъ умеръ въ 975 г. Съ его согласія незадолго передъ тѣмъ Юсуфъ Балкинъ основалъ независимую державу въ Каирванѣ, извѣстную подъ именемъ царства Бадизидовъ или Гереидовъ, тогда какъ, далѣе на западъ, въ Фецѣ, утвердились Зириды (отъ Моэзова намѣстника Юсуфъ ибнъ Зеира, который учредилъ тамъ подручное Египту отдѣльное владѣніе) среди постоянной борьбы съ испанскими Омейядами. Хищническіе набѣги на острова и побережья Средиземнаго моря были единственными подвигами африканскихъ Арабовъ, и сила ихъ скоро сокрушилась сама собой, благодаря раздорамъ, семейнымъ усобицамъ и дикой страсти къ гоненіямъ и преслѣдованіямъ всѣхъ разномыслящихъ.

[1] Магребомъ, т. е. Закатомъ, называлась у Арабовъ вся сѣверная Африка на западъ отъ Египта.

§ 267. Испанія. Подъ державою Омейядовъ этотъ край достигъ высокой степени процвѣтанія. Онъ украсился многолюдными городами; ремесла, земледѣліе и скотоводство шли дѣятельно, разработывались горные рудники, оживленная торговля произведеніями природы и промышлености (шерстью, шелкомъ, масломъ, сахарнымъ тростникомъ и проч.) доставляла богатство; красивыя села, цвѣтущія мызы, великолѣпные дворцы (окруженные роскошными садами царскіе чертоги Алькасаръ и Аззера въ Кордовѣ и славная въ цѣломъ свѣтѣ Альямбра въ Гранадѣ) свидѣтельствовали о благоденствіи страны. Столица Кордова заключала въ себѣ, говорятъ, 212,000 строеній, въ томъ числѣ 600 мечетей и множество обширныхъ царскихъ палатъ; науки и художества воздѣлывались тамъ съ любовью, а радушная общительность раждала много житейскихъ удовольствій. Особенно блистательно было почти полувѣковое царствованіе Абдеррахмана III (912—961), который, какъ второй Соломонъ, окружилъ себя всѣми наслажденіями, всею роскошью и образованностью цѣлаго міра, равно какъ и правленіе подобнаго отцу, сына его Альхакема (961—976), который, среди поэтовъ и ученыхъ, вполнѣ посвятилъ себя мирнымъ занятіямъ и возвелъ свой халифатъ на высшую степень счастія, довольства и блеска. Увѣряютъ, что въ Испаніи считалось тогда 17 университетовъ и до 70 большихъ библіотекъ. Но при этомъ не забывалось и оружіе. Многочисленныя битвы съ христіанами-Вестготами попли кровью храбрыхъ берега Дуэро и поля Леона и Кастиліи; на морскія силы также обращено было вниманіе маврскихъ государей. Главноначальствующій на морѣ (амиръ аль ма, отсюда адмиралъ) былъ поставленъ ими въ челѣ флота. Энергическій Абдеррахманъ распространялъ въ то же время власть Омейядовъ надъ несогласными племенами Арабовъ сѣверной Африки и, на забранную у нихъ добычу, велѣлъ соорудить большую мечеть въ Фецѣ. Величайшею его славою была однакожь кроткая терпимость, оказываемая христіанамъ и жидамъ. Когда при слабомъ Гашемѣ II (976—1014) царственное величіе Омейядовъ стало клониться къ упадку, вся власть постепенно перешла въ руки воинственныхъ визирей (т. е. «носителей» тяжести правленія, первыхъ министровъ). Слав-

нѣйшимъ въ испано-арабской военной исторіи было имя визиря Альманзора, который, соединяя любовь къ искусству и умъ съ храбростію и деспотизмомъ, управлялъ и внутренними и военными дѣлами съ неограниченнымъ полновластіемъ, разорилъ главный городъ Леонъ и святыню Сантъ-Яго и побѣдилъ христіанскихъ воиновъ во многихъ битвахъ, но наконецъ при р. Дуэро и самъ потерпѣлъ сильное пораженіе (1002). По смерти Гашема и Альманзора начались страшные споры за престолъ и кровавыя междоусобія, которыя повели къ дикимъ злодѣйствамъ, къ ослабленію испанскаго халифата и къ погибели династіи Омейядовъ (1038). Когда угасъ этотъ родъ, владычество Мавровъ въ Испаніи также раздробилось на многія мелкія державы (Кордова, Гранада, Севилья, Сарагоса, Валенсія, Мальіорка и друг.), которыя одна за другою рушились отъ нападеній христіанъ-Вестготовъ, напиравшихъ съ сѣвера. Вестготы, подъ державою преемниковъ Палайо (Пелагіевъ) сначала учредили изъ Астуріи и Галлиціи королевство Овіэдо и на гробницѣ апостола Іакова заложили городъ Компостелью, потомъ (въ 10 вѣкѣ) присоединили къ этому Леонъ и удачными военными дѣйствіями постоянно расширяли предѣлы свои къ югу. Въ 11 столѣтіи (1035) Санчо Наваррскій отдалъ королевство Кастилію, возникшее изъ Бургосскаго графства, одному изъ своихъ сыновей. Это новое государство впослѣдствіи поглотило собой остальныя сѣверозападныя области, тогда какъ сѣверовосточныя королевства Наварра (которое однакожь въ 12 вѣкѣ снова сдѣлалось независимымъ) и Каталонія соединились мало по малу съ королевствомъ Арагонскимъ, доставшимся другому сыну того же Санчо. Рядомъ съ ними въ эпоху перваго крестоваго похода образовалось отдѣльное намѣстничество Португалія, которое бургундскій принцъ Генрихъ удачными войнами противъ Мавровъ обратилъ въ независимое королевство и передалъ своимъ потомкамъ для дальнѣйшаго увеличенія. Три эти державы, Кастилія, Арагонъ и Португалія, находясь другъ подлѣ друга, отстаивали въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ свою независимость въ безпрерывной борьбѣ съ жившими на югъ Арабами, которыхъ сила и воинское мужество, при возрастающей обра-

зованности, роскоши и нѣгѣ, упадали въ той же мѣрѣ, въ какой возвышался рыцарскій духъ Вестготовъ, питаемый ревностію къ вѣрѣ, славолюбіемъ и гордымъ чувствомъ независимости. Подвиги боговдохновенныхъ воителей, особенно великаго Сида Кампеадора († 1099), передавались потомству въ героическихъ пѣсняхъ (романсахъ) и поддерживали въ испанскомъ дворянствѣ живую силу мужества и рыцарскій духъ, между тѣмъ какъ среднее сословіе, пользуясь правами и вольностями, заохочивалось къ участію въ политической жизни государства и ободрялось къ борьбѣ противъ общаго врага. Тщетно испанскіе Арабы призывали къ себѣ на помощь Моравидовъ изъ Марокка (1087); успѣхи, одержанные съ ихъ содѣйствіемъ, скоро были утрачены опять; и даже новая секта изувѣрныхъ мусульманъ (альмогады [1]), перешедшая по завоеваніи Марокка въ Испанію, не смогла противопоставить побѣдоносному мечу христіанъ продолжительнаго отпора. Побѣда, одержанная совокупными ихъ силами подъ Толозой въ Сіэррѣ Моренѣ (1212), сокрушила навсегда преобладаніе Мавровъ на Пиренейскомъ полуостровѣ. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ Кордова и Гранада уже признали надъ собой верховное господство Фердинанда Кастильскаго. Съ тѣхъ поръ Мавры вступили въ отношеніе подвластныхъ къ христіанамъ и предоставили имъ первенство въ Испаніи.

§ 268. Могаммеданская образованность и литература А. Стихотворство. I. Арабы. Поэзія у Арабовъ процвѣтала ископи; поэтическій талантъ цѣнился у нихъ всѣхъ выше. Оттого и обращались къ стихотворству люди самые замѣчательные, и нерѣдко знаменитѣйшій поэтъ былъ вмѣстѣ храбрѣйшимъ воиномъ или отличнѣйшимъ судьею, котораго избирали посредникомъ или ходатаемъ для примиренія семейныхъ или племенныхъ распрей. Воинскіе подвиги, коренящіяся въ борьбѣ племенъ чувства дружбы или вражды, непримиримой ненависти или вѣрности родовымъ союзамъ, потомъ—пламенная любовь, плодъ непринужденнаго обращенія обоихъ

[1] Или, точнѣе, альмогаведдунъ, то-есть «соединенные», воинствующее общество мусульманскихъ ревнителей, основанное Берберомъ Абу-Абдалахъ-Могаммедомъ. Преемникъ его Абдъ-эль-Муменъ сталъ родоначальникомъ арабской династіи Альмогадовъ, которая владѣла половиною Испаніи и всею Африкой, за исключеніемъ Египта, начиная со второй четверти 12-го до послѣдней 13-го вѣка (1129—1273).

половъ между собою и болѣе свободнаго, чѣмъ у другихъ восточныхъ народовъ, отношенія женщины къ мужчинѣ, наконецъ — гостепріимство и честь —вотъ предметы древнѣйшей арабской поэзіи, которая состояла изъ племенныхъ пѣсенъ и была въ сущности народная лирика съ примѣсью эпическихъ и дидактическихъ элементовъ. Древнѣйшими и знаменитѣйшими народными пѣвцами Арабовъ считаются Мугальгаллъ, Траббата Шарранъ и Шанфара. Состязанія въ стихотворствѣ, бывавшія каждый годъ на многолюдной ярмонкѣ въ Охадѣ, не мало содѣйствовали процвѣтанію поэзіи. Стихотвореніе, признанное лучшимъ, писалось золотыми буквами на персидскомъ шелку и вывѣшивалось на вѣчную славу у входа въ Каабу, отчего піэсы эти и называются моаллакатъ, то-есть «вывѣшенныя». Творцы моаллакатъ Амру, Гаретъ, Тарафа принадлежатъ къ 6 вѣку по Р. Х., Сугеиръ (или Зогаиръ) Антара, «пѣвецъ и герой, вмѣстѣ», Лебидъ и Амрилькаисъ (Амру-эль-Каисъ), «адскій знаменщикъ», — къ 6 и 7 вѣку. Разсказываютъ, будто ища помощи у императора Юстиніана противъ какихъ-то мятежныхъ Арабовъ, Амрилькаисъ былъ въ Константинополѣ, но бѣжалъ оттуда, когда обнаружилась связь его съ одною знатною дамой, и умеръ въ Ангорѣ отъ ядовитой рубашки, которую подарилъ ему Юстиніанъ.—До Могаммеда литература, какъ и общественная жизнь Арабовъ, особилась по племенамъ. Поэзія состояла изъ племенныхъ пѣсенъ, исторія — изъ отрывочныхъ, баснословно прикрашенныхъ племенныхъ преданій, законодательство и правосудіе основывались не неписанномъ обычномъ правѣ, или такъ-называемой старинѣ. Изъ этой ограниченной особности и разорванности арабскій народъ былъ исторгнутъ Могаммедомъ и соединенъ имъ въ одну цѣльную національность. Отъ этого и поэзія и вообще вся жизнь Арабовъ совершенно преобразились и получили новое направленіе. Литература сдѣлалась многостороннѣе, могучѣе, блистательнѣе, но зато утратила часть своей первобытной силы и оригинальности. Что было прежде частной собственностью отдѣльныхъ племенъ, то стало теперь достояніемъ цѣлаго народа. Возникли сборники пѣсенъ, сказаній и праворѣшеній разныхъ племенъ, а потомъ все это приводилось въ порядокъ, въ общую связь, въ одно цѣлое. Сборники пѣсенъ назывались диванами (антологіями, «изборниками»); знаменитѣйшій изъ нихъ составленъ въ первой половинѣ девятаго вѣка Абу-Теммамомъ (жившимъ

805—846), который списывалъ каждую пѣсню со словъ устнаго преданія и собралъ такимъ образомъ пѣсенникъ, извѣстный, по надписи перваго его отдѣла, подъ названіемъ Гамаза́, т. е. «храбрость». Послѣ Могаммеда арабская поэзія болѣе и болѣе принимала характеръ льстиваго дворскаго пѣснопѣнія; свѣжая, самородная любовь постепенно въ ней исчезаетъ, потому что исламъ придалъ женщинѣ несвободное, унизительное положеніе, а религіозный элементъ, такъ сильно преобладающій въ образѣ мыслей и созерцаній Арабовъ, часто сообщалъ поэзіи печать догматизма и изувѣрнаго ревнительства. Съ другой стороны стихотворство скоро впало въ перехитреную искусственность, потому что Арабы придавали слишкомъ много цѣны грамматическимъ и просодическимъ мелочамъ, извѣстному паденію отдѣльныхъ слоговъ, образованію, расположенію и производству отдѣльныхъ словъ, тону каждаго изъ нихъ и его измѣненію по грамматическимъ формамъ. Арабъ, которому прежде ненависть внушала грозныя пѣсни гнѣва, который тѣшился сѣчею и кровопролитіемъ, который извлекалъ назиданіе и изъ палящаго зноя степи и изъ тверди небесной въ тихую ночь, — этотъ самый Арабъ тщательно свивалъ себѣ теперь, томясь мнимою любовною мукой, узорчатую шелковую куколку изъ тяжкоріемуемыхъ, выточенныхъ и вылощенныхъ стиховъ. — Самый Коранъ, состоящій изъ 114 суръ и написанный мѣрною прозой, содержитъ въ себѣ, рядомъ съ нѣкоторыми риторски украшенными выходками, истинно поэтическія картины, полныя огня и воображенія, особенно въ тѣхъ главахъ, гдѣ описаны ужасы послѣдняго суда и муки ада. — Изъ поэтовъ помогаммедовской эпохи важнѣйшими были: Сиріецъ Габибъ Аму Эммамъ, сынъ бѣдныхъ родителей, добывавшій себѣ хлѣбъ разносомъ воды въ Каирѣ и преимущественно воспѣвавшій битвы, «музыку звенящихъ мечей» и «смерть, слаще вина и смоквы»; Мутанабби (Мотенебби, род. 915, палъ въ сраженіи 965), Тограй (убитый 1121) и Асмай, лирики, Мейдани († 1125), дидактикъ, и мног. друг.; въ особенности же Гарири, творецъ Макамъ (1054—1121). Макамою называется мѣсто, гдѣ пріятно проводишь время, потомъ и самая бесѣда въ такомъ мѣстѣ, наконецъ просто — всякая занимательная повѣсть или разсказъ. Въ макамахъ (бесѣдахъ) Гарири, поэтъ подъ именемъ Гареѳъ Бенъ Геммама, разсказываетъ странствованія, похожденія и «превращенія» бродяги Абу Сеида, родомъ изъ Серуга. Стихи перемѣшиваются у него съ прозою, что равно удобно и для шут-

ки и для дѣла; все это приправлено игрою словъ, буквъ и разныхъ загадокъ и переходитъ то въ стремительный лиризмъ, то въ тихое элегическое теченіе, мѣстами вдается въ риторскую плодовитость, мѣстами блещетъ краткостью мѣткой поговорки. — Кромѣ упомянутаго нами сборника сказокъ Тысяча одна ночь, особенно извѣстны по переводамъ на всѣ языки Запада: маленькое собраніе арабскихъ басенъ, приписываемое древнему мудрецу Локману и возникшее неизвѣстно когда и гдѣ, да басни Бидпая, переложенныя на арабскій съ индійскаго или персидскаго (пегльви или зенда) поэтомъ Альмокаффой при халифѣ Альмансурѣ и потомъ переведенныя съ арабскаго на всѣ европейскіе языки. Оригинально стихотворное произведеніе испанскаго Араба Джяфаръ ибнъ Тафаиля, подъ названіемъ Первобытный человѣкъ; это—попытка представить исторически развитіе человѣческихъ способностей, начиная съ грубѣйшихъ животныхъ побужденій до высшей степени образованія.

2. Персіане. Болѣе творческое вліяніе нежели въ Аравіи оказалъ исламъ на персидскую литературу. Почва поэзіи, початая уже при Сассанидахъ (§ 225), разработывалась у Персіянъ подъ наитіемъ ислама еще успѣшнѣе, такъ что съ 10 до 14 вѣка персидское стихотворство находилось въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Одинъ изъ новѣйшихъ оріенталистовъ (Гаммеръ-Пургсталль) раздѣляетъ ее на 7 періодовъ, привязывая каждый изъ нихъ къ имени какого-нибудь значительнаго поэта. 1) Съ 913 по 1106. Въ этомъ періодѣ особенно прославился творецъ Шахнамѣ (Книги царей), Абуль Касимъ Мансуръ, прозванный Фердуси (райскимъ, § 266), умершій 1030 г. въ своемъ родномъ городѣ Тузѣ, частію съ горя отъ того, что султанъ не далъ ему всей обѣщанной награды. Эта миѳико-историческая поэма связываетъ дѣйствительную исторію Персіи до низверженія Сассанидовъ Арабами съ сказаніями объ отдаленнѣйшей, первобытной старинѣ, сохранившимися по преданію въ восточныхъ краяхъ Ирана. Она распадается на два большіе отдѣла: первый, болѣе поэтическій, обнимаетъ собою богатырско-миѳическое время съ его главнымъ героемъ Рустемомъ; второй, болѣе фактическій, описываетъ, на манеръ риѳмованныхъ хроникъ, историческую эпоху, и особенно подвиги Искандера (Александра), «Въ этомъ эпосѣ, говоритъ новѣйшій переводчикъ его, Шакъ, имѣемъ мы одинъ изъ величайшихъ памятниковъ, который оставила намъ совокупная творческая сила многихъ поколѣній и одного мощнаго

генія, которому дано было прославить свое имя окончательною отдѣлкою гигантскаго труда». Фердуси поэтически воспринялъ преданія героическихъ временъ и героическія пѣсни древняго Ирана, сохранившіяся на письмѣ и въ устахъ народныхъ, и художественно слилъ ихъ въ одно цѣлое. Не одно какое-нибудь событіе хочетъ онъ изобразить, а представляетъ весь ходъ исторіи, такъ какъ она отражалась въ душѣ Перса; черезъ цѣлыя столѣтія льется шумный потокъ его пѣсни, неся на своихъ волнахъ множество обильныхъ дѣлами человѣческихъ образовъ; и все это связано одною общею религіозною идеей—борьбы свѣта съ тьмою, добра со зломъ, Ирана съ Тураномъ, а герой Рустемъ, который и юношей, и мужемъ, и старцемъ, какъ другой, Восточный, Сидъ, бьется впереди всѣхъ въ теченіе многихъ царскихъ поколѣній, составляетъ личное средоточіе миѳическаго созданія. Точно такъ же во второй части, гдѣ поэтъ обращается къ болѣе къ яснымъ временамъ исторіи, у него играетъ эту роль Александръ, котораго Персы усвоиваютъ себѣ повѣствованіемъ, что будто дочь македонскаго царя была за ихъ государемъ и впослѣдствіи имъ отвергнута, но что плодомъ первой ночи былъ юный греческій герой, который имѣлъ поэтому ближайшее право на тронъ персидскій и, завоевавъ Персію, только вступилъ въ обладаніе своимъ родовымъ царствомъ. Фердуси слыветъ персидскимъ Гомеромъ, но онъ далеко отстаетъ отъ пѣвца Иліады въ полной достоинства простотѣ и эпической ясности. Шахнаме состоитъ изъ 60,000 двустишій.—2) Второй періодъ, отъ 1106 до 1203, связанъ съ именами дворскаго панегириста, стихотворца Энвери (ум. въ Балхѣ 1152), и плодовитаго лирика и эпика Низами (ум. въ своемъ родномъ городѣ Гендже). Между многочисленными произведеніями послѣдняго всѣхъ болѣе славится такъ-называемый «Пятерикъ» (Хамсе), то-есть рядъ повѣствовательныхъ стихотвореній, изъ которыхъ лучшими считаются Хозру и Ширинъ, Лейла и Меджнунъ и Книга Александра.—3) Третій періодъ, съ 1203 по 1300, названъ мистическимъ и назидательнымъ; тутъ преобладала созерцательность и богомудрствованіе. Къ этому времени относится, кромѣ Ферединъ Аттара (убитаго въ 1226), автора Мантикеттаиръ, т. е. «Птичьихъ бесѣдъ», въ особенности глубокомысленный Джелаллединъ Руми (ум. 1262 въ Коніи), «величайшій мистическій поэтъ Востока, соловей духовной созерцательности», творецъ Месневи (знаменитой аскетической поэмы съ двойными риѳмами) и основатель

мевлеви, самаго славнаго изъ всѣхъ мистическихъ орденовъ дервишества. На крыльяхъ высшаго религіознаго вдохновенія, которое переносится за всѣ внѣшнія формы положительныхъ религій и преклоняется передъ вѣчнымъ существомъ, какъ передъ источникомъ вѣчнаго свѣта, помимо всего земнаго и чувственнаго, паритъ Джелаллединъ Руми надъ солнцемъ и звѣздами, надъ пространствомъ и временемъ, надъ творчествомъ и судьбою, надъ кореннымъ завѣтомъ предопредѣленія и надъ роковымъ словомъ послѣдняго суда, — паритъ въ чистую безконечность и сливается воедино съ вѣчнымъ существомъ какъ вѣчный его поклонникъ, сливается съ безпредѣльною любовью, какъ самъ способный къ безпредѣльной любви, вездѣ забывая самого себя и всегда имѣя въ виду только одно всецѣлое. Современникъ его Мослихеддинъ Саади (род. въ Ширазѣ 1189 и ум. тамъ же 1291), бывшій плѣнникомъ крестоносцевъ на Западѣ, извѣстнѣе всѣхъ другихъ восточныхъ поэтовъ Европейцамъ. Лирическія и дидактическія стихотворенія Саади, Гюлистанъ, то есть «розовый садъ», и Бостанъ, т. е. «бостанъ, фруктовой садъ», содержатъ въ себѣ бездну восточной мудрости, житейской опытности и нравоученія. Въ началѣ 13 вѣка попалъ онъ въ плѣнъ къ христіанамъ въ Палестинѣ, и былъ принужденъ работать на крѣпостныхъ стѣнахъ Триполя. Самъ онъ разсказываетъ въ Гюлистанѣ о судьбѣ своей такъ: «Соскучась проводить время съ друзьями въ Дамаскѣ, отправился я въ іерусалимскую пустыню и жилъ тамъ въ ладу съ дикими животными, пока Франки не взяли меня однажды въ плѣнъ и не заставили работать вмѣстѣ съ жидами надъ рвомъ Триполя». Тамъ узналъ его одинъ знатный и богатый пріятель изъ Алеппа, выкупилъ за десять золотыхъ и, взявъ его съ собою, отдалъ за него свою дочь, съ которою Саади жилъ однакожъ не очень согласно. — 4) Четвертый періодъ, съ 1300 по 1397, былъ блестящею эпохой персидской лирики, когда жилъ царь поэтовъ Шемседдинъ Могаммедъ Гафизъ (т. е. «достохвальный»); онъ умеръ 1389 г. въ Ширазѣ, на своей родинѣ. Его «Диванъ» за вольномысліе подвергся запрету. Все дышетъ у Гафиза виномъ и любовью, при совершенномъ равнодушіи ко всѣмъ наружнымъ обрядамъ религіи и явномъ глумленіи надъ мелочнымъ отшельническимъ уставомъ, хотя самъ Гафизъ былъ настоящій дервишъ въ душѣ, не только по клобуку и посоху, но и по презрѣнію къ внѣшнимъ благамъ міра, по свободному, независимому духу. Рядомъ съ Гафизомъ должно еще упомянуть о Васафѣ, панегиристѣ

султана Абу Саида, изъ рода Чингисханова: это былъ трудный, малодоступный поэтъ, полный аллитерацій, разнообразной игры словъ, иносказаній и ученыхъ намековъ. — 5) Пятый періодъ, съ 1397 по 1494, можно назвать періодомъ застоя, который оканчивается послѣднимъ поэтомъ первой величины, именно Джами (ум. 1492), отличавшимся однакожь болѣе правильностью и выточкой слога и подражательнымъ талантомъ, нежели творчествомъ. Соревнуя Низами, онъ также занялся романическою обработкой исторіи Александра, Маджнуна и Лейлы и библейскаго разсказа о Юсуфѣ и Зюлейхѣ (Іосифѣ и Пентефріевой женѣ), и также написалъ ихъ подъ названіемъ «Пятерика» (Хамсе). Кромѣ того, по примѣру Саади, онъ сочинилъ Бегаристанъ, т. е. «Весенній садъ».—6) Въ шестомъ періодѣ, съ 1494 по 1591, во время «ущерба поэзіи», должно замѣтить Гатифи, племянника великому Джами, обработавшаго также въ формѣ «Пятерика» сказанія о Хозру и Ширинѣ, Лейлѣ и Меджнунѣ и мног. друг. Послѣ него заслуживаетъ еще особеннаго вниманія Феизи (ум. 1605), авторъ мистико-философскаго стихотворенія «Пылинка солнца» (Серре), въ которомъ изображается свѣтовая религія древнихъ Персовъ. Въ этотъ и ближайшій за тѣмъ періодъ персидская поэзія особенно обогатилась сборниками всякаго рода стихотвореній, басенъ, сказокъ, повѣстей и т. п. Стихотворные сборники (Диваны) состоятъ обыкновенно изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: касидъ, или элегій, и газелей — піэсъ эротическаго или мистическаго содержанія.

Б. Науки и художества. Образованіе и литература Арабовъ получили новый характеръ съ распространеніемъ владычества ихъ на востокъ и западъ и съ перенесеніемъ столицы халифской въ Дамаскъ, что̀ повело къ частымъ соприкосновеніямъ съ византійско-римскою гражданственностью. Воспріимчивые Арабы сблизились съ науками и искусствами, съ ученостью и поэзіею древняго и тогдашняго греческаго міра и ввели изученіе ихъ въ своихъ новоосно̀ванныхъ школахъ. Халифы призывали къ себѣ въ столицы византійскихъ строителей, геометровъ и мастеровъ и пользовались ими при своихъ сооруженіяхъ и другихъ работахъ, отчего и возникъ новый родъ архитектуры, византійско-арабскій стиль, съ легкими, тонкими колоннами и бездною орнаментовъ, или украшеній; византійскіе математики, естествовѣды и врачи употреблялись халифами не только при межеваніи, введеніи правильной раскладки

податей и лѣченіи болѣзней, но они положили начало преподаванію этихъ наукъ въ высшихъ арабскихъ училищахъ и содѣйствовали къ упомянутымъ въ § 264 переводамъ греческихъ математиковъ, геометровъ и врачей на арабскій. Новыя учебныя заведенія въ главныхъ арабскихъ городахъ были устроены совершенно по образцу греко-римскихъ; и въ тѣхъ и въ другихъ главными предметами изученія были реальныя науки, рядомъ съ хитроумствующею философіей и съ изслѣдованіями грамматическими и лингвистическими (помому что трудность арабскаго языка рано привела къ необходимости особенно заниматься грамматикой и словотолкованіемъ); а чтобы сходство съ греко-римскимъ образованіемъ было еще ближе, у Арабовъ возникло могаммеданское богословіе, основанное на неизслѣдимыхъ отвлеченностяхъ спекулативной мысли, которыя, какъ и у христіанъ, породили множество сектъ и расколовъ: только христіане не дерзали подобно Арабамъ переносить религіозные споры въ область сатирической поэзіи и преслѣдовать положенія противниковъ насмѣшливыми стихами. Въ астрономіи, математикѣ и химіи Арабы скоро перещеголяли своихъ греческихъ учителей; только, по наклонности восточнаго человѣка къ чудесному, они часто изъ химіи переходили въ алхимію (аль химію), или въ искусство дѣлать золото. Точными наблюденіями небесныхъ тѣлъ съ многочисленныхъ обсерваторій и своими геометрическими съемками они подвинули впередъ математическую географію. Абу Риганъ, одинъ изъ ученѣйшихъ людей Газневидскаго государства, слылъ въ теченіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ первымъ авторитетомъ по астрономическимъ, математическимъ и географическимъ наукамъ. Даже подъ державою суровыхъ Сельджуковъ процвѣтали математика и астрономія на отдаленномъ Востокѣ, и Багдадъ, Самаркандъ, Бухара, Гератъ и другіе города обладали еще въ самый разгаръ средневѣковой эпохи знаменитыми обсерваторіями, училищами и библіотеками. Омаръ Хеянъ, около 1080, впервые вычислилъ солнечный годъ, допустивъ лишь нѣсколько минутъ погрѣшности, а въ Самаркандѣ составлены по-персидски превосходныя астрономическія таблицы, которыя и теперь еще употребляются съ пользою. Илекхановскія [1] таблицы заключаютъ въ себѣ пла-

[1] Илекханы, Ильханы—одна изъ монголоперсидскихъ династій, основанная въ 1336 и низвергнутая Тамерланомъ въ 1390 г.

нетное теченіе и списки неподвижныхъ звѣздъ. — Стольже усердную воздѣлку нашла себѣ астрономія у испанскихъ Мавровъ. Принадлежащія къ этому времени Толедскія таблицы считались за лучшія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, и даже составленныя въ 13 столѣтіи Альфонсовскія таблицы обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно ученымъ Маврамъ. Альмагестъ Птолемея, этотъ всеобщій учебникъ астрономіи въ продолженіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ, былъ исправленъ испанскими Арабами и въ этомъ видѣ перешелъ на христіанскій Западъ. Самое раздробленіе владычества Мавровъ на нѣсколько мелкихъ державъ было полезно для распространенія науки, потому что дворы гранадскій, севильскій, толедскій и валенсійскій начали съ тѣхъ поръ соревновать кордовскому, такъ что въ 11 и 12 вѣкѣ, какъ мы уже говорили, Испанія имѣла 70 большихъ библіотекъ и 17 блистательныхъ училищъ высшихъ наукъ, гдѣ ученые христіанскаго Запада почерпали свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ (особенно въ оптикѣ), въ астрономіи, музыкѣ и т. д.; введенная въ 11 вѣкѣ Итальянцемъ Гвидо изъ Ареццо нотная система идетъ по всей вѣроятности отъ испанскихъ же Мавровъ. Величайшее вліяніе на просвѣщеніе Арабовъ, а вслѣдствіе того и на все западное образованіе и міросозерцаніе, имѣли сочиненія греческаго философа и діалектика Аристотеля (§ 99), которыя, благодаря вдумчивому настроенію Арабовъ, получили отъ нихъ своеобразное толкованіе и переработку и, въ этомъ искаженномъ видѣ, положены были въ основаніе могаммеданскому, христіанскому и еврейскому мудрствованію. И хитрое арабское богословіе съ его тонкими различеніями и препирательствами, и христіанская схоластика съ ея діалектическими разборами и заводящими умъ за разумъ измышленіями, равно опирались на труды Аристотеля, которые стали тогда извѣстны только по арабскимъ переводамъ и толкованіямъ. Въ тѣсную связь съ Аристотелевскою философіей поставлена была даже медицина, въ которой, несмотря на запрещеніе вскрывать и разрѣзывать тѣла, Арабы оказали великіе успѣхи. Могаммедъ ибнъ Заккарія, начальникъ больницы въ Багдадѣ, написалъ, кромѣ многихъ другихъ философско-врачебныхъ сочиненій, систему практической медицины, которою итальянскіе ученые руководились еще въ 16 столѣтіи, а Абу али Госайнъ бенъ Абдаллахъ ибнъ Сина, подъ искаженнымъ именемъ Авиценны, слылъ и у христіанъ, не только у мо-

гаммеданъ, величайшимъ философомъ со временъ Аристотеля и первымъ учителемъ врачебной науки. Получивъ образованіе въ Бухарѣ, онъ жилъ и преподавалъ науку въ разныхъ городахъ древнеперсидскаго царства. Изъ мнѣній Галена и Могаммеда ибнъ Заккаріи создалъ онъ новую систему медицины и хирургіи, которой старался придать философское основаніе и которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сряду пользовалась потомъ настоящимъ поклоненіемъ и и служила безусловнымъ авторитетомъ. По части философіи и на Западѣ и на Востокѣ считали Авиценну какимъ-то оракуломъ для истолкованіи Аристотеля и Платона, а его система логики и метафизики слыла въ Азіи важнѣйшимъ произведеніемъ тогдашней литературы. Послѣ него всѣхъ болѣе уважался и славился кордованскій врачъ и философъ Эбнъ Рошдъ, обыкновенно называемый Аверроэсомъ; такъ какъ его взгляды на отношеніе души къ тѣлу и его объясненія Аристотеля и Платона были противоположны Авиценнинымъ, то арабскіе ученые точно такъ же раздѣлились на двѣ школы авиценнистовъ и аверроистовъ, какъ христіанскіе схоластики на ѳомистовъ и скоттистовъ. Основатель ботаники, великій естествоиспытатель Эбнъ Байкаръ, родился тоже въ Испаніи, но въ 1248 г. переселился оттуда въ Дамаскъ. — Ваяніемъ и живописью человѣческихъ фигуръ Арабы напротивъ не занимались вовсе. Въ предупрежденіе всякаго повода къ идолопоклонству, Могаммедъ воспретилъ изображенія живыхъ существъ вообще и тѣмъ самымъ положилъ преграду художественному развитію своего народа.

Какъ поэзія, такъ и науки, особенно любимыя Арабами,—естествовѣдѣніе, медицина, астрономія, математика и философія, — находили себѣ между Евреями могаммеданскихъ странъ такихъ отличныхъ дѣятелей, которые заслужили величайшее уваженіе и у современниковъ, и у потомства. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ былъ Іуда Га Леви, родившійся въ 1080 г. въ Кастиліи, равно свѣдущій въ восточныхъ и романскихъ языкахъ, во всѣхъ наукахъ того времени и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, какъ іудеевъ, такъ христіанъ и могаммеданъ. Сочувствуя вполнѣ влеченію христіанъ той эпохи къ святымъ мѣстностямъ обѣтованной земли, онъ предпринялъ большое путешествіе въ Египетъ и Палестину. Результаты своихъ думъ и наблюденій изложилъ онъ въ довольно обширномъ трудѣ, въ разговорной формѣ; сочиненіе это, основанное на іудейскихъ понятіяхъ

и написанное по-арабски, въ сущности всего ближе подходитъ къ христіанскимъ воззрѣніямъ. И у современниковъ и у потомства славился его «Пѣсенникъ» (Диванъ), переведенный и на нѣмецкій языкъ. Кромѣ Га Леви, было еще много испанскихъ Евреевъ, которые съ 11 до 13 вѣка отличались по части наукъ, языкознанія и поэзіи; таковы между прочимъ Абу Аюбъ Саломо, Іуда Аббасъ, Абрагамъ бенъ Эсра и мног. друг.

СРЕДНЕВѢКОВАЯ ЭПОХА, ВЪ ТѢСНОМЪ СМЫСЛѢ.

—

1. ВРЕМЯ КАРОЛИНГОВЪ.

1. Пипинъ Малорослый (752—768).

§ 269. Герцоги Австразіи, всегда признававшіе главою семейства самого способнаго и воинственнаго изъ сыновей своихъ, пріобрѣли довѣріе народа своими военными дѣлами и благосклонность духовнаго чина ревностнымъ распространеніемъ христіанства. Оба эти условія доставили Пипину Малорослому франкскій престолъ (752). Когда общій земскій соборъ въ Суассонѣ низвелъ съ престола послѣдняго слабоумнаго Мервинга, Хильдерика III, неовозгласилъ королемъ майордома Пипина (сынъ Карла Мартела, внука Пипину Геристальскому, § 247) и поднялъ его на королевскій щитъ, папа утвердилъ этотъ выборъ, надѣясь, въ своемъ стѣсненномъ положеніи между двухъ огней—Лангобардами и греческимъ экзархатомъ, найти себѣ защитника въ новомъ государѣ Франковъ. Въ воздаяніе за помазаніе и коронованіе, первоначально совершенныя мѣстными епископами, но потомъ торжественно повторенныя самимъ папою Стефаномъ III надъ «боговѣнчаннымъ королемъ» (754), послѣдній двумя побѣдоносными походами въ Италію доставилъ римскому престолу независимость отъ иконоборческихъ императоровъ (§ 255) и принесъ ему въ даръ отнятый у Лангобардовъ экзархатъ отъ Равенны до Анконы. Этимъ положено было основаніе свѣтской власти папы. Признательный за оказанную ему услугу, Пипинъ былъ облеченъ въ темное и многозначительное званіе «патриція Римлянъ», постоянно оказывалъ папѣ благосклонную защиту и содѣйствіе, какъ противъ мятежнаго населенія столицы, такъ и противъ Лангобардовъ

и «безбожныхъ и еретическихъ» Грековъ. Шестнадцать лѣтъ правилъ Пипинъ твердо и славно франкскимъ государствомъ, которое онъ расширилъ и округлилъ завоеваніями на югѣ (Аквитанія) и на сѣверѣ (Фризы). Непокорныхъ вельможъ укротилъ онъ превосходствомъ своего ума и силою своей власти. Саксы въ Вестфаліи были принуждены къ уплатѣ дани, а у непокорныхъ Аллеманновъ онъ упразднилъ герцогское достоинство и управлялъ страною черезъ намѣстниковъ.

2. Карлъ Великій (768—814).

§ 270. Передъ смертью Пипинъ подѣлилъ царство между своими сыновьями (768): Карлъ получилъ Австразію, а Карлманнъ—Нейстрію. Но послѣдній умеръ три года спустя, и государственные чины, обошедъ двоихъ сыновей его, признали Карла Великаго единодержавнымъ государемъ Франковъ (771). Онъ правилъ много лѣтъ, могущественно въ дѣлахъ внѣшнихъ, правосудно и славно въ дѣлахъ внутреннихъ, такъ что по справедливости можно назвать его «свѣтиломъ въ темной ночи». Рѣдко соединялись въ человѣкѣ бо́льшія правительственныя дарованія, и геній быть можетъ никогда не находилъ болѣе благопріятной эпохи для безсмертныхъ дѣяній. Однако въ природѣ его еще оставались слѣды древнегерманскаго варварства, и какъ ни достоинъ удивленія его умъ, сила воли и предпріимчивость въ великомъ и въ цѣломъ, но отдѣльные его поступки обнаруживаютъ жесткій и суровый характеръ.—Прежде всего Карлъ отнялъ у Мервингскаго дома еще остававшіяся за нимъ владѣнія въ Аквитаніи, приказавъ казнить послѣдняго потомка Мервинговъ, а потомъ отчасти изъ религіознаго рвенія, отчасти съ цѣлью защитить свое царство отъ разбойническихъ вторженій, тридцать одинъ годъ велъ кровопролитныя войны противъ Саксонскаго союза, состоявшаго изъ нѣсколькихъ языческихъ народовъ по Везеру и Эльбѣ (Энгернъ, Остъ- и Вестфалія) и сопредѣльнаго областямъ Франковъ и Фризовъ. Сначала Саксы жили по нижней Эльбѣ и въ Голштиніи, но во время переселенія народовъ они перешли на югъ и вмѣстѣ съ

Франками (§ 247) завоевали сильное государство Тюринговъ, простиравшееся отъ сѣверныхъ границъ Швабіи до самаго Гарца.—Не смотря на многократныя войны съ Мервингами и ихъ майордомами и на данничество, къ которому Пипинъ Малорослый принудилъ западные округи, главная часть народа еще сохраняла свою древнюю свободу. Какъ вольные язычники, Саксы были естественными врагами франко-христіанскаго порядка вещей. Они никогда не имѣли королей, но жили, подобно древнимъ Германцамъ, вольными общинами подъ управленіемъ своихъ графовъ и эделинговъ; только въ военное время соединялись они подъ властью свободно-избранныхъ герцоговъ. Городовъ было у нихъ такъ же мало, какъ и въ остальной Германіи, но мѣстами встрѣчались крѣпостцы (бурги). Общаго начальства надъ цѣлымъ народомъ у нихъ не доставало; земскій соборъ въ Маркло, на Везерѣ, куда являлись повѣренные трехъ народныхъ сословій, совѣщался по общимъ дѣламъ края и рѣшалъ миръ или войну. Саксонская война была настоящею національною, даже священною войною: Саксы сражались за своего Одина и за свою свободу, Франки — за Христа Спасителя, за коренившуюся въ христіанствѣ образованность и за свое всемірное владычество. Сопротивленіе Саксовъ, крѣпко стоявшихъ за германское язычество, было тѣмъ серьёзнѣе, что они могли опираться на весь сѣверовосточный языческій міръ. На югъ отъ Тевтобургскаго лѣса, окруженная великими воспоминаніями минувшихъ временъ, стояла крѣпость Эресбургъ съ священнымъ столбомъ, изображавшимъ боготворимаго героя Ирмина, «на рубежѣ вольнаго язычества», въ разстояніи около пяти миль отъ посвященнаго Тору или Грому дуба, который былъ срубленъ Бонифаціемъ (§ 280). Карлъ взялъ Эресбургъ, разрушилъ національную святыню, то колоссальное дерево, на которомъ по народному повѣрью держался весь міръ, принудилъ Саксовъ покориться и обѣщать, что они не будутъ препятствовать распространенію христіанства проповѣдниками, слѣдовавшими за франкскимъ войскомъ, и обезпечилъ свои завоеванія гарнизонами.—Вскорѣ пришлось Карлу оставить опустошенный саксонскій край, чтобы защитить папу отъ враждебнаго нападенія со стороны Лангобардовъ. Изъ любви къ своей матери

Карлъ нѣкогда избралъ себѣ въ супруги дочь лангобардскаго короля Дезидерія; но такъ какъ этотъ союзъ могъ вовлечь его въ разладъ съ римскимъ дворомъ, то онъ впослѣдствіи отказался отъ своей невѣсты. Это поправило отношенія его къ Риму, но такъ глубоко оскорбило лангобардскаго короля, что онъ принялъ къ себѣ вдову Карлманна, призналъ сыновей ея королями Франковъ и хотѣлъ оружіемъ принудить папу къ помазанію ихъ. Но послѣдній упорно отказывалъ ему въ этомъ, хотя Дезидерій уже занялъ большую часть городовъ, подаренныхъ папѣ Пипиномъ, и просилъ помощи у короля Франковъ. Карлъ поспѣшно перешелъ черезъ Сенъ-Бернаръ (773) съ войскомъ, собраннымъ близъ Женевы, взялъ приступомъ проходы черезъ Альпы и овладѣлъ Павіей. Дезидерій кончилъ жизнь въ одномъ франкскомъ монастырѣ. Побѣдивъ также храбраго сына его Адельхиса въ Веронѣ, Карлъ возложилъ на себя въ Миланѣ ломбардскую корону и присоединилъ верхнюю Италію къ Франкскому государству (774). Однако онъ оставилъ Ломбардіи положеніе особаго королевства и туземное ея право, и ограничился только введеніемъ франкской военной повинности и франкскаго суда, и передачею земли и городскихъ округовъ въ управленіе франкскимъ графамъ. Святую Пасху праздновалъ Карлъ въ Римѣ, гдѣ возобновилъ союзъ съ папою и не только подтвердилъ дары Пипина, но впослѣдствіи даже прибавилъ къ нимъ Сполето. Ломбардскій герцогъ Беневента, союзникъ Адельхиса, призналъ власть побѣдителя и былъ утвержденъ имъ въ своемъ достоинствѣ. Историкъ Павелъ Варнефридъ (Діаконъ), который при составленіи своей Исторіи Лангобардовъ вѣроятно пользовался древнегерманскими народными сказаніями и героическими пѣснями, былъ помилованъ Карломъ, уважавшимъ науки и ученыхъ.

§ 271. Въ отсутствіе Карла Саксы изгнали франкскіе гарнизоны, возстановили свои прежнія границы и внесли пожаръ и опустошеніе въ смежныя области (775). Тогда Карлъ снова выступилъ противъ «вѣроломнаго и измѣнническаго» народа, разбилъ ихъ, заложилъ крѣпостцы по Везеру и за тѣмъ заключилъ на сеймѣ въ Падерборнѣ (777) договоръ съ народными вождями, по которому они признали власть побѣдителя,

дали заложниковъ и обѣщали не препятствовать водворенію христіанства. Въ доказательство своей искренности, многіе изъ нихъ крестились; дворянство и свободный классъ обязались въ точности исполнять повелѣнія короля. Но воинственный ихъ герцогъ Витукиндъ (Виттекиндъ) бѣжалъ къ Датчанамъ и не утвердилъ этого договора.—Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ Карлъ воевалъ въ Испаніи, куда призвалъ его на помощь арабскій намѣстникъ Сарагоссы противъ возраставшаго могущества халифа Абдеррамана Омейяда (§ 264). Онъ побѣдилъ Мавровъ, завоевалъ Памплону и Сарагоссу (778) и присоединилъ къ своему государству весь край до Эбро съ городомъ Барселоной, подъ названіемъ Испанской мархіи (украйны), предварительно возстановивъ тамъ изгнаннаго намѣстника и принявъ его въ ленное подданство. Но на возвратномъ пути, въ долинѣ Ронсеваллесъ, задняя часть его рати, предводимая необычайно-сильнымъ Роландомъ (Рутландомъ), въ воспѣтой однимъ изъ средневѣковыхъ эпическихъ поэтовъ битвѣ съ воинственными горцами — Басками, потерпѣла пораженіе, при чемъ пали отважнѣйшіе герои Франковъ (срв. § 554). Только впослѣдствіи отомстилъ Карлъ хищнымъ Баскамъ за погибель своихъ рыцарей и принудилъ ихъ покориться.

§ 272. Отсутствіемъ Карла опять воспользовались для новаго возстанія Саксы, соединенные въ военное братство свободолюбивымъ Витукиндомъ и вспомоществуемые Датчанами и Фризами. Огнемъ и мечемъ разорили они Тюрингію и Гессенскій край, заставили фульдскихъ монаховъ бѣжать изъ тихаго пріюта ихъ въ буковомъ лѣсу и опустошительно проникли до самаго Рейна. Карлъ поспѣшилъ отразить ихъ, вторично одержалъ надъ ними побѣду (780), ибо въ открытомъ полѣ малочисленныя дружины ихъ не могли противустоять Франкамъ, и покорилъ весь край ихъ до Эльбы, а потомъ старался упрочить за собою эту пограничную рѣку крѣпостцами. На этотъ разъ онъ ввелъ у Саксовъ франкское военное и судебное устройство, и раздѣлилъ край на графства, надъ которыми поставилъ франкскихъ вельможъ или сдавшихся саксонскихъ эделинговъ. Уже помышляли раздѣлить край на епархіи; въ немъ были поселены священники, и народъ принуждали къ

крещенію, исполненію церковныхъ правилъ и уплатѣ десятины, если онъ не соглашался добровольно принять христіанство. Блестящій сеймъ при истокахъ Липпе (782) повидимому доказывалъ, что отнынѣ франкскій король повелѣваетъ въ Саксоніи «какъ у себя дома». Но когда онъ задумалъ употребить Саксовъ для похода противъ славянскихъ (вендскихъ) Сорбовъ на Заалѣ, тогда они, раздраженные утратою своей свободы и принудительною военною повинностію, напали на слѣдовавшихъ вмѣстѣ съ ними Франковъ при Зунталѣ (между Ганноверомъ и Гамельномъ) и перебили ихъ. Такой поступокъ требовалъ отмщенія. Опустошительно прошелъ франкскій властитель весь край и потомъ держалъ строгій судъ въ Верденѣ на Аллерѣ. 4500 плѣнныхъ искупили собственною кровью вину своихъ братьевъ. Вслѣдствіе того война возгорѣлась съ новою силой. Раздраженныя верденскою кровавою расправой и воспламененыя къ отмщенію Витукиндомъ, поднялись всѣ саксонскія племена на послѣднюю великую борьбу за свободу, за національную независимость и древнихъ боговъ. Но побѣдить суждено было новой вѣрѣ и ея мощному, одушевленному воинству. Франкскія полчища опустошили саксонскій край отъ Тевтобургскаго лѣса до Эльбы, и когда Саксы проиграли (783) битву при р. Газѣ (въ Оснабрюкскомъ округѣ), тогда сила ихъ была сокрушена навѣки. Герцоги Витукиндъ и Альбіонъ (785) присягнули на покорность и вѣрность Карлу, обязались нести военную службу, обѣщали способствовать распространенію христіанства и крестились. Примѣру вождей вскорѣ послѣдовалъ народъ. Нѣсколько вновь основанныхъ епископствъ, подчиненныхъ архіепископскимъ каѳедрамъ Кельна и Майнца и вскорѣ разросшихся въ богатые города, заботились о сохраненіи и распространеніи ученія о распятомъ Спасителѣ въ весяхъ Саксоніи. Въ сѣверной Тюрингіи учреждена епископская каѳедра въ Гальберштадтѣ; въ области Энгеринъ попеченіе о религіозныхъ и церковныхъ интересахъ ввѣрено епископамъ Падерборна, Миндена, Вердена и Бремена, а въ Вестфаліи образовались епископскія каѳедры Мюнстерская и Оснабрюкская. Тѣмъ не менѣе, тягостная военная служба, къ которой принудили Саксовъ по случаю большаго похода

противъ Аваровъ, и непривычная уплата десятины въ пользу церкви, возбудили новое возстаніе, имѣвшее слѣдствіемъ выводъ 10,000 саксонскихъ семей и основаніе франкскихъ поселеній въ томъ краѣ. Такъ кончилась эта свыше-30-лѣтняя война покореніемъ Саксовъ франкскому владычеству и христіанству. Кровавыми законами были навязаны Саксамъ христіанство и королевская власть; смертною казнію вынуждалось крещеніе и каралась приверженность къ языческому обычаю. И только тогда, когда церковныя и государственныя учрежденія пустили болѣе глубокіе корни, Карлъ отложилъ кровавые законы и велѣлъ начертать обычное право Саксовъ съ цѣлью основать прочный порядокъ вещей въ покоренной странѣ. Подобная участь постигла и соплеменныхъ союзниковъ ихъ, Фризовъ. По зельцскому миру (803) оба народа стали въ такое же отношеніе къ франкскому государству, какъ и другіе нѣмецкіе народы. Храброму датскому королю Готфриду, союзнику Саксовъ, удалось черезъ нѣсколько времени вытѣснить Франковъ съ сѣверо-альбингскаго [1] полуострова и на короткое время сдѣлать своими данниками Фризовъ и Ободритовъ; но по убіеніи его слугою (810), король Франковъ снова покорилъ за-эльбскій край и упрочилъ его за собою валами и крѣпостцами (Эссельвельдобургъ, нынѣ Ицегое).

§ 273. Между тѣмъ Тассилонъ Агилольфингъ [2], герцогъ переселившихся изъ Богеміи на югъ Баварцевъ (Байварцевъ), обитавшихъ на пространствѣ отъ Леха до Инна и отъ Дуная до Альповъ, попытался свергнуть съ себя иго Франковъ, отъ которыхъ онъ принялъ свое герцогское достоинство, какъ ленъ. Племянникъ Пипина и зять лангобардскаго короля Дезидерія, онъ желалъ быть полновластнымъ королемъ своего государства и заключилъ союзъ съ своимъ шуриномъ, герцогомъ Беневентскимъ. Призванные къ отвѣту Карломъ, они не отважились противиться, присягнули на ленную вѣрность и представили заложниковъ. Однако Тассилонъ, мучимый чувствомъ униженія и возбуждаемый своею гордою

[1] Сѣверною Альбингіей назывался край на сѣверъ отъ Эльбы, а германскія племена, тамъ обитавшія, назывались сѣверо-Альбингами.

[2] Родоначальникомъ первой баварской династіи былъ Агилольфъ; его потомки назывались Агилольфингами.

женою, снова нарушилъ присягу и старался завоевать себѣ независимость при помощи Аваровъ. Карлъ жаловался на него сейму, созванному въ Ингельгеймѣ (788) и опредѣлившему казнить смертью вѣроломнаго герцога; но франкскій король замѣнилъ эту казнь пожизненнымъ заключеніемъ въ стѣнахъ Санктъ-Гоарскаго монастыря [1]. Такая же участь постигла сыновей и жену его. Тогда герцогское званіе было уничтожено и Баварія включена въ составъ франкскаго государства, которому былъ также подчиненъ весь край отъ Майна до швейцарскихъ Альповъ и отъ Леха до Юры. Чтобы наказать Аваровъ, дикій татарскій народъ, переселившійся послѣ паденія гуннскаго царства отъ Каспійскаго моря въ притейсскія и придунайскія земли, и положить конецъ ихъ хищническимъ вторженіямъ, Карлъ предпринялъ противъ нихъ походъ со всѣми силами франкскаго государства, отбросилъ ихъ за Вѣнскій лѣсъ [2] и присоединилъ отнятыя у нихъ земли отъ Энса до Рааба къ своей державѣ подъ названіемъ Восточной мархіи (Oestliche Mark, Oesterreich, Австрія). Огромныя сокровища, награбленныя Гуннами и Аварами со всей Европы и хранившіяся за кругообразными земляными насыпями (валами) въ Венгріи, достались Франкамъ послѣ побѣдоноснаго приступа къ этимъ укрѣпленіямъ (795). Завоеванная земля отдана была для обработки нѣмецкимъ (баварскимъ) колонистамъ, что и открыло туда доступъ образованности и христіанству. Въ Зальцбургѣ учреждена архіепископская каѳедра для восточной полосы государства, и оттуда стало снова распространяться уже давно погибшее тамъ Евангеліе по придунайскимъ краямъ. — Точно также Карлъ положилъ основаніе Бранденбургской мархіи, покоривъ своей власти славянскихъ Сорбовъ и Вильцевъ. Славянскимъ Ободритамъ, помогавшимъ ему противъ Саксовъ, оставилъ онъ земли ихъ при нижней Эльбѣ и Балтійскомъ морѣ (нынѣ Мекленбургъ). Карлъ стремился соединить разсѣянныя нѣмецкія племена въ одно государство, пробудить въ нихъ сознаніе общей народности и доставить германскому племени господство въ Европѣ. Этимъ

[1] На Рейнѣ, близъ Кобленца.

[2] Лѣсистыя горы на югъ отъ Дуная и Вѣны.

стремленіемъ духовное достояніе античнаго міра было сохранено христіанско-германскому Западу.

§ 274. Покоривъ всѣ земли отъ Эбро и Апеннинъ до шлезвигъ-голштинскаго Эйдера, и отъ Атлантическаго океана до Рааба и Эльбы, Карлъ Великій отправился на исходѣ восьмаго вѣка въ Римъ. Здѣсь, въ день Рождества, преемникъ Адріана (Адріанъ † 795), папа Левъ III, котораго онъ защитилъ противъ шайки мятежниковъ, короновалъ Карла римскимъ императоромъ въ церкви св. Петра и поставилъ блюстителемъ правды и мира въ христіанствѣ. Этимъ способомъ надѣялись сплотить западное христіанство въ одно цѣлое, духовнымъ главою котораго долженъ былъ стать папа, а свѣтскимъ—императоръ. Эта мысль тѣмъ легче укоренилась впослѣдствіи, что распри о первенствѣ между римскимъ епископомъ и константинопольскимъ патріархомъ (особенно ученымъ Фотіемъ), въ соединеніи съ разномысліемъ о трехъ ὑποστασιαχъ, бракѣ священниковъ и нѣкоторыхъ церковныхъ обычаяхъ, довели уже давно существовавшій разладъ до полнаго отдѣленія западной (римско-католической) церкви отъ восточной (греко-каѳолической). Съ тѣхъ поръ церковь и государство христіанскаго Запада управлялись и охранялись «двумя мечами»; и если императоръ, какъ «старшій сынъ церкви», только чрезъ папское коронованіе получалъ освященіе и утвержденіе въ своемъ санѣ, за то и папа избирался лишь съ согласія императора. Это возвышеніе Карла было вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ и первымъ шагомъ къ водворенію «христіанско-политическаго порядка» на германо-романскомъ Западѣ, первымъ необходимымъ шагомъ къ водворенію «царства Божія на землѣ». Но первоначально императоръ почитался единственнымъ представителемъ Бога, и всѣми признавалось его полновластіе въ дѣлахъ церкви и государства. Онъ одинъ былъ источникомъ духовнаго и мірскаго законодательства.

Дарованіе римскаго императорскаго сана Львомъ III Карлу впослѣдствіи подало папамъ поводъ присвоивать себѣ право коронованія западныхъ императоровъ и основать на этомъ правѣ ученіе, по которому императорское достоинство имѣетъ своимъ источникомъ и своею основою церковь и главу ея.—Новая имперія въ сущности покоилась на церковныхъ основахъ; идеалъ ея не что иное какъ водвореніе царства

Божія на землѣ, въ которомъ императоръ поставленъ самимъ Богомъ быть представителемъ Его, да руководитъ и направляетъ онъ, согласно волѣ Господней, весь народъ, раздѣленный по племенамъ, сословіямъ и степенямъ; эти разрозненные классы народа суть естественные члены одного большаго государственнаго тѣла, глава котораго — императоръ; какъ онъ на своемъ мѣстѣ, такъ и они, каждый въ своей сферѣ, имѣютъ свое назначеніе въ божественномъ мірoустройствѣ и должны быть побуждаемы императоромъ къ исполненію этого назначенія; каждый обязанъ жить по волѣ и закону Божію, а императору данъ мечъ, чтобы карать законопреступныхъ.

§ 275. Правленіе Карла было столь же обильно послѣдствіями для внутреннихъ дѣлъ, какъ и для внѣшнихъ. Онъ возвысилъ королевское вліяніе, отмѣнивъ власть герцоговъ, ограничивъ или крѣпко привязавъ къ престолу ленныя должности и принявъ въ свое непосредственное вѣдѣніе войско и судъ. Все государство было раздѣлено на волости, гдѣ графы завѣдывали судебною и военною частію и, въ качествѣ военачальниковъ, охраняли спокойствіе и порядокъ. Особенное вниманіе Карла было обращено на правосудіе. Его центграфы еженедѣльно держали общинный судъ ежемѣсячно; подъ предсѣдательствомъ волостныхъ графовъ, засѣдали земскіе или волостные суды, а каждые четыре мѣсяца королевскіе посланцы объѣзжали болѣе обширные округи для повѣрки и наблюденія за правосудіемъ, для осмотра войскъ, для надзора за управленіемъ коронными имуществами и для охраненія коронныхъ правъ во всѣхъ частяхъ монархіи. Сверхъ того, ежегодно созывались два народныхъ собранія, въ которыхъ могли участвовать всѣ свободно-рожденные, подъ предсѣдательствомъ самого короля, и гдѣ предлагались и утверждались законы: такъ-называемое майское поле, большой весенній сеймъ, и меньшее совѣщательное собраніе, осенью. Какъ ни велики военныя дѣла Карла, законодательская его слава блеститъ гораздо ярче въ исторіи человѣчества. Надъ личными и народными правами, которыя отчасти впервые были записаны по его же приказанію, онъ создалъ своими капитуляріями — указами и предписаніями, состоявшимися или по собственному его усмотрѣнію, или же по совѣщанію съ земскими соборами (срв. § 343. 3. Б. 2.)—общее государственное право, самое многообъемное политическое законодательство, то установлявшее важнѣйшія общія отношенія, то нисходившее до мѣстныхъ об-

стоятельствъ, для приноровленія ихъ къ цѣлому. Хотя и писанное на латинскомъ языкѣ, это законодательство носитъ на себѣ однако сильный германскій отпечатокъ; всѣ зародыши нравственной жизни, коренившіеся въ германскихъ законахъ, нравахъ и учрежденіяхъ, собраны въ немъ и сведены въ облагороженныя формы. Сильно-укрѣпленныя и хорошо защищенныя маркіи со всѣхъ сторонъ охраняли обширное государство отъ враждебныхъ сосѣдей, «подобно тому, какъ запруды и плотины охраняютъ заботливо воздѣланную ниву отъ наплыва дикихъ водъ». Франкскіе васаллы обороняли эти пограничныя земли подъ начальствомъ маркграфа. Они составляли постоянное войско изъ отборныхъ, храбрѣйшихъ ратниковъ и дворянъ, и были избавлены отъ всякой другой военной службы. Такихъ маркграфовъ имѣли: Каринтія (Штирія, Верона, Истрія, Тревиза), Восточная Баварія (Австрія), Реція (Виндійская мархія), Тюрингія (Мейссенъ), Саксонія (Бранденбургъ) и друг. Государственное хозяйство также пользовалось особеннымъ вниманіемъ Карла. Начиная съ крестьянскаго обихода до высшаго финансоваго управленія, все было тщательно опредѣлено, все было предметомъ постояннаго его надзора. Земледѣліе и скотоводство, главныя занятія Франковъ, были поощряемы; возникали новыя селенія и мызы, пустыри превращались въ пашни. О домоводствѣ и одеждѣ заботилась сама императрица и ея дочери. Карлъ былъ лучшимъ сельскимъ хозяиномъ и приказывалъ доставлять себѣ обстоятельные отчеты обо всемъ. Для управленія коронными имуществами и осмотра леновъ, въ отдаленныя области (въ Аллеманію, Восточную Франкію и др.) посылались особые намѣстники (Kammerboten [1]). Общіе налоги и подати были еще неизвѣстны, но ежегодныя майскія приношенія уже считались чѣмъ-то обязательнымъ, а войско, — васаллы и свободно-рожденные, — выходило въ поле на собственный счетъ. Ибо дворяне получали коронныя имущества подъ тѣмъ только условіемъ, что они съ своими подвластными всегда будутъ готовы вѣрно служить королю. — Особенно заботился Карлъ объ общенародномъ образованіи. Для этой цѣли онъ обращался къ содѣйствію церкви, которую надѣлилъ богатыми вкладами, которой предоставилъ десятину и многія другія преимущества; для этого онъ пользовался и христіанскимъ богослуженіемъ, которое старался украсить

[1] Эти Kammerboten въ іерархіи чиновъ занимали первое мѣсто послѣ герцоговъ.

улучшеніемъ церковной музыки по итальянскому образцу, и введеніемъ собранія проповѣдей, составленнаго Павломъ Діакономъ. Между тѣмъ какъ миссіонеры полагали основаніе гражданственности у германскихъ и славянскихъ народовъ, духовенство у Франковъ обязано было учреждать монастырскія школы и соборные капитулы [1] и, переписывая сокровища древнеримской литературы, дѣлать ихъ болѣе доступными. Ученые, какъ напр. британскій монахъ Алькуинъ (+804) и историкъ Эйнгардъ, изъ Оденвальда, пользовались величайшею его благосклонностію и покровительствомъ. Алькуинъ, еще въ Іоркѣ ознакомившійся съ остатками древнеримской образованности, завѣдывалъ, какъ уважаемый совѣтникъ и другъ императора и какъ предсѣдатель основаннаго имъ ученаго общества, народнымъ просвѣщеніемъ и воспитаніемъ, посредствомъ которыхъ Карлъ старался привить греко-римскую образованность въ германскомъ государствѣ Франковъ. Онъ старался разсѣять господствовавшій мракъ свѣтомъ античной науки и пробудить стремленіе ко всему благородному, къ нравственности, добру и праву. Любовь императора къ образованію выказалась между прочимъ въ его занятіяхъ нѣмецкою грамматикой и въ собраніи древнегерманскихъ героическихъ пѣсней, состоявшемся подъ его покровительствомъ. Вышній духъ, вѣющій въ искусствѣ и наукѣ, открывался ему и въ этихъ пѣсняхъ, которыми пренебрегали другіе. Взоръ Карла простирался далеко за тѣ узкіе предѣлы, въ которые западная церковь заключила искусство и науку, и куда получила доступъ одна лишь новоримская ученость; онъ понималъ, что христіанству суждено вести человѣчество ко всеобщей образованности, которая именно поэтому можетъ и должна принять въ себя всѣ образовательныя духовныя стихіи, разсѣянныя между различными по характеру народами. Онъ твердо придерживался идеи всеобщаго народнаго образованія, основаннаго на древней культурѣ, и потому на послѣднюю обращено было все его вниманіе. Его уваженіе къ древней образованности особенно выразилось въ пристрастіи къ Риму и Италіи, и въ стремленіи строить дворцы и церкви въ римско-византійскомъ стилѣ при помощи итальянскихъ художниковъ и повсемѣстно распространить итальянскій вкусъ въ домашней утвари, украшені-

[1] Соборные капитулы были общества избранныхъ духовныхъ лицъ, пользовавшіяся дезависимымъ отъ мѣстнаго епископа самоуправленіемъ и призываемыя имъ на совѣтъ по дѣламъ особенно важнымъ.

яхъ, музыкѣ и т. п. Введеніе каноническаго права и іерархическаго чиноначалія между духовенствомъ приблизило франкскую церковь ко всеобщей церкви Запада, при чемъ первая не утратила однако своего независимаго положенія. Благосклонность и щедрость императора къ духовенству доставили епископамъ большой почетъ и сильную власть. Они стояли наряду съ графами, владѣли богатыми имѣніями подобно свѣтскимъ вельможамъ, часто сами вели на войну своихъ подзащитныхъ, мѣняя епископскій жезлъ на мечъ. Прежде почти все духовенство было римскаго происхожденія, а теперь и Германцы стали поступать въ духовное званіе. Вскорѣ франкское духовенство прославилось своею ученостью, и епископскія школы достигли цвѣтущаго состоянія. Правленіе Карла не осталось безъ большаго вліянія на возникновеніе и развитіе городской жизни. Сѣмена, посѣянныя имъ въ Саксоніи и другихъ странахъ, вскорѣ принесли прекраснѣйшій плодъ подъ покровительствомъ церкви. Самъ Карлъ особенно любилъ жить въ Ингельгеймѣ на Рейнѣ, гдѣ онъ имѣлъ красивый дворецъ (пфальцъ), и въ Ахенѣ, гдѣ покоятся его останки. Въ Вюрцбургѣ, Регенсбургѣ, Шлеттштадтѣ, Кёнигсгофѣ, Франкфуртѣ, Трибурѣ, Вормсѣ и другихъ мѣстахъ имѣлъ онъ также императорскіе пфальцы, или резиденціи. Послѣднія во всѣхъ отношеніяхъ были образцами приличія и придворныхъ нравовъ. Карлъ всегда былъ окруженъ искуснѣйшими дѣловыми людьми, достойнѣйшими служителями Евангелія, первоклассными учеными своего времени и тѣми отважными рыцарями, которые какъ «паладины» служили примѣромъ для послѣдующихъ поколѣній. Всѣ изложенныя качества и великія дѣянія внушали современникамъ императора такое высокое уваженіе, что даже халифъ Гарунъ аль Рашидъ (§ 264) прислалъ ему съ дальняго Востока богатые подарки (между прочимъ металлическіе часы съ боемъ, приводимые въ движеніе водою). Карлъ заботился также объ усиленіи торговли и созданіи новыхъ торговыхъ путей чрезъ разчистку рѣкъ для судоходства, построеніе мостовъ (напр. въ Майнцѣ) и т. п., и всѣми мѣрами старался возбуждать широкую промышленую дѣятельность.

Планъ соединенія Нѣмецкаго моря съ Чернымъ посредствомъ Дунайско-Майнскаго канала тогда не осуществился и только въ наше время приведенъ въ исполненіе.—Со временъ Карла Великаго городъ Ахенъ, обязанный ему своимъ древнимъ византійскимъ соборомъ, пользовался преимуществомъ предъ всѣми нѣмецкими го-

родами, такъ что въ немъ обыкновенно короновались нѣмецкіе императоры, пока Франкфуртъ на Майнѣ не перебилъ у него первенства. Онъ долго оставался резиденціей рейнско-франкскихъ пфальцграфовъ (§ 277).—«Рано», говоритъ одинъ историкъ новыхъ временъ (Вильгельмъ Гизебрехтъ) о первомъ нѣмецко-римскомъ императорѣ, «проявились въ немъ та непреклонная воля, та неутомимая дѣятельность, то стремленіе къ высокому и та воспріимчивость духа, которыя ставятъ его наряду съ первокласными государями всѣхъ временъ. Природа сдѣлала для него все возможное. Стройный станъ при красивой соразмѣрности всѣхъ членовъ, свѣтлые, ясные глаза, привлекательныя черты лица, благозвучный голосъ, вполнѣ мужественная осанка приковывали вниманіе и съ перваго раза располагали къ нему людей. Никогда тѣло не задерживало у него дѣятельности духа; въ теченіе свыше-тридцатилѣтняго царствованія онъ ни разу не былъ боленъ, хотя и никогда не берегся. Безпрерывно былъ онъ занятъ государственными дѣлами; часто вставалъ четыре или пять разъ съ постели въ теченіе одной ночи и трудился; даже одѣваясь, онъ говорилъ о дѣлахъ съ своими совѣтниками и допускалъ къ себѣ тяжущихся, прибѣгавшихъ къ его рѣшенію; за столомъ ему читали историческія или богословскія сочиненія; ни одинъ часъ не проходилъ у него безъ пользы. При этомъ онъ всегда былъ бодръ и веселъ, и ни разу не поступилъ несправедливо оттого что былъ не въ духѣ. Онъ былъ счастливъ въ тѣсномъ семейномъ кругу, съ добросовѣстнѣйшею заботливостію занимался домашнимъ хозяйствомъ; но взоръ его одинаково вѣрно и ясно обнималъ отдаленнѣйшее и ближайшее; общее положеніе міра было такъ же доступно его пониманію, какъ и то, что онъ могъ видѣть тѣлеснымъ взоромъ; ему были такъ же близки великія дѣла, какъ и ближайшіе интересы собственной семьи. Воспитанный въ военной службѣ, онъ только уже королемъ ознакомился съ начальными основаніями науки въ томъ видѣ, какъ они дошли до тогдашняго времени, и даже въ старости былъ еще ученикомъ по этой части.» — «Какъ звѣзды окружаютъ солнце, такъ окружали паладины великаго императора, который всѣхъ ихъ затмѣвалъ своимъ блескомъ. Но не наружнымъ блескомъ и суетностію приковывалъ онъ вниманіе тѣхъ, кто приближался къ нему: высокая и благородная осанка его казалась осѣненною высшимъ свѣтомъ, лучезарнымъ отблескомъ ясности его великой души. Длинныя бѣлыя кудри, украшавшія его голову въ

старости, живые и огненные глаза, постоянно ясное и спокойное чело, могучая и все еще привлекательная фигура старца—весь этотъ образъ не только глубоко отпечатлѣлся въ душѣ современниковъ, но и сохраненъ на вѣки исторіею и сказаніемъ, и до сихъ поръ съ дѣтства уже усвоивается всѣми въ Европѣ. Многихъ замѣчательныхъ государей выставило послѣдующее тысячелѣтіе, но ни одинъ изъ нихъ не былъ выше его. Французское рыцарство позднѣйшихъ временъ прославляло Карла какъ перваго рыцаря, нѣмецкое гражданство — какъ рыцарскаго друга народу и справедливѣйшаго судію, католическая церковь признала его святымъ; позднѣйшая поэзія всѣхъ народовъ постоянно подкрѣплялась и обновлялась его могучимъ явленіемъ: никогда, быть можетъ, дѣятельность смертнаго не была источникомъ болѣе богатой жизни.»

3. Распаденіе Франкской державы.

§ 276. Людвигъ Кроткій. Меньшой сынъ Карла Великаго, Людвигъ Кроткій (814—840), которому, по случаю ранней смерти старшихъ братьевъ, Карла и Пипина, франкская держава досталась вмѣстѣ съ императорствомъ, не обладалъ тою силою души, какая нужна была для управленія такимъ огромнымъ государствомъ, состоявшимъ изъ множества воинственныхъ племенъ. По природѣ своей онъ былъ болѣе способенъ къ тишинѣ монастырской кельи, нежели къ величію и заботамъ, окружающимъ престолъ. Подвиги набожности были любимымъ его занятіемъ; его главною заботой—церковное и монашеское благочиніе, надѣленіе болѣе и болѣе требовательнаго духовенства имуществами и правами и основаніе духовныхъ учрежденій. Онъ учредилъ епископство Гильдесгеймское для восточной Саксоніи и архіепископство Гамбургское для за-эльбской страны, наградивъ ихъ большими преимуществами относительно всего сѣвера. Преждевременный раздѣлъ государства (817) между тремя его сыновьями, Лотаромъ, Пипиномъ и Людвигомъ (Германскимъ), уготовилъ добродушному, слабому императору и его державѣ цѣлое море смутъ и страданій и наполнило домъ его душегубствомъ. Когда впослѣдствіи онъ вздумалъ измѣнить постановленный раздѣлъ въ пользу четвертаго своего сына,

отъ втораго брака, Карла (Лысаго), то старшіе подняли оружіе противъ отца (833). Людвигъ, вѣроломно покинутый своими васаллами и преданный сыновьямъ на Люгенфельдѣ (Лжепольѣ) подъ Страсбургомъ, былъ подвергнуть Лотаромъ унизительному церковному покаянію во власяницѣ, принужденъ отречься отъ престола и заключенъ на нѣкоторое время въ монастырь. Это уничиженіе нанесло неисцѣлимую рану императорству, какъ высочайшей земной власти, и навсегда помрачило блескъ столь лучезарнаго вѣнца. Хотя сынъ его Людвигъ, при содѣйствіи германскихъ вельможъ, настоялъ на одномъ сеймѣ, чтобы отецъ былъ возстановленъ; но когда слабодушный императоръ, подъ вліяніемъ своей коварной супруги, при новомъ дѣлежѣ, предпринятомъ по смерти Пипина (838), обдѣлилъ Людвига Германскаго въ пользу его братьевъ Лотара и Карла, тогда и Людвигъ возсталъ противъ отца. Это сокрушило сердце императору. Въ глубокой горести кончилъ онъ дни на одномъ рейнскомъ островѣ у Ингельгейма (840). Послѣ этого раздорившіе братья-наслѣдники обратили мечи другъ противъ друга. Теперь ужь Карлъ съ Людвигомъ пошли на властолюбиваго Лотара. Кровавое междоусобіе опустошало имперію, такъ что наконецъ, послѣ трехдневной битвы при Фонтенальѣ (Фонтенуа), у «Бургундіонскаго ручья», неподалеку отъ Осерра (Аихегге), франкскіе дворяне отказались отъ дальнѣйшей службы и тѣмъ принудили Лотара заключить съ обоими его братьями (которые передъ тѣмъ снова обязались за себя и за свои народы крѣпко отстаивать другъ друга, и дали въ томъ торжественную присягу на романско-франкскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) раздѣльный договоръ въ Вердёнѣ (843). Въ силу этого договора Лотаръ получилъ Италію, Бургундію и (прозванныя по имени его сына, Лотара II, Лотарингіею) австразійскія земли по лѣвому берегу Рейна, по Мозели и Маасу, вмѣстѣ съ титуломъ императора; Карлъ Лысый—западную Франкію (Францію), т. е. Нейстрію, Аквитанію и Испанскую мархію, или украйну; Людвигъ — нѣмецко-франкскія земли за Рейномъ съ волостями Шпейеромъ, Вормсомъ, Майнцемъ и Кёльномъ. Этотъ договоръ положилъ начало рѣшительному отдѣленію Франціи отъ Германіи. Племена, говорящія нѣмецкой рѣчью на вос-

токѣ, родственныя и сходныя между собою по языку, нравамъ и образу мыслей, смыкались болѣе и болѣе въ одинъ народъ, который въ противоположность населенію западной и южной полосы именовался германскимъ [1]; а послѣдняя, со времени своего отдѣленія, также рѣзче и яснѣе выработала въ себѣ франко-романскую національность. День вердёнскаго договора сталъ такимъ-образомъ днемъ рожденія нѣмецкаго и французскаго народа. Способнѣйшій и дѣльнѣйшій изъ сыновей Людвига Кроткаго, Людвигъ Германскій, имѣлъ свой дворъ въ Регенсбургѣ. Онъ умеръ 876 г., во Франкфуртѣ на Майнѣ.

По отреченіи и смерти Лотара (855) держава его раздѣлилась между тремя его сыновьями; но такъ какъ всѣ они умерли бездѣтны, то императорская корона досталась Карлу Лысому (869), но не по праву наслѣдства, а какъ даръ преемника св. Петра, потому что онъ былъ вѣнчанъ на это достоинство папою Іоанномъ VIII (875) и подтвержденъ въ немъ избраніемъ со стороны вельможъ своей державы, чѣмъ и окончилось учрежденное Карломъ Великимъ наслѣдственное императорство: епископъ римскій присвоилъ себѣ съ тѣхъ поръ возведеніе въ этотъ санъ. Бургундія и Провансъ хотя и достались Карлу Лысому, однакожь выработывались все болѣе и болѣе въ самостоятельное королевство; Лотарингія по Мерзенскому договору (при Маасѣ) раздѣлена была между Франціей и Германіей (870), такъ что Людвигъ Германскій получилъ на свою часть города Страсбургъ, Базель, Мецъ, Триръ, Утрехтъ, Кёльнъ и Ахенъ, вмѣстѣ съ Фризландіей и большею частію Лотарингіи, и такимъ образомъ отдѣлилъ отъ романскихъ племенъ и совокупилъ воедино всѣ тѣ народы, у которыхъ сохранился въ чистотѣ германскій бытъ.

§ 277. Въ половинѣ 9 вѣка Европу постигли съ трехъ разныхъ сторонъ грозные хищническіе набѣги: Италію громили Сарацыны (§§ 263. 266), восточную Германію Венды въ Моравіи и другіе славянскіе народы (§ 256. б), а берега Нѣмецкаго моря—Норманны изъ Скандинавіи съ Дат-

---

[1] Германцы сами себя называли Дейчами, у Франко-Романцевъ стали слыть Аллеманнами, у Итальянцевъ—Тедесками (переиначенное изъ Дейчъ, Тейчъ), а у Славянъ—Нѣмцами. Извѣстно, что въ числѣ германскихъ племенъ были и Аллеманны и Неметы. Въ 827 г. Карлъ Лысый, еще ребенкомъ, получилъ титулъ аллеманнскаго короля.

скихъ острововъ Балтики. Привычные съ молоду къ бурному морю и всѣмъ его опасностямъ, Норманны вели удалую разбойническую жизнь, рыскали грабя и раззоряя по всѣмъ побережьямъ Нѣмецкаго моря, поднимались въ своихъ маленькихъ судахъ вверхъ по рѣчнымъ устьямъ и возвращались потомъ къ себѣ обремененные добычей. Между тѣмъ какъ преемники Карла Великаго раздорили за наслѣдіе его державой, а народы снова распадались, расходилось могучее ополченіе, передовые люди государства раздѣлялись на противоположныя партіи, и завязывалась борьба, поглощавшая все вниманіе и всѣ силы,—въ то самое время моревластительные Германцы сѣвера, у которыхъ оттѣсненное язычество еще разъ сосредоточило всю свою мощь, разлились по всѣмъ побережьямъ, отъ впаденія Эльбы до устья Гаронны. Они превратили въ пепелъ основанный Карломъ Великимъ городъ Гамбургъ (имя это происходитъ отъ окружавшей его «чащи», гамме) и повергли въ бѣдствіе его жителей съ ихъ благочестивымъ епископомъ Ансхаромъ; они прошли изъ конца въ конецъ Нидерланды, сожгли города Кёльнъ, Боннъ, Триръ и угрожали своими набѣгами самому Парижу. Даже отдаленная Испанія почувствовала тяжесть ихъ руки. Приведенныя въ отчаяніе общины взывали въ церковныхъ молитвахъ: ««Отъ свирѣпости Норманновъ свободи насъ, Господи!» Чтобы противустать вторженіямъ ихъ, при недостаткѣ морской силы, каролингскіе короли принуждены были возстановить у разныхъ подвластныхъ имъ народовъ герцогское достоинство и даровать маркграфамъ (начальникамъ украйнъ) и военному дворянству высокую наслѣдственную власть, отчего, при слабости и ограниченности большей части Каролинговъ, вскорѣ все вліяніе перешло въ руки вельможъ. Эти могучіе васаллы сообщали своимъ предпріятіямъ еще болѣе вѣса и важности заключеніемъ между собой ратныхъ союзовъ; слабый оплотъ ихъ самовольству представляло учрежденіе такъ-называемыхъ пфальцграфовъ для завѣдыванія высшимъ судомъ и управленія королевскими доходами. Послѣ скоропостижной смерти Карла Лысаго (877), нейстрійскіе вельможи признали сына его, Людвига Косноязычнаго, королемъ только тогда, когда онъ всенародно заявилъ, что короною обязанъ народному

избранію. И онъ и оба его сына также скоро умерли. Не только духовная, даже тѣлесная сила повидимому исчезла въ царственномъ родѣ Каролинговъ; власть по необходимости должна была перейдти въ руки знатныхъ дворянъ, и наслѣдственное королевство превратиться въ избирательное.— Это очевидно изъ исторіи Карла Толстаго (876—887), которому, благодаря скорой кончинѣ его братьевъ и ближайшихъ родственниковъ, досталось наслѣдіе и отца его, Людвига Германскаго, и дяди, Лотара, и котораго наконецъ избрали себѣ верховнымъ главою еще и французскіе вельможи, такъ что этотъ слабый, лѣнивый и до глупости ограниченный человѣкъ обладалъ почти всею державою Великаго Карла съ саномъ императора. Но когда онъ дважды купилъ миръ позорной данью Норманнамъ, обязался уплатить имъ сверхъ-того значительную сумму денегъ впередъ и отвелъ ихъ дружинамъ отдаленную мѣстность для перезимовки, тогда собравшіеся въ Трибурѣ, на Рейнѣ, германскіе князья отрѣшили его отъ престола и выбрали ему преемникомъ побочнаго племянника его Арнульфа, храбраго герцога каринтійскаго (887). Карлъ Толстый безпрекословно повиновался ихъ приговору и вскорѣ потомъ кончилъ дни въ монастырѣ Рейхенау, на прекрасномъ островѣ Боденскаго озера (888). Большая часть французскихъ вельможъ признала королемъ Одона, воинственнаго графа парижскаго и герцога иль-де-франсскаго (Ile de France), который одинъ въ дѣйствіяхъ противъ Норманновъ оказалъ храбрость и способность полководца. По смерти его, безсильный престолъ былъ возвращенъ законному наслѣднику, внуку Карла Лысаго, Карлу Простаку (898—929). Но бургундскія земли въ долинѣ Роны и у береговъ Женевскаго озера были отдѣлены отъ Франціи графомъ Бозономъ и обращены въ особое Арелатское королевство, котораго столицею былъ городъ Арль (Arles); близъ Юры занялъ независимое положеніе Рудольфъ Бургундскій, а въ Италіи герцогъ Видонъ Сполетскій, послѣ долгой борьбы съ своимъ противникомъ, Беренгаромъ Фріульскимъ, завоевалъ себѣ и сыну своему Ламберту кратковременную власть и получилъ отъ папы императорскую корону, но безъ блеска и могущества.

§ 277. б. Италія въ безимператорское время. Чуть ли еще не болѣе чѣмъ при послѣднихъ Каролингахъ во Франкской державѣ, господствовала анархія въ Италіи. Людовикъ, сынъ графа Бозона (§ 277) Нижнебургундскаго, молодой, энергическій человѣкъ, пріобрѣлъ себѣ господство въ верхней Италіи и отъ папы императорскую корону (900). Но противъ него возсталъ графъ Беренгаръ [1], полонилъ его въ Веронѣ и, ослѣпивъ, отправилъ въ Бургундію (905), гдѣ послѣ этого онъ жилъ и управлялъ бѣдственнымъ образомъ слишкомъ 20 лѣтъ; въ теченіе этого времени, васаллъ его, графъ Гугонъ, человѣкъ рѣдкаго жестокосердія, но твердой воли и остраго ума, присвоилъ себѣ власть въ Бургундіи, а Беренгаръ успѣлъ добиться въ Римѣ даже императорской короны отъ папы Іоанна X, которому онъ помогъ противъ Сарацыновъ (916). Но господство его было непродолжительно. Король Верхней Бургундіи Рудольфъ II, по призыву недовольныхъ Беренгаромъ вельможъ перешелъ съ войскомъ за Альпы, побѣдилъ Беренгара и принялъ титулъ Италійскаго короля (924), послѣ того какъ противникъ его погибъ въ Веронѣ отъ руки облагодѣтельствованнаго имъ убійцы. Козни очаровательной и порочной графини Ирменгарды [2] скоро привели къ низверженію самого Рудольфа, а мѣсто его, при содѣйствіи этой могущественной женщины, заступилъ единоутробный братъ ея, тотъ самый графъ Гугонъ, который присвоилъ себѣ всю власть въ Нижней Бургундіи; онъ былъ коронованъ въ Павіи Италійскимъ королемъ и признанъ въ этомъ достоинствѣ со стороны вельможъ духовнаго и свѣтскаго чина (926). Вскорѣ присовокупилъ онъ къ этому и герцогство Нижнебургундское, котораго большую часть уступилъ однакожь королю Рудольфу Верхнебургундскому (933) за то, чтобы тотъ отказался отъ притязаній своихъ на Италію. Такимъ образомъ бургундскія земли снова соединились въ одно Арелатское королевство. Когда Рудольфъ умеръ (937), оставивъ по себѣ двухъ малолѣтныхъ дѣтей, сына Конрада и дочь Аделаиду, Гугонъ надѣялся снова овладѣть потерянною страной; онъ самъ женился на вдовѣ Рудольфа, а сына своего Лотара женилъ на ея дочери; но германскій король Оттонъ вступился за юнаго Конрада и оградилъ его въ правахъ отцовскаго наслѣдія. Въ Италіи, напротивъ, Гугонъ держался

[1] Сынъ дочери Людвига Кроткаго, Гизели, и Эбергарда, герцога Фріульскаго.

[2] Дочери Адальберта II, герцога Тосканскаго, и жены Адальберта, маркграфа Иврейскаго.

еще неслыханными жестокостями, однакожь навлекъ себѣ такую ненависть, что когда сынъ Ирменгарды, маркграфъ Беренгаръ Иврейскій, бѣжавшій отъ свирѣпости Гугона въ Германію, воротился оттуда съ навербованнымъ войскомъ (945), всѣ въ Италіи примкнули къ нему охотно и съ радостью привѣтствовали въ немъ освободителя отъ бургундскихъ притѣсненій. Съ тѣхъ поръ корона была только для вида на челѣ Гугона, а всю власть захватилъ себѣ Беренгаръ. Среди этихъ усобицъ феодальной анархіи упали благосостояніе и образованность, исчезли порядокъ и свобода. Духовные и свѣтскіе вельможи отвыкли отъ подчиненія королевской власти и считали себя независимыми господами своихъ земель; Арабы, пользуясь этими обстоятельствами, далѣе и далѣе простирали свои набѣги; беззащитный народъ напрасно искалъ руки, которая бы оказала ему спасительную помощь. На престолѣ св. Петра сидѣли малодушные сластолюбцы, не имѣвшіе на судьбы міра ровно никакого вліянія. Вскорѣ къ Арабамъ присоединились еще Венгры; слабо защищаемые города представляли ничтожный оплотъ ихъ стремительнымъ вторженіямъ; Павію превратили они въ груду развалинъ (924), при чемъ 43 церкви сдѣлались жертвою огня, а изъ многолюднаго населенія осталось, говорятъ, въ живыхъ человѣкъ двѣсти, не болѣе; вслѣдъ за тѣмъ они проникли до воротъ Рима. Эти бѣдствія не укрѣпляли здѣсь силъ народа, какъ это было въ Германіи; напротивъ, они отнимали у него послѣдній остатокъ мужества и стойкости. Всѣ узы стыда и повиновенія расторглись; вездѣ господствовалъ безчинный произволъ разнузданныхъ страстей и похотей; заботились объ одномъ чувственномъ существованіи, — обжорствѣ и питьѣ, о драгоцѣнностяхъ и хорошенькихъ женщинахъ; всѣ высшія блага человѣка, которыя одни придаютъ достоинство жизни, утратили всякую цѣну для этого изнѣженнаго и нравственно огрубѣлаго поколѣнія. Преобладаніе женщинъ развилось въ такой степени, въ какой міръ не видалъ его послѣ никогда. Духовенство стремилось отъ сластолюбія къ сластолюбію, подобно мірянамъ; настоящей церковной жизни не было и слѣда: вся религіозность заключалась въ исполненіи (да и то небрежномъ) внѣшнихъ обрядовъ, всѣ установленія церковныя пришли въ забвеніе, монастырское благочиніе исчезло безъ слѣда [1]. Но торговля и промышленность процвѣтали по прежн-

[1] Страшную картину нечестія тогдашняго духовенства въ верхней Италіи рисуетъ Ратгеръ (или Ратерій), бывшій три раза епископомъ веронскимъ въ періодъ времени съ 936 по 968 г.

нему и городовой бытъ развивался тѣмъ быстрѣе, чѣмъ менѣе было безопасности за чертой городскихъ стѣнъ. Городская околица отдѣлялась отъ земской территоріи каждаго графства стѣнами и рвами; судъ епископовъ, которымъ поддавались обыватели, болѣе и болѣе вытѣснялъ собою право графскаго суда, что также много способствовало городамъ развиться въ самостоятельныя общины. Въ это время власть надъ Римомъ и Церковною областью была въ рукахъ энергическаго патриція Альберіха. Онъ величалъ себя «княземъ и сенаторомъ всѣхъ Римлянъ» и распоряжался церковными и свѣтскими дѣлами на полной волѣ; престоломъ св. Петра надѣлялъ онъ того или другаго по собственному усмотрѣнію, такъ что нѣсколько папъ сряду были только ничтожными орудіями въ его всемогущей рукѣ. Въ подкрѣпленіе себѣ искалъ онъ благосклонности императорскаго двора въ Константинополѣ; тоже впрочемъ дѣлали съ своей стороны Гугонъ, Лотаръ и Беренгаръ. Но слабые императоры этой эпохи (§ 301) пренебрегли благопріятнымъ случаемъ снова возстановить власть свою въ Италіи. Крамолы грозили все повергнуть въ хаосъ смутъ; императорство, благодаря имъ, уже погибло; папство существовало только по имени.

§ 278. Арнульфъ управлялъ могучею рукою (887 — 899). Онъ одолѣлъ Норманновъ при Лувенѣ (Loewen), на Дилѣ, гдѣ, занявъ укрѣпленный лагерь, они долго посмѣвались надъ усиліями нѣмецкаго рыцарства; онъ привелъ въ повиновеніе строптивыхъ васалловъ и, чтобы ослабить славянскаго государя Святопулка, который распростеръ свою Великo-Моравскую державу надъ владѣніями Аваровъ въ Панноніи и старался присвоить себѣ вполнѣ данное ему Арнульфомъ на лепномъ правѣ герцогство Богемію, Арнульфъ воспользовался дикими ордами отличныхъ наѣздниковъ и стрѣлковъ изъ лука, Мадьяръ или Венгровъ (Угровъ),—финскаго кочеваго племени, которое съ уральскихъ высотъ спустилось мало по малу въ степи между Дономъ и Волгою, и теперь, подъ начальствомъ своего храбраго вождя Арпада, отборилось въ равнинѣ между Карпатами и Дунаемъ, по ихъ имени и прозванной потомъ Венгріею. Арпадъ былъ избранъ общимъ главою со стороны начальниковъ всѣхъ семи племенъ или родовъ, на которые дѣлился этотъ кочевой народъ, богатый стадами. Святопулкъ отказался наконецъ отъ

трона и заключился въ монастырь; подъ державою несогласныхъ его сыновей царство его стало въ короткое время добычею новопришельцевъ, которые отчасти вытѣснили старожиловъ, отчасти принудили ихъ къ покорности. Но Венгры вскорѣ сдѣлались и для Германіи болѣе ужаснымъ бичемъ, чѣмъ прежде были Авары. Когда, послѣ славнаго похода въ Италію (895), гдѣ Арнульфъ взялъ приступомъ Римъ, привелъ въ повиновеніе отложившихся герцоговъ Сполетскаго, Беневентскаго и друг. и получилъ императорскую корону, онъ умеръ въ цвѣтѣ мужества и силъ, а его малолѣтный сынъ Людвигъ Ребенокъ (899 — 911) возведенъ былъ на престолъ соборомъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ въ Форхгеймѣ, на Регницѣ, тогда Венгры совершили нѣсколько хищническихъ вторженій въ Германію, ослабленную и терзаемую раздорами вельможъ, наполнили весь край, отъ Адріатическаго моря до баварскаго Дуная, убійствомъ, пожарами и опустошеніемъ и вынудили себѣ ежегодную дань. Успѣхъ придалъ имъ еще больше смѣлости. Когда въ одной страшной битвѣ (907) удалось имъ положить на мѣстѣ маркграфа Люитпольда Баварскаго съ его васаллами и множествомъ духовныхъ сановниковъ и овладѣть всею страной на востокъ отъ Энса, они стали предпринимать опустошительные набѣги на Швабію и Франконію (восточную Франкію), на Тюрингенъ и Саксонію (908—910), и принудили короля Людвига купить у нихъ на нѣкоторое время миръ цѣною тяжкой дани. Въ туже самую пору Франкская волость (Франкенгау) на Майнѣ много потерпѣла отъ такъ-называемой бабенбергской усобицы (Babenberger Fehde), когда храбрый графъ Адальбертъ Бабенбергскій (Бамбергскій) поднялъ кровавую войну противъ знатнаго рода Конрадиновъ въ Гессенѣ, Франконіи и при Рейнѣ; наконецъ онъ долженъ былъ сдаться въ своемъ крѣпкомъ замкѣ Тересѣ и казненъ отсѣченіемъ головы (908). Да и прочія нѣмецкія земли сильно страдали отъ самоуправства и военныхъ невзгодъ. «Все здѣсь въ раздорѣ», говоритъ умный епископъ Соломонъ Констанцскій о тогдашнемъ бытѣ Германіи: «графъ въ распрѣ съ васалломъ, община съ волостью, въ городахъ царствуетъ мятежъ, законъ вездѣ попирается ногами, и тѣ, кому бы слѣ-

довало охранять страну и народъ, сами подаютъ примѣръ всего худшаго. Вельможи, которыхъ отцы нѣкогда подавляли возстанія, сами теперь первые зачинщики смутъ. Когда народъ въ такомъ разъединеніи, можетъ ли государство удержаться въ цѣлости? Горе странѣ, у которой король — ребенокъ!» Только въ Саксоніи энергическій Оттонъ Сіятельный управлялъ твердою и непоколебимою рукою, охраняя и даже расширяя свои предѣлы въ борьбѣ съ при-эльбскими Славянами. Среди такихъ обстоятельствъ графы (областеначальники) Франконскій, Саксонскій, Лотарингскій, Швабскій и Баварскій сосредоточили въ своихъ рукахъ великую власть: при немощи короля, имъ приходилось биться противъ Венгровъ и другихъ враговъ государства собственными силами, а вслѣдствіе этой самостоятельности они присвоили себѣ и (высшій послѣ королевскаго) санъ герцоговъ. Но всѣхъ болѣе отличались между ними Конрадъ Франконскій изъ выше помянутаго рода Конрадиновъ, и Оттонъ Саксонскій, по значенію, какое придавало имъ ихъ могущество и родственная связь съ Каролингами. Поэтому, когда послѣдній каролингскій король сошелъ въ могилу безъ славы и потомства, свѣтскіе и духодные вельможи изъ всѣхъ пяти герцогствъ собрались въ Форхгеймѣ (въ числѣ духовныхъ были вліятельные епископы Гаттонъ Майнцскій и Соломонъ Констанцскій) и выбрали королемъ (въ ноябрѣ 911) сначала Оттона, а по отреченіи его за преклонностію лѣтъ, Конрада Франконскаго (911 — 919). Такимъ образомъ Германія стала избирательнымъ государствомъ, при чемъ однакожь обыкновенно держались одной и той же династіи, такъ что это было сочетаніемъ выбора съ наслѣдственностью.

«Мадьяры были страшными для всѣхъ сосѣдей врагами, потому что отличались необыкновенной воинской доблестью. Отважные въ нападеніи, переносливые въ трудахъ, предусмотрительные противъ всѣхъ хитростей непріятеля, мастера пользоваться его слабостями, они, при всей обычной имъ необузданности, соблюдали на войнѣ строгую подчиненность и вслѣдствіе того почти всегда оставались побѣдителями, тѣмъ болѣе, что и способъ дѣйствій ихъ въ полѣ былъ совершенно своеобразенъ. Они подступали не въ большихъ сомкну-

тыхъ массахъ, но раздѣленные на множество мелкихъ дружинъ, которыя только повидимому составляли одно цѣлое; при этомъ они никогда не забывали оставлять часть войска въ засадѣ. Черезъ это всѣ предпріятія ихъ выигрывали въ подвижности, и имъ всегда представлялась возможность дать дѣлу новый, неожиданный оборотъ. Противникъ, обманутый мнимою побѣдой, вдругъ подвергался внезапному нападенію и претерпѣвалъ страшное пораженіе среди вѣрнаго повидимому торжества. Мадьяры сражались на коняхъ, одѣтыхъ въ огромные панцыри, и управляли этими отлично пріученными животными необыкновенно ловко. Хотя у нихъ были мечи и дротики, но главнымъ ихъ оружіемъ была стрѣла, пускаемая съ изумительной мѣткостью, на всемъ скаку, изъ роговаго лука; стрѣлами дѣйствовали они такъ же хорошо при натискѣ на непріятеля, какъ и при быстромъ отступленіи. Жестокіе въ бою, они безпощадно пользовались побѣдой. Жалость къ побѣжденному врагу была имъ вовсе неизвѣстна, они убивали всякаго встрѣчнаго; говорятъ, у нихъ господствовало убѣжденіе, что всѣ, погибшіе на землѣ отъ меча ихъ, должны были на небѣ служить имъ рабами. Такимъ образомъ они не только побѣждали, но уничтожали своего врага, и куда направляли своихъ коней, тамъ все превращалось въ печальную пустыню. — Неописанны бѣдствія, какимъ подвергались тогда германскія земли. Мало того, что опустошались и потравлялись засѣянныя поля, угонялся скотъ, обращались въ пепелъ жилища и все что поцѣннѣе становилось вѣрною добычей непріятеля: даже самый безпомощный людъ не находилъ себѣ у нихъ ни малѣйшей пощады. Они не жалѣли ни нѣжныхъ, невинныхъ младенцевъ, ни почтенныхъ, маститыхъ стариковъ. Какъ стадо гнали они, самымъ немилосерднымъ образомъ, забранныхъ въ плѣнъ женщинъ и дѣвушекъ, чтобы предавать ихъ потомъ въ жертву своего позорнаго любострастья. Опустошеніе и дымъ пожаровъ далеко обозначали собою пути, которыми проходилъ этотъ страшный непріятель; мѣста, которыя онъ покидалъ, были покрыты развалинами. При наступленіи его, все бѣжало подъ защиту валовъ и стѣнъ укрѣпленныхъ городовъ и мѣстечекъ или поспѣшно пряталось въ чащѣ лѣсовъ. Спасти только жизнь, и то считали уже счастіемъ. Одинъ видъ этихъ враговъ наполнялъ Германцевъ ужасомъ и отвращеніемъ. Низкій ростъ, сверкающіе, впалые глаза, смуглое, противное лицо, голова, выбритая до-гола, за исключеніемъ трехъ хохловъ или чубовъ, наконецъ суровый звукъ совсѣмъ непо-

нятнаго языка,—все это казалось скорѣе принадлежностью какихъ-то чудовищъ, нежели обыкновенныхъ людей. Германцы считали ихъ племенами Гога и Магога, пришедшими съ конца свѣта для истребленія всего живущаго; между ними ходили разсказы о томъ, какъ эти чудовища жрутъ, подобно дикимъ звѣрямъ, сырое мясо и пьютъ кровь, какъ они вырываютъ у плѣнныхъ сердце изъ груди, считая его за сильное крѣпительное средство, и т. д.—Мадьяры устроились между тѣмъ на своемъ придунайскомъ новосельѣ и въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ расширили его до предѣловъ Восточной (нѣмецкой) Франкіи и Богеміи. Племеначальники подѣлили между собою землю, и каждый отвелъ людямъ своей орды опредѣленные участки; всѣхъ болѣе, разумѣется, пришлось на долю верховнаго главы, которому досталось болѣе половины всего пространства между Дунаемъ и Савою, и который сверхъ того получалъ въ собственность выморочные участки каждаго изъ 108 господствовавшихъ родовъ, когда который либо изъ нихъ прекращался. Древніе обитатели подѣлены были вмѣстѣ съ землею, какъ неотъемлемая принадлежность ея. Сколь ни обильна и плодоносна почва края, земледѣліе вначалѣ производилось въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, потому что въ отношеніи ко всѣмъ мирнымъ искусствамъ этотъ народъ стоялъ еще на самой низкой ступени развитія и жилъ преимущественно охотою и рыбною ловлей. Весь бытъ его разнился немногимъ отъ образа жизни любой орды азіятскихъ кочевниковъ. Одежда состояла изъ звѣриныхъ шкуръ, лѣтомъ Венгры жили подъ шатрами, зимою въ жалкихъ тростниковыхъ шалашахъ или бревенчатыхъ избушкахъ,—каменныя постройки даже и гораздо позже были у нихъ рѣдкимъ явленіемъ; первою и главною потребностью считались обширныя, тучныя пажити,—все прочее пріобрѣталось въ видѣ добычи на ежегодно возобновляемыхъ ратныхъ походахъ.» (Гизебрехтъ. Исторія императорской эпохи въ Германіи.)

§ 279. Не менѣе страшнымъ смутамъ и беззаконіямъ подвергалась Франція (западная, романская Франкія) при Карлѣ Простакѣ. Герцоги и графы управляли самовластно, присвоивали себѣ государственныя имущества и не уважали ни права, ни закона. Племянникъ Одона, Гугонъ Парижскій (герцогъ Франціи, Орлеана и Бургундіи), могущественный, надменный властитель, держалъ добраго, но безсильнаго короля Карла въ совершенной покорности, а подъ конецъ и въ тяж-

комъ плѣну; однакожь чувство религіознаго опасенія еще мѣшало ему возложить на себя корону. По крайней мѣрѣ государство избавилось отъ опустошительныхъ норманнскихъ набѣговъ съ тѣхъ поръ какъ Карлъ принялъ герцога Роллона (Рольфа) въ прозванную именемъ этихъ хищниковъ область Нормандію (часть Нейстріи, въ 911 г.) подъ условіемъ, чтобы онъ далъ окрестить себя и свою дружину, призналъ короля верховнымъ властелиномъ и помогалъ оборонять предѣлы королевства [1]. Способные къ образованію Норманны, повелѣвая сверхъ-того и въ Бретани, скоро приняли языкъ, нравы и образованность своихъ сосѣдей [2]. Роллонъ раздѣлилъ Нормандію между своими дружинниками феодальнымъ порядкомъ и старался потомъ водворить законность и правосудіе, поднять земледѣліе, возстановить разоренные города, вообще заботился о процвѣтаніи опустошеннаго и одичалаго края [3].

---

[1] Очень характеристично преданіе о томъ, какимъ образомъ Роллонъ изъявилъ покорность Карлу. Сначала отъ него требовали, чтобы онъ самъ поцѣловалъ ногу короля, а когда норманнскій вождь отвергнулъ это съ презрѣніемъ, то согласились, чтобъ унизительный обрядъ исполнилъ за него кто-нибудь изъ его дружинниковъ. Роллонъ велѣлъ одному Норманну приложить уста къ королевской ногѣ, но тотъ съ досады такъ высоко поднялъ ногу Карлу, что король чуть не упалъ. De ce fu ris à grand manière, замѣчаетъ Бенуа въ своей поэтической хроникѣ.

[2] Точно тоже было съ ними на противоположномъ концѣ Европы—именно на Руси. Только въ Англіи сохраняли они долѣе свою самобытность, но это уже были не первоначальные, а офранцуженные Норманцы, и притомъ завоеватели народа съ болѣе твердымъ общественнымъ бытомъ.

[3] Земля завоеванной Норманнами области размежевана была вервью, какъ водилось у нихъ дома (и какъ межевали они на Руси), причемъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія на право туземцевъ, которые всѣ перешли въ состояніе несвободныхъ слугъ (холопей). Новые владѣльцы сразу установили здѣсь феодальную систему и тѣмъ самымъ придали своимъ учрежденіямъ правильность, невиданную до тѣхъ поръ въ другихъ мѣстахъ; всякій Норманнъ былъ свободнымъ и благороднымъ, всякій Нейстріецъ—колономъ или крѣпостнымъ. Число Роллоновыхъ дружинниковъ вѣроятно не превышало 20,000, но со всѣхъ концовъ Галліи стекались къ нимъ толпы народа для водворенія въ такомъ краѣ, который былъ безопаснѣе всѣхъ другихъ и гдѣ было всего болѣе порядка. Поля мало по малу были вспаханы, города окружены стѣнами, возстановлены церкви Божіи, выстроены крѣпкіе замки, и менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ опустошенная передъ тѣмъ Нормандія достигла великаго процвѣтанія. Норманны такъ легко сжились здѣсь съ новою обстановкой, что скоро промѣняли свой германскій языкъ на франко-романскій; они даже усовершенствовали послѣдній тѣмъ, что первые стали письменно употреблять его въ своихъ законахъ и стихотвореніяхъ. Въ то самое время, какъ прекращеніемъ разорительныхъ набѣговъ они дали возродиться порядку и установиться новому обществу, предпріимчивый, рьяный и вольный духъ Норманновъ расшевелилъ ихъ франко-романскихъ сосѣдей и продулъ въ нихъ прежнюю воинственность.

Въ короткое время Норманны превзошли христіанскою ревностью всѣ другіе народы.—Преемникъ Карла, Людовикъ VI (929—954, по прозванію d' Outremer, т. е. Заморскій, потому что до воцаренія онъ жилъ съ матерью въ Англіи), хотя былъ дѣятельнѣе и даровитѣе отца, однакоже не могъ ни прекратить господствующей анархіи, ни избавиться отъ всемогущей опеки Гугона; свобода низшихъ классовъ народа была совершенно подавлена и безоружное большинство не находило себѣ никакой защиты отъ самовольныхъ поступковъ и насилія господъ, постоянно воевавшихъ между собою. Самъ король былъ плѣнникомъ гордаго графа цѣлый годъ и освободился только благодаря вмѣшательству Оттона Саксонскаго въ дѣла Франціи (947). При ранней кончинѣ отъ несчастнаго паденія съ лошади, Людовикъ поручилъ сына своего Лотара (954—986) и свою жену покровительству могущественнаго графа Гугона и тѣмъ еще болѣе утвердилъ его преобладаніе. Власть Каролинговъ подъ конецъ до того была ограничена, что за ними оставался одинъ только городъ Ланъ (Laon) съ округою, а все прочее попало въ руки строптивыхъ магнатовъ. Послѣ преждевременной смерти бездѣтнаго Людовика V (Лѣнтяя, 986—987), королевскій титулъ перешелъ по желанію собора вельможъ къ Гугону Капету (987—996), сыну Гугона Парижскаго; онъ вынудилъ себѣ признаніе у васалловъ по сѣверную сторону Луары и принялъ торжественно корону отъ реймсскаго архіепископа. Однакожь дядя Людовика, деспотъ и злодѣй Карлъ Лотарингскій [1], вздумалъ оспоривать у него престолъ. Онъ собралъ вокругъ себя страшную военную дружину, и, при помощи своего умнаго, но порочнаго и вѣроломнаго брата Арнульфа, насильно захватившаго архіепископство въ Реймсѣ, велъ противъ Гугона многолѣтнюю и кровавую войну; наконецъ, благодаря хитрости Адальберта, епископа Ланскаго, оба они попались въ плѣнъ и были выданы королю Гугону (991). Карлъ вмѣстѣ съ старшимъ своимъ сыномъ долженъ былъ всю жизнь томиться въ тюрьмѣ, а Арнульфъ, лишенный своего сана духовнымъ соборомъ, находился долгое время въ заточеніи.

[1] Герцогъ Нижней Лотарингіи (Брабанта).

Народныя стихіи во Франціи. Съ принятіемъ Норманновъ въ западную Францію прекратились вторженія иноплеменниковъ въ Галльскую землю. Цѣль и поприще большей части народныхъ передвиженій, начиная отъ Римлянъ до пришедшихъ съ сѣвера норманнскихъ корсаровъ, Галлія приняла въ себя разнообразнѣйшія народныя стихіи и совокупила ихъ въ одну цѣлую національность. «Кореннымъ племенемъ (говоритъ Ранке) осталось на пространствѣ всего края романизированное первобытное населеніе, близко-родственное по языку, воспоминаніямъ и нѣкоторымъ особымъ институтамъ съ населеніемъ италійскимъ и, самобытно удержавшимся подъ чуждою властью, испанскимъ. Рядомъ съ этою главною стихіей являются остатки древнихъ племенъ, — кельтійскаго въ лицѣ Бритоновъ, которые, усиливаясь выходцами изъ древней Британніи, отличались склонностію посмѣваться всѣмъ законамъ и всякой подчиненности; иберскаго — въ лицѣ Басковъ, которые свое всегда сомнительное повиновеніе прерывали по временамъ явно-враждебнымъ образомъ дѣйствій. Напротивъ того германскіе поселенцы живо примыкали къ идеямъ церкви и государства. Большею частію еще можно было распознать ихъ по происхожденію; самые Готы возобновили свое племя и свое имя на границахъ Испанской мархіи. Всего ближе слились между собою франкскія и романскія стихіи на средней Сенѣ, гдѣ особенно любили жить короли мервингской династіи и гдѣ теперь около Парижа образовалось сильное герцогство, подъ именемъ Франціи; только мало по малу отдѣлились облатиненные Франки отъ Германцевъ, съ которыми они были связаны нравами, образомъ мыслей и основою своихъ учрежденій. Послѣдніе вторглись сюда Норманны и соединили французскіе берега съ краями дальняго сѣвера. Коренные обитатели европейскаго запада, романскій міръ, который владѣлъ еще столь значительною частію Европы, и міръ германскій, который пріобрѣлъ вездѣ господство на сушѣ и на морѣ, встрѣтились лицомъ къ лицу на этой почвѣ, въ предѣлахъ этой именно мѣстности.»

4. Христіанская церковь. Возрастаніе папской власти.

§ 280. Въ то время, когда папскую корону носилъ «рабъ рабовъ», Григорій Великій (590—604), всѣ германскіе народы промѣ-

няли аріанство на каѳолическое исповѣданіе, что существенно споспѣшествовало стремленію этого первосвященника совокупить всѣхъ западныхъ христіанъ въ одно церковное общество. Это совершилось во внѣ обращеніями язычниковъ (посредствомъ миссій), а внутри — введеніемъ однообразнаго, возбуждающаго фантазію, благолѣпнаго богослуженія, съ литургіею (миссою), церковною музыкой, торжественнымъ священническимъ облаченіемъ и проч., потомъ сооруженіемъ величавыхъ соборныхъ храмовъ, установленіемъ блистательныхъ празднествъ, особенно въ честь Пресвятой Дѣвы (Богородичныхъ) и т. д., такъ какъ «торжественное благолѣпіе обрядовъ было всего вразумительнѣе для дебелой чувственности необразованныхъ еще племенъ». — Въ качествѣ просвѣтителей язычниковъ въ 7 и 8 столѣтіяхъ особенно отличались миссіонеры съ Британскихъ острововъ, гдѣ возрожденіе христіанства пробудило религіозную ревность какъ между исповѣдниками древнебританской вѣры, такъ и между новообращенными Англосаксами. Британскій народъ, изнемогая подъ гнетомъ бѣдствій той эпохи, съ жаромъ ухватился за утѣшенія религіи, и боговдохновенные мужи пускались изъ среды его въ дальній путь, чтобы разносить свѣтъ Евангелія народамъ, «блуждавшимъ еще въ сѣни смертной». Къ числу первыхъ провозвѣстниковъ вѣры, высланныхъ Ирландіей и Шотландіей, принадлежатъ въ особенности явившіеся въ Аллеманніи св. Колумбанъ и св. Галлъ (основатель Санктъ-Галленскаго аббатства) съ ихъ помощниками. Въ Шварцвальдѣ и на верхнемъ Рейнѣ, гдѣ засѣянныя при Римлянахъ сѣмена христіанства были подавлены бурями великаго переселенія народовъ, Евангеліе распространялось усердіемъ Фридолина (основателя монастыря Зекингена), Трутберта, Ландолина и Пирмина, учредившаго на очаровательномъ островѣ Боденскаго озера богато одаренный Карломъ Мартелломъ могущественный монастырь Рейхенау. Въ при-майнскихъ странахъ ученіе креста вдворено св. Киліаномъ, у Фризовъ — Виллибродомъ съ его одиннадцатью помощниками. Передъ силою ихъ подвига, ихъ самоотверженнаго мученичества, въ благоговѣніи къ совершаемымъ ими тайнамъ и возвѣщаемымъ чудесамъ, склонился полный чаянія духъ Германцевъ, и они стали вѣрными сынами благолѣпной и таинственной церкви, которая карами и отпущеніями властвовала надъ земнымъ ихъ бытіемъ, а за покорность своимъ заповѣдямъ обѣщала небесныя на-

грады въ будущемъ. Между Англосаксами неутомимою ревностію въ обращеніи язычниковъ всѣхъ болѣе отличился Винфридъ (котораго папа Григорій II прозвалъ потомъ Бонифаціемъ, т. е. «благодѣльцемъ») и заслужилъ себѣ этимъ наименованіе «апостола Германцевъ». Поддерживаемый первыми Каролингами, внесъ онъ евангельское ученіе въ глубину германскихъ лѣсовъ, — къ Гессамъ, гдѣ основаны имъ аббатства Аменабургъ, Герсфельдъ и Фульда, послѣ того какъ онъ отважился срубить священный дубъ Водана близъ Оберъ-Гейсмара, — къ Тюрингамъ и Франкамъ, гдѣ онъ вызвалъ къ жизни епископства (съ учебными заведеніями) въ Эрфуртѣ, Вюрцбургѣ и Эйхштедтѣ, — къ Баварамъ, у которыхъ учреждены имъ школы-питомники въ Регенсбургѣ, Зальцбургѣ, Фрейзингенѣ и Пассау. Язычество пало во всѣхъ этихъ краяхъ, мѣсто священныхъ дубовъ заняли христіанскія молельни, кровавыя жертвоприношенія пресѣклись навсегда. Учрежденіемъ синодовъ (церковно-судебныхъ съѣздовъ), епископствъ и монастырей Бонифацій обезпечилъ судьбу разнообразнаго и еще перемѣшаннаго съ язычествомъ христіанскаго церквоустройства Германіи. Возведеный въ санъ майнцскаго архіепископа, онъ еще на исходѣ дней увлекся ревностію проповѣдывать христіанство языческимъ Фризамъ (755) и тамъ погибъ со всѣми спутниками насильственною смертью отъ руки вооруженной шайки туземцевъ, которая видѣла въ немъ противника своихъ боговъ, нарушителя родной старины и обычая предковъ. Когда напали на него враги, онъ далъ убить себя и своихъ товарищей безъ сопротивленія, держа только св. Евангеліе надъ головой. Суевѣрный въ своихъ понятіяхъ, строгій въ нравахъ, крѣпко держась за внѣшности, суровый къ подчиненнымъ, смиренный съ папами, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда замѣчалъ въ Римѣ поблажку злоупотребленіямъ, онъ мудро и вдохновенно посвятилъ долголѣтнюю жизнь свою одному задуманному предпріятію и совершилъ его вполнѣ. Вѣрный своей присягѣ, онъ поставилъ германскую церковь въ зависимость отъ папъ, отъ которыхъ самъ чувствовалъ себя зависимымъ. Всѣ основанныя Бонифаціемъ епископства и церковныя учрежденія приведены были въ самую тѣсную связь съ римскимъ престоломъ и прикрѣплены къ нему строго-іерархическими узами. «Мы положили, пишетъ онъ самъ, быть вѣрноподданными св. Петра и его преемниковъ, искать митрополичья палліума (саккоса, верхней святительской мантіи) у апостольскаго престола и во всемъ

повиноваться его предписаніямъ.» А такъ какъ и каролингскіе государи сильно поддерживали стремленіе утвердить первенство римскаго престола во всемъ западномъ христіанствѣ, то вскорѣ по смерти Карла Великаго вся франкская держава была приведена въ одинъ церковный и государственный организмъ, въ которомъ папа являлся точно такъ же духовнымъ главою (главою церкви), какъ императоръ главою свѣтскимъ (т. е. главою государства). Въ этомъ отношеніи лежало зерно разнообразнѣйшей борьбы, потому что обоюдные захваты правъ, принадлежащихъ тому или другому, были тутъ совершенно неизбѣжны, а при такихъ слабыхъ правителяхъ, какъ Людовикъ Кроткій и его преемники, папы тѣмъ скорѣе освободились отъ первоначальнаго подчиненія мірскому владыкѣ и вообще отъ всякой внѣшней зависимости. Благодаря Бонифацію, епископство майнцское пріобрѣло еще больше значенія нежели древнѣйшее, учрежденное въ Кёльнѣ, которое считалось до тѣхъ поръ первою митрополіей германской церкви: отнынѣ духовное главенство (Primat) Германіи перешло на Майнцъ.

§ 281. Дѣйствительнымъ средствомъ для пріумноженія власти церкви и ея верховнаго главы было перенесеніе на западъ восточнаго монашества. Съ тѣхъ поръ какъ Бенедиктъ Нурсійскій учредилъ первый бенедиктинскій монастырь на Монте Касино[1] въ Кампаніи (529) и далъ членамъ его опредѣленный уставъ или правило относительно одежды, образа жизни и духовныхъ подвиговъ, число монастырей стало быстро возрастать. Вклады и благочестивыя учрежденія доставляли имъ много недвижимыхъ имуществъ, которыхъ цѣнность еще значительно увеличивалась привилегіей иммунитета, то-есть предоставленною духовенству льготою отъ всѣхъ общественныхъ повинностей, сборовъ и податей, а дарованная Карломъ Великимъ всѣмъ церковнымъ учрежденіямъ десятина породила у нихъ въ скоромъ времени богатство и настоящій избытокъ. Прекрасныя монастырскія постройки, къ сооруженію которыхъ поощрялъ этотъ государь, соперничали съ крѣпкими замками рыцарей и съ дворцами графовъ и герцоговъ. Всего охотнѣе учреждались монастыри въ живописныхъ захолустьяхъ. Рано освобожденные отъ подсудности епископамъ и подчиненые прямо папамъ,

---

[1] На западномъ склонѣ хребта Санъ-Джермано, части Апеннинокъ въ Неаполитанской области Терра ди Лаворо.

стали они ревностными слугами и поборниками римской церковной власти. Монастыри, которыхъ жители должны были приносить тройной обѣтъ цѣломудрія (безбрачія), личной нищеты и повиновенія, были въ эти вѣка варварства и беззаконія истиннымъ благодѣяніемъ для человѣчества. Лѣса и пустоши превращали они въ цвѣтущія нивы, гонимымъ и притѣсняемымъ доставляли хранительное прибѣжище; грубыя сердца облагороживали проповѣдью Евангелія; своими учебными заведеніями внѣдрили въ молодежи сѣмена нравственности и образованія; они же сберегли остатки древней литературы и первыя основанія наукъ отъ совершеннаго истребленія. Многіе бенедиктинскіе монастыри сдѣлались разсадниками образованія, учености и художествъ; таковы Турскій, Санктъ-Галленскій, Фульдскій, Гиршаускій, Вейсенбургскій (въ Альзаціи), Корвейскій (въ Вестфаліи) и разн. друг. Немногими уцѣлѣвшими остатками героической поэзіи германской, скандинавской и британской старины обязаны мы большею частію труженичеству и любознательности монаховъ.

§ 282. Развитіе церковнаго единовластія и Исидоровы декреталіи. Религіозное настроеніе эпохи и духовное преобладаніе священнаго чина должны были доставить первенство церкви и папѣ. Но римскіе епископы, не довольствуясь медленнымъ ходомъ естественнаго развитія, ускорили свое возвышеніе нечестными средствами и въ основаніе своей міродержавной власти положили еще поддѣльныя хартіи. Вопервыхъ они старались изгладить непріятную память о происхожденіи свѣтской власти первосвященника, которая началась съ пожалованія ему Пипиномъ экзархата (§ 269); для этого они выставили подложный дарственный актъ, которымъ будто бы Константинъ Великій передалъ епископу Сильвестру Римъ и всю Италію, вслѣдствіе чего самъ императоръ и удалился въ Константинополь. Подложность этой граматы такъ убѣдительно доказана Лаврентіемъ Валлою еще въ пятнадцатомъ вѣкѣ, что съ тѣхъ поръ никто уже не отважился защищать ея подлинность. Еще богаче слѣдствіями было то превращеніе, какому подверглось папское церковное право помощію такъ-называемыхъ (лже-) Исидоровскихъ декреталій. Уже съ давнихъ поръ существовалъ сборникъ церковныхъ законовъ и судебныхъ рѣшеній, прозванный по имени испанскаго епископа Исидора. Въ первой половинѣ девятаго вѣка франкскіе епископы майнцской митрополіи при-

бавили къ этимъ матеріаламъ около сотни подложныхъ декреталій (постановленій) римскихъ епископовъ первыхъ четырехъ вѣковъ церкви и для прикрытія обмана подмѣшали къ этому много совсѣмъ чуждаго и мелочнаго изъ наличной литературы того времени. Въ этихъ поддѣльныхъ духовныхъ установленіяхъ, которыя идутъ будто бы отъ первыхъ вѣковъ христіанства, открывается такой юридическій бытъ, при которомъ, съ одной стороны, духовенство вполнѣ отрѣшено отъ государства, а съ другой права митрополитовъ и соборовъ (синодовъ) умалены до того, что вся высшая законодательная, блюстительная и судебная власть сосредоточена въ рукахъ папы. По смыслу этого новаго сборника уставовъ, митрополиты и епископы утверждаются въ своемъ санѣ и правахъ однимъ только папою; только онъ одинъ созываетъ соборы, и заключенія ихъ получаютъ силу только съ его согласія; всѣ окончательныя рѣшенія по важнымъ церковнымъ дѣламъ принадлежатъ одному папскому престолу, и каждому предоставляется аппелировать къ его власти во всякомъ случаѣ. Умный политикъ и строгій первосвященникъ, папа Николай I (858—867) съумѣлъ сообщить этимъ притязаніямъ дѣйствительную силу: въ соблазнительномъ брачномъ раздорѣ безпутнаго Лотара II Лотарингскаго съ его женою (863) папа выступилъ мстителемъ за угнетенную невинность противъ сластолюбиваго короля и его раболѣпныхъ епископовъ и принудилъ Лотара къ смиренію, точно такъ же, какъ на основаніи новаго кодекса, рѣшилъ онъ въ пользу галликанскихъ епископовъ споръ ихъ съ властолюбивымъ Гинкмаромъ, архіепископомъ реймсскимъ. Галликанскіе епископы тѣмъ охотнѣе подчинились этому порядку, что отдаленное могущество папы казалось имъ не такъ стѣснительнымъ и опаснымъ, какъ близкая власть митрополита. Нравственный развратъ столь многихъ главъ церкви въ 9 и 10 столѣтіяхъ мало повредилъ значенію папства въ глазахъ вѣрующихъ христіанъ, а между тѣмъ развратъ этотъ былъ такъ ужасенъ, что позднѣйшая эпоха, для обозначенія господствовавшей тогда непотребной изнѣженности, придумала даже сказку о паписсѣ Іоаннѣ, которая, будучи переряженной въ мужское платье дѣвочкой и набравшись глубокой учености въ Аѳинахъ, будто бы занимала потомъ нѣсколько лѣтъ папскій престолъ подъ именемъ Іоанна VIII (ок. 855) и наконецъ «погибла трагически, заплативъ долгъ своему полу» [1]. Да и помимо всякихъ

[1] Утверждали, будто папесса умерла, разрѣшась отъ бремени во время торжественнаго хода къ базиликѣ Св. Іоанна Латранскаго, между Колизеемъ и церковью Св. Климента.

вымысловъ, въ началѣ 10 вѣка двѣ властолюбивыя и сладострастныя Римлянки, Теодора и Мароція, благодаря красотѣ, хитрости и смѣлости, могли, въ союзѣ съ безнравственною римскою знатью, располагать въ теченіе пятидесяти лѣтъ папскимъ престоломъ въ пользу своихъ любовниковъ, сыновей и внучатъ. Въ лицѣ Іоанна XII (955—63) безпутство это достигло своей вершины; сами Итальянцы, которые въ тотъ чувственный, безбожный вѣкъ, кажется уже вполнѣ освоились съ порокомъ,—и тѣ съ ужасомъ отвращались отъ молодаго государя, оскверняшаго санъ первосвященника самыми унизительными гнусностями: Латеранъ сдѣлался при немъ вертепомъ разврата и нечестія. Не менѣе порочна была и жизнь прелатовъ по областямъ. Произноситъ же епископъ Фульбертъ надъ своими товарищами слѣдующее жестокое осужденіе: «Не смѣю назвать ихъ епископами, чтобы не посрамить тѣмъ самой вѣры; слѣдовало бы назвать ихъ тиранами, которые, среди многочисленныхъ ратныхъ дружинъ, гораздо лучше свѣтскихъ владѣтелей орудуютъ военнымъ дѣломъ къ нарушенію мира церкви и пролитію крови христіанской. Они презираютъ все, что̀ есть священнѣйшаго, и не только не боятся входить въ храмъ Божій съ окровавленными руками, но дерзаютъ даже приступать къ святымъ таинствамъ, запятнанные смертоубійствомъ.»—Съ возрастаніемъ папскаго единодержавія, аристократическо-республиканскіе синоды и соборы стали болѣе и болѣе выходить изъ употребленія.

5. Ленное устройство (феодализмъ).

§ 283. Изъ вышеупомянутыхъ (§ 214) учрежденій древнихъ Германцевъ произошла въ средніе вѣка та удивительная путаница общественнаго быта, которую называютъ феодальною системою. По покореніи обезлюденныхъ римскихъ провинцій, земля обыкновенно раздѣлялась на три части: одну, къ которой принадлежали господскія отчины (домены) римскихъ императоровъ, бралъ себѣ король, другую часть онъ подѣлялъ въ видѣ вольной или полной собственности (аллода) между своими дружинниками, съ наложеніемъ на нихъ обязанности военной службы, а третья (въ томъ числѣ преимущественно городскія территоріи) оставалась за прежними жителями, подъ условіемъ платы извѣстнаго оброка или подати. Для того же, чтобы еще крѣпче привязать къ престолу сословіе свобод-

ныхъ (мужей), король давалъ нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстныя доли (помѣстья) собственнаго участка въ пожизненное пользованіе. Это называли лэномъ, по-латыни бенефиціумъ [1]; дававшій его былъ лэннымъ господиномъ, а принимавшій — лэнникомъ, слугою или васалломъ. Такой-пожизненный надѣлъ считался наградою или жалованьемъ за службу какъ въ войскѣ, такъ и при дворѣ (высшія должности такъ-называемыхъ министеріаловъ), и въ случаѣ смерти владѣльца или неудовлетворительнаго исполненія имъ своей обязанности, могъ быть отбираемъ у него обратно. Такимъ же образомъ богатые свободные мужи жаловали менѣе достаточныхъ участками своей собственной недвижимости, даже своихъ лэновъ (это называлось Afterlehn, подлэномъ) и тѣмъ самымъ также пріобрѣтали себѣ лэнниковъ или васалловъ (бенефиціатовъ). Епископы и аббаты, состоявшіе по мірскимъ своимъ владѣніямъ въ лэнномъ отношеніи къ государю, въ свою очередь раздавали лэны рыцарямъ, съ тѣмъ чтобы они защищали тотъ или другой монастырь и отправляли за него воинскую повинность (такіе рыцари назывались Schirmherrn, Kastvögte, боронителями, заступниками). Васаллъ отдавалъ себя лично на службу господину и обѣщалъ, признавая себя въ силу лэнной присяги его человѣкомъ, споспѣшествовать дѣломъ и совѣтомъ благу и могуществу властителя; но главнымъ занятіемъ его жизни все-таки была почетная воинская служба, и никто не могъ принудить его къ исполненію невольныхъ черныхъ работъ. Положеніе его въ мѣстномъ (волостномъ) обществѣ оставалось большею частію неприкосновеннымъ, а блистательная добыча и доходные лэны служили ему наградою за воинское мужество. Эти отношенія, основанныя на взаимной вѣрности (на данномъ словѣ), сдѣлались мало по малу столь всеобщи, что число свободныхъ землевладѣльцевъ значительно уменьшилось и подъ конецъ ограничивалось только богатыми баронами [2] (Freiherren), которые занимали средину между высшимъ дворянствомъ, состоявшимъ изъ коронныхъ и государственныхъ васалловъ (герцоговъ и графовъ), и между низшимъ—изъ меньшихъ васалловъ (которые, кромѣ своей собственной недвижимости, владѣли

[1] Такъ назывался у Римлянъ участокъ земли, даваемый въ надѣлъ выслужившимъ срокъ солдатамъ.

[2] Отъ древнегерманскаго беръ, мужъ.

еще землями, полученными въ лэнъ отъ знатныхъ вельможъ или церковныхъ властей). Свободные же собственники мелкихъ аллодовъ пришли мало по малу въ совершенную зависимость отъ болѣе значительныхъ землевладѣльцевъ, иные добровольно, чтобы избавиться отъ трудной военной и сторожевой службы и отъ тягостнаго для нихъ посѣщенія частныхъ судебныхъ сходокъ, иные — вынужденные къ тому притѣсненіями и бѣдностью. Они вступали въ разнообразныя отношенія подвластности, воздѣлывая прежнюю свою землю въ качествѣ кортомщиковъ и захребетниковъ (Pächter und Hintersassen) у достаточнѣйшихъ землевладѣльцевъ, платя имъ разъ навсегда опредѣленный оброкъ, съ присоединеніемъ разныхъ другихъ поборовъ, и неся сверхъ-того извѣстныя рабочія и подводныя повинности, такъ-называемыя барщины (Frohnden). Прозорливые правители, какъ наприм. Карлъ Великій, всячески старались препятствовать уменьшенію свободнаго класса, но въ эпоху упадка королевской власти и своеволія рыцарей-дворянъ большіе землевладѣльцы съумѣли, гдѣ хитростью, гдѣ силой, поставить вольныхъ поселянъ и мелкихъ собственниковъ въ прямую отъ себя зависимость. Будучи не въ силахъ, среди бурнаго военнаго времени, поддерживать себя и семейство, да притомъ еще и нести оружіе для обороны родной земли, простолюдинъ могъ спастись отъ бѣды только тѣмъ, что становился подъ защиту сильнѣйшаго, обязываясь платить ему за то оброкъ и отправлять извѣстныя службы. Въ то время еще велико было также число крѣпостныхъ, которые считались принадлежностью недвижимаго имѣнія и, подлежа какъ невольные и безправные работники полному произволу своихъ господъ, нерѣдко должны были нести самыя позорныя службы и обязанности. Отношенія эти, при слабыхъ преемникахъ Карла Великаго, подверглись многимъ перемѣнамъ, изъ которыхъ важнѣйшею по своимъ послѣдствіямъ было присвоеніе себѣ дворянствомъ потомственнаго владѣнія лэнными надѣлами. Съ тѣхъ поръ сильные коронные васаллы противустоями королямъ какъ ровни, и въ случаяхъ, когда многіе вельможи соединялись вмѣстѣ, они могли безнаказано посмѣваться правамъ верховной власти.

II. НОРМАННЫ И ДАТЧАНЕ.

1. Скандинавія.

§ 284. Обитатели полуострова Скандинавіи принадлежатъ къ племенамъ германскаго корня, съ которыми у нихъ много общаго: неодолимое стремленіе къ свободѣ, страсть къ подвигамъ и передвиженіямъ, языкъ, руническое письмо, религія и нравы. Война и хищническіе походы, охота и боевыя упражненія были единственнымъ ихъ занятіемъ; земледѣліе и скотоводство предоставляли они невольникамъ. Они любили веселые пиры, но житейскій разгулъ все-таки не пересиливалъ у нихъ жажды геройской смерти. Ихъ суровая храбрость и воинственность доходила до берсеркерскаго неистовства[1]. Вѣрность была главною ихъ добродѣтелью, а любовь къ поэзіи единственною нѣжною наклонностью этихъ суровыхъ людей. Въ грустныхъ, трогательныхъ богатырскихъ пѣсняхъ и сагахъ пѣвцы ихъ (скальды) славили великіе подвиги предковъ. Дикія схватки на сѣкирахъ и дальніе хищническіе набѣги наполняютъ собой всю древнюю исторію Скандинавской земли, которая только позже распалась на три независимыя государства — Данію, Норвегію и Швецію. Раздѣленные на многія племена съ наслѣдственными королями и военною аристократіей, надъ которыми, въ видѣ верховнаго судилища и государственной думы, стоялъ соборъ всѣхъ свободныхъ мужей, такъ-называемый тингъ, предпринимали они далекіе походы во всѣ стороны (походы викинговъ, т. е. витязей), ввѣряя жизнь и имущество легкой ладьѣ на бурномъ морѣ. Подъ именемъ Норманновъ принялись они опустошать берега Нѣмецкаго моря (§ 277); подъ именемъ Датчанъ (Дановъ) явились въ 9 и 10 вѣкахъ бичами

[1] Берсеркерами назывались у нихъ бойцы, одержимые воинскимъ бѣшенствомъ, которое не дозволяло имъ отличать друга отъ недруга, такъ что они рубили всѣхъ наповалъ. Перебивъ товарищей въ ладьѣ среди моря, они приставали къ какому нибудь пустынному мѣсту и въ безпамятствѣ сражались съ волнами, съ утесами, съ могучими деревьями въ лѣсу. На это бѣшенство всѣ другіе смотрѣли съ благоговѣніемъ, какъ на нантіе свыше.

Англіи, которую принудили къ тяжкой дани (извѣстной подъ именемъ «датской деньги»). Такъ какъ одинъ только старшій сынъ получалъ у нихъ отцовское наслѣдство, а скудость безплодной земли доставляла мало средствъ къ содержанію, то младшіе сыновья естественно искали себѣ выхода въ морскомъ разбоѣ и переселеніяхъ. Закоренѣлый обычай усиливалъ ихъ природную наклонность къ бродячей жизни; страсть военной славы и похожденій и жажда сѣверянина къ сокровищамъ болѣе обильнаго юга поощряли ихъ на дѣла, полныя опасности и смѣлой отваги; кто возвращался домой съ грудой золота и добычи, того ожидалъ почетъ, того славила и пѣснь скальда. Когда около этого времени въ Норвегіи и Даніи образовались болѣе крупныя державы, которыя ближе прибрали къ рукамъ первобытную свободу вольныхъ общинъ, тогда переселенія еще умножились противъ прежняго; неукротимая, строптивая вольница, чтобы не покориться власти одного державца, покидала отечество и искала счастія въ дали. Воинскія братства и дружины составлялись для самыхъ разнообразныхъ предпріятій; чѣмъ смѣлѣе и опаснѣе было затѣянное дѣло, тѣмъ болѣе шевелило оно воображеніе, тѣмъ выше настроивало оно отвагу дикихъ сыновъ сѣвера. Сами короли пускались въ бой, чтобы блескомъ побѣдъ увѣнчать и упрочить славу своего владычества. — Норманны большею частію были еще язычники, и хотя въ царствованіе Людвига Кроткаго, Ансгаръ (Ансхаръ), монахъ корвейскаго монастыря на Везерѣ и первый епископъ гамбургскій, такъ ревностно проповѣдывалъ Евангеліе въ скандинавскихъ земляхъ, что былъ прозванъ апостоломъ сѣвера, да и позже посылались туда изъ Бремена миссіонеры; однакожь еще два вѣка протекло до тѣхъ поръ, пока христіанство вполнѣ вытѣснило собою служеніе Одину. Усердно преданные вѣрѣ отцовъ и привязанные къ миѳамъ древней религіи, съ которыми тѣсно соединялись весь ихъ бытъ, ихъ исторія и бранная слава, упорно сопротивлялись они ученію о распятомъ Христѣ и думали угодить своимъ богамъ, раззоряя церкви и монастыри и убивая предъ алтарями проповѣдниковъ Евангелія.

Скандинавская миѳологія, которая вмѣстѣ съ богоученіемъ Германцевъ (§ 15) составляетъ исполненное поэтическихъ сказа-

ній цѣлое, говоритъ такъ: Двѣнадцать главныхъ боговъ (Асовъ), съ Одиномъ во главѣ, пришли издалека, побѣдили существовавшій до нихъ міръ божествъ и племя великановъ, и сотворили землю и родъ человѣческій, которыхъ жребіемъ стали потомъ управлять. Одинъ, по отношенію къ природѣ — всеоживляющее солнце, по отношенію къ исторіи—царственная мудрость; Торъ—могучій богъ грома и вмѣстѣ прямодушный, суровый вождь; Фрейръ съ милою сестрою Фрейею—производительная и воспріимчивая сила природы, а между людьми—любовь; но всѣ эти божества народная сага превратила въ людей и національныхъ героевъ, и божественная жизнь ихъ, полная отважныхъ столкновеній съ великанами и чародѣями, есть картина воинственной жизни народа, борьбы его съ силами естества, картина героизма и кудесничества. Отъ Одина (Водана) вели короли и начальники ратныхъ дружинъ свое происхожденіе. Въ средоточіи міра находится по скандинавскимъ миѳамъ твердыня боговъ, Асгардъ (городъ Асовъ), съ Валгаллою (т. е. храминою побитыхъ), свѣтлымъ сборищемъ всѣхъ достославно павшихъ въ бою и вслѣдъ за тѣмъ, избранныхъ валькирами (богинями ратнаго счастія) героевъ; здѣсь эти избранники продолжаютъ свою воинскую жизнь въ сообществѣ боговъ, собираясь послѣ битвъ и охоты на веселые пиры, за которыми божественный скальдъ Браги поетъ имъ о геройскихъ подвигахъ старины глубокой. Криводушные и робкіе мучатся по смерти въ пасмурномъ Нифльгеймѣ (странѣ тумановъ), умершіе безславно скитаются какъ тѣни въ царствѣ Гелы (богини преисподней). Но и царству Асовъ придетъ когда-нибудь конецъ. Локе, всепожирающій огонь, одинъ изъ поколѣнія тѣхъ боговъ, которыхъ прогнали Асы, доберется до нихъ въ свою очередь и одолѣетъ Одинова сына Бальдера, образецъ нравственнаго благородства. Силы преисподней соединятся съ Локе и поднимутъ противъ Асовъ и героевъ такую борьбу, въ которой всѣ погибнутъ; среди великой послѣдней битвы міръ выйдетъ изъ своихъ основъ, распадается и исчезнетъ въ пламени. Тогда народится новая земля, на которой непорочная человѣческая чета будетъ жить одной утренней росою и служить одному воскресшему Бальдеру.—Священнѣйшія капища Швеціи находились въ древней Упсалѣ, датскія—въ Лейрѣ (на остр. Зеландѣ), норвежскія въ Мёре (Дронтгеймѣ). Приношеніе въ жертву людей долго оставалось народнымъ обычаемъ.—Подобно миѳологіи, и поэзія Скандинавовъ заключаетъ въ себѣ

много созвучій съ древнегерманскими героическими сагами, почему разные изслѣдователи и допускаютъ переносъ «основныхъ матеріаловъ» той и другой изъ Германіи на сѣверъ. Поэзія въ самой тѣсной связи съ богоученіемъ и по существу своему эпическая, хотя и не соединена въ одно неразрывное цѣлое, а напротивъ распадается на нѣколько отдѣльныхъ героическихъ поэмъ. Господствующая въ ней фантазія — угрюма, пасмурна и однообразна какъ сѣверная природа, но зато могуча и возвышенна. Всего долѣе держались эти миѳическо-геройскія саги на остр. Исландіи, гдѣ преобладаніе христіанства утвердилось только въ 11 вѣкѣ. Около 1100 года сорокъ такихъ эпическихъ пѣсенъ собраны ученымъ Исландцемъ Семундомъ Сигфусономъ (1056—1153) и связаны въ одно цѣлое подъ названіемъ Эдды, т. е. мудрости. Важнѣйшую часть ея составляетъ Вёлуспа, или пѣснь сивиллы Вёлы, — быстрый и живой обзоръ всего сѣвернаго богоученія, начиная съ сотворенія до кончины міра. Многія богатырскія саги, напримѣръ, сказаніе о Сигурдѣ змѣекрушителѣ, имѣютъ много сходства съ германскими героическими сагами въ Пѣснѣ Нибелунговъ. Въ началѣ 13 вѣка Снорре Стурлесонъ (1178—1241) изложилъ эти эпическія стихотворенія пространнѣе, въ прозѣ, и привелъ ихъ въ одну миѳико-историческую систему. Труду его придаютъ названіе младшей Эдды, въ противоположность старой, составленной Семундомъ.

2. Англія.

§ 285. Отъ датскихъ морскихъ разбойниковъ всего болѣе досталось британскимъ островамъ. Здѣсь, въ царствованіе слабыхъ преемниковъ Эгберта (§ 248), грабили они берега и порѣчья, въ томъ числѣ самый Лондонъ (851), раззоряли новооснованныя церкви и монастыри и истребляли сѣмена христіанскаго образованія. Даже Альфредъ Великій (871—901) былъ на время свергнутъ ими съ престола, и только послѣ долгаго скитальчества успѣлъ онъ, укрѣпившись за болотами и лѣсами и вспомоществуемый англосаксонскою (благородною) конницей, нанести при Эддингтонѣ (880) рѣшительное пораженіе Датчанамъ, которыхъ станъ онъ высмотрѣлъ заранѣе, переодѣтый гусляромъ; вслѣдъ за тѣмъ, хитростью и мужествомъ, постройкою укрѣпленій и бдитель-

ностью, учрежденіемъ флота и улучшеніемъ ратнаго дѣла въ Англіи, онъ положилъ конецъ вторженіямъ пришельцевъ. Нѣкоторыя дружины, обращенныя къ христіанству, были поселены въ Нортомберландѣ. Одолѣвъ враговъ, Альфредъ посвятилъ всѣ силы внутреннему развитію края, которому онъ даровалъ вмѣстѣ и свободу и порядокъ. Онъ велѣлъ возстановить раззоренные города и монастыри, поощрялъ обработку опустошенныхъ полей, оживилъ торговлю и промыслы; въ то же время опредѣлилъ онъ права и обязанности народа, состоявшаго изъ благородныхъ (графовъ), свободныхъ простолюдиновъ и подвластныхъ, или обязанныхъ. Для отправленія суда и расправы возобновилъ онъ древнегерманское дѣленіе на общины и волости (графства, ширы) и поставилъ надъ ними графовъ и ольдерменовъ, какъ главныхъ начальниковъ (волостнаго и общиннаго) управленія и вмѣстѣ какъ предсѣдателей волостныхъ (присяжныхъ) судовъ, составленныхъ изъ гражданъ и вольныхъ земледѣльцевъ. Онъ основалъ разныя церкви и училища (между прочимъ оксфордское) и вообще поднялъ уровень духовнаго и религіознаго образованія народа; подобно Карлу Великому, онъ приказалъ собрать германскія героическія пѣсни и законы (о Беовульфѣ см. § 248), самъ перевелъ на народный языкъ сочиненія Боэтія (245), Исповѣдь Августина (§ 235), историческія книги испанскаго священника Орозія и друг., и старался чрезъ туземныхъ и вызванныхъ изъ чужи ученыхъ распространять въ народѣ историческія, географическія и математическія знанія: однимъ словомъ, онъ явился столько же великимъ въ мирныхъ занятіяхъ, какъ въ дѣлѣ ратнаго устройства и въ битвахъ. Въ важныхъ случаяхъ прибѣгалъ онъ къ совѣту думы, составленной изъ знатнѣйшихъ людей, такъ-называемому витенагемоту (собору мудрыхъ или думцевъ). Служа самъ примѣромъ нравственнаго порядка въ своемъ образѣ жизни, Альфредъ пріучалъ и народъ свой къ домовитости и правильной дѣятельности. — Подъ державой преемниковъ его, Датчане снова завели распри и старались заодно съ Шотландцами и древними кельтійскими обитателями края сломить силу Англосаксовъ. Но славная, воспѣтая англійскими и скандинавскими бардами побѣда Адельстана при Брунабургѣ (937)

и воинская храбрость сына его Эдмунда смирила враговъ и удержала Датчанъ въ покорности. Слабые Эдмундовы преемники, подъ строгимъ руководительствомъ Св. Дунстана, забыли среди чувственныхъ наслажденій, прерываемыхъ только подвигами покаянія, дѣла правительства и военнаго наряда и дали этому «князю монаховъ» такое вліяніе, что церковь стала госпожею свѣтской власти. Тогда-то, въ правленіе Этельреда II, Англосаксы въ Нортомберландѣ жестоко отмстили жившимъ между ними и ненавидимымъ за наглость и хищничество Датчанамъ, избивъ неожиданно многія тысячи враговъ въ страшную ночь на св. Брикція (1002). Говорятъ, при этой рѣзнѣ, увлеченный местью народъ совершалъ неслыханные ужасы даже надъ склонными къ Датчанамъ Англичанками и надъ малыми дѣтьми, которыя были плодомъ ихъ связей. Не задолго до этого датскій король Свенъ Удатный успѣлъ покорить себѣ Норвегію и принудилъ храбраго ея короля къ самоубійству среди моря; узнавъ объ избіеніи Датчанъ въ Англіи, онъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы снова направить туда хищническіе поиски. Предпріятіе его, при разладицѣ и нравственной одичалости англосаксонской знати, увѣнчалось такимъ успѣхомъ, что король Этельредъ убѣжалъ въ Нормандію, а сынъ Свена Канутъ Великій (1017 — 1035) соединилъ англійскую корону съ датскою и норвежскою. Правленіе его было сильно, мудро и справедливо; особенно заботился онъ о правосудіи и военномъ устройствѣ. — Черезъ Канута христіанство достигло преобладанія у Датчанъ, и самъ онъ заявилъ свое благоговѣніе къ святому отцу торжественнымъ путешествіемъ въ Римъ на богомолье. Въ теченіе 11 и 12 вѣковъ Евангеліе прочно утвердилось также въ Норвегіи и Швеціи.

§ 286. По смерти жестокихъ и неправосудныхъ Канутовыхъ сыновей, англосаксонскій королевскій домъ снова достигъ престола въ лицѣ Эдуарда Исповѣдника (1041 — 1066). Но Эдуардъ, жившій во время чужевластія при дворѣ самовластнаго Роберта Нормандскаго (прозваннаго Дьяволомъ), всосалъ тамъ любовь къ норманно-французскимъ нравамъ. Когда онъ покинулъ страну своего воспитанія и юношескихъ утѣхъ, простодушный привѣтъ вессекскаго селяни-

на сталъ уже чуждъ его уху и ничего не говорилъ его душѣ; ему противны были грубые нравы англодатскихъ вельможъ, отъ которыхъ ему уже не дозволялось укрываться въ затишье монастыркихъ пріютовъ; независимость англосаксонскаго духовенства, которое постоянно отдѣлялось отъ римской церкви и языкомъ и древнимъ преданіемъ, казалось правовѣрному католику не многимъ лучше душепагубнаго еретичества. Поэтому во все царствованіе свое онъ благосклонствовалъ къ чужеземному насчетъ роднаго, и умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ (какъ утверждаютъ) тронъ сыну Роберта Вильгельму Нормандскому, не смотря на то, что еще существовали отрасли англосаксонской династіи. Народъ былъ противъ этого и выбралъ въ короли рыцарственнаго графа Гаральда, сына Датчанина Годвина, который при Эдуардѣ правилъ государственными дѣлами. Но предпріимчивый, настойчивый и отважный Вильгельмъ не испугался этого. Съ 60,000 воиновъ, жаждавшихъ боя и добычи, переправился онъ въ Англію; эти храбрыя дружины, подстрекаемыя бурною дѣятельностью того времени и духомъ похожденій тогдашняго рыцарства вмѣстѣ съ заманчивыми видами на громадную поживу, стеклись подъ его знамя, охотно освященное самимъ папою, который ревниво смотрѣлъ на Англію, какъ на непокорный ему край. Невдалекѣ отъ морскаго берега встрѣтились залитые въ сталь Норманны съ непріятелемъ, который въ двѣнадцатичасовомъ, кровавомъ и рѣшительномъ бою оказалъ имъ храброе сопротивленіе. Но битва при Гастингсѣ (1066), гдѣ палъ у королевскаго знамени самъ Гаральдъ, пораженный прямо въ глазъ стрѣлою и гдѣ цвѣтъ англосаксонской знати покрылъ собою поле сраженія, доставила Вильгельму, прозванному съ тѣхъ поръ Завоевателемъ (1066 — 1087), владычество въ Англіи, и онъ безпощадно водворилъ здѣсь феодальную систему, господствовавшую на материкѣ. Онъ обогатилъ своихъ норманнскихъ рыцарей, ограбивъ англосаксонскихъ землевладѣльцевъ и обративъ ихъ недвижимую собственность въ 60,215 королевскихъ лэновъ (баронствъ). Туземное право было вытѣснено норманнскимъ; французскій языкъ сталъ языкомъ судебнымъ и придворнымъ; норманнскіе духовные чины, пришедшіе сюда въ пан-

цырѣ и съ мечемъ подъ освященнымъ знаменемъ Вильгельма, получили отъ него самыя доходныя церковныя должности. Такимъ-то образомъ одна битва измѣнила цѣлый бытъ этого острова. Но изъ смѣси различныхъ народныхъ стихій, съ ихъ особыми правами и законами, съ ихъ нравами и обычаями, съ ихъ языкомъ и поэзіей, развилась со временемъ новая цѣльная, полная жизненной силы національность.

По смерти Вильгельма старшій сынъ его Робертъ наслѣдовалъ ему въ Нормандіи, а второй Вильгельмъ Рыжій (Руфусъ), алчный и всегда готовый нарушить всякое право, получилъ Англію (1087—1100). Однакожь, когда послѣ деспотическаго правленія, этотъ король былъ убитъ на охотѣ, то третій сынъ Завоевателя, Генрихъ I (1100—1134), овладѣлъ королевствомъ и присоединилъ къ нему потомъ и Нормандію. Рыцарственный, легкомысленный Робертъ, участвовавшій въ первомъ крестовомъ походѣ, возвратясь оттуда (1105), поссорился съ своимъ братомъ и норманнскою знатью, и когда попалъ въ руки Вильгельма, тотъ посадилъ его въ заточеніе и томилъ въ немъ 29 лѣтъ, до самой его смерти [1].

3. Норманны въ Италіи.

§ 287. Греческій намѣстникъ въ нижней Италіи и герцогъ Беневентскій условились съ нѣсколькими норманнскими удальцами, пришедшими на богомолье въ Апулію, что они за деньги и земельный надѣлъ помогутъ имъ покорить сосѣднихъ Арабовъ, которые, кромѣ остр. Сициліи, владѣли и частію нижней Италіи (§ 263). Тѣ охотно согласились на предложенную сдѣлку и, подъ начальствомъ Вильгельма Желѣзной Руки, одного изъ двѣнадцати доблестныхъ сыновей стараго графа Танкреда де Отвилля (de Hauteville) [2], они успѣшно бились противъ могаммеданъ. Но когда Греки затѣя-

---

[1] Робертъ еще и тотчасъ по смерти отца хотѣлъ оспорить у Вильгельма Рыжаго англійскую корону. Потомъ онъ заложилъ ему Нормандію, чтобы снарядиться въ крестовый походъ. Въ отсутствіе его, мѣсто Вильгельма заступилъ Генрихъ I. Робертъ потребовалъ отъ него вооруженною рукой возвращенія Нормандіи, но былъ разбитъ (1106) и заключенъ въ замокъ Кардифъ.

[2] Бывшее помѣстье этихъ графовъ, деревня Hauteville-la-Guichart, находится въ нынѣшнемъ Ламаншскомъ департаментѣ.

ли обмануть ихъ насчетъ обѣщанной награды, Норманны призвали къ себѣ новыя дружины воинственныхъ и непосѣдныхъ земляковъ. Разсказы о благословенныхъ берегахъ Салерно, о вѣчной веснѣ того края, о тамошнихъ смоквахъ и другихъ сладкихъ плодахъ, о сокровищахъ, какія готовы тамъ въ добычу храбрымъ, привлекли на очаровательный югъ множество удалыхъ витязей съ норманскаго полуострова. Они силою захватили городъ Мельфи и изъ Аверсы угрожали самому Неаполю. Робертъ Гвискардъ (или Вискардъ, то-есть «Себѣ на умѣ»), шестой братъ Вильгельма, овладѣлъ наконецъ, благодаря отвагѣ и хитрости, большею частію нижней Италіи, принялъ титулъ герцога Апуліи и Калабріи (1060) и призналъ папу своимъ лѣннымъ господиномъ. Двѣнадцать лѣтъ спустя (1072) младшій братъ его, храбрый и великодушный Рожеръ, отнялъ у Арабовъ остр. Сицилію съ главнымъ городомъ Палермо. Тогда Робертъ сталъ готовиться къ завоеванію Византійской имперіи, взялъ городъ Дураццо (Диррахіумъ) и послалъ сына своего, героя Боэмунда, воевать Ѳессалію и Эпиръ (1085), но его смерть и скорое пресѣченіе его дома (1130) помѣшали дальнѣйшему ходу этого предпріятія. Послѣ этого сынъ брата его, умный, но суровый Рожеръ II (1130 — 1154), соединилъ всю нижнюю Италію съ Сициліей и, получивъ отъ папы королевскій титулъ, основалъ королевство Неаполь и Сицилію, съ французскимъ феодальнымъ, судебнымъ и городовымъ устройствомъ. Побѣдный мечъ свой заносилъ онъ и въ Грецію и въ сѣверную Африку. Добрымъ государственнымъ нарядомъ и строгимъ правосудіемъ, образованіемъ и знаменитыми въ цѣломъ свѣтѣ учеными заведеніями (школа медицины и естественныхъ наукъ въ Салерно, училища правовѣдѣнія въ Амальфи и Неаполѣ и друг.), развитіемъ промышленности, земледѣлія и торговли норманское королевство достигло такого цвѣтущаго состоянія, что оставило за собой всѣ прочія итальянскія державы. Но сила господствовавшаго племени шла быстрыми шагами къ упадку на роскошной почвѣ юга; изъ сліянія дикой необузданности, принесенной туда сѣверными удальцами, съ утонченными пороками туземнаго населенія, вышелъ чудовищный развратъ, заразившій вскорѣ все

норманское дворянство. Пятьдесятъ шесть лѣтъ оставались прекрасныя, богатыя земли въ рукахъ Рожера и двухъ его преемниковъ, Вильгельма Злаго (1154 — 1166) и Вильгельма Добраго (1166 — 1186); потомъ онѣ перешли къ Гогенштауфенамъ (§ 315 — 318). И теперь еще почернѣвшія развалины древнихъ башенъ и укрѣпленій, вонзаясь въ синеву неба по вершинамъ крутыхъ утесовъ Соррентскаго и Салернскаго заливовъ, напоминаютъ романтическую эпоху норманнскихъ витязей.

А. Исландія и Русь.

§ 288. Въ 9 вѣкѣ Скандинавы (Норвежцы) открыли и заселили отдаленный островъ Исландію (860), — страну, покрытую снѣгомъ и льдомъ, но полную живописныхъ красотъ природы, съ огнедышащими горами, съ горячими источниками. Вскорѣ возникло здѣсь цвѣтущее общежительство, «свободное отъ гнета королей и сильныхъ міра», съ религіею и языкомъ, съ законами и учрежденіями первобытной родины (метрополіи), такъ что когда въ половинѣ 11 вѣка нашло себѣ доступъ туда христіанство, сѣмена его пали уже на почву высокаго образованія, основаннаго на простотѣ быта и чистотѣ нравовъ. Оттого-то памятники язычества сохранялись здѣсь долѣе и чище чѣмъ гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ (§ 284), и когда христіанскимъ проповѣдникамъ удалось наконецъ, вмѣстѣ съ рунами и древними богами, вытѣснить оттуда и поэзію, то слѣды древнегерманской образованности все-таки уцѣлѣли по крайней мѣрѣ въ языкѣ, съ его обиліемъ формъ и богатымъ словопроизводствомъ. Любознательность, охота къ чтенію и особенно къ историческимъ разсказамъ, поддерживаемая между прочимъ скучною долготой зимнихъ ночей, были и остаются до сихъ поръ главными характеристическими чертами Исландцевъ; величавый, романтическій, получудесный складъ древнихъ сагъ долго вознаграждалъ жителей бѣднаго, холоднаго острова за тѣ лишенія, какимъ подвергались они со стороны суровой природы. Оттого-то Исландія и поставляла бо́льшую часть скальдовъ, повѣствовавшихъ потомъ и при христіанскихъ дворахъ Скан-

динавіи о подвигахъ старины; оттого-то именно здѣсь и возникли оба обширные сборника сагъ, извѣстные подъ именемъ старшей и младшей Эдды и служащіе главнымъ источникомъ полумиѳической исторіи Скандинавовъ. Исландцами, въ концѣ 10 вѣка, открыта и заселена Гренландія. Даже Америка, прозванная отъ дикорастущихъ виноградныхъ лозъ Винландомъ, извѣстна была Норманнамъ.—Въ 9 вѣкѣ норманнскіе Варяги (Веринге́ры [1]) воевали финнскія и славянскія племена по берегамъ Балтійскаго моря. Жившія тогда въ разъединеніи и безначаліи Славяне сѣверозападной Россіи, чтобы оградить себя и отъ внутреннихъ усобицъ и отъ норманнскаго раззоренія, предложили варяжскому (или, точнѣе, варяжствующему) племени Руссовъ господство надъ собою (862). Тѣ согласились на это, и воинственный князь ихъ Рюрикъ съ братьями и со всею Русью пришли и сѣли владѣть на пространствѣ отъ моря до Бѣлаозера и до земли Кривичей. Изъ передоваго поста, занятаго Рюрикомъ сначала въ Ладогѣ, перешелъ онъ скоро въ Новгородъ и сталъ родоначальникомъ династіи, которая властвовала на Руси до конца 16 вѣка. Норманны и здѣсь, какъ въ другихъ странахъ, приняли языкъ и нравы коренныхъ жителей. Движеніе норманнскихъ вольныхъ дружинъ на югъ по пути въ Грецію естественно вело къ расширенію предѣловъ русскаго господства въ этомъ направленіи; ближайшіе преемники Рюрика овладѣли уже приднѣпровскою страною и Кіевомъ, откуда производили грозные набѣги на слабую Византійскую имперію и вымогали у ея властителей окупъ или дань. Долго еще русскіе князья, по обычаю предковъ, совершали хищническіе походы на близкія и дальнія края по Днѣпру, Волгѣ, Черному, Азовскому и Каспійскому (Хвалисскому) морямъ, въ частыхъ столкновеніяхъ съ Хозарами и Печенѣгами, занимавшими пространства юговосточной и южной Россіи. Внукъ первой христіанской княгини Руссовъ, Ольги, Владиміръ Великій (980—1015), угрозами добился руки греческой царевны Анны, сестры Ѳеофаніи (§ 292). Брач-

[1] Веринге́рами или Варангами назывались вольныя дружины преимущественно норманнскихъ охотниковъ, нанимавшіяся на службу въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ.

ный союзъ былъ обусловленъ принятіемъ христіанства самимъ Владимиромъ и естественно послужилъ къ утвержденію новой вѣры на Руси [1]. Идолы были истреблены, и народъ крестился по повелѣнію и примѣру своего князя. Съ тѣхъ поръ восточное греко-каѳолическое исповѣданіе сдѣлалось господствующимъ въ Россіи и устранило ее отъ вліянія церкви западной, принимавшей столь дѣятельное участіе въ историческомъ развитіи подвѣдомыхъ ей народовъ. Передѣлы государствъ между князьями (на правѣ частной родовой собственности), происходившія отъ того усобицы и кровавая борьба съ неугомонными или неуступчивыми сосѣдями, Печенѣгами, Куманами (или Половцами), Булгарами и другими народами, ослабили при преемникахъ Владимира силы юнаго государства.—Около того же времени изъ Германіи водворено было въ Польшѣ римско-католическое исповѣданіе. Первымъ крещенымъ королемъ или державцемъ польскимъ былъ Мѣско (Мечиславъ) изъ рода Пястовъ, котораго благочестивая жена его Дубравка склонила къ евангельскому ученію (965).—Въ Богеміи, которой опустѣлыя пространства были заняты во время переселенія народовъ славянскимъ племенемъ Чеховъ и гдѣ учредилось государство, послѣ миѳическаго времени королевы Любуши и послѣ войны богемскихъ дѣвицъ подъ державою преемниковъ Любушина мужа Примислава, взятаго ею, по преданію, отъ сохи,—въ Богеміи сѣмена христіанской вѣры и гражданственности посѣяны были еще до этого рукою германскихъ же проповѣдниковъ.

Финны, которые занимали прежде большую частъ Скандинавіи и сѣверной Россіи и въ древнія времена были сравнительно гораздо промышленнѣе, богаче и образованнѣе нынѣшняго, составляютъ вмѣстѣ съ Лаппами, Ливами, Эстами и Мадьярами (Венграми) особую, отдѣльную отъ индогерманской отрасль, отличающуюся и наружнымъ видомъ и языкомъ. Оттѣсненные далѣе на сѣверъ толпами нахлынувшихъ германскихъ (и славянскихъ) народовъ, они принимали мало участія въ судьбахъ и гражданственномъ развитіи остальной Европы.

---

[1] Начало обращенія Руссовъ къ христіанству восходитъ впрочемъ къ концу 9 вѣка.

III. ПРЕОБЛАДАНІЕ НѢМЕЦКО-РИМСКАГО ИМПЕРАТОРСТВА.

1. Саксонскій императорскій домъ (919—1024).

§ 289. Генрихъ. I. Германія впала въ одичалость и безначаліе, благодаря своевольству властолюбивыхъ и непокорныхъ вельможъ и опустошительнымъ вторженіямъ Венгровъ, которые, какъ неудержимый потокъ, ежегодно наводняли ее ужасами, простирая набѣги своихъ быстро-конныхъ дружинъ вплоть до Заалы и Везера. Уже первый свободно-избранный король, Конрадъ Салійскій (§ 278), старался противопоставить этимъ бѣдствіямъ настойчивость и строгость. Онъ защищалъ епископовъ и духовенство вообще отъ враждебныхъ нападеній графовъ и дворянства; подстрекаемый епископомъ Гаттономъ майнцскимъ, онъ велъ продолжительныя, но малоуспѣшныя войны съ Генрихомъ Саксонскимъ, который, не обращая вниманія на верховныя права императора, правилъ на полной волѣ землями, унаслѣдованными имъ отъ своего отца, Оттона Сіятельнаго († 912); наконецъ, чтобъ настращать всѣхъ другихъ примѣромъ строгости, онъ велѣлъ отсѣчь головы аллеманнскимъ графамъ Эрхангеру и Берхтольду (917), за то что данный имъ Каролингами санъ коронныхъ намѣстниковъ (Kammerboten) они хотѣли самовольно обратить въ герцогскій и совершенно уклониться отъ власти императора. Главнымъ виновникомъ паденія этихъ графовъ былъ смертельный врагъ ихъ, Соломонъ, богатый и хитрый епископъ констанцскій. Конрадъ былъ храбрый, мужественный государь, обладавшій многими рыцарскими доблестями, окруженный блескомъ, сановитый, при этомъ щедрый, ласковый и веселонравный; но, въ безуспѣшной борьбѣ съ сопротивными силами той эпохи, благородная, богатая натура его и энергія сокрушились слишкомъ рано. Видя самъ, что родъ его не довольно силенъ,

чтобы управлять имперіей, онъ склонилъ брата своего Эбергарда отказаться отъ престола и съ благородною самоотверженностью содѣйствовалъ воцаренію своего могучаго противника Генриха I Саксонскаго (Птицелова, 919—936). «У насъ много вѣрныхъ слугъ, говорилъ Конрадъ брату, и великій народъ, который слѣдуетъ за нами на войну; у насъ есть граждане и оружіе, въ нашихъ рукахъ корона и скипетръ, мы окружены полнымъ царственнымъ блескомъ. Но нѣтъ намъ счастія, да и на умѣ у насъ совсѣмъ не то, что требуется. Счастіе и вѣрный взглядъ выпали на долю Генриха; будущность имперіи принадлежитъ Саксонцамъ. Возьми же эти царскія отличія, эти золотыя застежки и порфиру, мечъ и вѣнецъ древнихъ нашихъ королей, иди къ Генриху и примирись съ нимъ; да будетъ онъ отнынѣ тебѣ другомъ.» Эбергардъ такъ и сдѣлалъ, какъ совѣтовалъ ему царственный братъ; и теперь еще показываютъ въ Квединбургѣ то мѣсто, гдѣ саксонскій герцогъ принималъ на птичьей охотѣ франконскихъ вельможъ, явившихся къ нему съ посольствомъ. Этотъ человѣкъ, полный свѣжей силы и старогерманской простоты, былъ потомъ торжественно провозглашенъ королемъ на соборѣ свѣтскихъ и духовныхъ князей и господъ во Фрицларѣ, что въ Гессенѣ (апрѣль 919). Однакожь сначала признали его только Саксонцы и Франконцы; но храбростію и умомъ онъ въ слѣдующемъ же году довелъ герцоговъ Швабскаго и Баварскаго до того, что и они отдали ему королевскій почетъ и удовольствовались саномъ герцоговъ, какъ первые его васаллы. Генрихъ не хотѣлъ принять помазанія и освященія отъ епископовъ, однакожь тѣмъ не менѣе назывался «Божіею милостію королемъ». Обладаніе Лотарингіей онъ долженъ былъ сначала предоставить королю Франковъ Карлу Простяку, за что послѣдній призналъ и подтвердилъ его въ королевскомъ достоинствѣ при свиданіи съ нимъ неподалеку отъ Бонна (921). Но четыре года спустя, когда франкскій король попалъ уже въ руки мятежныхъ вельможъ, а страна его сдѣлалась жертвою дикой усобицы и крамолъ, Генрихъ воспользовался обстоятельствами, чтобы снова завладѣть и Лотарингіей (925). — Мудро и умѣренно распоряжался Генрихъ своимъ

могуществомъ. Не покореніемъ различнымъ племенъ германскихъ одному господину хотѣлъ онъ возвысить имперскую власть и управлять цѣлою страной изъ одного общаго средоточія, но «какъ ободъ царскаго вѣнца соединяетъ блестящіе дорогіе каменья и образуетъ прекраснѣйшій символъ земнаго могущества», такъ и королевская власть должна была, по его мнѣнію, обнимать всѣ земли германскія, не подавляя особенностей ихъ жизни. «Пусть каждое племя вѣдаетъ своими, собственными дѣлами, какъ знаетъ, и уряжается у себя по древнему праву и по старинѣ; пусть въ военное и въ мирное время руководитъ имъ герцогъ, которому графы и туземные господа обязаны нести ратную службу и повиноваться; пусть на своихъ земскихъ думахъ или сеймахъ онъ рѣшаетъ ссоры и усобицы ему подвластныхъ, пусть оказываетъ защиту и помощь бѣднымъ и угнетеннымъ, пусть обороняетъ церкви, блюдетъ земскій миръ и охраняетъ предѣлы отъ непріятельскихъ вторженій. Но, какъ герцоги повелѣваютъ отдѣльными племенами германской державы, точно такъ же долженъ возвышаться надъ всѣмъ ея народомъ и надъ всѣми ея землями — король, верховный судья и военачальникъ цѣлой націи, послѣднее прибѣжище страждущихъ и угнетенныхъ, и главный оберегатель церкви Божіей.» Руководясь такими началами, Генрихъ обошелъ ту подводную скалу, о которую напрасно сокрушилось мужество его предшественника. Пять лѣтъ правилъ онъ государствомъ, когда Венгры совершили новое вторженіе и устремились особенно на Саксонію (924). Они опустошали все, куда ни проникали ихъ полчища. Замки и укрѣпленныя мѣста, монастыри и церкви, жилища бѣдныхъ поселянъ равно становились жертвою пламени; старъ и молодъ, женщины и мущины, все убивалось ими безъ разбора; опять можно было слѣдить направленіе страшнаго врага по зареву пожаровъ и облакамъ дыма въ воздухѣ; опять толпы народа бѣжали въ чащи лѣсовъ, на выси горъ и въ скрытыя пещеры подъ землею. Такому непріятелю Генрихъ не могъ дать отпора съ слабымъ, неопытнымъ въ бою народнымъ ополченіемъ и скудною конницей своихъ Саксонцевъ. Онъ заперся въ крѣпкомъ замкѣ у Гослара и, черезъ одного плѣннаго началь-

ника, вступилъ съ Венграми въ переговоры. Когда тѣ согласились на предложеніе императора, за ежегодную опредѣленную дань заключить на девять лѣтъ перемиріе, и потомъ очистили весь край, Генрихъ тотчасъ же принялъ мѣры противъ будущихъ нападеній и вмѣстѣ съ тѣмъ старался дать Саксонцамъ болѣе прочный гражданскій нарядъ. Тогда народъ въ томъ краю жилъ еще по вѣковѣчному обычаю отдѣльными дворами, расположенными среди пахатныхъ полей и луговъ, или въ открытыхъ деревняхъ, лишенныхъ всякой защиты. Города водились только по Рейну и Дунаю, еще со временъ римскаго владычества, да и тѣ большею частію превратились въ развалины, благодаря опустошеніямъ враговъ; въ Саксоніи же одни королевскіе дворцы, крѣпкіе замки вельможъ да обнесенныя оградой обители епископовъ, священниковъ и монаховъ, могли служить безопасными средоточіями для болѣе живыхъ общественныхъ сношеній, торговли и мѣны. Поэтому Генрихъ старался прежде всего о расширеніи и лучшемъ укрѣпленіи бурговъ, то-есть крѣпкихъ жилыхъ мѣстъ, или городковъ въ старинномъ смыслѣ слова, и потомъ о возведеніи крѣпостей и острожковъ на открытыхъ границахъ. День и ночь съ величайшимъ прилежаніемъ строили по украинамъ государства, и быстро появлялись тамъ новыя мѣстечки, огражденныя стѣнами и валами (городки), а прежнія возстановлялись или расширялись въ объемѣ. Такъ выстроенъ совсѣмъ заново Кведлинбургъ при Гарцѣ и Госларъ на высотѣ Раммельсберга, а въ подземныхъ ходахъ этой горы вскорѣ найдены были первыя жилы благороднаго металла; Мерзебургъ былъ укрѣпленъ, и вокругъ бурга (городской крѣпостцы или кремля), занятаго надежнымъ служилымъ людомъ, Генрихъ водворилъ отчаянныхъ удальцовъ, жившихъ прежде налегкѣ однимъ воровствомъ и разбоемъ; онъ далъ имъ земли и оружіе и заповѣдалъ имъ блюсти миръ съ своими соплеменниками и ходить грабить Вендовъ, сколько душѣ угодно. Такъ возникла страшная «мерзебургская дружина»,—передовой полкъ Нѣмецкой имперіи противъ враждебныхъ ей Славянъ. Потомъ онъ указалъ каждому девятому человѣку со всей земли переселиться въ огражденныя мѣстности и доставлять туда треть

всѣхъ полевыхъ сборовъ, а также производить тамъ всѣ судбища, народныя сходки и торговыя дѣла (базары). Укрѣпленъ былъ еще Мейсенъ на Эльбѣ (931) и тѣмъ обезпечено владычество Нѣмцевъ въ странѣ Лужичанъ (Лаузицѣ). Такимъ-то образомъ Генрихъ по заранѣе обдуманному плану сталъ впервые пріучать полудикихъ Саксовъ къ застѣнной городской жизни, и за это по праву заслужилъ себѣ прозвище градоздателя: древнѣйшіе города Саксоніи и Тюрингена произошли изъ этихъ острожковъ, заложенныхъ въ оборону отъ внѣшнихъ непріятелей. Въ то же время пріучилъ онъ Саксовъ къ конной службѣ и составилъ себѣ изъ служилыхъ всадниковъ и ихъ дворовыхъ настоящую конницу, съ которою могъ биться противъ Венгровъ ихъ же собственнымъ оружіемъ. Съ тѣхъ поръ пѣхотная служба въ ополченіи утратила всякій блескъ и почетъ; народное войско превратилось въ конницу (рыцарей и рейтаровъ). — Совершенно преобразовавъ въ четыре года все военное устройство, король покорилъ Гевелловъ на Гавелѣ и Шпреѣ (928) и взялъ ихъ городъ Бреннабургъ (Бранденбургъ), который онъ осаждалъ по рѣкоставу. Приведены были въ повиновеніе и жившіе далѣе на югъ Далеминцы, при чемъ мужское населеніе города ихъ Іены были все перебито, а жены и дѣти уведены въ неволю. Дѣйствуя изъ крѣпости Мейсена, покорилъ онъ за тѣмъ Лужичанъ на верхней Шпреѣ и принудилъ къ дани весь край ихъ съ городомъ Лебузой. Вскорѣ вездѣ начали бояться меча Саксовъ, такъ что когда Генрихъ, въ союзѣ съ Баварами, проникъ черезъ темный Богемскій Лѣсъ къ Молдавѣ, князь Чеховъ обѣщалъ ему лэнную службу и послушаніе и заплатилъ притомъ дань. Въ то же время саксонскіе графы, особенно Бернгардъ и Титмаръ, воевали счастливо и успѣшно противъ сѣверныхъ Вендовъ и покорили весь край между Эльбою и Одеромъ. Тогда ярость и отчаяніе овладѣли Вендами и они дружно возстали на тѣснившій ихъ нѣмецкій гнетъ; но битва при Ленценѣ (929), гдѣ погибло, говорятъ, до ста тысячъ Вендовъ, навсегда сокрушила ихъ могущество. Страшна была пора, когда германскіе нравы и языкъ, а съ ними и христіанство, водворялись въ этихъ мѣстностяхъ; тяжкимъ моло-

томъ падала саксонская рука на Вендовъ до тѣхъ поръ, пока разможжила и низложила ихъ окончательно. — Между тѣмъ прошелъ срокъ перемирію съ Венграми; дань тяжелою ношей лежала на саксонскомъ народѣ; нельзя было уплачивать ее долѣе, не коснувшись наконецъ и завѣтныхъ церковныхъ сокровищъ. Генрихъ положилъ разсѣчь эти позорные узы мечемъ, и весь народъ радостно откликнулся на его рѣшимость. Вмѣсто требуемой дани, Венграмъ бросили въ насмѣшку жирнаго пса, и когда, разсвирѣпѣвъ отъ этого позора, они безчисленными толпами принялись опустошать Тюрингенъ и Саксонію, Генрихъ въ битвѣ при Мерзебургѣ (или у Ріады, въ Золотой низинѣ [1]) нанесъ имъ рѣшительное пораженіе (15 марта 933). Въ безпорядочномъ бѣгствѣ бросились они на утекъ, и станъ ихъ, наполненный плѣнными и добычей, попалъ въ руки побѣдителей. Въ слѣдующемъ году онъ возвратилъ имперіи область между Эйдеромъ, Треною и Шлеей, которую Датчане, въ правленіе короля Горма Стараго, присвоили было себѣ, и учрежденіемъ Шлезвигской мархіи возстановилъ предѣлы, назначенные имперіи Карломъ Великимъ. Послѣ столь славнаго и благоуспѣшнаго царствованія созвалъ онъ вельможъ на княжескій сеймъ въ Эрфуртъ, увѣщевалъ ихъ избрать ему въ преемники сына его Оттона и потомъ (2 іюля 936) скончался въ Мемлебенѣ при р. Унштрутѣ, въ Золотой низинѣ. Вѣрная супруга его Матильда велѣла похоронить его въ основанномъ имъ же Кведлинбургскомъ монастырѣ. Дѣйствуя просто и безъ всякихъ затѣй, Генрихъ успѣлъ совершить въ тиши много великаго.

§ 290. Оттонъ Великій. Оттонъ I былъ достойнымъ преемникомъ Генриха I, и шествовалъ его путемъ далѣе впередъ. Онъ привелъ въ повиновеніе вельможъ и положилъ начало единству имперіи; онъ побѣдилъ враговъ на сѣверѣ и востокѣ и возвѣстилъ имъ чрезъ своихъ духовныхъ посланцевъ ученіе Христа; онъ разбилъ Венгровъ такъ, что на-

[1] Золотою низиной (Goldne Aue) называются нѣкоторыя особенно плодоносныя мѣстности, лежащія отчасти въ Мерзебургскомъ округѣ, въ Пруссіи, отчасти въ Саксоніи, по рѣкамъ и рѣчкамъ, текущимъ съ высотъ Тюрингенскаго Лѣса въ направленіи къ Эльбѣ.

всегда прекратилъ ихъ хищническія вторженія. Но, одушевляемый высшими идеями, онъ еще болѣе возвысилъ блескъ своей династіи прочнымъ пріобрѣтеніемъ римско-императорской короны.

1. Первою заботой Оттона было утвержденіе внутренняго порядка и основаніе государственнаго единства Германіи. Едва получилъ онъ въ Ахенѣ корону и помазаніе отъ рукъ государственнаго канцлера, архіепископа майнцскаго, и архіепископовъ трирскаго и кельнскаго, причемъ новый властитель возсѣдалъ на тронѣ избраннаго имъ себѣ въ образецъ Карла Великаго и причемъ впервые отправляли свою имперскую службу знатнѣйшіе князья (герцогъ Лотарингскій распоряжался торжествомъ въ качествѣ оберъ-каммергера, герцогъ Франконскій завѣдывалъ столомъ въ званіи стольника, герцогъ Швабскій исполнялъ должность крайчаго или оберъ-мундшенка, а герцогъ Баварскій, какъ маршалъ[1], наблюдалъ за всѣмъ, что касается всадниковъ и лошадей),—едва получилъ онъ корону какъ уже пришлось ему выдержать съ разныхъ сторонъ сильную борьбу и противъ ближайшихъ своихъ родственниковъ, и противъ строптивыхъ вельможъ-васалловъ. Генрихъ предоставлялъ герцогамъ различныхъ племенныхъ областей извѣстную самостоятельность, самъ довольствуясь только честію быть первенствующимъ между ними; напротивъ Оттонъ видѣлъ свое призваніе свыше именно въ томъ, чтобы собрать раздробившіяся нѣмецкія племена въ одно нераздѣльное государство, въ одинъ цѣльный народъ, и совокупить въ мощной рукѣ свободнаго «короля Германцевъ» власть верховнаго судьи и правителя. Санъ герцога былъ на его глаза также не болѣе какъ государственной должностью, которою онъ могъ располагать по своей волѣ. Это стремленіе лишить герцогскій санъ характера независимой народной власти, возбудило зависть остальныхъ племенъ, особенно Франконцевъ, которые ревниво смотрѣли на возрастающее могущество Саксовъ и видимо раздражались заносчивостью саксонскихъ вельможъ. Франконскій герцогъ Эбергардъ оби-

[1] Маршалъ собственно значитъ конюшій, отъ древнегерманскаго mar (Mähre), конь, и scalc, слуга, холопъ, работникъ.

дѣлся еще болѣе тѣмъ, что Оттонъ наложилъ на него судебную пеню за нарушеніе земскаго мира по поводу расправы Эбергарда съ однимъ непокорнымъ васалломъ въ Гессенѣ. Не онъ ли, въ самомъ дѣлѣ, доставилъ нѣкогда саксонскому герцогу корону, которая слѣдовала по настоящему франконской династіи? Оскорбленный до глубины души, соединился онъ съ рьянымъ Танкмаромъ, старшимъ братомъ Оттона отъ непризнаннаго брака, и поднялъ противъ молодаго государя знамя возстанія. Война сопровождалась страшными ужасами въ Гессенѣ и Вестфаліи. Но Танкмаръ, по взятіи приступомъ Эресбурга, былъ убитъ передъ алтаремъ, у котораго искалъ защиты (938), а Эбергардъ, разсорясь съ своими родичами, принужденъ былъ смириться передъ Оттономъ и просить у него помилованья. Тогда меньшой братъ Оттоновъ, Генрихъ, въ свою очередь взялся за оружіе. Когда онъ родился, отецъ его носилъ уже королевскую корону, и поэтому онъ считалъ себя «чистѣйшей царской крови» (порфиророднымъ) и болѣе въ правѣ царствовать, нежели его братъ. Это былъ отважный юноша, рѣдкой ловкости и красоты, настоящій портретъ своего родителя; множество приверженцевъ стали за его дѣло. Въ союзѣ съ жаждавшимъ мести Эбергардомъ и съ честолюбивымъ шуриномъ его Гизельбертомъ Лотарингскимъ, которому хотѣлось обратить свое герцогство въ независимое королевство, и вспомоществуемый франкскимъ королемъ Людвигомъ (Заморскимъ), Генрихъ подошелъ съ большою военною силой къ Рейну и два раза привелъ брата въ самое стѣсненное положеніе. Но съ Божіею помощію, на которую твердо уповалъ благочестивый Оттонъ, всѣ замыслы враговъ его разстроились. Эбергардъ и Гизельбертъ, подвергшись внезапному нападенію нѣсколькихъ рыцарей у Брейзаха, погибли—одинъ въ бою, другой—въ волнахъ Рейна (939). Генрихъ долженъ былъ покориться, но за помилованіе, великодушно дарованное ему братомъ, заплатилъ черною неблагодарностью: вскорѣ потомъ онъ вошелъ съ архіепископомъ майнцскимъ и другими недовольными вельможами въ заговоръ, имѣвшій цѣлью убить короля при празднованіи пасхи въ Кведлинбургѣ. Преступный замыселъ былъ однакожь открытъ и предупрежденъ (940); главные виновники поплатились жизнію; архіепископъ и Генрихъ

взяты подъ стражу. Тутъ только раскаяніе пробудилось въ душѣ заблуждавшагося юноши; онъ бѣжалъ изъ несноснаго заключенія, явился среди франкфуртской соборной церкви передъ Оттономъ въ одеждѣ покаянника и получилъ прощеніе и миръ, о которыхъ умолялъ съ искренними слезами. Съ тѣхъ поръ согласіе между братьями болѣе не нарушалось.—Происшествія эти убѣдили Оттона, что сильная государственная власть не согласима съ тою полною самостоятельностью, какую король Генрихъ предоставилъ герцогамъ, тѣмъ болѣе, что дворянство и высшее духовенство съ каждымъ днемъ сильнѣе домогались независимаго къ коронѣ отношенія,—дворянство, стараясь расширять господское право въ своихъ владеніяхъ и добиваясь наслѣдственности своихъ лэномъ [1]; духовенство, ища устранить свои духовныя и свѣтскія права отъ верховнаго блюстительства королевской власти и упрочить церкви полную самостоятельность. Для противодѣйствія этимъ стремленіямъ, Оттонъ озаботился прежде всего тѣмъ, чтобы сломить строптивое упорство герцогской власти: его личное присутствіе во всѣхъ краяхъ Германіи избрано было средствемъ затмить и оттѣснить герцоговъ на второй планъ въ глазахъ народа; къ тому же вело назначеніе палатиновъ (пфальцграфовъ, дворцовыхъ правителей), которые въ качествѣ королевскихъ намѣстниковъ должны были вѣдать одни коронныя имущества и одни коронныя права, но наблюдали вмѣстѣ съ тѣмъ за герцогами и графами и ограничивали произволъ ихъ власти; вакантныя герцогскія мѣста или не замѣщались вовсе, какъ напримѣръ франконское, или давались съ умаленіемъ прежнихъ правъ лицамъ благонадежнымъ и преданнымъ королевскому дому. Такъ пожаловалъ онъ Лотарингію храброму графу Конраду Червонному, изъ Франконіи, и выдалъ за него свою дочь (941); а когда освободилось мѣсто баварскаго герцога, Оттонъ, по просьбѣ матери своей Матильды, надѣлилъ этимъ лэномъ своего брата Генриха, зятя покойному владѣльцу; но право замѣщать епископскіе столы было еще прежде отнято у герцога. Швабъ-

[1] То-есть обращенія служебныхъ помѣстьевъ въ вотчины, при чемъ и связанныя съ ними должности также становились частною родовою собственностью владѣльцевъ.

ское герцогство перешло къ юному, любимому сыну Оттона, Людольфу, который женился на дочери послѣдняго владѣльца, а въ Саксоніи, подъ непосредственнымъ надзоромъ короля, права герцога вѣдалъ его храбрый и вѣрный сподвижникъ Германнъ Биллунгъ, извѣстный воитель славянскихъ земель и оборонитель саксонскихъ предѣловъ; впослѣдствіи ему формально дано было герцогское достоинство. Долго и славно властвовалъ родъ Биллунговъ въ Саксоніи. Съ епископствами и аббатствами Оттонъ поступалъ точно также какъ съ герцогствами и графствами; въ глазахъ его это были королевскіе лэны, которые онъ властенъ былъ раздавать и отнимать. Когда при пожалованіи лэновъ онъ вручалъ герцогамъ и графамъ хоругвь, а духовнымъ сановникамъ перстень и посохъ, они должны были, сложивъ руки въ его рукѣ (въ знакъ полной зависимости), произносить присягу подданства съ обѣтомъ, во всякое время служить ему вѣрою и правдой, слѣдовать за нимъ, куда онъ ни позоветъ, и не покидать его ни въ какой нуждѣ и опасности. Одаренный сильною властительною натурой, которая отражалась уже въ величавой наружности, въ повелительномъ взорѣ и осанкѣ, Оттонъ безпощадно низлагалъ всѣхъ своихъ противниковъ, но съ покорными и смиренными обходился великодушно и справедливо. Когда со временемъ имперская знать опять усилилась, и Оттонъ не могъ уже такъ безусловно распоряжаться достоинствомъ герцоговъ и графовъ, тогда онъ старался тѣмъ прочнѣе скрѣпить узы между государствомъ и церковью и поддерживать политическое единство помощью епископствъ и другихъ высшихъ духовныхъ должностей, которыя онъ замѣщалъ родственниками или надежными и преданными ему лицами.—Точно такъ же какъ о достоинствѣ королевской власти, заботился Оттонъ о соблюденіи и пріумноженіи государственныхъ доходовъ, которыхъ главными источниками, кромѣ разсѣянныхъ по всей имперіи коронныхъ имуществъ, были преимущественно королевскіе лѣса, рудники, таможенные и дорожные сборы, прибыль отъ монетнаго дѣла, пошлина за право держать рынки, судебныя пени и мног. друг. Опредѣленной государственной подати не было вовсе, но приносимые по старому обычаю отъ духовныхъ и свѣтскихъ вель-

можъ «почетные дары» болѣе и болѣе принимали характеръ вынужденнаго, часто очень гнетущаго налога; а обязательныя для каждой области повинности на содержаніе двора, безмездная выставка подводъ и разгонныхъ лошадей, вооруженіе и продовольствіе войска, все это ложилось нерѣдко тяжкимъ бременемъ. При такихъ условіяхъ Оттонъ могъ являться богатымъ властителемъ и еще болѣе возвышать достоинство королевскаго имени своимъ наружнымъ блескомъ и своей щедростью.—Къ самымъ достославнымъ чертамъ Оттона принадлежитъ его заботливость о правосудіи. Важнѣйшею своей задачею считалъ онъ строгое наблюденіе за тѣмъ, «чтобъ каждому воздавалось по его праву и чтобъ судьи никому не дѣлали насилія».

Правосудіе. Оттонъ считалъ себя преемникомъ Каролинговъ, а потому и держался въ правосудіи ихъ капитуляріевъ, приноровляясь однакожъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Изъ капитуляріевъ выводилъ онъ свои королевскія права, по закону Франковъ каралъ за измѣну верховной власти и за нарушеніе земскаго мира. Но неписанная старина все-таки была сильнѣе писаннаго права; обычаи и нравы служили важнѣйшими источниками юридическаго быта, и Оттонъ, при своей особенной заботливости о правосудіи, ревностно настаивалъ на томъ, чтобы дѣла вершались по старому народному праву чрезъ судей и судныхъ мужей или скабиновъ (Schöffen, scabini) подъ его предсѣдательствомъ. Если члены суда оказывались несвѣдущими по какому-нибудь спорному юридическому вопросу, тогда назначались третейскіе судьи, или—что чаще бывало—предоставляли самому Богу рѣшить кто правъ, кто виноватъ, сводя тяжущихся на законный поединокъ. Всякій судъ творился публично. Земскій судъ былъ подъ вѣдѣніемъ герцоговъ, волостной и сотенный подъ вѣдѣніемъ королевскихъ графовъ или ихъ подручниковъ; въ мѣстахъ, пользовавшихся правомъ самосуда (церковныхъ иммунитетахъ), свѣтскимъ судомъ руководили фогты и мейеры (управители); въ лэнномъ судѣ предсѣдательствовалъ лэнный господинъ, въ вотчинномъ судѣ—вотчинникъ (или кого онъ за себя назначитъ). Какъ при судѣ надъ свободными людьми приговоръ постановлялъ не королевскій судья, не графъ, а постановляли его выбранные (графомъ) изъ свободныхъ же людей судные мужи, скабины, и какъ тамъ сторонніе люди (der Umstand), то-есть всѣ находящіе-

ся при этомъ сверхъ судныхъ мужей свободные, помогали судоговорителямъ своимъ совѣтомъ, и одобряли или порицали произнесенное ими мнѣніе, то подобныя же формы судопроизводства выработались и въ другихъ судилищахъ; вездѣ судья, въ тѣсномъ смыслѣ слова, является окруженный правосвѣдущими заѣдателями или скабинами и вездѣ предстоящій народъ принимаетъ живое участіе въ производствѣ дѣла. Не искусственное, не чуждое и не безвѣстное народу право царило тогда надъ его бытомъ и всею его дѣятельностью. Право и законъ еще не были замурованы въ писарьскія канцеляріи, откуда съ такимъ трудомъ и съ столь малымъ успѣхомъ старается высвободить ихъ наше время; они были въ тѣсной связи съ нравами и исконнымъ обычаемъ, каждому хорошо знакому, у каждаго всегда на умѣ; они совершенно срослись съ бытомъ всего народа и съ жизнію каждой личности. Рѣдко законъ писался не пергаментѣ, да это было и ненужно: онъ у каждаго былъ начертанъ въ душѣ. Свободно и въ величайшемъ разнообразіи развивалось право короля рядомъ съ народными правами, съ правомъ лѣннымъ и служебнымъ, согласно обычаю и старинѣ [1].—Король — средоточіе всего государства; гдѣ онъ, тамъ верховное правительство, тамъ и дворъ. Свободно выбираетъ онъ своихъ приближенныхъ изъ графовъ и епископовъ, которые постоянно его окружаютъ, съ которыми онъ обсуждаетъ и рѣшаетъ государственныя дѣла, которые сопровождаютъ его, когда изъ одной резиденціи (пфальца) онъ переѣзжаетъ въ другую, проживая съ своимъ дворомъ то здѣсь, то тамъ.

[1] Передавъ буквально слова подлинника, переводчики считаютъ своимъ долгомъ предостеречь здѣсь молодыхъ читателей отъ одного изъ самыхъ обыкновенныхъ нѣмецкихъ увлеченій,—отъ преувеличенія въ разрисовкѣ картины того золотаго вѣка, когда будто бы «законы были вписаны неизгладимыми чертами въ душѣ цѣлаго народа и каждаго отдѣльнаго лица». Что обычное право должно быть доступнѣе массамъ чѣмъ право писанное, это безспорно, но не надо при этомъ забывать, чѣмъ необходимо обусловливается такое преимущество: оно обусловливается относительной немногосложностью, первобытной грубостью и — главное — неизмѣняемостью того быта, гдѣ преобладаетъ обычай «доброй старины», а въ этомъ каждый дикій народъ стоитъ гораздо выше самой образованнѣйшей націи. Но, чтобы большинство народа «свободно развивалось» при господствѣ такого порядка, гдѣ оно было въ полномъ и безотвѣтственномъ распоряженіи меньшинства, гдѣ, не говоря уже объ огромной массѣ рабовъ, крѣпостныхъ и оброчниковъ, даже и большая часть свободныхъ должна была, за отсутствіемъ общихъ государственныхъ гарантій, становиться подъ защиту и произволъ какого-нибудь сильнаго покровителя, — это одно изъ тѣхъ неосновательныхъ предположеній, которыя создаются въ фантазіи ученыхъ въ минуты понятнаго увлеченія любимымъ предметомъ, а потомъ, съ непонятною уже неразборчивостью, повторяются чуть не въ видѣ аксіомъ.

Ибо «домъ его во всѣхъ краяхъ Германіи, и вездѣ хочетъ онъ доглядѣть, вездѣ хочетъ урядить самъ все, что̀ ни происходить у него въ домѣ». Хотя Оттонъ и предпочиталъ жить въ своихъ бургахъ на Гарцѣ, Кифгейзерѣ [1] и въ «Золотой низинѣ», однакожь рѣдко оставался онъ на одномъ мѣстѣ. Неутомимый въ своей непосѣдной жизни, онъ являлся то къ тому племени, то къ другому, и этимъ не мало содѣйствовалъ утвержденію единства имперіи. Особеннымъ блескомъ окружалъ себя король, торжествуя при дворѣ большіе церковные праздники. Тутъ принималъ онъ также духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, изъявленія покорности со стороны васалловъ, дани и подарки, присылаемые отъ различныхъ племенъ. При королевскомъ дворѣ, гдѣ онъ ни будь, жизнь текла весело и разнообразно; праздники слѣдовали за праздниками, пиры за пирами, много тутъ было всякихъ потѣхъ, но доходило и до дѣлъ самыхъ важныхъ, которыя, по древнему обычаю, часто обсуждались за столомъ. Нерѣдко рѣшался тутъ вопросъ о мирѣ и войнѣ, заключались или расторгались союзы съ иноземными державами, назначились епископы и графы, раздавались новые лэны и важныя привилегіи. Такимъ образомъ дворскіе съѣзды (Hoflager) замѣнили мало по малу государственные сеймы или думы Каролинговъ. Иногда соединялись съ этимъ и церковные соборы, которые входили подъ-часъ и въ свѣтскія дѣла; король обыкновенно присутствовалъ на этихъ соборахъ и оказывалъ рѣшительное вліяніе на ходъ ихъ разсужденій.

2. Подобно Генриху, и Оттонъ раздвигалъ предѣлы государства на счетъ Славянъ и Датчанъ и старался распространять между ними человѣчность и гражданственность (насильственнымъ) водвореніемъ христіанства. Вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ, онъ учредилъ Лаузицкую (Лужицкую) марxію и поручилъ защиту и управленіе ея Саксонцу Герону, человѣку не знатнаго происхожденія, но необыкновенно отважному и умному, который своими воинскими подвигами скоро сдѣлался ужасомъ враговъ. Долго боролся онъ съ Лютичами и другими вендскими народцами, жившими отъ Залы и средней Эльбы вплоть до Одера, но не успѣвалъ покорить ихъ вполнѣ, потому что, отстаивая свою независимость, они хитро и вѣроломно нарушали всѣ стѣснявшіе ее

[1] Предгорьѣ нижняго Гарца.

договоры. Однажды замыслили они напасть на маркграфа (начальника той украйны) совершенно врасплохъ и умертвить его. Но онъ на этотъ разъ перехитрилъ ихъ и предупредилъ вѣроломство вѣроломствомъ: онъ позвалъ тридцать ихъ набольшихъ къ себѣ на пиръ и, напоивъ гостей до безчувствія, велѣлъ всѣхъ ихъ перебить на мѣстѣ. Такое кровавое злодѣйство подняло страшное возстаніе во всѣхъ вендскихъ племенахъ; но внутреннія измѣны, несогласія и распри ослабили ихъ силу и облегчили маркграфу ихъ одолѣніе. Племена эти были наконецъ покорены до самаго Одера и принуждены къ платѣ ежегодной дани. Возобновлявшіяся по временамъ попытки ихъ освободиться отъ тяжкаго угнетенія обыкновенно оканчивались для нихъ неудачею и только умножали бѣдствія ихъ жестокаго ига. Даже могущественный польскій державецъ, тѣснимый въ одно и тоже время и Герономъ и Вендами, долженъ былъ признать верховное господство Саксовъ и платить имъ дань. Не менѣе упорную борьбу велъ Германнъ Биллунгъ съ сѣверными Вендами, занимавшими берега Балтійскаго моря отъ Эйдера до Гафа и примкнувшими къ своимъ родичамъ во время общаго ихъ возстанія. Но и они были наконецъ осилены и приведены въ мирное отношеніе къ имперіи. Имѣнія, оставшіяся безхозяйными послѣ погибшихъ вендскихъ князей и набольшихъ, Оттонъ роздалъ множеству своихъ васалловъ и чиновниковъ (министеріаловъ), которые водворились въ томъ краѣ съ обязанностью быть всегда готовыми стать подъ оружіе и нести военную службу. Многочисленныя крѣпостцы съ принадлежащими къ нимъ околицами (пространствомъ, озираемымъ съ дозорной башни или глядня, Burgwarte) служили точками опоры для защиты края и учрежденія въ немъ новыхъ городовъ. Покоренное населеніе вносило дань деньгами и натурою въ королевскую казну и отправляло сверхъ-того разнаго рода барщину на своихъ нѣмецкихъ помѣщиковъ. Основанныя мало по малу Оттономъ и подчиненныя магдебургской митрополіи (968) епископства въ Мерзебургѣ, Цейцѣ, Мейсенѣ, Бранденбургѣ и Гавельбергѣ заботились о насажденіи христіанства и распространеніи христіанско-германскаго образованія. Сліяніе различныхъ племенъ въ одинъ народъ постепенно соверши-

лось только уже въ то время, когда прекратилось мрачное идолопоклонство съ его кровавыми жертвами и когда ученіе о распятомъ Спасителѣ вытѣснило служеніе враждебному богу брани, Свѣтовиту. Но не легко принялось у Вендовъ св. Евангеліе. Они ненавидѣли Нѣмцевъ, провозвѣстниковъ новой вѣры, а потому и самую вѣру принимали съ отвращеніемъ, и естественно негодовали за то, что имъ приходилось отдавать епископамъ въ видѣ налога часть своего хлѣба, льна и скотины. Саксонскій дворянинъ Вихманнъ, человѣкъ необузданной силы и строптивости, видѣвшій свободу только въ собственномъ своевольствѣ, долго служилъ недовольнымъ Вендамъ надежнымъ коноводомъ противъ своихъ земляковъ и родныхъ; наконецъ и онъ погибъ въ одной схваткѣ.—Столько же успѣшны были предпріятія Оттона противъ датскаго короля, Гаральда Синезуба, выгнавшаго саксонскихъ поселенцевъ изъ Шлезвигской мархіи и захватившаго весь край между Эйдеромъ и порубежнымъ валомъ. Самъ Германнъ Биллунгъ попалъ при этомъ въ плѣнъ къ Датчанамъ. Тогда Оттонъ двинулся съ войскомъ въ Датскую землю, одолѣлъ враговъ и возвратилъ имперіи Шлезвигскую мархію. Онъ проникъ до самаго моря, ограничивающаго Ютландію на сѣверѣ, и кинулъ въ волны свое копье для обозначенія по старому обычаю предѣла своихъ владѣній: оттого одинъ изъ морскихъ заливовъ и прозванъ Оттонзундомъ. И здѣсь учреждены были три новыя епископства (Шлезвигъ, Рипенъ, Ааргусъ) и подчинены сначала гамбургской, потомъ бременской митрополіи: вездѣ въ ту эпоху христіанство споспѣшествовало утвержденію германскаго владычества. Отъ ольденбургскаго епископскаго стола (въ Старгардѣ), перенесеннаго послѣ въ Любекъ, началось обращеніе вендскихъ племенъ, сидѣвшихъ по берегу Балтики. Слѣдомъ за германскимъ воиномъ въ эти дальніе края шелъ обыкновенно германскій священникъ и германскій купецъ; по теченію Эльбы, Одера и Дуная вскорѣ развилась дѣятельная городская жизнь, и христіанская гражданственность, промыслы и торговля побѣдоносно противустали варварству и полукочевому быту древнѣйшей эпохи.—Приведены были снизнова къ покорности также Богемцы, которые подъ державой смѣ-

лаго и строптиваго Болеслава (убійцы кроткаго брата своего, Венцеслава) свергли съ себя лѣнныя обязанности къ Германіи. Въ десятый годъ Оттонова царствованія Болеславъ былъ вынужденъ опять покориться чуждой власти (946); подъ державою благочестиваго сына его, Болеслава II, вмѣстѣ съ германскимъ лѣннымъ господствомъ водворилось въ Богеміи христіанство, и въ Прагѣ былъ учрежденъ епископскій престолъ (967). Этими и другими великими подвигами Оттонъ I снискалъ себѣ такое высокое значеніе на Западѣ, что при дворѣ его посланцы королей французскаго, италійскаго, бургундскаго и англійскаго встрѣчались съ владѣльцами вендскихъ племенъ, Богемцевъ, Датчанъ и Венгровъ, а императоръ константинопольскій и халифъ кордовскій прислали къ нему пословъ съ почетными дарами (950), за которые онъ отдаривалъ ихъ въ свою очередь.

Заботливость Оттона о христіанскомъ образованіи. Рядомъ съ любовью къ справедливости, отличительною чертою Оттонова характера было благочестіе. Когда супруга его, Англосаксонка Эдита, которую саксонскій народъ уважалъ какъ святую за ея христіанскій образъ мыслей и благотворительность, была послѣ осьмнадцатилѣтняго супружества внезапно похищена у него смертью и погребена въ монастырѣ св. Морица въ Магдебургѣ (946) тогда Оттонъ болѣе прежняго сталъ обращаться къ духовному и небесному. Онъ читалъ св. Писаніе и ревностно заботился о дѣлахъ церкви. Прежде онъ нерѣдко оказывалъ неблагосклонность высшему духовенству и сажалъ епископовъ и аббатовъ на мѣста по однимъ мірскимъ соображеніямъ; теперь же сталъ обнаруживать теплое участіе къ религіозной и церковной жизни, благопріятствовалъ учрежденію монастырей и великодушно помогалъ британскимъ и англосаксонскимъ священникамъ и монахамъ, которые и теперь, какъ при Каролингахъ, искали убѣжища въ Германіи отъ преслѣдованій языческихъ Датчанъ и возвышали, облагороживали монастырскую жизнь служеніемъ литературѣ и строгими религіозными подвигами. Меньшой братъ Оттона, именемъ Бруно, начитанный по части церковныхъ писателей и древнеклассической литературы, былъ поставленъ, въ качествѣ архикапеллана, начальникомъ императорской канцеляріи; съ этой должностью связано было наблюденіе за церковными дѣлами въ цѣломъ краѣ, и Бруно употребилъ

все свое вліяніе для того, чтобъ учредить придворное училище, гдѣ преподавались семь свободныхъ искусствъ, между тѣмъ какъ галльскія и италійскія духовныя лица дѣйствовали на пользу наукъ при монастырскихъ школахъ и старались облагородить нравы силою строгаго церковнаго благочинія. Эта придворная капелла съ состоявшимъ при ней училищемъ сдѣлалась отличнымъ разсадникомъ для церкви и государства: тутъ образовались тѣ духовные, которымъ Оттонъ и его преемники раздавали потомъ епископства и которые исполняли ввѣренную имъ должность съ полною добросовѣстностью и совершенною преданностію отечеству и королю. Чуждые всѣхъ стремленій іерархическаго ѳеократизма, управляли они дарованными имъ Богомъ епископствами съ свободною, самостоятельною властью и патріархальнымъ могуществомъ. Возстановленіе церковной дисциплины, преобразованіе монастырей и капитуловъ, пробужденіе научной жизни въ духовенствѣ, — вотъ въ чемъ видѣли они ближайшую свою обязанность; не менѣе того старались они оградить ввѣренные имъ города стѣнами, испросить или обезпечить имъ привилегіи открытаго рынка и битья монетъ, поднять торговлю и промышленность, воздѣлывать пустоши, расчищать непроходимые лѣса, опредѣлять законнымъ порядкомъ служебныя повинности своихъ подвластныхъ, блюсти и поощрять правосудіе въ подвѣдомыхъ имъ привилегированныхъ мѣстностяхъ (иммунитетахъ). Они поставляли себѣ чисто практическія задачи и при выполненіи ихъ имѣли въ виду угодить Богу и вмѣстѣ услужить ближнему. По единогласному отзыву современниковъ, германскіе епископы были большею частію люди благочестивые, украшенные истинно христіанскими добродѣтелями, твердые въ вѣрѣ и упованіи на Бога и наименѣе зараженные тѣмъ нравственнымъ растлѣніемъ, которымъ обуялось тогда высшее духовенство во всѣхъ почти странахъ Запада. Отъ епископовъ же исходили и обильныя послѣдствіями миссіи для обращенія язычниковъ. Прелатъ Адельдагъ, которому особенно благосклонствовала Саксонская династія, посвятилъ, въ качествѣ архіепископа гамбургскаго и бременскаго, трехъ новыхъ епископовъ въ Шлезвигъ, Рипенъ и Ааргусъ, долженствовавшихъ провѣдывать Евангеліе Датчанамъ и Шведамъ, и оказывалъ величайшую заботливость къ обращенію язычниковъ вообще. Въ то же самое время изъ епископства ольденбургскаго христіанская вѣра перенесена къ Ободритамъ и другимъ венд-

скимъ племенамъ по берегу Балтики, и магдебургская митрополія и подвѣдомыя ей епископства принимали живѣйшее участіе въ обращеніи язычниковъ между Одеромъ и Везеромъ. Такіе религіозные подвиги исходили отъ благочестиваго императора и ревностныхъ епископовъ, его окружавшихъ. Ни одинъ папа не помышлялъ объ этомъ, и сама церковь почти совершенно забыла эту столь важную свою обязанность. Заботливостью въ замѣщеніи церковныхъ должностей людьми ему близкими и надежными, Оттонъ совершилъ великій шагъ къ заложенію единства имперіи и къ болѣе тѣсному сближенію церкви и государства. Ему хотѣлось имѣть противовѣсіе могуществу герцоговъ и графовъ въ томъ сословіи, которое по самому значенію своему должно было возвышаться надъ уровнемъ частныхъ интересовъ, имѣвшихъ своихъ представителей въ лицѣ свѣтскихъ вельможъ, и становиться на точку всеобщихъ политическихъ идей и воззрѣній, — въ томъ сословіи, которому сверхъ-того онъ всегда могъ давать при своемъ дворѣ желаемое направленіе. Но сдѣлавъ такимъ образомъ архіепископовъ, епископовъ и настоятелей имперскихъ аббатствъ государственными сановниками, онъ пекся и о томъ, чтобы они соблюдали свои обязанности въ отношеніи къ государству. За полученные ими государственные лэны они обязаны были высылать своихъ васалловъ въ ополченіе, нерѣдко и сами ходить на войну, и Оттонъ, даже вопреки церковнымъ законамъ, настаивалъ на томъ, чтобы духовные соборы сходились только съ его разрѣшенія и чтобы всѣ опредѣленія ихъ представлялись ему на утвержденіе, — настаивалъ на своемъ правѣ учреждать епископства, назначать епископовъ на мѣста, призывать ихъ на судъ своей верховной власти и т. д. Послѣ того какъ Геронъ, «маркграфъ Божіею милостію», распространилъ силою оружія далеко на востокъ и христіанскую вѣру и имя Германцевъ, онъ смиренно отправился на богомолье въ Римъ, подарилъ все свое имущество основанному имъ монастырю Гернроде въ Кведлинбургѣ и заказалъ себѣ тамъ усыпальницу. 20 мая 965 г. умеръ этотъ бранный витязь, прославленный и пѣснею, и сагою. Въ слѣдующемъ году скончался на пути во Францію и Бруно, когда ему не исполнилось еще 40 лѣтъ.

3. Венгры давно уже оправились послѣ пораженія, нанесеннаго имъ королемъ Генрихомъ, и снова предприняли свои хищническіе набѣги на южную Германію. Правда, они нашли бдительнаго и готоваго къ бою противника въ храбромъ

и предпріимчивомъ баварскомъ герцогѣ Генрихѣ; имъ часто приходилось бѣжать отъ него въ свои степи и покидать награбленную добычу; однакожъ смуты имперіи во время междоусобныхъ войнъ и возстаній и разстройство Италіи въ безъимператорскую эпоху постоянно подстрекали ихъ къ новымъ предпріятіямъ; до Адріатическаго моря и рѣки По простирали они свои вторженія къ югу и до истоковъ Дуная — на западѣ. Нерѣдко союзились съ ними враги Оттона. Наконецъ Венгры собрались въ такой походъ, который размѣрами и грозой далеко оставлялъ за собою всѣ прежніе. Въ числѣ ста тысячъ человѣкъ наводнили они Баварскую землю (955), густыми толпами проникли въ Швабію и отаборились на равнинѣ Леха, тогда какъ летучіе конные ихъ отряды доходили до Шварцвальда. Мужественно сопротивлялся страшному напору враговъ епископъ Ульрихъ аугсбургскій съ дружиною смѣлыхъ всадниковъ и нѣсколько дней сряду оборонялъ плохо укрѣпленный городъ отъ всѣхъ приступовъ и нападеній. Тогда наконецъ подоспѣлъ Оттонъ во главѣ саксонскаго войска; Бавары и Франконцы, Швабы, Богемцы и прирейнцы примкнули къ его ополченію; туда же присталъ и епископъ Ульрихъ съ своею доблестной дружиною. Христіанское войско, посвятивъ напередъ одинъ день покаянію и молитвѣ, чтобы испросить себѣ помощь Божію, 10 августа, въ день св. Лаврентія, вышло на врага осьмью отрядами или полками, по тысячѣ всадниковъ каждый. Въ срединѣ стоялъ самъ король. Передъ нимъ развѣвалась хоругвь св. архистратига Михаила, а гдѣ она показывалась, тамъ побѣда еще никогда не измѣняла Оттону; тѣсными рядами окружала ее и короля дружина отважныхъ, готовыхъ на смерть юношей, отборныхъ храбрецовъ изъ всего войска. Вождемъ четвертаго отряда былъ королевскій зять, герцогъ Конрадъ Лотарингскій, герой этого дня, желавшій новыми подвигами изгладить память одного безславнаго возстанія противъ своего владыки и государя (§ 291). Начало битвы на Лехскомъ полѣ было неблагопріятно для христіанъ; внезапно атакованные съ тыла, задніе полки начинали уже колебаться, когда Конрадъ съ неустрашимою дружиной своихъ Франковъ напалъ на непріятеля и обратилъ его въ бѣгство. За-

тѣмъ, съ копьемъ и щитомъ въ рукѣ, ринулся въ самую густую толпу Венгровъ самъ король, ободривъ напередъ своихъ воиновъ краткою рѣчью. Примѣръ его воспламенилъ все ополченіе. Въ короткое время были разсѣяны непріятельскія толпы и пустились бѣжать во всѣ стороны. Страшно свирѣпствовалъ мстительный мечъ Германцевъ среди разстроенныхъ венгерскихъ массъ. Не одинъ храбрый поплатился жизнью за побѣду и спасеніе отечества; глубоко тужилъ императоръ о потерѣ героевъ, но ни о комъ не печалился онъ столько, какъ о храбромъ зятѣ своемъ, Конрадѣ, котораго вражеская стрѣла уноровила прямо въ горло и свела въ ранній гробъ среди побѣднаго торжества. Онъ палъ геройской смертью за короля и отечество, искупивъ самой дорогой цѣной тяжкую вину прежнихъ лѣтъ. Братъ и племянникъ Ульриха также омыли эту славную побѣду своей кровью. Оттонъ преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля внизъ по Дунаю до Регенсбурга. Тутъ онъ совершилъ строгій судъ надъ толпою плѣнныхъ, и многіе знатные Венгры погибли на висѣлицѣ. Во всѣхъ церквахъ раздавались хвалебныя пѣсни Господу и Его царственному воину, спасителю роднаго края. Съ тѣхъ поръ прекратились опустошительные набѣги Венгровъ на Германію. Христіанство, уже проникшее къ нимъ изъ Пассау и подъ конецъ столѣтія одержавшее у нихъ верхъ при королѣ Стефанѣ Святомъ (ок. 1000), законодателѣ и учредителѣ своего отечества, — вскорѣ повело къ смягченію нравовъ и водворенію тамъ болѣе мирныхъ наклонностей. Венгры отстали отъ неугомонной кочевой жизни, начали обзаводиться осѣдлостью на плодоносной дунайской равнинѣ и принялись ограждать свою болотистую страну частоколами и валами. Нѣмецкія же военныя дружины проникли мало по малу за Энисъ, поселились въ прекрасномъ краѣ по сю и по ту сторону рѣки и присоединили его къ имперіи подъ именемъ Баварской восточной маркіи (bayerische Ostmark). Въ самый годъ великой битвы съ Венграми скончался, еще въ лѣтахъ бодраго мужества, но не на ратномъ полѣ, а на одрѣ болѣзни, герцогъ Генрихъ. Это былъ храбрый воитель, но онъ не умѣлъ снискать себѣ ни истинной дружбы, ни любви. Сопленный ему

сынъ еще отрокомъ наслѣдовалъ ему въ герцогскомъ достоинствѣ.

§ 291. 4. Важнѣйшимъ для Германіи событіемъ было пріобрѣтеніе Оттономъ римскаго императорства и возстановленіе нѣмецкой имперской власти въ Италіи. Съ тѣхъ поръ какъ вымеръ родъ Каролинговъ, въ этой прекрасной странѣ настало время смутъ, безначалія и нравственной порчи, которыя грозили расторгнуть всѣ связи общества (§ 277 б.). Порочные вельможи простирали окровавленныя руки къ королевскому и императорскому вѣнцу, но ни одному изъ нихъ не удалось обезпечить свое господство. Всѣхъ долѣе правилъ Италіею, какъ король, графъ Гугонъ Нижнебургундскій; когда же своимъ жестокосердіемъ онъ навлекъ себѣ общую ненависть, противъ него возсталъ графъ Беренгаръ Иврейскій, на чью жизнь онъ прежде посягалъ. Беренгаръ принудилъ тирана бѣжать за Альпы и присвоилъ себѣ власть, которую однакожь вначалѣ дѣлилъ еще съ сыномъ Гугона, Лотаромъ. Беренгаръ, котораго Итальянцы съ восторгомъ привѣтствовали именемъ освободителя, на первыхъ порахъ былъ доступенъ и ласковъ и успѣлъ привязать себѣ всѣ сердца. Но когда Гугонъ заключилъ многогрѣшную жизнь свою въ Бургундіи и, три года спустя, король Лотаръ юношей сошелъ въ могилу въ Туринѣ (950), тогда Беренгаръ явился въ настоящемъ своемъ видѣ, государемъ неправосуднымъ и деспотическимъ. Озабоченный многочисленностью приверженцевъ молодой вдовы Лотара Адельгейды (Аделаиды), соединявшей красоту и прелесть съ добродѣтелью и благочестіемъ, онъ хотѣлъ, еще до истеченія траура, выдать ее за сына своего Альбериха, и когда она съ негодованіемъ отвергла это предложеніе, Беренгаръ и его порочная, жестокая жена начали всячески притѣснять бѣдную Адельгейду; они отняли у нея все, подвергали ее разнымъ обидамъ и наконецъ отдали подъ строгій надзоръ одного графа въ Гардскомъ замкѣ, гдѣ, заключенная въ страшную темницу, бѣдствовала она четыре мѣсяца. Наконецъ, съ помощью одного священника, Адельгейда чудеснымъ образомъ вырвалась изъ тюрьмы и, скрытыми путями, среди ужасныхъ лишеній и постоянной боязни

быть настигнутою своими тюремщиками, добралась до замка Каноссы и нашла тамъ защиту до тѣхъ поръ, пока король Оттонъ, спѣшившій освободить ее съ военною силой и уже покорившій всю верхнюю Италію, не предсталъ передъ нее съ подарками и съ предложеніемъ своей руки (951). И еще въ томъ же году отпраздновалъ онъ въ Павіи пышное брачное торжество съ очаровательною королевой. Этотъ союзъ подкрѣпилъ притязанія Оттона на Италію въ качествѣ преемника Каролинговъ, всего же болѣе подкрѣпилъ ихъ конечно его мечъ. Беренгаръ не помѣшалъ ему покорить весь полуостровъ и принять титулъ «короля италійскаго». Но когда другія заботы отвлекли Оттона съ молодою женой въ Германію, то зять его Конрадъ, оставленный имъ намѣстникомъ въ Павіи, возвратилъ Беренгару Италійское королевство съ тѣмъ, чтобы онъ только подчинился Оттону и призналъ его лэннымъ господиномъ. Вмѣстѣ съ Конрадомъ Беренгаръ тотчасъ же отправился въ Магдебургъ и потомъ на Аугсбургскомъ сеймѣ (952) пожалованъ лэномъ отъ руки короля; однакожь мархія Верона-Фріуль отдана была герцогу Генриху баварскому, къ которому особенно благоволила Адельгейда и который снискалъ себѣ братнино расположеніе храбрымъ противоборствомъ Венграмъ, а также вѣрностью и усердіемъ къ службѣ въ италійскую войну. Это предпочтеніе, оказанное Генриху, раздражило королевскихъ сыновей, Людольфа Швабскаго и Конрада Лотарингскаго. Они собрали вокругъ себя отчаянную молодежь и возстали на отца общимъ бунтомъ (953). Такимъ образомъ дѣло Беренгара поселило раздоръ въ королевскомъ домѣ и разъединило первыхъ князей имперіи. Людольфъ, храбрый и мужественный юноша, котораго вельможи уже признали наслѣдникомъ Оттону, и Конрадъ, отважнѣйшій рыцарь (наѣздникъ) своего времени, нашли себѣ многихъ приверженцевъ. Лотарингія, Франконія, Швабія и Баварія поколебались въ вѣрности; архіепископъ майнцскій взялъ сторону мятежниковъ; въ самой Саксоніи нашлись люди, расположенные къ ихъ дѣлу. Объявленные опальными и лишенными своихъ герцогствъ, они все еще были опасны. Майнцъ и Регенсбургъ были у нихъ въ рукахъ, и Оттонъ

напрасно осаждалъ оба эти города; страшное междоусобіе свирѣпствовало по берегамъ Мааса, Рейна и Дуная (954); непокорные сыновья забылись до того, что вступили въ союзъ съ Венграми и призвали этихъ старинныхъ враговъ въ предѣлы государства. Ничто однакожь не могло потрясти Оттонова мужества и упованія на Бога: сердце его истекало кровью, но онъ остался непоколебимъ, пока наконецъ восторжествовала справедливость. Когда, благодаря умнымъ распоряженіямъ Бруно, которому царственный его братъ передалъ вмѣстѣ съ кёльнскою митрополіей санъ герцога Лотарингіи, весь этотъ край перешелъ мало по малу въ руки Оттона и его приверженцевъ, и когда, не задолго до своей кончины, покорился ему и архіепископъ майнцскій, тогда должны были смириться передъ нимъ строптивые сыновья. Они молили короля о помилованіи; онъ простилъ ихъ, возвратилъ имъ ихъ крѣпкіе замки и помѣстья, но герцогствъ уже не ввѣрилъ имъ опять. Престарѣлый графъ Бурхардъ, женатый на молоденькой дочери Генриха баварскаго, получилъ Швабію. Побочный сынъ Оттона, Вильгельмъ, сдѣланъ былъ архіепископомъ майнцскимъ. Среди этихъ смутныхъ обстоятельствъ, стремленіе Оттона къ римской императорской коронѣ,—стремленіе, которое носилъ онъ въ душѣ еще при первомъ походѣ своемъ въ Италію, долго оставалось неудовлетвореннымъ. Но у человѣка съ такимъ живымъ чувствомъ къ личному величію и многообъемной власти, могла ли подобная мысль заглохнуть безъ слѣда? Едва только одолѣлъ онъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, какъ на Вормсскомъ сеймѣ, гдѣ по волѣ Оттона въ преемники ему былъ избранъ семилѣтній сынъ его отъ Адельгейды (коронованный потомъ въ Ахенѣ), онъ заявилъ передъ собравшимися вельможами свое рѣшеніе вторично идти за Альпы. — Беренгаръ вовсе не исполнялъ своихъ лэнныхъ обязанностей въ отношеніи къ Оттону; напротивъ онъ преслѣдовалъ тяжкой местью его приверженцевъ въ Италіи; и когда Людольфъ, по примиреніи съ отцомъ, хотѣлъ наказать Беренгара и добыть его королевство для себя, онъ среди побѣдъ умеръ отъ лихорадки, постигшей его близь Лаго Маджоре [1] (6 сент. 957). Велика

[1] По-нѣмецки Langensee, т. е. Длинное озеро.

была горесть многочисленныхъ друзей его о потерѣ этого дорогаго имъ человѣка. Беренгаръ вскорѣ пріобрѣлъ свою прежнюю власть и даже воевалъ съ державцами средней Италіи. Тогда папа Іоаннъ XII (§ 282), тѣснимый Римлянами, которые возстали противъ порочнаго первосвященника и позорнаго «правленія блудницъ», призвалъ къ себѣ на помощь короля Германіи, предлагая ему императорскую корону. Оттонъ съ радостью воспользовался случаемъ исполнить свое давнишнее желанье. Осенью (961), въ сопровожденіи Адельгейды, прошелъ онъ съ многочисленнымъ войскомъ черезъ Альпы и спустился въ долину Адиджа. Беренгаръ, покинутый своими войсками, искалъ защиты въ одномъ укрѣпленномъ замкѣ. Всѣ города отворяли королю ворота, епископы и графы выѣзжали къ нему на встрѣчу съ изъявленіемъ покорности; блистательно справлялъ онъ въ Павіи праздникъ Рождества. Въ февралѣ (962) Оттонъ двинулся въ Римъ, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ и гдѣ въ богато убранномъ храмѣ св. Петра, послѣ торжественнаго помазанія, онъ получилъ изъ рукъ папы корону и мечъ императора. Хотя и подтвердивъ напередъ за папою дары прежнихъ государей, онъ однакожь настоялъ на полномъ обладаніи тѣмъ самымъ верховнымъ правомъ, какимъ пользовался въ Римѣ Карлъ Великій; церковныя дѣла Германіи были устроены и рѣшены по его желанію. Но Іоанну вскорѣ пришлось раскаяться въ этомъ союзѣ. Поэтому, какъ скоро удалился Оттонъ, онъ, вопреки своей клятвѣ, вошелъ въ связь съ Беренгаромъ и старался возстановить противъ императора—и Венгровъ, и константинопольскій дворъ. Тогда Оттонъ вторично пришелъ въ Римъ (ноябрь 963): папа убѣжалъ изъ столицы; но императоръ, созвавъ торжественный соборъ, подъ собственнымъ предсѣдательствомъ, велѣлъ отрѣшить его за клятвопреступничество, измѣну и развратную жизнь, а на мѣсто его утвердилъ главою церкви избраннаго народомъ и духовенствомъ, Льва VIII. Съ тѣмъ вмѣстѣ взялъ онъ у Римлянъ заложниковъ и велѣлъ имъ присягнуть, «что отнынѣ они никогда не выберутъ и не посвятятъ папы безъ положительнаго согласія и подтвержденія со стороны императора». Напрасно хотѣли Римляне свергнуть это «верховное по-

кровительство» поднятіемъ явнаго мятежа; надежный мечъ Оттона и строгій его судъ доставили ему повиновеніе. «Какъ соколъ мычетъ и разметываетъ голубей», такъ дебелые нѣмецкіе всадники мгновенно разсѣяли слабыхъ Римлянъ. Вскорѣ и верхняя Италія подпала власти императора; Беренгаръ и недостойная его жена кончили жизнь заточенные въ Бамбергѣ. Но едва Оттонъ вышелъ изъ Рима съ своимъ войскомъ, какъ Іоаннъ возвратился туда опять (964), принудилъ новоизбраннаго папу къ бѣгству и жестоко отмстилъ своимъ противникамъ. Вскорѣ потомъ онъ умеръ отъ удара среди новыхъ распутствъ; но Римляне избрали себѣ, вмѣсто Льва VIII, другаго папу, чтобы оградить въ будущемъ свою свободу и независимость. Тогда Оттонъ опять явился у воротъ вѣчнаго города; сопротивленіе Римлянъ было имъ скоро преодолѣно; Левъ снова занялъ свое мѣсто, а соперникъ его умеръ въ почетномъ заключеніи, въ Гамбургѣ. Такимъ-то образомъ императорскій санъ сталъ удѣломъ священной римско-германской имперіи, или такъ-называемой римской имперіи германскаго народа. Съ тѣхъ поръ началась роковая связь Германіи съ Италіей, — связь, конечно благотворно вліявшая на образованіе, смягченіе нравовъ и историческое величіе суровой Германской земли, но бывшая также источникомъ «несказанныхъ золъ» не только для Италіи, но для всего германскаго народа. Отнынѣ политическій центръ тяжести Германіи лежалъ уже не на сѣверѣ, какъ было прежде; взоры императоровъ были съ тѣхъ поръ преимущественно устремлены на югъ. При третьемъ походѣ въ Римъ (966), Оттонъ совершилъ страшную расправу надъ шаткими его гражданами которые навлекли себѣ его гнѣвъ новымъ мятежемъ, и положилъ рѣшительный конецъ своевольству партій и вооруженныхъ шаекъ (967). Тогда же завязалъ онъ первые переговоры съ Константинополемъ, имѣвшіе слѣдствіемъ бракъ византійской цесаревны Ѳеофаны съ сыномъ его Оттономъ. Ліудпрандъ, епископъ кремонскій, человѣкъ очень умный и ловкій дѣлецъ, но не одаренный нравственнымъ достоинствомъ, служилъ посломъ и посредникомъ при этомъ случаѣ (§ 292, 300. Б. б.). Болѣе четырехъ лѣтъ тянулись перего-

воры, часто прерываемые войнами въ Апуліи; наконецъ-то Ѳеофана, привезенная въ Италію съ блистательною свитой (апр. 972), была обвѣнчана въ Римѣ съ молодымъ принцемъ и коронована. Въ слѣдующемъ году скончался императоръ Оттонъ Великій (6 мая 973) въ томъ самомъ замкѣ Мемлебенѣ, гдѣ почилъ его отецъ. Его глубоко огорчила смерть сподвижника его, Германа Билунга, который покинулъ свѣтъ мѣсяцемъ ранѣе своего государя. Со временъ Карла Великаго Западъ не видалъ властителя, равнаго Оттону по правительственной энергіи, величію духа и славѣ подвиговъ. Идеалъ его былъ тотъ же, какой представлялся нѣкогда Карлу Великому: оба стремились сомкнуть въ одну общую государственную связь весь римско-германскій міръ, точно такъ же какъ онъ былъ соединенъ въ одну церковь; установить въ немъ помощію христіанскихъ учрежденій прочный мирный порядокъ и совокупными силами всего западнаго христіанства окончательно низложить и покорить себѣ язычество.

Тѣло Оттона было положено въ церкви св. Морица, въ Магдебургѣ, рядомъ съ первою женой его Эдитою; на мраморной гробницѣ начертана простая латинская надпись слѣдующаго содержанія:

Мраморъ сокрылъ здѣсь того, кто при жизни былъ царь, христіанинъ,
Краю родному служилъ честью и лучшей красой.
Нѣтъ его,—и, втройнѣ потерпѣвъ, міръ тройною крушится печалью.

Благоговѣйное удивленіе, которое воздавали ему и современники и потомство, относилось столько же къ блеску его дѣлъ, сколько къ его личности и властительной натурѣ. «Съ перваго взгляда», говоритъ одинъ новѣйшій историкъ этой династіи, «можно было узнать въ Оттонѣ урожденнаго властителя, которому старость придавала только новое величіе и новую высоту! Фигура его дышала твердостью и силой, соединенными съ пріятною легкостью въ движеніяхъ; даже въ позднѣйшіе свои годы онъ все еще былъ славнымъ охотникомъ и ловкимъ ѣздокомъ; изъ-за загорѣлаго лица блистали свѣтлые, живые глаза; скудныя сѣдины едва прикрывали голову, но борода, вопреки древнему обычаю Саксовъ, спускалась длинными волнами на грудь, косматую подобно львиной. Одежду носилъ онъ туземную и избѣгалъ блеска чужестранныхъ затѣй; говорилъ онъ также только на своемъ саксонскомъ нарѣчіи, хотя зналъ нѣсколько по-романски и по-славянски. День его проходилъ среди трудовъ и

молитвъ, и между государственныхъ занятій и церковной службы; онъ дозволялъ себѣ только самый умѣренный отдыхъ ночью, и такъ какъ у него была привычка говорить во снѣ, то казалось, что онъ и тогда не предавался покою. Щедрый, милостивый, привѣтливый и радушный, онъ, естественно, привлекалъ къ себѣ сердца; однакожь его болѣе боялись, чѣмъ любили; гнѣвъ его падалъ тяжкою грозой, хотя годы и смягчили потомъ жестокость его права; престарѣлый императоръ бывалъ иногда безпощадно строгъ, и даже сынъ его, также вѣнчанный на царство, трепеталъ передъ грознымъ негодованіемъ льва, какъ самъ онъ обыкновенно называлъ своего родителя. Желѣзную силу воли, обнаруженную имъ еще въ юности, Оттонъ сохранялъ до самаго конца; онъ остался вѣренъ стремленію къ великимъ, достойнымъ подвигамъ, которое и подъ вечеръ жизни наполняло душу его юношескимъ пыломъ; украшеніемъ старости его остались и тѣ благородные дары, которые прославляли еще въ молодомъ Оттонѣ,—неизмѣнная вѣрность друзьямъ и великодушіе къ уничиженнымъ противникамъ. Простивши разъ, никогда не вспоминалъ онъ старое. Свое королевское и императорское достоинство ставилъ онъ чрезвычайно высоко. Корону, которою онъ считалъ себя обязаннымъ единому только Богу, никогда не возлагалъ онъ на голову, не приготовясь къ тому напередъ постомъ. Кто возставалъ противъ его царственнаго величества, тотъ былъ въ его глазахъ преступникомъ заповѣди Господней.»

§ 292. Оттонъ II (973—983). Оттонъ II обладалъ прекрасными способностями, обширнымъ образованіемъ и рыцарственнымъ строемъ души, но у него не было ни мудрости, ни царственнаго величія отца и дѣда. Вначалѣ, его умная мать Адельгейда имѣла сильное вліяніе на юнаго императора; но вскорѣ овладѣла его сердцемъ Гречанка-супруга, женщина энергическаго характера и топкаго образованія. Чуждая царевна, перенесшая къ саксонскому двору изъ дальней Византіи небывалую пышность и невѣдомыя житейскія наслажденія, возбуждала болѣе удивленія нежели любви въ новыхъ своихъ подданныхъ. Въ первыхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ своихъ юный императоръ имѣлъ передъ глазами образецъ отца. Онъ ослабилъ могущество двоюроднаго брата своего Генриха Спорщика баварскаго, тѣмъ, что отдалъ герцогство Швабію, гдѣ правила его сестра Гедвига, своему заду-

шевному другу Оттону, сыну Людольфа, а подчиненную до тѣхъ поръ Баваріи Восточную мархію (Австрію) возвелъ въ самостоятельное маркграфство и пожаловалъ Франконскому роду Бабенбергеровъ; когда же Генрихъ принялъ участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью свергнуть императора, онъ былъ взятъ и заточенъ въ Ингельгеймѣ. Вскорѣ потомъ вторженіе Датчанъ и Норвежцевъ въ за-эльбскій край (974) отозвало императора къ сѣверному рубежу имперіи; онъ прогналъ враговъ и снова овладѣлъ огромнымъ пограничнымъ валомъ, сооруженнымъ Саксами для своей обороны, но который потомъ отняли у нихъ Норвежцы и Датчане. Между тѣмъ герцогъ Генрихъ бѣжалъ изъ Ингельгейма и поднялъ знамя мятежа въ Баваріи. Страшная междоусобная война опустошала теперь края по Дунаю и Изару; однакожь и здѣсь одолѣли полки Оттона; Генрихъ скрылся въ Богемію; двадцать восемь его приверженцевъ были объявлены въ опалѣ и изгнаніи, и лишены всѣхъ имѣній. Баварское герцогство было умалено въ объемѣ: отъ него отошли Каринтія и Верона въ видѣ особой мархіи, а владѣнія Бабенбергеровъ по Дунаю у Богемскаго Лѣса, равно какъ и епископства Зальцбургъ и Пассау увеличились на его счетъ. Урѣзанное такимъ образомъ герцогство было потомъ соединено съ Швабіей. Недовольная этими мѣрами Адельгейда покинула дворъ и удалилась къ себѣ на родину, въ Бургундію. Имѣнія, отобранныя у баварскихъ мятежниковъ, большею частію поступили въ пользу церкви. Этими безпокойствами въ имперіи воспользовался французскій король Лотаръ, чтобы, за-одно съ нѣкоторыми недовольными Оттономъ графами, присвоить себѣ Лотарингію. Онъ проникъ до Ахена, и стоявшаго тамъ на Императорской площади, головой къ востоку, орла велѣлъ перевернуть на западъ въ знакъ того, что городъ долженъ принадлежать западному королевству. Тогда Оттонъ вступилъ съ великою ратью во Францію, безъ сопротивленія перешелъ Сену и занялъ Монмартръ; однакоже не смогъ взять Парижа (978), и долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что перепугалъ жителей громкимъ пѣніемъ Аллилуія, которое по его приказанію возгласилъ внезапно многочисленный хоръ духовныхъ лицъ. Вскорѣ потомъ (980) Лотаръ добровольно заключилъ миръ съ Оттономъ и

отказался отъ притязаній на Лотарингію.—Оттонъ возстановилъ также верховную власть Германцевъ въ Польшѣ и Богеміи, которыя старались избавиться отъ обязанностей лѣнной службы, и ревностно заботился о распространеніи христіанства въ этихъ малоизвѣстныхъ восточныхъ краяхъ. Упрочивъ и расширивъ отцовское наслѣдіе въ Германіи, молодой императоръ захотѣлъ идти по его слѣдамъ и въ Италіи, съ тѣмъ чтобы соединить за-альпійскія земли съ нѣмецкими въ одно цѣльное государство. Сопровождаемый женою, маленькимъ сыномъ и многочисленною рыцарской молодежью, жаждавшею поравняться въ подвигахъ съ предками, перешелъ онъ Альпы; въ Павіи примирился съ матерью своей Адельгейдой и потомъ черезъ Равенну двинулся на Римъ, гдѣ сынъ младшей Теодоры, Кресценцій, забралъ въ руки всю власть, угнеталъ папу и гражданъ произвольною таранніей и, ставя ни во что верховныя права императора, сажалъ на престолъ св. Петра своихъ клевретовъ. Оттонъ возвратилъ папѣ прежній почетъ, принудилъ Кресценція бѣжать въ монастырь на Авентинѣ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ, и расположился съ своимъ блистательнымъ дворомъ неподалеку отъ церкви св. Петра, въ той части Рима, которую папа Левъ IV возстановилъ и присоединилъ къ городу [1]; сюда съѣхалось къ нему множество епископовъ, герцоговъ, графовъ и разныхъ господъ изъ Италіи, Бургундіи и Франціи, и каждый наперерывъ старался снискать его благосклонность. На прогулкѣ въ Албанскихъ горахъ обсудилъ онъ съ преданными ему вельможами смѣлый планъ освободить христіанство отъ великой напасти изгнаніемъ изъ нижней Италіи и Сициліи Сарацынъ, которые своими дикими набѣгами не давали цѣлому югу покоя. Но предпріятіе это могло быть успѣшно выполнено только тогда, когда вся Италія была бы послушна западному императору; поэтому въ то же время рѣшено отнять Апулію и Калабрію у Византійцевъ. Въ качествѣ Ѳеофанина супруга, Оттонъ считалъ себя въ правѣ предъявить на эти земли наслѣдственныя притязанія. Съ помощью лангобардскихъ князей, которымъ

[1] Это нынѣшній Rione di Borgo, къ западу отъ Тибра, заключающій въ себѣ, кромѣ храма св. Петра, Ватиканъ и замокъ св. Ангела.

Оттонъ Великій далъ въ лѣнное владѣніе Капуу, Беневентъ, Сполето и друг. м., императоръ покорилъ Неаполь (981), вступилъ въ область сильнаго на морѣ города Амальфи и праздновалъ Рождество въ Салерно; вскорѣ Бари и Тарентъ также подпали его власти; арабскій полководецъ Абулькасемъ, противуставшій ему съ значительнымъ войскомъ, вынужденъ былъ уступить мужеству христіанскихъ рыцарей (982) и погибъ, оплаканный и чествуемый своими какъ мученикъ. Но когда, съ небольшою дружиной отборныхъ ратниковъ, Оттонъ отважился зайдти слишкомъ далеко впередъ, Арабы, собравшіеся между тѣмъ въ горахъ, напали на него внезапно и, неподалеку отъ морскаго берега, къ югу отъ Котроне, на неизвѣстномъ теперь урочищѣ, разбили его совершенно (13-го іюля 982). Только словно какимъ-то чудомъ спасся императоръ на греческое судно и потомъ достигъ дружественнаго берега уже вплавь; но много нѣмецкихъ и итальянскихъ дворянъ погибло отъ руки враговъ или въ волнахъ моря. «Подсѣченный мечемъ»,— говоритъ одинъ современникъ, — «палъ тогда лучшій цвѣтъ отечества, краса бѣлокудрой Германіи,— утрата тѣмъ болѣе тяжкая для императора, что ему пришлось видѣть собственными глазами, какъ народъ Божій былъ преданъ въ руки Сарацынъ, какъ слава всего христіанства попиралась ногами язычниковъ». Избѣгнувшіе меча, или погибли отъ палящаго зноя и томительной жажды, или уведены были въ Египетъ, невольниками. Послѣ этого пораженія въ такъ-называемой битвѣ при Базантелло, печально воротился Оттонъ съ остаткомъ своихъ войскъ черезъ Капуу и Салерно въ Римъ. Апулія и Калабрія снова достались въ руки непріятелю; въ верхней Италіи и на сѣверномъ рубежѣ Германіи собирались тучи мятежа. Однакожь Оттонъ не терялъ мужества. На многолюдномъ сеймѣ въ Веронѣ (983), куда съѣхались духовные и свѣтскіе вельможи изъ всѣхъ земель по сю и по ту сторону Альповъ, предполагалъ онъ окончательно рѣшить соединеніе Италіи и Германіи въ одну державу. Здѣсь, безъ прекословія, назначенъ въ преемники ему трехлѣтній его сынъ; его мать Адельгейда посажена намѣстницею въ Италійскомъ королевствѣ, а Баварія и Швабія, которыя остались праздны за кончиною герцога Оттона на

возвратномъ пути изъ Италіи, пожалованы были преданнымъ двору вельможамъ. За тѣмъ императоръ началъ снаряжаться къ новому походу въ нижнюю Италію, но когда онъ прибылъ въ Римъ, печальныя вѣсти изъ роднаго края, гдѣ Датчане снова завладѣли порубежнымъ валомъ и производили опустошительные набѣги на за-эльбскую страну, а Венды, свергнувъ нѣмецкое иго, на развалинахъ Бранденбурга и Гавельбурга опять возстановили мрачное идолопоклонство, — все это такъ сильно подѣйствовало на его здоровье, что онъ занемогъ горячкою и умеръ едва достигнувъ 28 лѣтъ. Съ великою торжественностью схоронили его на паперти старой церкви св. Петра. Громадная плита порфира, нѣкогда покрывавшая его гробъ, служитъ теперь купелью въ новомъ храмѣ. Слава неодолимости Германцевъ исчезла вполнѣ, когда императорскій скиптръ перешелъ въ руки ребенка.

§ 292. б. Оттонъ III (983 — 1002). Князья были еще всѣ въ сборѣ въ Ахенѣ, по случаю торжественной коронаціи четырехлѣтняго Оттона III, когда пришла туда горестная вѣсть о кончинѣ императора и наполнила всѣ сердца боязнымъ ожиданіемъ грядущаго. Генрихъ Спорщикъ, освобожденный изъ-подъ стражи, тотчасъ объявилъ притязанія на управленіе имперіей въ малолѣтство Оттона, устраняя материнскія права Ѳеофаны. Онъ овладѣлъ юнымъ государемъ, былъ признанъ со стороны большей части духовныхъ сановниковъ и значительнаго числа свѣтскихъ вельможъ и помышлялъ уже о томъ, какъ присвоить себѣ корону. Каролингскому королю Лотару во Франціи обѣщалъ онъ Лотарингію въ награду за союзъ, а Богемскій герцогъ, у котораго онъ также искалъ помощи, захватилъ уже въ свои руки крѣпость Мейсенъ. Въ такой бѣдѣ, благоразумный и вѣрный Виллигисъ, котораго Оттонъ I изъ низкаго знанія (по воздѣйшимъ разсказамъ онъ былъ сынъ телѣжника) возвелъ нѣкогда въ санъ архіепископа майнцскаго, спасъ молодому государю и корону и имперію. Онъ вызвалъ изъ Италіи обѣихъ вдовствующихъ императрицъ, склонилъ на свою сторону франконскихъ и швабскихъ графовъ и знатныхъ владѣльцевъ, съ помощію архіепископа реймсскаго и ученаго Герберта пріобрѣлъ себѣ сторонниковъ въ Лотарингіи и своею

ловкой дѣятельностью до того ослабилъ партію Генриха, что тотъ былъ принужденъ выдать царственнаго ребенка матери, отказаться отъ королевскаго сана, котораго домогался до тѣхъ поръ, и торжественно разрѣшить отъ даннаго ему обѣта всѣхъ имперскихъ васалловъ, которые уже признали его своимъ главою. Ѳеофана, признанная опекуншей и правительницей, отправилась вмѣстѣ съ Адельгейдой и малолѣтнымъ императоромъ въ Саксонію (985). Но Генрихъ смирился вполнѣ только въ слѣдующемъ году, обѣщавъ законному владыкѣ неизмѣнную вѣрность и усердную службу, за что и получилъ опять свое баварское герцогство. Прежній владѣлецъ этого края былъ вознагражденъ Каринтіею и Веропою. Съ этихъ поръ Генрихъ велъ себя такъ, что народъ отмѣнилъ прежнее его прозвище «Спорщикъ», и величалъ его уже «Миролюбцемъ». Борьба кончилась въ пользу начала законности и общественное мнѣніе стояло за наслѣдственность короны; не поколебалось среди крамолъ и «римское императорство германской націи». Одни только неблагопріятныя обстоятельства помѣшали потомъ развитію вполнѣ-наслѣдственной монархіи [1]. — Ѳеофана управляла государствомъ съ энергіей и умомъ. По странной игрѣ случая, въ Константинополѣ царствовали въ то же время ея братья, такъ что судьба Восточной и Западной имперій находилась въ рукахъ одной и той же династіи. Мейсенъ былъ снова пріобрѣтенъ храбрымъ маркграфомъ Экардомъ тюрингенскимъ, а для того, чтобы борьба съ Вендами шла успѣшнѣе, правительница раздѣлила бывшую область Герона на три особыя мархіи: Сѣверную, Восточную, или Лужицкую, и Тюрингенскую. Она благоразумно ограждала интересы Германской имперіи какъ въ Италіи, такъ и въ борьбѣ за французскій престолъ между Гюгономъ Капетомъ и послѣдними Каролингами (§ 279). Только на сѣверѣ владычество Германцевъ и зачатки христіанства потерпѣли сильный ударъ, когда датскій король Гаральдъ Синезубъ (котораго Оттонъ I вынудилъ принять крещеніе) былъ предательски убитъ въ

[1] А между тѣмъ вся послѣдующая исторія Германіи пошла бы въ такомъ случаѣ совсѣмъ инымъ путемъ.

войнѣ съ собственнымъ сыномъ, Свеномъ Вилобородымъ (985). Тогда уничтожились основанныя при Оттонѣ I епископства, и Евангеліе сохранило въ тѣхъ странахъ лишь немногихъ робкихъ приверженцевъ, а напротивъ въ древнихъ идольскихъ рощахъ снова все ожило на старый ладъ. Но это было послѣднимъ торжествомъ для чтителей Одина. Не много лѣтъ спустя, самъ Свенъ принялъ христіанскую вѣру; язычество умерло своею собственной немощью. Между тѣмъ разбойничьи набѣги норманнскихъ викинговъ и опустошительныя высадки ихъ по фризскимъ и англійскимъ берегамъ были такъ же страшны и подъ хоругвію креста, какъ прежде подъ знаменемъ Тора. — Среди ревностныхъ стремленій сохранить единство имперіи, Ѳеофана умерла скоропостижно въ Нимвегенѣ, на Рейнѣ (іюнь 991). Нѣжное растеніе болѣе мягкой страны, не могла она, съ своимъ тонкимъ образованіемъ и привычкой къ изящнымъ формамъ жизни, чувствовать себя счастливой на суровомъ сѣверѣ, среди грубаго, дебелаго народа. Она скончалась всего тридцати лѣтъ. Права попечительства перешли теперь къ Адельгейдѣ, но при ней состоялъ верховный совѣтъ изъ духовной и свѣтской знати, среди котораго разсудительный Виллигисъ майнцскій пользовался величайшимъ почетомъ въ званіи архиканцлера. Ѳеофана и Адельгейда обѣ старались дать отличное воспитаніе молодому, прекрасному и богато-одаренному Оттону, передъ которымъ открывалось такое великое поприще. Іоаннъ, родомъ изъ Калабріи, впослѣдствіи епископъ піаченцскій, былъ наставникомъ его въ греческомъ языкѣ; первоначальнымъ его воспитаніемъ руководилъ Бернвардъ, нѣмецкій ученый, знатнаго происхожденія и многосторонникъ познаній, бывшій потомъ епископомъ въ Гильдесгеймѣ, а позже оно довершено ученымъ Гербертомъ, котораго пригласилъ къ себѣ самъ Оттонъ. При этихъ пособникахъ любознательный юноша пріобрѣлъ такой необыкновенный запасъ свѣдѣній, что его называли «чудомъ свѣта». Но сознаніе великаго призванія своего въ качествѣ прямаго потомка Восточныхъ и Западныхъ императоровъ рано надмило его высокомѣріемъ и гордостью; ему нравилась лесть, и онъ скорѣе готовъ былъ слѣдовать внушеніямъ своей собственной

прихоти, чѣмъ благоразумному совѣту старшихъ. Превосходя большую часть современниковъ въ ученыхъ знаніяхъ, особенно въ знаніи языковъ, онъ не оказалъ въ управленіи суровымъ, воинственнымъ народомъ ни надлежащей силы, ни осмотрительности. Между тѣмъ какъ онъ тѣшился въ Магдебургѣ учеными словопреніями, въ Германіи ожило опять выборное герцогство, которое такъ успѣшно низложилъ было Оттонъ I; духовные и свѣтскіе вельможи стремились занять болѣе независимое положеніе, а Польша и Венгрія расторгли связь свою съ нѣмецкою землей. Когда Оттону минуло пятнадцать лѣтъ, опекунское управленіе кончилось, и Адельгейда удалилась въ свой вдовій удѣлъ, въ Альзаціи. Для возстановленія императорства въ полномъ блескѣ по сю и по ту сторону Альповъ, молодой государь немедленно предпринялъ, по совѣту Виллигиса, походъ въ Италію. Съ многочисленною дружиной прошелъ онъ черезъ Бреннеръ и долину Адиджа (996), принялъ въ Павіи изъявленія покорности духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ Ломбардіи и, прибывъ въ Римъ, былъ торжественно помазанъ и вѣнчанъ, въ качествѣ императора, патриція и верховнаго покровителя церкви, Григоріемъ V, родственникомъ Саксонскаго владѣтельнаго дома, котораго самъ Оттонъ возвелъ на папскій престолъ. Іоаннъ Кресценцій, долго властвовавшій тиранически подобно своему отцу, покорился новому повелителю и обѣщалъ ему вѣрность и повиновеніе. Такимъ образомъ въ главѣ Запада стали одновременно Нѣмецъ папа и Нѣмецъ императоръ, и гордость Оттона возвысилась еще болѣе отъ столь быстраго и счастливаго хода дѣлъ. Но едва онъ воротился въ Германію, какъ Кресценцій уже нарушилъ свою клятву (997), выгналъ папу, нажившаго себѣ многихъ враговъ строгимъ блюстительствомъ за чистотою нравовъ, и посадилъ на папскій престолъ того самаго Іоанна, который нѣкогда училъ Оттона греческому языку. Тогда Оттонъ вторично пошелъ въ Римъ (998); изгнанный папа, его родственникъ, примкнулъ къ этому походу и оба съ угрозами подступили къ воротамъ города, которыя тотчасъ передъ ними отворились. Іоаннъ, при взятіи его подъ стражу, былъ ослѣпленъ и изувѣченъ нѣмецкими воинами, а потомъ, по

приказанію жестокосердаго Григорія, лишенъ епископскаго облаченія, посаженъ на осла задомъ напередъ и въ такомъ видѣ возимъ по улицамъ. Кресценцію, по взятіи приступомъ замка св. Ангела, отсѣкли голову, и рядомъ съ его повѣшеннымъ трупомъ двѣнадцать соучастниковъ его распяли на крестѣ. Съ неумолимой строгостью подавлена была строптивость римской знати, и достоинству императора и папы возвращены ихъ полное значеніе и вѣсъ. Въ слѣдующемъ году (999) Григорій умеръ еще въ цвѣтѣ мужества, и императоръ вручилъ санъ верховнаго первосвященника своему ученому другу, Герберту, котораго онъ сдѣлалъ передъ тѣмъ архіепископомъ равеннскимъ. Въ апрѣлѣ того же года посвященъ онъ въ папы, подъ именемъ Сильвестра II. Полный удивленія къ древнему Риму, Оттонъ III, бывшій и безъ того уже больше Грекомъ, нежели Германцемъ въ глубинѣ души, отдался теперь мысли возстановить древнюю римскую державу въ полномъ ея величіи и могуществѣ, снова сдѣлать «золотой Римъ» первымъ городомъ имперіи, мѣстопребываніемъ государя и средоточіемъ подсолнечной, и окружить свой престолъ торжественною пышностью греческихъ императоровъ. Древне-римскій сенатъ съ его мудростью, тріумфы и побѣдныя торжетсва Траяна и Марка Аврелія, и константинопольскій дворъ съ его полуантичнымъ, полувосточнымъ велелѣпіемъ — вотъ заколдованный кругъ, въ которомъ постоянно вращались мысли восторженнаго юноши. Эти мысли занимали его даже среди строгихъ подвиговъ покаянія и въ странствіяхъ на богомолье, которыя онъ часто совершалъ. Въ душѣ молодаго государя тяжко боролись самыя противоположныя движенія — мірское могущество и отреченіе отъ міра, гордость властителя и самоуниженіе, — боролись, и не доставляли ему желаннаго покоя. Въ то самое время, какъ онъ носился съ самыми высокопарными идеями міродержавства, когда въ своемъ авентинскомъ дворцѣ онъ окружалъ себя поразительно-чуднымъ церемоніаломъ и необыкновенною пышностью, и намѣревался дать кодексу Юстиніана значеніе имперскаго права на всемъ Западѣ, — тогда же ему вдругъ приходило въ голову жить смиреннымъ, самоотверженнымъ отшельникомъ въ ка-

кой-нибудь пещерѣ близъ Санъ-Клементе или въ Субіако, странствовать босикомъ по гробницамъ мучениковъ и, повидимому, ставить ни во что все земное. Впрочемъ эта наклонность къ подвигамъ покаянія, искупленія грѣховъ и самоистязанія, становилась болѣе и болѣе общею, чѣмъ ближе подходилъ тотъ тысячный годъ, который многіе на христіанскомъ Западѣ принимали за конецъ міру. Оттонъ съ своихъ помыслахъ о міродержавствѣ постоянно имѣлъ передъ глазами примѣръ Карла Великаго, и онъ всячески старался пробуждать въ народѣ память этого монарха. Поэтому, когда въ слѣдующемъ году кончина его бабки Адельгейды (декабрь 999) въ Зельцскомъ монастырѣ и предшествовавшая ей за нѣсколько мѣсяцевъ смерть любимой тетки его, Матильды, въ Кведлинбургѣ, вызвали его опять на родину, онъ посѣтилъ гробницу великаго короля Франковъ въ Ахенѣ и сошелъ въ открытый для него склепъ, чтобы лицезрѣніемъ славнаго властителя, который и на ложѣ смерти сохранялъ всю величавость, еще болѣе одушевиться къ исполненію своихъ громадныхъ, но неясныхъ и фантастическихъ замысловъ. И въ то самое время, какъ онъ мечталъ вознестись превыше своего народа и съ одной вершины могущества подниматься все дальше и дальше на другую, почва исчезала у него изъ-подъ ногъ и онъ стремглавъ оборвался въ бездну. Въ Германіи духовные и свѣтскіе вельможи пріобрѣтали болѣе и болѣе независимости; съ сѣвера и востока предѣлы государства потерпѣли ущербъ и дѣло христіанской вѣры снова пострадало; въ Польшѣ и Венгріи возникли самостоятельныя королевства; самый Римъ и другіе города готовы были возстать и отложиться отъ императора. Чтобы снова утвердить здѣсь власть свою, Оттонъ предпринялъ третій походъ за Альпы (1001); но знаки неблагодарности, которые вездѣ встрѣчалъ онъ на пути, и огорченіе тѣмъ, что старый, отчій другъ его, Виллигисъ, разсорился съ папою и со всѣмъ императорскимъ домомъ за права надзора надъ Гандерсгеймскимъ монастыремъ, подѣйствовали такъ сильно на раздражительную душу молодаго государя, что онъ преждевременно сошелъ въ могилу, въ городкѣ Патерно, у Соракте, въ виду Рима, не достигнувъ даже двадцати-двухлѣт-

няго возраста (23 янв. 1002). Онъ умеръ холостой, и съ нимъ пресѣклось блистательное время Оттоновъ. Съ небольшимъ черезъ годъ послѣдовалъ за нимъ ученый другъ его, папа Сильвестръ II (12 мая 1003). Народная молва приписала смерть царственнаго юноши мщенію одной Итальянки.

Не легко могла исчезнуть память молодаго императора, отличавшагося такимъ страннымъ, фантастическимъ настроеніемъ и постигнутаго такой злополучною судьбою; изъ преждевременной могилы Оттона возникли поэтическія сказанія сохранили воспоминаніе о немъ въ народѣ долѣе чѣмъ трезвый, сдержанный отголосокъ исторіи. Уже рано утвердилось повѣрье, что Оттонъ погибъ жертвою любовной измѣны; не могли представить себѣ, чтобъ это пламенное сердце, столь воспріимчивое къ чувствамъ дружбы, осталось недоступнымъ увлеченію любви. По словамъ самаго распространеннаго преданія, Кресценціева вдова, прекрасная, но гордая и бездушная Римлянка Стефанія, приковала къ себѣ своими чарами сердце юноши, и когда онъ предался ей вполнѣ, она отмстила ему за смерть мужа отравой. Въ этомъ сказаніи лежитъ глубокая истина, но не дочь Рима, а самъ вѣчно-очаровательный Римъ предалъ и погубилъ вѣнчаннаго юношу.

§ 292. *в.* Образованность при Оттонахъ. Возстановленіе римскаго императорства Оттономъ Великимъ было для всего христіанскаго Запада полнымъ будущности событіемъ. Въ нѣмецко-римской имперіи разорванныя государства того времени нашли себѣ общее единство и средоточіе; непрерывная связь съ Италіей дала сильный толчокъ распространенію искусствъ и наукъ въ нѣмецкую землю; государыни-иностранки, узнавшія въ Италіи и Константинополѣ цѣну и преимущества основательнѣйшаго образованія и болѣе утонченныхъ формъ быта, лелѣяли и поощряли умственную жизнь и поддерживались въ своихъ стремленіяхъ не только туземными и иностранными прелатами, каковы Виллигисъ, Бернвардъ, Гербертъ и друг., но и нѣкоторыми членами Саксонско-императорскаго дома, напримѣръ—обѣими сестрами Оттона II. Благодаря этому, въ Магдебургѣ, Галле, Бременѣ, Бардевикѣ и друг. мѣстахъ развилось цвѣтущее образованіе; въ нѣмецкихъ городахъ возникли прекрасные соборные храмы и монастырскія зданія, оставившіе далеко за собою постройки каролингскихъ временъ; въ Саксоніи новые успѣхи умствен-

ной жизни ознаменовались столько же улучшеннымъ земледѣліемъ и процвѣтаніемъ городской и промышленной жизни, сколько, съ другой стороны, благолѣпіемъ церковнаго богослуженія, возвышаемымъ музыкою и пластическимъ искусствомъ, и т. п. И если это высокое образованіе исчезло потомъ снова среди суровой военной тревоги послѣдующихъ годовъ, если математическія свѣдѣнія какого-нибудь Герберта, латинскія стихотворенія Гросвиты, зачатки архитектуры и музыки мало принесли дальнѣйшихъ плодовъ, то по крайней мѣрѣ основанныя Оттонами учебныя заведенія (въ числѣ которыхъ учрежденная братомъ Оттона I, Брупомъ, кельнская школа занимала первое мѣсто) сохраняли и послѣ сѣмена образованія. Отрадное развитіе подъ вліяніемъ новаго поощренья получили монастырскія училища; Санктъ-Галленъ и Рейханау достигли лучшаго своего цвѣта; въ Герсфельдѣ, Фульдѣ и Корвеѣ занимались науками съ величайшею охотою; мало этого: даже въ женскихъ монастыряхъ, Гандерсгеймскомъ и Кведлинбургскомъ, дѣвочки, рядомъ съ житіями святыхъ, вскорѣ стали читать Виргилія и Теренція. Императорскій дворъ Оттоновъ былъ сборищемъ замѣчательныхъ головъ цѣлаго Запада; ученое образованіе того времени собралось какъ въ фокусѣ въ Магдебургѣ и Кведлинбургѣ, и оттуда расходилось во всѣ нѣмецкія земли. Новолатинская наука и литература, созданная церковью на основаніи древнеримской образованности, перешла въ германскій народъ, а съ нею и классическая литература древнихъ Римлянъ; но всему, что принимали въ себя Германцы, сообщали они тотчасъ особенную печать своего собственнаго духа. Они писали на римскомъ языкѣ, но писали о германскихъ предметахъ и съ германскими воззрѣніями. — Гербертъ (род. ок. 950), человѣкъ всемірной извѣстности, учился у Арабовъ въ Барселонѣ, былъ нѣкоторое время архіепископомъ реймсскимъ во Франціи, и хотя былъ родомъ Французъ, изъ Оверни, однакожь вполнѣ сроднился и съ Германіей и съ Италіей; онъ, заодно съ чужеземками-императрицами, съ сестрою Оттона II, Матильдой, игуменьей Кведлинбургскаго монастыря († 999), и съ родственницею ея Гербергой, игуменьей въ Гандерсгеймѣ, поднялъ на ноги римско-греческое образованіе; но будучи чело-

вѣкомъ безъ характера, падкимъ на внѣшній блескъ и мірскія почести и доступнымъ подслужничеству и лести, не могъ оказать благотворнаго вліянія. Гербертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ ученыхъ, которымъ равно знакомы и житейскія дѣла и царство идей, которые съ безпредѣльной воспріимчивостью усвоиваютъ себѣ всѣ возможные предметы, легко проникаютъ всякія отношенія и со всякими умѣютъ совладать, которымъ умственныя средства никогда не измѣняютъ и которыхъ силы не истощаются повидимому даже самою многообразною дѣятельностью. Весьма важны для знакомства съ его временемъ «Письма» Герберта, числомъ 230. Небольшое сочиненіе «Наставленіе епископамъ», гдѣ онъ, по возведеніи его на папскій престолъ, изложилъ начала, которыми намѣренъ руководиться въ своемъ апостольскомъ званіи, доказываетъ, что объ епископской и священнической власти онъ имѣлъ самыя высокія понятія, но зато и отъ клирика требовалъ вполнѣ безпорочной жизни, и почиталъ жесточайшею язвою церкви—симонію, то есть покупку деньгами церковныхъ имуществъ и священнослужебныхъ должностей. Благотворнѣе и полезнѣе для народа была дѣятельность двухъ другихъ духовныхъ сановниковъ, Бернварда, епископа гильдесгеймскаго, и Мейнверка, епископа падерборнскаго, которые употребляли свои познанія и умѣнье въ зодчествѣ, ваяніи и живописи для возвышенія искусствъ и ремеслъ въ сѣверной Германіи. Бернвардъ, человѣкъ многосторонняго, живаго ума, былъ всѣхъ болѣе способенъ пробудить въ землякахъ своихъ, Саксонцахъ, техническую сноровку и научное направленіе. Въ его время Гильдесгеймъ отличался передъ всѣми другими городами красивостью построекъ. — Успѣхамъ образованія и утонченности быта, поощряемымъ Оттонами, особенно содѣйствовало открытіе гарцскихъ серебряныхъ рудниковъ, потому что порожденный этимъ приливъ монеты значительно поднялъ торговлю, промышленность и весь уровень общественнаго быта. Маклера всѣхъ торговыхъ и вексельныхъ сдѣлокъ, Ломбардцы и Жиды, начали съ тѣхъ поръ приливать въ Германію и тѣсниться къ саксонскому двору. Необходимымъ послѣдствіемъ всего этого было размноженіе городовъ, приращеніе гражданственности и разныхъ городскихъ

учрежденій. Вездѣ замѣчаемъ мы въ это время появленіе необыкновеннаго избытка пробуждающихся силъ. Это не осень съ ея плодами, не лѣто съ его роскошнымъ ковромъ цвѣтовъ, и даже еще не полная весна съ ея свѣжею листвой; это та пора, когда только-что начинаетъ всходить ранній посѣвъ, а лѣсъ представляетъ издали еще совсѣмъ обнаженныя вѣтви, на которыхъ однако пытливый взоръ различитъ уже вблизи полныя наливныя почки, которымъ нуженъ только первый пригрѣвъ солнца, чтобы лопнуть и раскрыться въ листокъ.—Во главѣ посольства, которое искало для Оттона II руки византійской царевны Ѳеофаны, стоялъ образованный, но суетный повѣствователь Ліутпрандъ, сочинившій хвастливое и крайнеоскорбительное для Грековъ описаніе этого путешествія. Въ 997 году погибъ отъ руки язычниковъ Пруссовъ, листовско-славянскаго племени на берегу Балтики, старый другъ Оттона III, архіепископъ Адальбертъ пражскій, происхожденіемъ благородный Чехъ, котораго вся жизнь дѣлилась между подвигами иноческаго покаянія и проповѣдью христіанства въ отдаленныхъ мѣстностяхъ; онъ хотѣлъ перенести благодать Евангелія и къ Пруссамъ, но былъ убитъ по наущенію одного жреца. Польскій герцогъ Болеславъ велѣлъ похоронить тѣло святаго мученика въ Гнезнѣ (1000); необыкновенно привязанный къ усопшему, молодой императоръ предпринялъ туда благочестивое путешествіе, и на могилѣ своего друга положилъ основаніе польской церкви и первому архіепископству въ той странѣ.

§ 293. Послѣ немалой борьбы съ другими соискателями престола (маркграфомъ мейсенскимъ Экардомъ и Германомъ швабскимъ), верховной власти достигъ, при помощи доблестнаго архіепископа Виллигиса, баварскій герцогъ Генрихъ II, внукъ брата Оттона I (1002—24); но съ трудомъ успѣлъ онъ удержать за собою эту власть среди тяжкихъ войнъ противъ своихъ же соотечественниковъ, противъ Итальянцевъ и Славянъ. Въ то самое время какъ онъ пошелъ на неугомонныхъ и измѣнчивыхъ Лотарингцевъ и боролся съ своевольными герцогами и маркграфами туземныхъ областей, Поляки, предводимые своимъ отважнымъ герцогомъ Болеславомъ, вторгнулись въ восточныя украйны Германіи и

опустошили весь край до Эльбы, а Ломбарды, состоявшіе въ ту пору большею частію подъ владычествомъ своихъ епископовъ, старались воспользоваться смутами и усобицами имперіи, чтобы возстановить свою независимость. Генрихъ двинулся къ берегамъ По и въ Павіи получилъ корону. Но въ слѣдующую же ночь поднялся такой сильный народный мятежъ, что король былъ спасенъ отъ убійства и огня только непоколебимымъ мужествомъ своей нѣмецкой дружины. Свое благочестіе и преданность церкви и духовенству Генрихъ заявилъ основаніемъ епископства и соборнаго храма въ Бамбергѣ, любимомъ мѣстопребываніи своемъ съ юныхъ лѣтъ, въ живописномъ уголкѣ Франконіи, у подошвы «Альтенбурга», равно какъ и другими церковными сооруженіями; это усердіе къ вѣрѣ доставило впослѣдствіи какъ ему, такъ и единомысленной супругѣ его Кунигундѣ, наименованіе святыхъ. Прекрасный соборный храмъ съ четырьмя стройными башнями въ романскомъ стилѣ остается благороднымъ памятникомъ художественнаго вкуса Германцевъ, пробужденнаго тѣсной связью съ Италіей. При освященіи этого собора самимъ папою, императоръ получилъ, колѣнопреклоненный, изъ его рукъ знаменія власти, скиптръ и золотую державу; и хотя при своихъ походахъ въ Римъ онъ по прежнему являлся верховнымъ покровителемъ священнаго города, однакожь выше упомянутый обрядъ послужилъ для слѣдующихъ папъ прямымъ поводомъ считать германско-императорскую корону своимъ лэномъ. Послѣ третьяго похода, совершеннаго по просьбѣ папы противъ Грековъ въ нижнюю Италію, Генрихъ скончался въ своемъ замкѣ Гронѣ (Grona), неподалеку отъ Геттингена. Какъ ни обильно было его царствованіе войнами, тревогами и несчастіями, пріобрѣтенія Оттоновъ все-таки не потерпѣли при немъ ущерба. «Священная римская имперія германской націи» осталась по прежнему; господство надъ Италіею не поколебалось; Германія все еще была «свѣтиломъ и ядромъ западнаго міра». Это прочное установленіе великаго государственнаго тѣла, котораго членами чувствовали себя всѣ германскія племена, и пробужденіе въ нихъ общаго народнаго сознанія было важнѣйшимъ плодомъ возстановленія западнаго императорства. Только во время Оттоновъ сово-

купность всѣхъ племенъ, говорящихъ нѣмецкой рѣчью и соединенныхъ въ одно государство, стала обозначаться общимъ именемъ «Нѣмцевъ» (Deutsche). Противоположеніе съ Италіей возбудило въ нихъ сознаніе своей національности, своего общенароднаго единства.

2. Салійско-Франконскій императорскій домъ (1024—1125).

§ 294. Конрадъ II (1024—1039), возведенный на древній королевскій престолъ духовными и свѣтскими князьями въ цвѣтущей Рейнской долинѣ при Оппенгеймѣ, больше заботился о расширеніи государства, о пріобрѣтеніи воинской чести и рыцарской славы, чѣмъ о водвореніи спокойнаго и мирнаго правленія. Заставивъ измѣнчивыхъ Итальянцевъ, въ особенности упорнаго и воинственнаго епископа миланскаго Гериберта, признать его верховную власть и принявъ въ Миланѣ ломбардскую желѣзную корону, а въ Римѣ съ большою торжественностію — вѣнецъ императора, онъ принудилъ бездѣтнаго короля Рудольфа бургундскаго признать права имперіи на Арелатское королевство и, по смерти его, возложилъ на себя бургундскую королевскую корону (1033). Въ составъ этого Арелатскаго королевства (§ 277) входили юговосточныя области Франціи: Провансъ, Дофинѣ, Франшъ-Конте, Ліонская область; западная Швейцарія (Женева, Ваадтъ, и др.) и Савойя. Но это вовлекло его въ многочисленные раздоры, отчасти съ бургундскими вельможами и епископами, которые считали себя независимыми владѣльцами и отказывались повиноваться ему, отчасти съ собственнымъ пасынкомъ Эрнстомъ швабскимъ, предъявившимъ ближайшія права на королевство и поднявшимъ знамя бунта въ южной Германіи, при помощи своего друга Вельфа. Оба пали послѣ отважной борьбы, но подвиги и судьбы рыцарскаго герцога Эрнста перешли въ народное сказаніе и поэзію. По Золотурнскому договору, Бургундія была присоединена къ Нѣмецкой имперіи. Къ этому времени относится установленіе подъ вліяніемъ епископовъ,

благодѣтельнаго «Божьяго мира» (treuga Dei), по которому съ четверга вечеромъ и до понедѣльника утромъ, слѣдовательно во всѣ дни недѣли, получившіе высшее значеніе по отношенію къ земной жизни Спасителя, должны были прерываться всякая война, всѣ дѣла мести и самоуправства; это установленіе, получившее силу въ Италіи и Германіи при франконскихъ императорахъ, особенно въ смутную эпоху Генриха IV, благотворно ограничило хищничество и усобицы силою религіи и освященнаго ею обычая. Страшный голодъ и смертность, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ опустошавшіе Европу въ это царствованіе, считались карою Божіей за нечестіе людей, и духовенство воспользовалось ими для водворенія этого священнаго мира, обѣщаннаго самимъ Спасителемъ. Беззащитный народъ съ жадностію ухватился за предложенное ему благо, какъ за якорь спасенія. — Польша и Богемія были поставлены въ лѣнную зависимость отъ имперіи; напротивъ Шлезвигъ уступленъ Кануту Великому (§ 285) и рѣка Эйдеръ признана границею нѣмецкой державы. На своемъ второмъ походѣ въ Римъ, Конрадъ утвердилъ новымъ лѣннымъ закономъ (1037) наслѣдственность малыхъ лэновъ въ Германіи и Италіи, и опредѣлилъ обязанности, денежныя и натуральныя повинности лѣнниковъ въ отношеніи къ императору. Только тотъ могъ быть лишенъ своего лэна, кто признанъ виновнымъ въ какомъ-нибудь преступленіи по суду, составленному изъ лицъ одного званія съ подсудимымъ. Это постановленіе разъединило и ослабило силу вельможъ, освободило васалловъ отъ произвола большихъ лѣнниковъ, которымъ они были подвластны, и положило основаніе свободному и уважаемому среднему сословію. Земледѣліе поднялось, потому что наслѣдственное владѣніе малыми лэнами естественно поощряло низшее дворянство къ болѣе прилежной воздѣлкѣ своихъ полей и къ пріисканію новыхъ отраслей сельскаго хозяйства. — Конрадъ и его преемники погребены въ Шпейерскомъ соборѣ, величественное сооруженіе котораго начато имъ въ 1030 г. Свыше пяти столѣтій Шпейеръ былъ священнымъ «городомъ умершихъ императоровъ», и остатки нѣмецкихъ королей, кровопролитно враждовавшимъ между собою при жизни, мирно покоились тамъ рядомъ.

1. Миръ Божій. Когда раздоръ вытѣснилъ всякую справедливость, насиліе разрушило всякій правомѣрный порядокъ, а слабый и нуждавшійся въ защитѣ безпомощно подвергался угнетенію, тогда французское духовенство старалось силою религіи восполнить недостатокъ правосудія и церковными заповѣдями ограничить хищничество и право сильнаго. Уже въ 989 году, на одномъ соборѣ въ епархіи Пуатье были приняты слѣдующія рѣшенія: «Кто вторгнется въ церковь или насильственно возметъ что нибудь оттуда, тотъ да будетъ проклятъ, если не дастъ удовлетворенія. Да будетъ проклятъ и тотъ, кто похищаетъ овецъ, быковъ и т. д. у поселянъ и другихъ бѣдныхъ людей. Да постигнетъ проклятіе церкви и тѣхъ, кто нападаетъ на безоружныя духовныя лица и оскорбляетъ ихъ.» Другая подобная грамата французскаго духовенства поставляетъ купцовъ подъ защиту церкви, угрожаетъ ослушникамъ строжайшимъ отлученіемъ пока они не представятъ удовлетворенія, и налагаетъ запрещеніе на имущество ихъ. То были строгія, но необходимыя принудительныя мѣры, вызванныя не тщеславнымъ властолюбіемъ, а стѣснепными обстоятельствами самой церкви и бѣдственнымъ положеніемъ беззащитнаго народа, и способствовавшія дѣлу мира. Еще дѣятельнѣе были старанія французскаго духовенства въ 1034 году, когда оно воспользовалось унынiемъ народа, господствовавшимъ тогда вслѣдствіе трехлѣтняго голода, для «возстановленія мира на землѣ», и въ числѣ другихъ эпитимій поставило необходимымъ условіемъ искупленія грѣховъ—воздержаніе отъ побоищъ и грабительства. Люди всѣхъ званій вступали въ священное братство мира. Духовенство не довольствовалось однимъ только обѣтомъ сохранять миръ, но даже учреждало военныя братства, члены которыхъ давали клятвенный обѣтъ дѣйствовать мечемъ противъ всѣхъ нарушителей мира и съ особеннымъ усердіемъ защищать церковь и ея служителей. Священники должны были предшествовать народу съ священнымъ знаменемъ (1038). Но это насильственное принужденіе къ миру вызвало новыя нарушенія его. Наконецъ, въ 1041 году состоялся собственно такъ-называемый миръ Божій, благодаря дѣятельности епископовъ арльскаго, авиньонскаго и аббата монастыря Клюньи. Въ особой граматѣ было повѣщено, именемъ всего духовенства Франціи и подъ страхомъ церковныхъ и мірскихъ наказаній, о всеобщей обязанности сохранять миръ божій, состоящій въ томъ, что по наступленіи вечера въ четвертый день недѣли, между всѣми христіанами, друзьями

и недругами, сосѣдями и чужими, господствуетъ священный и нерушимый миръ до втораго дня недѣли, то-есть до восхода солнца во вторникъ, такъ что въ теченіе этихъ четырехъ дней и ночей каждый непрерывно пользуется совершенною безопасностью и можетъ свободно заниматься своими дѣлами подъ охраною мира Божія, нисколько не опасаясь своихъ враговъ». Этотъ миръ, который проповѣдывали благочестивые люди и за который ухватился угнетенный народъ какъ за средство спасенія, вскорѣ получилъ примѣненіе во всей Франціи; многочисленные соборы впослѣдствіи возобновляли его и сообщили ему бо̀льшее развитіе. Святость мира вскорѣ была распространена на весь Филипповъ постъ и на большіе церковные праздники. Изъ Франціи этотъ священный обычай перешелъ въ Германію, Италію, Испанію и Англію. Еще Генрихъ III старался дать силу во всей имперіи изданному Констанцскимъ сеймомъ постановленію о мирѣ; но честь введенія мира Божія въ Германіи, въ 1083 году, принадлежитъ кёльнскому архіепископу Сигивину. По его распоряженію, вскорѣ вызвавшему подражанія въ Люттихѣ, Мюнстерѣ и другихъ мѣстахъ, никто не долженъ былъ носить оружіе и дѣйствовать насиліемъ не только три дня въ недѣлю (въ пятницу, субботу и воскресенье), но и съ перваго дня Филиппова поста до Рождества и отъ начала Великаго поста до истеченія недѣли послѣ Пятидесятницы. Для поддержанія столь священнаго установленія были опредѣлены церковныя и мірскія наказанія. Это установленіе не было, какъ полагали прежде, включено въ число имперскихъ законовъ; однако франконскіе императоры всѣми силами старались поддерживать его, хотя епископы, какъ начинатели, были и главными хранителями заповѣди о мирѣ. Въ Англіи и южной Италіи «миръ Божій» былъ введенъ преимущественно подъ покровительствомъ норманскихъ вельможъ. Но всеобщую силу получила treuga Dei, когда глава западной церкви призналъ ее обязательною для всего христіанства. Впервые сдѣлалъ это Урбанъ II на Клермонтскомъ соборѣ, на которомъ рѣшенъ былъ первый крестовый походъ (§ 302). Опредѣленіе собора должно было соединить все христіанство узами мира и братства, дабы всѣ христіане, какъ единое воинство, могли двинуться на священную брань съ невѣрными. Тридцать лѣтъ спустя, миръ Божій, подтвержденный между тѣмъ еще на нѣсколькихъ соборахъ, былъ внесенъ въ каноническое право, какъ всеобщее церковное установленіе, а въ 1179 году еще разъ подтвержденъ папою

Александромъ III во всемъ своемъ объемѣ. Но около этого времени онъ уже пересталъ пользоваться повсемѣстнымъ примѣненіемъ. Юридическія понятія измѣнились подъ вліяніемъ новыхъ идей; treuga Dei, за которую въ 11 вѣкѣ съ жадностію ухватились безпомощные народы, какъ за послѣднее средство спасенія въ ихъ бѣдственномъ и стѣсненномъ положеніи, какъ за единственную опору среди дикой анархіи, въ концѣ 12-го вѣка уже сдѣлалась устарѣлымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ только историческій смыслъ. Возникли другія, болѣе мощныя мировыя учрежденія; перемиріе, обязательное лишь на нѣсколько дней или въ извѣстныя священныя эпохи, должно было уступить мѣсто всеобщему, вѣчному миру. Въ этомъ стремленіи свѣтскіе государи сошлись съ папскою ѳеократіей. Но внесенныя въ новыя правила о мирѣ и въ новые юридическіе уставы, постановленія о treuga Dei сохранили свою силу и въ позднѣйшую эпоху. Еще въ Саксонскомъ Зеркалѣ (§ 343. Б. 2) приведены извѣстные дни и времена, долженствующія быть днями мира для всего человѣчества. Но чѣмъ болѣе люди дичали нравственно и умственно подъ вліяніемъ самоуправства, тѣмъ недостаточнѣе становились церковныя правила о мирѣ; оттого въ позднѣйшихъ государственныхъ узаконеніяхъ о томъ же предметѣ, направленныхъ противъ усобицъ, уже не упоминается объ этихъ правилахъ. (См. Глюкхона: «Исторія мира Божія»).

2. Славяне (срв. § 256. 6.). На востокъ отъ Эльбы еще жили многіе славянскіе народы подъ управленіемъ своихъ племеначальниковъ, не обязанные ни къ чему кромѣ дани и принятія внѣшнихъ формъ христіанства. Самыми извѣстными и значительными изъ этихъ народовъ были Сорбы, Ободриты и Лютичи; для одолѣнія ихъ, саксонскіе императоры строили на границахъ сторожевые бурги и укрѣпленные города и учредили маркграфства Бранденбургъ, Тюрингію (Мейсенъ), Лаузицъ и друг. Но способъ пріобрѣтенья этихъ земель оружіемъ, жестокость, съ какою древніе обитатели ихъ принуждались къ отреченію отъ своихъ любимыхъ боговъ, чтобы обмѣнять ихъ на религію своихъ угнетателей,—религію, которая, удалясь отъ своего первоначальнаго источника, прежде всего требовала, чтобы исповѣдники ея отдавали ей десятую часть плодовъ своего тяжкаго труда; стѣснительная дань королю, произвольныя вымогательства и, что было всего оскорбительнѣе, презрительная пронія, съ какою униженный почти до рабства народъ и его князья должны были

смотрѣть на обращеніе съ ними суровыхъ и корыстныхъ ратниковъ, считая бесчестнымъ слиться съ ними въ одинъ народъ посредствомъ браковъ, — все это должно возбудить глубокую, вполнѣ справедливую ненависть и, пока народъ не утратилъ своихъ силъ и мужества, не могло служить къ упроченію порядка вещей, основаннаго только мечемъ и поддерживаемаго насиліемъ. «Было бы несогласно съ истиною, говоритъ одинъ новѣйшій писатель (Дройзенъ), утверждать, что Славяне, именно обитающіе на востокъ отъ Эльбы, болѣе дики и менѣе способны отъ природы, чѣмъ ихъ нѣмецкіе сосѣди. Славянскія племена повсемѣстно отличаются кроткимъ, безотвѣтнымъ, веселымъ характеромъ; они неохотно напрягаютъ свои силы къ продолжительной и тяжкой работѣ; удобное рыболовство на морѣ и на рѣкахъ, покойный присмотръ за свинымъ стадомъ въ лѣсу, легкая обработка полей, когда достаточно слегка поцарапать почву, между тѣмъ какъ лучшая земля остается безъ обработки и осушки, наконецъ промыслы, къ которымъ они имѣютъ особенныя природныя способности,—вотъ въ чемъ состоятъ ихъ занятія.—Первоначально они не знаютъ различія сословій, живутъ малыми сельскими или родовыми общинами подъ управленіемъ избранныхъ старшинъ; трудъ и прибыль принадлежатъ всѣмъ; о личной собственности нѣтъ и помину. Есть что-то, такъ сказать, не историческое въ ихъ быту: чѣмъ менѣе отдѣльный человѣкъ чувствуетъ себя сильнымъ и предоставленнымъ самому себѣ, тѣмъ легче люди сливаются въ массы и поддаются власти. Этимъ всего болѣе отличаются Славяне отъ энергическихъ, тревожныхъ, но и насильственныхъ, себялюбивыхъ Германцевъ. Столкновеніе, борьба побуждаетъ послѣднихъ къ большему напряженію и соединенію силъ. Это условіе и потомъ христіанство доставили имъ истинно царское преобладаніе, которое впослѣдствіи выработало себѣ здѣсь гораздо болѣе повелительный характеръ чѣмъ посреди нѣмецкихъ племенъ. Такъ образовалась герцогская власть въ Богеміи, въ Польшѣ.» Когда Поляки и Чехи, не безъ сильнаго сопротивленія признавшіе верховную власть нѣмецкаго государства и отъ времени до времени пытавшіеся свергнуть ее, съ грабежемъ и опустошеніемъ вторгнулись въ восточныя мархіи, то нашли себѣ союзниковъ и друзей въ тамошнихъ славянскихъ поселенцахъ. Такое же нападеніе произвели Поляки подъ начальствомъ Меска въ 1030 году, но послѣ двухлѣтней кровопролитной войны снова были принуждены къ лѣнной зависимости и данничеству, а западные союз-

ники ихъ, еще державшіеся язычества Лютичи подверглись тяжкой мести. При Генрихѣ III, гордый герцогъ богемскій, совершившій два счастливые похода противъ усобствующей Польши и вывезшій оттуда большія сокровища, отказался платить императору установленную дань. Но Генрихъ въ свою очередь совершилъ, съ 1039 по 1041 годъ, три вполнѣ успѣшныхъ, хотя и трудныхъ похода противъ Богеміи, и принудилъ герцога къ признанію императорской власти, къ представленію заложниковъ и уплатѣ дани. Въ смутныя времена Генриха IV, Чехи оставались вѣрны императору и составляли отборную часть его ополченія противъ враговъ, но посрамили свое имя жестокостію и грабительствомъ. Въ натраду за услуги ихъ, Генрихъ IV далъ герцогу Вратиславу королевскій титулъ (1086). При раздорившихъ между собою сыновьяхъ его, Богемія подверглась большимъ смутамъ въ правленіе Генриха V.

§ 295. Сынъ Конрада, Генрихъ III («Черный», 1039 — 1056), былъ человѣкъ высокой энергіи, при которомъ Германія была обширнѣе чѣмъ когда-нибудь, а императорскій санъ пользовался наибольшимъ уваженіемъ. Онъ закрѣпилъ нѣмецкое лэнное господство надъ Богеміей и Польшей и славною побѣдой принудилъ раздираемую усобицами Венгрію къ покорности и лэнной зависимости отъ имперіи (1045). Храбрый мечъ его укрощалъ не только внѣшнихъ враговъ, но и безпокойныхъ графовъ имперіи. Дабы сломить непокорство послѣднихъ, онъ задумалъ основать неограниченную императорскую наслѣдственную монархію, и если не упразднить герцогскій санъ въ нѣмецкихъ областяхъ, то слить его съ королевскою властью и поставить въ зависимость отъ короны. Съ этою цѣлью онъ отнялъ у непокорныхъ и мятежныхъ вельможъ, напр. у герцога Баварскаго и Готфрида (Бородатаго) Нижнелотарингскаго, ихъ званіе, и или вовсе не замѣщалъ упразднившихся герцогствъ, или отдавалъ ихъ не туземнымъ, преданнымъ ему вельможамъ, чѣмъ и устранялась наслѣдственность. Даже при болотистыхъ устьяхъ Рейна, Мааса и Шельды развѣвалось имперское знамя, принуждая супротивныхъ вельможъ къ миру и покорности. Страшная рука Генриха укрощала мятежъ вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, такъ что послѣдній едва дерзалъ таиться во мракѣ. Престолъ св. Петра замѣщалъ онъ, какъ свои епископ-

ства и аббатства. Онъ воспользовался церковнымъ раздоромъ, чтобы низложить трехъ соперничествующихъ папъ, и неоднократно передавалъ римскій престолъ нѣмецкимъ епископамъ съ благороднымъ намѣреніемъ очистить церковь отъ господствующаго порока —симоніи и возстановить чистоту нравовъ въ духовенствѣ. Это стремленіе поставить императорскую власть выше непокорныхъ васалловъ и возрастающей власти папства, вѣроятно увѣнчалось бы успѣхомъ, если бы Генрихъ III не умеръ преждевременно, въ полномъ цвѣтѣ силъ, и не оставилъ послѣ себя только пятилѣтняго, уже коронованнаго сына, Миръ Божій, который въ то желѣзное время, когда право принадлежало сильному, одинъ еще сохранялъ кое-какъ порядокъ и давалъ нѣкоторую возможность къ мирнымъ занятіямъ, поддерживалъ онъ строгими постановленіями (§ 294. 1.). Любимымъ мѣстопребываніемъ Генриха былъ Госларъ, который онъ старался сдѣлать достойною резиденціей, построивъ тамъ соборъ и королевскій дворецъ.

Подъ именемъ симоніи (отъ Симона мага, желавшаго купить у апостоловъ власть сообщать дары Святаго Духа чрезъ рукоположеніе) разумѣли запрещенную церковью куплю и продажу духовнаго имущества и сана, или полученіе ихъ посредствомъ подкупа. Незапятнанный въ церковномъ отношеніи, при всеобщей безнравственности, Генрихъ III никогда не обогащался продажею духовныхъ мѣстъ, но полный истиннаго смиренія, самымъ дѣятельнымъ образомъ заботился о нуждахъ и содержаніи духовенства.

§ 296. Генрихъ IV (1056 — 1106). Сынъ Генриха III, Генрихъ IV, былъ даровитый и умный ребенокъ; опеку надъ нимъ и соединенное съ нею управленіе государствомъ сначала получила благоразумная мать его Агнеса, пока властолюбивому архіепископу Ганнону кельнскому удалось, въ союзѣ съ саксонскимъ графомъ Оттономъ Нордгеймскимъ, захватить юнаго государя въ свои руки, съ цѣлью вести дѣло такъ, чтобы онъ не пошелъ по стопамъ отца. Строгое воспитаніе этого прелата, стремившагося къ усиленію власти имперскихъ вельможъ, не понравилось юному императору и такъ расположило его въ пользу отличавшагося происхожденіемъ, образованіемъ и способностями, но преданнаго роскоши, честолюбиваго и страстнаго епи-

скопа Адальберта бременскаго, который похитилъ его изъ рукъ Гаммона и умѣлъ снискать его благосклонность лестію и потворствомъ его чувственности, что онъ сталъ внимать его совѣтамъ, направленнымъ къ ограниченію власти вельможъ. Въ одномъ стремленіи сходились оба прелата — каждый изъ нихъ старался воспользоваться своимъ вліяніемъ на императора и мѣстомъ правителя, чтобы возвышать своихъ друзей, родственниковъ и приверженцевъ и обогащаться раздачею государственныхъ должностей, церковныхъ мѣстъ и коронныхъ имуществъ. Особенно старался Адальбертъ возвести свое бременское архіепископство, при помощи Генриха, въ патріаршество Сѣвера. Когда, наконецъ, многіе духовные и свѣтскіе вельможи угрозами настояли на удаленіи гордаго, властолюбиваго прелата, императоръ все-таки продолжалъ слѣдовать его наставленіямъ какъ въ своемъ образѣ жизни, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ, и особенно старался наказать и смирить саксонскихъ вельможъ, которые постоянно взирали съ завистью и недовѣріемъ на франкопскихъ государей, еще прежде составили дерзкій заговоръ противъ Генриха и въ высшей степени раздражили епископа бременскаго, а черезъ него и самого императора. Въ Госларѣ онъ держалъ роскошный, весьма тягостный для Саксоніи дворъ, допускалъ грабить и оскорблять народъ и, предаваясь юношескому разгулу вмѣстѣ съ своими товарищами, лишилъ весь край безопасности; по одной жалобѣ, не подкрѣпленной никакими доказательствами, онъ отнялъ у предпріимчиваго Оттона Нордгеймскаго данное ему императрицею Агнесою Баварское герцогство, отдалъ послѣднее его вѣроломному зятю, богатому Вельфу, который съ отцовской стороны (Эсте) былъ итальянскаго происхожденія, и враждебными нападеніями на имѣнія и бурги Оттона довелъ его до открытаго мятежа; онъ держалъ въ строгомъ заключеніи супротивнаго герцога Магнуса Саксонскаго, Оттонова друга и союзника, и вездѣ ставилъ свои крѣпкіе замки; онъ оскорбилъ Тюрингенцевъ, рѣшивъ въ пользу майнцскаго архіепископа споръ за десятину, которую они отказывались уплачивать, — рѣшивъ такъ для того, чтобы купить содѣйствіе архіепископа въ исполненіи задуманнаго развода съ своею вѣрною,

добродѣтельною, но не любимою супругой. Наконецъ оскорбленное саксонское дворянство взялось за оружіе подъ предводительствомъ Оттона; саксонскій и тюрингенскій народъ, глубоко оскорбленный въ своихъ правахъ и своей собственности, примкнулъ къ дворянству: замки были сломаны, укрѣпленный Гарцбургъ разрушенъ и разграбленъ, а императоръ принужденъ тайно бѣжать лѣсомъ. Это было началомъ кровопролитной войны. Сельское неселеніе Саксоніи раздражило страстнаго короля своею дикою разрушительною яростью, не щадившею ни храмомъ, ни алтарей. Онъ приготовился къ походу, одержалъ побѣду при Гогенбургѣ на Унструтѣ (1075), гдѣ 8,000 дюжихъ Саксонцевъ покрыли собою поле сраженія, надъ храбростью своихъ враговъ и военными дарованіями Оттона Нордгеймскаго, и съ огнемъ и мечемъ вступилъ въ землю своихъ противниковъ. Тяжко отозвалось на саксонскомъ народѣ мщеніе озлобленныхъ воиновъ. Ужасы были совершены надъ нимъ; убійство, грабежъ и святотатство господствовали по всей странѣ; униженно молили саксонскіе вельможи о пощадѣ и покорились тяжкимъ условіямъ побѣдителя. — Въ это время апелляція Саксонцевъ къ третейскому суду папы и враждебный образъ дѣйствій гордаго короля въ отношеніи къ этой могущественной духовной власти дали новый оборотъ всему тогдашнему положенію дѣлъ.

§ 297. Генрихъ IV и Григорій VII. Этотъ папа былъ крѣпкій волею и характеромъ Григорій VII, который изъ рожденнаго въ простомъ званіи монаха Гильдебранда сталъ могущественнымъ церковнымъ государемъ и, благодаря своему умственному превосходству, еще прежде былъ руководителемъ многихъ своихъ предшественниковъ. Проникнутый несокрушимою вѣрой «въ неизбѣжное торжество нравственной мощи духа надъ физическою силой міра», и воодушевленный сознаніемъ пріобрѣтеннаго своею строгою нравственностію вѣса, онъ стремился къ водворенію чистоты и единства въ церкви, и чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, старался ввести болѣе строгую нравственность и религіозность между духовенствомъ, доставить церкви независимость отъ свѣтской власти и возвысить пап-

ство надъ императорствомъ и надъ всякою мірскою властію, а вмѣстѣ съ тѣмъ освободить духовенство изъ-подъ вліянія государства и подчинить послѣднее церковной іерархіи.

Съ этою цѣлью подъ его вліяніемъ была учреждена Николаемъ II, незадолго передъ тѣмъ, коллегія кардиналовъ (1059), и этому высшему государственному церковному совѣту было передано избраніе папы, до тѣхъ принадлежавшее римскому народу вмѣстѣ съ духовенствомъ,— передано для того, чтобы избавить папъ отъ императорскаго утвержденія и отъ вліянія римскихъ аристократическихъ фамилій. Сдѣлавшись папою, онъ прежде всего заботился объ очищеніи церкви и съ этою цѣлью издалъ строгое постановленіе противъ симоніи, отрѣшилъ епископовъ, которые пріобрѣли свои мѣста куплею, и старался искоренить самую причину зла запрещеніемъ свѣтской инвеституры мірянъ, то есть, замѣщеніе церковныхъ должностей по волѣ державныхъ владѣльцевъ чрезъ пожалованіе избранныхъ лицъ перстнемъ и посохомъ. Но лишеніе этого права жаловать въ лэнъ духовныя мѣста было столь важнымъ уменьшеніемъ свѣтской власти, что владѣтельные князья, особенно императоръ, не могли не воспротивиться такому посягательству на свои верховныя права. Такъ какъ порожденная духомъ времени щедрость императоровъ, королей и вельможъ надѣлила епископовъ и монастырскихъ настоятелей не только имуществами всякаго рода, но и независимымъ судомъ и многими другими правами, такъ какъ они были поставлены разными преимуществами (иммунитетами) въ исключительное положеніе, то нѣмецкіе императоры, а въ другихъ христіанскихъ странахъ короли, должны были присвоивать себѣ надъ ними извѣстныя верховныя права, если не желали лишиться своей власти надъ значительною частью государства. Безъ права на инвеституру исчезли бы совершенно значеніе и правомѣрная власть императора въ церковныхъ волостяхъ, которыя по обширности своей иногда равнялись большимъ графствамъ и цѣлымъ герцогствамъ.— Григорій вмѣнилъ также въ обязанность всѣмъ духовнымъ лицамъ безбрачіе, которое до сихъ поръ соблюдалось только епископами, между тѣмъ какъ остальныя духовныя лица мало примѣнялись къ этому постановленію многихъ соборовъ, и принудилъ женатое духовенство покинуть женъ и дѣтей. Черезъ этотъ законъ, какъ бы ни было сильно сопротивленіе, имъ встрѣченное, духовенство тѣснѣе примкнуло къ

церкви, такъ какъ отнынѣ жена и дѣти со всѣми семейными надеждами и заботами уже болѣе не привязывали духовнаго лица къ родинѣ, къ гражданскимъ отношеніямъ, и оно уже имѣло меньше причинъ бояться вліянія мірскихъ притѣснителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Григорій благопріятствовалъ усиленію норманскаго господства въ нижней Италіи, чтобы доставить папскому престолу поддержку со стороны этого лэннаго королевства (срв. § 287), и поощрялъ монастырское житье и освобожденіе такъ-называемаго чернаго духовенства отъ подсудности епископамъ, вслѣдствіе чего монашество съ такимъ же усердіемъ содѣйствовало его стремленіямъ, съ какимъ противодѣйствовали мѣстные епископы.

Обращеніе Саксонцевъ къ третейскому суду папы подало отважному Григорію желанный случай примѣнить то начало, по которому папа, какъ намѣстникъ Христа, поставленъ превыше всѣхъ свѣтскихъ государей и слѣдовательно императоры, короли и владѣтельные князья суть его лэнники. Это начало коренилось въ томъ средневѣковомъ воззрѣніи, что всякая власть есть дарованная, и что слѣдовательно власть государей, какъ высшая, происходитъ отъ Бога и дается папою, его намѣстникомъ. Согласно съ этимъ началомъ, Григорій вызвалъ на судъ въ Римъ Генриха IV, который, гордясь своею побѣдой, не исполнялъ папскихъ постановленій, запрещавшихъ симонію и свѣтскую инвеституру. Но вмѣсто того чтобы исполнить это требованіе, императоръ велѣлъ созванному въ Вормсѣ собору низложить папу и сообщилъ ему объ этомъ рѣшеніи въ письмѣ, обращенномъ къ «Гильдебранду, уже не папѣ, а лже-монаху», и исполненномъ брани и насмѣшекъ. Это рѣшеніе было вызвано озлобленіемъ духовныхъ лицъ въ Германіи противъ закона о безбрачіи, поставившаго ихъ въ необходимость отказаться или отъ мѣстъ, или отъ женъ своихъ, и неудовольствіемъ епископовъ на умаленіе ихъ власти при папскомъ полновластіи и на строгое запрещеніе симоніи, которой многіе изъ нихъ были обязаны своими мѣстами. Григорій получилъ королевское посланіе, съ требованіемъ объ оставленіи неправильно занятаго престола св. Петра, среди церковнаго собора въ Латеранскомъ дворцѣ. Онъ тотчасъ объявилъ постановленія вормсскаго собора не-

дѣйствительными, ибо согласно съ Исидоровыми декреталіями (§ 282), которыя Григорій старался ввести повсемѣстно, лишь созванные папою соборы признаются законными, и заключенія ихъ считаются ниже папской власти, низвергнулъ изъ церковнаго братства архіепископа майнцскаго, ибо онъ стремился произвести расколъ въ церкви, и всѣхъ прелатовъ, упорно стоявшихъ за эти рѣшенія, отлучилъ отъ церкви императора и его приверженцевъ и лишилъ его сана. Этотъ приговоръ, радостно одобренный собраніемъ, былъ возвѣщенъ всѣмъ христіанамъ. Все это происходило въ то самое время, когда дѣйствія Генриха противъ Саксонцевъ возбуждали всеобщее неудовольствіе. Оттого народъ вскорѣ оставилъ его и собравшіеся въ Трибурѣ князья объявили ему о низверженіи его съ престола, если въ теченіе года съ него не будетъ снято церковное проклятіе. Тогда Генрихъ, въ сопровожденіи своей вѣрной супруги и одного только слуги, въ самую суровую зиму поспѣшилъ черезъ Альпы къ папѣ (1077), который находился въ замкѣ Каносса (въ Моденской области). выстроенномъ на крутой скалѣ; но онъ получилъ доступъ къ папѣ лишь послѣ трехдневной мольбы о томъ на дворѣ замка, гдѣ онъ стоялъ все время босой и въ одеждѣ кающагося. У Каноссы померкла звѣзда императорства. Хотя съ Генриха и было снято церковное проклятіе послѣ даннаго имъ обѣщанія — безусловно покориться третейскому суду папы, однако возстановленіе его на престолѣ было поставлено въ зависимость отъ согласія вельможъ. Генрихъ, лишенный высшаго, нравственнаго стремленія, которое одно даетъ силу перенести несчастіе или бодрость къ собственному спасенію, совершенно потерялся и выказалъ себя столько же малодушнымъ и смиреннымъ, сколько прежде былъ страстенъ и гордъ.

Матильда Тосканская. Замокъ Каносса, «бѣлая крѣпость» на высокихъ отвѣсныхъ скалахъ, принадлежалъ богатой маркграфинѣ Матильдѣ Тосканской, до того преданной папскому престолу, что она дарственнымъ актомъ передала ему всѣ свои владѣнія, къ которымъ принадлежали Парма, Мантуа, Модена, Реджіо, Піаченца, и большая часть городовъ Тосканы. «Она служила папѣ какъ Марѳа и внимала словамъ его какъ Марія». Но такъ какъ съ одной

стороны императоръ, въ качествѣ лэннаго владыки, а съ другой родственный Матильдѣ домъ Вельфовъ оба предъявляли свои права на ея владѣнія, то послѣднія подали поводъ ко многимъ спорамъ, пока наконецъ они не были раздѣлены: часть ихъ отошла къ Папской области, большіе города получили самостоятельность, а все прочее досталось Вельфамъ и впослѣдствіи Гогенштауфенамъ. Матильда соединяла добродѣтели женщины съ добродѣтелями государыни, съ властью и богатствомъ—умъ, отвагу, настойчивость, образованіе и самую строгую религіозность, такъ что ее недаромъ называли великою графиней. Она обладала замѣчательною библіотекой, поощряла изученіе римскаго права и сама вела свою переписку на нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Опытная во всѣхъ дѣлахъ правленія, неутомимо дѣятельная, она объѣзжала свои владѣнія, установляя и поддерживая въ нихъ порядокъ. — Сама она была лучшимъ украшеніемъ своего блестящаго двора. Щедрая къ бѣднымъ, всегда готовая помочь несчастному и изгнанному, она построила и украсила много церквей и монастырей. Даже бури войны не прерывали потока ея благотворительности. На 43-мъ году жизни она склонилась на убѣжденія папы и вышла за 18-лѣтняго Вельфа баварскаго. Но этотъ брачный союзъ былъ непродолжителенъ.

§ 298. Строгость папы доставила императору многихъ приверженцевъ, такъ что онъ могъ помѣриться съ своими врагами, которые между тѣмъ провозгласили императоромъ вѣроломнаго зятя его, герцога Рудольфа Швабскаго, на съѣздѣ вельможъ въ Форхгеймѣ. Тщетно Григорій поспѣшилъ предложить свое посредничество. Возникла опустошительная междоусобная война, въ которой Генрихъ успѣшно боролся противъ Рудольфа и Оттона Нордгеймскаго. Срашное зрѣлище представляла истязаемая имперія. Общественныя узы порвались совершенно; никакой долгъ, никакой договоръ, никакая клятва, никакое чувство уже не имѣли силы. Всѣ отъ низшаго до высшаго отдались влеченію алчности; ни божеское, ни человѣческое право не признавались болѣе. «Воцарились обманъ, ложь, измѣна и всякое буйство, какихъ и не запомнитъ человѣкъ». Когда Рудольфъ, въ сраженіи при Эльстерѣ (1080), лишась правой руки, которой клялся императору въ вѣрности, вскорѣ умеръ въ Мерзебургѣ, Генрихъ могъ уже выступить для отмщенія Григорію, который

между тѣмъ, будучи обманутъ ложною вѣстью о побѣдѣ, снова предалъ его церковному проклятію и объявилъ себя за Рудольфа. Генрихъ поручилъ своему зятю Фридриху Гогенштауфену, котораго сдѣлалъ герцогомъ швабскимъ, продолжать борьбу противъ остальныхъ своихъ враговъ въ Германіи (герцога Вельфа и Бердтгольда Церингенскаго), а самъ пошелъ съ войскомъ на Римъ. Созванный имъ въ Павіи соборъ низложилъ Григорія и избралъ въ папы Климента III (1081), образованнаго человѣка съ кроткимъ характеромъ и безукоризненной жизни, который вскорѣ короновалъ Генриха въ Римѣ, легко занятомъ войсками послѣдняго. Однако Григорій, который въ своемъ настойчивомъ гнѣвѣ на императора предпочелъ предать свою столицу разрушенію, чѣмъ сдѣлкою съ Генрихомъ поставить на карту достигнутый прежде перевѣсъ, еще держался нѣкоторое время въ замкѣ св. Ангела. Онъ вступилъ въ союзъ съ хищнымъ и вѣроломнымъ норманскимъ королемъ Робертомъ Гвискардомъ (§ 287), который прежде нанесъ нѣкоторый вредъ папству и церковнымъ владѣніямъ и за это былъ преданъ церковному проклятію; нынѣ, по договору между ними, онъ освобождался отъ опалы, принималъ нижнюю Италію какъ папскій лэнъ и за это обязался помогать папѣ противъ Нѣмцевъ. Норманны напали на Римъ (1084), разрушили памятники древняго искусства и величія, разграбили церкви и дворцы и поработили жителей. Такія оскорбленія и опустошенія до того озлобили Римлянъ, что папа призналъ за лучшее сдать городъ своему противнику и отправиться съ Робертомъ въ нижнюю Италію. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ въ Салерно (25-го мая 1085), сказавъ: «Я любилъ справедливость, ненавидѣлъ зло и за это умираю въ изгнаніи!» Честолюбіе и жажда власти были главными двигателями его дѣйствій, словъ и помысловъ; господство надъ міромъ силой слова—цѣлью его жизни. «Всѣ государи (писалъ онъ къ датскому королю) должны цѣловать ногу папы, только онъ одинъ долженъ носить знаки императорскаго сана; заслуги св. Петра дѣлаютъ папу святителемъ Господа.»—Но несчастія Генриха еще не кончились. Въ Германіи, гдѣ между тѣмъ свирѣпствовала ужаснѣйшая усобица, появились два сопер-

ничествующихъ императора, вносившіе убійство, смерть и опустошеніе въ нѣмецкія веси на сѣверѣ и на югѣ. Законъ и порядокъ были ниспровергнуты; повсюду таились измѣна и козни, господствовало смятеніе и дикая вражда, ибо въ эпоху, когда сила укрощалась только силою и лишь сверкавшій въ рукѣ императора мечъ удерживалъ въ ножнахъ мечъ вельможъ, Германіи недоставало устрояющей и повелительной стихіи въ лицѣ всѣми признаннаго верховнаго главы. Въ Италіи папа Урбанъ II, шедшій по стопамъ Григорія и непризнанный Генрихомъ, возбудилъ противъ него множество враговъ и даже возстановилъ его супругу, которая, запятнавъ честь своего мужа позорными обвиненіями, развелась съ нимъ и окончила жизнь въ монастырѣ. Наконецъ, противниками ему стали собственные его сыновья: Конрадъ, кроткій и благочестивый юноша, былъ отвергнутъ имъ и умеръ въ печали и безчестіи; но вскорѣ и коронованный Генрихъ поднялъ мечъ на отца. Убѣжденный папою Пасхаліемъ II (1099), тоже предавшемъ стараго императора проклятію, и обольщенный многочисленными духовными и свѣтскими врагами его, король Генрихъ выступилъ противъ отца, коварствомъ и измѣною захватилъ его въ плѣнъ на Рейнѣ, и въ Ингельгеймѣ принудилъ его сдать свои замки, свое наслѣдіе, имперію и все что онъ имѣлъ, и объявить самого себя недостойнымъ правленія. Однако униженный императоръ избѣгнулъ заточенія и нашелъ защиту и помощь у возмущенныхъ жестокостью сына гражданъ Вормса, Кёльна, Ахена, Люттиха и другихъ имперскихъ городовъ, которые постоянно были преданы Генриху и были награждены за это правами и вольностями. Между отцомъ и сыномъ готова была вспыхнуть усобица, ужаснѣе всѣхъ прежнихъ. Но чаша бѣдствія переполнилась. Сокрушенный несчастіемъ и печалью, Генрихъ IV сошелъ въ могилу въ Люттихѣ (7-го августа 1106). Однако проклятаго императора не оставили въ покоѣ и по смерти. Тѣло его, простоявшее нѣсколько времени на одномъ островѣ рѣки Мозеля, гдѣ возратившійся изъ Іерусалима монахъ день и ночь читалъ надъ нимъ псалмы покаянія, было перевезено въ Шпейеръ, и тамъ цѣлыя пять лѣтъ оставалось на землѣ въ неосвященной часовнѣ, прежде чѣмъ позволено бы-

ло опустить его въ императорскій склепъ. — Генрихъ IV былъ отъ природы благороденъ и даровитъ, исполненъ прекрасныхъ склонностей и качествъ, храбръ и счастливъ въ бою, великодушенъ къ другу и недругу, благотворителенъ къ несчастнымъ; съ этими свойствами онъ соединялъ величественный ростъ и осанку и проницательный огненный взоръ; но онъ не умѣлъ управлять своими страстями и желаніями, а духъ времени не благопріятствовалъ ему. Единство имперіи и императорское полновластіе, о водвореніи которыхъ такъ ревностно старались Оттонъ I и Генрихъ III, были подорваны и ослаблены въ его царствованіе мятежническими усобицами. Свѣтскіе вельможи, помышляя лишь о своихъ сословныхъ и семейныхъ пользахъ, не выказали ни любви къ отечеству, ни вѣрности; между тѣмъ какъ угнетенный и преслѣдуемый императоръ находилъ поддержку у гражданъ имперскихъ городовъ и у высшаго духовенства, озабоченнаго возрастающей властью римскаго двора, имперскіе князья и большіе васаллы были постоянно готовы къ возстанію противъ несчастнаго императора и своими мятежными дѣйствіями способствовали усиленію папской власти надъ нѣмецкимъ духовенствомъ и распаденію имперіи на древнія племена и области. Главная вина въ этой розни падаетъ, кромѣ склонности къ распущенному быту и нѣмецкаго духа особности, на господствовавшую тогда феодальную систему, которая естественно стремилась превратить лэнное владѣніе въ наслѣдственное.

§ 299. Пока Генрихъ V (1106—1125) велъ безславную борьбу съ своимъ отцомъ, онъ былъ въ союзѣ съ папою Пасхаліемъ II. Но ставъ единственнымъ обладателемъ имперіи, онъ вскорѣ тоже вступилъ съ нимъ въ споръ объ инвеституре. Энергическій, лукавый и повелительный, Генрихъ V не могъ потерпѣть умаленія императорскихъ правъ. Папу, старавшагося найти поддержку у Франціи, взялъ онъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ кардиналами, разбилъ возмутившихся Римлянъ въ побѣдоносномъ бою, вынудилъ для себя коронованіе (1111) и выгодный договоръ, и потомъ поспѣшилъ въ Германію, съ цѣлью мечемъ отнять у вельможъ имперскіе лэны, присвоенные ими въ смутныя времена Генриха IV. Суровый повелитель тяжко наложилъ руку на безпокойныхъ вельможъ

и тѣмъ побудилъ ихъ къ заговорамъ и мятежамъ. Прежде всѣхъ опять возстали Саксонцы подъ предводительствомъ своего новаго герцога Лотара Суппплинбургскаго. Они побѣдили при Вельфсгольцѣ [1] (1115) храбраго друга императора, Гойера фонъ-Мансфельда, который палъ въ битвѣ отъ меча Випрехта Гройцшскаго [2]. Римскій дворъ воспользовался этимъ, чтобы отречься отъ договора и предать императора проклятію. Генрихъ снова поспѣшилъ въ Италію и заставилъ папу бѣжать изъ Рима; но, какъ ни самъ Пасхалій, ни за послѣдовавшею вскорѣ смертью его (1118) новый папа Каликстъ II, не хотѣли снять проклятіе, то императоръ велѣлъ выбрать анти-папу. Однако послѣ долгой борьбы дѣло кончилось соглашеніемъ, легко устранившимъ несчастный споръ объ инвеституре. По Вормсскому конкордату (1122) между папою и Генрихомъ было положено, «что епископы и аббаты должны быть свободно избираемы въ присутствіи императора или его уполномоченнаго и получать отъ него жезлъ съ ихъ мірскими владѣніями и правами (регаліями), но за то императоръ долженъ отказаться отъ права на водвореніе перстнемъ и посохомъ, или отъ назначенія собственно въ духовную должность». И такъ, бѣдственная борьба за инвеституру, въ теченіе полувѣка раздиравшая и ослаблявшая нѣмецкое государство, окончилась побѣдою церкви. Конкордатъ разверзъ цѣлую пропасть между нѣмецкими епископами и императоромъ.— Строгость, съ какою Генрихъ смирялъ непокорныхъ имперскихъ князей, удержала ихъ, послѣ бездѣтной его смерти, отъ избранія на престолъ ближайшаго родственника Франконскому дому, Фридриха Гогенштауфена. Подъ вліяніемъ нерасположеннаго къ Салійцамъ духовенства, они избрали Генрихова противника, Лотара Саксонскаго (1125—38), наслѣдника Оттона Нордгеймскаго, но черезъ это возбудили усобицу и въ высшей степени опасный раздоръ. Ибо когда Фридрихъ и Конрадъ Гогенштауфены отказали въ требуемой сдачѣ имперскихъ лэновъ и стали оружіемъ домогаться императорскаго сана своему

[1] Близъ Эйслебена, въ Мерзебургскомъ округѣ.
[2] Гройцшъ—графство древней Саксоніи.

дому, Лотаръ старался усилиться тѣснымъ союзомъ съ герцогомъ Генрихомъ Гордымъ баварскимъ, изъ дома Вельфовъ, выдавъ за него свою дочь и умноживъ обширныя владѣнія этой фамиліи новымъ лэномъ — Саксонскимъ герцогствомъ. Это порѣшило борьбу противъ Гогенштауфеновъ, хотя они имѣли многочисленныхъ приверженцевъ въ Швабіи, Франконіи и на Рейнѣ, и большинство Ломбардовъ было на ихъ сторонѣ. По разрушеніи ихъ храбраго и вѣрнаго города Ульма (1134), они должны были покориться, признать Лотара императоромъ и сопровождать его во второмъ его походѣ противъ Норманновъ нижней Италіи. За это имъ оставлены были ихъ имперскіе лэны и салійскія наслѣдственныя имѣнія. Безславный первый походъ въ Италію, гдѣ Лотару не удалось ни смирить непокорныхъ Ломбардовъ, ни возстановить единство церкви, нарушенное двойственнымъ избраніемъ папы, ни удержать норманскаго герцога Рожера (§ 287) отъ завоеванія Неаполя и покоренія императорскихъ лэнныхъ герцогствъ Капуи и Аверсы,—этотъ вполнѣ тщетный походъ склонилъ императора къ соглашенію и миру, безъ чего онъ не могъ бы отмстить своимъ врагамъ.

§ 300. Внутреннее состояніе Германіи. А. Нѣмецкія сословія. При франконскихъ императорахъ, нѣмецкій народъ, т. е. всѣ свободнорожденные, распадался на семь возникшихъ изъ формы императорскаго войска разрядовъ, или такъ-называемыхъ щитовъ. Къ первому разряду принадлежалъ король; ко второму — духовные князья, потому что они обязаны службою только королю; къ третьему—свѣтскіе князья, потому что они могли быть лэнниками епископовъ, не роняя тѣмъ своего достоинства; къ четвертому—графы или бароны, какъ васаллы свѣтскихъ князей, которымъ они равны по происхожденію. Эти четыре войсковые разряда составляли высшее дворянство. Къ пятому разряду принадлежали такъ-называемые среднесвободные, подлэнники или хоруніе, которые по рожденію не входили въ составъ высшаго дворянства, но могли имѣть своихъ васальныхъ людей; къ шестому— васаллы подлэнниковъ или простые рыцари, не имѣющіе васальныхъ людей, къ седьмому—каждый свободный человѣкъ, т. е. кто не принадлежитъ никому и рожденъ въ законномъ бракѣ. Выборный и коронованный въ Ахенѣ король, получавшій титулъ императора лишь

послѣ коронованія въ Римѣ, былъ верховнымъ начальникомъ войска, судьею и лэннымъ господиномъ, источникомъ княжеской власти и дворянскаго достоинства. Онъ правилъ государствомъ по стариннымъ правамъ и обычаямъ, при содѣйствіи имперскихъ князей на государственныхъ сеймахъ (Reichstag); доходы свои онъ извлекалъ большею частію изъ государственныхъ имуществъ, рудниковъ, лѣсовъ, таможенъ и добровольныхъ приношеній духовенства; въ его пользу поступали также налагаемые судомъ денежные штрафы и дань, которою Евреи откупались отъ преслѣдованій. Подъ королемъ стояли въ болѣе обширныхъ областяхъ герцоги, которые издавали законы для своихъ владѣній, совѣщаясь съ туземнымъ дворянствомъ на областныхъ его сеймахъ (Landtag). Пограничныя области были подчинены маркграфамъ. Графы были главными волостными судьями и въ тоже время заботились о наборѣ войска. Всѣ эти высшія лэнныя должности мало по малу стали наслѣдственными при Франконскихъ императорахъ, слѣдствіемъ чего было ослабленіе императорской власти и образованіе областнаго самодержавія.—Такъ какъ военная служба одѣтаго въ латы коннаго дружинника обходилась слишкомъ дорого и была обременительна для низшаго разряда свободныхъ мелкихъ собственниковъ, то люди этого класса все болѣе и болѣе становились въ подзащитное отношеніе къ какому-нибудь патрону, который за извѣстное вознагражденіе принималъ на себя ихъ военную повинность. Оттого число вольныхъ людей постоянно уменьшалось (§ 283), и если бы живо разцвѣтавшіе города не пріютили угнетеннаго низшаго класса свободныхъ, то онъ совершенно погибъ бы при томъ беззаконіи, какое господствовало въ царствованіе Генриха IV. Но этотъ классъ нашелъ пріютъ въ городахъ, гдѣ вольные люди, огражденные рвами, валами, стѣнами и башнями, отстояли свою свободу; здѣсь обогатились они трудолюбіемъ и торговлею, не покидая однако военной службы, которую несли преимущественно способные къ тому граждане въ качествѣ конницы, между тѣмъ какъ прочіе составляли пѣхоту и прислугу оборонительныхъ снарядовъ. Города всегда неизмѣнно стояли за императора въ борьбѣ его съ вѣроломными вельможами.—Въ церковномъ отношеніи государство раздѣлялось на шесть архіепископствъ (Майнцское, Кёльнское, Трирское, Магдебургское, Бременское и Зальцбургское), которымъ были подчинены 35 епископствъ. Архіепископы получали

палліумъ изъ Рима за значительное приношеніе, и лишь по полученіи его могли посвящать въ епископскій санъ. Майнцскій архіепископъ считался намѣстникомъ папы въ Германіи. Императоры благопріятствовали возвышенію епископовъ, для противодѣйствія честолюбію свѣтскихъ вельможъ и стремленію отдѣльныхъ племенъ къ самостоятельности; оттого нѣмецкіе прелаты соединяли въ рукахъ своихъ мечъ духовный съ мечемъ свѣтскимъ, произносили смертные приговоры, вели войны и въ тоже время управляли паствою. «Велико было удивленіе того ломбардскаго епископа, который въ разговорѣ съ Христіаномъ Майнцскимъ, на вопросъ свой: знаетъ ли онъ всѣ души своей паствы? услышалъ отъ нѣмецкаго прелата, что паства его никакъ не меньше всей Ломбардіи.»

В. Ученое образованіе. *а.* Языкъ. При погромѣ великаго переселенія народовъ, древняя образованность пала въ прахъ и мощный римскій языкъ выродился и утратилъ свою грамматическую точность; но и въ этомъ искаженномъ состояніи древняя культура еще оказывала такое сильное вліяніе на суровый духъ германскихъ народовъ, что послѣдніе, въ тѣхъ провинціяхъ Римской имперіи, гдѣ они еще находили остатки древней образованности, напр. въ Италіи (Ломбардіи), Галліи, Испаніи, мало по малу забывали свой отечественный языкъ, законодательство и поэзію, или сливали ихъ съ образованностью покореннаго населенія въ одно новое цѣлое. Изъ этого соединенія германскихъ элементовъ съ высшею римскою образованностью и литературой произошли романскіе языки и романтическая поэзія. Нѣмецкій языкъ, которымъ еще нѣсколько столѣтій говорили Франки, Вестготы и Лангобарды, съ теченіемъ времени затерялся и въ дворянскомъ сословіи, а вмѣстѣ съ нимъ сгладились и многія другія національныя особенности. Такому торжеству романской образованности надъ германскою не мало содѣйствовала церковь. Такъ какъ богослуженіе совершалось на латинскомъ языкѣ, и духовенство, исключительно обладавшее образованіемъ, должно было усвоить себѣ преимущественно этотъ языкъ, то оно употребляло его во всѣхъ ученыхъ сочиненіяхъ, даже во всѣхъ актахъ общественной жизни: это было тѣмъ естественнѣе и возможнѣе, что нѣмецкій языкъ, дробившійся на множество нарѣчій, не былъ обработанъ для письменнаго употребленія, а романскій народный языкъ еще пребывалъ въ первобытномъ состояніи хаотической массы, безъ законовъ и правилъ, при областномъ произволь-

номъ употребленіи со всѣмъ его пестрымъ разнообразіемъ. Вслѣдствіе господства латыни, латинскій языкъ и литература составляли основу ученія въ общественныхъ школахъ, возникавшихъ исключительно при монастыряхъ и другихъ церковныхъ учрежденіяхъ и въ которыхъ всѣ преподаватели были изъ духовнаго званія; учили и писали только на этомъ языкѣ. За исключеніемъ поэзіи, которая мало по малу была отнята у духовенства и въ рукахъ стихотворствующаго рыцарскаго сословія усвоила себѣ мірской и народный языкъ, всѣ сочиненія, какого бы содержанія они ни были, писались на латинскомъ, и такъ какъ они принадлежатъ духовнымъ лицамъ, то большею частію отличаются церковнымъ или религіознымъ характеромъ и, согласно съ римскими образцами, риторическою формой. Философія, какъ и на Востокѣ, примѣнялась къ христіанскимъ догматамъ, вслѣдствіе чего возникла та церковная литература, которую называютъ схоластикой, и которая получила свое происхожденіе и обработку преимущественно во Франціи (Нормандіи) и въ Англіи.

Б. Исторіографія. Реальныя науки. Искусство. Исторіографіей занимались исключительно духовные въ интересѣ христіанской религіи, упроченіе и прославленіе которой было главною цѣлью средневѣковыхъ лѣтописей и хроникъ. Искусства, именно архитектура, живопись, камнесѣчное мастерство и зодчество, рѣзьба на деревѣ и на камнѣ, музыка, всѣ эти искусства служили для украшенія церквей, для приданія торжественности богослуженію и находились въ рукахъ духовенства. Монахъ Гвидо изъ Ареццо, познакомившійся съ успѣхами музыки у Арабовъ въ Испаніи, ввелъ въ Германіи такъ называемую сольфировку [1] и нотную систему съ точками и линіями. Реальныя науки: математика, естествовѣдѣніе, механика и связанныя съ ними техническія и ремесленныя искусства тоже были въ рукахъ духовенства. Обыкновенными предметами обученія въ епископскихъ и монастырскихъ школахъ были такъ-называемыя семь свободныхъ искусствъ, или тривіумъ и квадривіумъ (см. § 245).

Исторіографія вполнѣ принадлежала духовенству, и потому церковныя событія выступали въ ней на первый планъ; государи подвергались похвалѣ или порицанію смотря потому, въ какихъ от-

[1] Упражненія въ пѣніи безъ текста.

ношеніяхъ состояли они къ церкви. Эти историческія сочиненія духовенства суть или анналы (лѣтописи), или хроники, сборъ истинныхъ и вымышленныхъ происшествій безъ всякой критики и обсужденія. Образцами служили историческія книги Ветхаго Завѣта и римскіе историки позднѣйшихъ временъ имперіи. Составленное по Кассіодору сочиненіе Гота Іорнанда (Іордана): О происхожденіи и дѣяніяхъ Готовъ, такъ же какъ исторія Лангобардовъ Павла Діакона, не что иное какъ риторически и поэтически изукрашенныя записки для прославленія этихъ германскихъ народовъ,— записки, сочинители которыхъ пользовались туземными народными сказаніями и героическими пѣснями (§§ 245, 270).— Въ Испаніи Исидоръ Паценсисъ (изъ Бехи) составилъ исторію своего отечества съ 610 по 754 годъ, въ эпоху владычества Мавровъ; не смотря на испорченную латынь этого сочиненія, оно составляетъ важный источникъ древнѣйшей испанской исторіи. Другой Исидоръ, изъ Севильи, составилъ еще прежде извлеченія изъ отцевъ церкви (§ 235), хронику Вестготовъ и энциклопедію знаній въ 20-ти книгахъ.—Въ Англіи, куда римское духовенство пересадило образованность юга, почти за сто лѣтъ до Алькуина (§ 275) и за два вѣка до Альфреда (§ 285) монахъ Беда Почтенный (Venerabilis, † 735) написалъ рядъ сочиненій о большинствѣ извѣстныхъ въ его время наукъ, и въ своей Исторіи Англіи, преимущественно въ отношеніи къ утвержденію христіанства и развитію церкви, оставилъ потомству драгоцѣнное произведеніе. Въ исторіи введенія христіанства сообщаетъ онъ и исторію цивилизаціи своихъ соотечественниковъ. — Древнѣйшая исторія Франковъ нашла себѣ простодушнаго и чистосердечнаго лѣтописца въ Григоріи Турскомъ. Его сочиненіе, раздѣляющееся на двѣ части: Прославленіе мучениковъ и Исторію церкви, начинается, какъ и большая часть средневѣковыхъ лѣтописей, съ сотворенія міра и потомъ разсказываетъ исторію Франковъ до конца 6-го вѣка; цѣль его — назиданіе читателю и подтвержденіе христіанскихъ истинъ. При описаніи ужасныхъ дѣлъ франкскихъ королей и постигшей ихъ за то кары, онъ говоритъ языкомъ библейскихъ книгъ Царствъ и Судей; разказывая борьбу и военныя дѣла, онъ принимаетъ стихъ Виргилія и Лукана. Народная и наивная лѣтопись Григорія нашла многихъ продолжателей, которые однако гораздо ниже его, какъ напр. первый изъ нихъ, Фредегарій, который, разказавъ въ трехъ книгахъ исторію міра

отъ сотворенія его до Юстиніана и помѣстивъ въ четвертой книгѣ извлеченіе изъ Григорія Турскаго, въ пятой продолжаетъ исторію до 641 года. Къ нему примыкаютъ другіе, неизвѣстные монахи-лѣтописцы. При Карлѣ Великомъ и его сынѣ, вмѣстѣ съ уровнемъ общаго образованія поднялось число и значеніе историковъ, которыхъ можно раздѣлить на два разряда: жизнеописателей святыхъ тогдашней эпохи и лѣтописцевъ. Между послѣдними особенно выдается впередъ Эгингардъ (Эйнгардъ), сочиненіе котораго — жизнеописаніе Карла Великаго (§ 275) — замѣчательно по языку и изобразительности. Почти каждый значительный монастырь имѣлъ свои непрерывныя лѣтописи, какъ напр. Мецскій, Фульдскій (замѣчательныя по враждебному тону относительно галлофранкскихъ властителей), Санктъ-Галленскій и друг. Регино Прюмскій, изложившій исторію конца 6-го вѣка, принялъ за образецъ Юстина, у котораго заимствовалъ не только слова и обороты рѣчи, но даже цѣлыя предложенія, съ примѣненіемъ ихъ къ своей эпохѣ. Во времена Оттоновъ, Ліутпрандъ, епископъ кремонскій (§ 292), написалъ хронику, которую назвалъ «Книгою дѣяній императора Оттона Великаго»: это сочиненіе можно признать, по формѣ и по содержанію, отраженіемъ того времени и Итальянцевъ, среди которыхъ онъ возросъ и которые съ образованностію соединяли грубую чувственность и пошлость характера. Онъ смотритъ на все съ самой пошлой стороны, отыскиваетъ причины событій въ самыхъ мелочныхъ и низкихъ побужденіяхъ и при этомъ съ явнымъ удовольствіемъ разказываетъ безъ всякой пощады самыя грязныя исторіи и самые непристойные анекдоты. Низкій льстецъ Оттоновъ, благосклонность которыхъ онъ умѣлъ снискать своимъ ловкимъ перомъ, онъ безмѣрно позоритъ византійскихъ императоровъ. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Ліутпрандъ остается однимъ ихъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи десятаго вѣка. Сочиненіе его написано увлекательно, оригинально и, не смотря на пристрастіе и тщеславіе автора, большею частію вѣрно въ чисто-фактическомъ отношеніи. Свой предыдущій трудъ назвалъ онъ «Книгою Возмездія», потому что хотѣлъ отомстить за все зло, причиненное ему Беренгаромъ и его женою. Всего извѣстнѣе описаніе его собственнаго посольства въ Константинополь. Женщина-поэтъ Гросвита († 980), монахиня въ Гандерсгейскомъ монастырѣ, настоятельница котораго Герберга принадлежала къ Саксонскому императорскому дому, сла-

вила леонинскими [1] риѳмованными стихами великія дѣянія Оттона I. Поэтическая форма менѣе повредила историческому содержанію стихотворенія, чѣмъ вліяніе двора. Гросвита говоритъ не все что знаетъ, и намѣренно оставляетъ многое неяснымъ. Виттихиндъ (Видукиндъ), аббатъ бенедиктинскаго монастыря въ Корвеѣ, описалъ манерою, словами и выраженіями Саллюстія (§ 210), въ трехъ книгахъ, подвиги Саксонцевъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ оцѣнкою героически-христіанскаго характера той эпохи, хотя и не безъ хвастливости и лести, повидимому вызванныхъ національною гордостію и благоговѣніемъ къ геройскому образу Оттона I. Разказанная имъ въ первой книгѣ древнѣйшая исторія Саксоніи большею частію принадлежитъ области баснословія, но въ остальныхъ книгахъ онъ достовѣрный разкащикъ. Изложеніе его ясно, живо и согрѣто чувствомъ, при чемъ онъ никогда не увлекается до пристрастныхъ сужденій. Дитмаръ (Титмаръ) мерзебургскій, столь же храбрый, сколько благочестивый епископъ, описалъ въ восьми книгахъ дѣянія пятерыхъ Саксонскихъ императоровъ, описалъ не искусно, но въ энергическомъ, геройскомъ духѣ и съ историческою вѣрностію. Изложеніе Дитмара замѣчательно лишь теплымъ сочувствіемъ его къ отечественной исторіи и честнымъ образомъ мыслей, который просвѣчиваетъ у него вездѣ.—При Франконскихъ императорахъ ученое школьное образованіе, какъ и образованность вообще, пришли въ упадокъ, заглушенныя громомъ оружія. Виппонъ составилъ жизнеописаніе Конрада II, съ заимствованными у Саллюстія оборотами рѣчи, которые однако плохо прикрываютъ незнаніе и грамматическую слабость автора. Ученѣйшимъ и значительнѣйшимъ писателемъ 11-го вѣка былъ графъ Германнъ Верингенскій, котораго обыкновенно называютъ Германномъ Колѣкой (Contractus), по причинѣ его разслабленнаго и увѣчнаго тѣла. Онъ былъ инокомъ богатаго и живописнаго монастыря Рейхенау, куда стекалось любознательное юношество всѣхъ странъ, слушать поученія мудрости изъ устъ кроткаго и благосклоннаго мужа, соединявшаго всю ученость своего времени съ живымъ, проницательнымъ умомъ. Замѣчательный какъ философъ, риторъ, астрономъ, музыкантъ и поэтъ, владѣя языками греческимъ, латинскимъ и арабскимъ, Германнъ написалъ

[1] Леонинскими назывались, неизвѣстно почему, стихи, имѣвшіе риѳму въ срединѣ и въ концѣ каждой строчки.

множество ученыхъ сочиненій, церковныхъ напѣвовъ и т. п., и въ въ тоже время искусно дѣлалъ механическіе и музыкальные инструменты. Но главное его произведеніе есть хроника шести вѣковъ, написанная хорошею латынью, въ хронологическомъ порядкѣ и съ толковою критикой,—хроника, при составленіи которой онъ пользовался и трудами прежнихъ христіанскихъ историковъ. Онъ умеръ на 42-мъ году жизни, въ 1054 г. Важнѣйшимъ источникомъ для исторіи Генриха IV и распри его съ Григоріемъ VII служитъ, кромѣ пристрастнаго Бертгольда Констанцскаго, ратующаго за папу противъ Генриха, превосходная хроника Ламберта Ашаффенбургскаго, краса средневѣковой исторической литературы, исполненная истины и безпристрастія. Искренно и вѣрно повѣствуетъ онъ о современныхъ ему ужасахъ; но глубина чувства, простота, задушевная набожность, обнаруживаемыя имъ при этомъ, доказываютъ, что онъ былъ выше того времени; читая Ламберта, патріотъ, душевно оскорбленный дѣлами нѣмецкаго народа, о которыхъ онъ повѣствуетъ, находитъ по крайней мѣрѣ утѣшеніе въ той мысли, что въ дали отъ мірскаго шума и тогда могли существовать сотни людей, подобныхъ этому человѣку. Притомъ самый слогъ его чистъ, благороденъ и простъ. Но и онъ не чуждъ тѣхъ мнѣній, которыхъ придерживалось все черное духовенство въ распрѣ между императоромъ и папою. Какъ монахъ Герсфельдскаго монастыря, онъ иногда несправедливъ къ Генриху и восхваляетъ Григорія VII выше заслугъ. — Пристрастнымъ защитникомъ императора является епископъ Отбертъ люттихскій въ краткомъ жизнеописаніи Генриха IV; напротивъ, Вальрамъ, поборникъ церковнаго единства, былъ ревностнымъ адвокатомъ папы, а Бруно въ своей Исторіи саксонской войны — усерднымъ ходатаемъ саксонской аристократіи. Для исторіи Сѣвера важны: Саксонъ Грамматикъ († 1203), частный секретарь архіепископа рёскильдскаго, и Адамъ бременскій, другъ Канута Великаго (§ 285). Первый составилъ датскую исторію съ древнѣйшихъ временъ до 1180 года, въ которой риторски разукрасилъ и облекъ въ классическую латынь сѣверныя сказанія; второй сочинилъ церковную исторію, которая хотя и написана менѣе правильнымъ слогомъ и съ менѣе вѣрнымъ лѣтосчисленіемъ чѣмъ Саксонова датская исторія, однако все-таки остается почтеннымъ памятникомъ истиной набожности и благочестиваго одушевленія. Аббатъ Вибальдъ корвейскій, министръ, дипломатъ и намѣстникъ Гоген-

штауфена Конрада III, столько же славился какъ великій ученый и философъ, сколько и какъ практическій государственный мужъ. Знатокъ греческаго и латинскаго языка, онъ завѣдывалъ перепискою императора; его государственныя бумаги и сочиненія были собраны впослѣдствіи.

Изъ духовныхъ лицъ, которыя занимались реальными науками, особенно математикою, физикой и практическою механикой, и которые своимъ преподаваніемъ возбуждали другихъ къ тѣмъ же занятіямъ, выше названъ Гербертъ (§ 292. б.), наставникъ Оттона III. Знатокъ философіи, математики, астрономіи и вообще всѣхъ тогдашнихъ наукъ, онъ не только написалъ множество учебниковъ, но даже дѣлалъ земные и небесные глобусы и солнечные часы, и своими физическими и химическими опытами до того изумлялъ современниковъ, что его считали чародѣемъ. Онъ преимущественно способствовалъ введенію арабскихъ цифръ. Рядомъ съ Гербертомъ оказали безсмертныя услуги образованію художниковъ, архитекторовъ и учителей двое нѣмецкихъ епископовъ: Мейнверкъ, епископъ падерборнскій († 1036), родственникъ королевской фамиліи, и Бернвардъ гильдесгеймскій, оба ревностные поборники искусствъ и ремеслъ. Преданіе говоритъ, что послѣдній не только поощрялъ живописцевъ, мебельщиковъ, искусныхъ столяровъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ювелировъ, но еще пріобрѣталъ для себя всякое искусное издѣліе и всякую утварь, представлявшую что нибудь особенное, чтобы давать для образца своимъ нѣмецкимъ художникамъ. Тогда высоко цѣнили дорогую одежду изъ цвѣтнаго шелка или шерсти, и искусно-сдѣланную утварь изъ благородныхъ металловъ.

IV. ПРЕОБЛАДАНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ ЭПОХУ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

Первый крестовый походъ (1096—1099).

§ 301. Восточный міръ. 1) Византійская (восточно-римская) имперія. Византійская имперія шла медленнымъ шагомъ къ своему паденію. Безнравственный, сладострастный дворъ, гдѣ козни и чувственныя наслажденія составляли главную отраду жизни; сильное, властолюбивое духовенство, помышлявшее только о размноженіи какими бы то ни было средствами церквей и монастырей и о поддержкѣ всякаго суевѣрія, раздражавшее страсти религіозными спорами и вызывавшее расколы и распри партій; строптивое войско, составленное большею частію изъ чужеземцевъ-наемниковъ, всегда готовыхъ подкрѣпить своимъ мечемъ честолюбивыя стремленія и заговоры начальниковъ, — вотъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ обыкновенное содержаніе византійской исторіи. Только по временамъ, когда воинственный духъ посѣщалъ какого-нибудь императора или полководца, ратное поле ознаменовывалось такими подвигами, которые напоминаютъ эпоху древне-римскаго геройства и воинской доблести. Съ другой стороны большая часть императоровъ лелѣяла и поощряла искусства и науки, законодательство и административное благоустройство, гражданскій порядокъ и общественное образованіе. Но науки, за исключеніемъ одного правовѣдѣнія, не имѣли живой движущей силы: все ограничивалось пережевываніемъ произведеній классической древности, составленіемъ извлеченій, сборниковъ, грамматикъ и словарей; вдохновенія и поэзіи не проявлялось вовсе. Но великою заслугою Византійской имперіи было то, что она служила оплотомъ противъ могущественнаго халифата и дикой силы Сельджукскихъ ордъ, и что она блюла и хранила въ своихъ нѣдрахъ сѣмяна древняго образованія до того времени, пока христіанскій Западъ созрѣлъ для плодотворнаго воспринятія этихъ сѣмянъ.

Македонская династія. Василій Македонянинъ († 886. § 256), человѣкъ низкаго происхожденія, добившійся лестью бла-

госклонности императора Михаила, а потомъ умертвившій его, чтобъ захватить престолъ, отличался, какъ государь, правосудіемъ внутри и энергіею въ дѣлахъ внѣшнихъ. Бережливый и милосердый въ тоже время, старался онъ занимать бѣдный народъ при возведеніи церковныхъ построекъ. Онъ умеръ вслѣдствіе несчастнаго случая, который постигъ его на охотѣ. Сынъ его Левъ Мудрый, или Философъ († 911), былъ болѣе склоненъ къ мирнымъ искусствамъ и житейскимъ наслажденіямъ, нежели къ войнѣ. Ссоры съ духовными лицами, хотѣвшими ограничить его произволъ въ любовныхъ дѣлахъ и въ отношеніи къ браку, особенно раздоръ съ ученымъ, хитроумнымъ патріархомъ Фотіемъ (котораго онъ наконецъ низвергъ и уморилъ въ монастырѣ), наполняютъ большую часть его царствованія, хотя оно богато и достославными дѣлами. Преданный наукамъ отъ всей души, онъ поощрялъ образованность и правосудіе и обезсмертилъ свое имя составленіемъ сборника законовъ, извѣстнаго подъ именемъ Василикъ (§ 256). Войны его съ Булгарами и Арабами были неудачны. Сынъ его Константинъ VII Багрянородный (912 — 959) получилъ образованіе, ученость и любовь къ искусствамъ, въ видѣ родоваго наслѣдія; но при этомъ не имѣлъ ни царственнаго духа, ни силы характера. Сначала состоялъ онъ подъ руководствомъ матери своей Зои, ея братьевъ и любимцевъ. Потомъ верховную власть захватилъ начальникъ флота Романъ (919—44); онъ сослалъ императрицу со всѣми ея клевретами, выдалъ за Константина свою дочь и, какъ государь-отецъ (василеопаторъ), управлялъ имперіи отъ своего собственнаго имени съ неограниченнымъ произволомъ, между тѣмъ какъ кроткій, добродушный Константинъ занимался себѣ книгами, музыкой и живописью. Но и Романъ не сохранилъ на тронѣ энергіи и храбрости полководца. Безнравственный и сладострастный, онъ старался искупить свою распутную жизнь подвигами суевѣрной набожности и общеніемъ съ духовенствомъ и монахами; обогащая церкви и монастыри, онъ пренебрегалъ военнымъ устройствомъ. Когда Булгары расширили предѣлы своихъ владѣній и побѣдоносно проникли до самыхъ воротъ Константинополя, онъ не сталъ бороться съ ними мечомъ, а пошелъ вымаливать миръ къ нимъ въ лагерь, прикрывъ себя ризою Богоматери. Наконецъ его собственные честолюбивые сыновья постригли Романа въ монахи и сослали на одинъ дальній островъ, гдѣ онъ умеръ. По удаленіи его и по низверженіи его ненавистныхъ сыновей, Констан-

тинъ снова сталъ полновластнымъ господиномъ и, чтобы лучше противустоять напору враждебныхъ племенъ, заключилъ союзъ съ Руссами [1], чѣмъ греческому христіанству проложенъ былъ путь въ эту варварскую тогда землю. Внука его Ѳеофана была потомъ супругой римско-нѣмецкаго императора Оттона II (§ 292), а сестра ея Анна выдана за русскаго великаго князя Владиміра (§ 288). Слабый сынъ и преемникъ его Романъ II (959 — 963) жилъ только для собственнаго удовольствія, ѣздилъ на охоту, игралъ въ мячъ, а дѣла правленія предоставлялъ женѣ своей Ѳеофанѣ, гордой, прекрасной Спартанкѣ, мужественнаго характера, но самыхъ безпутныхъ нравовъ, и хитрому царедворцу (спальничему) Іосифу; между тѣмъ два полководца его, братья Никифоръ и Левъ Фоки, покрылись блескомъ военной славы и явились достойными представителями римскаго имени. Они овладѣли островомъ Критомъ и уничтожили существовавшее тамъ разбойничье государство (960); они одержали рядъ блистательныхъ побѣдъ надъ могаммеданами въ Сиріи и Месопотаміи, взяли Аленпо вмѣстѣ съ шестидесятью другими городами и наполнили государственную казну богатою добычей. Послѣ смерти Романа, которую вѣроятно ускорилъ ядъ, предпріимчивая Ѳеофана отдала побѣдоносному полководцу Никифору (963 — 69) свою руку, предоставивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ попечительство надъ императорскими дѣтьми и господство надъ имперіей. Не довольствуясь этимъ, онъ добился формальнаго коронованія, но продолжалъ и послѣ того свое достославное военное поприще. Онъ расширилъ предѣлы государства къ востоку, противъ Арабовъ, отказалъ Булгарамъ въ дани, платимой его предмѣстниками, и направивъ на нихъ русскаго князя Святослава, значительно ослабилъ ихъ могущество; наконецъ, онъ съ честію боролся противъ Оттона Великаго въ нижней Италіи. Но его строгость, простота и бережливость не нравились придворнымъ; не смотря на его наружное благочестіе и строгое исполненіе церковныхъ обязанностей, духовенство ненавидѣло его за то, что ограниченіемъ

[1] Византійская имперія, постоянно обороняясь отъ напора страшныхъ мусульманъ на востокѣ, была сверхъ-того въ непрерывной борьбѣ съ окружавшими ее враждебными племенами на сѣверѣ, Булгарами, Хозарами, Руссами, Печенѣгами, и старалась противопоставлять ихъ одно другому, сближаясь, смотря по обстоятельствамъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ. Эти сближенія или союзы, за которые обыкновенно платили деньгами или товаромъ, были чистыми наймами. Кромѣ того въ императорскомъ войскѣ, и особенно въ гвардіи, всегда состояли наемники изъ разныхъ воинственныхъ племенъ, въ томъ числѣ и Руссы.

завѣщаній въ пользу церкви, онъ воспрепятствовалъ накопленію въ ея рукахъ неотчуждаемой собственности и вступался въ назначеніе епископовъ, а народъ, гнетомый бременемъ безпрерывныхъ войнъ, пламенно желалъ отдыха и покоя. Составился заговоръ, въ главѣ котораго стоялъ великій, заслоненный Никифоромъ, полководецъ Іоаннъ Цимисхій и собственная жена императора. Она впустила заговорщиковъ ночью въ его спальню, и Никифоръ былъ убитъ. Цимисхій, ставъ императоромъ (969—976), загладилъ преступленіе, которымъ достигъ онъ короны. Одолѣвая могаммеданъ, онъ отодвинулъ восточную границу и уничтожилъ власть Гамаданидовъ въ Сиріи, тогда какъ полководецъ его Мануилъ успѣшно воевалъ съ Арабами въ Сициліи; онъ побѣдилъ Булгаровъ и обратилъ страну ихъ въ область имперіи; хищныхъ Печенѣговъ употребилъ онъ для того, чтобы ослабить возрастающую силу Руси, которая неудержимо порывалась подъ самыя стѣны Константинополя. Внутреннее его управленіе было кротко и правосудно; только по временамъ царскія добродѣтели Цимисхія помрачились сильною наклонностью къ сластолюбію и чувственнымъ утѣхамъ. Смерть его обошлась не безъ подозрѣнія въ отравѣ.—Преемникъ его Василій II (внукъ Константина Багрянороднаго, царствовавшій вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Константиномъ VIII, 976 — 1025) управлялъ въ такомъ же духѣ. Энергическими военными дѣйствіями, для которыхъ употреблялъ онъ дружины наемныхъ варваровъ, Василій распространилъ и обезпечилъ восточные предѣлы имперіи; послѣ жестокой десятилѣтней борьбы, смирилъ онъ наконецъ возмутившихся Булгаръ, которые подъ начальствомъ отважнаго предводителя, стали опять совершать опустошительные набѣги на Грецію и Иллирію. Василій нагналъ на нихъ такой страхъ отсылкою къ нимъ 15,000 плѣнныхъ съ выколотыми глазами, что съ тѣхъ поръ, этотъ безпокойный народъ надолго отказался отъ войны и покорился владычеству Византіи. Онъ привелъ къ покорности также Хорватовъ и Сербовъ. Значительнымъ развитіемъ морскихъ силъ охранялъ и облегчалъ онъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю; но чрезмѣрная тягость податей сильно бременила его подданныхъ. Слабый, преданный любимцамъ Константинъ VIII (1025—28) не долго пережилъ брата и назначилъ преемникомъ Романа III (1028—34), мужа дочери своей Зои. Романъ, по свидѣтельству современнаго писателя, Михаила Пселла, взялъ себѣ за образецъ Августа и Антониновъ и жилъ болѣе для наукъ и ученыхъ занятій,

чѣмъ для войны. Онъ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ Арабовъ. Порочная супруга его Зоя, послѣ ранней кончины Романа, повидимому ускоренной насильственными средствами, вышла за придворнаго банкира Михаила IV Пафлагонянина (1034—41), который однакожь вскорѣ впалъ въ умственное разстройство и кончилъ жизнь въ монастырѣ; тогда Зоя усыновила его племянника, Михаила V (1041—1042), но видя, что онъ хочетъ освободиться изъ-подъ ея власти, она немедленно лишила его престола и, на старости лѣтъ, вступила опять въ бракъ съ Константиномъ IX Мономахомъ (1042 — 54). Константинъ правилъ не безъ славы и своей рѣшительностью разстроилъ многіе опасные заговоры, но все же онъ стоялъ не въ уровень съ тѣми тяжкими затрудненіями, которыя окружали кормило государства. Главою одного изъ этихъ заговоровъ былъ храбрый полководецъ Маніакъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отнялъ было Сицилію у Арабовъ, но задержанный въ своихъ предпріятіяхъ придворными происками и наконецъ подчиненный одному недостойному любимцу, отказалъ византійскому двору въ повиновеніи и хотѣлъ съ помощью Норманновъ сдѣлаться властелиномъ Сициліи и Неаполя. Побѣжденный, онъ умеръ въ Булгаріи отъ своихъ ранъ. Но отложеніе его облегчило Норманнамъ завоеваніе этихъ очаровательныхъ провинцій (§ 288). Въ то же самое время области по Дунаю опустошались хищными Печенѣгами и подоспѣвшія на защиту византійскія наемныя войска были отбиты, а востокъ имперіи подвергался безпрерывно вторженіямъ Сельджуковъ. По смерти Константина царствовала съ энергіей и умомъ сестра Зои, Ѳедора (1054 — 56), послѣдняя отрасль дома Василія Македонянина. Но назначенный ею преемникъ, старый и простоумный Михаилъ VI Стратіотикъ, былъ неспособенъ поддержать императорское достоинство. Проигравъ одно сраженіе, онъ вскорѣ долженъ былъ уступить власть храброму побѣдителю Исааку Комнину (1057—1059), основателю знаменитей династіи этого имени (1057—1185). Исаакъ былъ достоинъ трона; онъ обезпечилъ государство договоромъ съ Печенѣгами, а внутри управлялъ мудро и твердо. Онъ ограничилъ пріобрѣтеніе духовенствомъ недвижимости и ввелъ бережливость въ государственное хозяйство. Въ правленіе Исаака и его преемниковъ достигъ, отчасти своимъ подслужничествомъ, большаго вліянія на дѣла знаменитый византійскій полигисторъ (т. е. многовѣдъ) Михаилъ Пселлъ, писавшій и по исторіи, и по медици-

нѣ, и по археологіи, и по политикѣ, стихотворствовавшій и перелагавшій въ стихи даже гражданскіе законы, знакомый съ математикой и естествовѣдѣніемъ и изложившій въ своей Энциклопедіи всѣ знанія того времени, начиная отъ догматики до поваренаго искусства. Исаакъ еще заживо вручилъ правленіе своему наслѣднику, Константину X Дукѣ [1] (1059—67), который, также какъ и жена его, извѣстная ученостью писательница Евдокія, обращалъ все свое вниманіе на науки и на дѣла внутренняго управленія. Евдокія, не смотря на данный умирающему мужу обѣтъ вдовства, въ самый годъ его кончины отдала руку и престолъ храброму полководцу Роману Діогену (1067—1071). Но когда въ неудачномъ походѣ противъ Сельджуковъ онъ измѣною попалъ въ плѣнъ, придворный переворотъ отнялъ у него императорское достоинство и на его мѣсто былъ возведенъ старшій сынъ Константина, Михаилъ VII Парапинакъ (1071—78). Чрезъ нѣсколько времени Сельджуки, изъ уваженія къ мужеству полоненнаго императора, отпустили его съ честію изъ плѣна, но вмѣсто чаемаго престола онъ нашелъ по возвращеніи вѣроломство, измѣну и мучительную смерть, которая постигла его при варварскомъ ослѣпленіи. Ученые царедворцы, которые давно пользовались почетомъ и которыхъ не жаловалъ Романъ, погубили императора. Михаилъ былъ и неспособенъ, и жестокосердъ. Пока, въ близкой связи съ Пселломъ, онъ старался поглотить массу мертвой учености и безполезнаго многознанья, военная часть оставалась у него въ небреженіи, а вслѣдствіе того Норманны въ нижней Италіи (§ 287), Дунайскіе народы на сѣверѣ и Сельджуки на востокѣ, все далѣе простирали свои захваты, и Византійская имперія постоянно находилась какъ бы въ осадномъ положеніи. Норманскіе удальцы, Варяги и азіятскія наемныя войска должны были защищать границы отъ Венгровъ, Хорватовъ, Сербовъ и другихъ народовъ. Тѣснимый двумя смѣлыми предводителями мятежа, ненавидимый народомъ, котораго возстановило противъ него барышничество хлѣбомъ его же собственнаго министра финансовъ, Михаилъ отказался наконецъ отъ правленія и кончилъ дни въ монастырѣ. Одинъ изъ мятежниковъ, престарѣлый Никифоръ Вотоніатъ [2] (1078—81), овладѣлъ короной, однакоже не смогъ удержать за собою власть противъ внѣш-

[1] Увѣряютъ, что Исаакъ предпочелъ Константина собственнымъ сыновьямъ, считая его честнѣйшимъ человѣкомъ во всей имперіи.

[2] Другой былъ Никифоръ Вріэнній, провозглашенный въ Иллиріи.

нихъ враговъ и вѣроломныхъ царедворцевъ. Полководецъ его Алексѣй, внукъ Исаака Комнина, поднялъ противъ него знамя бунта, взялъ и разграбилъ столицу, и на дымящихся ея развалинахъ утвердилъ владычество династіи Комниновъ, которая и царствовала послѣ этого болѣе ста лѣтъ. Блистательныя титла и почести, на изобрѣтеніе которыхъ Алексѣй былъ великій мастеръ, да ученое образованіе, труженически собираемое изъ древнихъ писателей—вотъ слабыя поддержки, на которыя опирался его тронъ. Но, ловкій политикъ и опытный воинъ, онъ царствовалъ около сорока лѣтъ (1081—1118) въ такое время, когда, благодаря крестовымъ походамъ, Востокъ и Западъ сблизились между собой опять и когда своимъ воздѣйствіемъ на романскую и германскую Европу восточной бытъ снова получилъ высшее всемірно-историческое значеніе. Съ достоинствомъ и энергіей противустоялъ онъ трудностямъ, грозившимъ имперіи со стороны Нормановъ и крестоносцевъ на западѣ и со стороны Сельджуковъ на югѣ и востокѣ. Дочь Алексѣя, Анна Комнина, написала ловкимъ перомъ исторію жизни своего родителя. Подъ державою Комниновъ, благосклонствовавшею литературѣ и образованію, процвѣталъ еще историкъ Зонара. Въ духѣ Алексѣя управляли и оба его преемника, благородный, храбрый Іоаннъ (Калоіоаннъ, 1118—43) и его доблестный, воинственный сынъ Мануилъ (1143—80). При нихъ содержаніе византійской исторіи составляютъ во-первыхъ то дружескія, то враждебныя отношенія къ Западу, вслѣдствіе которыхъ войско болѣе и болѣе наполняется наемниками, а столица чуждыми поселенцами; во-вторыхъ—войны съ полудикими сосѣдями на Востокѣ и на Дунаѣ (Сербами и Венграми). Храбрый, воинственный Мануилъ окружалъ себя отличнѣйшими рыцарями западной Европы, между которыми особенно должно упомянуть Конрада Монферратскаго, который геройски отстоялъ Тиръ противъ грознаго Саладина (§ 311).

2) Могаммеданскія державы. Могаммеданскій міръ, давно уже распавшійся на многія державы и династіи, состоялъ въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ изъ двухъ главныхъ государственныхъ группъ: 1) изъ государствъ, учрежденныхъ на сѣверномъ берегу Африки и въ Испаніи, которыя всѣ были независимы и самобытны, и 2) изъ азіятскихъ державъ, которыя видѣли въ «призрачномъ багдадскомъ халифѣ» по крайней мѣрѣ своего духовнаго главу. Держава этого халифа, простиравшаяся отъ восточныхъ границъ

Египта и Византійской имперіи почти до предѣловъ Индіи, Сибири и Монголіи, стала чѣмъ-то въ родѣ феодальной монархіи, но въ сущности сохраняла одинъ только внѣшній видъ единства; потому что въ ней явилось уже множество разныхъ династій, которыя отъ имени багдадскаго халифа владѣли неограниченно кто меньшимъ, кто бо́льшимъ участкомъ этой мнимой монархіи. Сами же халифы, изъ повелителей правовѣрныхъ, сдѣлались плѣнниками и рабами своихъ эмировъ-аль-омра, управлявшихъ въ качествѣ верховныхъ сановниковъ государства. Должность эту занимали сначала родоначальники Буидовъ, а потомъ они должны были уступить ее дикому мужеству Сельджуковъ (§§ 265—266).

а) Сельджуки принадлежали къ туркскому (тюркскому) племени, составляющему отрасль кавказской же породы, но отдѣльную отъ вѣтви индо-германской (§ 2). Въ 10 вѣкѣ Сельджуки, подъ начальствомъ вождя, который подобно всѣмъ другимъ племеначальникамъ платилъ дань великому хану того края, кочевали въ странѣ нынѣшнихъ Киргизовъ; но въ 970 году, подъ предводительствомъ Сельджука, они отложились отъ этого подданства и перекочевали въ сосѣдство Бухаріи. Здѣсь, чтобы найдти себѣ защиту отъ сосѣднихъ татарскихъ ордъ, они перешли къ исламу и усилились присталыми изъ разныхъ ордъ той страны. Сынъ Сельджука, Арсланъ, водворился въ округѣ города Бухары и тѣмъ далъ осѣдлость своему племени. Покоренные Газневидомъ Махмудомъ I (§ 266) и ставъ его данниками, они снова начали перекочевывать отдѣльными родами, одинъ за другимъ, такъ что по смерти Махмуда всѣ роды, подъ водительствомъ Арслановыхъ племянниковъ, были водворены въ Хорасанѣ и отстаивали его противъ Газневидовъ силою оружія. Одинъ изъ этихъ племянниковъ Тогрульбегъ († 1063) завоевалъ Испагань (1050); призванный на помощь халифомъ, онъ низвергъ владычество Буидовъ, и за это былъ торжественно облеченъ въ верховный свѣтскій санъ эмира-аль-омра (1058). Одолѣвъ всѣхъ враговъ, храбрый и благочестивый Тогрульбегъ умеръ въ глубокой старости и оставилъ власть единомысленному съ нимъ племяннику, Альпъ-Арслану († 1072). Этотъ распространилъ предѣлы Сельджукскаго царства на Туркестанъ и Ховаресмъ, боролся съ Фатимидами и Византійскою имперіей и соединялъ величіе героя съ человѣколюбіемъ и смиреніемъ вѣрующаго. Великодушно отпустилъ онъ изъ плѣна византійскаго императора Романа Діогена. По

умерщвленіи его однимъ военноплѣннымъ рабомъ, верховной власти достигъ сынъ его Малекъ (или Меликъ) Шахъ († 1092), преемникъ его могущества и мудрости; онъ избралъ столицею Испаганъ. Если позднѣйшіе персидскіе поэты и ученые славили въ лицѣ его одного изъ величайшихъ правителей міра, то этимъ онъ особенно обязанъ своему опытному визирю Низамъ-эль Мульку, жившему во всемъ по заповѣдямъ Корана. Безпощадно строгій судья, неутомимый благодѣтель бѣдныхъ и вѣрный слуга своему властителю, Низамъ былъ настоящею опорой престола. Онъ между прочимъ сочинилъ руководство для государей, содержащее въ себѣ, рядомъ съ добрыми совѣтами, и историческіе примѣры; онъ возстановилъ пришедшія въ упадокъ учебныя заведенія Багдада и другихъ главныхъ городовъ, поручилъ осьми астрономамъ (1079) обработать новое лѣтосчисленіе (такъ-называемую Джелаллединову эру [1]) и во всѣхъ своихъ мѣрахъ являлся опытнымъ и мыслящимъ государственнымъ мужемъ. Малекъ-Шахъ раздѣлилъ свою обширную державу на множество подручныхъ владѣній (или васальствъ), въ числѣ которыхъ замѣчательнѣйшимъ было Иконійское султанство (Румъ), съ столицею Никеей: основанное Сулейманомъ (Солиманомъ), оно, благодаря счастливымъ войнамъ съ Византійцами, распространилось мало-по-малу на Каппадокію, Киликію, Исаврію и другія малоазійскія земли. Сынъ Сулеймана Килиджъ-Арсланъ хотя и принужденъ былъ уступить Никею крестоносцамъ, однакожь удержался во всѣхъ прочихъ своихъ владѣніяхъ и притомъ сложилъ съ себя даже и тѣнь зависимости отъ преемниковъ Малекъ-Шаха. — По смерти великаго Малека, который прославился какъ мудрый правитель, неутомимѣйшій изъ охотниковъ и побѣдоносный воинъ, царство его, подѣленное между раздорившими сыновьями, раздробилось на множество мелкихъ державъ, ослаблявшихъ другъ друга безпрерывнымъ междоусобіемъ.

б) Фатимиды. Въ царствованіе первыхъ Фатимидовъ Египетъ достигъ великаго могущества и благосостоянія. Земледѣліе процвѣтало, промыслы, внутренняя и внѣшняя торговля сильно оживились; финансы и раскладка податей были хорошо устроены, вездѣ замѣтны были слѣды благоустройства и разумнаго управленія. При этомъ царство Фатимидовъ имѣло обширные предѣлы. Обладая Палестиною и Сиріею, оно состояло въ непосредственной связи съ Азіей; пріоб-

[1] Полное имя Малекъ-Шаха было Джелаллединъ-Малекъ-Шахъ.

рѣтеніемъ Аравійскаго побережья, съ священными городами Меккою и Мединой, Египтяне забрали въ руки торговлю съ Индіею и съ восточно-азійскими странами; сѣверная Африка и Нубія признавали господство Фатимидовъ на Нилѣ; установились торговыя связи съ Италіей, Сициліей и Испаніей. Мудрый и прозорливый правитель Азизъ (975—996), поощрявшій науки (особенно астрономію) и при выборѣ способныхъ людей на мѣста не обращавшій вниманія на вѣру, пріобрѣлъ сирійскія области Гамаданидовъ и съ ними города Алеппъ, Дамаскъ и Мосулъ. Юный сынъ его Гакемъ (996—1021), сначала также заботился о благосостояніи края, о поддержкѣ торговли и земледѣлія, о хорошемъ управленіи и добромъ судѣ, но впослѣдствіи религіозная ненависть сдѣлала его жестокимъ. Онъ поднялъ ужаснѣйшія гоненія противъ сирійскихъ суннитовъ (§ 261) и, не довольствуясь тѣмъ, что насильно вынуждалъ признаніе вѣрѣ шіитовъ и подлинности происхожденія Фатимидовъ отъ пророка, онъ увлекся въ крайній фанатизмъ измаилитской секты и выдавалъ самого себя за воплощенное божество. Полный этой безумной мечты, онъ совершалъ такіе поступки и затѣвалъ такія постановленія, которыя обнаруживали явное съумасбродство, а онъ еще неистовствовалъ при этомъ съ безчеловѣчною жестокостью какъ противъ христіанъ и іудеевъ, такъ и противъ непокорныхъ ему магаммеданъ. Личная свобода была совершенно уничтожена его притязаніями на неслыханно-строгое блюстительство правовъ. Гакемъ, основатель и теперь еще существующей въ Ливанѣ изувѣрной секты друзовъ, былъ наконецъ убитъ по распоряженію родной сестры своей, которая потомъ предоставила власть своему племяннику, Тагиру (1021—36). Достигнувъ всеобщаго признанія въ санѣ халифа, Тагиръ возстановилъ цвѣтущее состояніе Египта мудрымъ управленіемъ. Но при сынѣ его Мостансирѣ (1036—94) и его преемникахъ, египетскихъ халифовъ постигла та же участь, что и багдадскихъ: они должны были удовольствоваться пустыми почестями и пышнымъ титломъ духовнаго главы правовѣрныхъ, между тѣмъ какъ вся мірская власть перешла въ руки начальника турецкой гвардіи, который сначала назывался визиремъ, а потомъ уже прямо царемъ или султаномъ. Первымъ въ ряду такихъ самовластныхъ визирей былъ Абу Магаммедъ Гасанъ, прозванный Язури; онъ девять лѣтъ правилъ государствомъ съ энергіей и умомъ, примѣрно заботился о правосудіи и полицейскомъ благоустройствѣ, по-

ощрялъ земледѣліе, промыслы и торговлю и правильно распредѣлилъ сборъ податей. Изъ ненависти къ Византійцамъ и христіанамъ велѣлъ онъ однакожь отобрать всѣ сокровища, сложенныя въ іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія Христова. Умерщвленіе его было поводомъ къ страшной рѣзнѣ между турецкою гвардіей и ордами негровъ, призванными противъ чужеземцевъ матерью халифа. Турки одолѣли подъ начальствомъ жестокаго Насръ-эдъ-Даулы, который овладѣлъ потомъ всѣмъ нижнимъ Египтомъ, истребилъ тамъ всѣ плоды образованія, размыкалъ драгоцѣнную халифскую библіотеку и раззорилъ гати и каналы, чтобы лучше держаться въ опустошенной землѣ. Къ довершенію всѣхъ золъ для несчастныхъ Египтянъ, эти бѣдствія губительной войны сопровождались еще неслыханнымъ голодомъ, вслѣдъ за которымъ открылась чума. Трудно описать тогдашнее положеніе этого переполненнаго народомъ края, терзаемаго въ теченіе пяти лѣтъ всѣми ужасами мора, голода и войны. Мукй и хлѣба часто нельзя было достать ни за золото, ни за драгоцѣнные камни; полицейское благоустройство исчезло безъ слѣда, люди стали хуже дикихъ звѣрей, человѣческое мясо служило почти обыкновенною пищей, вся каирская мѣстность превратилась въ пустыню, а дворецъ халифа въ вертепъ разбойниковъ. Самъ халифъ пришелъ въ положеніе, близкое къ совершенной нищетѣ. Растративъ остатки прежняго богатства Фатимидовъ, продавъ даже украшенія съ великолѣпныхъ гробницъ своихъ предковъ, онъ пробавлялся однимъ мірскимъ подаяніемъ. Изъ этого бѣдственнаго состоянія Египетъ былъ выведенъ только тогда, когда по убіеніи Насръ-эдъ-Даулы халифъ призвалъ на помощь, изъ Сиріи, обращеннаго къ исламу армянина Бедръ-аль-Джемали съ его наемнымъ войскомъ. Умными правительственными распоряженіями этотъ человѣкъ успѣлъ возстановить порядокъ и благосостояніе края, но зато былъ вынужденъ предоставить Сирію и Палестину на произволъ дикой, разбойничьей ватагѣ Турковъ, которая своимъ страшнымъ безчинствомъ противъ христіанъ подала главный поводъ къ крестовымъ походамъ. Вскорѣ эти турецкія орды должны были покориться одолѣвающей силѣ одного начальника Сельджуковъ, который сѣлъ господиномъ въ Дамаскѣ и расширилъ предѣлы своей державы насчетъ Окайлидовъ, властвовавшихъ въ Мосулѣ и Алеппѣ. Однакожь эта перемѣна отнюдь не улучшила жребія христіанъ,—ни туземцевъ, ни пришлыхъ богомольцевъ. Ко времени перваго крестоваго похода сынъ Малекъ-Шаха,

Баркіарокъ, покорилъ своей власти всю Сирію и Месопотамію и посадилъ своихъ данниковъ державцами въ Іерусалимѣ, Антіохіи, Мосулѣ и друг. мѣстахъ. Но передъ самымъ появленіемъ первыхъ крестоносцевъ Іерусалимъ попалъ въ руки египетскаго визиря, Ахмедъ-Афдаля, сына Бедрова. Усобицы могаммеданъ, порожденныя стремленіемъ разныхъ владѣльцевъ къ расширенію своей власти и религіозною ненавистью между суннитами и шіитами, много способствовали враждебнымъ замысламъ христіанъ. — Кромѣ двухъ главныхъ религіозныхъ партій ислама (суннитовъ и шіитовъ), въ эпоху крестовыхъ походовъ пріобрѣли большое значеніе измаилитскія секты, прозванныя такъ по имени Аліева потомка, Измаила, и распространившіяся отъ Туркестана вплоть до Пиренейскихъ горъ. Система измаилитовъ произошла изъ вліянія индо-персидскихъ ученій на исламъ и зиждется на мысли, что имамство или вдохновеніе Божіе — родовой удѣлъ потомковъ основателя измаилитскихъ сектъ и переходитъ по наслѣдству изъ одного тѣла въ другое. Въ основаніи этой системы лежитъ аллегорико-мистическій догматъ, по которому толкуется весь Коранъ и который ведетъ прямо къ разрѣшенію вѣры въ философію, къ неограниченной свободѣ мысли и сужденія, и притомъ у иныхъ измаилитскихъ сектъ къ неимовѣрному безстыдству нравовъ, а у другихъ къ столь же неимовѣрному отрѣшенію отъ суеты мірской. У всѣхъ этихъ сектъ были свои тайноученія, посвященія и степени, свои тайныя оргіи и свои миссіонеры, которые завлекали новообращенниковъ и большею частію дѣйствовали въ политическихъ видахъ. Міряне назывались у нихъ рефиками, посвященные федаями, а учители и миссіонеры — даями. Къ измаилитскимъ сектамъ принадлежали караматіи, живущіе со временъ Гакема въ Ливанѣ друзы, потомъ позаиры и, наконецъ, основанная Обейдаллахомъ въ Африкѣ, секта фатимидовъ. Но всѣхъ извѣстнѣе сдѣлался орденъ ассасиновъ, учрежденный фанатикомъ Гасаномъ бенъ-Сабá (§ 308).

§ 302. Петръ Аміенскій. Уже съ 4 вѣка вошло у христіанъ въ обычай предпринимать для спасенія души и искупленія грѣховной жизни благочестивыя странствованія въ Палестину, чтобы «пройдти по слѣдамъ Спасителя, апостоловъ и пророковъ» и помолиться на самомъ гробѣ Господнемъ, на которомъ императрица Елена выстроила великолѣпный склепъ и при немъ храмъ. Чѣмъ болѣе религіозныя идеи овладѣва-

ли душами, чѣмъ болѣе страданія и лишенія, претерпѣваемыя Христа ради, чѣмъ болѣе покаяніе и аскетизмъ считались вѣрнѣйшимъ путемъ къ небесному блаженству, тѣмъ чаще становились хожденія къ Св. Мѣстамъ, особенно, когда около тысячнаго года распространилось убѣжденіе, что близокъ уже день послѣдняго суда и втораго пришествія Христова. Пока Святою Землей владѣли торговые Арабы (§ 260), христіане-богомольцы, платя только извѣстный сборъ, могли безпрепятственно приходить и уходить обратно; но когда Сирію и Палестину захватили сельджукскіе Турки (§ 265, 301), тогда и туземные христіане, и странствующіе богомольцы подверглись жестокимъ притѣсненіямъ. Жалобы на обиды, убійство и грабежъ раздавались все громче и громче, такъ что уже папа Григорій VII занятъ былъ мыслію воспользоваться религіозной ревностью Запада для освобожденія Св. Мѣстъ. Борьба его съ императоромъ помѣшала исполненію этого плана. Тогда предсталъ передъ папу Урбана II возвращавшійся изъ Іерусалима богомолецъ, Петръ Пустынникъ Аміенскій, живо изобразилъ ему бѣдствія христіанъ на Востокѣ и получилъ отъ него благословеніе обходить города и села и подготовлять умы къ великому замыслу освобожденія Святой Земли изъ рукъ невѣрныхъ. Чудно было движеніе, произведенное огневыми разсказами краснорѣчиваго паломника между всѣми сословіями, во всѣхъ странахъ, и особенно въ воспріимчивой, подвижной Франціи. Его исхудалое лицо, его скудная, опоясанная веревкою, одежда, его пламенный взглядъ придавали необыкновенный вѣсъ его рѣчамъ. Поэтому когда папа созвалъ великій соборъ на обширной Клермонтской равнинѣ, въ южной Франціи (1095), — соборъ, на который явилось множество епископовъ, господъ и безчисленная толпа романскаго люда всѣхъ сословій, когда онъ торжественно призвалъ Западъ идти съ оружіемъ на Востокъ и заключилъ свою пламенную рѣчь увѣщаніемъ: «да отвергнется каждый самого себя и возьметъ крестъ свой для обрѣтенія Христа Бога», тогда раздался отовсюда единодушный кликъ: «То воля Господня!»— тысячи пали на колѣна и молили немедленно вступить въ число священныхъ воиновъ Христа. Они первые прикрѣпили себѣ красный крестъ на

правое плечо, и оттого все новое братство, соединившееся на общее предпріятіе, получило названіе крестоносцевъ. Всѣ спѣшили исполнить слово Божіе: «иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ!» Идущимъ на святую брань, кромѣ разныхъ преимуществъ въ здѣшнемъ мірѣ, обѣщано было полное отпущеніе грѣховъ и вѣчная награда въ царствѣ небесномъ [1].

§ 303. Сильное одушевленіе овладѣло тогда всѣми безъ изъятія: ни одно сословіе, ни одинъ возрастъ, ни одинъ полъ не хотѣли отстать другъ отъ друга; земледѣлецъ спѣшилъ отъ сохи, пастухъ отъ своего стада, супруги рвались въ добровольную разлуку, родители покидали дѣтей, старцы, мальчики и женщины увлекались потокомъ общаго движенія, ино-

---

[1] Необходимо дополнить краткій очеркъ автора изложеніемъ обстоятельствъ, побудившихъ Урбана II созвать для начатія священной войны соборъ именно въ южной Франціи. Урбанъ самъ былъ природный Французъ, такъ же какъ и главный дѣятель этого движенія, Петръ Пустынникъ. Франція считалась тогда самымъ послушнымъ чадомъ св. престола, а южная Франція была притомъ и очень образованною страной. Съ Германіею раздѣляла папу его упорная борьба противъ неуступчиваго Генриха IV; на Италію, волнуемую своими зараждающимися республиками, было очень мало надежды. Византійскій императоръ Алексій Комнинъ напрасно взывалъ передъ этимъ къ помощи латинскихъ вельможъ, описывая ужасы, которымъ подвергается его имперія отъ жестокихъ и нечестивыхъ Турковъ. Папа однакожъ созвалъ соборъ сперва все-таки въ Піаченцѣ, но Итальянскіе господа ограничились только тѣмъ, что обѣщали современемъ пособить утѣсненному императору. Видя эту холодность со стороны Итальянцевъ и тронутый до глубины души разсказами Петра Пустынника, Урбанъ II рѣшился обратиться къ тому народу, на самоотверженность котораго могъ онъ всего болѣе разсчитывать въ такомъ дѣлѣ какъ защита общаго дѣла христіанъ, и онъ мастерски умѣлъ затронуть всѣ живыя струны французской націи. «Народъ, говорилъ онъ ей, любимый и избранный Богомъ, да подвигнется духъ твой воспоминаніемъ о твоихъ предкахъ! Земля, на которой живешь ты, была нѣкогда наводнена Сарацынами, и, безъ мужества твоихъ отцовъ, Европа приняла бы законъ Могаммеда. Вспомяни же ихъ опасности и ихъ славу: они избавили Западъ отъ порабощенія; спаси же и ты Европу и Азію, спаси градъ Христовъ, этотъ избранный Богомъ Іерусалимъ, откуда пришелъ къ намъ законъ вѣры.» Обращаясь къ рыцарскому духу воинственныхъ и суровыхъ вельможъ, жаждавшихъ между тѣмъ покаяться въ кровавыхъ подвигахъ, которыми наполнялась большая часть ихъ жизни, папа убѣждалъ ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Если вы такъ горячи къ войнѣ, то вотъ случай вести войну и тѣмъ самымъ загладить ваши прежнія насилія. Вамъ нужно крови, — проливайте жь кровь невѣрныхъ мусульманъ. Воины ада! обратитесь въ воиновъ Бога живаго. Не умеръ ли для васъ самъ Христосъ?—умирайте же и вы за Него въ свою очередь!» Мудрено ли, что всѣ слышавшіе пали къ стопамъ св. отца, произнося торжественный обѣтъ выручить во что бы ни стало Святую Землю?

ки и монахини бѣжали изъ своихъ келій; въ Европѣ повѣялъ новый духъ, настало новое переселеніе народовъ, только уже съ иными стремленіями, съ измѣнившимся направленіемъ. Гдѣ не довольно сильно дѣйствовало религіозное одушевленье, тамъ помогала удаль, страсть къ похожденіямъ и рыцарскимъ подвигамъ, или надежда пріобрѣсть короны, владѣнія, сокровища; бѣдный и беззащитный чаялъ избавиться этимъ отъ житейскихъ нуждъ и гнета неблагопріятныхъ отношеній. Приготовленія державныхъ владѣтелей и господъ шли, на взглядъ взволнованной толпы, слишкомъ медленно, а потому уже съ наступленіемъ весны (1096) нѣсколько передовыхъ, плохо вооруженныхъ дружинъ двинулось, подъ начальствомъ Петра Аміенскаго и французскаго рыцаря Готье Неимущаго (Gautier Sans-avoir) черезъ Германію и Венгрію къ Константинополю. Когда въ Булгаріи имъ отказали въ съѣстныхъ припасахъ, они взяли приступомъ Бѣлградъ и наполнили весь край грабежемъ и убійствомъ. Раздраженные жители нападали на нихъ гдѣ могли и въ свою очередь побивали ихъ тысячами. Остальные съ главными вождями пришли въ Константинополь, ихъ перевезли въ Малую Азію; но тамъ въ ущельяхъ и тѣснинахъ неподалеку отъ Никеи всѣ они погибли отъ руки Сельджуковъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, которые разбѣжались въ разныя стороны. Въ отчаянномъ бою палъ самъ Готье, окруженный братьями и мужественнѣйшими изъ сподвижниковъ. Не лучшій жребій постигъ и тѣ нестройныя толпы, которыя послѣ кроваваго преслѣдованія Жидовъ въ при-рейнскихъ городахъ (Страсбургѣ, Вормсѣ, Майнцѣ и друг.) выступили въ походъ подъ предводительствомъ священника Готшалька и графа Эмикона Лейнингенскаго.

§ 304. Готфридъ Буйліонскій. Такимъ образомъ успѣли погибнуть сто тысячъ человѣкъ, когда по тому же пути къ Константинополю направился герцогъ Лотарингіи, великодушный Готфридъ Буйліонскій [1], съ братьями Балдуи-

[1] Въ борьбѣ Генриха IV съ папою, Готфридъ принялъ сторону императора, убилъ собственною рукой Рудольфа Швабскаго и первый пошелъ на приступъ при взятіи Рима. Раскаяніе въ такомъ нечестивомъ образѣ дѣйствій особенно побудило его возложить на себя крестъ.

номъ и Евстаѳіемъ и съ множествомъ хорошо вооруженныхъ рыцарей (въ числѣ ихъ былъ храбрый графъ Робертъ Фландрскій), между тѣмъ какъ, съ другой стороны, братъ короля французскаго, графъ Гюгъ де-Вермандуа, и норманскій принцъ Боэмундъ въ нижней Италіи (§ 287)—послѣдній вмѣстѣ съ рыцарственнымъ и честолюбивымъ племянникомъ своимъ Танкредомъ—пустились туда же морскимъ путемъ [1]. Давъ, послѣ долгаго сопротивленія, лѣнную присягу Византійскому императору Алексѣю Комнину (§ 301) и обѣщавъ ему возвращеніе всѣхъ городовъ, принадлежавшихъ Восточной имперіи до нашествія Турковъ, они были перевезены въ Азію (1097). Въ одной равнинѣ близъ Никеи произведенъ былъ смотръ всему войску, состоявшему изъ 600,000 человѣкъ (въ томъ числѣ 100 тыс. конниковъ и 300 тыс. боевыхъ пѣхотинцевъ), котораго главными начальниками, кромѣ упомянутыхъ прежде, были еще Робертъ Нормандскій, сынъ Вильгельма Завоевателя (§ 286), Стефанъ де-Блуа, у котораго было столько крѣпкихъ замковъ, сколько дней въ году, богатый и могущественный графъ Раймондъ Тулузскій, къ которому, по словамъ лѣтописи, присталъ весь народъ между Альпами и Пиренеями, и мног. друг. Епископъ пюйскій Адгемаръ присутствовалъ въ званіи папскаго легата. Войско первыхъ крестоносцевъ состояло преимущественно изъ французскихъ, норманскихъ и фландрскихъ рыцарей; Нѣмецкая имперія, раздираемая распрями и убійствами, увлеклась

[1] Изъ участниковъ перваго крестоваго похода образовалось собственно три арміи: одна на сѣверѣ Франціи, другая въ срединѣ, третья на югѣ. Первая состояла изъ Фландрцевъ, Лотарингцевъ и Прирейнцевъ (10 тыс. конниковъ и 80 тыс. пѣхоты), подъ начальствомъ Готфрида Буйліонскаго, и шла по теченію Дуная прямо къ Константинополю. Вторая, состоявшая изъ Французовъ (въ тѣсномъ смыслѣ), Нормандцевъ, Бургундцевъ и т. д., была подъ начальствомъ Гюга, брата короля Филиппа Французскаго,—Роберта Нормандскаго, который для покрытія издержекъ похода заложилъ свое герцогство англійскому королю, и Этьенна или Стефана графа де-Блуа; она шла черезъ Италію и соединилась въ Апуліи съ ополченіемъ италійскихъ Норманновъ, предводимыхъ Боэмундомъ, сыномъ Роберта Вискарда. Третья, южная, армія состояла изъ Гасконцевъ, Провансаловъ и Тулузянъ, подъ начальствомъ Раймонда де-Сенъ-Жилля, графа Тулузскаго, перваго владѣтельнаго князя, возложившаго на себя крестъ, и епископа города Пюи, Адгемара, папскаго легата и духовнаго главы всѣхъ крестоносцевъ. Она прошла Альпы, Ломбардію и Фріуль и направилась къ Константинополю черезъ малоизвѣстные тогда края Иллиріи и Славоніи.

въ потокъ религіознаго одушевленія уже послѣ. Осада укрѣпленной Никеи и побѣда надъ приспѣвшимъ къ ней на помощь султаномъ (Килиджъ-Арсланомъ) были первымъ значительнымъ подвигомъ крестоносцевъ. Неопытнымъ въ осадной войнѣ западникамъ стоило долгихъ усилій взять городъ, обороняемый и естественнымъ положеніемъ, и храбрымъ гарнизономъ. Когда Никея долѣе держаться не могла, жители выставили на стѣнахъ знамя Византіи и избавились такимъ образомъ отъ приступа и грабежа. Съ ропотомъ предоставили крестоносцы взятый городъ хитрому Алексѣю, который одарилъ начальниковъ богатыми подарками, а воинамъ роздалъ по немногу.

§ 305. Дорилей и Антіохія. Затѣмъ крестоносцы двинулись двумя отдѣльными арміями на юго-востокъ чрезъ владѣнія иконійскаго султана. Тутъ одной изъ армій, при городѣ Дорилеѣ, противустали доброконные Сельджуки подъ начальствомъ самого Килиджъ-Арслана и конечно истребили бы ее въ конецъ, еслибъ не подоспѣлъ во-время Готфридъ съ другимъ войскомъ и не отразилъ непріятеля. Взятіе богатаго турецкаго лагеря, полнаго драгоцѣнныхъ тканей, было плодомъ побѣды при Дорилеѣ. Недостатокъ продовольствія въ странѣ, кругомъ опустошенной Турками, и распри Танкреда съ жестокосердымъ Балдуиномъ вскорѣ поубавили ряды крестоносцевъ. Многіе погибли жертвою голода, напряженныхъ трудовъ и непріятельскаго меча. Иные ушли на родину, иные отдѣлились отъ войска и основали на чужбинѣ независимыя владѣнія съ уставами, перенесенными изъ отечества. Такъ поступилъ Балдуинъ въ христіанскомъ городѣ Эдессѣ, на Евфратѣ, когда армянскій князь Торосъ, вызвавшій его на помощь противъ Турковъ и потомъ усыновившій, былъ убитъ среди народнаго мятежа (1097). Наконецъ армія крестоносцевъ достигла очаровательныхъ окрестностей Антіохіи, на Оронтѣ, и обложила этотъ крѣпкій, обильно снабженный всѣми потребностями городъ. Но недостатокъ въ продовольствіи, болѣзни и смѣлыя вылазки осажденныхъ вскорѣ поставили крестоносцевъ въ бѣдственное положеніе. Только по отраженіи подоспѣвшаго на выручку турецкаго войска и по устраненіи нужды въ припасахъ съ

прибытіемъ генуэзскихъ кораблей, удалось наконецъ хитрому Боэмунду, послѣ девятимѣсячной осады, овладѣть, съ помощью измѣны, Антіохіей (3 іюля 1098), которая заранѣе предоставлена была всѣми другими военачальниками въ его пользу. Страшно было мщеніе христіанъ въ покоренномъ городѣ. Число убитыхъ превышало 10,000 человѣкъ. Но черезъ три дня явился сельджукскій султанъ Кербуга изъ Мосула и обложилъ открытую теперь Антіохію несмѣтными полчищами со всѣхъ сторонъ. Тогда войско крестоносцевъ дошло въ короткое время до такой нужды въ съѣстныхъ припасахъ, что погибель его казалась неизбѣжною и всѣ впали уже въ совершенное отчаянье. Изъ этой бѣды вывело ихъ обрѣтеніе святаго копья [1], найденнаго по указанію одного священника въ храмѣ Петра апостола и приведшаго оголодалыхъ, полунагихъ крестоносцевъ въ такой восторгъ, что сдѣлавъ отважную вылазку, они прогнали многочисленное войско осаждавшихъ, взяли съ боя ихъ богатый станъ и проложили себѣ дорогу къ Іерусалиму. Однакожь вѣра въ подлинность копья скоро исчезла, когда священникъ Петръ умеръ вслѣдствіе Божія суда, которому подвергли его для испытанія.

Божій судъ и кончина Петра священника. По-полудни въ великую пятницу, когда Петръ уже приготовился къ суду постомъ, сложены были изъ сухихъ маслинъ два костра, въ четырнадцать футовъ вышиною, раздѣленные промежуткомъ въ одинъ футъ. Около этихъ костровъ стало кругомъ войско крестоносцевъ, подъ оружіемъ, числомъ сорокъ тысячъ человѣкъ, а въ срединѣ помѣстилось духовенство въ полномъ облаченіи, но съ босыми ногами. Когда огонь разгорѣлся такъ сильно, что пламя поднималось футовъ на тридцать и никто уже не могъ подойти къ нему близко, тогда выступилъ одинъ іерей и молвилъ во всеуслышаніе: «Если воистину Всемогущій Богъ бесѣдовалъ лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ и святой Андрей указалъ ему на яву святое копье, то да пройдетъ онъ невредимо сквозь огонь. Еслижъ это ложь, то да сгоритъ онъ вмѣстѣ съ копьемъ, которое понесетъ въ рукахъ своихъ». Всѣ присутствующіе, преклонивъ колѣно, возгласили: аминь. Тогда, одѣтый въ короткую рясу,

[1] Которымъ будто бы былъ прободенъ Спаситель.

Петръ палъ на колѣна передъ епископомъ Албарскимъ и громко призывалъ Бога въ свидѣтели, что не выдумалъ ничего въ разсказѣ о бывшихъ ему явленіяхъ апостоловъ Петра и Андрея, молилъ объ отпущеніи ему грѣховъ противъ Господа Бога и противъ ближнихъ и просилъ епископа, духовенство и весь предстоящій народъ соединиться съ нимъ въ молитвѣ за его спасеніе. Тутъ епископъ вложилъ святое копье въ его руки и осѣнилъ его крестомъ; онъ поднялся на ноги и пошелъ медленнымъ шагомъ сквозь высоко пылающій огонь. Когда онъ снова выступилъ изъ пламени, гдѣ повидимому не пострадала ни его собственная одежда, ни пелена, въ которую обернуто было копье, и съ громкимъ крикомъ: «Помоги, Господи!» благословилъ святыней предстоящихъ — неизрѣчимый восторгъ овладѣлъ всѣми тѣми, кто стоялъ за подлинность копья. Но выдержавъ Божій судъ, Петръ долженъ былъ испытать на себѣ, что слѣпое уваженіе народа опаснѣе самого суда Божія. На него, сильно обожженнаго огнемъ, ринулись вдругъ цѣлыя толпы изувѣрныхъ почитателей, повалили его наземь, рвали по клочкамъ его платье, а нѣкоторые срывали и мясо съ костей бѣднаго святаго. Раймондъ Пилезъ съ нѣсколькими рыцарями долженъ былъ освободить его вооруженною рукою. Другіе удовольствовались тѣмъ, что нахватали съ костровъ головень и угольевъ, отчего въ нѣсколько минутъ не осталось и слѣда пожара. Приверженцы Раймонда видѣли во время суда Божія множество чудесныхъ явленій; самъ Петръ утверждалъ, что посреди огня онъ велъ бесѣду съ апостоломъ Андреемъ. Однакожъ онъ умеръ въ двѣнадцатый день послѣ этого суда, отъ полученныхъ ли обжоговъ, какъ увѣряли противники св. копья, или вслѣдствіе истязаній отъ вѣрующаго народа. Всѣ другіе князья и рыцари были убѣждены въ подложности найденной святыни; одни Провансалы были противнаго мнѣнія и продолжали носить ее съ прежнимъ благоговѣніемъ передъ своимъ войскомъ, что̀ у прочихъ крестоносцевъ возбуждало смѣхъ.

§ 306. Іерусалимъ. Само войско нудило къ дальнѣйшему движенію несогласныхъ вождей, забывавшихъ высокую цѣль общаго предпріятія изъ-за себялюбивыхъ частныхъ видовъ. Путь ихъ лежалъ между морскимъ берегомъ и Ливанскимъ хребтомъ. Когда черезъ Рамлу и Эмаусъ они въ Троицынъ день (1099) достигли той высоты, съ которой впервые открывается Іерусалимъ, всѣ въ священномъ благоговѣніи пали на колѣна, плакали и рыдали отъ радости и

славославили Господа въ хвалебныхъ пѣсняхъ. Но для ослабленнаго, утомленнаго и лишеннаго всѣхъ осадныхъ снарядовъ войска христіанъ было трудною задачей покорить крѣпкій, всѣми потребностями снабженный городъ, который между тѣмъ подпалъ власти сильнаго султана египетскаго. Недостатокъ воды и изнурительный солнечный зной дѣйствовали пагубнѣе самыхъ стрѣлъ непріятеля. Но новый пылъ одушевленія одолѣлъ всѣ преграды. Послѣ тридцатидневной осады и двухсуточнаго приступа Іерусалимъ былъ взятъ крестоносцами (15 іюля 1099) при кликахъ: «То Божья воля! Помоги намъ, Господи!» Ужасенъ былъ жребій побѣжденныхъ: слѣпое изувѣрство христіанскихъ воиновъ видѣло священный долгъ свой въ томъ, чтобъ умерщвлять какъ можно больше враговъ. По лѣстницѣ главной мечети струилась кровь десяти тысячъ убитыхъ Сарацыновъ; Евреевъ загнали въ синагогу и сожгли всѣхъ за одинъ разъ; не было пощады ни полу, ни возрасту; улицы наполнились трупами, кровью и оторванными членами растерзанныхъ, изувѣченныхъ жертвъ; воздухъ оглашался жалобнымъ воплемъ и стонами раненныхъ и умирающихъ; вездѣ царствовали грабежъ, убійство и опустошеніе. Только насытясь местью до пресыщенія и утоливъ жажду добычи, крестоносцы возвратились мало-по-малу къ христіанскому смиренію, покаянію и благочестію; и тогда тѣ самые люди, которые еще не задолго свирѣпствовали подобно дикимъ звѣрямъ, потянулись босые и съ обнаженною головой, подъ звукъ хвалебныхъ гимновъ, къ храму гроба Господня, чтобы на мѣстѣ этой святыни теплою мольбой и слезами радости возблагодарить Бога за счастливый успѣхъ и принесть обѣтъ покаянія.—Затѣмъ приступили къ избранію короля Іерусалиму (22 іюля). Выборъ палъ на Готфрида Буйліонскаго, отличавшагося твердостью, разсудительностью и благочестіемъ передъ всѣми; но онъ отказался носить царскій вѣнецъ тамъ, гдѣ Спаситель міра источалъ неповинную кровь подъ вѣнцомъ терновымъ. Онъ презрѣлъ наружное отличіе и назвался только защитникомъ святаго гроба. Право свое на это титло доказалъ онъ вскорѣ славною побѣдой при Аскалонѣ (12 августа 1099), гдѣ съ небольшою ратью онъ отразилъ превосходную силу египетскаго султана, до-

ставилъ христіанскимъ рыцарямъ несмѣтную добычу, а новому королевству Іерусалимскому обезпечилъ его существованіе. Но въ слѣдующемъ уже году (18 іюля 1100) Готфридъ палъ жертвою непривычнаго климата и слишкомъ напряженныхъ трудовъ. Онъ погребенъ въ храмѣ святаго гроба и равно оплаканъ Франками, Сирійцами и Греками; это былъ чистый, нравственный характеръ, истинный представитель религіознаго героизма той эпохи; вотъ почему преимущественно съ его именемъ связаны любовь и восторженное удивленіе современниковъ и потомства. Братъ его Балдуинъ сталъ наслѣдникомъ его власти и первый принялъ санъ короля. И ему пришлось выдержать упорную борьбу съ египетскими могаммеданами, — борьбу, относимую поэтами той эпохи къ «рыцарямъ круглаго стола» [1]. Скалистый и дебристый край съ окружавшею его пустыней такъ же трудно было удерживать въ рукахъ, какъ и покорить, при стремительномъ напорѣ враговъ и при раздорахъ, непослушаніи и безразсчетной удали самихъ крестоносцевъ. Сначала не было однакожь недостатка въ приливѣ новыхъ христіанскихъ войскъ: религіозное одушевленіе возросло со времени взятія Іерусалима, и тысячи богомольцевъ всѣхъ состояній, возрастовъ и половъ спѣшили въ Святую Землю толпа за толпой. Это можно-сказать было непрерывное шествіе, хотя въ исторіи отмѣчалось только появленіе самыхъ крупныхъ массъ странниковъ.

§ 307. Іерусалимское королевство. При Балдуинѣ I († 1118) и при Балдуинѣ II († 1131) королевство Іерусалимское

[1] Древняя, простая сага о полумиѳическомъ королѣ Артурѣ и его круглomъ столѣ родилась въ Вельсѣ и французской Бретани, населенной бѣглыми Бриттами. Первоначально Артуръ являлся только поборникомъ британской или кельтійской народности и христіанской вѣры противъ языческихъ Англо-Саксовъ, но впослѣдствіи съ распространеніемъ этой саги во Франціи и особенно благодаря крестовымъ походамъ, она разрослась и обогатилась множествомъ новыхъ подробностей, каковы учрежденіе рыцарей круглаго стола, приписываемое отцу Артура и совѣту знаменитаго волхва Мерлина, и сказаніе о святой чашѣ, употребленной при совершеніи Тайной Вечери, и въ которую потомъ Іосифъ Аримаѳейскій собралъ будто бы кровь Спасителя при положеніи тѣла его во гробъ. Эта чаша обладала, по словамъ сказанія, чудотворною силой и, между прочимъ, сама себѣ избирала защитниковъ изъ рыцарей самыхъ благородныхъ и благочестивыхъ. Она хранилась въ дивномъ укрѣпленномъ замкѣ, построенномъ миѳическимъ королемъ Титурелемъ на неприступной ониксовой горѣ Монсальважѣ въ Испаніи.

имѣло самые обширные предѣлы. По занятіи приморскихъ городовъ Кесаріи, Аккона (Акры, Птолемаиды), Триполя, Берита, Сидона и Тира, оно простиралось отъ Тарса (въ Киликіи) и Эдессы до южной Газы. Но графства Трипольское и Эдесское и княжество Антіохія состояли съ нимъ въ очень слабой лэнной связи. Величайшее участіе въ отстаиваніи, защитѣ и расширеніи новаго королевства принимали итальянскія республики Венеція, Генуа и Пиза, сколько изъ религіозныхъ побужденій, столько же и въ видахъ весьма прибыльной торговли и извозной промышленности. Государственное устройство было учреждено по точному образцу феодальной системы Запада. Наслѣдственный королевскій престолъ окружало лэнное дворянство, съ раздѣленіемъ этого сословія на три степени и съ предоставленіемъ ему верховной земской и судебной власти въ его участкахъ; духовенство, пользовавшееся почти полною независимостью и владѣвшее множествомъ монастырей, состояло подъ вѣдѣніемъ патріарха, архіепископовъ и епископовъ, а въ городахъ преобладало сословіе гражданъ, съ свободнымъ общиннымъ управленіемъ, самосудомъ и привилегіями вольныхъ имперскихъ городовъ. Судъ вершился по особеннымъ уставамъ и обычаямъ (assises et bons usages), состоявшимъ изъ тѣхъ правоположеній, которыя считались общепризнанными во Франціи, въ Италіи, въ Англіи и въ Прирейнскихъ странахъ, откуда собственно вышло крестовое рыцарство. Такъ какъ крестоносцы различныхъ націй и языковъ собща овладѣли мѣстностями, отнятыми у Сарацыновъ, и старались заселить и преобразовать ихъ къ лучшему введеніемъ западныхъ и христіанскихъ учрежденій, то при установленіи государственнаго порядка и законодательства необходимо было избирать именно то, что у всѣхъ этихъ народовъ было общаго, и сводить въ одну цѣльную систему, прилаживаясь къ понятіямъ и началамъ того времени, особенно къ тогдашнему развитію лэнныхъ отношеній. — Водворившіеся здѣсь Европейцы низшихъ сословій большею частію принадлежали къ отребію народныхъ массъ; Франки [1], рожденные на Востокѣ, назывались Пулланами, туземные христіане (Сирійцы)—Суріанами, Греки—Гриффонами. Итальянцы,

[1] Подъ этимъ общимъ именемъ стали съ тѣхъ поръ извѣстны западные Европейцы на Востокѣ, и изъ смѣси романскихъ и восточныхъ языковъ образовался даже особый обиходный говоръ, который носитъ тамъ донынѣ названіе франкскаго языка, lingua franca.

Провансалы и потомъ Нѣмцы поддерживали оживленную торговлю въ той странѣ. Балдуинъ II претерпѣлъ многія превратности судьбы и даже вмѣстѣ съ отважнымъ Жосселиномъ, графомъ Эдесскимъ (1124), попалъ однажды въ плѣнъ къ Сиріянамъ, изъ котораго король выкупился дорогою цѣной, а товарищъ его спасся отчаяннымъ бѣгствомъ вплавь черезъ Евфратъ. Геройскою борьбой съ невѣрными Балдуинъ расширилъ однакожъ предѣлы королевства. Ему наслѣдовалъ зять его Фулькъ Анжуйскій (—1143), потомъ рыцарственный Балдуинъ III (—1162), сначала подъ опекою своей матери Мелезинды, пока онъ не показалъ на дѣлѣ свою возрастность завоеваніемъ Аскалона (1153). Онъ оставилъ тронъ единомышленному съ нимъ брату Амальриху (—1173), который совершилъ побѣдоносное и хищническое вторженіе въ Египетъ, но долженъ былъ отступить передъ Курдами, призванными трепещущимъ халифомъ къ себѣ на помощь (1168). Балдуинъ IV Прокаженный (—1185) и Балдуинъ V (1186) были оба малолѣтные; при ихъ преемникѣ, прекрасномъ собою королѣ Гвидонѣ Люзиньянѣ, Іерусалимъ былъ снова отнятъ у христіанъ Саладиномъ (3 октября 1187).— Шаткія отношенія построеннаго на рухлой основѣ феодальнаго государства, разноплеменность составлявшихъ его народовъ, которые ревниво стерегли другъ друга, вмѣстѣ съ растлѣвающими вліяніями восточнаго образа жизни и непривычныхъ наслажденій,—все это мѣшало королевству Іерусалимскому войдти въ силу и окрѣпнуть.

§ 308. Рыцарскіе ордены. Главными опорами новаго королевства были рыцарскіе ордены, соединявшіе въ себѣ духъ рыцарства съ духомъ монашества: кромѣ трехъ иноческихъ обѣтовъ — цѣломудрія, нищеты и послушанія, они давали еще четвертый — обѣтъ борьбы съ невѣрными и защиты странниковъ-богомольцевъ. Они пріобрѣли большія привилегіи и богатства и нанимали къ себѣ на службу много войскъ. У каждаго была особенная орденская одежда, обозначенная крестомъ. 1. Орденъ Іоаннитовъ, или Больничный, названъ такъ по имени Іоанна Крестителя, святаго заступника ихъ монастыря съ принадлежащею къ нему больницею (которые первоначально основаны купцами изъ Амальфи); окончательное свое устройство и орденскій уставъ получилъ онъ въ первой половинѣ 12 вѣка. По уставу члены ордена дѣлились на три разряда: служащихъ братьевъ, на которыхъ лежалъ уходъ за больными богомольцами, священниковъ, отправлявшихъ всѣ церковныя требы,

и собственно рыцарей, обязанныхъ биться съ невѣрными и провожать странствующихъ богомольцевъ. По утратѣ Святой Земли, они получили во владѣніе остр. Родосъ (отсюда Родосскіе рыцари), а когда, послѣ самой доблестной борьбы, они должны были уступить его османскимъ Туркамъ (1522), то императоръ Карлъ V назначилъ имъ остр. Мальту (Мальтійскіе рыцари). Послѣ занятія этого острова Наполеономъ (1798) и покоренія его Англичанами (1800) орденъ потерялъ всякое значеніе, и въ большей части государствъ лишился своихъ имѣній, уже и прежде значительно урѣзанныхъ реформаціей. 2. Учрежденный на тѣхъ же правилахъ и основаніяхъ французскимъ дворянствомъ орденъ Храмовыхъ рыцарей (Templiers) названъ такъ по близости ихъ жилища къ мѣсту бывшаго Соломонова храма; онъ отличался храбростью и воинскимъ мужествомъ и нажилъ себѣ чрезъ вклады и отказы по душѣ великія богатства. Когда онъ лишился всѣхъ своихъ имуществъ въ Палестинѣ, то большая часть членовъ ордена переселились во Францію; здѣсь, предавшись невѣрію и вмѣстѣ восточному суевѣрству и привыкнувъ отъ праздности къ расточительному образу жизни, они тѣмъ самымъ ускорили смертельный ударъ, нанесенный имъ въ началѣ 14 столѣтія Филиппомъ IV Красивымъ (§ 354).—Какъ орденъ Іоаннитовъ пекся преимущественно объ итальянскихъ, а орденъ Храмовыхъ рыцарей—о французскихъ богомольцахъ, то въ третій крестовый походъ учрежденъ по образцу двухъ первыхъ и подъ покровительствомъ вскорѣ потомъ умершаго Фридриха Швабскаго (§ 317), 3. орденъ Нѣмецкихъ (Тевтонскихъ) рыцарей (Deutschherren) для попеченія о нѣмецкихъ богомольцахъ, также при особой больницѣ, основанной бременскими и любскими купцами во имя «Іерусалимской Божіей Матери» (unserer lieben Frau zu Jerusalem). Первымъ магистромъ (мейстеромъ, т. е. начальникомъ) этого ордена былъ графъ Вальдботъ фонъ Бассенгеймъ на Рейнѣ. Въ 13 столѣтіи, въ бытность Германа Зальцы гросмейстеромъ (или великимъ магистромъ) Нѣмецкихъ рыцарей, небольшая дружина ихъ перешла по вызову Мазовецкаго герцога на побережья Вислы съ тѣмъ, чтобы оборонять противъ язычниковъ-Пруссовъ насажденныя тамъ сѣмена христіанства (§ 342). Пруссы, умертвивъ въ 997 г. перваго миссіонера Адальберта Пражскаго (§ 292), въ теченіе слишкомъ двухъ вѣковъ упорно сопротивлялись всѣмъ попыткамъ сокрушить ихъ идоловъ и одолѣть ихъ сильное

жречество.—Ко времени перваго крестоваго похода магаммеданскій пророкъ Гасанъ пріумножилъ восторженныя секты измаилитовъ (§ 301) учрежденіемъ изувѣрнаго ордена ассасиновъ (гашишимъ) [1], которые жили въ древней Парѳіи (въ Дилемѣ) и на горныхъ высотахъ Сиріи, и замѣчательны совершеннымъ отреченіемъ отъ всякаго проявленія собственной воли. У нихъ были свои тайноученія, въ которыя члены союза посвящались подъ присягой съ разными аллегорическими знаками и символами. Повелѣнія своего главы или гросмейстера (1105), такъ-называемаго «горнаго старца» (шейхъальджебель), выполняли они съ слѣпымъ повиновеніемъ и съ величайшимъ презрѣніемъ къ смерти, совершали смѣло и хитро всякое порученное имъ убійство, а если попадались, то готовы были терпѣть всѣ истязанія. Богатая добыча въ здѣшней жизни и чаяніе блаженствъ чувственнаго рая по смерти были для нихъ могучими пружинами отважныхъ дѣлъ. Ассасины стали ужасомъ не только для христіанъ, но и для Сарацыновъ. Въ своихъ неприступныхъ горныхъ крѣпостцахъ они смѣло выдерживали всѣ нападенія Сельджуковъ. Имя ихъ (assassin) вошло съ тѣхъ поръ во многіе западные языки для обозначенія вѣроломнаго убійцы.

2) Гогенштауфены (1138—1254).

А) Конрадъ III (1138—1152).

§ 309. Вельфы и Вайблинги (Гвельфы и Гибеллины [2]). Оба римскіе похода Латара, при всемъ блистательномъ успѣхѣ послѣдняго изъ нихъ, предпринятаго противъ Норманновъ въ нижней Италіи, существенно содѣйствовали только возвышенію папскаго могущества въ ущербъ значенію императора. Начать съ того, что Лотаръ принялъ отъ папы Иннокентія II, за себя и весь свой родъ, владѣнія Матильды въ видѣ лэна и тѣмъ самымъ далъ поводъ этому папѣ и его преемникамъ обращаться съ императоромъ, какъ съ васаллomъ церкви; во-вторыхъ онъ объявилъ большіе лэны наслѣдственными, а эта мѣра, перешедши изъ Италіи

[1] То-есть ѣдоковъ одуряющаго гашиша, сумасбродовъ.

[2] По итальянскому произношенію.

вскорѣ и на Германію, положила здѣсь прочное основаніе развитію державной власти знатныхъ лэниковъ, т. е. имперскихъ князей. Когда, на возвратномъ пути, Лотаръ умеръ скоропостижно въ одной англійской хижинѣ въ Тиролѣ (декабрь 1137), зять его, Генрихъ Гордый, имѣя въ своихъ рукахъ государственные клейноды, считалъ себя ближайшимъ по праву наслѣдникомъ императорскаго престола. Но, отчасти великая сила Вельфовъ, которымъ повиновались Баварія и Саксонія и которыхъ области простирались теперь отъ Средиземнаго моря до Нѣмецкаго и Балтійскаго,—отчасти гордость высокомѣрнаго герцога, побудили многихъ князей, въ главѣ которыхъ стоялъ архіепископъ Адальбертъ трирскій, избрать на сеймѣ въ Кобленцѣ Конрада Гогенштауфена. Но Генрихъ медлилъ признаніемъ и отказалъ въ требуемой присягѣ. Конрадъ объявилъ незаконнымъ соединеніе двухъ герцогствъ въ одной и той же рукѣ, а когда Генрихъ не хотѣлъ уступить ни одно изъ своихъ владѣній, онъ самовластно положилъ на него опалу и отдалъ Саксонію и Баварію въ лэнъ другимъ князьямъ. Первая пожалована великому смирителю Славянъ Альбрехту Медвѣдю, родоначальнику Асканскаго дома; послѣдняя должна была отойдти къ маркграфу Леопольду Австрійскому. Это имѣло слѣдствіемъ возобновленіе борьбы между Гогенштауфенами и Вельфами и породило опустошительную особицу на сѣверѣ и на югѣ. При осадѣ Вейнсберга (1140), принадлежавшаго къ родовымъ вельфскимъ волостямъ, впервые послышался боевой кликъ: «Здѣсь Вельфъ! Здѣсь Вайблингъ!»—лозунгъ, изъ котораго возникли потомъ названія двухъ противныхъ партій, вельфовъ (гвельфовъ) и вайблинговъ[1] (гибеллиновъ). Городокъ долженъ былъ сдаться императору, но гарнизонъ былъ избавленъ отъ неизбѣжной гибели хитростію вѣрныхъ женъ[2]. Послѣ ранней смерти Генриха Гор-

[1] Отъ Вайблингена, родоваго замка Гогенштауфеновъ, въ долинѣ рѣчки Ремса (Ремсталѣ), впадающей въ Некаръ.

[2] Императоръ, раздраженный долгимъ сопротивленіемъ, грозилъ перебить всѣхъ мужчинъ. Женщины испросили однакожь позволеніе, удаляясь изъ города, вынесть на себѣ то, что было у нихъ всего дороже, и къ удивленію тропутаго Конрада вынесли

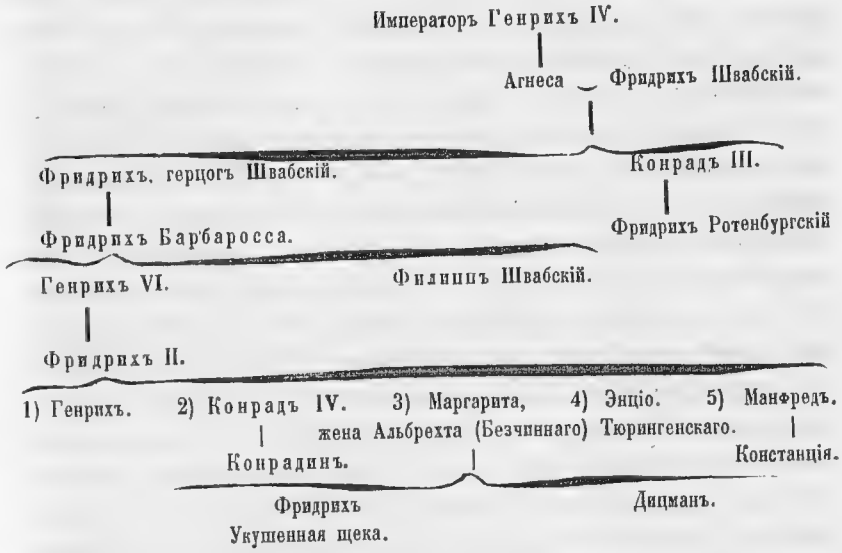
даго (1142) споръ покончен былъ тѣмъ, что императоръ возвратилъ Саксонію сыну своего противника, Генриху Льву, вознаградивъ за то храбраго Альбрехта Медвѣдя сѣверною Бранденбургскою мархіей. Баварія, чрезъ бракосочетаніе вдовствующей герцогини съ маркграфомъ австрійскимъ (Генрихомъ Богъ-дастъ [1], изъ рода Бабенбергеровъ), осталась въ рукахъ послѣдняго, но полное примиреніе Вельфовъ съ Гогенштауфенами состоялось на нѣкоторое время только тогда, когда по смерти Конрада преемникъ его снова пожаловалъ Баварію въ лэнъ Вельфу, Австрію же возвелъ за то въ независимое герцогство и даровалъ ему много преимуществъ. Эти внутреннія усобицы ослабили вѣсъ императора во внѣ: Славяне на востокѣ, Бургундцы на юго-западѣ и Итальянцы на югѣ усвоили себѣ независимое положеніе, а папа обошелъ условленное съ Лотаромъ совмѣстное распоряженіе Норманскимъ королевствомъ въ нижней Италіи, какъ общимъ ихъ лэномъ, и выступилъ одинъ верховнымъ его властителемъ.

Гвельфы и гибеллины. Этими прозвищами обозначились сперва только сторонники обоихъ враждующихъ родовъ. Но во время борьбы Гогенштауфскихъ императоровъ съ главою церкви эти клички партій получили обширнѣйшее значеніе въ Италіи: тамъ подъ именемъ гибеллиновъ разумѣли вообще сторонниковъ императорской власти, а подъ гвельфами — друзей главенства папъ. Первые покровителемъ итальянскихъ государствъ и общинъ признавали (мірскаго главу) императора, которому подобаетъ временная власть и мечъ, а папѣ предоставляли верховное завѣдываніе одними религіозными и церковными дѣлами; тогда какъ напротивъ того гвельфы стремились къ соединенію подъ папскою державою и церкви и государства, допуская только его верховную власть надъ своими общинами и только его покровительство надъ всѣми владѣніями Италіи. Эти партіи, распространясь по всему краю, вели между собою страстную, отчаянную борьбу и проливали вездѣ потоки крови.

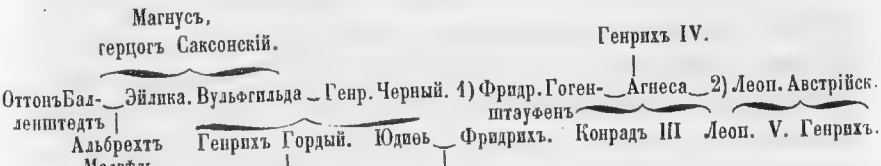
на плечахъ своихъ мужей. Вѣрность Вейнсбергскихъ женъ вошла съ тѣхъ поръ въ пословицу. — Вейнсбергъ и донынѣ маленькій городокъ въ Некарскомъ округѣ Виртембергскаго королевства.

[1] По-нѣмецки Jasomirgott.

Домъ Гогенштауфеновъ:



Родственныя связи Вельфовъ и Гогенштауфеновъ между собою и съ маркграфами Бранденбургскими и Австрійскими:



§ 310. Вскорѣ потомъ вѣсть о паденіи Эдессы и ревностныя проповѣди св. Бернарда пробудили и у Германцевъ сильное одушевленіе къ крестовымъ походамъ, религіозной ненависти и обращенію невѣрныхъ [1]. Но въ то самое время какъ Швабы, Франконцы, Бавары и Лотарингцы, послѣ новаго гоненія на Евреевъ прирейнскихъ городовъ, послѣдовали за императоромъ въ Азію,—Саксонцы и другіе жители сѣверной Германіи направили свой мечъ противъ языческихъ Вендовъ на балтійскомъ побережьѣ. Едва обращенныя къ хри-

[1] Вліяніе проповѣди св. Бернарда въ Германіи тѣмъ болѣе замѣчательно, что онъ, будучи родомъ Французъ, говорилъ только на народно-французскомъ и на латинскомъ языкѣ.

стіанству при Оттонахъ, славянскія племена въ Мекленбургѣ, Помераніи, Голштиніи и друг. мѣстахъ, снова отпали отъ евангельскаго ученія при Франконскихъ императорахъ, пожгли выстроенныя у нихъ церкви, принесли христіанскихъ священниковъ въ жертву на алтаряхъ своихъ древнихъ боговъ и вмѣстѣ съ исповѣдниками святой вѣры истребили всякой слѣдъ ея существованія. Снова стали они поклоняться своимъ кумирамъ и по прежнему начали сносить все добытое золото и серебро въ храмъ главнаго божества ихъ Свѣтовита на остр. Рюгенѣ (§ 257 б.). Отъ Голштиніи до Данцига основали они множество общинъ, которыя всѣ почитали Арконскій храмъ на Рюгенѣ средоточіемъ своего богослуженія, и наполняли грабежемъ и опустошеніемъ сопредѣльныя христіанскія земли и города, въ особенности Любекъ. Тогда-то многіе изъ германскихъ князей выступили противъ этихъ хищниковъ съ значительнымъ войскомъ, подъ предводительствомъ молодаго Генриха Льва, Альбрехта Бранденбургскаго, Конрада Веттинскаго, маркграфа Мейсенскаго и мног. друг.; однакожь разногласіе вождей, недоступность края по бездорожью и крѣпкіе валы Деммина и Штеттина не допустили ихъ до блестящихъ побѣдъ. При заключеніи мира выговорены были только выдача плѣнныхъ, да неопредѣленное обѣщаніе возвратиться опять къ христіанству. Проповѣдь благочестиваго иконома Визелина оказалась вскорѣ потомъ гораздо успѣшнѣе браннаго оружія Саксонцевъ, такъ что, когда, лѣтъ двадцать спустя, Генрихъ Левъ предалъ твердыню язычества Арконну въ жертву пламени (1168), христіанская вѣра стала потомъ въ короткое время господствующею въ тѣхъ краяхъ. — Удачнѣе вышло предпріятіе нѣсколькихъ дружинъ Вестфальцевъ, Фризовъ и Нидерландцевъ, которые пустились было заодно съ британскими крестовыми рыцарями моремъ въ Палестину, но дорогою склонились на вызовъ—помочь графу Альфонсу, сыну Генриха Бургундскаго (§ 267), овладѣть Португаліей. Съ богатою добычей воротились они изъ Лиссабона по домамъ.—Вліятельнымъ совѣтникомъ и дѣльцомъ Конрада былъ ученый и высокомѣрный аббатъ Вибальдъ корвейскій, поставленный императоромъ въ блюстители имперіи, когда самъ онъ пустился въ крестовый походъ.

§ 311. Второй крестовый походъ (1147—1149). Королевству Іерусалимскому пришлось выдержать жестокую борьбу съ Сарацынами въ Египтѣ и на восточной границѣ (въ Мосулѣ), и только постоянными пособіями съ Запада могло оно поддержать свое существованье. Но какъ нѣкоторыя экспедиціи имѣли бѣдственный исходъ, и участники ихъ погибли въ Азіи или отъ нужды, или отъ меча непріятелей, а между тѣмъ число вновь прибывающихъ крестоносцевъ вообще уменьшилось, то положеніе христіанской державы въ Палестинѣ становилось день ото дня опаснѣе. Напрасно папа вызывалъ на новую помощь; только тогда уже, когда атабекъ (верховный намѣстникъ) Эмадеддинъ Зенкй захватилъ восточныя области Франковъ, а по смерти его сынъ его Нуреддинъ, храбрый и умный правитель Мосула, покоривъ себѣ мелкія сельджукскія владѣнія у Евфрата и Тигра, взялъ и раззорилъ Эдессу (1146), безпощадно истреблялъ остріемъ меча христіанское народонаселеніе и потомъ грозно двинулся къ предѣламъ Іерусалимскаго королевства,—только тогда удалось св. Бернарду, аббату бургундскаго монастыря Клервò (Clairvaux), снова разбудить уснувшую ревность христіанскаго Запада. Строгое воздержаніе и умерщвленіе въ себѣ самоистязаніемъ и постомъ всѣхъ плотскихъ вожделѣній поражало при первомъ взглядѣ на истощенное, призрачное тѣло этого человѣка, а значеніе его и вѣсъ были таковы, что Людовикъ VII, король Французскій, страшась отвѣта за многогрѣшную жизнь свою, выступилъ по его призыву въ походъ съ священною хоругвью орифламмы [1], да и самъ Конрадъ III не рѣшился остаться назади, когда св. Бернардъ обратилъ къ нему свою пламенную рѣчь среди соборнаго храма въ Шпейерѣ. Конрадъ возложилъ на себя крестъ, прошелъ съ значительнымъ войскомъ черезъ Венгрію въ Константинополь (императоръ Мануилъ былъ съ нимъ въ

[1] Отъ латинскаго auri flamma, т. е. золотое знамя. Первоначально это было мѣдное вызолоченное копье съ шелковымъ краснымъ значкомъ, обращеннымъ своими тремя зубцами къ низу и съ зеленою кистью на оконечности каждаго зубца. Сперва служило оно хоругвью аббатству Сенъ-Дени (св. Дениса), а съ 1124 г. явилось впервые государственнымъ знаменемъ Франціи и главною хоругвью ея войска.

свойствѣ) и, послѣ разныхъ ссоръ съ вѣроломными, недовѣрчивыми и надменными Византійцами, достигъ наконецъ азіятскихъ береговъ. Но когда онъ двинулся внутрь края черезъ Иконію, то хитрые греческіе вожаки завели нуждавшееся во всемъ войско въ безводную пустыню, а тамъ внезапно напали на крестоносцевъ въ разсыпную безчисленные летучіе отряды турецкихъ конниковъ и нанесли имъ такое пораженіе, что спаслась едва только десятая часть, которая и воротилась съ Кондрадомъ въ Константинополь. Предостереженный такимъ печальнымъ исходомъ передовой экспедиціи, Людовикъ VII пошелъ вдоль морскаго берега черезъ Смирну и Эфесъ, но также безъ успѣха. Когда въ Памфиліи напали на него Турки, король съ своимъ дворянствомъ покинулъ войско и моремъ отправился, черезъ Антіохію, въ Іерусалимъ, тогда какъ остальная рать, которая должна была слѣдовать къ Св. Мѣстамъ сухопутно, погибла частію подъ ударами враговъ, частію отъ голода и истомы. Лишь немногіе обязаны были спасеніемъ состраданію и великодушію непріятеля. Въ Іерусалимѣ, куда добрался наконецъ и Конрадъ съ остатками своей рати, составленъ былъ планъ завоевать прелестный оазисъ, Дамаскъ. Но и этотъ замыселъ, не смотря на геройскую храбрость Конрада, сокрушился о вѣроломство восточныхъ христіанъ и о твердость городскихъ укрѣпленій, такъ что изъ всего предпріятія не вышло ничего, и положеніе Франковъ въ Святой Землѣ становилось все хуже и хуже. Вскорѣ и Дамаскъ, бывшій до тѣхъ поръ сѣдалищемъ независимаго могаммеданскаго державца, подпалъ власти столько же правосуднаго, сколько и храбраго Нуреддина, который вслѣдствіе того болѣе и болѣе угрожалъ предѣламъ христіанскаго королевства. Могло ли государство, ослабленное раздоромъ орденскихъ рыцарей и строптивымъ своеволіемъ васалловъ, — государство, гдѣ усердіе къ вѣрѣ слишкомъ часто уступало себялюбію, своекорыстію и зависти, гдѣ былъ полный разгулъ всѣмъ порокамъ и страстямъ,— могло ли оно, подъ державою малолѣтныхъ королей, противустоять могаммеданству, сильному единомыслiемъ и одушевляемому въ борьбѣ изувѣрною ненавистью къ христіанамъ? Особенно, когда по смерти Нуреддина (1174) Египтомъ овладѣлъ

предводитель воинственныхъ наемниковъ, великодушный, мужественный, образованный Курдъ Саладинъ (Селлахъ-Эддинъ [1]), когда онъ положилъ конецъ призраку шіитскаго халифата на Нилѣ и въ короткое время покорилъ своей державѣ всѣ земли отъ Каира до Алепа. Вскорѣ королевству Іерусалимскому пришла бѣда. Въ битвѣ при Рамлѣ (1180), неподалеку отъ Аскалона, мужество крестовыхъ рыцарей одержало еще надъ могучимъ врагомъ одну достославную побѣду, и этимъ замедлилось на нѣсколько лѣтъ паденіе христіанскаго владычества. Саладинъ согласился на перемиріе, но когда оно было нарушено однимъ христіанскимъ рыцаремъ (вѣроломнымъ удальцомъ Рено де-Шатиліономъ, Rainaud de Chatillon), который въ долинѣ Хеврона разбойниче-

---

[1] Когда Нуреддинъ, покоривъ Дамаскъ, вступилъ въ удачную борьбу съ Іерусалимскимъ королевствомъ, намѣстникъ его Ширкукъ покорилъ Египетъ, выпросилъ себѣ у халифа Багдадскаго (какъ духовнаго главы суннитовъ) санъ великаго визиря и умирая передалъ племяннику своему Саладину тайный замыселъ основать независимую державу въ принильскомъ краѣ. Саладинъ началъ съ того, что изгналъ шіитство изъ всѣхъ школъ египетскихъ и въ лицѣ слѣдующаго поколѣнія сталъ подготовлять ревностныхъ суннитовъ. Онъ забывалъ уже зависимость свою отъ Нуреддина, когда смерть послѣдняго вполнѣ развязала ему руки. Сынъ Нуреддиновъ былъ умерщвленъ, большинство мусульманъ приняло сторону Саладина, и съ тѣхъ поръ глава священной войны противъ христіанъ была уже не въ Алепѣ, а въ Каирѣ. «Саладинъ, говоритъ Седилiо въ своей «Исторіи Арабовъ»,—одна изъ самыхъ интересныхъ личностей того времени, и его царствованіе представляетъ намъ высшую степень арабской цивилизаціи. Родомъ Курдъ, онъ собственно не принадлежитъ къ турецкой породѣ, но у него есть ея военный инстинктъ съ присоединеніемъ только высшаго развитія мысли. Въ Готфридѣ Буйліонскомъ и Ричардѣ Львиномъ-Сердцѣ видѣли олицетвореніе вѣры, великодушія и храбрости христіанскихъ рыцарей; Саладина по этому же самому праву должно признать героемъ мусульманъ. Въ немъ сосредоточены всѣ лучшія ихъ качества. Неодолимая храбрость, истинное величіе души, непоколебимая вѣрность договорамъ, искреннее благочестіе, духъ справедливости, умѣренность въ побѣдѣ, простота нравовъ, иногда объ-руку со всѣмъ восточнымъ великолѣпіемъ,—вотъ главныя черты его характера. Проводя жизнь среди битвъ, онъ является намъ не въ видѣ покровителя наукъ, искусствъ и литературы, но онъ далеко и не чуждъ имъ; онъ обладалъ всѣми знаніями, доступными Арабамъ, и не пренебрегалъ ни одного средства возвыситься въ мнѣніи подвластныхъ ему племенъ. Саладинъ первый успѣлъ соединить въ своихъ рукахъ силы Египта и Сиріи; этимъ всего ближе объясняются пораженія, нанесенныя имъ крестоносцамъ. Едва узнавъ о смерти Нуреддина, оставившей его полновластнымъ господиномъ въ Египтѣ, онъ тотчасъ же двинулся на Сирію и захватилъ одинъ за другимъ Дамаскъ, Гемсъ, Алепъ (1174 — 1182). Только совершивъ эти завоеванія, Саладинъ сталъ помышлять объ осуществленіи любимаго своего замысла,—изгнанія Франковъ изъ Палестины.»

скимъ нападеніемъ потревожилъ путешествіе Саладиновой матери, ограбилъ ея драгоцѣнности, а проводниковъ ея перебилъ,—тогда султанъ выступилъ съ сильной ратью въ поле. Сраженіе при Хиттимѣ (5 іюля 1187), у Тиверіадскаго озера, кончилось не въ пользу христіанъ, ослабляемыхъ раздоромъ и предательствомъ, «зане отступи отъ нихъ Господь». Король Гвидонъ и многіе изъ его дворянства, послѣ отчаяннаго боя, попали въ плѣнъ; Іоппія, Сидонъ, Акконъ и другіе города достались въ руки побѣдителю; наконецъ палъ предъ нимъ и Іерусалимъ (3 октября). Кресты были сорваны со всѣхъ зданій, вся христіанская утварь, всѣ религіозные символы—истреблены, но жителямъ оказано милосердіе. За малый выкупъ, отъ котораго потомъ бѣднѣйшіе и вовсе были освобождены, дозволялось имъ выселяться, куда пожелаютъ. Саладинъ, далеко превосходившій доблестью своихъ христіанскихъ противниковъ, не запятналъ своей побѣды ни однимъ жестокимъ поступкомъ. Только Тиръ еще спасся отъ завоеванія, благодаря геройскому мужеству Конрада Монферратскаго (§ 301. 1).

Б. Фридрихъ I Барбаросса (1152—1190).

§ 312. Спустя немного лѣтъ по возвращеніи изъ Палестины умеръ Конрадъ III, мужественный, благочестивый и разсудительный. Устраняя своего малолѣтняго сына, онъ, въ благородной заботливости о благѣ имперіи, самъ обратилъ вниманіе князей на храбраго, великодушнаго и энергическаго племянника, Фридриха, герцога Швабскаго, который слылъ цвѣтомъ рыцарства и котораго царственныя дарованія узналъ онъ вполнѣ на крестовомъ походѣ. Фридрихъ Барбаросса старался снова доставить императорской власти тотъ вѣсъ, какой имѣла она при Оттонахъ. Но чтобы въ этомъ стремленіи не имѣть себѣ могучаго противника, онъ возвратилъ Баварію Генриху Льву (§ 309). Потомъ началъ онъ смирять строптивость имперскихъ князей Германіи и сдерживать ихъ усобицы и разбойничьи набѣги, вынудилъ у державцевъ Польши и Богеміи лѣнную присягу и признаніе верховныхъ правъ императора, возста-

повилъ свой вѣсъ въ Бургундіи, побудивъ тамошнихъ вельможъ изъявить ему покорность на сеймѣ въ Безансонѣ и взявъ за себя Беатриксу, наслѣдницу вольнаго графства Бургундскаго (franche comté), наконецъ упрочилъ свою власть раздачею праздныхъ областей своимъ сыновьямъ и сродникамъ. Такъ пожаловалъ онъ Рейнское пфальцграфство, составлявшее прежде часть герцогства Франконскаго, своему двоюродному брату Конраду, основателю Гейдельберга (1155). Властительный духъ энергическаго государя, умѣвшаго соединять строгость съ великодушіемъ и справедливостью, внушалъ всѣмъ уваженіе и покорность. Въ случаѣ вины безпощадно подвергалъ онъ большаго и малаго человѣка позору того стариннаго взысканія, по которому нарушитель земскаго мира обязанъ былъ перенести собаку черезъ всю общинную межу.

Прирейнскій Пфальцъ, или Палатинатъ. Въ мѣстахъ по Некару и среднему Рейну, гдѣ первобытное аллеманское населеніе смѣшалось съ выходцами франкскими и саксонскими, достигли при послѣднихъ Каролингахъ великаго значенія пфальцграфы, которымъ, также какъ и посыльнымъ намѣстникамъ, предоставлялась верховная судебная власть и завѣдываніе королевскими доходами и коронными имуществами. Значеніе это умѣли они сохранить и при Саксонскихъ императорахъ. Страна, прозванная оттого Пфальцемъ, составила впослѣдствіи прекраснѣйшую часть Рейнско-франконскаго герцогства (Rheinfranken), и когда съ Конрадомъ II Салійско-франконскіе герцоги вступили на императорскій престолъ, тогда Пфальцъ, считавшійся красою государства, сталъ любимымъ ихъ мѣстопребываніемъ. Генрихъ IV и V всего охотнѣе жили здѣсь, какъ въ добрые, такъ и въ злые дни. Когда угасъ этотъ могучій родъ, и салійскія отчины, а потомъ и самый санъ императора, перешли къ ихъ родственникамъ, Гогенштауфенамъ, тогда Фридрихъ Барбаросса пожаловалъ важный постъ пфальцграфа своему двоюродному брату Конраду. Конрадъ поселился въ замкѣ на высотѣ Іеттенбюэля (Шлосберга), заложилъ городъ Гейдельбергъ въ прелестной долинѣ Некара, гдѣ до тѣхъ поръ существовали только разбросанныя рыбацкія хижины да часовня Пресвятой Дѣвы, и старался энергіею и умомъ совокупить опять воедино все наслѣдіе Салійцевъ, отъ котораго многое отошло къ епископствамъ Майнцу и

Вормсу и къ разнымъ духовнымъ капитуламъ. Конрадъ умеръ бездѣтный и похороненъ въ монастырѣ Шёнау, который онъ богато одарилъ. Смута, произведенная вскорѣ потомъ въ Германіи споромъ за престолъ Филиппа Швабскаго съ Оттономъ IV, была особенно пагубна для страны между Некаромъ и Рейномъ. Когда же императорскаго сана достигъ Фридрихъ II, онъ припялъ относительно ея мѣру, весьма важную по послѣдствіямъ. Именно, онъ пожаловалъ (1214) санъ Рейнскаго пфальцграфа Людвигу Первому, изъ преданнаго Гогенштауфенамъ дома баварскихъ Виттельсбаховъ (§ 287), и тѣмъ самымъ даровалъ прекрасному краю династію, которая управляла имъ въ добрую и въ худую годину 6 вѣковъ.

§ 313. Самый жестокій отпоръ встрѣтило себѣ стремленіе Фридриха въ Италіи, куда онъ совершилъ шесть весьма важныхъ походовъ. Ломбардскіе города, въ особенности гордый Миланъ, мало-по-малу освободились отъ владычества епископовъ и графовъ и достигли высокаго благоденствія, могущества и образованности. Епископская власть была какъ бы тою чашечкой, въ которой наливалась нѣсколько времени почка цвѣта италійской жизни; чашечка утратила наконецъ свою сжимающую силу, уступила давленію изнутри, и тогда только обнаружилось, что глубокою плодосною почвой этого цвѣта было не что иное какъ городской бытъ Италіи, вокругъ котораго, въ видѣ ограды и красы, раскинулъ свою роскошную листву пестрый вѣнокъ италійскаго рыцарства. Почуявъ свою силу и свободу и обладая воинственной гражданской ратью, полной любви къ отечеству, ломбардскіе города рѣшились отстаивать пріобрѣтенную ими независимость противъ всякаго нападенія, откуда бы оно ни шло, и преобразовать свои городскія округи въ мелкія республики. Поэтому они возстали противъ императорскаго полновластія, мѣшавшаго ихъ общему стремленью, и заносчивый Миланъ принудилъ сосѣднихъ рыцарей-владѣльцевъ и сосѣдніе города заключить союзъ подъ его главнымъ водительствомъ, а съ слабыми (каковы Лоди и Комо) обошелся жестоко и несправедливо. Духъ противленія обнаружился уже при первомъ походѣ Фридриха, когда по старому обычаю онъ произвелъ смотръ войску на Ронкальскомъ полѣ (подъ Піанченцей) и вызвалъ князей и города Италіи изъявить ему покорность (1154). Хотя на

этотъ разъ онъ и не могъ сломить могущественный Миланъ, однакожъ прежде чѣмъ возложить на себя въ Павіи ломбардскую, а въ Римѣ императорскую корону, онъ все-таки попыталъ застращать Миланцевъ раззореніемъ нѣсколькихъ мéньшихъ городовъ, движимыхъ такимъ же духомъ неповиновенія. Императорскую корону получилъ онъ только послѣ выдачи папѣ монаха Арнольда Брешіанскаго, котораго проповѣди содѣйствовали къ возбужденію республиканскаго духа. Этотъ замѣчательный человѣкъ (ученикъ Абеларда) хотѣлъ прежде всего возвратить церковь къ простотѣ апостольскаго времени; поэтому онъ ревностно возставалъ противъ земныхъ стяжаній и надменности духовенства, оспоривалъ у епископовъ право принимать въ лэнъ мірскія имущества и господскія помѣстья и утверждалъ, что свѣтская власть верховнаго главы церкви въ явномъ противорѣчіи съ священнымъ писаніемъ. Восторженный чтитель исчезнувшихъ отношеній великаго прошлаго, онъ прилагалъ къ государству и къ церкви своего времени мѣрило своихъ идеаловъ, и силился, возстановленіемъ отжившаго и чуждаго настоящему міра, учредить общественный порядокъ на новыхъ христіанскихъ основаніяхъ. Холопство и крѣпостное право представлялъ онъ несовмѣстными съ сущностью христіанскаго ученія. Воспламененные рѣчами монаха, Римляне отказали папѣ въ повиновеніи и возстановили у себя республиканское устройство на древній ладъ; до самой Швейцаріи и южно-германскихъ городовъ распространились идеи гражданской и церковной свободы, пробужденныя Арнольдомъ въ низшихъ классахъ, въ душахъ бѣднаго и угнетеннаго народа. Но когда смѣлый проповѣдникъ преобразованій выданъ былъ Фридрихомъ (котораго верховныя права надъ Италіей онъ также задѣлъ въ своихъ рѣчахъ) папѣ Адріану IV, а этотъ приказалъ сжечь его передъ главными городскими воротами (Porta del Popolo) на кострѣ, тогда и у Римлянъ мало-по-малу опустились руки. Послѣ напрасной попытки выгнать Нѣмцевъ вооруженною силой изъ города, они согласились на отмѣну новыхъ учрежденій и снова подчинились папѣ. При первомъ свиданіи съ верховнымъ главою церкви могущественный императоръ униженно держалъ стремя св. отцу и получилъ отъ него лоб-

заніе мира; за то на высокопарныя рѣчи надменныхъ Римлянъ отвѣчалъ онъ строго и повелительно.

§ 314. Возвращеніе Фридриха изъ Италіи (1155) было сопряжено съ величайшими опасностями вслѣдствіе лукаваго посягательства Веронцевъ, и совершилось удачно только благодаря геройской отвагѣ императорскаго знаменосца, Оттона фонъ-Виттельсбаха, который съ двумя сотнями легковооруженной молодежи успѣлъ занять во-время крутую скалу надъ самымъ укрѣпленіемъ непріятельскаго города. По удаленіи императора, Миланцы оставались при своемъ упорствѣ и раззорили многіе преданные ему города, въ томъ числѣ Лоди. Фридрихъ между тѣмъ оборонялъ право и порядокъ въ Германіи, подвергъ нарушителей земскаго мира наказанію и въ короткое время успѣлъ доставить императорскому имени вѣсъ и уваженіе не только дома, но и за границей. Строптивость Миланцевъ побудила его (1158) предпринять вторичный походъ за Альпы; тамъ, на Ронкальскомъ полѣ водруженъ былъ на высокой стойкѣ имперскій щитъ, и въ виду его созванные Фридрихомъ юристы опредѣлили верховныя права императора надъ владѣтельными князьями, графами и городами; а когда Миланъ не подчинился этимъ опредѣленіямъ и прогналъ отъ себя императорскихъ посланцевъ, Фридрихъ наложилъ на непокорный городъ опалу. Кровопролитная, съ обѣихъ сторонъ крайне ожесточенная война, кончилась наконецъ въ пользу императора. Миланъ, страшно потерпѣвъ отъ голода, болѣзней и внутренняго раздора, вынужденъ былъ сдаться послѣ осады, продолжавшейся два года съ половиною (1162). По истребленіи хоругвенной колесницы (carroccio), на которой возилось главное городское знамя (съ изображеніемъ креста и ликомъ св. Амвросія), и послѣ того какъ предмѣстья Милана и всѣ граждане уничиженно молили о помилованіи, стѣны его, по приговору ненавидѣвшихъ Миланъ сосѣднихъ городовъ, были что-называется сравнены съ землею и жители принуждены разселиться въ четырехъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстечкахъ своего округа. Такая же судьба постигла Крему, Брешію, Піаченцу, Тортону и друг. м. Устрашенные этимъ примѣромъ, остальные ломбардскіе города покорились, при-

знали ронкальскія постановленія и допустили къ себѣ императорскихъ начальниковъ (волостелей, подеста). Но милость и льгота однимъ, страхъ и гроза другимъ не могли обезпечить господство надъ такимъ народомъ, который состоялъ уже не изъ рабовъ. Наложенный гнетъ далъ ему только лучше почувствовать высокую цѣну свободы, и скоро всѣ Ломбарды, даже и преданные слуги императора, заговорили въ одинъ голосъ, что «лучше умереть, чѣмъ долѣе сносить такой позоръ».

Императорское право. Верховныя права императора были опредѣлены на основаніи Corpus juris (§ 250), добытаго Пизанцами при разореніи города Амальфи (1137) и введеннаго съ тѣхъ поръ и въ верхней Италіи. А какъ по обще-принятой въ Средніе Вѣка исторической фикціи и при естественномъ тогда юношескомъ увлеченіи новооткрытымъ римскимъ правомъ, Фридрихъ Барбаросса считался равноправнымъ преемникомъ Константина и Юстиніана, то опредѣленіе верховной власти оказалось очень выгодно для Нѣмецко-римскаго императора. Онъ жалуетъ княжества и графства, онъ властенъ требовать отправленія личной военной повинности и снабженія войскъ продовольствіемъ и лошадьми, въ его волѣ назначать въ городскія общины императорскихъ начальниковъ или подестъ. Къ числу коронныхъ правъ (регалій) отнесены были: битье монеты, таможенный, дорожный и мостовой сборъ, рыбныя ловли, соляные источники, горные рудники и еще многое въ этомъ родѣ.— Подъ покровительствомъ Фридриха I, въ новоучрежденныхъ университетахъ Падуи и Болоньи процвѣтало изученіе римскаго и юстиніановскаго права. Состоявшихъ у него на жалованьѣ профессоровъ и юристовъ называли обыкновенно глоссаторами (толковниками), потому что они въ особенности занимались толкованіями текста (глоссами) Corpus juris. — По поводу обиды, причиненной епископу Лундскому и оставленной императоромъ безъ вниманія, папа прислалъ къ нему съ гордымъ легатомъ Роландомъ Бандинелли (впослѣдствіи Александромъ III) укоризненную грамату, въ которой назвалъ между прочимъ коронованіе императора «папскимъ жалованьемъ» (beneficium); Фридрихъ, поддерживаемый громкимъ негодованіемъ и угрозами окружавшихъ его нѣмецкихъ князей, далъ на Безансонскомъ сеймѣ (1157) рѣшительный отпоръ противъ такихъ неумѣстныхъ притязаній. Тогда Адріанъ IV объявилъ, что сло-

во beneficium онъ разумѣлъ въ первоначальномъ, общемъ его смыслѣ, а не въ значеніи «лэна», какъ понималось оно въ Средніе Вѣка.

§ 315. Когда вслѣдъ за тѣмъ императоръ объявилъ притязаніе на права верховнаго покровителя Рима, какими пользовались Каролинги и Оттоны, то между нимъ и главою церкви загорѣлся сильнѣйшій споръ. Дѣло въ томъ, что большинствомъ кардиналовъ въ преемники Адріану избранъ былъ (1159) Роландъ Бандинелли, который въ качествѣ папскаго легата на Безансонскомъ сеймѣ раздражилъ Фридриха и его вельможъ смѣлымъ вопросомъ: «Кому жь, какъ не папѣ, обязанъ императоръ своимъ вѣнцомъ?» Теперь, подъ именемъ папы Александра III, этотъ самый человѣкъ хотѣлъ осуществить на дѣлѣ заявленныя имъ начала; а Фридрихъ самовластно созвалъ церковный соборъ, который и противопоставилъ новому папѣ другаго прелата (Виктора IV), съ менѣе рѣшительнымъ образомъ мыслей. Энергическій, образованный и даровитый Александръ объявилъ эту мѣру противозаконною, отлучилъ Фридриха отъ церкви и примкнулъ къ Ломбардамъ, которые были возмущены гнетомъ и поборами императорскихъ чиновниковъ. Подъ его руководствомъ составился въ короткое время союзъ ломбардскихъ городовъ, къ которому кромѣ вновь возникшаго Милана пристали мало-по-малу всѣ городскія общины верхней Италіи (Венеція, Верона, Винченца, Падуа, Тревизо, Феррара, Брешія, Бергамо, Кремона, Піаченца, Парма, Модена, Болонья и другія). Императоръ, правда, вступилъ въ Римъ, поразилъ враговъ при Тускулумѣ и принудилъ Александра, которому по смерти Виктора IV онъ противупоставилъ другаго антипапу, Пасхалія III, бѣжать во Францію (1164); однакожь свирѣпствовавшая въ его войскѣ лѣтняя лихорадка дотого ослабила его силы, что онъ поневолѣ долженъ былъ какъ можно скорѣе отступить. Цвѣтъ рыцарства его, въ томъ числѣ вѣрнѣйшіе друзья Фридриха, сошли тогда въ могилу. Палящіе лучи солнца и влажныя испаренія въ недѣлю истребили большую часть превосходнаго войска. Этимъ бѣдствіемъ спѣшили воспользоваться Ломбарды, чтобы нанести ему рѣшительное пораженіе. Но геройски оборонялся императоръ въ вѣрной ему Павіи противъ многочисленныхъ враговъ; поло-

живъ на нихъ опалу, онъ наносилъ имъ сильный уронъ при вылазкахъ и внезапныхъ нападеніяхъ, и поспѣшилъ въ Германію (1168) только уже тогда, когда ему угрожала явная опасность быть совершенно отрѣзаннымъ превосходными силами союза. Съ трудомъ избѣжалъ Фридрихъ, и то лишь благодаря вѣрности одного васалла, отъ преслѣдованій Ломбардовъ, гнавшихся за нимъ на возвратномъ его пути черезъ Савоію. На зло императору, Ломбардскій союзъ заложилъ теперь крѣпкій городъ Алессандрію, названный такъ въ честь его противника, и вынудилъ присоединеніе къ себѣ Павіи и другихъ преданныхъ Гогенштауфенамъ городовъ.—Нѣмецкія дѣла долго удерживали императора отъ новаго похода для возстановленія власти его въ Италіи. Наконецъ двинулся онъ съ большою ратью черезъ Альпы, въ сопровожденіи свѣдущаго въ языкахъ и опытнаго въ войнѣ архіепископа Христіана майнцскаго, который былъ столько же уменъ и даровитъ въ кабинетѣ, какъ храбръ и и отваженъ на полѣ сраженія; осада Алессандріи (1174) задержала его такъ долго, что онъ подвергался опасности потерять всѣ плоды предпринятаго похода, и потому, вопреки мнѣнію своихъ друзей, съ убылымъ и ослабленнымъ войскомъ, отважился на сраженіе. Но въ самую рѣшительную минуту онъ получилъ отказъ въ помощи отъ Генриха Льва, думавшаго болѣе о своемъ собственномъ возвышеніи, чѣмъ о содѣйствіи цѣлямъ Фридриха, да притомъ и раздраженнаго на него за то, что императоръ скупилъ у стараго, расточительнаго дяди Генриха, Вельфа VI, богатыя владѣнья этого дома въ Тосканѣ и Швабіи. Тщетно Фридрихъ молилъ его на колѣнахъ, у Комскаго озера: Генрихъ не согласился и, тѣмъ самымъ, навлекъ нѣмецкому войску страшное пораженіе въ битвѣ при Леньяно (1176), гдѣ «смертная дружина», составленная Ломбардами для обороны хоругвенной колесницы, совершила чудеса храбрости. Нѣсколько дней не могли отыскать самого императора, подъ которымъ въ пылу боя упалъ конь. Но таково еще было еще общее уваженіе къ геройскому величію Фридриха, что папа и Ломбардскій союзъ охотно приняли протянутую имъ руку мира. На съѣздѣ въ Венеціи (1177), при посредствѣ ловкаго ар-

хіепископа майнцскаго, между императоромъ, папою и депутатами городовъ заключено было шестилѣтнее перемиріе на тѣхъ же условіяхъ, какія легли потомъ въ основаніе Констанцскаго мира (1183). Александръ признанъ законнымъ главою церкви, верховный патронатъ Рима перенесенъ на папскій престолъ, а Фридрихъ освобожденъ отъ церковнаго прещенія. Епископы и аббаты, назначенные Фридрихомъ и его анти-папой, остались на своихъ мѣстахъ. Коронныя права (регаліи) должны были отчасти принадлежать императору, отчасти самимъ городамъ; всѣ граждане и служащіе были обязаны давать ему присягу въ вѣрности; войска его при переходахъ чрезъ Ломбардію продовольствовались на ея счетъ. Императорскіе фогты завѣдывали высшею судебной властью [1]. Такъ возстановленъ миръ въ Италіи и, передъ храмомъ св. Марка въ Венеціи, торжественное сближеніе между духовнымъ и свѣтскимъ главами завершилось обычнымъ поцѣлуемъ мира, который папа далъ императору. Однакожь вся выгода, весь блескъ побѣды выпали на долю римскаго стола, который съ тѣхъ поръ значительно возвысилъ притязанія свои на міровластительство; да и въ договорѣ съ ломбардскими городами императоръ спасъ болѣе тѣнь своихъ верховныхъ правъ, нежели ихъ дѣйствительную сущность. Тогда же положено начало новой и страшной борьбѣ между императоромъ и папою, именно тѣмъ, что Фридрихъ устроилъ бракъ старшаго сына своего Генриха съ дочерью Рожера II, Констанціей, наслѣдницей норманскаго королевства въ нижней Италіи и Сициліи, вслѣдствіе чего эти владѣнія, состоявшія до тѣхъ поръ въ тѣсной связи съ папскимъ престоломъ, перешли въ руки Гогенштауфеновъ (§ 287).

§ 316. Когда вѣсть о примиреніи Фридриха съ Александромъ III дошла въ Германію, Генрихъ Левъ страшно пере-

[1] Нельзя не остановиться здѣсь на томъ, какъ сильно было практическое вліяніе сложившихся тогда понятій о неприкосновенности верховныхъ правъ императора. Торжествующій Ломбардскій союзъ, весь составленный изъ вольнолюбивыхъ республиканскихъ городскихъ общинъ, не дерзаетъ однакожь отступить отъ извѣстныхъ началъ подчиненія господству имперской власти. Зависимость сохраняется болѣе для вида, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, но объ устраненіи ея вполнѣ не думаетъ никто: преобладаетъ общее убѣжденіе въ ея необходимости.

пугался. Онъ уже прежде расширилъ свое владычество надъ славянскими племенами въ Помераніи и Мекленбургѣ, на берегу Нѣмецкаго моря бился съ Фризами и крестьянскою республикой Дитмарсеновъ (въ Голштиніи) и составилъ себѣ обширную державу, которая въ короткое время пришла въ цвѣтущее положеніе, благодаря призыву иноземныхъ (нидерландскихъ) колонистовъ, развитію торговли и промысловъ (разработкѣ рудниковъ въ Гарцѣ), основанію городовъ (торговаго Любека и друг.; ему же обязанъ былъ своимъ началомъ Мюнхенъ) и учрежденію епископствъ (въ Рацебургѣ, Шверинѣ). Но его властолюбіе и деспотизмъ въ отношеніи къ князьямъ и прелатамъ были такъ же извѣстны, какъ и воинскіе его подвиги, такъ что бронзовый левъ, выставленный имъ передъ крѣпкимъ замкомъ его резиденціи, Брауншвейга, могъ равно служить символомъ его хищничества и тиранства, какъ и его энергіи. Жалобы, раздавшіяся отовсюду на Генриха, лишь только возвратился императоръ, дали послѣднему желанный предлогъ вызвать его къ имперскому суду въ Госларъ, и когда гордый Вельфъ, чувствуя свою вину и твердо полагаясь на свою силу, не явился по троекратномъ вызовѣ, Фридрихъ на сеймѣ въ Вюрцбургѣ положилъ на него опалу (1179), отнялъ у него оба герцогства Баварію и Саксонію и лишилъ его всѣхъ имперскихъ лэновъ. Первую (но въ умаленномъ объемѣ) получилъ храбрый, твердо преданный Гогенштауфенамъ Оттонъ фонъ-Виттельсбахъ; послѣдняя перешла отчасти къ Бернгарду Ангальтскому (Асканскому [1]), сыну Альбрехта Медвѣдя, отчасти къ сосѣднимъ епископамъ и князьямъ. Но Льва можно было укротить только опустошительной войною. Слишкомъ два года сопротивлялся онъ всѣмъ своимъ врагамъ. Онъ разорилъ Госларъ съ его прибыльнымъ горнымъ промысломъ и богатыми монетными дворами, и сожегъ до тла Гальберштадтъ; онъ захватилъ въ свои руки тюрингенскаго ландграфа и одолѣлъ непріятеля въ Вестфаліи. Только когда уже самъ Фридрихъ съ военною силой сталъ угрожать его владѣніямъ, когда отпали отъ него всѣ васаллы и самъ онъ подвергся тѣ-

[1] Отъ Асканіи, родоваго замка графовъ Ангальтскихъ.

сному обложенію въ городѣ Штаде, — только тогда смирился Генрихъ передъ великимъ противникомъ, палъ ему въ ноги въ Эрфуртѣ и, изгнанникомъ, удалился съ женою и дѣтьми на три года въ Англію (1181). Однакожь наслѣдственныя его земли, Брауншвейгъ и Люнебургъ, были обезпечены ему и его семейству. Городъ Любекъ, отстроенный имъ вновь по итальянскому образцу, послѣ того какъ пожаръ истребилъ прежнее, невидное мѣстечко, — Любекъ, богато надѣленный отъ него льготами и преимуществами, сдѣлался разсадникомъ образованія и торговой дѣятельности для всего сѣвера. Отдаленнѣйшіе города Балтики обязаны этому роднику гражданственности на берегахъ Травы тою долею правомѣрныхъ и человѣчественныхъ учрежденій, какая выпала имъ тогда въ удѣлъ. — Одолѣвъ такимъ образомъ всѣхъ своихъ враговъ, Фридрихъ, въ честь сына своего Генриха, уже избраннаго въ короли, устроилъ на равнинѣ близь Майнца великолѣпный коронаціонный праздникъ (1184), о блескѣ и пышности котораго долго разсказывали потомъ стихотворцы нѣмецкіе и романскіе. Ибо должно замѣтить, что Фридрихъ не только былъ великъ на ратномъ полѣ: онъ вмѣстѣ былъ другомъ и покровителемъ поэзіи и утонченнаго рыцарства, съ его боевыми играми и благороднымъ поклоненіемъ прекрасному полу; онъ любилъ древнія героическія пѣсни и, для отдыха послѣ военныхъ трудовъ, читалъ въ Лѣтописи своего дяди, епископа Оттона Фрейзингенскаго, о подвигахъ прежнихъ императоровъ и удивлялся доблести Карла Великаго, котораго взялъ себѣ за образецъ и въ сравненіи съ которымъ его собственныя воинскія дѣла казались ему ничтожными. — Передъ взорами могучаго императора открывалась блистательная будущность Гогенштауфскаго дома; его обступало пятеро сыновей, и когда въ августѣ того же года онъ въ шестой разъ перешелъ Альпы, не по прежнему, во главѣ многочисленныхъ нѣмецкихъ войскъ, а лишь съ небольшою избранною дружиной, какъ требовало мирное состояніе тогдашнихъ дѣлъ, то ворота ломбардскихъ городовъ отворялись передъ нимъ сами собою и путь его въ Миланъ подобился праздничному шествію; въ знакъ возстановленнаго мира и взаимнаго довѣрія, граждане испросили у него милости, что-

бы именно въ ихъ городѣ отпраздновалъ онъ на слѣдующій годъ (1185) бракъ своего первенца съ богатою наслѣдницей Сициліи. Это блистательное торжество, для котораго всѣ ломбардскіе города и владѣльцы состязались въ великолѣпіи, повидимому связало Германію съ Италіей неразрывными узами. Но гнѣвно смотрѣлъ папа на этотъ роковой бракъ.

§ 316. б. Образованіе новыхъ государствъ въ Германіи. Нынѣшнія династіи Англіи, Брауншвейга и Ганновера идутъ по прямой линіи отъ Генриха Льва. Много разъ возобновлялась борьба между возвратившимся Вельфомъ и преемникомъ Фридриха, Генрихомъ VI, при чемъ старый Левъ раззорилъ до основанія невѣрный ему городъ Бардевикъ и велѣлъ, въ видѣ грознаго предостереженія, выставить на соборной церкви надпись: «слѣдъ Льва», а императоръ въ отместку за это подвергъ такой же участи городъ Ганноверъ. Кончилось тѣмъ, что внукъ Генриха Льва, Оттонъ (Мальчикъ), сдалъ императору Фридриху II нѣкогда пріобрѣтенныя Вельфскимъ домомъ черезъ супружество родовыя земли Брауншвейгъ и Люнебургъ и получилъ ихъ отъ него обратно въ видѣ потомственнаго имперскаго лэна съ титуломъ герцогства.—Распаденіе вельфскихъ владѣній дало рѣшительный перевѣсъ Гогенштауфенамъ и положило основаніе многимъ новымъ державамъ. 1. *Баварія и Пфальцъ*. Виттельсбахи, извѣстные прежде подъ именемъ пфальцграфовъ Шейерискихъ, получили сверхъ герцогства Баваріи вскорѣ еще и Рейнскій Пфальцъ, или Палатинатъ (§ 312. 352), составную часть бывшаго герцогства Франконіи, изъ котораго образовались далѣе епископства Вюрцбургъ и Бамбергъ и бургграфство Нюрнбергъ (впослѣдствіи Аншпахъ и Байрёйтъ); послѣднее въ эпоху Междуцарствія перешло къ Фридриху фонъ-Цоллерну, родоначальнику прусско-королевскаго дома. 2. *Австрія*. Бабенбергеры, ставшіе съ 983 г. маркграфами Австрійскими, потомъ, благодаря вельфской усобицѣ, получили отъ Гогенштауфеновъ герцогскій титулъ и, въ придачу къ своему независимому теперь отъ Баваріи владѣнію, еще Стирійскую мархію (Стирію, Штейермаркъ). При Леопольдѣ VI (участвовавшемъ въ третьемъ крестовомъ походѣ) и при соименномъ ему сынѣ герцогство Австрія съ древнею столицею Вѣной достигло высшаго своего блеска. Тамъ царили благосостояніе и свобода; правители и народъ любили свѣтлую, веселую поэзію и сами занимались ею. Но вскорѣ пресѣкся

родъ Бабенбергеровъ, послѣ чего король Оттокаръ Богемскій овладѣлъ этимъ краемъ, присоединивъ къ нему еще и Каринтію. Дѣло въ томъ, что послѣдній Бабенбергеръ, сынъ Леопольда VI, Фридрихъ Храбрый, погибъ бездѣтный въ сраженіи при Лейтѣ съ королемъ Венгерскимъ (1246); въ Австріи настала тогда эпоха безпорядковъ и смутъ, которыми многіе князья, въ томъ числѣ и мужъ Фридриховой племянницы Германъ Баденскій (§ 345), отецъ несчастнаго товарища Конрадина (§ 331), старались воспользоваться, чтобы присвоить себѣ эту землю. Но Оттокаръ, который сперва женился на сестрѣ Фридриха Храбраго, а впослѣдствіи ее покинулъ, одержалъ наконецъ верхъ надъ всѣми соперниками и присоединилъ Австрію къ другимъ своимъ областямъ въ восточной Германіи (§ 345). 3. *Брандербургъ и Саксонія.* Ангальтскій (Асканскій) домъ сталъ очень могущественъ въ Саксоніи. Альбрехтъ Медвѣдь первый доставилъ маркграфству Бранденбургскому, съ главнымъ городомъ Зальтведелемъ, независимость отъ герцоговъ Саксонскихъ, расширилъ свои владѣнія удачными войнами противъ Вендовъ, привлекъ къ себѣ фландрскихъ и голландскихъ поселенцевъ изъ «водяныхъ (т. е. заливныхъ) земель», сдѣлалъ Бранденбургъ на Гавелѣ своей столицею и положилъ начало Берлину. О Фридрихѣ Барбароссѣ, Генрихѣ Львѣ и Альбрехтѣ Медвѣдѣ старая саксонская пѣсня говоритъ: «трое такихъ ребятъ, весь міръ повернутъ на свой ладъ»; но тогда какъ оба первые истощали свою силу въ отдаленныхъ замыслахъ, Альбрехтово сооруженіе быстро и блистательно росло вверхъ. Цѣлый рядъ по большой части даровитыхъ и неутомимо дѣятельныхъ преемниковъ вели начатое дѣло дальше и дальше и доставили маркграфству не только болѣе широкій объемъ, но и власть почти неограниченную. Маркграфъ, въ силу имперскаго полномочія, былъ здѣсь «высшимъ и единственнымъ начальникомъ, первымъ судіей, главнымъ воеводой и верховнымъ землевладѣльцемъ» (Obereigenthümer von Grund und Boden). Старшій сынъ Альбрехта, Оттонъ, наслѣдовалъ собственно мархію, а второй сынъ, Бернгардъ, получилъ герцогство Саксонское, ограниченное мѣстностью Виттенберга и Лауэнбурскою равниною, изъ чего слѣдуетъ, что имя этого герцогства было перенесено на земли, большею частію не задолго прежде отнятыя Альбрехтомъ у Вендовъ. Въ Бранденбургской мархіи въ 1319 г. угасъ съ славнымъ макграфомъ Вальдемаромъ домъ Асканскій, и вслѣдъ за тѣмъ этотъ край при-

шелъ въ самое разстроенное положеніе. При преемникахъ Бернгарда Ангальтъ, Лауэнбургъ и Саксонія распались въ три отдѣльныя державы. 4. *Тюрингенз и Мейсенз.* Ландграфамъ Тюрингенскимъ достались плодоносныя и прекрасныя земли у Тюрингенскаго Лѣса. Графъ Людвигъ Бородатый расширилъ прикупкою и наслѣдствомъ участокъ, пожалованный ему въ той мѣстности императоромъ Конрадомъ II. Сынъ его Людвигъ Прыгунъ построилъ во время безпокойнаго царствованія императора Генриха IV Вартбургъ (т. е. сторожевой замокъ) близь Эйзенаха, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ резиденціею графовъ. Соименный Людвигу сынъ его (1130—1140) получилъ отъ императора титулъ ландграфа, съ которымъ соединялись верховныя права надъ сосѣдними землями и владѣльцами. Въ борьбѣ Вельфовъ съ Гибеллинами ландграфъ Людвигъ Желѣзный (1140—72) стоялъ за императора и тѣмъ еще увеличилъ и свою власть, и свои предѣлы. При сынѣ его Германѣ (1190—216) эйзенахскій дворъ былъ уже однимъ изъ самыхъ блистательныхъ. Превосходнѣйшіе поэты и пѣвцы услаждали жизнь въ Вартбургѣ. Сынъ Германа Людвигъ (1216—227) и супруга его, прославленная Елисавета Святая († 1231 въ Марбургѣ), отличились подвигами христіанскаго благочестія. Съ единомысленнымъ ему братомъ Людвига, Генрихомъ Распе (§ 328), угасло въ 1247 мужское колѣно тюрингенскихъ ландграфовъ. По смерти этого Генриха, маркграфъ Мейсенскій, Генрихъ Сіятельный, изъ младшей линіи древней Веттинской династіи, наслѣдовалъ большую и богатѣйшую часть тюрингенскаго ландграфства и соединилъ ее съ своими родовыми землями на Эльбѣ и Мульдѣ (Фрейбергъ) и съ новоприобрѣтенною Плейсненскою областью (Альтенбургъ, Хемницъ, Цвикау и друг. м.). Но напередъ ему пришлось выдержать съ Софіею Брабантскою кровопролитную войну за наслѣдство, въ которой Тюрингенъ сильно потерпѣлъ и которая кончилась тѣмъ, что сынъ Софіи, Генрихъ, сдѣлался 1265 г. ландграфомъ Гессенскимъ. Преемникомъ Генриха Сіятельнаго въ Тюрингенѣ былъ Альбрехтъ Безчинный (§ 331. 346), котораго сынъ, Фридрихъ Укушенный, послѣ тревожнаго правленія, передалъ этотъ край своимъ потомкамъ. Одинъ изъ нихъ, маркграфъ Фридрихъ Храбрый, получилъ въ 1420 г. отъ императора Сигизмунда за службу въ Гусситскую войну (§ 366) саксонско-виттенбергскія земли съ саномъ курфирста и сталъ, вслѣдствіе того, однимъ изъ могуществен-

нѣйшихъ князей имперіи. Архіепископы магдебургскій, бременскій и зальцбургскій, равно какъ многіе епископы, маркграфы и города (Регенсбургъ напримѣръ), сдѣлались тогда непосредственно подвластными имперіи (reichsunmittelbar). 5. *Фризы и Дитмарсы.* Храброе племя Фризовъ, жившее отъ Везера до Зюдерзе, несло еще военную повинность германскимъ королямъ до эпохи первыхъ Оттоновъ, но потомъ мало-по-малу отдѣлилось отъ государства, которое при своей внутренней разладицѣ не могло оказывать имъ никакой защиты противъ опустошительныхъ набѣговъ норманскихъ викинговъ. Они совершенно уклонились отъ службы имперіи и заботились только о прикрытіи своихъ береговъ: управленіе королевскихъ графовъ у нихъ прекратилось, и образовалось особаго рода общинное устройство, въ которомъ изумительно ожила вновь древне-германская свобода и поддерживалась цѣлые вѣка, почти нисколько не нарушаясь движеніями, волновавшими внутренность Германіи. Въ борьбѣ съ сосѣдними графами и князьями окрѣпли ихъ свобода и стойкое мужество. Въ 11 вѣкѣ заключили они общій оборонительный союзъ, который, дѣлясь на семь Зеландовъ (поморій или поемовъ), посылалъ ежегодно выборныхъ на земскую думу подъ высокій дубъ близъ Ауриха-амъ-Упстальсбомъ (т. е. у древа верховнаго суда); эта дума постановляла законы, рѣшала вопросы о мирѣ и войнѣ, творила судъ по важнѣйшимъ юридическимъ случаямъ, примиряла ссоры, но, главное, опредѣляла общее земское право такъ-называемыми «излюбленными уставами», или «изволеніями» (Willkühren). У каждой общины были впрочемъ свои особые порядки и обычаи. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ отстаивали Фризы свои древнія права, свободу и независимость противъ внѣшнихъ нападеній, пока, ослабленные внутреннимъ раздоромъ, не подпали въ 14 столѣтіи власти вельможъ. — Въ сѣверной полосѣ западной Голштиніи, между Эльбою, Эйдеромъ и Нѣмецкимъ моремъ, — полосѣ, изрѣзанной песчаными наносами и болотами, жилъ крѣпкій народъ Дитмарсовъ, отличавшійся чисто-крестьянскою простотой. Они принадлежали къ саксонскому племени, но приняли въ себя многихъ переселенцевъ изъ Фризовъ; отъ послѣднихъ шла у нихъ любовь къ свободѣ и энергія, отъ первыхъ любовь къ законности и порядку. Покоренные и обращенные къ христіанству Карломъ Великимъ, состояли они съ тѣхъ поръ подъ охранительной властью епископа бременскаго, который средоточіемъ церковныхъ дѣлъ назначилъ у нихъ Мель-

дорфъ. Но вольнолюбіе Дитмарсовъ противилось всякой подчиненности. Лэнникъ епископа, графъ Рудольфъ, обложившій ихъ тяжкой податью, въ 1145 г. былъ убитъ; благородные фогты (волостели), посаженные къ нимъ Генрихомъ Львомъ, по паденіи его всѣ были изгнаны. Въ 13 вѣкѣ Дитмарсы вошли было въ составъ великой Датской державы Вальдемаровъ (§ 402); но когда преобладаніе Датчанъ было сломлено битвою при Борнгёвде (іюль 1227), гдѣ храбрость Дитмарсовъ нанесла имъ рѣшительный ударъ, тогда республика въ теченіе 300 лѣтъ оставалась свободною и независимою, сколько ни пришлось ей выдержать нападеній со стороны голштинскихъ графовъ и другихъ противниковъ. Епископскій фогтъ въ Мельдорфѣ не имѣлъ, кромѣ уголовнаго суда и сбора нѣкоторыхъ положенныхъ доходовъ, никакой власти въ этомъ краѣ. Жители дѣлились на родовыя, тѣсно соединенныя между собою, общины (Klüfte), которыя обязаны были къ общей защитѣ и кровомщенію, а земля распадалась на волости (Dörfte) и приходы или погосты. Въ каждомъ большомъ приходѣ было по 4, въ каждомъ мѣньшемъ по 2 старосты (Slutter), которые въ первомъ случаѣ съ 20-тью, а въ послѣднемъ—съ 16-тью присяжными еженедѣльно творили на погостѣ судъ и расправу. Кровомщеніе вмѣнялось въ обязанность, однакожь можно было искупить смертоубійство деньгами; нецѣломудренность считалась преступленіемъ и часто наказывалась изверженіемъ изъ родоваго союза (изгойствомъ). Въ половинѣ 15 вѣка учреждено было высшее судилище, въ видѣ аппелляціоннаго суда, подъ названіемъ 48 верховныхъ судей или регентовъ. Эти сорокъ восемь засѣдали въ Гейде, который съ тѣхъ поръ и считался главнымъ городомъ. Дворянство мало-по-малу совсѣмъ вытѣснили изъ края, а тѣхъ, кто не хотѣлъ уйдти, посадили на одни права съ крестьянами, и самого архіепископа принудили назначать своихъ фогтовъ изъ крестьянъ. Крестьяне были вольные собственники и всѣ пользовались равными правами, не неся никакихъ феодальныхъ повинностей; они не только учились владѣть оружіемъ, но и постоянно имѣли его при себѣ. Въ сраженіи при Геммингштедтѣ (1319), близь Ольдемёрдера, Дитмарсы такъ славно бились противъ союза господъ за свою вольность, что на полѣ битвы легъ весь цвѣтъ голштинскаго, мекленбургскаго, померанскаго и саксонскаго дворянства. Это была побѣда, подобная одержанной Швейцарцами при Земпахѣ (§ 349). Спустя 20 лѣтъ графъ Гергардъ, предпринявшій это нападеніе, былъ вѣроломъ-

но убитъ въ сѣверной Ютландіи, на походѣ противъ Датчанъ. Не менѣе отличились Дитмарсы въ сраженіи при р. Гамме (4 авг. 1404) противъ герцога Шлезвигъ-Голштинскаго. Самъ герцогъ остался на полѣ битвы и рядомъ съ нимъ пало отборное его рыцарство. Независимость Дитмарсовъ подверглась еще бо́льшей опасности, когда Ольденбургскій домъ, къ которому принадлежали герцоги шлезвигъ-голштинскіе, достигъ и датскаго престола. Король Іоаннъ (§ 403) взялъ къ себѣ на жалованье такъ-называемую «большую гвардію», отчаянную шайку хищныхъ наемниковъ, и вмѣстѣ съ герцогомъ шлезвигъ-голштинскимъ и множествомъ рыцарей и дворянъ изъ Даніи и обоихъ герцогствъ пошелъ на крестьянскую республику, чтобы привести ее въ покорность. Но государи и ихъ дружинники потерпѣли отъ Дитмарсовъ на старомъ геммингштедтскомъ побоищѣ такое же пораженіе (февр. 1500), какое встрѣтилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ прежде бургундскій герцогъ Карлъ Смѣлый отъ Швейцарцевъ при Грансонѣ и Муртенѣ. Послѣ этого внѣшняя война съ полвѣка не касалась Дитмарсовъ. Между тѣмъ у нихъ введена была реформація, и это подало поводъ къ внутреннимъ распрямъ и ослабленію республики. Кончилось тѣмъ, что Дитмарсы должны были уступить совокупнымъ нападеніямъ короля Датскаго и герцоговъ Шлезвигъ-Голштинскихъ и Ольденбургскихъ, особенно превосходной силѣ ландскнехтовъ, предводимыхъ Іоанномъ Ранцау [1] (въ іюнѣ 1559); они поневолѣ признали надъ собой верховную власть герцоговъ Шлезвигъ-Голштинскихъ и на колѣнахъ изъявили покорность новому повелителю.

§ 317. Третій крестовый походъ (1189 — 1192). — Вѣсть о взятіи Іерусалима (§ 311) ужаснула весь западный міръ и пробудила уснувшую было ревность къ вѣрѣ. Отъ южной оконечности Италіи до суровыхъ горъ скандинавскихъ, со всѣхъ сторонъ потянулись въ Святую Землю вооруженныя дружины на выручку. Кто оставался дома, тотъ давалъ денежный взносъ (Саладинову десятину). И Фридрихъ Барбаросса рѣшился заключить свое геройское поприще тѣмъ, чѣмъ началъ,—крестовымъ походомъ. Намѣреніе его нашло себѣ подражателей въ Филиппѣ Августѣ II, королѣ Французскомъ, и въ Ричардѣ Львиное-Сердце, королѣ

[1] Извѣстнымъ полководцемъ короля Датскаго Фридриха I.

Англійскомъ. Задуманное въ пылу одушевленія, императоръ выполнилъ со всею осмотрительностью зрѣлыхъ лѣтъ и съ богатою опытностью треволненной воинской жизни. Указавъ всеобщій земскій миръ и выславъ еще на три года за границу возвратившагося изъ Англіи Генриха Льва, который не захотѣлъ участвовать въ походѣ, двинулся онъ (1189) съ хорошо вооруженнымъ ополченіемъ, въ наилучшемъ порядкѣ и съ соблюденіемъ строгой дисциплины, черезъ Венгрію и Оракію къ Константинополю; наказалъ Грековъ за вѣроломство, испытанное имъ на пути; столько же силою своего меча, сколько достоинствомъ и величіемъ своей особы пристращалъ изнѣженнаго и лукаваго императора Исаака Ангела, которому, по пресѣченіи славнаго рода Комниновъ, достался византійскій тронъ, и поразилъ Иконійскаго султана въ жаркой битвѣ чуть не подъ самой его столицею. Съ дивнымъ стратегическимъ искусствомъ, осторожностью и мужествомъ руководилъ Фридрихъ всѣмъ предпріятіемъ, такъ что крестовый его походъ остается блистательнѣйшимъ военнымъ подвигомъ Германцевъ во всю средневѣковую эпоху. Ни трудности шествія по бездорожнымъ мѣстностямъ и безводнымъ пустынямъ подъ палящимъ зноемъ солнца, ни нужды и страданія арміи, ни хитрость и мечъ враговъ не могли ослабить его энергію, сокрушить его мужество и стойкость. Но когда маститый герой съ юношескою смѣлостью пустился вплавь черезъ быструю горную рѣчку Селефъ (Каликаднъ) въ Киликіи, его унесло стремленіемъ волнъ (10 іюня 1190). Бездыханнаго вытащили его на берегъ близь Селевкіи. Какъ Моисей провелъ онъ свое войско черезъ степи Европы и Азіи до рубежа обѣтованной земли, но здѣсь почти семидесятилѣтній вождь нашелъ въ бурныхъ водахъ свою могилу. Въ той же самой мѣстности навлекъ себѣ нѣкогда холоднымъ купаньемъ чуть не смертельную болѣзнь великій Александръ (§ 113).—Второй сынъ императора Фридрихъ Швабскій, краса и единственная надежда нѣмецкаго рыцарства, провелъ тѣхъ крестоносцевъ, которые не предпочли воротиться домой, въ Палестину къ королю Гвидону, осаждавшему въ это время отнятый Саладиномъ городъ Акконъ (Акру); но и юношу ожидала здѣсь смертная кончина (1191): онъ только-

что успѣлъ начать учрежденіе Нѣмецкаго ордена (§ 308). Остальные германскіе крестоносцы или сдѣлались жертвою чумы и тягостей похода, или пали отъ вражескаго меча. Казалось, члены тѣла не хотѣли пережить голову. Вскорѣ потомъ прибыли подъ Акру съ цвѣтомъ своего рыцарства короли Англійскій и Французскій, которые на пути взяли приступомъ и разграбили Мессину [1]. Совокупными силами удалось имъ взять стѣсненный городъ, при чемъ Ричардъ Львиное-Сердце запятналъ корыстолюбіемъ, надменностью и жестокосердіемъ ту славу, которую стяжалъ себѣ геройской храбростью и отвагой. Своекорыстно устранилъ онъ Нѣмцевъ отъ участія въ добычѣ, хотя Леопольдъ Австрійскій отличился при взятіи Аккона, а когда послѣдній отказалъ потомъ въ своей помощи при укрѣпленіи Аскалона, Ричардъ велѣлъ сорвать нѣмецкое знамя съ лагеря и проволочить его въ грязи. Онъ же приказалъ изрубить двѣ тысячи пять сотъ плѣнныхъ Сарацынъ только изъ-за того, что условленный за нихъ выкупъ не былъ представленъ къ сроку. Имя Ричарда стало ужасомъ восточныхъ странъ, и такъ сильно дѣйствовалъ страхъ передъ его безумною отвагой, что однажды, близъ Іоппіи, онъ съ немногими рыцарями прогналъ цѣлую толпу египетскихъ мослемовъ. Но при всей его храбрости, при всей силѣ его руки, Іерусалимъ не былъ таки взятъ обратно. Распри между нимъ и Филиппомъ Августомъ (который, оскорбясь неровнымъ дѣлежемъ добычи по взятіи Аккона, отправился домой и вскорѣ потомъ напалъ на владѣнія Ричарда во Франціи), несогласіе крестоносцевъ и недостатокъ религіознаго одушевленія замѣтно ослабили силу Франковъ. Заключивъ съ мусульманами договоръ, по которому береговая полоса отъ Тира до Іоппіи и безпрепятственное посѣщеніе Св. Мѣстъ были обезпечены христіанамъ, Ричардъ также возвратился назадъ. Покоренный имъ островъ Кипръ передалъ онъ королю Гвидону Люзиньяну, котораго потомки владѣли послѣ

[1] Французы не участвовали въ этомъ дѣлѣ, которое вышло изъ-за ссоры между неугомоннымъ Ричардомъ Львиное-Сердце и нормано-сицилійскимъ королемъ Танкредомъ. Филиппа Августа французскаго обвиняли только въ томъ, что онъ косвенно поджигалъ эту ссору.

этимъ королевствомъ въ теченіе трехъ вѣковъ. — Храбрый Конрадъ Монферратскій (§ 311) погибъ отъ руки убійцъ, подосланныхъ «горнымъ старцемъ». Вскорѣ по удаленіи Ричарда сошелъ въ могилу и благородный Саладинъ (4 марта 1193). Великодушный и человѣколюбивый отъ природы, велъ онъ безукоризненную жизнь, такъ что даже христіанскіе писатели ставятъ его въ образецъ рыцарственной доблести.

Ричардъ Львиное-Сердце. На возвратномъ пути, Ричарда послѣ многихъ приключеній занесло къ итальянскимъ берегамъ, откуда онъ располагалъ отправиться въ Англію черезъ нѣмецкія земли. Но неподалеку отъ Вѣны его узнали по драгоцѣнному кольцу; тяжко оскорбленный имъ Леопольдъ Австрійскій захватилъ его въ плѣнъ и выдалъ Нѣмецкому императору Генриху VI, а тотъ освободилъ его послѣ тѣснаго тринадцатимѣсячнаго заключенія въ замкѣ Трифельсѣ только за большой выкупъ, который былъ собранъ въ Англіи по раскладкѣ съ духовенства и дворянъ. Надо замѣтить, что Ричардъ постоянно помогалъ дѣломъ и совѣтомъ противникамъ Гогенштауфеновъ, именно Вельфу Генриху Льву и Танкреду Сицилійскому (§ 318), и въ это самое время старался содѣйствовать образованію мятежнаго союза германскихъ и италійскихъ вельможъ противъ императора. Онъ принялъ также сильное участіе въ смутахъ имперіи по смерти Генриха VI, помогая деньгами и оружіемъ племяннику его Оттону (§ 318 б.); но еще до рѣшенія этой борьбы Англійскій король палъ жертвою мести во Франціи: лимузенскій рыцарь Бертранъ де-Гудонъ рѣшился отплатить ему за смерть отца и двоихъ братьевъ, и 6 апрѣля 1199 г. его мѣткая стрѣла положила конецъ бурной жизни Ричарда подъ стѣнами замка Шалю [1]. Народное преданіе и средневѣковая поэзія романтически изукрасили и заточеніе Ричарда, и открытіе его тюрьмы пѣвцомъ Блонделемъ. Окруженный славою дивной храбрости и тѣлесной силы и озаренной блескомъ рыцарства, этотъ витязь-король былъ однимъ изъ любимыхъ образовъ романтической поэзіи. Юность свою провелъ онъ на тепломъ югѣ, и всю жизнь тянуло его туда, гдѣ все пѣло и билось въ кровавой сѣчѣ. Пѣсни и стихи всегда были для него отрадою, и онъ велъ дружбу со множествомъ трубадуровъ.

---

[1] Въ нынѣшнемъ департаментѣ Верхней Віенны.

в) ПАПСТВО НА ВЫСОТѢ СВОЕГО МОГУЩЕСТВА И ВЪ БОРЬБѢ СЪ ИМПЕРАТОРСТВОМЪ.

§ 318. Генрихъ VI (1190 — 1197). Сынъ Фридриха I, Генрихъ VI, обладалъ энергіею, свѣтлымъ государственнымъ умомъ и неутомимою дѣятельностью отца, но не имѣлъ его благороднаго духа. Алчность, грубость и жестокость помрачали его нравъ. Худощавое, безцвѣтное, вѣчно пасмурное лицо его обнаруживало душу, движимую безпрерывно новыми заботами и замыслами. Сердце его давно очерствѣло для нѣжныхъ тревогъ любви, которой пѣснямъ онъ сочувствовалъ въ юности. Властолюбіе рано подавило въ немъ всѣ мягкія ощущенія, вмѣстѣ съ страстями и чувственными наслажденіями.—Чтобы добиться коронованія въ императоры, Генрихъ при своемъ первомъ походѣ въ Римъ предалъ вѣрный дому его Тускулумъ мщенію Римлянъ, которые по удаленіи нѣмецкаго гарнизона напали на беззащитный городъ, изувѣчили и перебили жителей, и выжгли дома [1]. Немногіе уцѣлѣвшіе Тускуланцы построили себѣ шалаши, изъ которыхъ мало-по-малу образовался новый городъ, получившій отъ вѣтвей (frasche), употребленныхъ на первоначальныя жилища, названіе Фраскати.—По смерти послѣдняго норманскаго короля (1191, § 287), императоръ отправился въ нижнюю Италію, чтобы вступить во владѣніе наслѣдіемъ своей супруги Констанціи, Неаполемъ и Сициліею. Но незаконнорожденный племянникъ императрицы, храбрый Танкредъ [2], принялъ съ согласія папы королевскій титулъ, и встрѣтилъ сильную поддержку какъ у норманскихъ вельможъ, которые опасались властолюбія и алчности Гогенштауфена, такъ и у наклонныхъ къ республикѣ гражданъ Салерно. Эти обстоятельства, въ соединеніи съ заразою сильно опустошавшею ряды нѣмецкаго войска, были причиною того, что первый походъ Генриха не удался, супруга его вслѣдствіе измѣны попала въ руки непріятеля, а осада Неаполя была снята.

[1] Тускуланцы держали сторону императора, а Римляне—сторону папы.

[2] Побочный сынъ Рожера, герцога Апулійскаго, и внукъ короля Рожера II, отца Констанціи.

Въ тоже время въ Германіи снова запылалъ мятежъ (1193). Генрихъ Левъ съ сыновьями, герцогъ Брабантскій, маркграфъ Альбрехтъ Мейсенскій и другіе имперскіе князья составили союзъ противъ императора и втайнѣ помогали сицилійскимъ претендентамъ. Обширная междоусобица, распространившаяся отъ нижняго Рейна, черезъ Саксонію, до самой Богеміи, и въ своихъ крайнихъ отрасляхъ достигавшая даже острова Сициліи, угрожала распаденіемъ государству. Король Ричардъ Львиное-Сердце (§ 317), бывшій въ дружбѣ съ Танкредомъ и въ родствѣ съ Генрихомъ Львомъ, возвращался въ это время изъ Святой Земли и повидимому былъ готовъ поддержать возстаніе свѣжими силами. Но императоръ энергически и рѣшительно встрѣтилъ всѣ эти опасности: плѣненіемъ Англійскаго короля былъ разорванъ союзъ его съ Генрихомъ Львомъ; ловко-разсчитанныя сдѣлки съ другими вельможами посѣяли рознь и раздоръ между членами союза; число враговъ постепенно уменьшалось, особенно когда Генрихъ Левъ и сынъ его примирились съ императоромъ. При этомъ и счастіе благопріятствовало послѣднему: въ то самое время, когда Ричардъ выкупилъ свою свободу, умеръ Танкредъ, частію съ горя по ранней кончинѣ своего старшаго сына (1194). Смерть его лишила опоры и средоточія разногласное норманское дворянство, и безъ того зараженное неисцѣлимыми нравственными недугами, и ободрила партію Гогенштауфеновъ. Нѣмецкое войско, быстро и побѣдоносно прошло всю Италію, сокрушило норманскую силу при Катанеѣ, съ помощію генуэзскаго и пизанскаго флота, и покорило императору Неаполь и Сицилію. Вступленіе Генриха въ Сиракузы и Палермо ознаменовало собою начало новаго владычества, вооруженнаго невиданною строгостью; ибо милосердіе и пощада были невѣдомы Генриху, когда предстояло наказать и устрашить опасныхъ враговъ. Тюрьмы наполнились графами, дворянами и епископами; нѣкоторые изъ нихъ были лишены зрѣнія и посажены на колъ, другіе повѣшены, сожжены и зарыты въ землю. Тяжко навьюченныя ломовыя лошади повезли добычу въ замки Гогенштауфеновъ. Страхомъ хотѣлъ Генрихъ возстановить повиновеніе и порядокъ, право и законъ въ глубоко потрясенной странѣ, и построить

новое государство на плечахъ крѣпкихъ и вѣрныхъ ратниковъ, приведенныхъ имъ съ собою изъ Германіи. Оттого, въ теченіе своего кратковременнаго владычества, казался онъ Итальянцамъ «страшно величественнымъ, какъ кровавое сѣверное сіяніе». Къ тому времени, когда Констанція подарила своего августѣйшаго супруга сыномъ (въ концѣ 1196), Италія и Силиція смиренно лежали у ногъ владыки-Гогенштауфена; въ верхней и средней Италіи князья и прелаты тоже преклонялись передъ его могуществомъ, и даже въ Римѣ пользовался онъ, какъ нѣкогда Оттоны, правами верховнаго повелителя, не смущаясь угрозами и противорѣчіями папы.— Съ такою же энергіей стремился Генрихъ къ расширенію и упроченію императорской власти въ Германіи, гдѣ около этого времени противники дома Гогенштауфеновъ лишились своей сильнѣйшей опоры съ кончиной Генриха Льва. Онъ овладѣлъ упразднившеюся вслѣдствіе скорой смерти маркграфа Альбрехта, Мейсенскою маркіей съ богатымъ городомъ Лейпцигомъ и прибыльными фрейбергскими рудниками, какъ имперскимъ лэномъ, и ввѣрилъ управленіе ею своимъ чиновникамъ, не обращая никакого вниманія на протестъ Альбрехтова брата. Ричардъ Львиное-Сердце, въ благодарность за свое освобожденіе и за переданныя ему южнобургундскія земли, отъ нижней Роны до Пиренеевъ, призналъ Генриха своимъ лэннымъ господиномъ и платилъ ему ежегодную дань. Но властолюбіе императора всего болѣе манилъ къ себѣ Востокъ. Самою величавою идеей Генриха было сосредоточить въ мощной рукѣ своей ревность церкви, жажду дѣятельности, снѣдавшую дворянство, благочестивое одушевленіе народной массы, всѣ силы, въ теченіе столѣтія двигавшія Западъ, но потраченныя даромъ при своей безцѣльной разрозненности, и вовлечь весь восточный міръ въ кругъ власти западнаго императорства. Онъ уже стучался въ согнившія двери Греческой имперіи, какъ наслѣдникъ норманскихъ королей; христіанскія государства въ Азіи уже признали его своимъ защитникомъ и покровителемъ; уже двинулось въ нижнюю Италію ополченіе нѣмецкихъ крестоносцевъ, въ главѣ котораго императоръ намѣревался самъ предпринять походъ въ Святую Землю и привести въ испол-

неніе замыслы властолюбивой души своей,—какъ вдругъ онъ внезапно умеръ въ Палермо (28-го сентября 1197), простудившись на охотѣ, 32 лѣтъ отъ роду, и вмѣстѣ съ нимъ разомъ рухнуло гордое зданіе его могущества и великолѣпныхъ плановъ. Въ слѣдующемъ году (27-го ноября 1198) сошла за нимъ въ могилу и супруга его, Констанція. Смерть его была началомъ великихъ бѣдствій для Германіи. Преданіе говоритъ, что герой народной легенды, Дитрихъ Бернскій, объѣхалъ тогда при-мозельскій край на своемъ чудесномъ ворономъ конѣ, и возвѣстилъ предстоящее несчастіе.

§ 318. 6. Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV. Смерть Генрихъ VI совершенно измѣнила тогдашнее положеніе дѣлъ. Всѣ противоборствующія силы, соединенныя и подчиненныя мощною волею императора, снова стали искать себѣ разрозненныхъ путей. Съ Генрихомъ умерли справедливость и миръ въ государствѣ. Хотя двухлѣтній сынъ его Фридрихъ, подъ опекою мудраго въ государственныхъ дѣлахъ папы Иннокентія III, и былъ выбранъ королемъ, но князья вскорѣ забыли свою присягу и поставили деньги, выгоду и интересы партій выше клятвы и чести. Большинство ихъ заботилось не столько о единствѣ, могуществѣ и славѣ имперіи, сколько о собственномъ господствѣ, и они болѣе и болѣе явно стремились къ освобожденію мѣстной княжеской власти изъ-подъ вліянія королевской. Архіепископъ Адольфъ кёльнскій подалъ первый знакъ къ измѣнѣ. Условясь съ Англійскимъ королемъ Ричардомъ Львиное-Сердце, онъ объявилъ себя за Оттона, втораго сына Генриха Льва, и склонилъ на свою сторону многихъ вельможъ, своихъ сосѣдей. Въ это же время герцогъ Бертгольдъ Церингенскій заявилъ свое притязаніе на нѣмецкую корону и нашелъ поддержку на верхнемъ Рейнѣ и въ Альзаціи. Но большинство духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ осталось вѣрно дому Гогенштауфеновъ; они требовали только, чтобы Филиппъ Швабскій, братъ покойнаго императора, управлялъ не именемъ своего малолѣтнаго племянника, въ качествѣ опекуна и регента, а самъ носилъ бы корону. Филиппъ уступилъ этому требованію, послѣ чего золото Гогенштауфеновъ склонило Бертгольда Церингенскаго къ отступленію. Напротивъ, архіепископъ кельнскій упор-

ствовалъ въ своемъ противленіи и короновалъ Оттона IV въ Ахенѣ (12-го іюля 1198); но гораздо торжественнѣе было помазаніе, принятое Филиппомъ въ Майнцѣ отъ архіепископа трирскаго, два мѣсяца спустя (8-го сентября). Такимъ образомъ явилось двѣ главы въ государствѣ: вельфскій король, отважный рыцарь, дерзкаго и необузданнаго нрава, похожій на своего дядю по матери, Ричарда Львиное-Сердце, былъ признанъ на сѣверѣ, на нижнемъ Рейнѣ, во Фландріи и Брабантѣ, и главнымъ опорнымъ пунктомъ его сталъ богатый и сильный городъ Кёльнъ; Гогенштауфенъ, привѣтливый, кроткаго образа мыслей, утонченныхъ нравовъ и благочестиво-смиренный, имѣлъ на своей сторонѣ большинство епископовъ и имперскихъ князей южной и средней Германіи, между прочимъ герцога Оттокара Богемскаго, получившаго за это королевскій титулъ, и Дитриха Мейсенскаго, которому Филиппъ возвратилъ наслѣдіе его брата.

Какъ противоположны были оба государя! Оттонъ съ семилѣтняго возраста жилъ за границей, и родина отцовъ стала для него чужда. Съ Франціею и Англіей былъ онъ связанъ воспоминаніями дѣтства, надеждами юности. При императорѣ Генрихѣ, когда Германія повсемѣстно достигла небывалаго блеска и уваженія, Оттонъ проводилъ время въ дикихъ усобицахъ на берегахъ Гароны и Сены. Вмѣсто нѣмецкой пѣсни, которой предстояло достичь своего полнаго развитія въ его царствованіе, слухъ его сроднился съ французскимъ напѣвомъ трубадура и удалыми сирвентами [1] Бертрана-де-Борнъ, объявлявшаго войну всякому миру и спокойствію. Такимъ образомъ Оттонъ усвоилъ себѣ, больше чѣмъ прилично было Нѣмецкому королю, французскіе нравы и языкъ англо-норманскаго дворянства, а при его жесткой, неподатливой натурѣ и неумѣньѣ владѣть собою, этотъ недостатокъ рѣзко и оскорбительно бросался въ глаза. Тщетно старался онъ восполнить отсутствіе внутренней силы непреклоннымъ упорствомъ, а отсутствіе умственнаго превосходства и государственной мудрости—личною храбростію и доходившею до безумія отвагой. Онъ никогда не могъ пріобрѣсти любовь и довѣріе въ Германіи.—Не таковъ былъ король Филиппъ! Всѣ превозносили кроткій и дружелюбный нравъ его. Какъ наружностію, ростомъ и станомъ, красотою и

[1] См. ниже, § 343. 4.

бѣлокурыми волосами походилъ онъ на своего брата, такъ и управленіе его государственными дѣлами во многихъ отношеніяхъ напоминало покойнаго императора: не лишенный воинственности, онъ однако лучше хотѣлъ достигать цѣли ловкими переговорами, чѣмъ силою оружія. Жизнь Филиппа съ его византійскою супругой Ириной, въ юности невѣстой рано умершаго Танкредова сына и съ переходомъ въ римско-католическую церковь названной Маріею, представляла очаровательную картину семейнаго счастія. Даже громъ оружія не заглушалъ въ немъ любви къ отечественной поэзіи и къ наукѣ. Чувствомъ страха Божія былъ онъ любъ и духовнымъ, и мірянамъ. Въ разгарѣ страстей, которымъ предавались партіи въ теченіе десятилѣтнихъ междоусобій, онъ пользовался безукоризненною славою у друзей и недруговъ.

Оба государя старались склонить на свою сторону главу церкви, чтобы подкрѣпить свое дѣло его рѣшеніемъ. Но Иннокентій III, человѣкъ высокаго ума и необыкновенныхъ государственныхъ способностей, вступившій въ это время на престолъ св. Петра на тридцатомъ году жизни, намѣренно воздерживался отъ приговора, разсчитывая вполнѣ основательно, что смуты въ Германіи должны способствовать осуществленію честолюбивыхъ его плановъ. Зная, что Филиппъ былъ избранъ и признанъ большинствомъ достойнѣйшихъ вельможъ, онъ все-таки оказывалъ англо-вельфской партіи благосклонность и дружбу, но не тотчасъ сталъ открыто на ея сторону. Прежде всего онъ воспользовался обстоятельствами преимущественно для усиленія папскаго могущества въ Италіи.

Онъ отнялъ у имераторскаго намѣстника Маркварда Анвейлера земли средней Италіи, которыя Генрихъ VI ввѣрилъ ему передъ смертью, и принудилъ дворянство и города къ присягѣ и признанію своихъ верховныхъ лѣнныхъ правъ; отлученіемъ отъ церкви императорскаго намѣстника въ Сполето, онъ принудилъ его удалиться и подчинилъ Сполетское герцогство престолу св. Петра. Ненависть народа къ Нѣмцамъ облегчала осуществленіе замысловъ первосвященника. Въ тоже время Иннокентій вполнѣ возстановилъ исчезнувшую при императорѣ Генрихѣ верховную власть римской короны надъ норманскимъ государствомъ въ Неаполѣ и Сициліи, особенно съ тѣхъ поръ какъ вдовствующая императрица Констанція передъ смертью ввѣрила ему опеку надъ малолѣтнымъ своимъ сыномъ.

Уклончивость папы усилила ярость партій и смуты въ Германіи. Оставалось рѣшить дѣло оружіемъ, и началась опустошительная междоусобная война, во время которой законъ и справедливость были попраны, насиліе и угнетеніе безпрепятственно господствовали вездѣ и рыцарская анархія похвалялась презрѣніемъ ко всякому праву и порядку. Шестнадцать монастырей и 350 приходовъ были обращены въ пепелъ въ теченіе одного года. Не только войска обоихъ враждебныхъ другъ другу государей оставили послѣ себя на верхнемъ и нижнемъ Рейнѣ, на Мозелѣ и въ Тюрингенскомъ Лѣсу, въ Саксоніи и Брауншвейгѣ слѣды дикаго военнаго погрома и ужасовъ, совершенныхъ въ городахъ и селеніяхъ, надъ людьми и полевыми плодами; въ цѣломъ государствѣ князья и графы точно такъ же воевали съ своими противниками по городамъ и мѣстечкамъ; во многихъ епископствахъ, напр. въ Вюрцбургѣ, Гильдесгеймѣ, Майнцѣ, двойственные церковные выборы возбуждали смятеніе, безпорядокъ и раздоръ. Война длилась уже четыре года, и побѣда повидимому склонялась на сторону праваго дѣла Гогенштауфена, когда папа наконецъ объявилъ себя открыто за Вельфа и тѣмъ подбавилъ топлива въ угасавшее пламя. Папа торжественно призналъ Оттона IV (1201) Римскимъ королемъ, послѣ даннаго имъ клятвеннаго обѣщанія оказывать послушаніе и всѣ должныя услуги и почести престолу св. Петра и во всемъ руководиться совѣтомъ и волею папы; напротивъ, Филиппъ былъ отвергнутъ, какъ недостойный, и отлученъ отъ церкви со всѣми своими приверженцами.—Хотя грозное церковное наказаніе и не заставило гогенштауфенскую партію отступиться отъ Фридриха, однако оно придало новый вѣсъ дѣлу Оттона; совершенно равнодушный къ чести и благоденствію государства, онъ позволилъ своимъ датскимъ союзникамъ, Кнуту и Вальдемару, присвоить себѣ города и земли на Балтійскомъ морѣ (§ 402), и купилъ содѣйствіе папы и нѣмецкихъ прелатовъ собственнымъ отреченіемъ отъ важныхъ императорскихъ правъ надъ церковью. Отпаденіе архіепископа Конрада вюрцбургскаго, умнаго и опытнаго, но преданнаго роскоши и сластолюбію прелата, отъ дома Гогенштауфеновъ, которому онъ былъ обязанъ весьма многимъ, не имѣло вредныхъ по-

слѣдствій для Филиппа; ближайшимъ плодомъ его измѣны было лишь умерщвленіе его на улицѣ собственной его столицы (1202); но когда перемѣнилъ знамя ландграфъ Германнъ тюрингенскій, когда Оттокаръ богемскій, имѣя въ виду получить для себя отъ папы утвержденіе въ королевскомъ достоинствѣ и избавиться отъ церковнаго проклятія за соблазнительную ссору съ женою, перешелъ на сторону Вельфа, и многіе епископы покинули проклятого короля, страшась возбудить противъ себя гнѣвъ могущественнаго римскаго первосвященника, тогда власть и вліяніе Оттона стали болѣе и болѣе возрастать и междоусобная война приняла еще ужаснѣйшій характеръ. Но Филиппъ не упалъ духомъ; непостоянство нѣмецкихъ князей и неудовольствіе многихъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ на грубый нравъ Оттона и на властолюбіе Иннокентія, вскорѣ доставили ему новыхъ приверженцевъ. Ландграфъ Германнъ тюрингенскій и Оттокаръ богемскій были преодолѣны (1204) и вынуждены покориться; даже старѣйшіе союзники Оттона, родной братъ его пфальцграфъ Генрихъ, архіепископъ Адольфъ кёльнскій и герцогъ Генрихъ брабантскій, перешли на сторону Гогенштауфена. Зато Филиппъ согласился принять новое коронованіе въ Ахенѣ отъ кёльнскаго архіепископа. Но городъ Кёльнъ остался вѣренъ Оттону и папѣ; Адольфъ былъ лишенъ своего сана и отлученъ отъ церкви, а на архіепископскій престолъ возведенъ новый прелатъ. Теперь военная буря перенеслась на нижній Рейнъ; городъ Кёльнъ, обнесенный съ 1200 года толстою стѣною, укрѣпленный двѣнадцатью башневидными воротами и пятидесятью казематами, долго выдерживалъ всѣ нападенія; но когда Оттонъ, послѣ одной вылазки, былъ отрѣзанъ отъ города и принужденъ бѣжать, а новый архіепископъ попалъ въ плѣнъ, тогда городъ долженъ былъ сдаться (1206), снова признать Адольфа своимъ господиномъ и покориться императору Филиппу. За это онъ былъ пощаженъ и сохранилъ свои права и вольности. Эти успѣхи сдѣлали папу благосклоннѣе къ Филиппу. Онъ издалъ буллу (1207), въ которой описывалъ печальныя послѣдствія господствовавшей доселѣ усобицы: «Побивая другъ друга, христіане не оказываютъ никакого сопротивленія врагамъ церкви, и движеніе ихъ въ Святую

Землю, на помощь сирійскимъ христіанамъ, прекращается; справедливость, благочестіе, вѣра погибаютъ, ереси усиливаются, посѣвы опустошаются, появляются голодъ и нищета, совершаются убійства, поджоги и святотатства; умерщвляютъ мужей, обираютъ вдовъ, безчестятъ дѣвицъ, угнетаютъ бѣдныхъ, запираютъ дороги и, какъ всякій злодѣйствуетъ безнаказанно, то весь край наполняется толпами злодѣевъ.» Чтобы прекратить столь бѣдственное положеніе, Иннокентій послалъ за-Альпы двоихъ кардиналовъ-легатовъ, которые сняли проклятіе съ Филиппа, что̀ должно было облегчить возстановленіе мира и согласія. Это окончательно склонило перевѣсъ на сторону Гогенштауфена; вся надежда Оттона была лишь на помощь съ чужи и на туземный раздоръ. И этотъ раздоръ, въ соединеніи со всеобщею одичалостью вслѣдствіе продолжительныхъ междоусобій, привелъ Вельфа къ цѣли гораздо скорѣе, чѣмъ можно было предполагать. Когда Филиппъ поселился съ дворомъ въ Альтенбургѣ, близь Бамберга, вдругъ входитъ къ нему пфальцграфъ Оттонъ фонъ-Виттельсбахъ, рьяный и буйный рыцарь изъ весьма близкой къ Гогенштауфенамъ фамиліи, и поражаетъ отдыхавшаго императора смертельною раной, отъ которой тотъ скончался въ нѣсколько минутъ (21 іюня 1208). Причины этого злодѣйства не ясны, и нельзя опредѣлить съ достовѣрностью, дѣйствовалъ ли убійца, какъ говоритъ преданіе, изъ личной мести вслѣдствіе опаснаго для него королевскаго письма, или просто вслѣдствіе заговора. Генрихъ фонъ-Андехсъ и братъ его, епископъ Эгбертъ бамбергскій, бѣжали вмѣстѣ съ Оттономъ, и сеймъ во Франкфуртѣ, приговорившій убійцу къ изгнанію, распространилъ на нихъ то же наказаніе и лишилъ ихъ имущества и сана; но черезъ нѣсколько лѣтъ они были прощены. Напротивъ, Оттонъ Виттельсбахъ, скрывавшійся въ одномъ крестьянскомъ дворѣ на Дунаѣ, былъ пойманъ исполнителями имперскаго приговора, послѣ чего маршалъ Генрихъ фонъ-Калинтинъ нанесъ ему смертельный ударъ (1209). Ему отрубили затѣмъ голову и бросили ее въ Дунай; трупъ его оставался безъ погребенія, и только по прошествіи семи лѣтъ, съ разрѣшенія папы, схороненъ по-христіански въ Іедерсдорфскомъ монастырѣ; древній замокъ Виттельсбахъ былъ разрушенъ.

Цистерціанецъ [1]) аббатъ Арнольдъ Любекскій разсказываетъ слѣдующее о причинѣ цареубійства: «Король Филиппъ сначала положилъ выдать свою дочь за пфальцграфа Оттона изъ уваженія къ его знатности. Но какъ пфальцграфъ былъ очень жестокій и грубый человѣкъ, то король отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія. Узнавъ объ этомъ, Оттонъ сватался за дочь герцога Генриха польскаго и сказалъ королю Филиппу: «Государь, позвольте напомнить «вашей милости какъ я былъ всегда преданъ вамъ, какъ много я по«тратилъ за васъ въ эту войну, да и теперь снова готовъ выйти за «васъ въ поле съ большою дружиной. Потому прошу васъ оказать «мнѣ хотя малѣйшую благосклонность и снабдить меня рекоменда«тельнымъ письмомъ къ герцогу польскому, дабы хорошо начатый «брачный договоръ еще успѣшнѣе могъ быть приведенъ къ концу «чрезъ ваше посредство.»—«Охотно исполню эту просьбу», сказалъ король. Тотъ обрадовался и подалъ ему уже заготовленное письмо. Филиппъ отпустилъ его, велѣвъ прійдти немного погодя за письмомъ, которое между тѣмъ будетъ запечатано. А когда вышелъ пфальцграфъ, письмо передѣлали въ противуположномъ смыслѣ и приложили къ нему королевскую печать. Филиппъ имѣлъ на то свои достаточныя причины: дѣвушка, которую хотѣлъ взять за себя Оттонъ, была ему сродни по матери, и потому король не желалъ, чтобы благородная дѣвица вышла замужъ за такого безразсуднаго, жестокаго и безбожнаго человѣка. Пфальцграфъ, получивъ обратно письмо, замѣтилъ на немъ пятнышко, которое возбудило его подозрѣніе; онъ обратился къ одному изъ своихъ близкихъ и сказалъ: «Открой мнѣ, «что тутъ написано.» Тотъ, прочитавъ, испугался и сказалъ: «Ради «Бога, не принуждай меня разсказывать содержаніе письма; мнѣ «предстоитъ смерть, если я это сдѣлаю.» Тогда пфальцграфъ обратился съ письмомъ къ другому, и неотступно просилъ его о томъ же, до тѣхъ поръ, пока узналъ содержаніе письма, и оно привело его въ такую ярость, что съ тѣхъ поръ онъ только и помышлялъ о смерти короля.»

Два мѣсяца послѣ горестной кончины Филиппа умерла въ замкѣ Штауфенѣ нѣжная супруга его, Ирина. Въ сосѣднемъ монастырѣ Лорхѣ, откуда съ зеленаго холма виднѣется внизу обрамленная соснами грустно-привѣтливая долина,—тамъ,

[1] См. § 321. 1.

рядомъ съ родоначальникомъ Гогенштауфеновъ, лежитъ въ сырой землѣ «Гречанка Марія», «эта роза безъ шиповъ, эта безжелчная голубка», какъ въ дни ея счастія пѣлъ объ ней нѣкогда поэтъ Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде. Но, съ умерщвленіемъ Филиппа, смуты въ Нѣмецкой имперіи еще усилились. Не сдерживаемые уже никакимъ верховнымъ повелителемъ и государемъ, рыцари и бароны, тогда «главные разбойники въ Германіи», беззавѣтно предались своей дикой страсти къ усобицѣ и войнѣ. Старый раздоръ и ненависть ожили съ прежнею силой, стремленіе къ неправому расширенію власти воспламенило новую вражду. Горшая участь постигала, какъ и всегда, беззащитный народъ по деревнямъ и мелкимъ городишкамъ. Распущенное имперское ополченіе разлилось буйными ватагами по всему государству: во Франконіи, Швабіи и Эльзасѣ царствовала страшная безрядица и насилія совершались на каждомъ шагу; вдоль Боденскаго озера то и дѣло подымались къ небу багровые столбы пожара. Внутренняя одичалость шла объ-руку съ внѣшнимъ гнетомъ и матеріальною нуждой [1]. Король Оттонъ IV, котораго партія теперь усилилась снова, старался всѣми средствами поладить съ приверженцами Гогенштауфеновъ и привлечь ихъ на свою сторону: онъ женился на одной изъ дочерей убитаго императора и наложилъ строжайшую опалу на виновниковъ гнуснаго злодѣйства; но не было возможности скоро подавить господствующій безпорядокъ и беззаконіе, терзавшіе несчастную страну слишкомъ десять лѣтъ. Оттону было еще далеко до спокойнаго обладанія, какъ распря его съ Римомъ снова подожгла угасающее пламя междоусобій. Когда вельфскій король, который до тѣхъ поръ сдѣлалъ уже слишкомъ много уступокъ въ ущербъ чести и правамъ имперіи, рѣшился наконецъ положить предѣлъ властолюбивымъ замысламъ папы Иннокентія и удержать его отъ возрастаю-

[1] Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде говоритъ: «И солнце свѣтитъ не по прежнему, предательски высушило оно зерно на всѣхъ поляхъ и бороздкахъ. Отецъ не находитъ вѣрности въ сынѣ, братъ измѣняетъ брату, духовенство обманываетъ подъ клобукомъ, вмѣсто того, чтобъ освящать Богу сердце человѣка. Одна сила одерживаетъ верхъ, уваженіе къ праву исчезаетъ: конечно въ такое время сидѣть сложа руки не приходится!»

щихъ захватовъ и присвоеній императорскаго права, папа изрекъ ему отлученіе отъ церкви и послалъ юнаго Фридриха (1210), который по итальянскому закону достигъ теперь совершеннолѣтія, въ Германію, съ тѣмъ, чтобы опять возжечь борьбу между Вельфовъ и Гибеллиновъ. Радостно примкнула гогенштауфенская партія къ прекрасному юношѣ, полному рыцарской силы и надеждъ, и значеніе его видимо росло съ каждымъ днемъ, тогда какъ число Оттоновыхъ сторонниковъ все болѣе убывало; кончилось тѣмъ, что когда Оттонъ, принявъ, въ качествѣ союзника и родственника Англійскаго короля Іоанна, участіе въ войнѣ его съ Филиппомъ Августомъ Французскимъ, потерпѣлъ при Бувинѣ во Фландріи сильное пораженіе (1215), — Фридрихъ II Гогенштауфенъ былъ повсемѣстно признанъ императоромъ, не смотря на то, что Оттонъ IV прожилъ еще три года потомъ (въ Брауншвейгѣ). Вѣнчанія императорскою короной Фридрихъ достигъ однакожь только въ 1220 г.

§ 318 в. Церингеры. Могучій владѣтельный домъ Церингеровъ, котораго родовыя отчины, также какъ отчины Вельфовъ и Гогенштауфеновъ, лежали въ Швабіи, неподалеку отъ габсбургскихъ владѣній, ведетъ свое начало отъ Бертгольда Бородатаго († 1078), современника императорамъ Генриху III и IV. Первый обезпечилъ за нимъ право преемничества на герцогство Швабское, но какъ этотъ лэнъ упразднился только по смерти императора, то получилъ его не Бертгольдъ, а графъ Рудольфъ Рейнфельденъ чрезъ императрицу Агнесу. Бертгольду дано взамѣнъ отдаленное маркграфство Каринтія съ Вероной,—слабое вознагражденіе за высшій санъ въ той самой странѣ, гдѣ находились его отчины. Такая обида возстановила графа Бертгольда противъ Франконской династіи. Поэтому, когда Генрихъ IV разсорился съ папою и имперскими князьями (§ 297), графъ присталъ къ его противникамъ и помогалъ тому же Рудольфу Рейнфельдену (Швабскому) въ домогательствѣ императорской короны. Но сторона императора одержала верхъ. Швабія сильно потерпѣла отъ военныхъ бѣдствій; внутреннія распри и вражескій мечъ нанесли тяжкія раны и замкамъ и хижинамъ, и городамъ и монастырямъ; пламя междоусобной войны опустошило плодоносныя поля Брейсгау и средняго Рейна. Бертгольдъ, лишась своихъ отдаленныхъ лэновъ, Каринтіи и Вероны, и подвергаясь опасности

утратить швабскія родовыя отчины, впалъ съ горя въ разстройство ума и умеръ помѣшанный. Старшій сынъ его, Бертгольдъ II (1078—1111), наслѣдовалъ ему въ брейсгаускихъ имѣніяхъ и избралъ себѣ постояннымъ мѣстомъ жительства маленькій, но крѣпкій замокъ Церингенъ, съ прекраснымъ видомъ на богатыя окрестныя поля. Второй сынъ, Германъ Святой, которому отецъ отдалъ въ управленіе маркграфство Верону и который черезъ жену изъ графскаго рода Эберштейновъ пріобрѣлъ замокъ Баденъ съ имѣніями и минеральными водами по рѣчкѣ Осу (Oos), кончилъ дни въ Клюнійскомъ монастырѣ (§ 321). Онъ родоначальникъ маркграфовъ Баденскихъ. Третій сынъ Бертгольда Бородатаго былъ епископомъ Констанцскимъ и, въ этомъ званіи, ревностно старался вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ возвратить раззоренному Оберланду (т. е. Швабіи) миръ и исцѣлить язвы, нанесенныя ему опустошительною войною. Въ этихъ видахъ Бертгольдъ II отступился отъ притязаній своихъ на санъ Швабскаго герцога, когда стали домогаться его Гогенштауфены и готовы были прибѣгнуть къ оружію для поддержанія своихъ искательствъ. За это императоръ утвердилъ за нимъ титулъ герцога Церингенскаго и поставилъ его имперскимъ фогтомъ надъ Тургау и Цюрихомъ. Таково было начало власти, которая вскорѣ распространилась на бургундскія земли нынѣшней Швейцаріи и открыла роду Церингеровъ обширное поприще благотворной дѣятельности.—Бертгольдъ III (1111—1123) основалъ городъ Фрейбургъ при Дрейзамѣ по образцу Кёльна, котораго цвѣтущее состояніе онъ узналъ, проживши тамъ нѣкоторое время плѣнникомъ послѣ несчастнаго похода съ императоромъ Генрихомъ V (1115). Онъ же возвелъ въ городскую общину базарное мѣстечко Виллингенъ. Братъ его Конрадъ (1123—1152), наслѣдовавшій ему въ герцогскомъ достоинствѣ, довершилъ начатое, даровавъ Фрейбургскому гражданству обширныя права въ силу тарханной грамоты и положивъ основаніе великолѣпному соборному храму, красѣ нѣмецкой архитектуры. Этотъ Церингеръ, отличавшійся величавостью замысла во всѣхъ предпріятіяхъ, первый получилъ отъ Лотара санъ имперскаго намѣстника въ Бургундіи, но могъ удержать его за собою только цѣлымъ рядомъ войнъ съ туземными владѣльцами. Въ борьбѣ вайблинговъ и вельфовъ (§ 309) примкнулъ онъ къ послѣднимъ и этимъ навлекъ своему краю опустошительную войну, которая еще не кончилась,

когда онъ умеръ, и ему наслѣдовалъ его сынъ Бертгольдъ IV (1152—186). Равно великій въ войнѣ и въ мирѣ, послѣдній примирился съ Гогенштауфеномъ Фридрихомъ Барбароссой и, обѣщавъ ему воинскую службу въ походахъ императора на Италію, не только получилъ отъ него обратно свои родовыя земли, но сверхъ того еще имперскіе лэны въ Бургундіи и главное церковное старостство (Kastvogtei [1]) въ Женевѣ, Лозаннѣ и Зиттенѣ. Ему обязанъ своимъ происхожденіемъ другой Фрейбургъ въ Ихтландѣ (нынѣшнемъ Фрейбургскомъ кантонѣ Швейцаріи), устроенный во всемъ по образцу брейсгаускаго, а въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ онъ основалъ Нёйенбургъ (Нефшатель) на Рейнѣ, Оффенбургъ и Гаслахъ на Кинцигѣ. Сынъ его Бертгольдъ V (1186—218) слѣдовалъ по стопамъ отца. Онъ заложилъ города Бернъ, Бургдорфъ, Ивердёнъ и Мильденъ (Moudon) и поддерживалъ свой вѣсъ въ бургундскихъ земляхъ силою оружія, энергіею и твердостью характера и воли. Бережливостью и добрымъ хозяйствомъ нажилъ онъ себѣ такую казну, что его прозвали Богатымъ; но эта бережливость навлекла ему упрекъ въ скряжничествѣ, а строгіе поступки его съ непріятелями дали поводъ считать его жестокосердымъ. Деньги и покой ставилъ онъ выше чести и славы; это видно уже изъ того, что за 11,000 марокъ (полуфунтовъ) серебра онъ согласился уступить Филиппу Швабскому свои притязанія на императорскій престолъ, основанныя на избраніи Бертгольда многими князьями. Конечно, онъ мало имѣлъ надежды на успѣхъ, когда уже и безъ того за обладаніе верховной властью спорили Вельфы и Гогенштауфены. — Когда Бертгольдъ V умеръ бездѣтнымъ (1218), владѣнія его были раздѣлены. Имперскіе лэны, въ томъ числѣ бургундскіе города и Оффенбургъ на Кинцигѣ, отошли къ императору; земли въ Брейсгау, въ Швабіи и на Шварцвальдѣ наслѣдовала старшая сестра, въ замужствѣ за графомъ Урахомъ, а швейцарскія владѣнія получилъ супругъ меньшой сестры, графъ Кибургъ. Эгонъ Урахъ продалъ свой родовой замокъ въ Швабскихъ Альпахъ и переселился въ Брейсгау. Чрезъ сыновей его этотъ родъ раздѣлился на графовъ Фрейбургскихъ, которымъ принадлежали брейсгаускія земли, и на графовъ Фюрстенберговъ, которые

[1] Въ лицѣ главныхъ церковныхъ старостъ, или кастфогтовъ, императоръ назначалъ блюстителей тѣхъ церковныхъ имуществъ, доходы съ которыхъ шли на общія нужды церкви, а не на личныя потребности церковно-служителей.

владѣли шварцвальдскими маетностями съ городами Виллингеномъ и Гаслахомъ. Фрейбургъ сто сорокъ восемь лѣтъ оставался въ рукахъ Эгонова рода.

§ 319. Иннокентій III и Фридрихъ II. Этимъ временемъ смутъ воспользовался, для довершенія дѣла Григорія VII, папа Иннокентій III, умный политикъ, одаренный рѣдкими силами души, познаніями и правительственными способностями. Взоръ его былъ столько же устремленъ на освобожденіе Италіи отъ чуждаго господства, какъ и на поставленіе церкви превыше всякой власти на землѣ. Онъ собственно положилъ начало Церковной области, вытребовавъ у Оттона IV подтвержденіе всѣхъ прежнихъ даровъ св. престолу и отреченіе отъ императорскихъ верховныхъ правъ надъ Римомъ и соединенными съ нимъ территоріями, и тѣмъ самымъ поставилъ подъ непосредственное свое господство какъ городскаго префекта, назначаемаго до тѣхъ поръ императоромъ, такъ и все римское гражданство съ его сенатомъ и судебными коллегіями. Тосканскіе города, за исключеніемъ одной преданной гибеллинамъ Пизы, соединилъ онъ въ гвельфскій союзъ противъ императора. Онъ отнялъ у туземныхъ государей всякое вліяніе на выборъ епископовъ, чтобы крѣпче привязать духовенство къ папскому престолу. Онъ придалъ дѣйствительное значеніе тому началу, что церковь стоитъ выше государства, и духовный глава выше свѣтскаго, что королевская и всякая державная власть проистекаетъ отъ папской и что, слѣдовательно, сильные міра сего должны склоняться передъ высшею властью папы и признавать его верховнымъ лѣннымъ господиномъ и посредникомъ въ ихъ спорахъ между собою. «Подобно тому, какъ Богъ, Творецъ вселенной—говоритъ онъ въ своихъ посланіяхъ — поставилъ два великія свѣтила на тверди небесной, —одно бо́льшее, да властвуетъ оно днемъ, и другое меньшее—да царитъ ночью, такъ точно и на тверди вселенской церкви поставилъ онъ два великіе сана,—одинъ бо́льшій, да господствуетъ онъ надъ душами, и другой мѣньшій, да направляетъ тѣла: первое, это—папское главенство, второе — царственная власть. И далѣе: подобно тому какъ луна, низшая и по величинѣ и по качеству, по положенію и по силѣ, получаетъ свѣтъ свой только

отъ солнца, такъ и царственная власть получаетъ блескъ своего сана отъ первоверховнаго главенства папъ.» Эти смѣло проводимыя воззрѣнія нашли себѣ рѣшительнаго противника въ лицѣ геніальнаго, образованнаго и свободномыслящаго императора Фридриха II (1218—1250); его правленіе было непрерывною борьбою папства съ императорствомъ, изъ которой первое вышло однакожь побѣдоноснымъ. Будучи норманно-итальянскаго происхожденія по матери, онъ соединилъ въ своей природѣ пылкую страстность юга съ строптивою энергіей сѣвера, смѣлый скептицизмъ Итальянца съ упорствомъ, свойственнымъ нѣмецкому уму. Воспитанный въ арабской мудрости и съ дѣтства окруженный магометанскими учеными и политиками, онъ чувствовалъ понятную наклонность къ исповѣдникамъ ислама и оказывалъ сильное расположеніе къ образу жизни, правамъ и міросозерцанію Востока. Это сочувствіе столь ненавистному на Западѣ, восточному быту, которое императоръ впервые заявилъ защитою преслѣдуемыхъ церковью и поселенныхъ имъ въ нижней Италіи (Ночерѣ и Лучеріи) сицилійскихъ Сарацынъ,—возмутило верховнаго главу церкви. — Положеніе Фридриха, какъ короля верхней и нижней Италіи, столько же стѣсняло временную власть папы, какъ вольномыслящій духъ императора грозилъ поколебать церковный перевѣсъ св. отца. Поэтому, какъ Иннокентій, такъ и его преемники, силились отдѣлить Неаполитанское королевство отъ императорства и старались подвигнуть Фридриха на крестовый походъ, съ тѣмъ чтобы поддержать религіозный пылъ, питаемый этими благочестивыми ополченіями, и чтобы не допускать умы до уклоненія отъ церковнаго господства. Фридрихъ обѣщалъ предпринять походъ (1227), къ которому еще особенно обязывало его качество мужа Іоланты, дочери короля Іерусалимскаго (Іоанна Бріэннскаго), но откладывалъ исполненіе годъ за годъ, пока не могъ уже долѣе противиться настояніямъ папы ни хитростью, ни обманомъ. Тогда наконецъ выступилъ онъ моремъ въ походъ, но воротился тотчасъ же по случаю эпидеміи, которой подвергся онъ самъ и его воины. Это навлекло ему первое проклятіе отъ втораго Иннокентіева преемника, запальчиваго Григорія IX.

§ 320. Іерархическая монархія.—То, что имѣлъ въ виду составитель Исидоровскихъ декреталій, чему Григорій VII (§ 297) со всею энергіей своего характера старался положить основаніе,—того достигла церковь чрезъ Иннокенія III,—именно, господства надъ всѣми христіанскими государствами и государями западнаго міра. Изъ демократическихъ установленій первобытнаго христіанства (§ 230) выработалась іерархическая монархія, вооруженная земнымъ могуществомъ и озаренная мірскимъ блескомъ. Императорскій вѣнецъ, съ которымъ вначалѣ было соединено верховное блюстительство надъ Римомъ, считался теперь папскимъ лэномъ, не болѣе; санъ епископа, даваемый прежде туземными государями, сталъ теперь, благодаря лэнной присягѣ, къ которой обязывался каждый епископъ при своемъ водвореніи, вполнѣ зависимъ отъ римской куріи, особенно съ тѣхъ поръ какъ въ Римѣ завелся обычай самовольно раздавать епископства и священническія должности во всѣхъ западныхъ странахъ. Въ тоже время права духовнаго суда мѣстныхъ епископовъ умалены въ явный ущербъ церковной дисциплинѣ; это произошло отчасти вслѣдствіе распространявшагося болѣе и болѣе обычая аппеллировать къ верховному приговору папы на рѣшенія епископскихъ судовъ, отчасти вслѣдствіе того, что многія аббатства, монастыри и духовныя должности были изъяты отъ епархіальной власти и подчинены непосредственно римской куріи. А для того, чтобы постоянно блюсти за ходомъ церковныхъ дѣлъ и всѣмъ заправлять изъ Рима, по всѣмъ странамъ безпрерывно кружила толпа легатовъ (папскихъ намѣстниковъ), которые произвольно вступались въ права епископскаго суда и безпощадно взимали различныя подати и сборы, которые частію поступали съ архіепископовъ за палліумъ и за утвержденіе избранныхъ епископовъ на ихъ мѣстахъ (такъ-называемыя аннаты, т. е. перволѣтіе), частію за многочисленныя разрѣшенія (dispensationes) и судебные приговоры, зависѣвшіе отъ Рима. Такимъ образомъ папская власть постепенно дѣлалась неограниченною, и чѣмъ выше возносилась она, тѣмъ менѣе находилось людей, рѣшавшихся ей перечить; каждый противникъ существующихъ духовныхъ постановленій считался врагомъ церкви и дерзновенному грозило страшное церковное наказаніе въ слѣдующихъ трехъ степеняхъ: отлученіе (падавшее на каждаго отдѣльно), интердиктъ, или прещеніе (произнесенное надъ цѣлою страной, оно лишало ее всѣхъ

церковныхъ требъ и богослужебныхъ дѣйствій), и наконецъ крестовый походъ съ инквизиціей, т. е. розыскомъ (этимъ послѣднимъ средствомъ, обвиняемыя въ ереси или безвѣріи церковныя общины и племена подвергались, смотря по надобности, совершенному истребленію). Если на какую-либо страну налагался интердиктъ, то немедленно запирались тамъ всѣ церкви и умолкали всѣ колокола; кромѣ крещенія и исповѣди нельзя было совершать никакого таинства, даже и почитавшагося тогда высшимъ, — соборованія или елеосвященія, нельзя было схоронить ни одного покойника въ освященную молитвой землю. Кромѣ Гогенштауфеновъ тяжесть папскаго всемогущества особенно почувствовали на себѣ Англійскіе короли Генрихъ II и Іоаннъ.—Этому великому возвышенію церковной власти преимущественно споспѣшествовали: 1) сильное приращеніе монашества и размноженіе духовныхъ орденовъ и монастырей, и 2) схоластика.

§ 321. 1) Монашескіе ордены. Изъ постепенно ослабѣвшаго въ своей дѣятельности бенедиктинскаго ордена (§ 281) выдѣлился съ 10 вѣка монастырь Клюни въ Бургундіи и ввелъ у себя, особенно при аббатахъ Одонѣ и Майолѣ (948—994), болѣе строгія орденскія правила. Уставъ его выработался въ томъ смыслѣ, чтобы непрерывнымъ машинально-духовнымъ занятіемъ совершенно уничтожить всякую личную особность и развить вполнѣ духъ церковно-монастырскаго единомыслія. Благоговѣйно служа престолу св. Петра, монахи старались подчинить всѣ церкви власти римскаго епископа и доставить общепризнанную силу лжеисидоровскимъ декреталіямъ (§ 282). Въ 12 вѣкѣ клюнійское братство считало у себя болѣе 2000 монастырей. Но и этотъ орденъ еще не удовлетворилъ строгимъ требованіямъ средневѣковой эпохи въ противодѣйствіи соблазнамъ грѣха и искушеніямъ плоти, почему къ концу 11 вѣка возникъ орденъ цистерціанцевъ, а нѣсколько десятилѣтій позже орденъ премонстратовъ, первый—въ Бургундіи, именно, въ Ситò (по латыни Цистерціумъ, знаменитый полнымъ воображенія и вѣры и дивно-краснорѣчивымъ инокомъ, Бернардомъ [1]), § 311), послѣдній—въ лѣсистой мѣстности Премонтре (по латы-

[1] Св. Бернардъ, покинувъ цистерціанскій монастырь, основалъ въ пустынѣ Клерво другую обитель, которой строгій уставъ распространился впослѣдствіи на 72 монастыря, учрежденные имъ во Франціи, Испаніи, Италіи, Германіи, даже въ Даніи и Швеціи.

ни Премонстратумъ), неподалеку отъ Лана (Laon), оба съ такимъ же успѣхомъ, какъ и ихъ предшественники. Всѣхъ далѣе въ отреченіи отъ міра пошелъ основанный въ 1084 г. орденъ картузіанцевъ, начавшійся иноческою обителью (Картузія, Chartreuse) въ одной дикой долинѣ близъ Гренобля. Затворническая, безмолвная келейная жизнь, скудная и недостаточная пища, власяница вмѣсто одежды, бичеванія и строгіе молитвенные подвиги—вотъ обязанности, возложенныя на членовъ этого ордена.—Особенно важныя послѣдствія имѣло учрежденіе въ 13 вѣкѣ такъ-называемыхъ нищенскихъ орденовъ, которые, въ подражаніе скудной жизни Іисуса Христа и св. апостоловъ, чуждались всякаго земнаго стяжанія и старались достигнуть небесныхъ благъ скитаніемъ по міру въ нищетѣ и среди лишеній. Францискъ изъ Ассизи († 1226), сынъ одного богатаго купца, отрекся отъ всего своего имущества, прикрылся лохмотьями и пошелъ по міру, прося милостыни и проповѣдуя покаяніе. Его пламенная ревность пріобрѣла ему послѣдователей, которые, такъ же какъ и онъ, покинули деньги и имѣніе, предались посту, молитвѣ, терзали себѣ спину бичами, а ничтожныя свои потребности удовлетворяли доброхотнымъ подаяніемъ и милостыней. Основанный имъ орденъ францисканцевъ или миноритовъ (т. е. мѣньшихъ братій), у которыхъ не было ничего кромѣ сермяги опоясанной веревкою, быстро распространился по всѣмъ западнымъ краямъ. Со временемъ францисканцы раздѣлились на многія отрасли. Сперва ревностные минориты (спиритуалы), хранившіе смѣлый духъ основателя и не признававшіе даже за самимъ орденомъ права владѣть какою-либо собственностью, отошли отъ умѣренныхъ, «общинныхъ братьевъ», которые требовали безусловной нищеты только отъ каждаго порознь, а не отъ общины. Первые отстаивали свой образъ мыслей даже противъ папъ, благопріятствовавшихъ послѣднему воззрѣнію. Впослѣдствіи отдѣлились отъ францисканцевъ еще босоногіе, конвентуалы, капуцины и друг. Одновременно съ францисканскимъ орденомъ возникъ основанный знатнымъ, образованнымъ Испанцемъ Домиником, орденъ доминиканцевъ или монаховъ-проповѣдниковъ, которыхъ ближайшей цѣлью было охраненіе чистоты господствующей вѣры и истребленіе всякаго еретическаго ученія. Обращеніе альбигойцевъ (§ 341), среди которыхъ основатель прожилъ много лѣтъ, было первою задачей ордена; его члены также давали обѣтъ совершенной ни-

щеты и стремились къ небу путемъ лишеній и строгихъ молитвенныхъ подвиговъ. Оттого, по окончаніи альбигойскихъ войнъ и переданы были доминиканцамъ тайные инквизиціонные суды, основывавшіеся на ужасныхъ законахъ, жестокихъ допросахъ и страшной казни сожиганіемъ заживо.—Оба ордена устроены были въ видѣ монархіи, съ обстановкою изъ республиканскихъ формъ: надъ каждымъ монастыремъ стоялъ блюститель (гвардіанъ), а у доминиканцевъ пріоръ, надъ монастырями каждой области—провинціалы, а въ Римѣ находился глава цѣлаго ордена, генералъ. Нищенскіе ордены (къ которымъ принадлежали еще кармелиты, августинцы-пустынножители и учрежденный дѣвственною Кларою изъ Ассизи, по уставу францисканцевъ, женскій орденъ клариссъ) были могущественнѣйшею опорою папства, которое поэтому и надѣлило ихъ самыми важными преимуществами (наприм. правомъ повсемѣстной исповѣди и проповѣди), устранило отъ подсудности мѣстнымъ епископамъ и подчинило непосредственно римской куріи. Минориты владѣли сердцемъ народа, принимая участіе въ его скорбяхъ и радостяхъ, а потому они преимущественно дѣйствовали въ качествѣ духовниковъ; доминиканцы посвятили себя наукамъ, заняли мало-по-малу всѣ каѳедры въ университетахъ и считали въ своихъ рядахъ знаменитѣйшихъ учителей церкви (Ѳому Аквинскаго, Бонавентуру и друг.). Впослѣдствіи они сдѣлались слѣпыми защитниками всѣхъ злоупотребленій Рима, отстаивали ихъ противъ свободнаго направленія великихъ соборовъ (§ 364 и слѣд.), и этимъ, равно какъ своею безсильною борьбой съ новою классическою или гуманистическою наукой и своимъ ищейнымъ чутьемъ на ереси, вездѣ навлекли себѣ ненависть и презрѣніе. Къ францисканскому ордену примыкало братство такъ-называемыхъ терціаріевъ (межеумковъ), которыхъ члены также ходили опоясанные веревкою и принимали бо́льшую часть правилъ ордена, но не отказывались вполнѣ отъ міра и гражданской дѣятельности [1].

§ 322. 2) Схоластика. Поднятые тонкообразованными Греками, неразрѣшимые вопросы объ идеѣ нѣкоторыхъ догматовъ (§§ 249—254) встрѣтили мало сочувствія на Западѣ, гдѣ вѣра была сильнѣе мышленія и фантазія преобладала надъ разумомъ. Оттого руководителямъ церкви удалось здѣсь безпрепятственно выработать свою си-

[1] Въ подражаніе францисканцамъ, подобныя же полусвѣтскія отрасли пустили отъ себя во множествѣ и другіе монашескіе ордена.

стему вѣроученій изъ священнаго писанія и святыхъ отцовъ и выставить ее, какъ истинное исповѣданіе католической церкви. Это, заранѣе признанное безусловно-истиннымъ, церковное ученіе составляло основу схоластики (школьной мудрости), возникшей съ 11-го вѣка, и вся умственная дѣятельность была направлена лишь къ тому, чтобы представлять мыслящему сознанію принятые церковью догматы и доказывать необходимость ихъ изъ самаго разума. Для этого пользовались выведенными Аристотелемъ (§ 99) законами мышленія, придумали (такъ какъ наука была чисто формальная и обращалась только къ разсудку) множество формулъ и школьныхъ терминовъ и дошли наконецъ до самаго хитросплетеннаго мудрованія, до пустыхъ отвлеченностей и правильныхъ, но безмысленныхъ различеній, толкованій и доводовъ (демонстрацій). Схоластики написали творенія, въ которыхъ не знаешь чему болѣе дивиться: остроумію ли, выражающемуся въ діалектикѣ, въ разчлененіи понятій, въ выработкѣ и сочетаніи выводовъ, или усидчивости, учености и изумительной способности къ труду. Вначалѣ, когда христіанское ученіе еще не было установлено въ неизмѣнномъ видѣ и мыслящій разумъ еще могъ свободно касаться предмета самой вѣры, не задерживаемый въ своемъ полетѣ грознымъ призракомъ ереси и не пугаясь всякаго, сколько нибудь смѣлаго результата, богословіе и на Западѣ приняло болѣе свободное направленіе и болѣе высокій полетъ. Іоаннъ Скотъ Эригена (родомъ изъ богатой фантазіею Ирландіи), въ своихъ, основанныхъ на Платонѣ и Аристотелѣ богословско-философскихъ изслѣдованіяхъ о Богѣ и природѣ, выставилъ начала, клонившіяся къ пантеизму и потому отвергнутыя церковью. Впослѣдствіи схолостическая наука избѣгала этой кружащей голову высоты, не шла такими сбивчивыми дорогами и строго держалась ученія церкви. Однако вскорѣ появились два различныя направленія: идеальное (названное реализмомъ), которое (какъ нѣкогда Платонъ) приписывало идеямъ или общимъ понятіямъ независимое отъ дѣйствительныхъ вещей бытіе (реальность), и эмпирическое (номинализмъ), которое (вмѣстѣ съ Аристотелемъ) отправляясь отъ непосредственной истинности міра опытнаго, признавало общія понятія лишь (субъективными) представленіями, лишь одними именами (nomina, — отсюда номинализмъ). Послѣднее, главою котораго можно считать Абеларда († 1142), стояло за болѣе свободное отношеніе къ церкви, чѣмъ реалисты, считавшіе сильнаго

вѣрою Ансельма Кантерберійскаго († 1109) основателемъ ихъ школы. Въ 13-мъ вѣкѣ схоластика достигла своего высшаго развитія въ лицѣ доминиканца Ѳомы Аквинскаго (номиналиста) и францисканца Дунса Скòта (реалиста), такъ что съ тѣхъ поръ схоластики раздѣлились на ѳомистовъ (предводимыхъ доминиканцами) и скотистовъ (къ которымъ принадлежали францисканцы). Ѳомѣ, который воздвигнулъ чудное зданіе изъ порожденій чистаго разсудка, понятій и умозрѣній, и пользовался сродственнымъ ему Аристотелемъ, какъ опорою, для поддержки церковнаго ученія, церковь обязана развитіемъ многихъ догматовъ, способствовавшихъ возвышенію папства и всего духовенства вообще, какъ напр. ученія о неисчерпаемой сокровищницѣ добрыхъ дѣлъ, предоставленныхъ Іисусомъ Христомъ, Дѣвою Маріей и святыми въ распоряженіе церкви для зачета ихъ въ заслугу людямъ, достойнымъ такого отличія,— ученія объ отпущеніи грѣховъ, о чистилищѣ и поставленнаго въ связь съ этимъ догматомъ ученія о пользѣ молитвъ за умершихъ, о необходимости словесной исповѣди и священническаго отпущенія грѣховъ, и особенно развитіемъ поклоненія непорочной Дѣвѣ Маріи, какъ Матери Божіей. Введенный въ 13-мъ вѣкѣ обычай лишать мірянъ причищенія кровью Христовой, седмеричное число таинствъ и высокое достоинство добрыхъ дѣлъ, даже совершаемыхъ изъ однихъ внѣшнихъ побужденій, нашли въ немъ своего защитника. Вооруженные обильнымъ запасомъ всевозможныхъ ухищреній, безчисленныхъ формъ и формулъ, вопросовъ и отвѣтовъ, и всѣми діалектическими тонкостями и пріемами своихъ трудолюбивыхъ вождей, ѳомисты и скотисты горячо сражались въ аудиторіяхъ силлогизмами, сцѣпленіями силлогизмовъ и всѣми средствами ученаго способа доказательствъ о вещахъ непостижимыхъ, подобно тому какъ рыцари бились на турнирахъ бёрдышемъ и копьемъ. Всю аристотельскую мудрость этихъ схоластиковъ, помышлявшихъ только о развитіи разсудка и враждебныхъ всякой живой мысли и созерцательности, завершилъ первый мастеръ богословскихъ опредѣленій (magister sententiarum) Петръ Ломбардъ, сведя все это въ полную, округленную систему, которую онъ назвалъ сокровищницею. — Въ теченіе двухъ вѣковъ схоластика служила мощнымъ орудіемъ папству; но какъ скоро сталъ меркнуть блескъ тройственной короны [1], смѣлый францисканецъ Вильгельмъ Оккамъ, защит-

[1] Папской, состоящей изъ трехъ золотыхъ вѣнцовъ, огибающихъ митру съ красными, голубыми и зелеными полосами.

никъ Людвига Баварскаго противъ папскихъ притязаній, далъ схоластической наукѣ болѣе свободную постановку и полемическое направленіе противъ іерархіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ вложилъ и зародышъ смерти во всю школьную мудрость, доводя пустую формалистику и тонкія хитросплетенія до крайняго ихъ предѣла. Теплыя души и чувствительныя сердца никакъ не могли сродниться съ этимъ направленіемъ христіанства; они противупоставляли аристотелевскому разсудочному христіанству задушевный и мечтательный платонизмъ и старались постигнуть глубину евангельскаго ученія скорѣе вѣрующимъ сердцемъ, чѣмъ мудрствующимъ разсудкомъ. Такъ поступилъ во первыхъ св. Бернардъ, который, будучи врагомъ всякой школьной теологіи, противупоставлялъ живой духъ писанія мертвой буквѣ и погружался благочестивою думой въ созерцаніе божества. Его можно считать предшественникомъ мистиковъ (§ 357). Достойнѣйшимъ представителемъ поэтическо-философскаго направленія въ христіанствѣ былъ такъ-называемый «учитель ангельской мудрости» (Doctor Angelicus) Бонавентура († 1274), человѣкъ, полный истиннаго одушевленія и платоническаго творчества. Вполнѣ знакомый съ мистикой, онъ признаетъ однакожъ «рядомъ съ пареніемъ любви къ Богу и путь познанія», и старается смягчить и примирить между собою схоластику и мистику. Въ своемъ задушевномъ созерцаніи внутренней и внѣшней жизни, какъ отраженія вѣчной сущности, Бонавентура, призванный церковью къ обширному кругу дѣйствій, есть одна изъ тѣхъ высокихъ личностей, которыми въ правѣ гордиться удовлетворенное само въ себѣ церковное направленіе; недаромъ у гроба его плакали представители всего Запада. Его душа, одаренная чувствомъ и поэтическимъ талантомъ и закаленная въ трудномъ искусствѣ діалектики, искала въ священномъ писаніи, — которому онъ приписывалъ тройной смыслъ: буквальный, мистическій (духовный) и нравственный (анагогическій), — объясненія сущности божества, строя всей жизни человѣческой и общенія души съ Богомъ.

§ 323. Четвертый и пятый крестовые походы. Въ 1203 году собрались въ Венеціи французскіе и итальянскіе рыцари подъ начальствомъ графа Бонифація Монферратскаго, Балдуина Фландрскаго и др., чтобы плыть оттуда въ Святую Землю. Тогда явился къ нимъ византійскій царевичъ Алексѣй, котораго отецъ, Исаакъ Ангелъ, былъ лишенъ престола, ослѣпленъ и посаженъ въ темницу; соб-

ственнымъ братомъ, и молилъ ихъ о помощи противъ хищника престола. Обѣщаніемъ большаго вознагражденія, подчиненія Восточной церкви папству и пособій для завоеванія вновь Іерусалима, склонилъ Алексѣй съ свою пользу крестоносцевъ, жаждавшихъ рыцарскихъ похожденій. Императоръ Филиппъ, женатый на сестрѣ Алексѣя, Иринѣ, тоже способствовалъ этому предпріятію, въ которомъ, при всемъ своемъ желаніи, онъ не могъ принять лучшаго участія. Подъ начальствомъ 90-лѣтняго дожа Генриха Дандоло отплыли крестоносцы изъ Венеціи къ Константинополю (12-го апрѣля 1204), покорили съ незначительными военными силами этотъ укрѣпленный, великолѣпный городъ, и возвели на престолъ Алексѣя и отца его. Но ненависть къ высокомѣрнымъ и грубымъ Франкамъ, настойчиво требовавшимъ исполненія данныхъ обѣщаній, довела легкомысленный народъ до возстанія, при чемъ Алексѣй былъ убитъ, Исаакъ умеръ отъ испуга, а виновникъ возстанія (Алексѣй Мурзуфлъ) достигъ престола. Тогда Франки взяли Константинополь приступомъ, ограбили церкви, дворцы и жилые дома, и предались всевозможнымъ неистовствамъ. Они не щадили ничего, даже святыни, въ порывахъ дикаго вандальства истребляли лучшія сокровища древняго искусства и наполнили весь городъ злодѣяніями и ужасомъ. Пожаръ, убійство и опустошеніе обезобразили великолѣпную столицу; четвертая часть ея погибла въ пламени, а важнѣйшія драгоцѣнности ея, св. мощи и изваянія, перешли на Западъ. Сбросивъ новаго императора съ одной колонны, они приступили къ раздѣлу государства. Новоучрежденная Латинская имперія съ столицею Константинополемъ досталась храброму Балдуину, но во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ совѣтоваться съ Венеціанцами и Франкскими вельможами; Венеціанцы взяли себѣ приморскія области и многіе острова Эгейскаго моря (въ послѣдствіи и островъ Критъ); графъ Монферратскій получилъ Македонію и Грецію подъ названіемъ Ѳессалоникскаго королевства; Вилльардуэнъ, исторіографъ этого событія, былъ сдѣланъ герцогомъ Ахайскимъ; Аѳины и другіе греческіе города достались франкскимъ вельможамъ, пользовавшимся своею, мечемъ добытою властью для дикихъ разбойничьихъ набѣговъ, нападе-

ній и усобицъ. Патріархъ константинопольскій долженъ былъ обратиться за своимъ палліумомъ въ Римъ, и греческой церкви было навязано латинское богослуженіе. И здѣсь, какъ въ Іерусалимѣ, была учреждена лѣнная монархія съ западными формами, при чемъ туземное населеніе большею частью обращено въ крѣпостныхъ. Но какъ побѣдители не имѣли ничего общаго съ побѣжденными ни въ нравахъ, ни въ образѣ жизни, а собственными силами не могли доставить себѣ самостоятельности, то новая имперія лишена была всякихъ основъ прочнаго и продолжительнаго существованія. Съ трудомъ удержалась она, при помощи Запада, въ теченіе полувѣка, противъ своихъ многочисленныхъ враговъ.

Византійская имперія. Андроникъ Компинъ (1183—1185). При дворѣ Мануила (§ 301.1) жилъ Андроникъ, отличавшійся столько же храбростью и безумною отвагой, сколько сладострастной, порочной жизнью и измѣнчивостью своей судьбы. Это былъ принцъ и вмѣстѣ проходимецъ; онъ былъ мужественъ и вмѣстѣ низокъ, хитеръ и вѣроломенъ. Въ жизнь свою переигралъ онъ чуть не всѣ возможныя роли, испыталъ на самомъ себѣ всѣ переходы счастія и извѣдалъ всѣ отношенія, начиная съ доли самаго гнуснаго злодѣя и самаго жалкаго нищаго до судьбы могущественнаго властителя на блистательнѣйшемъ изъ троновъ. Вознесшись съ помощію мятежа на степень соправителя несовершеннолѣтнему Алексѣю II и устранивъ съ самой изысканной жестокостью сперва членовъ и друзей императорскаго дома, а потомъ и самого императора (1183), правилъ онъ Византіей то безпощадно строго, то правосудно, осмотрительно и заботливо вразсужденіи бѣднѣйшихъ классовъ. Когда же, за удовлетвореніемъ своихъ прихотей, онъ сталъ пренебрегать оборономъ имперіи, одному изъ сродниковъ умерщвленнаго императора, Исааку II Ангелу (1185—95), удалось овладѣть трономъ также посредствомъ мятежа, послѣ чего Андроникъ былъ схваченъ чернью столицы и погибъ среди ужасныхъ мукъ (1185). Исаакъ былъ слабый государь, преданный сластолюбію и распутству, и правленіе его отличалось одними несчастіями. Порожденный его расточительностью гнетъ налоговъ довелъ до возстанія Влаховъ и Болгаръ; они отложились отъ имперіи и возобновили свои прежніе хищническіе набѣги. Столица кишѣла иностранными переселенцами всѣхъ

возможныхъ націй и вѣръ; правительственныя и судебныя мѣста продавались съ величайшимъ безстыдствомъ, и чтобы вполнѣ заявить свою несостоятельность, Византійскій императоръ вступилъ въ союзъ съ Саладиномъ противъ Фридриха Барбароссы, который, напротивъ, великодушно отвергъ предложенную ему связь съ Булгарами, готовыми идти на Константинополь. Наконецъ родной братъ императора, Алексѣй III (1195—203), лишилъ его вмѣстѣ и трона и зрѣнія; но государство не выиграло этимъ ничего: новый властитель былъ такъ же слабъ и вѣроломенъ, да притомъ еще преданъ фанатизму и суевѣрію. Безумные его поступки привели имперію на край гибели. Лишь только Венеціанцы подошли къ стѣнамъ города, какъ онъ тайно убѣжалъ, оставивъ и тронъ и семью въ добычу противникамъ.

§ 324. Латинская имперія въ Константинополѣ. Всѣхъ болѣе остались въ барышахъ Венеціанцы; они захватили въ свои руки всю левантскую торговлю [1] и многочисленные ихъ васаллы въ областяхъ новаго государства значительно возвысили славу моревластительной республики. Изъ развалинъ Византійской имперіи создали они основанія своего всемірнаго могущества; на храмѣ св. Марка и на дворцѣ дожей блистали сокровища искусства, похищенныя изъ восточной столицы, четыре бронзовые коня и художественныя врата храма св. Софіи. При этомъ должно сказать имъ въ похвалу, что въ своей константинопольской колоніи [2] они снова призвали къ жизни лучшія красы древней Греціи—право, законность и гражданскую свободу, не виданныя здѣсь полторы тысячи лѣтъ. И въ прочихъ своихъ греческихъ владѣніяхъ воскресили они путемъ свободныхъ учрежденій гражданскій духъ и любовь къ отечеству, ободрили земледѣліе, промышленный трудъ и производительность, и тѣмъ достигли той выгоды, что колоніи ихъ защищались уже собственною силой.—Изъ бо̀льшей части Малой Азіи, возведенный Греками въ императоры, Ѳеодоръ Ласкаръ (1207) образовалъ государство, котораго столицей была Никея; внукъ Андроника, потомокъ Комниновъ, Алексѣй, учредилъ самобытное царство въ Трапезунтѣ; другой родичъ того же дома устроилъ себѣ независимое

[1] Итальянцы и вообще Франки называли Левантомъ ближайшій Востокъ.

[2] Эту колонію устроили они по образцу Венеціи въ видѣ аристократической республики, съ сенатомъ, совѣтомъ и верховнымъ сановникомъ, который, заступая мѣсто дожа, назывался байломъ (родъ намѣстника).

владѣніе въ Эпирѣ, откуда онъ постоянно нападалъ на франкскихъ рыцарей и ихъ области. — Балдуинъ погибъ въ первый же годъ своего царствованія въ войнѣ съ Булгарами и дикими Куманами, которые замучили его въ страшныхъ истязаніяхъ (1205). Братъ его Генрихъ (1205 — 1216) старался умомъ, правосудіемъ и мужествомъ блюсти государство внутри и на границахъ; но и онъ, подобно слабымъ своимъ преемникамъ, держался на престолѣ только тяжкою борьбой [1]. Балдуинъ II (1237—1261) цѣлые два года скитался по Европѣ, чтобы вымолить у папы и другихъ государей денегъ и войскъ для своей распадающейся имперіи. Онъ уступилъ святому Людовику IX, королю Французскому, величайшую драгоцѣнность Латинской имперіи—терновый вѣнецъ Спасителя и заложилъ свое Намюрское графство. Однако, ни западные наемники и удальцы, которыхъ онъ успѣлъ заманить къ себѣ на службу и которые служили то ему, то его непріятелямъ, ни неестественные союзы его съ Куманами и Турками, не могли упрочить шаткаго государства. Бѣдный и безпомощный, перебивался Балдуинъ только покровительствомъ со стороны, между тѣмъ какъ византійское царство въ Никеѣ расцвѣтало новою силой подъ державой умнаго и храбраго Ѳеодорова зятя, Іоанна Ватацеса († 1255), такъ что второй его преемникъ, отважный и прозорливый полководецъ Михаилъ Палеологъ (1261—1282), достигши измѣной и убійствомъ запятнаннаго кровью византійскаго престола, но царствуя потомъ правосудно и доблестно, могъ уже приступить къ завоеванію древней столицы. Съ помощью ревновавшихъ къ успѣхамъ Венеціи Генуэзцевъ, удалось ему хитростью и вѣроломствомъ покорить себѣ Константинополь и снова возстановить Византійскую имперію (1261), но умаленную въ ея внѣшнемъ объемѣ и съ ущербомъ ея внутреннихъ силъ. Балдуинъ II умеръ въ 1272 г., тщетно моля папу и государей Запада пособить ему въ покореніи утраченнаго царства. Мелкія васальныя державы Латинянъ на Востокѣ погибли одна за другой въ сумятицѣ того времени. Что повидимому должно бы-

[1] Послѣ него царствовали, одинъ за другимъ, шуринъ его Петръ де Куртенé (—1219), сынъ послѣдняго Робертъ (—1228) и, за малолѣтняго брата его, Балдуина II, Іоаннъ Бріэннскій (—1237), титулярный король Іерусалима. Всѣ Латинскіе императоры были Французы, и французскій элементъ проникъ тогда въ самые отдаленные углы Греціи, между прочимъ въ сердце Мореи; въ Аѳинахъ также учредилось французское герцогство.

ло прочно и окончательно связать Востокъ съ Западомъ, то самое и породило между ними глубокій, непримиримый разрывъ, и проложило вѣрный путь владычеству Турковъ. Добыча св. мощей, привезенныхъ нѣкоторыми крестоносцами къ себѣ на родину, осталась почти единственнымъ ихъ пріобрѣтеніемъ.

§ 325. Четвертый походъ былъ поэтому безплоденъ и для Іерусалима, и для Сирійской страны, которая между тѣмъ опустошалась засухой, моровою язвою и землетрясеніемъ, и сколько ни старались Иннокентій III и легатъ его Фулькъ Нёйльійскій снова возбудить остывшую ревность, общаго ополченія западнаго христіанства болѣе не составилось. Нуждавшаяся въ помощи Латинская держава въ Константинополѣ, съ манившими туда блистательными видами на легкую добычу, съ ея удалыми проходимцами и непрерывными внутренними войнами, отнимала лучшія силы у Святой Земли. Отдѣльныя толпы, пускавшіяся въ опасное предпріятіе безъ плана и руководительства, приносили утѣсненному королевству Іерусалимскому также мало пользы, какъ и фанатическая восторженность, которая около того же времени увлекла въ крестовый походъ толпы дѣтей (1213). Основываясь на худо понятомъ изреченіи Спасителя, чтобъ не мѣшали приходить къ нему малымъ дѣтямъ, «ихъ же бо есть царствіе небесное», около 20,000 мальчиковъ во Франціи и Германіи покинули родительскіе домы для пріобрѣтенія гроба Господня. Въ одеждѣ богомольцевъ отправились они частію въ Италію, гдѣ многіе погибли отъ голода и истомы, отчасти въ Марсель, гдѣ попали въ руки корыстныхъ купцовъ или морскихъ разбойниковъ и были проданы въ неволю. Только немногіе изъ юныхъ крестоносцевъ воротились домой къ своимъ. Эта странная, фантастическая затѣя, плодъ болѣзненнаго суевѣрія, была вызвана однимъ маленькимъ французскимъ пастухомъ, которому являлись будто бы видѣнія свыше. Походъ, предпринятый (1217) Венгерскимъ королемъ Андреемъ II съ герцогами Австрійскимъ и Баварскимъ, графомъ Вильгельмомъ Голландскимъ и многими нѣмецкими епископами и господами, также былъ безуспѣшенъ; король, достигнувъ Сиріи, съ большею частію своихъ спутниковъ воротился назадъ, а завоеванія, сдѣланныя Вильгельмомъ Голланд-

скимъ и храбрымъ Іерусалимскимъ королемъ, Іоанномъ Бріэнскимъ, въ Египтѣ, съ дружинами Нидерландцевъ, Фризовъ, Вестфальцевъ, Бременцевъ и проч., были слишкомъ ненадежны. Покоренный съ величайшимъ усиліемъ, крѣпкій при-нильскій городъ Даміэттъ (1219), котораго все населеніе, за исключеніемъ немногихъ тысячъ, погибло при этомъ отъ голода, нужды и болѣзней, пришлось вскорѣ уступить, когда Египтяне спускомъ каналовъ произвели наводненіе и подвергли многочисленное войско крестоносцевъ страшной опасности. Впрочемъ отъ раздѣленія Саладинова царства между его сыновьями и сродниками (Эюбидами) Курды пострадали въ своемъ могуществѣ не менѣе крестоносцевъ. Но терпимость египетскихъ мусульманъ къ иновѣрцамъ простиралась до того, что историкъ этого похода, Оливеръ Кёльнскій, видѣлъ въ ней явно преобладающую наклонность къ христіанству и поэтому обратился къ султану Камелю и къ египетскому духовенству съ увѣщательнымъ посланіемъ, а св. Франциск д'Ассизи отважился даже пойти въ станъ невѣрныхъ для возвѣщенія имъ слова жизни и обновленія. Во время осады города многіе могаммедане дѣйствительно крестились.

Крестоносцы въ Даміэттѣ. Воинамъ-пилигримамъ, покорившимъ Даміэттъ (разсказываетъ Вилькенъ въ VI томѣ своей «Исторіи крестовыхъ походовъ»), представилась ужасающая картина. Не только дома, но даже улицы были наполнены непогребенными тѣлами, которыя по большой части валялись безъ одежды, безъ всякаго прикрытія, служа пищею голоднымъ псамъ; въ постеляхъ мертвые лежали рядомъ съ безпомощными больными и умирающими, зараза была невыносима. Изъ осьмидесяти тысячъ жителей, бывшихъ на лицо въ началѣ осады, осталось въ живыхъ только три тысячи, и въ томъ числѣ всего съ сотню здоровыхъ. Особенно ужасно было положеніе дѣтей, которыя, лишась родителей и старшихъ, съ крикомъ и слезами просили ѣсть и пить. Не смотря на то, въ день взятія Даміэтта нашлись безчувственные крестоносцы, которые избили не мало несчастныхъ мусульманъ, лишенныхъ голодомъ и болѣзнью всякаго средства къ оборонѣ.—Плѣнные, за исключеніемъ четырехъ сотъ богатыхъ, удержанныхъ для обмѣна на полоненныхъ прежде христіанъ, проданы были въ рабство, потому что ихъ прокормленіе слишкомъ тяготило войсковую казну; епископъ Птолемаиды, Іаковъ

Витрійскій (Jaques de Vitry), принялъ къ себѣ много сарацынскихъ дѣтей, окрестилъ ихъ и, частію, оставилъ при себѣ для наставленія въ христіанствѣ, частію роздалъ на воспитаніе своимъ знакомымъ. Но до пятисотъ этихъ злополучныхъ малютокъ, которыхъ жизненныя силы были подсѣчены голодомъ и нуждой, умерли вскорѣ по крещеніи, да и изъ взрослыхъ плѣнниковъ очень многіе не пережили потери своей воли; остальные отправлены были господами въ Птолемаиду.—Только въ день Срѣтенія Господня, по совершенномъ очищеніи города, торжественно вступилъ въ него бывшій при войскѣ кардиналъ Пелагій, въ сопровожденіи патріарха іерусалимскаго и всего прочаго духовенства и народа, съ зажженными свѣчами и съ пѣніемъ хвалебныхъ гимновъ Господу силъ.

§ 326. Послѣ всѣхъ этихъ событій предпринятъ былъ наконецъ отлученнымъ отъ церкви императоромъ Фридрихомъ II пятый крестовый походъ въ то самое время, когда султанъ Камель египетскій велъ войну съ племянникомъ своимъ, владѣльцемъ Дамаска, за обладаніе Сиріей и Палестиной. Теперь раздражительный папа Григорій IX столько же разгнѣвался за исполненіе императоромъ даннаго обѣта, сколько прежде сердился за его медлительность. Онъ запретилъ всѣмъ орденскимъ рыцарямъ и всѣмъ воинамъ христіанскимъ помогать преданному анаѳемѣ императору въ его начинаніи, и когда, не смотря на то, Фридриху, при его умственномъ превосходствѣ, отличномъ знаніи языковъ и умѣньи пользоваться обстоятельствами, все-таки удалось склонить просвѣщеннаго и поставленнаго въ затрудненіе Султана заключить съ нимъ договоръ (1229), по которому Іерусалимъ, Виѳлеемъ и Назаретъ съ округами и все побережье отъ Іоппіи до Сидона были уступлены христіанамъ, то папа, видя въ этомъ мирѣ злокозненное сплетеніе коварства и лжи, потому что въ немъ выговоренъ былъ мусульманамъ свободный доступъ къ уважаемому ими храму Соломонову, и почитая всякое соглашеніе съ невѣрными измѣною святому дѣлу христіанства, поразилъ прещеніемъ и Іерусалимъ и святой гробъ, такъ что Фридрихъ II принужденъ былъ самъ возложить на себя корону безъ литургіи и безъ всякихъ духовныхъ обрядовъ. (Такимъ-то образомъ нѣмецкіе императоры пріобрѣли наслѣдственное право на титулъ королей Іерусалимскихъ). Ненавиди-

мый патріархомъ, окруженный измѣною и клеветой со стороны орденскихъ рыцарей, Фридрихъ покинулъ наконецъ Святую Землю съ своими нѣмецкими воинами, которые одни остались ему вѣрны, чтобы защитить свои владѣнія въ Италіи отъ подосланныхъ папою враговъ, которымъ были обѣщаны за то великія награды. Григорій склонился на уступку, лишь послѣ того, какъ императоръ побѣдоносно выгналъ изъ Апуліи эти войска, обозначенныя ключемъ св. Петра, и союзомъ со многими враждебными папѣ вельможами (съ Франджипани напримѣръ) проложилъ себѣ дорогу въ церковную область; тогда заключенъ былъ миръ въ Санъ-Джермано (1230) и изъявлена готовность сложить проклятіе. Примиреніе обѣихъ главъ христіанства упрочилось личнымъ свиданіемъ папы съ императоромъ въ присутствіи гросмейстера Нѣмецкихъ рыцарей, Германа Зальцы.

§ 327. Борьба гвельфовъ съ гибеллинами. Слѣдующія шесть лѣтъ Фридрихъ II посвятилъ на пользу своихъ владѣній, — распространенію въ нихъ образованія и упроченію королевскихъ правъ. Онъ поощрялъ торговлю и промышленность, распространялъ и украшалъ города, а досугъ свой услаждалъ итальянскою и нѣмецкою поэзіей, соколиною охотой и литературными опытами по естественной исторіи птицъ и лошадей. Нижней Италіи даны были: новое уложеніе, расширившее права городскаго сословія и обезпечившее его отъ насилій со стороны знати; представительная система, при которой городскіе депутаты сидѣли въ совѣтѣ рядомъ съ баронами и высшими духовными лицами, и университетъ въ Неаполѣ. Въ Германіи смирилъ онъ возстаніе своего легкомысленнаго сына Генриха, подбитаго злонамѣренными совѣтчиками и испорченнаго сообществомъ буйныхъ товарищей по охотѣ, странствующихъ скомороховъ и пѣвцовъ; онъ лишилъ его сана и велѣлъ отвезти плѣнниковъ, съ женою и дѣтьми, въ одинъ Апулійскій замокъ. На сообщника его Фридриха Храбраго, герцога австрійскаго, положилъ онъ опалу. Затѣмъ онъ блестящимъ образомъ отпраздновалъ въ Вормсѣ свадьбу съ своею прекрасною невѣстой Изабеллою Англійской, плаванію которой по Рейну рыцарскія почести молодежи прирейнскихъ городовъ придали характеръ настоящаго

тріумфальнаго шествія; указалъ избрать себѣ въ наслѣдники юнаго сына своего Конрада (1235) и сдерживалъ по мѣрѣ силъ возрастающее безначаліе и дерзкое хищничество законами о земскомъ мирѣ и усобицахъ. Послѣднее было тѣмъ важнѣе, что такъ какъ Фридрихъ II большею частію былъ занятъ дѣлами въ Италіи, то въ правленіе его Германія часто была позорищемъ дикой рѣзни и беззаконій. Но когда императоръ задумалъ принудить Ломбардскіе города, отвергнувшіе, въ сознаніи собственной силы и свободы, условія Костницкаго мира (§ 315) и возобновившіе прежній свой союзъ, признать его верховнымъ главою и возвратить регаліи, тогда возгорѣлась страшная война. Сначала, въ союзѣ съ гибеллинами и главою ихъ, безчеловѣчнымъ тиранномъ Эцеллино да Романо [1] (въ Веронѣ и ея округѣ), и при помощи вѣрныхъ своихъ Сарацыновъ и наемныхъ полчищъ, онъ нанесъ такое пораженіе соединенной арміи Ломбардовъ при Кортеновѣ на р. Ольіо (1238), что вслѣдъ за тѣмъ покорились всѣ города, кромѣ Милана, Болоньи и нѣкоторыхъ другихъ; главный сановникъ ломбардской столицы былъ отправленъ на позорную казнь, привязанный къ доставшемуся въ добычу каррочіо (§ 314). Но какъ императоръ пользовался своею побѣдой слишкомъ строго, угрожалъ Миланцамъ такою же участію какъ при Фридрихѣ Барбароссѣ (§ 314), не принялъ предложеннаго Григоріемъ третейскаго суда и посредничества, передалъ своему побочному сыну, пригожему и храброму Энціо (Гейнцу) королевство Сардинію, на которое имѣли притязаніе папы, и угнеталъ Неаполь и Сицилію неслыханными поборами и военными налогами, то престарѣлый папа возобновилъ церковное проклятіе (1239), принялъ сторону Ломбардовъ, и повсемѣстно старался возбуждать ненависть противъ императора, обвиняя его въ нечестіи и презрѣніи къ вѣрѣ. Тщетно Фридрихъ энергически отклонялъ отъ себя эти обвиненія, опровергалъ папскія посланія сильными отповѣдями, пренебрегалъ проклятіемъ и наказывалъ духовныя лица, объ-

[1] Эццелино, прозванный Свирѣпымъ, былъ императорскимъ подестою въ Вѣронѣ, Виченцѣ, Падуѣ, Брешіи и получилъ потомъ титулъ викарія или намѣстника всей части верхней Италіи, на востокъ отъ Ольіо (Oglio).

являвшія о немъ; тщетно старался онъ помѣшать открытію въ Римѣ собора, созваннаго безъ его разрѣшенія, захвативъ въ плѣнъ и посадивъ въ одну нижне-италійскую крѣпость болѣе ста слѣдовавшихъ туда моремъ прелатовъ: религіозныя понятія еще сильно преобладали тогда въ умахъ и доставили церкви окончательную побѣду. Но поношенія, которыми осыпали другъ друга оба верховные главы западнаго христіанства, не могли не омрачить блеска ихъ коронъ.

§ 328. Григорій, которому императоръ угрожалъ въ его собственныхъ владѣніяхъ, сошелъ наконецъ, почти столѣтнимъ старцемъ, въ могилу (авг. 1241). Но преемникъ его, настойчивый Генуэзецъ Иннокентій IV, прежде другъ императору, теперь ставшій отъявленнымъ его врагомъ, продолжалъ борьбу съ новымъ жаромъ. Чтобы дѣйствовать свободнѣе, онъ покинулъ Италію и созвалъ прелатовъ всѣхъ націй на торжественный соборъ въ Ліонъ (1245). Не обративъ никакого вниманія на защиту Фридриха величайшимъ правовѣдомъ того времени, Ѳаддеемъ Суэсскимъ, Иннокентій, въ силу данной ему власти «насаждать и исторгать», возобновилъ здѣсь въ строжайшей формѣ проклятіе на императора, называя его богохульникомъ, тайнымъ мусульманиномъ, врагомъ церкви и религіи, лишая его всѣхъ достоинствъ и коронъ, разрѣшая его подданныхъ отъ присяги и угрожая отлученіемъ отъ церкви всѣмъ его приверженцамъ. Соборъ епископовъ, пасмурно-безмолвный, повергъ наземь горящіе факелы, которые держалъ онъ во время возглашенія анаѳемы, такъ что всѣ они вдругъ погасли, а Ѳаддей съ горестію произнесъ: «Насталъ день гнѣва, печали и пагубы, день, которымъ возвеселятся всѣ враги христіанства!»— Распря запылала опять со всѣхъ сторонъ. Въ Германіи папская партія успѣла настоять на выборѣ антиимператора въ лицѣ тюрингенскаго ландграфа, Генриха Распе (1246), а когда этотъ государь, слывшій у противниковъ «поповскимъ», былъ разбитъ при Ульмѣ Фридриховымъ намѣстникомъ (или викаріемъ) Конрадомъ и, всѣми покинутый и совершенно безвластный, умеръ въ Вартбургѣ, тогда къ принятію императорскаго титула склонили молодаго графа Вильгельма Голландскаго (§ 256), выдвинутаго нѣкото-

рыми, преимущественно духовными имперскими князьями. Но могущество его было незначительно. Не смотря на угрозы папы, имперскіе города, освобожденные Фридрихомъ II отъ власти епископовъ и надѣленные большими льготами и правами, дѣйствовали заодно съ Конрадомъ, равно какъ и бо́льшая часть свѣтскихъ князей, а крестовыя проповѣди доминиканскихъ монаховъ (§ 321) служили единственно къ тому, чтобы привесть и безъ того страшно одичалый край въ совершенное, окончательное разстройство.

§ 329. Ужасно свирѣпствовала между тѣмъ война у гвельфовъ съ гибеллинами въ Италіи. Горячая кровь мстительныхъ и разсвирѣпѣвшихъ южанъ доводила ихъ до неслыханныхъ злодѣяній; семья возставала на семью, городъ на городъ; ни лѣта, ни званіе не уклонялись отъ борьбы; неистовство партій овладѣло всѣмъ и всѣми. Гордость и высокомѣріе гвельфскихъ городовъ раздражили ожесточенное гибеллинское дворянство, и предводитель его, Эццелино, совершалъ такіе ужасы, передъ которыми цѣпенѣетъ воображеніе; но съ другой стороны кровавая жестокость, съ какою Аццо д'Эсте въ Феррарѣ и гвельфы въ средней Италіи преслѣдовали сторонниковъ императора, встрѣчаетъ себѣ нѣкоторое подобіе развѣ только въ неистовыхъ распряхъ партій древней Греціи. — Долго величавый образъ Фридриха не склонялся передъ ударами судьбы; многочисленность враговъ только поднимала его мужество; злоумышленія на его жизнь сокрушались о неусыпную его бдительность. Онъ ограничилъ мірскую власть и судебное вѣдомство духовенства въ своихъ владѣніяхъ и доказывалъ справедливость своего дѣла съ такою силою, что бо́льшая часть европейскихъ государей стала за него. Но когда благородный сынъ его, Энціо, послѣ несчастной битвы у лѣснаго ручья Фоссальты, попалъ въ руки Болонцевъ (1249), и всѣ старанія освободить его сокрушились о плебейскую строптивость гражданъ Болоньи, которые продержали молодаго короля въ неволѣ бо́лѣе 20 лѣтъ[1]; когда его знаменитый при-

[1] Побѣдители обходились съ нимъ впрочемъ какъ нельзя лучше и оказывали ему всѣ возможныя угожденія.

дворный судья Ѳаддей Суэсскій былъ захваченъ храбрыми Пармцами, а удостоенный полнаго его довѣрія канцлеръ Петръ де Винеа, человѣкъ съ высокимъ образованіемъ, отличавшійся и на поприщѣ серьозной науки и въ сферѣ поэзіи, далъ подкупить себя противникамъ своего государя и потомъ отъ страха и раскаянія разможжилъ себѣ голову о столбъ своей тюрьмы, — тогда и Фридриха одолѣла наконецъ злая доля. На 56 году отъ роду скончался онъ въ объятіяхъ любимаго сына своего Манфреда въ Фирѐнценлѣ, близъ Лучеріи, въ нижней Италіи (1250).—Фридрихъ II соединялъ въ себѣ необыкновенныя дарованія,—высокую образованность и многосторонніе свѣдѣнія, любовь къ наукѣ и поэзіи, способность легко усвоивать себѣ чуждые языки и особенности, съ отвагою, геройскимъ мужествомъ, красотою тѣла и пріятнымъ, увлекательнымъ обращеніемъ. Окруженный роскошью, великолѣпіемъ и утѣхами всякаго рода, которыми наслаждался онъ отъ души, воспріимчивый къ искусству и поэзіи, которыя находили себѣ при его блестящемъ дворѣ поощреніе и дѣятельное участіе, покровитель отрадныхъ пѣсенъ любви (Minnegesang), которыя и самъ онъ слагалъ удачно, обладая прекрасными дворцами и великими богатствами, Фридрихъ имѣлъ все что было нужно для счастья, еслибъ только свободный духъ его не возсталъ противъ церковной іерархіи и онъ бы лучше умѣлъ обуздывать свои страсти и умѣрять свои вожделѣнія. Въ обхожденіи съ легкомысленными романскими поэтами (Провансалами, Каталонцами и друг.), въ постоянныхъ сношеніяхъ съ государями и учеными изъ могаммеданъ, и опутанный сѣтями итальянской хитрости и соблазна, онъ своимъ образомъ мыслей, нравами и жизнью во многомъ оскорблялъ понятія своего времени и уставы церкви, и беззавѣтно предавался чувственности, женолюбію, скептицизму. Оттого-то и причтенъ онъ въ Дантовомъ адѣ (§ 351) къ числу тѣхъ дерзновенныхъ совопросниковъ неба, которые въ наказаніе за то покоятся въ огненныхъ гробахъ.

§ 330. Гибель Гогенштауфеновъ. Узнавъ о смерти Фридриха, Иннокентій IV, внѣ себя отъ радости, возвратился въ Римъ. Но полнаго торжества церкви ожидалъ онъ толь-

ко отъ погибели сего ненавистнаго ему рода. Для этого онъ объявилъ Неаполь и Сицилію лэномъ папскаго престола и предалъ проклятію «сына Иродова», Конрада IV, предоставившаго Германію, послѣ проиграннаго сраженія при Оппенгеймѣ (мартъ 1251), своему храброму, но малосильному противнику Вильгельму Голландскому, чтобы вновь добывать себѣ въ Италіи отцовское наслѣдство, тѣмъ болѣе, что папа лишилъ его въ Германіи всѣхъ земель, не исключая и швабскихъ. Вскорѣ Конрадъ преждевременно сошелъ въ могилу въ станѣ при Лавалло (1254). Но великодушный, рыцарственный сводный братъ его Манфредъ такъ успѣшно и отважно защищалъ нижнюю Италію при помощи нѣмецкихъ и сарацынскихъ ратниковъ, что ему покорилась большая часть городовъ, войска гвельфовъ принуждены были отступить въ папскія владѣнія, а англійскій принцъ Эдмондъ, которому папа передалъ этотъ край въ видѣ церковнаго лэна и получилъ за то несмѣтныя суммы, отказался отъ своихъ завоевательныхъ намѣреній. Всѣ эти обстоятельства до того поразили Иннокентія IV, что онъ вскорѣ умеръ. Но планы и стремленія его нашли успѣшныхъ исполнителей въ его преемникахъ. Рѣшась, во что бы то ни стало, отнять у Гогенштауфеновъ Неаполь и Сицилію, папа Урбанъ IV (самъ родомъ Французъ) предложилъ это прекрасное королевство, въ видѣ папскаго лэна, дѣятельному, но суровому и враждебному къ людямъ Карлу Анжуйскому (брату французскаго короля Людовика IX, который вслѣдствіе брака незадолго овладѣлъ очаровательнымъ Провансомъ, отличавшимся образованностью, рыцарскою любезностью къ женщинамъ и свѣтлою поэзіей); единственнымъ условіемъ поставилъ онъ, чтобы Карлъ, при помощи гвельфовъ, завоевалъ это королевство французскими войсками и платилъ потомъ ежегодную дань римскому двору (8,000 унцій золота и одного бѣлаго коня). Отягченный проклятіемъ Манфредъ храбро противусталъ новому, кичливому непріятелю. Но когда измѣна Итальянцевъ рѣшила противъ него бой при Беневентѣ (февраль 1266), онъ бросился въ самую густую толпу враговъ и погибъ смертью героя. Простая могила, на которую каждый воинъ положилъ свой камень, приняла его трупъ. Отнынѣ было сокрушено могущество гибеллиновъ; Неа-

поль и Сицилія достались побѣдителю, и онъ далъ почувствовать несчастной странѣ всѣ ужасы завоеванія. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ верхней Италіи Эццелино поплатился за свои неистовства, попавъ въ миланскую тюрьму (1259). Упорно отвергалъ злодѣй всякое утѣшеніе церкви и, сорвавъ перевязку съ своихъ ранъ, умеръ добровольно истекши кровью. Не уступавшій ему въ жестокости, братъ его Альберихъ былъ прикрученъ къ хвосту лошади и замученъ до смерти.

§ 331. Горькая доля ожидала побѣжденную партію; эшафотъ, тюрьма, изгнаніе стали жребіемъ тысячи людей, а между тѣмъ французскіе баре подѣляли имущество Гогенштауфеновъ и обращались съ побѣжденными презрительно и высокомѣрно. Тягостные налоги, обременительныя таможенныя пошлины и лихоимство довели жителей до отчаянія; права сословій, безопасность лицъ и собственности подвергались наглому нарушенію. Угнетенные призвали къ себѣ на помощь юнаго Конрадова сына, Конрадина, жившаго скромно и незамѣтно при дворѣ своего дяди, герцога Баварскаго. Конрадинъ, наслѣдовавшій высокій умъ и геройскій духъ предковъ, покинулъ родину (1267), чтобы вмѣстѣ съ другомъ своей юности, Фридрихомъ Баденскимъ, и немногими приверженцами снова завоевать достояніе Гогенштауфеновъ. Напрасно мать предостерегала его отъ соблазновъ Италіи, которые и прежде завлекали туда всѣхъ членовъ его дома только для того, чтобы коварно погубить ихъ; жажда славныхъ дѣлъ и геройскаго величія привела послѣднюю отрасль знаменитаго рода за Альпы, гдѣ гибеллины привѣтствовали его съ восторгомъ. Побѣдоносно прошелъ онъ верхнюю и среднюю Италію, въ Капитоліи принялъ изъявленіе покорности отъ вѣчнаго города, какъ напутствіе къ смерти, заставилъ папу бѣжать и перешелъ границу Неаполя. На равнинѣ Скурколы или Тальякоццо, неподалеку отъ горнаго города Альбы, напало нѣмецкое и гибеллинское войско (23 августа 1268) на непріятеля, который, по указанію опытнаго французскаго рыцаря и крестоносца Эрара де-Валерй, заблаговременно раздѣлилъ свои силы и поставилъ самыхъ отважныхъ и рѣшительныхъ людей за ближайшими скали-

стыми горами. Конрадинъ храбро открылъ нападеніе и обратилъ въ бѣгство противустоявшихъ ему Французовъ и гвельфовъ. Такой счастливый исходъ боя уже наполнилъ партію его самыми блестящими надеждами; но предпринятое имъ, слишкомъ поспѣшное преслѣдованіе доставило побѣду выжидавшему въ засадѣ непріятелю. Войско его было отчасти перебито, отчасти разсѣяно; самъ онъ благополучно спасся съ своими друзьями въ приморское мѣстечко Астуру, но здѣсь былъ выданъ врагамъ вслѣдствіе позорной измѣны, внушенной гнуснымъ корыстолюбіемъ Іоанну Франджипани, семейство котораго пользовалось расположеніемъ и щедротами Фридриха II. Карлъ Анжуйскій тотчасъ велѣлъ судилищу, составленному изъ итальянскихъ судей и правовѣдовъ, обвинить его въ оскорбленіи величества, однако только одинъ, раболѣпный Робертъ изъ Бари, осмѣлился признать виновнымъ наслѣдника доблестнаго царственнаго дома; остальные его оправдали. Карлъ Анжуйскій, тѣмъ не менѣе, послѣдовалъ рѣшенію одного голоса и собственною властью произнесъ надъ Конрадиномъ смертный приговоръ. Конрадинъ и лучшій другъ его Фридрихъ были обезглавлены сѣкирой на Кармелитскомъ рынкѣ въ Неаполѣ (29 октября 1268). Такъ погибла недостойною смертію послѣдняя отрасль геройскаго дома, превосходившаго всѣ другіе могуществомъ, блескомъ и всѣми благами земли, талантомъ, благородствомъ души и достоинствомъ. Трупы убитыхъ были положены рядомъ, вдали отъ родины, сначала въ маленькой часовнѣ, а потомъ въ церкви Санта-Марія дель-Кармине, гдѣ они покоятся и донынѣ. По смерти Конрадина, Карлъ Анжуйскій сурово и жестоко свирѣпствовалъ противъ всѣхъ приверженцевъ его. Сарацыны въ Лучеріи были истреблены, а на мѣсто ихъ поселены крестьяне и ремесленники изъ Прованса; провансальскіе рыцари были надѣлены захваченнымъ имуществомъ преслѣдуемыхъ и убитыхъ гибеллиновъ. Наконецъ, одинъ изъ обобранныхъ, Іоаннъ Прочида, поклялся отомстить тирану. Подъ его вліяніемъ, въ такъ-называемыя сицилійскія вечерни всѣ Французы были перебиты (1282) тяжко оскорбленными и жестоко угнетенными Сицилійцами, а самый островъ сданъ храброму и хитрому Манфредову зятю, Петру Арагонско-

му[1], при помощи котораго жители побѣдоносно отражали всѣ нападенія Карла и основали королевство, свободное отъ папской дани, и состоявшее подъ управленіемъ потомковъ Петра. Второй сынъ его, Фридрихъ, былъ первымъ королемъ Сицилійскимъ.

Жестокая судьба постигла всѣхъ, еще уцѣлѣвшихъ членовъ Гогенштауфенскаго дома. Король Энціо, «Богачъ на пѣсни»[2], умеръ (1272) въ плѣну въ Болоньѣ (§ 329), послѣ неудачной попытки убѣжать. Его уже вынесли изъ темницы въ бочкѣ, но онъ былъ узнанъ по выбившемуся локону его бѣлокурыхъ волосъ. Сыновей Манфреда до самой ихъ смерти томилъ въ тюрьмѣ безжалостный Карлъ. Дочь Фридриха II Маргарита была женою маркграфа тюрингенскаго и мейссенскаго, Альбрехта Безчиннаго. Онъ дурно обращался съ императорскою дочерью и даже умышлялъ на жизнь ея, чтобы жениться на фрейлинѣ (Кунигундѣ фонъ-Эйзенбергъ). Тогда несчастная маркграфиня ночью бѣжала изъ Вартбурга и, обнимая на прощанье двоихъ сыновей своихъ, такъ укусила одного изъ нихъ въ щеку подъ судорожнымъ вліяніемъ страшной скорби, причиненной ей разлукою, что у него навсегда остался отъ того знакъ и онъ получилъ прозвище «Укушенный». Маргарита умерла въ горѣ и бѣдности, во Франкфуртѣ на Майнѣ (1270).

§ 332. Монголы. Въ началѣ 13 вѣка, глава нѣсколькихъ воинственныхъ кочевыхъ ордъ, Чингисъ-ханъ (Дженгисъ-ханъ, Темуджинъ), двинулся съ великаго азійскаго плоскогорья, между Китаемъ и Сибирью, для завоеваній. Онъ перешелъ за Китайскую стѣну, покорилъ себѣ необъятную «поднебесную имперію» и низвергъ царствующую династію (1218). Вскорѣ подпалъ его власти и Индустанъ; передъ дикою силой напиравшаго впередъ пастушескаго народа не устояло даже великое Хоарезмское царство, которое, бывъ основано однимъ сельджукскимъ рабомъ, до того расширилось подъ рукой воинственныхъ повелителей, что обнимало собою пространство отъ Каспійскаго моря

---

[1] Арагонскій домъ владѣлъ тогда частью южной Франціи, носившей, сверхъ разныхъ областныхъ и мѣстныхъ названій, общее имя Прованса.

[2] Королемъ назывался онъ потому, что еще въ юности получилъ отъ отца почетный титулъ короля Сардинскаго, хотя Сардиніею владѣли тогда собственно Пизанцы, а Богачемъ на пѣсни прозвали его за любовь къ поэзіи, пѣснямъ и стихотворцамъ.

черезъ Персію до Индіи. Теперь богатый шахъ Могаммедъ изъ владыки полсвѣта сдѣлался вдругъ нищимъ скитальцемъ; сыновья его были перебиты, дочери подѣлены между побѣдителями; даже самый доблестный изъ его сыновей, многопрославленный Джеллаладдинъ, не могъ, при всемъ своемъ мужествѣ, долго сопротивляться. Бухара, Самаркандъ, Балхъ и другіе цвѣтущіе, многолюдные города стали, со всѣми сокровищами искусства и науки, жертвою пламени, библіотеки были обращены въ конюшни, и слой монгольскаго варварства тяжело налегъ на всѣ царства и народы отъ Инда до Каспія. Завоеватель готовился уже покорить себѣ земли на западъ отъ Евфрата, когда настигла его смерть (1227). Сыновья и внуки Чингисъ-хана продолжали начатое. Батый покорилъ страны къ сѣверу отъ Чернаго моря; взявъ Кіевъ и опустошивъ огнемъ и мечемъ весь тотъ край, онъ сдѣлалъ Русь своею данницей, потомъ сожегъ Краковъ и наполнилъ несогласную и раздорившую Польшу и Венгрію убійствомъ и страшнымъ раззореніемъ. Дикія орды превратили Венгрію въ пустыню, убивали жителей сотнями тысячъ и простерли свои набѣги до Иллиріи и Далмаціи. Наконецъ Монголы (Европейцы называли ихъ Татарами) перешли черезъ Одеръ; герцогъ Нижней Силезіи, Генрихъ Кроткій, палъ съ лучшими изъ своихъ воиновъ подъ ударами кочевыхъ язычниковъ на Лигницкомъ побоищѣ (1241); граждане Бреславля зажгли свои деревянные дома и удалились въ укрѣпленіе такъ-называемаго Соборнаго острова (Dominsel) на Одерѣ; народъ толпами бѣжалъ въ горы; весь Западъ трепеталъ, а между тѣмъ ни папа, ни императоръ, тогда страшно враждовавшіе между собою, ничего не дѣлали для спасенія христіанства. По счастію враги не пошли далѣе. Ихъ устрашили храбрость одѣтыхъ въ сталь европейскихъ ратниковъ и мѣшавшія ихъ бурному побѣдному шествію, прочныя укрѣпленія и огражденные стѣнами монастыри. Они повернули назадъ изъ такихъ странъ, гдѣ не было заманчиваго для нихъ богатства, и устремили свое оружіе противъ роскошнаго Багдадскаго халифата, которому и положили кровавый конецъ (§ 265). Когда палъ послѣдній халифъ съ 200,000 своихъ мослемовъ, Монголы грабили древнюю столицу Абассидскаго величія цѣлыя шесть

недѣль (1258), потомъ съ неслыханной жестокостью истребили изувѣрное племя персидскихъ ассассиновъ (§ 308), проникли въ Сирію, взяли великолѣпный Алеппъ (Халебъ) и Дамаскъ и затоптали копытами степныхъ коней христіанскую и арабскую гражданственность въ Палестинѣ. Только Мамелюки (§ 334, 335) положили преграду ихъ завоевательнымъ нашествіямъ. Черезъ нѣсколько десятилѣтій царство Монгольское, которому средоточіемъ служилъ большой городъ Каракорумъ въ области Байкальскаго моря, распалось на многія независимыя державы. Но еще слишкомъ два вѣка несли Руссы иго Золотой орды, водворившейся на востокъ отъ Волги, а Венгрія и Польша не скоро еще оправились отъ претерпѣннаго опустошенія. Не имѣя рѣшительнаго религіознаго направленія и опредѣленно сложившагося культа, Монголы подвергались многимъ попыткамъ обращенія какъ со стороны христіанъ, такъ и со стороны разныхъ вѣроисповѣданій и сектъ Востока; но эти варвары естественно были доступнѣе простымъ отвлеченностямъ (буддистскаго) ламаизма и чувственнымъ обѣтованіямъ ислама, нежели христіанскому ученію. Поэтому въ Китаѣ и Монголіи они сдѣлались буддистами, а во всѣхъ прочихъ странахъ обратились къ магоммеданству [1].

---

[1] Здѣсь русскій переводчикъ обязанъ сказать нѣсколько словъ въ дополненіе къ слишкомъ краткому очерку автора. Орды Чингисъ-хана шли въ Европу черезъ Кавказъ, обычное распутіе народныхъ передвиженій между Азіею и Европой. У подножія этого хребта, наполненнаго, какъ и теперь, обрывками множества разныхъ племенъ, превратившимися въ полудикихъ горцевъ, существовали въ то время двѣ, хотя уже и слабыя, но все же христіанскія державы, интересныя какъ передовой постъ христіанства въ Азіи, — именно царства Армянское и Грузинское. Изъ нихъ первое только частію, а послѣднее вполнѣ, входитъ въ черту нашихъ владѣній за Кавказомъ. Арменія, зависимая сперва отъ Ассирійцевъ, затѣмъ, попеременно, отъ Персовъ, Парѳянъ, Римлянъ, Ново-Персіанъ и Византійцевъ, уже со 2 столѣтія по Р. Хр. начала обращаться къ христіанству, а въ половинѣ 5 вѣка уклонилась отчасти въ монофизитскую ересь. Въ началѣ этого вѣка Персія и Византія подѣлили между собою давно тѣснимый ими порубежный край; персидскіе марзбаны (намѣстники) оставили въ немъ такіе же тяжкіе слѣды, какъ и смѣнившіе ихъ въ 7 столѣтіи намѣстники Арабскихъ халифовъ, осиганы. Послѣдніе, къ обычному гнету варварскаго чужевластія, присоединили еще фанатизмъ религіозныхъ гоненій, тогда какъ, съ другой стороны, Армяне не находили себѣ никакой защиты и у Грековъ, которые сами смотрѣли на нихъ враждебно, какъ на еретиковъ. Но въ 859 г. царевичъ ихъ Ашодъ, изъ рода Багратидовъ, успѣлъ снискать расположеніе Халифа и Византіи до такой степени, что они признали его царемъ Великой (восточной)

3. Исходъ и послѣдствія крестовыхъ походовъ.

§ 333. Предпріятія Людовика Святаго. Ни великія усилія папъ, ни неутомимыя проповѣди странствующихъ монаховъ не были въ состояніи поджечь остывшую ревность западнаго христіанства къ новому крестовому походу. Все ограничивалось добровольными приношеніями и сборами на помощь угнетеннымъ и богомольцамъ. Только одинокія дружины подъ начальствомъ французскихъ и англійскихъ (норманскихъ) князей и господъ, у которыхъ всего долѣе сохранился духъ религіознаго рыцарства, отваживались еще на трудный и опасный подвигъ. Въ числѣ ихъ находился знаменитый Тибо́ де-Шампань (Thibaut de Champagne), прославленный пѣвецъ любви и боевой чести и кровожадный гонитель Альбигойцевъ (§ 341). Только рыцарское благочестіе Французскаго короля Людовика IX и паденіе Іерусалимскаго коро-

---

Арменіи. Еще до пресѣченія этой династіи, нашествіе сельджукскихъ Турковъ въ половинѣ 11 вѣка положило конецъ политическому существованію Армянской державы, а погромъ Чингисъ-хана и его преемниковъ окончательно довершилъ ея упадокъ. Малая (западная) Арменія, долго подвластная Византійскимъ императорамъ и отложившаяся отъ нихъ вполнѣ только въ теченіе крестовыхъ походовъ, сосредоточила свои изнемогавшія передъ тѣмъ силы въ Таврскихъ тѣснинахъ, подъ предводительствомъ храбраго князя Рупина. Преемники этого князя союзились и породнились съ князьями Антіохіи, королями Кипра и другими владѣтельными лицами. Они царствовали въ Киликіи около четырехъ вѣковъ. Послѣдній, Левъ VI, изъ дома Кипрскихъ Люзиньяновъ, взятъ Египтянами и отведенъ въ Каиръ, откуда черезъ шесть лѣтъ удалось ему уйдти въ Европу. Онъ умеръ въ Парижѣ въ 1393 году.—Царство Грузинское (иначе Георгія, у Турковъ Гюрджистанъ, т. е. страна рабовъ) имѣло еще до Р. Х. царей изъ дома Арсакидовъ. Обращенное въ 3 вѣкѣ къ христіанству, оно послѣдовательно переходило въ зависимость Персовъ, Армянъ, Арабовъ, персидскихъ Буидовъ и, наконецъ, въ 11 вѣкѣ — Сельджуковъ. Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ, христіанство пустило въ немъ однако глубокіе корни и проникло даже во многіе горные края, что́ доказывается несомнѣнными слѣдами его въ этихъ, одичавшихъ потомъ, трущобахъ. Нашествіе Чингисъ-хановыхъ ордъ и подчиненіе Кавказа на долгія времена вліянію дикой Татарщины нанесло самый рѣшительный ударъ дальнѣйшему распространенію святой вѣры и вездѣ прививающейся къ ней гражданственности. Съ тѣхъ поръ Кавказъ сталъ самымъ надежнымъ пріютомъ мусульманскаго фанатизма, который находилъ въ немъ всегда готовый запасъ свѣжихъ силъ и пользовался его энергическимъ населеніемъ для поддержки своихъ войскъ и для снабженія своихъ гаремовъ. Россіи суждено положить конецъ этому страшному злу, укоренившемуся вѣками.

левства возбудили еще временную вспышку одушевленія. Когда меньшой сынъ Камеля (§ 326) обнаружилъ намѣреніе снова возстановить Саладиново царство въ полномъ его объемѣ и для этого пошелъ войной на своего дядю, султана Дамасскаго, послѣдній вступилъ въ союзъ съ христіанами Святой Земли. Видя опасность съ этой стороны, владыка Египта взялъ къ себѣ на жалованье дикую орду воинственныхъ Ховаресмцевъ, которые, по раззореніи ихъ могущественной державы Монголами (§ 332), скитались и рыскали въ прибрежьяхъ Евфрата и Тигра. Они кинулись на Палестину, распространяя убійство и опустошеніе на пути. Они взяли Іерусалимъ, вырѣзали жителей, разрушили Святой Гробъ и наглумились надъ останками королей, вынутыми изъ склеповъ. Близь Газы подъ мечами мусульманъ палъ весь цвѣтъ духовно-рыцарскихъ орденовъ (1244). Акконъ и еще нѣкоторые приморскіе города одни остались за христіанами, тогда какъ Египетскій султанъ, по взятіи Аскалона, присоединилъ къ своему царству Палестину, Сирію и Дамаскъ, а Туркоманы, съ другой стороны, сильно тѣснили княжество Антіохію.

§ 334. Узнавъ обо всемъ этомъ, король Французскій Людовикъ IX (Святой) возложилъ на себя крестъ вмѣстѣ съ многими изъ господъ своего народа и выступилъ на прекрасномъ флотѣ изъ Марсели чрезъ остр. Кипръ къ Египту, чтобы завоеваніемъ этой страны прервать вліяніе ея на ходъ дѣлъ подъ Іерусалимомъ и притомъ обезпечить себѣ всякой подвозъ. Благодаря поспѣшному бѣгству гарнизона, крѣпкій пограничный городъ Даміэттъ вторично попалъ въ руки Франковъ, и главная мечеть его огласилась амвросіанскимъ гимномъ, несшимся изъ благодарной груди крестоваго воинства; но природа этого края оказалась, какъ и прежде (§ 325), губительною для христіанъ. Когда они двинулись вверхъ по Нилу на Каиръ (1249), сухопутное войско было заперто между каналами и протоками Нила, а флотъ погибъ истребленный греческимъ огнемъ. Братъ короля и отважнѣйшіе рыцари пали въ битвѣ; голодъ, моръ и непріятельскій мечъ до того убавили ряды воиновъ, что сопротивленіе стало наконецъ невозможно. Людовикъ со всей своей ратью взятъ былъ въ плѣнъ и, для полученія свободы, принужденъ заплатить за себя и нѣкото-

рую часть своихъ людей значительный выкупъ, да притомъ сдать всѣ покоренные города. Но бо́льшая часть крестоносцевъ не увидала болѣе отечества; что̀ избѣжало меча и моровой язвы, то пало жертвою жестокости могаммеданъ. Ибо хотя съ самимъ королемъ и съ знатнѣйшими господами, какъ напримѣръ съ историкомъ этого событія, графомъ Жуанвиллемъ, обходились бережно и прилично, зато остальные воины терпѣли горькую судьбу. Въ Мансурѣ [1] содержались на одномъ огороженномъ земляной насыпью дворѣ десять тысячъ рейтаръ и другихъ простолюдиновъ; Сарацыны стали выводить ихъ каждаго порознь и спрашивать, согласны ли они отречься отъ своей вѣры, и тѣхъ, кто изъявлялъ готовность, отдѣляли, а всѣмъ остальнымъ рубили головы. По освобожденіи, благочестивый король отправился въ Акконъ, но пока, въ теченіе своего четырехлѣтняго пребыванія въ тѣхъ мѣстахъ, сопряженнаго со множествомъ трудовъ и бѣдствій, онъ приводилъ какъ этотъ, такъ и другіе приморскіе города въ надежное оборонительное состояніе, господство Курдовъ въ Египтѣ было низвергнуто негодовавшими на дарованный христіанамъ миръ Мамелюками [2], которые изъ угнетенныхъ рабовъ сдѣлались сперва тѣлохранителями султана, а потомъ сами наложили иго на прежнихъ своихъ владыкъ. Воинственные Мамелюки, постоянно обновляемые и ограждаемые отъ изнѣженности приливомъ сильной молодежи съ Кавказа, долго удерживали надъ Египтомъ свою власть, основанную

[1] Городъ въ 55 верстахъ къ юго-западу отъ Даміэтта, на правомъ берегу главнаго изъ восточныхъ рукавовъ Нила. Въ его окрестностяхъ взятъ въ плѣнъ Людовикъ IX и погибъ братъ его, Робертъ д'Артуа.

[2] Мамелюкъ по-арабски рабъ. Египетскій султанъ Малекъ-Сале первый купилъ у Монголовъ тюркскихъ плѣнниковъ себѣ въ услуженіе и вскорѣ поручилъ имъ охраненіе своего дворца. Мало-по-малу составилось изъ нихъ цѣлое войско, которое было распредѣлено гарнизономъ въ главныхъ городахъ. Начальникъ этого войска Азеддинъ-Моззъ-Айбекъ, по убіеніи султана Малекъ-Моадгама, побѣдителя Людовика IX, женился на его матери и сталъ родоначальникомъ первой династіи мамелюкскихъ султановъ, — династіи Бахаритовъ (т. е. моряковъ, потому что она принадлежала къ Мамелюкамъ, занимавшимъ приморскіе города Египта), царствовавшей съ 1254 по 1382; вторая династія носила названіе Борджитовъ (т. е. крѣпостныхъ, потому что принадлежала къ Кавказскимъ горцамъ, составлявшимъ гарнизонъ главныхъ крѣпостей) и царствовала съ 1382 по 1517.—У Багдадскихъ султановъ служили также отряды Кавказскихъ горцевъ, подъ тюркскимъ названіемъ гюрджей, т. е. рабовъ.

на оружіи. Около 1260 г. на престолъ египетскій сѣлъ султанъ Бибарсъ, который изъ темнокожаго невольника сталъ предводителемъ Мамелюковъ, а потомъ проложилъ себѣ путь къ трону убійствомъ двухъ прежнихъ властителей. Хотя и запятнанный кровью, Бибарсъ явился однакожь не недостойнымъ преемникомъ великаго Саладина, какъ по войнской предпріимчивости и доблести, такъ и по правосудію, умѣренности и семейнымъ добродѣтелямъ. Вскорѣ загорѣлась у него война съ сирійскими христіанами, и въ теченіе шести лѣтъ (1262—68), въ четыре разные похода, онъ успѣлъ покорить себѣ большую часть остальныхъ владѣній разгромленнаго королевства Іерусалимскаго. Онъ разрушилъ храмы въ Назаретѣ и на Ѳаворской горѣ, взялъ Кесарію и Іоппію, угрожалъ стѣнамъ Птолемаиды и наконецъ овладѣлъ Антохіей съ ея округомъ (1268). Тогда король Людовикъ IX, «котораго никакія бѣдствія не могли отрѣшить отъ любви къ Христу Богу», снова далъ обѣщаніе предпринять еще одинъ крестовый походъ.

§ 335. Этотъ походъ предпринялъ онъ черезъ шестнадцать лѣтъ по возвращеніи своемъ изъ Палестины (1270), но направилъ его сначала съ острова Сардиніи въ сѣверную Африку противъ разбойничавшихъ на морѣ тунисскихъ Сарацынъ, отчасти для того, чтобы вынудить у нихъ дань, требуемую корыстолюбивымъ его братомъ, Карломъ Анжуйскимъ (въ Неаполѣ), отчасти въ надеждѣ посѣять тамъ сѣмена христіанства. Онъ уже осадилъ Тунисъ, какъ необыкновенная жара произвела заразу, отъ которой самъ король и многіе храбрые его сподвижники сошли въ гробъ. Французскіе вожди поспѣшили заключить миръ съ Сарацынами, выговоривъ себѣ только вознагражденіе за военныя издержки и уплату дани Карлу Анжуйскому, и потомъ воротились во-свояси. — Существованіе христіанскаго государства въ Палестинѣ продлилось лишь на короткое время походомъ, который въ то же время былъ предпринятъ туда принцемъ Эдуардомъ (I) англійскимъ въ соединеніи съ многочисленною дружиной Фризовъ. Они помогли отстоять послѣднія владѣнія христіанъ противъ завоевательнаго Бибарса. Но храбрые Мамелюки болѣе и болѣе угражали слабымъ остаткамъ Іерусалимскаго королев-

ства, особенно съ тѣхъ поръ какъ Бибарсу наслѣдовалъ войнолюбивый султанъ Калавунъ (1277). Когда они покорили Триполь (1289), когда, не смотря на самую геройскую оборону со стороны христіанскихъ рыцарей, превосходной силѣ и осаднымъ снарядамъ враговъ удалось взять приступомъ и до основанія разрушить Акконъ (Птолеманду), тогда Франки-христіане сдали Тиръ уже безъ сопротивленія (18 мая 1291) и добровольно покинули сирійскій край, который въ теченіе двухъ вѣковъ увлажался кровью столь многихъ милліоновъ. Всѣ дальнѣйшія усилія воротить потерянное были только романтическими отзвуками прошлаго, не больше.

§ 336. Слѣдствія крестовыхъ походовъ. Крестовые походы были въ высшей степени важны для развитія европейскаго человѣчества: 1) Они способствовали духовному образованію, ибо знакомство съ отдаленными странами и народами, съ чужими правами и понятіями, съ иными государственными учрежденіями и общественными формами вырвало человѣка изъ прежней его ограниченности, сблизило его съ науками и искусствами, съ поэзіею и духовною жизнію другихъ народовъ и прояснило его понятія о мірѣ и человѣчествѣ. 2) Они нравственно подняли рыцарство, указавъ его дѣятельности высшую цѣль и идеалъ благородныхъ рыцарскихъ добродѣтелей; они положили основаніе сословію свободныхъ крестьянъ, ибо многіе крѣпостные люди только черезъ нихъ получили свободу. Особенно же подняли и расширили крестовые походы 3) могущество и значеніе городскаго сословія и городовъ, ибо сношенія съ дальними краями и знакомство съ чужеземными произведеніями оживили торговлю, двинули впередъ ремесленность и создали небывалое благосостояніе. Свободныя учрежденія большинства городскихъ общинъ пробудили въ нихъ патріотизмъ и гражданскую доблесть, такъ что города сдѣлались мало-по-малу средоточіями силы, образованія и нравственной жизни, когда рыцарское сословіе низошло съ той высоты, на какую возвели его крестовые походы, забыло свою доблесть и благородныя стремленія и стало находить отраду въ грабежѣ и грубыхъ удовольствіяхъ. Ратуши, готическіе соборные храмы, великолѣпныя жилыя зданія въ большей части тогдашнихъ городовъ доказываютъ силу,

благосостояніе, жизненную бодрость и образованность гражданъ, которые вели обширную торговлю не только плодами собственной промышленности, но и произведеніями чужедальнихъ странъ.

§ 337. Рыцарство. Когда военная повинность начала становиться слишкомъ обременительною и многіе старались уклониться отъ нея (§ 283), военное дѣло и конная служба сдѣлались исключительнымъ занятіемъ нѣкоторыхъ людей, образовавшихъ со временемъ особенное сословіе. Сущность рыцарства, получившаго свое полное развитіе преимущественно во Франціи и у Норманновъ, заключалась отчасти въ чувствѣ личной чести, признаніе которой другими вынуждалось даже оружіемъ, отчасти въ происхожденіи изъ рыцарскаго дворянскаго сословія (ибо по характеру средневѣковой эпохи, рыцари, подобно ученымъ, духовнымъ, художникамъ, ремесленникамъ и друг., составляли товарищество, цехъ яли корпорацію), отчасти въ приличномъ рыцарю воспитаніи въ качествѣ пажа или оруженосца, при чемъ ему надо было заслужить себѣ шпоры какимъ-нибудь храбрымъ подвигомъ, чтобы быть принятy въ товарищество по установленному для того обряду. Рожденный для военнаго дѣла, каждый свободный юноша дворянскаго происхожденія слѣдовалъ этому призванію, какъ скоро достигалъ извѣстнаго возраста. При господствовавшемъ тогда воинственномъ духѣ понятно, что большимъ праздникомъ для семьи былъ день, когда одинъ изъ сыновей, достигнувъ совершеннолѣтія, признавался способнымъ носить оружіе. Самъ юноша почиталъ одною изъ достопамятнѣйшихъ минутъ въ своей жизни ту, когда онъ впервые являлся съ мечемъ всенародно. Вступленіе его въ военное совершеннолѣтіе ознаменовывалось торжественнымъ препоясаніемъ меча, которое исполнялось или имъ самимъ, или какимъ-нибудь знатнымъ, по крайней мѣрѣ прославившимся воиномъ.—При этомъ весьма естественно стали требовать, чтобы посвящаемый такимъ-образомъ юноша явилъ доказательства своего искусства владѣть оружіемъ. Но вскорѣ это обратилось въ одну пустую форму, какъ и бо́льшая часть предварительныхъ испытаній. Для бо́льшей торжественности, при испытаніи, съ молодымъ человѣкомъ обыкновенно вступалъ въ состязаніе какой-нибудь воинъ почтенныхъ лѣтъ и званія, противъ котораго испытуемый именно поэтому и не смѣлъ защищаться серьозно. Формальность эта ограничилась на-

конецъ однимъ торжественнымъ ударомъ, впослѣдствіи получившимъ названіе рыцарскаго удара. Главною цѣлью рыцарства, которое считалось высшимъ достоинствомъ человѣческимъ, необходимымъ украшеніемъ государей, былъ бой, отчасти для того, чтобы доказать собственную силу (что имѣли въ виду искавшіе приключеній странствующіе рыцари), отчасти для того, чтобы защищать религію и ея представителей, церковь и духовенство, отчасти же для защиты женщинъ, какъ слабѣйшаго пола. Этотъ послѣдній обычай, вытекавшій изъ свойственнаго Германцамъ уваженія къ женщинѣ, привелъ къ поклоненію ей и къ такъ-называемому любовному служенію (Minnedienst), этой душѣ рыцарства и средневѣковой поэзіи. Рыцарскія игры, потѣхи или турниры, на которыхъ благородная дѣвушка вручала побѣдителю призъ (знакъ благодарности), поддерживали и оживляли рыцарскій духъ и воинскую энергію; а чтобы подъ латами, шлемомъ и панцыремъ, не могъ укрыться никто изъ непосвященныхъ, для этого введены были гербы, какъ символическое обозначеніе именъ и фамилій. Рыцарство съ его мечтательною любовью къ Божеству и благоговѣйнымъ служеніемъ женщинѣ, съ его ненасытною жаждою подвиговъ и напряженностію чувства, съ его доходившимъ до буйнаго своевольства самомнѣніемъ и его готовностью жертвовать собою для другихъ, было возведено крестовыми походами на высокую, но узкую и зыбкую вершину, на которой оно могло держаться во всей чистотѣ и силѣ только до тѣхъ поръ, пока продолжалось самое одушевленіе.

§ 338. Нѣмецкій городовой бытъ. Германскіе города отчасти вели свое начало отъ Римлянъ (§ 198, 221) и, послѣ опустошительныхъ бурь великаго переселенія народовъ, мало-по-малу ожили и расцвѣли вновь; отчасти же они возникли изъ епископствъ и монастырей Каролинговъ и сторожевыхъ укрѣпленій (острожковъ, бурговъ) Саксонскихъ императоровъ. Въ эпоху Гогенштауфеновъ города значительно умножились, благодаря не только самимъ императорамъ (особенно Генриху VI, «другу горожанъ», и сыну его Фридриху II), которымъ было любо развитіе этихъ общинъ и которые желали создать въ нихъ себѣ опору противъ своевольства господъ, но также и благодаря покровительству земскихъ державцевъ и епископовъ. Города раздѣлялись на имперскіе и земскіе, смотря по тому, именемъ ли императора или именемъ земскаго державца, или наконецъ епископа, посаженный въ нихъ сановникъ вѣ-

далъ верховныя права и творилъ высшій судъ и расправу. (Когда развилась и сложилась власть земскихъ князей, разница между имперскими и земскими городами преимущественно состояла въ томъ, что первые подчинялись только имперскому суду, тогда какъ послѣдніе могли быть призваны и на судъ мѣстнаго или областнаго государя; первые посылали депутатовъ на имперскіе сеймы, а послѣдніе участвовали только въ сеймахъ территоріальныхъ владѣтелей). Имперскіе города были и старѣе другихъ, и могущественнѣе, и богаче. Жители состояли первоначально, какъ и въ древнемъ Римѣ, изъ свободныхъ патриціанскихъ родовъ, къ которымъ принадлежали слуги государевы, рыцари-помѣщики, купцы и переселившіеся въ города землевладѣльцы, и изъ оброчниковъ, обязанныхъ ремесленниковъ и крестьянъ, которые, какъ припущенники или подзащитные, не пользовались никакими политическими правами. Изъ первыхъ выбирался магистратъ (Schöffenrath, совѣтъ или дума скабиновъ). Со временемъ городскія общины получили отъ верховнаго владыки въ видѣ даровъ, уступокъ, куплею или договоромъ, разныя верховныя права, какъ напримѣръ городовой самосудъ, право бить монету, право учреждать рынки, таможни, склады и тому под., и приводили ихъ въ исполненіе черезъ свою думу, которой старшины назывались обыкновенно ратсмейстерами (головами) или бургомистрами. Права эти, съ умаленіемъ власти императора и съ возрастающимъ могуществомъ и благосостояніемъ горожанъ, становились все обширнѣе, такъ что городскія общины развились наконецъ въ маленькія республики, гдѣ мало-по-малу, рядомъ съ патриціями и подзащитными, проложило себѣ дорогу свободное и дѣятельное городское сословіе (среднее сословіе, или мѣщанство въ обширномъ смыслѣ, bourgeoisie), состоящее изъ вольныхъ землевладѣльцевъ, торговцевъ, высшихъ ремесленниковъ. Вскорѣ эти мѣньшіе люди, эти горожане, исключенные отъ всѣхъ должностей и политическихъ правъ, начали борьбу съ аристократическимъ господствомъ патриціанскихъ фамилій. И для того, чтобы бороться какъ можно успѣшнѣе, ремесленное сословіе вступило вездѣ въ гильдіи, цехи, общества, союзы. Отсюда возникъ общинный, союзный духъ, чрезвычайно содѣйствовавшій усиленію низшаго городскаго класса. Вскорѣ, предводимые цеховыми старшинами, ремесленные цехи, которыхъ сила заключалась въ дюжихъ кулакахъ «гезеллей» (товарищей-рабочихъ)

и которые обзавелись уже своими особыми значками и мѣстами сборищъ (гербергами), достигли такого значенія, что не только вездѣ добились гражданскихъ правъ и участія въ городовомъ управленіи, но въ весьма многихъ городахъ даже вытѣснили власть аристократическихъ фамилій съ ея сословной магистратурою и замѣнили ихъ демократическимъ управленіемъ цеховъ съ выборными ратманами (думцами) отъ общины, при чемъ, разумѣется, не обошлось безъ кровопролитія и насилій; только въ немногихъ городахъ, какъ наприм. въ Нюрнбергѣ, всѣ высшія должности остались за патриціанскими родами вплоть до реформаціи. Цехи, которыхъ члены въ свободное время учились владѣть оружіемъ, составляли военную силу городовъ въ ихъ борьбахъ съ аристократіей (§ 359). Огражденные стѣнами, башнями и рвами, смѣло ожидали они нападеній броненосныхъ рыцарей, и сами съ своими значками выступали въ поле подъ начальствомъ цеховыхъ старшинъ, для обороны за чертою города той свободы, которую они умѣли завоевать и отстоять внутри. Вмѣстѣ съ благосостояніемъ и внѣшнею силой воротились въ города приволье жизни и общественныя увеселенія; завелись цеховые плясы, такъ-называемыя майскія игры (весеннія загородныя гулянья, гдѣ главную роль играла школьная молодежь), стрѣлецкіе праздники и потѣхи всякаго рода. По Рейну слонялись бродячіе «потѣшники» въ такомъ множествѣ, что часто приходилось выживать ихъ начальственными распоряженіями. Вездѣ мѣщане и ремесленники праздновали Троицынъ день весельемъ и пляскою за городомъ; суровая зимняя пора сопровождалась народными потѣхами другаго рода. Но рядомъ съ этимъ свѣтлымъ раздольемъ, особенно въ многолюдныхъ городахъ, гнѣздилось всякое распутство и слишкомъ вольное обращеніе съ женщинами.

Города римской эпохи. По обѣимъ главнымъ рѣкамъ Германіи, по Рейну и Дунаю, потомъ въ областяхъ Реціи, Норикѣ и Панноніи, еще при Римлянахъ возникъ, отчасти изъ укрѣпленныхъ лагерей, отчасти собственно изъ колоній, или изъ торговыхъ становищъ, цѣлый рядъ значительныхъ городовъ, которыхъ богатство и великолѣпіе мѣстами еще видны изъ уцѣлѣвшихъ развалинъ, и которыхъ римскій урядъ еще свидѣтельствуется находимыми въ нихъ надписями. Нѣкоторые, какъ наприм. Кёльнъ, пользовались даже рѣдкимъ въ тѣхъ краяхъ преимуществомъ—италійскаго городоваго права. Эти римскіе города пережили своею внѣшнею обста-

новкой бури великаго переселенія народовъ, какимъ ни подвергались они опустошеніямъ; а иные, каковы Кёльнъ, Триръ, Регенсбургъ, Аугсбургъ, быть-можетъ спасли среди общаго разрушенія даже нѣкоторые остатки своихъ древнихъ учрежденій, перенесли ихъ въ болѣе спокойныя времена и подъ хранительнымъ кровомъ церкви воскресили снова. Хотѣли же нѣкоторые ученые видѣть продолженіе древне римской куріи въ кёльнской «гильдіи богачей» (Richerzechheit), патриціанской общинѣ, изъ которой выбирались скабины (члены думы), бургомистры и цеховые старшины. Но бо́льшая часть этихъ городовъ заселилась новыми обывателями и получила новыя, чисто-германскія учрежденія и уставы.—Епископскіе и королевскіе города. Германскіе города, возникшіе въ эпоху Каролинговъ, были частію епископскіе, обязанные своимъ началомъ или возрожденіемъ епископской церкви (§ 272, 290), частію королевскіе, которые произошли отъ значительныхъ королевскихъ пфальцовъ (палатъ), строимымъ среди коронныхъ (имперскихъ) имуществъ, и которые поэтому находились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ императора и короля; таковы наприм. Франкфуртъ на Майнѣ, Ульмъ, Нюрнбергъ.—У монастырей и духовныхъ обителей, куда стекалось много богомольцевъ, учреждались по большимъ праздникамъ базары, что́ нерѣдко вело къ основанію торговыхъ мѣстечекъ и городовъ. Мірскія и духовныя дѣла, набожность и жажда наживы шли при этомъ рука-объ.руку, взаимно сопроникались; самыя священныя мѣста, не только церковные дворы, но даже и церкви, наполнялись подъ-часъ непристойнымъ шумомъ и толкотней. Въ храмахъ помѣщались иногда для сохранности склады товаровъ: оттого слово обѣдня (Messe) и совпало въ Германіи съ словомъ рынокъ, базаръ.—Къ разряду королевскихъ и епископскихъ городовъ принадлежала и большая часть тѣхъ, которые при Саксонскихъ императорахъ возникли изъ сторожевыхъ укрѣпленій (§ 289 и слѣд.), огражденныхъ отъ внезапныхъ нападеній рвами и окопами, обороняемыхъ гарнизономъ и служившихъ въ военное время убѣжищемъ для личности и собственности,—мѣра сильно способствовавшая обезпеченію общественной жизни и промысловъ; сюда же слѣдуетъ отнести и позднѣйшіе имперскіе города, развившіеся изъ богоугодныхъ учрежденій, базарныхъ и торговыхъ мѣстечекъ на имперской землѣ, и состоявшіе подъ вѣдомствомъ духовныхъ и свѣтскихъ князей, лэнниковъ имперіи, какъ

наприм. Эрфуртъ, Бардевикъ.—Княжескіе города. Сверхъ-того было еще много княжескихъ городовъ, возникшихъ по волѣ самихъ духовныхъ или свѣтскихъ державцевъ, наприм. Зёстъ, Брауншвейгъ, Гёттингенъ, или просто основанныхъ на ихъ землѣ, каковы въ южной Германіи церингенскіе города Фрейбургъ, Бернъ и друг., а въ сѣверной—вельфскіе, наприм. Любекъ, Гамбургъ и проч. —Городовыя учрежденія. Относительно городовыхъ учрежденій или уставовъ должно различать тѣ города, гдѣ изстари сохранилась или рано завелась свободная община съ постояннымъ скабинатомъ (сословіемъ выборныхъ думцевъ), и тѣ, въ которыхъ древняя вольная община была совершенно подавлена и подчинена власти епископа или феодальнаго владѣльца. Къ первому разряду принадлежалъ Кёльнъ, котораго учрежденія и право перешли и во многіе другіе города. Въ такихъ городахъ патриціанскій скабинатъ или магистратъ былъ съ теченіемъ времени вытѣсненъ общиннымъ совѣтомъ, назначаемымъ по выбору городскаго сословія, которое, вышедши изъ несвободнаго быта, впослѣдствіи освободилось, т. е. сословія мѣщанъ. Изъ городовъ втораго разряда, гдѣ должностныя лица (министеріалы) назначались прежде епископомъ, а обыватели не имѣли, какъ граждане, никакого участія въ управленіи, важнѣйшимъ былъ Страсбургъ. И въ нихъ образовалось мало-по-малу свободное городское сословіе съ правомъ самоуправленія; но городовой совѣтъ возникъ здѣсь изъ стремленія гражданъ постепенно свергнуть съ себя иго подвластности и слѣдовательно опирался не на существовавшій уже скабинатъ древней вольной общины, но являлся представителемъ всего городскаго сословія въ совокупности. Къ этому же разряду относились города Вормсъ и Шпейеръ. Бо́льшая часть такихъ городовъ пріобрѣла себѣ свободу и республиканскія учрежденія только путемъ упорной борьбы съ епископами, которыхъ власть сдѣлалась подъ-конецъ чисто-нарицательной. Императоры, особенно изъ Гогенштауфенскаго дома, лелѣяли и поощряли это возстаніе горожанъ противъ епископовъ и даровали городскимъ общинамъ разныя права и льготы.—Спокойно развивалась общинная свобода собственно въ однихъ королевскихъ и другихъ древне-имперскихъ городахъ. Здѣсь не дошло до того крайняго противоборства, которое насильственно выдвинуло свободу горожанъ; но по мѣрѣ того, какъ городское сословіе постепенно богатѣло и усиливалось ремеслами и торговлей,

ему давалось надлежащее участіе въ управленіи общинными дѣлами, а наконецъ и извѣстнаго рода самоуправленіе, при которомъ королевская, герцогская или маркграфская власть удерживала за собой только права верховнаго блюстительства и сбора доходовъ, вмѣстѣ съ назначеніемъ обыкновенныхъ городовыхъ судей, фогта (въ Польшѣ—войта) или старосты (Schultheiss). Такъ было въ Госларѣ, Эрфуртѣ, Нюрнбергѣ и мног. друг.—Княжескіе города вразсужденіи своего устава и во многихъ другихъ отношеніяхъ очень близко подходили къ имперскимъ; но особенностію ихъ было то, что они образовались преимущественно изъ базарныхъ и торговыхъ мѣстечекъ или учреждались именно для этой цѣли, что городское сословіе (мѣщанство) выступаетъ въ нихъ съ самаго начала на чистоту, наконецъ—ихъ уставы и городовыя вольности являются въ самомъ основаніи своемъ подъ видомъ жалованія отъ владѣльцевъ. Къ замѣчательнѣйшимъ и древнѣйшимъ городамъ этого разряда принадлежитъ Зёстъ въ Вестфаліи; на зёстскомъ городовомъ правѣ основалось старинное право Любека, но уже до Фридриха II этотъ дѣятельный городъ успѣлъ пріобрѣсть имперскую вольность и большія привилегіи. Какъ любское право было признано и введено въ большей части городовъ при-балтійскихъ, такъ точно магдебургское городовое право распространилось въ нѣмецкихъ городахъ восточныхъ областей, занятыхъ Славянами [1].—Обозначеніе многихъ городскихъ властей именемъ консуловъ, которое изъ Италіи черезъ Францію перешло въ нѣмецкія, а потомъ и въ славянскія земли на востокѣ, не можетъ служить доказательствомъ постоянному существованію древне-римскаго городоваго порядка въ тѣхъ краяхъ; потому что падшіе римскіе города составляли только закладку, на которой романскіе и германскіе народы возвели совсѣмъ новое зданіе сообразно своимъ особымъ цѣлямъ и потребностямъ.

§ 339. 4) Крестовые походы пріумножили силу духовенства и богатство церкви. Такъ какъ религіозныя идеи, болѣе и болѣе возбуждаемыя и питаемыя движеніемъ крестовыхъ походовъ, господствовали надъ средневѣковымъ человѣкомъ вполнѣ, то естественно, что духовный чинъ, какъ носитель религіи и привратникъ царства небеснаго, пользовался

[1] Оттуда, черезъ Нѣмецкій орденъ въ Пруссіи, оно перешло и въ Польшу.

особеннымъ почетомъ. Поэтому папѣ удалось превознестись выше всѣхъ государей, князей и сильныхъ земли, духовенству—превзойдти всѣ прочія сословія въ значеніи и силѣ, а іерархіи — поставить церковь, какъ блюстительницу мира, порядка и нравственности, выше государства, составленнаго, какъ тогда говорилось, изъ нечестивыхъ стихій.—Точно также возрасло и достояніе церкви во время крестовыхъ походовъ. Вліяніе духовенства на души и умы повело ко множеству отказовъ и даровъ въ пользу монастырей и храмовъ; не мало пріобрѣло оно и дешевою куплею у нуждавшихся въ деньгахъ крестоносцевъ.—Если такое преобладаніе религіозныхъ и церковныхъ началъ надъ всѣмъ свѣтскимъ имѣло во многомъ спасительное и возвышающее вліяніе, то, съ другой стороны, мрачное изувѣрство, порожденное крестовыми походами, противъ всѣхъ разномыслящихъ и проявившееся самымъ ужаснымъ образомъ въ гоненіи еретиковъ вальденцевъ и альбигойцевъ, было крайне печальнымъ плодомъ слишкомъ возбужденной ревности о вѣрѣ.

Церковное землевладѣніе. Явная несоразмѣрность въ распредѣленіи недвижимой собственности, рѣшительно мѣшавшая гражданскому и промышленному развитію Германіи, произошла отъ того, что въ большей части областей того края клирики монастырей и другихъ церковныхъ учрежденій сдѣлались самыми богатыми землевладѣльцами и что при этомъ общественномъ переворотѣ исчезло великое множество вольныхъ собственниковъ. Такъ, ненасытность монаховъ Фульдскаго монастыря захватила мало-по-малу въ свои руки не менѣе 665 участковъ, какъ полныхъ крестьянскихъ дворовъ (съ усадьбою и пахотью), такъ и цѣлыхъ дачъ болѣе значительнаго объема; лежащіе въ рознь участки Корвейскаго аббатства простирались числомъ до 746, а въ писцовой книгѣ монастыря Лорша занесено было 3838 различныхъ вкладовъ и отказовъ. Пахотныя земля и луга, лѣса и виноградники, притомъ большею частью на самыхъ лучшихъ мѣстахъ, переходили такимъ образомъ въ неотчуждаемую собственность [1] (todte Hand, main morte). Точно

[1] Слѣдовательно исключались изъ общаго оборота и сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ, а это по отношенію къ землѣ всегда ведетъ рано или поздно къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ для общества: почтенный классъ свободныхъ земледѣльцевъ замѣняется мало-по-малу толпой совершенно зависимыхъ кортомщиковъ и черноработихъ.

такъ же умѣли расширить свою недвижимость и епископы. Цѣлыя графства стянули они подъ свой пастырскій посохъ и на эти новыя пріобрѣтенія распространили прежде полученныя льготы отъ всѣхъ лѣнныхъ службъ и земскихъ повинностей, отъ торговыхъ пошлинъ, ставки ратниковъ, работъ по наряду и т. д. При этомъ увеличили они также объемъ своихъ правъ, присвоивъ себѣ судъ и власть, принадлежавшія прежде графамъ, и пользуясь въ подвѣдомыхъ имъ мѣстечкахъ и городахъ рыночными сборами, правомъ битья монеты, высшимъ судомъ и другими императорскими преимуществами. Многія епископства, какъ наприм. Вюрцбургъ, Кёльнъ и друг., рано пріобрѣли достоинство и всѣ права герцогствъ. Вскорѣ епископы окружили себя наружнымъ блескомъ, придворными и слугами, подобно свѣтскимъ владыкамъ, и тогда знатные господа, графы и бароны явились уже ихъ лѣнниками и получали наслѣдственныя и почетныя званія при ихъ дворѣ.

§ 340. Въ 7 и 8 столѣтіяхъ одна изъ религіозныхъ партій на Востокѣ, партія павликіанъ (манихеевъ), отпала отъ догмата господствующей церкви и выдѣлилась изъ нея въ видѣ секты. Кровавыя гоненія привели многихъ сектаторовъ чрезъ Булгарію и Иллирію въ разныя края Запада, и среди всѣхъ возможныхъ притѣсненій, они удержались тамъ подъ именемъ катаровъ, равносильнымъ слову пуританинъ [1], которое усвоили потому, что считали себя избранною дружиной святыхъ и стремились къ очищенію или упрощенію церкви относительно догматовъ, богослужебныхъ обрядовъ и внѣшняго устройства.—Близкая по стремленію и цѣли къ катарамъ, но болѣе чистая въ своемъ образѣ жизни и свободная отъ примѣсей восточной фантазіи, возникла на Западѣ другая секта, которая долго укрывалась незамѣченною въ мирныхъ долинахъ верхнихъ Апеннинъ, пока въ 12 вѣкѣ одинъ богатыйліонскій купецъ Петръ Вальдо, роздавъ бѣднымъ все имущество, не привелъ ученія этой секты въ болѣе стройный видъ и не пособилъ дальнѣйшему ея распространенію: по его имени сектаторы и стали называться вальденцами (вальденщиной). Могуществу, роскоши и мірской суетности западнаго духовенства вальденцы противопоставляли ученіе о простотѣ и скудости апостольской, отвергали вер-

[1] Отъ греческаго καθαρος, чистый. Испорченное катаръ породило въ Германіи слово кетцеръ для обозначенія всѣхъ еретиковъ вообще.

ховное главенство папы, оспоривали выработанныя схоластиками (§ 322) положенія о причащеніи мірянъ подъ однимъ видомъ, о словесной исповѣди, о преосуществленіи и т. д., допускали только два таинства, крещеніе и евхаристію, и признавали свящ. писаніе единственныхъ источникомъ вѣры.

§ 341. Альбигойскія войны. Чѣмъ болѣе іерархія старалась насильственно поддержать единство церкви и безпощадно ограничивала личную свободу мысли и вѣрованія, тѣмъ болѣе распространялись начала обѣихъ сектъ, катарской и вальденской. Обозначенныя общимъ именемъ Альбигойцевъ (отъ города Альби [1]), эти секты пріютились на югѣ Франціи, въ Провансѣ и Лангедокѣ, гдѣ образовалось зажиточное среднее сословіе, гдѣ свободныя учрежденія и республиканское городовое управленіе породили независимость поступковъ и мысли, гдѣ, подъ прекраснымъ солнечнымъ небомъ, изъ остатковъ греко-римской культуры, слившихся съ германскими и испано-арабскими началами, возникла своеродная образованность, богатая легкою, остроумною поэзіей и практическою наукой, гдѣ веселая пѣснь провансальскаго трубадура вольно изливала свою желчь и сатирическую досаду противъ епископовъ и поповства. На альбигойцевъ и защитника ихъ, богатаго графа Раймонда Тулузскаго (VI), папа Иннокентій III не могъ смотрѣть равнодушно. Его требованіе, чтобы сектаторы немедленно возвратились въ лоно церкви, осталось безуспѣшнымъ, и даже посланный туда папскій легатъ былъ вѣроломно умерщвленъ. Тогда разгнѣванный папа приказалъ цистерціанскимъ монахамъ проповѣдывать противъ нихъ крестовый походъ, а владѣнія Раймонда отдалъ жестокосердому Симону, барону, потомъ графу, Монфорскому [2] (1205). Немедлено двинулись на цвѣтущую страну цѣлыя полчища дикихъ воиновъ, а передъ ними съ крестомъ въ рукѣ шли изувѣрные монахи; они раззоряли богатые

[1] По-латыни Альбига, Альба Аугуста. Нынѣ это главный городъ Тарнскаго департамента во Франціи, на лѣвомъ берегу рѣки Тарна. Бывъ съ 781 года отдѣльнымъ графствомъ, этотъ городъ съ его округомъ перешелъ въ 10 вѣкѣ во владѣніе графовъ Тулузскихъ: такъ и застала его Альбигойская война.

[2] Владѣльцу Монфоръ-л'Амори, въ нынѣшн. департаментѣ Сены и Уазы. Тамъ видны и теперь развалины замка, гдѣ родился Симонъ.

города, великолѣпные дворцы, гордыя твердыни замковъ, убивали праваго и виноватаго, зажигали страшные костры и наполнили весь край опустошеніемъ, рѣзней и грабительствомъ. Когда городъ Безьѐ былъ взятъ приступомъ и затруднялись распознать правовѣрныхъ отъ еретиковъ, тогда папскій легатъ рѣшилъ сомнѣнія: «Бейте всѣхъ», говорилъ онъ воинамъ: «Господь уже разберетъ своихъ!» Впослѣдствіи онъ хвалился тѣмъ, что, «какъ истый вѣстникъ гнѣва Божія, совершенно истребилъ городъ». Раймондъ долго не уступалъ противникамъ, но когда по смерти Монфора, Людовика VIII, король Французскій, принялъ, жаждя пріобрѣтеній, переданныя ему права и притязанія Монфорской фамиліи и продолжалъ борьбу съ еретиками, то преемникъ стараго графа, Раймондъ VII (замѣшанный притомъ въ возстаніи французскихъ вельможъ противъ малолѣтнаго еще Людовика и его правительницы-матери, Бланки Кастильской), вынужденъ былъ покориться и заключить миръ, по которому онъ уступилъ королю большую часть своихъ владѣній [1] (1226). Но двадцатилѣтняя раззорительная война уничтожила высокое процвѣтаніе южной Франціи; этотъ край превратился въ настоящую пустыню, и веселыя пѣсни трубадуровъ умолкли навсегда. Сословіе коренныхъ туземныхъ господъ было истреблено, и надъ дымящимися развалинами, надъ стогнами, упитанными кровью, развѣвалось побѣдное знамя римской іерархіи.—Спустя немного лѣтъ такая же истребительная война постигла, по требованію епископовъ бременскаго, рацебургскаго и друг., отважную крестьянскую республику фризскихъ Стединговъ [2] на рѣкѣ Гунтѣ (притокѣ Везера). Ихъ сопротивленіе захватамъ, какіе позволяли себѣ духовные и свѣтскіе князья въ ущербъ ихъ древнимъ правамъ и вольностямъ, объявлено было ересью,

[1] Симонъ Монфоръ, овладѣвъ землями графа Тулузскаго, призналъ себя ленникомъ Людовикова отца, Филиппа-Августа; но эти земли были имъ вскорѣ потеряны, и сынъ Монфора, послѣ тщетныхъ усилій отнять ихъ у Раймонда VII, уступилъ свои права Людовику.

[2] Это были выходцы изъ Фризландіи, поселившіеся въ нынѣшнемъ Ольденбургскомъ округѣ Дельменгорстѣ, и когда вольная колонія ихъ пришла въ цвѣтущее состояніе, то графъ и епископы разсудили обложить ихъ податью и другими повинностями. Сопротивленіе ихъ было представлено папѣ въ видѣ ереси и онъ разрѣшилъ положить ей конецъ крестовымъ походомъ.

поражено проклятіемъ и интердиктомъ и наконецъ подавлено войной. Во главѣ этого крестоваго похода стоялъ графъ Ольденбургскій, окруженный множествомъ брабантскихъ, голландскихъ и другихъ сосѣднихъ господъ съ ихъ васаллами. Тщетно храбрые поселяне геройски боролись противъ своихъ враговъ и положили графа Ольденбургскаго съ 4000 его рейтаровъ; превосходная сила и лучшее вооруженіе рыцарскаго войска, а сверхъ-того и удобная для дѣйствій конницы мѣстность доставили окончательную побѣду господамъ (1232). Стединнгенцы погибли частію въ бою, частію въ рѣкѣ Везерѣ и при наводненіи, которому непріятель подвергъ ихъ жилища раззореніемъ плотинъ; край былъ опустошенъ совершенно, стада рогатаго скота угнаны, женщины, дѣти и старики перебиты. Тѣ, кто успѣлъ какъ-нибудь спастись, примкнули къ другому фризскому племени, Рюстрингенцамъ, а землями ихъ завладѣлъ бременскій архіепископъ. — Строгіе законы на еретиковъ и врученіе инквизиціоннаго суда новоучрежденному ордену доминиканцевъ (§ 321) должны были оградить единство церкви на вѣчныя времена. Но мѣра эта возбудила такое негодованіе въ Германіи, что раздраженный народъ умертвилъ перваго же инквизиціоннаго судью, Конрада Марбургскаго (1233), который, «заодно съ недобрыми людьми» и одушевляемый «священной яростью», началъ очень строго дѣйствовать въ Саксоніи, Гессенѣ и Тюрингенѣ; никто не хотѣлъ быть его преемникомъ, особенно послѣ того какъ въ слѣдующемъ году такая же участь постигла двухъ главныхъ его пособниковъ. Такъ инквизиція и исчезла съ германской почвы. Память о кровавомъ религіозномъ гоненіи того времени живетъ еще въ имени «Кетцербаха» (т. е. ручья еретиковъ) близь Марбурга.

§ 342. Орденъ нѣмецкихъ рыцарей въ при-балтійскихъ краяхъ. Долго сопротивлялись введенію христіанства и гражданственности дикіе обитатели балтійскихъ береговъ отъ Вислы до устья Невы, принадлежавшіе къ племени Эстовъ, отличному отъ другихъ своимъ языкомъ и особенностями, и распадавшемуся на Пруссовъ, Куровъ, Литву (Леттовъ) и Ятвяговъ (Яцвинговъ) [1].

[1] Авторъ пропустилъ здѣсь Ливь (Лифь), также говорившую особымъ нарѣчіемъ общаго Эстскаго языка, и давшую названіе Лифляндіи.

Они умертвили (997) перваго апостола своей земли, благочестиваго епископа Адальберта пражскаго (§ 292), и въ дикой независимости вели, по обычаю предковъ, почти кочевую жизнь. Не хотѣли они знать ни епископовъ, ни десятины, ни строенія церковнаго; но по времени нашли къ нимъ доступъ промышленные торговцы и ремесленники изъ Вестфаліи и нижней Саксоніи. При Иннокентіи III приняты были рѣшительныя мѣры къ обращенію ихъ въ христіанство; отважный бременскій каноникъ, Альбертъ фонъ-Апельдернъ, ставъ епископомъ лифляндскимъ, учредилъ (1202) для скорѣйшаго достиженія своей цѣли, въ союзѣ съ папою, орденъ меченосцевъ (братьевъ-мечниковъ), которыхъ рыцарской силѣ и вооруженію не могъ успѣшно сопротивляться непривычный къ тому сельскій людъ. Рига и Ревель сдѣлались разсадниками христіанской гражданственности, къ которой у туземцевъ долго еще не лежало сердце. Король Филиппъ возвелъ рижскаго епископа въ князья Нѣмецкой имперіи и въ силу императорской власти пожаловалъ всю Лифляндію ему въ лэнъ (1206). Около того же времени одинъ нѣмецкій монахъ изъ монастыря Оливы [1] поставленъ былъ первымъ епископомъ въ Пруссію (1215). Но какъ жившіе тамъ Летты никакъ не хотѣли отстать отъ своихъ идоловъ и своей дикой независимости, и безпощадно избивали проповѣдниковъ и приверженцевъ христіанства, то, заодно съ герцогомъ Конрадомъ Мазовецкимъ, епископъ призвалъ на помощь орденъ Нѣмецкихъ рыцарей (§ 308). Имъ отведена такъ-называемая Кульмская земля [2] (по-польски Хелмно), и такъ какъ папа надѣлилъ воиновъ на Вислѣ тѣми же духовными дарами и благословеніями, какъ и поборниковъ вѣры на Іорданѣ, то число рыцарей возрастало годъ отъ года, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ небесными благами представлялись тамъ и стяжанія земныя. Мужественно отстаивали туземцы свою вольную волю и народность, свою религію и собственность противъ пришлыхъ чужаковъ; но, раздробленные на множество народцевъ и не умѣя сомкнуться въ одинъ общій союзъ, они послѣ 54-лѣтней кровавой борьбы уступили превосходной силѣ образованія и меча закаленныхъ въ бою рыцарей. Медленно, но непрерывно проникали

[1] Мѣстечко въ Данцигскомъ округѣ, съ древнимъ и великолѣпнымъ цистерціанскимъ аббатствомъ, которое въ 1829 г. упразднено. Олива знаменита по миру, заключенному здѣсь въ 1660 г. между Польшею и Швеціей.

[2] Въ Прусскомъ округѣ Марізнвердерѣ.

въ глубь страны искусства и гражданственность той эпохи; чуждые завоеватели прорубили лѣса, осушили болота, уничтожили дикость естественнаго быта, свободу и фетишизмъ (шаманство) коренныхъ жителей, пересадили въ Пруссію нѣмецкіе нравы, образованіе и языкъ, основали крѣпкіе замки, города и монастыри, учредили на нѣмецій ладъ помѣстья и епископства. Языкъ, обычаи, свобода и національность туземцевъ должны были уступить даже тамъ, гдѣ не было истреблено самое населеніе. Меченосцы, потерпѣвъ тяжкое пораженіе отъ Литвы, искали и достигли сліянія съ Нѣмецкимъ орденомъ (1237), а это внесло болѣе единства и обдуманности въ дѣло онѣмеченія края и распространенія въ немъ христіанства. По мѣрѣ какъ слабѣло одушевленіе къ крестовымъ походамъ, умножались переселенія въ плодоносныя низины Вислы и Нѣмана, представлявшія менѣе опасности и вѣрнѣйшую добычу. Храбрые орденскіе рыцари и досужіе ремесленники толпами тянулись къ Балтикѣ; первые, въ союзѣ съ сосѣдними государями Бранденбургскимъ, Богемскимъ и друг., покоряли языческія племена и истребляли огнемъ и мечемъ ихъ идоловъ, обычаи и порядки завѣтной старины; вторые—закладывали основанія городскихъ общинъ съ гражданскою свободой и германскими учрежденіями. Съ помощью дѣятельныхъ торговцевъ бременскихъ, любскихъ и друг., Нѣмецкіе рыцари основали города Кульмъ, Торнъ, Эльбингъ, Кёнигсбергъ (т. е. Королевецъ—въ честь короля Оттокара Богемскаго) и проч., гдѣ трудолюбіе и умѣнье Германцевъ вскорѣ породили высокое благоденствіе и гдѣ достаточный средній классъ зажилъ счастливо подъ вольнымъ самоуправленіемъ и подъ защитою городовыхъ правъ [1]. За то, куда тягостенъ былъ жребій побѣжденныхъ! Орденскіе рыцари были полными владыками: кто обѣщалъ имъ вѣрность, послушаніе и воинскую службу, тотъ владѣлъ своей собственностью безданно, безпошлинно; напротивъ, землевладѣльцы, покоренные только силою оружія, равно какъ и все многочисленное крестьянство, были обращены въ обязанныхъ или крѣпостныхъ. Десятина платилась епископскимъ столамъ, замѣщаемымъ также членами ордена. Между тѣмъ предстояли еще

[1] Кульмское право, которому основаніе положено тарханною граматой гохмейстера Нѣмецкихъ рыцарей, Германа Балка (1233), распространилось по всей западной Пруссіи и значительной части Польши. Оно преимущественно заимствовано изъ саксонскаго, любскаго и магдебургскаго правъ.

кровавыя борьбы съ сосѣдними народами. Страшное пораженіе Нѣмецкихъ рыцарей Русскимъ великимъ княземъ Александромъ Невскимъ (1242), на льду Пейпуса (Чудскаго озера), положило предѣлъ ихъ завоеваніямъ на сѣверо-востокъ; дикіе, долго враждебные христіанству Литовцы нанесли имъ тяжелый ударъ при р. Дурбѣ [1] (1261); наконецъ и Пруссы, возставъ общимъ бунтомъ, отплатили своимъ побѣдителямъ дикими злодѣйствами. Но окончательное торжество все-таки осталось за силой и стойкостью орденскихъ рыцарей, которыхъ непрерывно подкрѣпляли новые приливы переселенцевъ и которые, со времени пріобрѣтенія Малой Помераніи по обѣимъ берегамъ Вислы, съ цвѣтущимъ торговымъ городомъ Данцигомъ (1309), учредили главное свое пребываніе въ Маріэнбургѣ. Каждый годъ изъ той или другой христіанской земли являлись владѣтельныя особы, господа и рыцари, «гостями» въ Пруссію, «поохотиться» съ Нѣмецкимъ орденомъ на язычниковъ. Послѣ многихъ кровопролитій, орденъ совокупилъ свои владѣнія въ одну сплошную территорію отъ Одера до Финскаго залива. Это былъ предкрасный, богатый край, полный цвѣтущихъ торговыхъ городовъ и зажиточныхъ нѣмецкихъ колоній и приносившій рыцарямъ большія суммы отъ таможенныхъ и пошлинныхъ сборовъ и дохода съ господскихъ маетностей; прибыльный (весьма древній) торгъ янтаремъ составлялъ коронное право ордена. Но, по совершенномъ обращеніи смежныхъ странъ къ христіанству, прекратились новые приливы крестовыхъ рыцарей, между тѣмъ какъ непрерывныя борьбы съ Польшею и Литвою и духъ крамолъ, порожденный возрастающею силой нѣкоторыхъ знатныхъ родовъ, ослабилъ могущество ордена, и когда его гохмейстеръ (или великій магистръ) погибъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ всего рыцарства въ кровавомъ сраженіи при Таннебергѣ [2], а невѣрные подданцы воспользовилась этимъ пораженіемъ, чтобы отложиться, онъ былъ наконецъ вынужденъ поставить себя подъ защиту Польши (1410). «Нигдѣ, ни въ какой странѣ», говоритъ одна орденская лѣтопись, «не слыхано такой невѣрности и «такого быстраго поворота, что вся Прусская земля за одинъ мѣ-

[1] Въ Курляндіи.

[2] Деревня въ Кенигсбергскомъ округѣ. Замѣчательно, что въ этомъ сраженіи, на которое Польскій король Владиславъ II привелъ многочисленное разноплеменное войско, былъ между прочимъ съ отрядомъ Чеховъ и столь знаменитый впослѣдствіи предводитель гусситовъ, Жишка.

«сяцъ стала покорна королю. Да не проститъ имъ того Богъ до скончанія вѣка». Раздоръ у рыцарей съ городами и своевольство членовъ ордена, которые смѣнили даже храбраго гохмейстера Генриха фонъ-Плауэна (1414) за то, «что онъ, въ своемъ упорствѣ, только и мѣтитъ на новую войну съ Польшей»,—разумѣется, не пособили дѣлу. И сокрушился, наконецъ, «крѣпкій щитъ»; постыднымъ миромъ въ Торнѣ (1466) орденъ вынужденъ былъ уступить Польшѣ лучшія свои владѣнія (Малую Померанію, Кульмскую землю, Эльбингъ, Маріэнбургъ), послѣ чего гросмейстеръ перенесъ свое мѣстопребываніе въ Кёнигсбергъ и съ этихъ поръ находился уже въ прямой зависимости отъ Польши.

§ 343. Образованность и литература въ эпоху крестовыхъ походовъ.—1) Исторіографія. Крестовые походы такъ сильно двинули впередъ рыцарское сословіе, что оно стало состязаться съ духовенствомъ въ поэзіи, литературѣ и наукѣ, и даже перещеголяло его по тѣмъ отраслямъ духовной дѣятельности, въ которыхъ можно было обойдтись живымъ отечественнымъ языкомъ. Одна только строго-латинская ученость осталась во всѣ средніе вѣка исключительнымъ достояніемъ церкви. И это особенно относится къ исторіи. Латинскія хроники и лѣтописи (анналы) обработывались одними только духовными; за то французская литература имѣетъ въ Вилльардуэнѣ и Жуанвилѣ историческія записки о времени крестовыхъ походовъ, а Испанцы обладаютъ въ Мунтанерѣ († послѣ 1330), Французы — въ Фруасарѣ (1335—1400) и Флорентинцы—въ Рикордано Малеспини († 1281) хрониками на отечественномъ языкѣ, которыя своимъ интересомъ и достоинствомъ далеко превосходятъ бо̀льшую часть остальныхъ произведеній той эпохи [1]. Церковно-латинская исторіографія отличалась, въ общемъ духѣ времени, необыкновенною способностью вѣрить, и въ особенномъ духѣ церкви—даромъ крѣпко вѣровать въ чудеса. Изслѣдованіе по источникамъ было явленіемъ очень рѣдкимъ, критика—совершенной необычайностью, а языкъ и слогъ были бо̀льшею частію неуклюжи, безвкусны и риторски-надуты.

По церковно-латинской исторіографіи особаго упоминанія заслуживаютъ: а) въ Англіи, Вильгельмъ Момсбёри (Malmsbury

[1] Замѣчательна еще хроника Венеціанца Мартина да-Канале, писанная въ 13 столѣтіи на французскомъ языкѣ.

† 1143), авторъ Исторіи англійской церкви и англійскихъ королей до Генриха I, которая, не смотря на свою риторическую форму, отличается правдолюбіемъ и основательностью, — плодъ истинно бенедиктинскаго [1] труда; и другъ короля Генриха III, свободномыслящій монахъ Матвѣй Парисъ († 1259), который въ своей Исторіи Англіи съ 1066 по 1259 г. съ безпощадной рѣзкостью и полною откровенностью изображаетъ и коритъ развратъ духовенства, вымогательства папъ, пороки и слабости великихъ міра; б) во Франціи, Вильгельмъ Тирскій, историкъ крестовыхъ походовъ и Святой Земли, имѣющій всѣ качества хорошаго писателя. Съ основательнымъ знаніемъ древней литературы соединяетъ онъ свѣдѣнія въ восточныхъ и западныхъ языкахъ, вѣрный взглядъ на событія, которыхъ въ извѣстной мѣрѣ онъ самъ былъ свидѣтелемъ или участникомъ, и притомъ—простой и ясный слогъ, такъ что трудъ его, рано переведенный на отечественный языкъ, сдѣлался любимымъ чтеніемъ народа; в) въ Германіи, Оттонъ Фрейзингенскій († 1158), двоюродный братъ Конрада III, человѣкъ, знавшій всѣ языки и науки своего времени и столько же отличавшійся между современниками обширной ученостью, какъ и знатностію рода. Его Временникъ (Zeitbuch)—одинъ изъ главныхъ источниковъ средневѣковой исторіи и особенно важенъ по двумъ послѣднимъ книгамъ, повѣствующимъ о дѣяніяхъ Фридриха I, такъ какъ онъ выступаетъ здѣсь очевидцемъ и соучастникомъ, а между тѣмъ чуждъ предразсудковъ и лицепріятія. Вездѣ въ немъ виденъ человѣкъ образованный и знатнаго рода, сынъ той эпохи, когда Германія и Италія были обѣ въ цвѣту, и когда послѣдняя выдерживала отчаянную борьбу за свободу. Онъ располагаетъ событія съ большимъ соображеніемъ, стиль его чисто-римскій, хотя и не слѣпокъ ни съ одного изъ римскихъ писателей; въ оцѣнкѣ своихъ и чужихъ нравовъ и учрежденій выказывается у него тонкое чутье.

Литературный родъ, извѣстный подъ именемъ записокъ, достопамятностей, мемуаровъ, особенно процвѣталъ во Франціи. Они изображаютъ житье-бытье какого-нибудь лица, замѣшаннаго въ исторію своего времени, и служатъ важнымъ пособіемъ, источникомъ и дополненіемъ для настоящаго бытописанія, содержа въ себѣ множество подробностей, поясненій, признаній, разговоровъ и т. п.,

[1] Ученое трудолюбіе бенедиктинцевъ вошло въ поговорку.

открывая побужденія, цѣли и средства разныхъ дѣятелей и обнаруживая такимъ образомъ натуру, характеръ и особенныя свойства исторически-замѣчательныхъ лицъ. При этомъ, своимъ легкимъ изложеніемъ, оживленнымъ анекдотами, остротами и подробными описаніями, они гораздо занимательнѣе для чтенія, нежели важно-поучающая исторія. Къ этой отрасли литературы по преимуществу относятся записки Вилльардуэна и Жуанвиля, двухъ французскихъ рыцарей изъ Шампаньи, которые съ удивительной наивностью, естественностью и простотою разсказали намъ событія четвертаго и шестаго крестовыхъ походовъ, въ которыхъ сами они участвовали,—и разсказали народнымъ языкомъ своей эпохи, который не смотря на многія испытанныя имъ перемѣны въ слѣдующихъ вѣкахъ, все еще остается въ высшей степени интереснымъ и замѣчательнымъ.

Вилльардуэнъ диктовалъ исторію четвертаго крестоваго похода своему каплану (§ 323), не умѣя самъ писать, но успѣлъ сообщить своему изложенію такую истинность выраженія и чувства, что читая его трудъ, воображаешь видѣть передъ собою драму, въ которой маршалъ играетъ одну изъ главныхъ ролей. Не подозрѣвая ничего дурнаго, онъ такъ же открыто выдаетъ взглядъ рыцарства на корысть, жажду хищничества и свирѣпой рѣзни, какъ трогательно высказываетъ истинное благочестіе, набожность и глубокую, тѣмъ болѣе сильную вѣру, чѣмъ менѣе примѣшивается къ ней разсудочнаго пониманія. Важнѣе по изложенію, стилю и языку Жуанвилева († 1318) Исторія и хроника св. Людовика. Трудъ его подвергся многимъ искаженіямъ въ позднѣйшее время; тѣмъ не менѣе его тонъ и простосердечіе манеры въ цѣломъ повѣствованіи такъ явно обличаютъ духъ времени, когда именно писалъ Жуанвиль, что въ истинѣ и вѣрности его картинъ точно такъ же не можетъ быть сомнѣнія, какъ и насчетъ разсказовъ Гомера и Геродота. При всей своей религіозности и простотѣ вездѣ обнаруживаетъ онъ гораздо болѣе здраваго политическаго смысла, нежели святой король, котораго жизнь онъ изображаетъ, и естественный ходъ его разсказа безъ всякаго искусственнаго раздѣленія и группировки проводитъ у васъ передъ глазами всѣ явленія той эпохи съ ихъ причинами и послѣдствіями.

Въ томъ же духѣ написалъ въ слѣдующемъ столѣтіи Фруасаръ свою Исторію и хронику съ 1326 по 1400 г.,—годъ его смерти,

Воспитанный для духовнаго званія, онъ достигъ своимъ даромъ разсказывать, остроуміемъ и затѣйливостью въ веселомъ обществѣ благорасположенія государей и вельможъ, такъ что королева Англійская взяла его къ себѣ въ секретари и онъ въ теченіе своей непосѣдной жизни постоянно водился съ знатными лицами. Всѣ упоминаемые имъ въ исторіи края и мѣстности извѣстны ему наглядно по наблюденіямъ во время обширныхъ путешествій; ему лично знакомы бо̀льшая часть людей, о которыхъ онъ говоритъ, и, при этомъ, онъ обладаетъ необыкновенной ловкостью разсказа, такъ что Исторія его и по содержанію и по мастерскому изложенію является важнѣйшимъ трудомъ средневѣковаго бытописанія, хотя форма ея и тонъ сильно напоминаютъ рыцарскіе романы той эпохи. Младшій современникъ Фруасара, Филиппъ де-Коминъ (1445—1509), благодаря своимъ превосходнымъ Запискамъ, сталъ однимъ изъ главнѣйшихъ основателей новой исторіографіи (§ 381); этотъ дѣльный, тщательно-выработанный трудъ написанъ и языкомъ чрезвычайно ловкимъ.

Фруасаръ безпокоенъ, тревоженъ и рьянъ, какъ и самое время, котораго нравы и обычаи онъ такъ мастерски изображаетъ. Всѣ отношенія рыцарства выступаютъ у него наглядно передъ читателемъ: вы видите ополченіе перваго и потомъ втораго сбора въ самомъ дѣйствіи; аттака и оборона укрѣпленныхъ мѣстъ, способъ ихъ укрѣпленія, вылазки, перестрѣлки, боевые строи, суда, морская часть и морскія сраженія, орудія, вооруженіе, словомъ все обрисовывается такъ легко и такъ подробно, какъ будто у Гомера. Вызовы на поединокъ, предшествующіе имъ обѣты, сѣчи на жизнь и смерть, бои на копьяхъ, турниры, въѣзды государей, великолѣпные праздники, балы, наряды и проч. описываются исторически съ такою же заботливостью и точностью, съ какою авторъ хроники привыкъ описывать эти вещи въ своихъ пѣсняхъ и романахъ для дамъ. При этомъ нѣтъ у него недостатка ни въ серьозномъ взглядѣ, ни въ философіи и религіозности.

У Итальянцевъ первую исторію на отечественномъ языкѣ написалъ Рикордано Малеспини. Его Флорентинская исторія, доходящая до послѣдняго года жизни автора (1281) и проведенная пять лѣтъ далѣе его племянникомъ Джакетто, полна чудесныхъ сказаній объ основаніи и первоначальныхъ судьбахъ Флоренціи и обличаетъ такъ же мало политическаго характера, какъ и исто-

рическаго смысла. Но какъ въ сказаніяхъ содержится любопытное сочетаніе стараго съ новымъ, то, благодаря этому, мы и въ исторіографіи приходимъ къ тому же самому заключенію, къ какому приводятъ насъ искусство и наука, именно къ тому, что и литература и государства Италіи зиждутся на развалинахъ древне-римскаго быта. Первобытная исторія Флоренціи у Малеспини примыкаетъ съ своимъ матеріаломъ къ римскому историческому преданію. Въ этомъ смыслѣ древнѣйшія бытописанія Итальянцевъ имѣютъ сходство съ трудами логографовъ эллинскихъ (§ 76 б.). Принадлежа къ партіи гвельфовъ, Малеспини не одержимъ однакожь политическою запальчивостью тѣхъ временъ. Онъ и всѣ бытописатели ближайшей эпохи черпали изъ многочисленныхъ «памятей» (ricordanze) или семейныхъ хроникъ, записокъ и отмѣтокъ разныхъ патриціанскихъ родовъ Флоренціи.—Значительнѣе Малеспини соотечественникъ его, Дино Кампаньи, написавшій Исторію или хронику Флоренціи съ 1280 по 1312. Сжатая, часто темная краткость его изложенія напоминаетъ Ѳукидида. Исторію своего роднаго города писалъ онъ на память, слѣдовательно имѣлъ болѣе въ виду внутренній ходъ и прагматическую связь, нежели внѣшнюю точность хронологіи и полноту событій. По цѣлому труду, выдержанному съ важностью и достоинствомъ, мѣстами даже съ нѣкоторою строгостью, разлито чувство патріотизма и національнаго самосознанія, которое придаетъ ему извѣстную теплоту. Сильно вовлеченный въ политическія борьбы бѣлыхъ, bianchi (гибеллиновъ), съ чёрными, neri (гвельфами), Дино Кампаньи, подобно современнику своему Данте, стоялъ за первыхъ и съ глубокой скорбію порицалъ страшный упадокъ нравовъ, патріотизма и гражданской доблести, порожденный этою усобицей. Противуположнымъ ему во многихъ отношеніяхъ является историческій трудъ Флорентинца Джованни Виллани, который къ исторіи своего роднаго города, составляющей ядро его интересной книги, привязываетъ еще современныя событія на Востокѣ, во Франціи и въ Англіи (§ 351).

Въ Испаніи Альфонсъ X, Мудрый, стремился къ чести сдѣлаться творцомъ полной исторіографіи, точно такъ же какъ онъ началъ новую эпоху въ области астрономическихъ знаній. Онъ взялъ къ себѣ на жалованье ученыхъ, которые должны были заготовлять документы и лѣтописи для испанской хроники и для всеобщей исторіи такъ точно, какъ арабскіе и еврейскіе астрономы обрабо-

тали для него Альфонсовскія небесныя таблицы. Хотя старанія его по части исторіографіи и не увѣнчались одинаковымъ успѣхомъ, все же онъ далъ ей по крайней мѣрѣ то направленіе къ древнеклассическому, которое и въ Испаніи, и въ Италіи принесло такіе прекрасные плоды. Въ началѣ 14 вѣка Каталонецъ Энъ Рамонъ Муntаперъ написалъ, въ духѣ Жуанвиля, свою исторію великихъ дѣлъ государей Арагонскаго дома до вступленія на тронъ Альфонса IV, въ которую вошла по большой части и его собственная жизнь, такъ какъ онъ почти вездѣ повѣствуетъ какъ очевидецъ и соучастникъ. Отъ этой безпритязательной хроники вѣетъ чисто-эпическимъ духомъ, а непосредственность, наивность и совершенная естественность придаютъ ей такое очарованіе и такую свѣжесть, что ихъ не замѣнить никакими искусственными средствами.

Великій канцлеръ Кастильи Педро Лопесъ де Аяла старался въ началѣ 15 столѣтія сдѣлаться для своихъ соотечественниковъ вторымъ Ливіемъ; того, что ему не удалось, достигъ въ исходѣ того вѣка историкъ славной эпохи Фердинанда и Изабеллы, Фернандо де Пульгаръ († около 1490), совершивъ трудъ, всѣми признанный классическимъ и читаемый народомъ донынѣ. Онъ не только вполнѣ владѣетъ историческимъ слогомъ, не только отличается большимъ краснорѣчіемъ въ описаніи событій и въ похвалахъ достославнымъ дѣламъ, но неподкупная правдивость его и точность таковы, что невольно внушаютъ довѣріе къ нему всѣмъ соотечественникамъ. По стопамъ его пошелъ въ 16 вѣкѣ испанскій Саллюстій Діэго Гуртадо де Мендоса, котораго Исторія Гранадской войны считается образцомъ историческаго изложенія.

2) Школьная ученость. Не только богословскія и философскія свѣдѣнія, но и знанія практическія, а также естественныя науки со всѣми родственными имъ отраслями были и остались исключительной принадлежностью духовенства. Но для этой области крестовые походы открыли новый періодъ расширеніемъ общаго кругозора и пріобрѣтеніемъ богатаго запаса свѣдѣній и опытовъ. Живое общеніе съ Востокомъ поставило западныхъ ученыхъ въ непосредственную связь съ Греками и Арабами, далеко опередившими ихъ не только въ грамматикѣ и философіи, но и въ естественныхъ наукахъ, во всѣхъ житейскихъ искусствахъ и знаніяхъ. Стали учиться по-гречески и тѣмъ достигли возможности читать въ подлинникѣ, переводить и распространять творенія Аристотеля, которыя знали до

тѣхъ поръ только черезъ посредство Арабовъ, и это дѣлалось особенно подъ покровительствомъ Фридриха II, благосклонствовавшаго наукамъ и художествамъ. Посѣщая цвѣтущія арабскія училища, познакомились ближе съ областью опытныхъ наукъ, которымъ Арабы предпочтительно посвящали свое вниманіе. Такимъ образомъ Греки и могаммедане сдѣлались наставниками Запада, а сочиненія ихъ—обильнымъ источникомъ образованія и познаній. Собираемая въ дальнихъ странствіяхъ мудрость Востока, прилежное изученіе Грековъ и Арабовъ озарили свѣтомъ монастырскую тьму и породили болѣе ясный взглядъ на всѣ отношенія жизни. При возбужденномъ крестовыми походами великомъ общеніи народовъ между собою и при повсюдномъ употребленіи, для ученыхъ цѣлей, латинскаго языка, школьное образованіе во всѣхъ краяхъ западной Европы сдѣлалось общимъ достояніемъ ученыхъ и вслѣдствіе того получило вездѣ характеръ однообразія. У всѣхъ націй становилось извѣстнымъ то, что Іоаннъ Салисбёрійскій и Рожеръ Бѐконъ высказали въ Англіи, Альбертъ Великій—въ Германіи, и Венсанъ де Бовѐ (Vincent de Beauvais)—во Франціи.

Іоаннъ Салисбёрійскій (1110—1180), вліятельный государственный человѣкъ при Генрихѣ II, по дѣламъ котораго онъ между прочимъ ѣздилъ въ Римъ, былъ просвѣщенный, богатый свѣдѣніями клирикъ. Въ письмахъ, отличающихся чистотою языка, онъ является человѣкомъ мыслящимъ, хорошо знающимъ свѣтъ и людей; въ сочиненіи, подъ заглавіемъ Металогикъ, онъ порицаетъ безплодное изученіе схоластики и діалектики, а въ третьемъ своемъ трудѣ, Поликратикѣ, содержащемъ въ себѣ мысли о разныхъ предметахъ и замѣчанія о жизни и наукѣ, высказывается онъ очень вольно насчетъ духовенства и папъ. Противникомъ школьной мудрости и утонченныхъ схоластическихъ затѣй былъ, подобно Іоанну Салисбёрійскому, и соотечественникъ его, знаменитый естествовѣдъ и математикъ Рожеръ Бѐконъ (1214—1294). Онъ зналъ греческій, арабскій и еврейскій языки, былъ хорошимъ наблюдателемъ природы и звѣзднаго неба и отличнымъ преподавателемъ опытной физики, особенно оптической ея части; хотя, платя дань своему вѣку, онъ самъ вѣрилъ въ магію и астрологію, однакожь долженъ былъ выстрадать въ монастырской тюрьмѣ настойчивость и смѣлость своихъ изслѣдованій въ области естествознанья. —Альбертъ Великій († 1280), прославленный учитель философіи въ Страсбургѣ, Пари-

жѣ и Кёльнѣ и временно—епископъ регенсбургскій, былъ родомъ Швабъ. Свѣдѣнія его въ естественныхъ наукахъ были такъ обширны, что современники почитали его за колдуна и дивовались имъ какъ чудомъ премудрости. Его сочиненія, наполняющія собою 21 фоліантъ, служатъ доказательствомъ, что онъ обладалъ всѣмъ міромъ человѣческаго знанія не только умозрительно и вообще, но практически и во всѣхъ частныхъ подробностяхъ. Кромѣ богословія и философіи, онъ вслѣдъ за Аристотелемъ обратилъ свой умъ и свое трудничество на естественную исторію и оказалъ важныя услуги какъ ботаникѣ, такъ и ученію о царствѣ животныхъ.—Венсанъ де Бовѣ († 1264), прилежный собиратель, излагаетъ въ своей энциклопедіи, названной имъ Всемірнымъ зеркаломъ, историческія, философскія и естественныя науки [1].

3) Средневѣковое правосудіе. А. Римское право. Когда, при великомъ переселеніи народовъ, германскія племена, всѣ державшіяся начала личнаго права, покорили области Западной имперіи, тогда для старожиловъ были сохранены римскіе законы и приговоры, между тѣмъ какъ завоеватели судились по своимъ старымъ племеннымъ правамъ. Со временемъ нѣкоторые короли указали составить краткіе сборники законовъ, которые должны были служить и для прежнихъ обитателей и вмѣстѣ для новосельцевъ. Хотя эти сборники почерпались преимущественно изъ римскаго законодательства, они однакожь не могли вытѣснить вполнѣ первобытное рим-

[1] Знатокъ дѣла, ученый авторъ Христіанской иконографіи, г. Дидронъ, смотритъ на трудъ Венсана, составленный имъ по порученію Людовика Святаго, какъ на одинъ изъ самыхъ геніальныхъ опытовъ распредѣленія и изложенія наукъ. Начиная съ ученія о Богѣ, авторъ переходитъ къ днямъ Его творенія и при каждомъ сообщаетъ тѣ свѣдѣнія, до которыхъ дошла въ его время наука относительно различныхъ предметовъ созданія. Грѣхопаденіемъ Адама оканчивается область естественныхъ наукъ. За тѣмъ слѣдуетъ изложеніе способовъ, дарованныхъ человѣку для того, чтобъ искать пути къ своему исправленію; здѣсь говорится о языкѣ, грамматикѣ, логикѣ, риторикѣ, математикѣ, музыкѣ, астрономіи, и обо всѣхъ другихъ наукахъ и искусствахъ, въ примѣненіи ихъ къ житейскимъ потребностямъ. Это знанія учительныя. Человѣкъ теперь знаетъ, но этого мало: онъ долженъ дѣйствовать, а тутъ ему нужны нравственныя качества и добродѣтели, къ которымъ и переходитъ авторъ. Далѣе представляетъ онъ пройденное человѣкомъ поприще дѣятельности—исторію, и доводитъ ее до 1244 г., когда самъ онъ жилъ и писалъ. Но, будучи католикомъ въ душѣ, онъ не могъ остановиться на томъ, что знаетъ; онъ говоритъ еще о кончинѣ міра и о явленіяхъ, какія должны ей предшествовать. Здѣсь онъ заключаетъ свой трудъ, и вы чувствуете, что далѣе лежитъ уже одна вѣчность, какъ бы только прерванная на одинъ мигъ сотвореніемъ міра и исторіей человѣчества.

ское право. Таковы были уложенія Остгота Теодориха (§ 245). Бургундскаго короля Сигисмунда (ок. 525 г.) и Breviarium Alaricum Вестгота Аларіха въ Испаніи. Благодаря завоеваніямъ Юстиніана (§ 251 и слѣд.), Corpus juris сдѣлался господствующимъ и въ Африкѣ, и въ Италіи. Изъ первой вытѣснили его Арабы (§ 262), но въ послѣдней держался онъ рядомъ съ древнеримскимъ правомъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и служилъ основою юридическому обученію въ школахъ права болонской и падуанской (§ 314).— Въ Галліи право разнообразилось по областямъ. На югѣ господствовало древнеримское законодательство, пока присоединился къ нему Юстиніановъ кодексъ; въ Аквитаніи удержанъ былъ Breviarium Alaricum, введенный туда испанскимъ владычествомъ, а въ сѣверной Галліи утвердилось обычное право Франковъ (droit coutumier).— Черезъ тогдашнихъ правоучителей, называвшихся глосаторами, римское и юстиніановское право распространилось мало-по-малу въ большей части европейскихъ странъ, частію какъ прямо вспомогательное, частію въ смыслѣ писаннаго разума, какъ существенный источникъ, частію наконецъ какъ предметъ школьнаго преподаванія для подготовки къ изученію туземныхъ правъ. Римское право проникло также въ Германію и въ сѣверную Европу, хотя здѣсь не было къ нему такой воспріимчивости, какъ въ странахъ, которыя, принадлежа прежде къ римской имперіи, сохранили еще старыя воспоминанія и многочисленные остатки ея законовъ и учрежденій. Коренное правило, что духовенство состоитъ на римскомъ правѣ, много содѣйствовало распространенію послѣдняго во всѣхъ почти христіанскихъ земляхъ; въ Германіи споспѣшествовало ему и то обстоятельство, что Италія принадлежала еще къ Нѣмецкой имперіи, а послѣдняя почиталась только продолженіемъ Римской. Съ этимъ соединялось поддерживаемое императорами представленіе, что юстиніановское право, какъ право имперское, находится въ неразрывной связи съ императорствомъ и обязательно для всѣхъ членовъ имперіи. Распространенію его много способствовала потребность въ выработанномъ правѣ, которая должна была обнаружиться вездѣ, какъ скоро, при возрастающей цивилизаціи, туземные законы и правоположенія оказывались недостаточными. Однакожъ примѣненіе римскаго права въ Нѣмецкой имперіи вполнѣ утвердилось только тѣмъ, что начиная съ исхода 15 столѣтія имперскіе законы стали прямо предполагать его какъ всѣмъ извѣстное, общепризнанное право. Съ тѣхъ поръ Юстиніа-

аново уложеніе почиталось уже неоспоримо вспомогательнымъ правомъ въ Нѣмецкой имперіи и въ большей части нѣкогда принадлежавшихъ къ ней земель, каковы Швейцарія, Нидерланды и друг.— Въ Даніи, Швеціи, Россіи, Польшѣ и Венгріи римское право имѣло значеніе только какъ приготовительный предметъ юридическаго образованія.

Б. Право Германское. 1. Leges Barbarorum, т. е. Законы Варваровъ. Чтобы старинное, большею частію неписанное право германскихъ племенъ, по вторженіи ихъ въ римскія земли, не погибло и не забылось, многіе короли указали записать каждый законы своего племени, собрать ихъ и привести въ порядокъ. Древнѣйшимъ изъ такихъ сборниковъ была Салійская Правда Франковъ, уцѣлѣвшая въ старомъ текстѣ, идущемъ отъ Мервинговъ, и въ младшемъ— отъ временъ Карла Великаго (§ 246 и слѣд.). Рядомъ съ нею весьма важное мѣсто занимаетъ Сборникъ вестготскихъ законовъ по цѣнности содержанія и научному (систематическому) распорядку.

Подобно большей части «Варварскихъ законовъ», Салійскаа Правда записана по-латини; но для удобства несвѣдущихъ въ латинскомъ языкѣ судныхъ мужей на мальбергахъ (судбищахъ) мѣстами присоединенъ къ ней переводъ главныхъ постановленій по-старофранкски, что и называется мальбергскими глоссами. Уцѣлѣвшій также въ двухъ текстахъ сборникъ рипуарскихъ законовъ большею частію не что иное какъ остфранкская обработка Салійской Правды, составленная при австралійскихъ корояхъ и дополненная нѣкоторыми заимствованіями изъ римскаго права и такими новыми положеніями, которыхъ требовало христіанство и церковныя отношенія. Подъ вліяніемъ остфранкскихъ (австразійскихъ) королей, въ особенности Теодориха и Дагоберта, записаны также законы Аллеманновъ. Какъ это собраніе, такъ и баварскіе законы, собранные или по крайней мѣрѣ дополненные во время Каролинговъ и баварскаго герцога Тассило, содержатъ въ себѣ рядомъ съ исконнымъ правомъ германскаго народа, постановленія, перешедшія изъ права римскаго или обусловленныя церковными и политическими отношеніями той эпохи. Къ числу главныхъ заслугъ Карла Великаго принадлежитъ особенная заботливость его о томъ, чтобы записать германскіе народные уставы, при чемъ онъ преимущественно употреблялъ правосвѣдущихъ клириковъ. Таково между прочимъ происхожденіе, собранныхъ на ахенскомъ сеймѣ въ 802 и 803 г.,

правоположеній Фризовъ, такъ-называемаго закона Веринговъ или Туринговъ, возникшаго въ Голштиніи и Шлезвигѣ, и перенесеннаго подъ именемъ права Англовъ и Датчанъ въ Англію. Совсѣмъ другое дѣло англосаксонскіе законы; записанные не подъ вліяніемъ Каролинговъ и безъ чуждыхъ примѣсей, они содержатъ въ себѣ уставы (конституціи), положенные между королями съ одной стороны, свѣтскими и духовними чинами государства съ другой, въ періодъ отъ 6 до 11 столѣтія. Напротивъ, краткое саксонское уложеніе, ославленное своей строгостью, носитъ на себѣ явные слѣды франкскаго вліянія. Важнѣйшимъ сборникомъ законовъ былъ вестготскій, который настоящую (послѣднюю) свою редакцію получилъ во времена короля Эгицы († 701), отца знаменитаго Витицы († 710, сравн. § 263). Онъ преимущественно состоитъ изъ народнаго права, записаннаго подъ авторитетомъ короля. Это уложеніе отличается отъ всѣхъ народныхъ правъ той эпохи и высказывающимся въ немъ духомъ законадательнаго творчества, и своей систематичностью: вообще это—первое и древнѣйшее уложеніе въ ново-европейскомъ смыслѣ, —уложеніе, въ которомъ римское и германское права переработаны въ одно цѣлое. Разсчитанное на окончательное сліяніе римскаго и готскаго населенія Испаніи въ одинъ народъ, оно предназначалось быть въ томъ краѣ единственнымъ источникомъ всякаго права, а потому и объявляло совершенную отмѣну римскихъ юридическихъ источниковъ, хотя и приняло въ себя изъ нихъ многія положенія и между прочимъ даже буквальныя выписки.—Уложеніе Бургундовъ въ началѣ 6 вѣка составлено и записано королемъ Гундобальдомъ († 515) съ согласія вельможъ того края и дополнено ближайшими его преемниками, съ позаимствованіемъ изъ римскаго права. Оно отличается хорошею латинью и сравнительною мягкостью своихъ формъ. Еще замѣтнѣе вліяніе римскаго права въ уложеніи Лангобардовъ, которое начато королемъ Гримоальдомъ (668), продолжалось при его преемникахъ Люитпрандѣ, Рахисѣ и Айстульфѣ (§ 253) и потомъ дополнено постановленіями Карла Великаго и нѣкоторыхъ римско-германскихъ императоровъ. Существуютъ двѣ редакціи или, точнѣе, два распорядка этого собранія, старѣйшій—хронологическій, и новѣйшій—систематическій; послѣдній снабженъ глоссами (толкованіями) отъ лангобардскихъ правовѣдовъ. Законъ Лангобардовъ носитъ на себѣ признаки возрастающаго народнаго разврата;

въ немъ замѣтно размноженіе преступленій и употребленіе негерманскихъ видовъ наказанія.

2. Капитуляріи (сравн. § 275). Въ противоположность древнему народному праву рано вошло въ силу право королевское: мервингскіе и каролингскіе владыки Франковъ, отчасти самовластно, отчасти съ согласія духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ, издали множество постановленій, которымъ они приписывали силу закона. Эти королевскія постановленія, которыхъ бо́льшая часть идетъ отъ Карла Великаго и Людвига Кроткаго, были собраны подъ именемъ капитулярій (главизнъ) и объявлены обязательными для всѣхъ и повсемѣстно. Древнѣйшее собраніе ихъ, составленное аббатомъ Ансегизомъ, восходитъ къ 827 г. Капитуляріи содержатъ въ себѣ главнымъ образомъ политическія и полицейскія постановленія; но часто это не что иное какъ настоящіе законы о земскомъ мирѣ, т. е. губные, уголовные, въ которыхъ понятіе о различныхъ преступленіяхъ и самое карательное право предполагается извѣстнымъ изъ права народнаго (утвержденнаго обычаемъ старины). Мервингскія постановленія отличаются обыкновенно строгостію полагаемыхъ наказаній, каролингскія напротивъ относительною мягкостью и стремленіемъ обойдти по мѣрѣ возможности смертную казнь. Капитуляріи Карла опираются на германскія основанія, не смотря на свою латинь. Ни одному коренному побужденію германскаго духа не далъ заглохнуть этотъ великій государь, но каждое — что́ называется — взялъ онъ въ руки, подчинилъ порядку, облагородилъ, каждому указалъ настоящее мѣсто и такимъ образомъ приспособилъ его дать отъ себя противъ прежняго и болѣе красивый цвѣтъ и полезнѣйшій плодъ [1]. Это было первое обширное уложеніе Германцевъ. По отдѣленіи Нѣмецкой земли отъ Французской (восточной Франкіи отъ западной), мѣсто капитулярій заступили мало по-малу конституціи (постановленія) Нѣмецкихъ императоровъ,—сначала въ видѣ самовластныхъ распоряженій, а впослѣдствіи, когда они издавались при соучастіи чиновъ на имперскихъ сеймахъ,—въ видѣ законовъ.

3. Книги германскихъ правъ. Съ постепенною выработкою сословныхъ отношеній средневѣковой эпохи, разнообразились и юридическія опредѣленія, а старообычное народное право становилось день ото дня болѣе недостаточнымъ [2]. Поэтому возникли новыя кни-

[1] И этотъ самый государь сдиралъ заживо кожу съ непокорныхъ ему Саксовъ, которые крѣпко стояли за свою, также германскую, но языческую старину.

[2] Сравн. подстрочное примѣчаніе къ § 290, стран. 173.

ги правъ (Сборники рѣшеній, Правды, Судебники и проч.); писанныя по большей части на среднемъ верхне-нѣмецкомъ языкѣ, онѣ весьма важны не только въ отношеніи къ юридическому образованію того времени, но и въ отношеніи къ языку и литературѣ. Главнѣйшіе изъ этихъ источниковъ средневѣковаго права были слѣдующіе: а) такъ-называемыя Weisthümer, т. е. подлинныя рѣшенія разныхъ юридическихъ случаевъ, состоявшіяся или по приговору самихъ общинъ, обществъ и скабинскихъ думъ, или вызванныя ими съ тѣмъ, чтобы предотвратить на будущее время тяжбы и споры подтвержденіемъ заведеннаго порядка и обычая, такъ что постановленія эти, засвидѣтельствованныя формальнымъ актомъ, могли, въ случаѣ новаго спора, служить прямымъ доказательствомъ для его рѣшенія. Что касается до ихъ формы, то они являлись или въ видѣ договорныхъ соглашеній, или въ видѣ особыхъ отвѣтовъ на предлагаемые къ объясненію вопросы, или наконецъ въ видѣ юридическихъ наставленій, даваемыхъ скабинами какого-нибудь суда по чьему-либо требованію или вызову. б) Саксонское Зеркало. Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ сборникъ частію общегерманскихъ, частію только саксонскихъ юридическихъ обычаевъ и правоположеній; по преданію, которое можно прослѣдить до конца 13 вѣка, составленіе его приписывается ангальтскому (тюрингенскому) скабину Эйке фонъ-Репгову, который предпринялъ этотъ трудъ по просьбѣ графа Гойера фонъ-Фалькенштейна. Первая редакція состоялась повидимому до половины 13 вѣка; рѣмованное предисловіе вставлено послѣ. в) Швабское Зеркало. Въ то время какъ Саксонское Зеркало существенно предназначено служить кодексомъ для одного только края, Швабское Зеркало, собранное изъ римскихъ, императорскихъ и каноническихъ правоположеній, равно какъ и изъ обычныхъ правъ, имѣетъ притязаніе на характеръ общегерманскаго уложенія. Въ качествѣ «права императорскаго» Швабское Зеркало пользовалось большимъ уваженіемъ въ южной Германіи; оно составлено во время Рудольфа Габсбургскаго. Въ основаніи обоихъ Зеркалъ лежитъ, кажется, одинъ общій, старѣйшій источникъ. И то и другое распадается на двѣ части,—книгу земскихъ и книгу лэнныхъ правъ [1].—

[1] Всего любопытнѣе и характернѣе для эпохи явные, хотя и не одинаковые въ обоихъ Зеркалахъ, слѣды колебанія и борьбы между началами первобытнаго, народнаго права и юридическими отношеніями, возникшими изъ феодальной перестройки общества. Такъ наприм. первобытное германское право требовало равнаго раздѣла

Саксонское Зеркало не только вскорѣ было снабжено глоссами, которыя отчасти получили также силу закона, но подверглось еще перемѣнамъ и дополненіямъ. Такъ, изъ сліянія Магдебургскаго городоваго права съ Саксонскимъ Зеркаломъ произошло право Магдебургскаго округа (такъ-называемое Magdeburgische Weichbild); отсюда же возникло городовое и окружное (подгородное) право Гослара, Бреславля и друг. гор.—Еще оригинальнѣе, хотя и менѣе числомъ, были юридическіе сборники, принадлежащіе къ семейству Швабскаго Зеркала; таковъ сборникъ Рупрехта (оконченъ въ

отцовскаго наслѣдія между сыновьями, а феодальное, напротивъ, предписывало сохраненіе лэна нераздѣльно въ рукахъ одного родопредставителя. Саксонское Зеркало старается выйдти изъ этого затрудненія тѣмъ, что признаетъ исключительное право наслѣдованія за старшимъ въ мужскомъ колѣнѣ только на «воинскіе доспѣхи», а въ случаѣ надѣленія одного сына преимущественно передъ другими лэннымъ владѣніемъ, обязываетъ его удовлетворить вполнѣ своихъ братьевъ, и если онъ того не сдѣлаетъ, то предоставляетъ имъ принудить его къ раздѣлу въ силу «земскаго права». Швабское Зеркало допускаетъ уже въ пользу старшихъ сыновей законныя изъятія изъ этого правила и пролагаетъ такимъ образомъ путь аристократической нераздѣльности частныхъ владѣній. Простой народъ, въ противоположность высшимъ классамъ, никогда не забывалъ вполнѣ различія по этому вопросу между земскимъ правомъ и правомъ лэннымъ, какъ чуждымъ и навязаннымъ. Въ Саксонскомъ Зеркалѣ видно также противопоставленіе земскаго права праву каноническому; тамъ сказано между прочимъ: «Отлученіе вредитъ душѣ, но ни у кого не отнимаетъ ни жизни, никакихъ либо земскихъ или лэнныхъ правъ, развѣ послѣдуетъ за нимъ королевская опала». Напротивъ Швабское Зеркало составлено подъ очевиднымъ преобладаніемъ церковно-монархическихъ вліяній: вмѣсто древне-обычнаго права выдвинута здѣсь на первый планъ законодательная власть императора, какъ подручника папъ, опирающагося на совѣтъ какого-нибудь ученаго юриста или на соборъ князей имперіи; въ иныхъ случаяхъ сохранившійся еще въ силѣ «обычай» прямо подчиняется предписаніямъ церковнаго права и монашескимъ взглядамъ. Земскіе державцы, которыхъ старшее Зеркало подчиняетъ императору, являются въ младшемъ уже независимыми. Денежныя виры и продажи, признаваемыя Саксонскимъ Зеркаломъ, въ Швабскомъ упоминаются только въ видѣ старины съ явнымъ стараніемъ оттѣснить ихъ римскими и ветхозавѣтными видами наказанія. Взглядъ его на крѣпостныхъ мѣстами еще мягче нежели въ Саксонскомъ; но выставленное имъ начало принадлежности крѣпостныхъ людей духовенства не лицамъ, а «дому Божію», разумѣется, еще болѣе скрѣпляетъ узы неволи этого класса, такъ какъ собственность «дома Божія» была неотчуждаема и только въ крайнемъ случаѣ дозволялось обмѣнивать ее на такую же другую, да и то съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ обмѣнъ былъ выгоденъ, и съ правомъ уничтожить его по первому сомнѣнію. Саксонское Зеркало ставитъ государскихъ служилыхъ людей ниже вольныхъ, а Швабское, напротивъ, выше. Замѣчательно еще, что послѣднее, не признавая никакихъ правъ за незаконнорожденными, предоставляетъ однакожь побочнымъ дѣтямъ духовныхъ лицъ прямую возможность сдѣлаться законными, пріобрѣтать вольную собственность, получать лэны и рыцарское званіе.

1328), обнаруживающій первые слѣды научной обработки германскаго права и пользовавшійся большимъ почотомъ въ южной Германіи; таково еще Малое императорское право изъ второй половины 14 столѣтія.—г) Областныя и земскія и городовыя права. Съ развитіемъ власти областныхъ державцевъ Германіи и съ возрастающимъ въ ней обособленіемъ (партикуляризмомъ), во многихъ краяхъ ея и въ имперскихъ городахъ предприняты были сборники общепризнанныхъ правоположеній, которые хотя и опирались на оба упомянутыя Зеркала, однакожь разнились между собою и методомъ и выборомъ предметовъ. Таковы наприм. были австрійскій судебникъ, составленный при Бабенбергерахъ, изданное по волѣ императора Людвига Баварца баварское уложеніе, и мног. друг. Ранѣе и самостоятельнѣе земскихъ уложеній развилось городовое или окружное право, отчасти на основаніи предшествовавшихъ древнеримскихъ учрежденій, главнымъ же образомъ на основаніи императорскихъ и мѣстно-державческихъ привилегій или древнихъ «излюбленныхъ уставовъ» (Willküren, Kühren), возникшихъ преимущественно изъ должностной дѣятельности городскихъ думъ и городовыхъ скабиновъ. Часто законы одного города переносились на другой, такъ что въ этомъ отношеніи можно распредѣлить городовые уставы по группамъ или семействамъ, при чемъ, какъ и у Зеркалъ, замѣчается опять распаденіе на сѣверъ и югъ. Въ сѣверно-германскомъ городовомъ правѣ ясно выступаютъ три группы: галле-магдебургская, основанная на Саксонскомъ Зеркалѣ, распространена въ Саксоніи, Богеміи, Силезіи и Польшѣ; любское право, развившееся весьма самобытно въ Любекѣ, подъ вліяніемъ обширной торговли и рано замѣтнаго научно-юридическаго образованія, далеко разошлось по при-балтійскимъ краямъ; наконецъ фризское городовое право, которое выработалось вполнѣ самобытно и своеобразно благодаря автономіи городскихъ общинъ. Между южно-германскими городовыми правами можно различить четыре группы: рейнскую, держащуюся кёльнскаго права; швабскую, основанную на Швабскомъ Зеркалѣ; баваро-австрійскую, опирающуюся на земско-государское право, и франконскую—съ болѣе оригинальнымъ и самостоятельнымъ развитіемъ.

В. Каноническое право. Вмѣстѣ съ Евангеліемъ, германскимъ племенамъ принесено было церковное право и явилось у нихъ какъ положительный законъ. Источниками этого права почитались:

1) постановленія вселенскихъ и областныхъ соборовъ (canones); 2) синодальныя постановленія епископовъ (capitula episcoporum [1]); 3) декреталіи (decretales), или опредѣленія, исходившія отъ римскихъ епископовъ, частію въ видѣ юридическихъ наставленій по запросамъ, которые поступали къ нимъ отъ другихъ святителей, частію въ смыслѣ дѣйствительныхъ рѣшеній по спорнымъ дѣламъ, которыхъ окончательное разсмотрѣніе они успѣли мало-по-малу себѣ присвоить. Уже въ 6 столѣтіи составлялись сборники какъ соборныхъ постановленій, такъ и декреталій. Собраніе, начатое въ Севильѣ (618) и Толедо (633) и приписываемое епископу Исидору Севильскому († 636), въ 9 вѣкѣ было соединено съ собраніемъ подложныхъ декреталій, будто бы принадлежащихъ папамъ первыхъ четырехъ вѣковъ. Эти лже-исидоровскія декреталіи введены были въ общее употребленіе во второй половинѣ 9 столѣтія (§ 282). Каноническое право вліяло на народное древнегерманское такъ же сильно, какъ и римское. При возрастающемъ могуществѣ духовенства и церкви, это право, имѣя исключительную силу въ духовныхъ судахъ, распространялось болѣе и болѣе и пріобрѣтало все высшее значеніе. Каноническіе декреты, примыкавшіе своей формальной стороной къ зрѣло-выработанному римскому праву, выгодно отличались передъ свѣтскими праворѣшеніями научнымъ методомъ и убѣдительностью доводовъ, и потому вскорѣ сдѣлались предметомъ преподаванія въ юридическихъ школахъ. Важнѣйшимъ и наиболѣе уважаемымъ собраніемъ церковныхъ законовъ и декретовъ было то, которое около половины 12 вѣка (ок. 1140—1151) составилъ камальдульскій монахъ Граціанъ изъ Болоньи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока самъ папа Григорій IX не поручилъ доминиканцу Раймунду Пеннафорте въ 1234 г. составить обширный сборникъ декреталій, который и признанъ потомъ кодексомъ церковнаго права во всей западной Европѣ. Сборникъ этотъ былъ дополняемъ и продолжаемъ многими изъ слѣдующихъ папъ.

Что касается до судопроизводства, то древній народный судъ ограничивался съ каждымъ днемъ уже при Каролингскихъ императорахъ и рѣшеніе тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ постепенно переходило въ руки скабиновъ и судей, назначаемыхъ королями или ихъ сановниками. Однакожъ устность, гласность и лич-

[1] То-есть, постановленія, издаваемыя епископами съ согласія капитуловъ. (Ср. примѣч. къ стр. 124.)

ное присутствіе подсудимыхъ оставались коренными основами судопроизводства. Рядомъ съ присягой, актовыми документами и показаніями свидѣтелей, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ употреблялись суды Божіи (ордаліи) и судебные поединки. Пытка, колесованіе [1], самыя ужасныя темницы и другія варварскія наказанія считались необходимыми пособіями правосудія, хотя исконное право равнаго возмездія, суровое jus talionis, этотъ корень такъ-называемаго кулачнаго права и кровной мести, повидимому не оставалось въ юридическомъ обычаѣ далѣе эпохи Каролинговъ. Равно вошло въ законную силу постановленіе, что всякій вредъ лицу или имуществу можно искупить денежною вирой.

4) Средневѣковыя стихотворенія на романскомъ языкѣ. Величайшее вліяніе имѣли крестовые походы на поэзію, которая съ тѣхъ поръ перешла исключительно въ руки рыцарей и свѣтскихъ стихотворцевъ. Воины, которые подъ наитіемъ высшихъ побужденій совершали великія дѣла, старались также прославить и возвеличить ихъ въ пѣснѣ; притомъ романтическая поэзія, которой сосредоточіемъ и зерномъ была любовь и поклоненіе женщинѣ, выходила по самой своей сущности предметомъ не сподручнымъ для писателей духовнаго чина. Два обстоятельства содѣйствовали къ тому, что стихотворное искусство приняло такой же однородный и всеобщій характеръ, какъ и латинская наука: во первыхъ общеніе и сближеніе многоразличнѣйшихъ народовъ на почвѣ Святой Земли и порожденный этимъ легчайшій обмѣнъ народныхъ преданій и произведеній народной поэзіи, а во вторыхъ чрезвычайная распространенность и общепонятность романскаго языка, на которомъ сочинялась большая часть стихотвореній. Въ странахъ, входившихъ прежде въ составъ Римской имперіи, именно въ Италіи, во Франціи, въ Испаніи, говорили тогда на языкахъ, очень между собою схожихъ; ихъ можно было почитать за нарѣчія одного и того же кореннаго языка, такъ что литературныя произведенія одного

[1] Колесованіе состояло въ слѣдующемъ: осужденнаго, по распростертымъ ногамъ и рукамъ, привязывали къ двумъ деревяннымъ брусьямъ, сложеннымъ наискось въ видѣ андреевскаго креста (X) и вытесаннымъ такимъ образомъ, чтобы подъ каждымъ членомъ тѣла оставалась еще пустота; тогда ему раздробляли руки, ноги и грудь колесомъ или желѣзнымъ ломомъ, а потомъ, пригнувъ разможженныя оконечности ему за спину, клали его, лицомъ вверхъ, на колесо, укрѣпленное на стойкѣ. Легчайшимъ видомъ колесованія считался тотъ, когда прежде всего ударяли по груди.

края безъ затрудненія понимались въ другомъ, а для изустной передачи понятій достаточно было самаго непродолжительнаго навыка. Этотъ романскій языкъ со времени норманскаго завоеванія сталъ туземнымъ и въ Англіи, а благодаря непрерывному общенію Германіи съ Италіей и Бургундскимъ королевствомъ южной Франціи, распространился онъ также по германскому западу и югу. Такимъ образомъ поэтическія произведенія Каталоніи и Прованса, гдѣ стихотворство процвѣтало по преимуществу, вскорѣ дѣлались общимъ достояніемъ всего почти западно-европейскаго міра, и какъ содержаніе было не очень разнообразно, а только ограничивалось или священными сюжетами изъ христіанской старины, или рыцарскими сагами, похожденіями и такъ-называемою любовною службой, то и поэзія всѣхъ странъ приняла одинаковое направленіе и обработывала подобные же предметы. Кому неизвѣстно, что Провансъ былъ настоящимъ пріютомъ такъ-называемаго «веселаго искусства» (gaie science, gai savoir, по-провансальски gai saber) и дамскихъ судовъ, рѣшавшихъ состязанія въ любви, въ пѣснопѣніи, въ великодушіи и въ ловкости; что поэзія была тамъ неразлучна съ праздниками и пирами, какъ въ Греціи гомеровскихъ временъ; что тамъ образовались, тамъ искали себѣ примѣровъ пѣвцы отваги и любви; что наконецъ Данте [1] и Петрарка сами пили изъ этихъ родниковъ прежде чѣмъ вознеслись надъ уровнемъ своего народа? Въ обильной пѣснями Испаніи, съ ея благозвучнымъ языкомъ, битвы съ Маврами служили неисчерпаемымъ источникомъ рыцарскихъ сагъ и героическихъ стихотвореній, утонченное рыцарство съ его турнирами и поклоненіемъ женщинѣ представляло обильный матеріалъ для лирическаго воспѣванія любви и мужественной силы, а пылкая вѣра юга, разжигаемая борьбой съ могаммеданствомъ, постоянно поддерживала религіозное вдохновеніе и восторженное почитаніе святыхъ.—Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что по содержанію своему средневѣковая по-

[1] Учитель Данта, Брунетто Латини, и другіе Итальянцы 13 столѣтія писали стихами на романско-провансальскомъ языкѣ (langue d'oc), а прозою на романско-французскомъ (langue d'oil), который употреблялся къ сѣверу отъ Луары и содержалъ въ себѣ гораздо болѣе кельтійскихъ элементовъ, нежели южное нарѣчіе. Брунетто Латини, въ своемъ «Сокровищѣ», написанномъ въ Парижѣ около 1260 г., говоритъ, что онъ отдаетъ предпочтеніе французскому языку (roumans) потому, что онъ самый пріятный и общедоступный (plus délitable et plus connue à toutes gens). Дантъ также превозноситъ этотъ языкъ за его пріятность, легкость и за то, что на немъ есть все, что ни придумано, что ни написано въ прозѣ.

эзія распадается на три рода,—на героическія поэмы и пѣсни (эпопеи и романсы), которыхъ содержаніемъ были рыцарскіе подвиги, битвы, приключенія и любовныя связи, какъ необходимый элементъ романтической поэзіи; на пѣсни лирическія, гдѣ поэтъ высказывалъ свои ощущенія, чувства, настроенія или помыслы въ мелодическихъ стихахъ, удобныхъ для пѣнія и струннаго акомпанимента, и на религіозныя стихотворенія, которыхъ предметомъ были, то изліянія набожности и религіознаго вдохновенія, то хвалы Богу и пречистой Дѣвѣ, то благочестивыя дѣла и судьбы святыхъ угодниковъ.—Стихотворцы всѣхъ родовъ повѣствовательной и лирической поэзіи назывались общимъ именемъ трубадуровъ и труверовъ. Императоры, короли, владѣтельные князья и дворянство всѣхъ степеней вмѣняли себѣ въ честь принадлежать къ числу трубадуровъ. Какъ у нѣмецкихъ миннезенгеровъ, искусство у трубадуровъ раздѣлилось на двѣ отрасли,—одна, проще и естественнѣй, назначилась собственно для народа, другая, болѣе условная,—для высшаго общества. Въ послѣдней утонченный языкъ обычной вѣжливости заступалъ мѣсто непосредственныхъ и страстныхъ изліяній, а почетъ и поклоненіе восхваляемой дамѣ—были большею частію дѣломъ одной фантазіи безъ настоящаго сочувствія въ душѣ. Чопорныя любовныя пѣсни похожи больше на снизку хвалебныхъ эпитетовъ и подобранныхъ на славу примѣтъ красоты, и вмѣсто того, чтобъ опираться на дѣйствительно пережитое и слѣдовательно имѣть въ немъ всегда новое, вѣчно юное содержаніе, эти пѣсни пробавляются только общими жалобами и общими размышленіями (т. е. просто общими мѣстами).

Всего разнообразнѣе были лирическія произведенія, къ которымъ слѣдуетъ отнести и назидательную поэзію. Главное мѣсто занимали здѣсь любовныя пѣсни самыхъ разнообразныхъ формъ, въ веселомъ тонѣ и въ элегическомъ; если это былъ разсказъ о любовномъ приключеніи въ правильныхъ стансахъ, то пѣсня называлась романсомъ; близко подходили къ этому роду и такъ-называемыя lais [1], жалобныя пѣсни о какомъ-нибудь трагическомъ любовномъ происшествіи, пѣвшіяся съ акомпаниментомъ арфы [2]. Сирвенты (отъ servire, служить, угождать) были напротивъ сатири-

[1] Отъ латинскаго lessus, жалобный вопль, причитанье.

[2] Или гитары (гитерны), которая перешла изъ Испаніи во Францію еще въ 11 вѣкѣ.

ческія стихотворенія, насмѣшливыя пѣсни, ѣдкія укоризны въ смыслѣ какой-нибудь партіи и въ угоду какому-нибудь покровителю, или наконецъ энергическія боевыя пѣсни, которыми такъ богата литература Арабовъ. Тенцоны (отъ прованс. tensôs, франц. tenson, итал. tenzone, споръ) были пѣсни, слагаемыя на состязаніе, на споръ, полныя остроты, веселости и игривой затѣи, но иногда начиненныя сухими колкостями и утомительнымъ словопреньемъ; пастуреллы (отъ прованс. pastour, пастухъ)—поэтическія описанія сельскихъ предметовъ и т. п. Содержаніе эпическихъ стихотвореній составляли извѣстные циклы сагъ, примыкавшіе къ миѳическимъ и историческимъ личностямъ, отчасти древняго міра, каковы сказанія о Троянской войнѣ и объ Александрѣ Великомъ, отчасти—христіанской эпохи, какъ напр. сказаніе о Карлѣ Великомъ и его паладинахъ, объ Артурѣ съ его круглымъ столомъ и съ привившеюся къ этому впослѣдствіи валлисской сагой о гралѣ (св. чашѣ) и т. д.—Въ числѣ трубадуровъ отличались императоръ Фридрихъ II и его канцлеръ Петръ де Винеа, Ричардъ Львиное-Сердце, король Англійскій, Альфонсъ II и Петръ III Арагонскіе, Фридрихъ III Сицилійскій, герцогъ Брабантскій, Тибо Шампанскій и множество графовъ южной Франціи. Славнѣйшими были провансальскій аббатъ Фулькъ изъ Торонѣ, Пьеръ Видаль, Бернаръ де Вантадуръ, Фулько Марсельскій, Фейдѝ, у котораго, по словамъ Данта, языкъ былъ вмѣстѣ шлемъ, щитъ, мечъ и копье, и Бертранъ де Борнъ, котораго сирвенты, переходившіе изъ устъ въ уста, имѣли такое вліяніе на раздоры Англійскаго короля Генриха II съ его сыновьями, что изъ-за этихъ язвительныхъ піэсъ то и дѣло совершались смертоубійства, отъ Гаронны до устья Сены [1].—Подъ именемъ fabliaux (побасенокъ) разумѣли тог-

[1] Генрихъ II Плантагенетъ, бракосочетаніемъ съ Элеонорою Гвіэнскою, пріобрѣлъ всю Аквитанію; сыну своему Ричарду (прозванному потомъ Львиное-Сердце) далъ онъ графство Пуату, а Генриху — герцогство Гвіэнну. Бертранъ де Борнъ, виконтъ Отфоръ (Hautefors), отличавшійся столько же храбростью въ бою и успѣхами у прекраснаго пола, какъ и поэтическимъ талантомъ, задумалъ освободить Аквитанію изъ-подъ англійскаго владычества, стараясь отвлечь отъ него служившихъ ему Норманцевъ и вооружая сыновей Генриха противъ отца. Онъ началъ съ герцога Гвіэнскаго и два раза доводилъ его до возстанія, а когда онъ умеръ, Бертранъ дѣйствовалъ такъ же успѣшно на Ричарда. Новое междоусобіе готово уже было вспыхнуть, когда Генрихъ II умеръ, и воцареніе Ричарда дало новый оборотъ дѣламъ. Вскорѣ раздавшіяся со всѣхъ сторонъ требованія новаго крестоваго похода, внушили Бертрану мысль воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы разомъ сбыть съ рукъ обоихъ опасныхъ для

да всѣ виды правоучительныхъ, а также и легкомысленныхъ, потѣшныхъ, насмѣшливыхъ и часто очень непристойныхъ разсказовъ и прибаутокъ. Этотъ родъ легкой литературы изъ Франціи былъ перенесенъ въ Италію, и тамъ нашелъ себѣ въ лицѣ Боккаччіо очень даровитаго дѣятеля.

Италія. Въ 13 и особенно въ 14 столѣтіи вся западная поэзія и премудрость сосредоточились въ Италіи, гдѣ владѣтельныя лица, прелаты, города и богатыя фамиліи состязались между собой въ поощреніи искусствъ и наукъ и въ покровительствѣ ихъ подвижникамъ, гдѣ развитый и церковный и гражданскій бытъ вызвалъ на сцену музыку и архитектуру, и споспѣшествовалъ всему, что было связано съ ремеслами, мореплаваніемъ, торговлею, политикой и дипломатическими хитростями,—гдѣ въ знаменитыхъ университетахъ Болоньѣ и Падуѣ преподавали глубокомысленнѣйшіе богословы, ученѣйшіе законоискусники (глоссаторы, § 312), остроумнѣйшіе грамматисты, точнѣйшіе математики и естествовѣды,—гдѣ соединились весь блескъ, вся образованность, вся духовная жизнь средневѣковаго міра. Настоящимъ представителемъ этого итальянскаго образованія былъ Дантъ, въ которомъ вся мудрость и поэзія Запада сосредоточены какъ въ фокусѣ (§ 351). Его предшественниками въ отечественной поэзіи были патріотъ Мантуанецъ Сорделло, Флорентинецъ Гвидо Гвиничелли [1], пѣвецъ идеальной любви,—Гвидо Кавальканти и друг.; наставникомъ Данта во всѣхъ наукахъ былъ Брунетто Латини, преподававшій то во Флоренціи, то въ Парижѣ, и совмѣстившій всѣ свои знанія по исторіи, географіи и урапографіи, естественнымъ наукамъ, богословію, философіи, риторикѣ и друг. въ обширной энциклопедіи, подъ названіемъ Сокровище. Общедоступное бытописаніе на отечественномъ языкѣ начато Флорентинцемъ Рикордано Малеспини въ разукрашен-

---

Аквитаніи властителей, и Ричарда, и соперника его—Филиппа-Августа. Своими язвительными сирвентами принялся онъ подбивать королей на крестовый походъ, упрекая ихъ въ трусости и указывая имъ на примѣръ отважнаго императора Конрада, который одинъ бьется съ Саладиномъ и его «гнусною сволочью». Походъ состоялся, и Бертранъ де Борнъ торжествовалъ, но торжествовалъ не долго, потому что Филиппъ-Августъ скоро возвратился изъ Палестины и хотя на время, но все таки овладѣлъ Аквитаніей.

[1] Дантъ называетъ его своимъ отцомъ и вмѣстѣ отцомъ всѣхъ итальянскихъ поэтовъ.

ной сказками исторіи его роднаго города, доведенной до года его смерти (1281). Онъ былъ предшественникомъ знаменитаго Джованни Виллани (§ 351).

V. УПАДОКЪ ФЕОДАЛЬНОЙ МОНАРХІИ И ПОВРЕЖДЕНІЕ ЦЕРКВИ.

1. Междуцарствіе 1250—1273.

§ 344. По смерти Фридриха II наступило для Германіи роковое время, и слова пѣвца: «гнила моя крыша, сквозятъ мои стѣны», оправдались на дѣлѣ. Чужеземные государи безъ силы и вліянія носили императорскій титулъ, между тѣмъ какъ внутри господствовали анархія и беззаконіе, и только сильный могъ добиться права (кулачное право). Когда Вильгельмъ Голландскій (§ 328),—«нашъ подсадочекъ», какъ называлъ его папа, — погибъ среди замерзшихъ болотъ (28 января 1256) въ борьбѣ противъ храбрыхъ, демократически устроенныхъ общинъ Фризовъ, выборъ палъ, подъ вліяніемъ кёльнскаго архіепископа, на богатаго Ричарда Корнваллисскаго, брата англійскаго короля, а трирскій архіепископъ и его партія украсили императорскимъ титуломъ Альфонса X (Мудраго) Кастильскаго, родственнаго царственному дому Гогенштауфеновъ. Первый нѣсколько разъ поднимался съ сокровищами вверхъ по Рейну для удовлетворенія алчности князей, избравшихъ его «за деньги»; послѣдній даже ни разу не посѣтилъ того государства, надъ которымъ призванъ былъ господствовать. Въ это безъ-императорское время властолюбивые князья и епископы старались расширить свои владѣнія и права, отчасти воюя и притѣсняя дворянъ, которые были послабѣе, отчасти вступая въ борьбу съ возникающими городами, или наконецъ чрезъ беззаконное присвоеніе имперскихъ лэновъ, таможенныхъ сборовъ и другихъ правъ. То, что дѣлали князья въ большихъ размѣрахъ, рыцари и васаллы дѣлали въ малыхъ. Изъ своихъ замковъ, строившихся, какъ показываютъ и нынѣ ихъ развалины, при судоходныхъ рѣкахъ или по бойкимъ большимъ дорогамъ,

производили они страшныя грабительства, забирали проѣзжающихъ въ свои подземелья, чтобы выпудить у нихъ тяжкій выкупъ, расхищали обозы торговыхъ городовъ и за крѣпкими своими стѣнами презирали безсильные законы и правосудіе. Даже на королеву напали два рыцаря близь имперской крѣпости Трифельса и захватили ея нарядъ и драгоцѣнности. Безпутство нѣмецкаго дворянства, нигдѣ не обуздываемое верховносудною властью, возвело совсѣмъ не рыцарское кулачное право, грабежъ и оскорбленіе слабаго, беззащитнаго, на степень безсмысленной бытовой привычки, и помрачало или совсѣмъ губило всякое чувство права, всякое стремленіе къ національной чести, подавляло всякую мысль о благѣ общественномъ. Идеальность удалилась изъ государства въ сферу личныхъ ощущеній, изъ жизни въ поэзію. Этимъ началось внутреннее разложеніе рыцарства; распаденіе обнаружилось въ немъ самомъ, и оно стало вырождаться съ одной стороны въ самодовольную, болѣзненно-любовную чувствительность, съ другой—въ дикость наѣзднического разбоя. Съ этого времени великое и славное государство быстро приближалось къ безотрадному паденію. Такому состоянію, основанному на кулачномъ правѣ, старались противодѣйствовать: 1) учрежденный или возобновленный энергическимъ архіепископомъ Кёльнскимъ въ Вестфаліи (ок. 1220) вольный уголовный судъ (Femgericht [1], Freigericht), посредствомъ строгой и тайной расправы; 2) заключенные между многими городами союзы («согласія» и «присяжныя товарищества») для взаимной защиты, изъ которыхъ особенно важны сѣверонѣмецкій союзъ Ганза, основанный Любекомъ и Гамбургомъ противъ насилій Датчанъ и Норвежцевъ (1241), и рейнскій городовой союзъ (1247) между Майнцемъ, Вормсомъ, Шпейеромъ, Страсбургомъ, Базелемъ, Франкфуртомъ и друг., къ которому приступили и нѣкоторые князья.—Города были единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ въ ту мрачную эпоху; они одни были представителями мысли о дальнѣйшемъ развитіи національнаго (всенароднаго) общества; они твердо вѣрили въ коренное единство уклонявшихся отъ

[1] Отъ древнесаксонскаго Feme, Veme—наказаніе.

своего средоточія силъ; отважно противупоставляли они необходимость общаго права и закона разбойническому насилію, гнусному, презрѣнному эгоизму. Умно, мужественно, дружно и честно пережили города не одну тогдашнюю бурю; цвѣтущіе красотою, богатые всякимъ добромъ, оружіемъ и многообъемлющими планами, очищенные и облагороженные путемъ своего общиннаго самоуправленія, вступаютъ они чрезъ жалкое, но все еще сносное, устройство имперіи, данное ей по мѣрѣ силъ королемъ Рудольфомъ, въ четырнадцатое столѣтіе, и приготовляются къ давно ожиданной грозной борьбѣ цеховъ, къ борьбѣ демократіи. Побѣда при Гусбергенѣ (1262), гдѣ Страсбургцы разбили своего епископа, битва при Кицингенѣ (1266), гдѣ Вюрцбургцы нанесли пораженіе графамъ геннебергскому и кассельскому, пораженіе и плѣненіе архіепископа Энгельбрехта кёльнскаго гражданами Кёльна (1271), свидѣтельствовали о развивающемся духѣ, о возрастающемъ могуществѣ городовъ. Многіе замки хищныхъ рыцарей, многія ихъ таможни были уничтожены соединенными силами этихъ городовыхъ союзовъ. Тяжка была, напротивъ, участь несвободнаго крестьянства. Въ усобицахъ между рыцарями-помѣщиками нерѣдко сожигались села и дворы и истреблялась жатва; охота и дичь портили посѣвы; личныя повинности, какъ-то барщина, налоги, десятины и поборы всякаго рода, были безконечны; лишенный правъ и защиты закона, крѣпостной человѣкъ подлежалъ самымъ жестокимъ и самымъ позорнымъ наказаніямъ. Къ этому присоединялись феодальное высокомѣріе и развившееся подъ вліяніемъ безчеловѣчныхъ правъ легкомысліе необузданнаго господскаго сословія. Крестьянскія возстанія, которыхъ было множество въ Средніе Вѣка, вели лишь къ тому, что положеніе селянъ становилось все хуже и хуже. Да! этотъ классъ очень нуждался въ церковномъ ученіи о христіанской кротости, чтобы мириться съ подавлявшимъ его нехристіанскимъ уничиженіемъ. — Отнынѣ съ каждымъ днемъ болѣе исчезаетъ вызванное крестовыми походами единеніе христіанскихъ народовъ Европы въ большія народныя массы для общихъ цѣлей, и мало-по-малу вырабатывается самостоятельность отдѣльныхъ народовъ и національностей.

1. Вольные или тайные уголовные суды, вѣками распространившіеся въ большей части Германіи, но преимущественно дѣйствовавшіе въ Вестфаліи (на «красной землѣ») и особенно въ Дортмундѣ, были подчинены одному верховному предсѣдателю, и это званіе обыкновенно присвоивалось архіепископу Кёльнскому, а иногда и самому императору. Судьи и вольные члены (Freischöffen), завѣдывавшіе дѣлопроизводствомъ въ разныхъ присудахъ (Freistühle) подъ предсѣдательствомъ фрейграфа (вольнаго старшины), выбирались изъ такъ-называемыхъ знатцевъ или посвященныхъ, которые вездѣ узнавали другъ друга по тайному лозунгу и клятвенно обязывались къ безусловному храненію тайны. 2. Ганза. Ганзейскій союзъ, составленный по примѣру городовъ фландрскихъ и валлонскихъ и подъ вліяніемъ многочисленныхъ горожанъ и ремесленниковъ, переселившихся оттуда въ при-балтійскія общины, въ 1364 году обнималъ не менѣе 77 городовъ, изъ которыхъ главными были: Кёльнъ (сначала членъ рейнскаго союза), Брауншвейгъ, Висмаръ, Ростокъ, Штральзундъ, Юлинъ (на остр. Воллинѣ), Висби (на остр. Готландѣ), Бергенъ (въ Норвегіи), Рига, Грёнингенъ, Люнебургъ, Эльбингъ, Бременъ, Магдебургъ, Галле, Госларъ, и мн. друг. Слово «ганза» на старо-фламандскомъ языкѣ означало прежде всякую подать, а потомъ и всякій союзъ, члены котораго вносили деньги для какой-нибудь общей цѣли (братчину, артель). Рейнскій городовой союзъ, къ которому, кромѣ Кёльна, принадлежали еще города Фрейбургъ, Брейзахъ, Цюрихъ, Кольмаръ, Оппенгеймъ, Боппардъ, Боннъ, Триръ, Мецъ, Фульда, Франкфуртъ, Гельнгаузенъ, герцоги и графы баварскіе, вюртембергскіе, пфальцскіе и тюрингенскіе, примкнулъ потомъ большею частію къ швабскому союзу (§ 359), когда разнообразіе интересовъ между дворянскими и городовыми членами привело къ розни и скорому распаденію.—Съ тѣхъ поръ Германія стала средоточіемъ европейской торговли. Произведенія Востока доставлялись чрезъ итальянскіе торговые города въ Аугсбургъ и Нюрнбергъ, а оттуда перевозились далѣе. Изъ богатыхъ жизненными силами городовъ благословенной Ломбардіи тянулись вьюки черезъ мрачные тирольскіе и швейцарскіе Альпы въ Баварію, Швабію и Франконію, и на пути своемъ повсемѣстно оживляли городскую промышленность. Перецъ Индіи, шелковыя ткани Китая, шафранъ Африки, пряности и душистыя травы Аравіи и Египта, эти и другіе товары спускались по старымъ, не разъ упомянутымъ дорогамъ

чрезъ Альпійскіе проходы въ долинахъ Кульпы, Дравы, Энпса, Инна, Изара и Леха къ Дунаю, собирались тамъ въ дунайскихъ городахъ Аугсбургѣ, Кемптенѣ, Ульмѣ, Регенсбургѣ, Пассу, Линцѣ, Вѣнѣ и т. д., распредѣлялись оттуда по сосѣднимъ при-дунайскимъ областямъ и доставлялись по древнимъ путямъ сообщенія къ Рейну, Майну, Эльбѣ и Одеру. Обратнымъ путемъ вывозились къ морю произведенія Германіи, аугсбургскіе и нюрнбергскіе фабрикаты, шлезвигское, баварское и вестфальское полотно, рейнское и стирійское оружіе, стальныя и прочія металлическія вещи, нижне-нѣмецкія шерстяныя ткани и наконецъ сѣверные мѣха, и изъ Венеціи посылались на корабляхъ въ Италію, Константинополь, Аравію и Египетъ.—Страсбургъ, Франкфуртъ и Кёльнъ были складочными мѣстами для товаровъ, отправляемыхъ во Францію и въ Нидерланды; Эрфуртъ былъ средоточіемъ нѣмецкой внутренней торговли. Ганзейскіе города снабжали нѣмецкими товарами Русь (чрезъ Висби и Новгородъ), Скандинавію и Лондонъ (гдѣ они имѣли привилегированный рынокъ, такъ-называемый Стальной дворъ). Вѣна служила посредницей въ торговыхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ. Висби, основанный и отчасти заселенный нѣмецкими пришельцами, бывшій во все продолженіе Среднихъ Вѣковъ главнымъ средоточіемъ сѣвероевропейской торговли, нынѣ опустѣлый и одинокій, лишь въ мраморныхъ церковныхъ развалинахъ сохраняетъ слѣды своего померкшаго блеска. Новгородъ при Волховѣ, незапамятно сложившійся въ самостоятельную городскую общину, былъ посредникомъ торговли съ юга, изъ Константинополя и Каира, а также болгарскаго караваннаго торга съ финскими племенами. Этой вольной державѣ повиновались народы до Онежскаго озера и далѣе, оправдывая горделивыя слова: «Кто противъ Бога и великаго Новагорода!» Изо всѣхъ странъ приливали въ Германію богатства, а рудники Гарца, Тюрингенскаго Лѣса и Рудныхъ горъ, весьма доходные въ первое время, умножали массу серебра.—Кромѣ нападеній хищнаго рыцарства, тяжкимъ бичемъ для торговаго класса были повсемѣстно господствовавшія права: береговое, портовое и подъемное [1]. Торговля деньгами находилась преимущественно въ рукахъ Ломбардовъ и Евреевъ, и такъ какъ

[1] Krahnrecht. Кранъ (Krahn)—снарядъ для подъема и спуска большихъ тяжестей. Право имѣть такой снарядъ въ гаваняхъ и въ мѣстахъ разгрузки называлось подъемнымъ; но въ тѣсномъ смыслѣ, подъ нимъ вообще разумѣлось право землевладѣльца принуждать торговцевъ къ уплатѣ пошлинъ въ извѣстныхъ мѣстахъ.

послѣдніе часто соединяли съ своимъ промысломъ притѣснительное лихоимство, то и усилили этимъ ненависть къ себѣ, и безъ того гнѣздившуюся въ груди христіанъ вслѣдствіе религіозныхъ побужденій. Съ самаго начала Среднихъ Вѣковъ, наслѣдовавшихъ христіанско-римское отвращеніе къ Евреямъ, и гораздо позже, даже въ новое время, мы постоянно видимъ Евреевъ въ изворотливой борьбѣ противъ всевозможныхъ оскорбленій и преслѣдованій. Они оправлялись послѣ каждаго гоненія, домогались и дѣйствительно добивались удовлетворенія за обиды, грабежъ и изгнаніе, посредствомъ денежныхъ поборовъ съ христіанъ, которые при церковномъ запрещеніи роста въ ихъ собственной средѣ не могли обойтись безъ помощи Евреевъ. Вся острота еврейскаго ума была направлена на лихоимство, и тутъ-то мстили они христіанамъ за ихъ презрѣніе и гнетъ, предаваясь безсовѣстному ростовщичеству и безжалостно пользуясь крайне тѣсными обстоятельствами, въ какихъ обращались къ нимъ христіане. Кромѣ большихъ, огульныхъ преслѣдованій, какимъ подвергались Евреи преимущественно въ эпоху крестовыхъ походовъ, они и помимо общихъ гоненій часто терпѣли нарушенія своей личной чести и собственности. Такъ ихъ принуждали жить въ особыхъ кварталахъ или улицахъ, носить на себѣ извѣстныя отлички, ихъ часто облагали тяжкимъ окупомъ, ихъ долговыя и процентныя требованія объявляли недѣйствительными и т. п.

2. Начало габсбургскаго могущества.

§ 345. Рудольфъ Габсбургскій и Оттокаръ Богемскій. Важнымъ слѣдствіемъ упадка императорской власти въ эпоху междуцарствія было развитіе власти князей, ибо множество герцогствъ и графствъ пріобрѣли верховную власть (территоріальное право, срв. § 316). Оттого, когда по смерти Ричарда (1272) послѣдовало избраніе новаго императора, вельможи, отъ которыхъ тогда главнымъ образомъ зависѣлъ выборъ (Kur), и которые отъ этого впослѣдствіи назывались князьями-избирателями (курфюрстами), старались помѣшать возвышенію какого-нибудь князя, сильнаго обширностію своихъ владѣній и многочисленностію подданныхъ, дабы снова неутратить пріобрѣтенныхъ преимуществъ. Тогда удалось архіепископу Вернеру майнскому

направить выборы въ пользу своего пріятеля, графа Рудольфа Габсбургскаго (1273 — 1291), котораго умѣренныя родовыя владѣнія въ Эльзасѣ и въ Швейцаріи не могли возбудить опасеній въ избирателяхъ, между тѣмъ какъ его испытанная храбрость, энергія и умъ ручались за то, что онъ положитъ предѣлъ господствующему беззаконію и сокрушитъ грозное преобладаніе самовластительнаго короля Оттокара Богемскаго (1253—1278). Послѣдній, кромѣ Моравіи, присоединилъ къ своему королевству, отчасти договорами и по наслѣдству, отчасти неустрашимымъ мечемъ своимъ, Австрію, Стирію, Каринтію и Крайну, и добивался императорской короны (§ 316. б.), хотя, какъ глава славянскаго государства, и былъ враждебенъ нѣмецкому характеру и быту вообще. Бургграфъ нюрнбергскій, Фридрихъ Гогенцоллернъ, тоже дѣйствовалъ въ пользу Рудольфа [1], склонивъ на его сторону пфальцграфа Людвига Строгаго обѣщаніемъ безнаказанности за женоубійство (§ 352), а другихъ князей иными посулами. Но всего болѣе способствовало избранію Рудольфа всѣмъ извѣстное его благочестіе и то уваженіе, какое онъ постоянно оказывалъ церкви и духовенству. Обезпеченіемъ проходовъ черезъ Альпы еще прежде облегчилъ онъ сношенія духовныхъ лицъ съ Римомъ, и всегда былъ щедръ къ священникамъ и монахамъ, особенно къ «мѣньшей братіи» (§ 321). Братъ Генрихъ, прозванный «Узластымъ» (по его толстому веревочному поясу), духовникъ и всегдашняя «правая рука» императора въ совѣтѣ и въ дѣлѣ, по его ходатайству возведенный потомъ въ санъ епископа базельскаго и архіепископа майнцскаго, былъ тоже изъ миноритовъ. Когда Рудольфъ, при свиданіи съ папою въ Лозаннѣ, уступилъ ему спорныя области и права, на которыя имѣли притязаніе прежніе императоры, а нѣмецкимъ князьямъ предоставилъ пользоваться достигнутыми преимуществами, тогда избраніе его было признано всѣми, и Альфонсъ Кастильскій долженъ былъ отречься отъ императорства. Крестьянинъ изъ окрестностей Кёльна (Тиле Колупъ или

[1] Они были свояки; да притомъ Цоллерны, такъ же какъ Габсбурги и многіе другіе князья, попользовались сколько было можно на чужой счетъ въ смутное время междуцарствія.

Деревяный башмакъ), выдававшій себя за императора Фридриха II и нашедшій поддержку въ Майнцѣ, Вецларѣ и другихъ городахъ, былъ пойманъ и, какъ колдунъ, погибъ на кострѣ, который былъ собственноручно зажженъ архіепископомъ Зигфридомъ кельнскимъ (1285). Только Оттокаръ, сильнѣйшій государь восточной Германіи, счастливо и храбро воевавшій противъ языческой Пруссіи и воинственной Венгріи, не желая признавать надъ собою никакой верховной власти, протестовалъ противъ избранія «человѣка безъ славы, безъ могущества и гнетомаго бѣдностію»; онъ отказался присягнуть Рудольфу и не явился на созванный для того имперскій сеймъ. Рудольфъ въ Аугсбургѣ изрекъ опалу непокорному королю и объявилъ Австрію и другія области на югъ отъ Дуная упразднившимися имперскими лэнами; а такъ какъ Оттокаръ упорствовалъ въ сопротивленіи, то Габсбургъ, при помощи многихъ князей, которыхъ онъ привязалъ къ своему дому посредствомъ браковъ съ своими многочисленными дочерьми и родственниками, и въ надеждѣ на содѣйствіе отложившихся васалловъ непокорнаго короля, вошелъ съ войскомъ въ Австрію (1275) и заставилъ опальнаго и изгнаннаго государя уступить всѣ земли, кромѣ Богеміи и Моравіи, да и тѣ, въ лагерѣ подъ Вѣной, король долженъ былъ вымолить себѣ въ колѣняхъ въ видѣ лэна. Но едва успѣлъ Рудольфъ распустить имперское войско, какъ Оттокаръ, мучимый уязвленною гордостію и раздражаемый упреками своей властолюбивой супруги, Кунигунды Венгерской, возобновилъ войну съ превосходными силами. Однако Рудольфъ одержалъ, при помощи своихъ Швейцарцевъ и Эльзасцевъ, славную побѣду на Мархскомъ полѣ [1] (26 августа 1279 г.), гдѣ Оттокаръ, послѣ отважной битвы, былъ смертельно раненъ въ грудь, и въ то время какъ снялъ съ себя шлемъ, чтобы вздохнуть свободнѣе, убитъ изъ мести однимъ австрійскимъ солдатомъ; съ тѣхъ поръ преобладаніе Богеміи сокрушено было навсегда [2]. Оттокаръ былъ государь замѣчательный: онъ

[1] Равнина на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Вѣны.

[2] Авторъ не упоминаетъ объ одной изъ главныхъ причинъ Оттокарова паденія. Сколько Рудольфъ старался ладить съ папою и духовенствомъ, столько же Оттокаръ оказывалъ неуваженія къ ихъ совѣтамъ, требованіямъ и угрозамъ. Раздраженный

не только укрощалъ сильною рукой строптивость своего буйнаго дворянства, но и дѣятельно способствовалъ улучшенію правосудія, возвышенію средняго и крестьянскаго сословій, развитію торговли, искусства, науки и промышленности, и превосходилъ всѣхъ государей той эпохи блескомъ и великолѣпіемъ своего двора. Съ согласія нѣмецкихъ князей императоръ отдалъ Австрію, Стирію и Крайну собственнымъ сыновьямъ своимъ, и такимъ образомъ сталъ основателемъ Габсбурго-австрійскаго дома; Каринтія досталась вѣрному союзнику его Мейнгарду Тирольскому, а Богемію получилъ сынъ Оттокара, Венцеславъ (женившійся потомъ на дочери Рудольфа). Избѣгая всякаго вмѣшательства въ дѣла Италіи и не препятствуя господству гвельфовъ, Рудольфъ могъ нераздѣльно посвятить свои силы Германіи. Цѣлымъ рядомъ походовъ и войнъ (1285 — 1287), преимущественно въ Швабіи, противъ непокорнаго и хищнаго Эбергарда Вюртембергскаго, и въ Бургундіи, гдѣ образовалась бездна независимыхъ владѣній, онъ успѣлъ возвратить имперіи многіе отчужденные отъ нея лэны, имущества, права, подати и сборы. Но величайшая заслуга его заключалась въ упроченіи земскаго мира и возстановленіи правомѣрнаго порядка. Онъ объѣзжалъ всю имперію, держалъ строгій судъ надъ враждолюбивымъ, хищнымъ дворянствомъ и вступался за угнетаемые и тѣснимые въ правахъ своихъ города. Въ одной Тюрингіи онъ велѣлъ казнить 29 хищныхъ жителей и разрушить 66 замковъ; во Франконіи и на Рейнѣ срыто его карающею рукою болѣе 70 замковъ въ одинъ годъ. На одномъ изъ такихъ походовъ онъ умеръ въ глубокой старости въ Гермерсгеймѣ на Рейнѣ, и похороненъ въ Шпейерѣ рядомъ съ своими «царственными предшественниками». Его простота, добродѣтель и справедливость доставили ему столько же признательности и почте-

---

противъ епископовъ своихъ нѣмецкихъ земель, которыхъ императоръ открыто взялъ подъ защиту, онъ опустошилъ наконецъ ихъ владѣнія. Успѣхамъ Рудольфа много способствовало это междоусобіе славянскаго Короля съ нѣмецкими его подданными, дѣйствовавшими подъ руководствомъ пастырей церкви, и понятно, почему война должна была кончиться тѣмъ, что за Оттокаромъ остались только славянскія его земли— Богемія и Моравія.

нія какъ и его умъ, его безпристрастное правосудіе и военная доблесть. Въ немъ не было только поэтически-геройскаго величія Гогенштауфеновъ. Трезвый, практически-умный человѣкъ безъ идеальныхъ стремленій, Рудольфъ не понималъ прежняго величія нѣмецкой имперіи и не воодушевлялся его памятью.—Въ царствованіе Рудольфа Габсбургскаго возникла распря между герцогомъ Брабантско-Лотарингскимъ [1], знаменитымъ героемъ турнировъ и миннезенгеромъ, и графомъ Гельдернскимъ изъ обладанія герцогствомъ Лимбургскимъ. Оба старались подкрѣпиться союзами; на сторонѣ перваго было кельнское гражданство, на сторонѣ послѣдняго —жестокосердый и алчный архіепископъ Зигфридъ кельнскій съ графами Люцельбургскимъ, Клевскимъ и друг. Въ многократно описанной и воспѣтой битвѣ при Ворунгенѣ (1288), гдѣ пало больше тысячи рыцарей и столько же взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ самъ архіепископъ, герцогъ брабантскій остался побѣдителемъ. Между павшими былъ мужественный графъ Люцельбургскій, отецъ императора Генриха VII. Храброе кельнское гражданство подпало за борьбу съ своимъ недостойнымъ архипастыремъ семилѣтнему отлученію отъ церкви.

Маркграфы баденскіе. Германъ II († 1130), одноименный сынъ Церингера Германа Святаго (§ 318, † 1074), наслѣдовалъ отъ своей матери Баденъ, замокъ графовъ Эберштейновъ, съ хижинами и дворами, возникшими на развалинахъ римскаго города Авреліи, а отъ отца помѣстье Гохбергъ въ области Брейсгау и деревню Бакнангъ на Мургѣ. Два преемника его Германъ III († 1160) и Германъ IV († 1190) были люди отважные, совершившіе не мало подвиговъ въ походахъ первыхъ Гогенштауфеновъ, Конрада и Фридриха Барбароссы, на Востокъ и въ Италію, и въ награду получили обратно званіе маркграфовъ веронскихъ, которое уже имѣлъ дѣдъ ихъ. Первый участвовалъ въ несчастномъ второмъ крестовомъ походѣ Конрада III, послѣдній сопровождалъ Фридриха Барбароссу въ третьемъ крестовомъ походѣ,

[1] Іоаннъ I, соединявшій подъ своею властію, вслѣдствіе фамильныхъ связей, Брабантъ и нижнюю Лотарингію. Право на владѣніе Лимбургомъ купилъ онъ у племянника послѣдняго графа, котораго родная дочь была за графомъ Гельдернскимъ. Отсюда и споръ.

но, подобно своему государю, не возвратился назадъ. Онъ умеръ въ далекой Антіохіи, еще прежде чѣмъ дошелъ до Іерусалима. Сынъ его, Германъ V Храбрый († 1243), сохранилъ родовую преданность къ Гогенштауфену Фридриху II, хотя этимъ и возбудилъ противъ себя сильную вражду и не одну усобицу со стороны противниковъ этого славнаго, героическаго рода. Въ его долгое и дѣятельное правленіе, маркграфство было расширено пріобрѣтеніемъ городовъ Дурлаха, Эттлингена, Зинсгейма и Эппингена. Жена его основала женскую обитель Лихтенталь близь Бадена, гдѣ и погребены супруги. Изъ двоихъ сыновей его, старшій—Германъ VI († 1250) пріобрѣлъ, посредствомъ брака съ наслѣдною герцогинею австрійской, герцогство Австрію и былъ отцемъ того несчастнаго Фридриха Баденскаго (называемаго также Фридрихомъ Австрійскимъ), который погибъ на эшафотѣ въ Неаполѣ вмѣстѣ съ Конрадиномъ Швабскимъ (§ 331); младшій—Рудольфъ († 1288)—наслѣдовалъ родовое имѣніе на Мургѣ и имѣлъ потомство. Во время большаго междуцарствія, Рудольфъ, подобно другимъ князьямъ, присвоилъ себѣ многіе имперскіе лэны и права. Когда же Рудольфъ Габсбургскій, по возвышеніи своемъ, потребовалъ ихъ обратно, тогда маркграфъ приступилъ къ союзу, заключенному графомъ Вюртембергскимъ съ сильнѣйшими вельможами Швабіи и Гельвеціи, для того, чтобы противустать императору и удержать за собою пріобрѣтенное прежде. Но добрый мечъ и быстрая рѣшительность Рудольфа вскорѣ сокрушили враговъ. Онъ вступилъ въ Швабію, завоевалъ между прочимъ города Баденъ, Дурлахъ, Мюльбургъ и Грецингенъ, и навелъ на своихъ противниковъ такой страхъ, что союзъ быстро распался, и маркграфъ Рудольфъ вмѣстѣ съ другими его членами поспѣшили заключить мирные договоры съ императоромъ и присягнули ему на вѣрность. Императоръ, которому въ то время еще предстояла трудная борьба съ Оттокаромъ, благосклонно отнесся къ кающимся. Онъ возвратилъ маркграфу завоеванные замки и города, и такъ какъ послѣдній съ тѣхъ поръ былъ преданъ Габсбургу, то императоръ при каждомъ удобномъ случаѣ оказывалъ ему милости, такъ что ему посчастливилось, посредствомъ цѣлаго ряда малыхъ войнъ, соединить свои разбросанныя владѣнія въ одно сплошное цѣлое. Такимъ образомъ, собственно Рудольфъ былъ основателемъ маркграфства Баденскаго, обнимавшаго плодоносныя нивы при Мургѣ и Пфинцѣ съ городами Ба-

деномъ, Пфорцгеймомъ, Дурлахомъ, Эттлингеномъ и друг. Преемникъ его, Германъ VII († 1291), присоединилъ къ этимъ владѣніямъ замокъ и помѣстье Эберштейнъ.

Графы Вюртембергскіе. Послѣ гибели Гогенштауфеновъ, на степень знатнѣйшихъ князей въ Швабіи мало-по-малу возвысились графы Вюртембергскіе. Ульрихъ Большой Палецъ († 1265), потомокъ Адальберта, который около 1100 года былъ первымъ графомъ Вюртембергскимъ и Бейтельсбахскимъ, умѣлъ воспользоваться трудными обстоятельствами своего времени для расширенія своихъ владѣній имперскими землями и получить отъ короля Ричарда выморочные лэны послѣ бездѣтно-умершаго графа Ураха, который жилъ на югъ отъ Нюртингена и котораго родовыя отчины онъ уже пріобрѣлъ куплей.—Второй сынъ Ульриха, графъ Эбергардъ (1265—1325), своимъ безпокойнымъ характеромъ и сопротивленіемъ Рудольфу Габсбургскому навлекъ много бѣдствій своему краю. Рудольфъ осаждалъ его цѣлыхъ два мѣсяца въ столицѣ его Штуттгартѣ, срылъ семь замковъ въ окрестности и принудилъ его покориться. Съ тѣхъ поръ Эбергардъ былъ вѣренъ Австрійскому дому, за что получилъ отъ Рудольфова сына Альбрехта, послѣ побѣды его надъ Адольфомъ Нассаускимъ, ландфогство (главное волостельство) надъ швабскими городами и другія выгодныя преимущества. Все это дало Эбергарду возможность купить себѣ нѣсколько значительныхъ владѣній, такъ что онъ и былъ настоящимъ основателемъ Вюртемберга. Такъ онъ пріобрѣлъ помѣстье Асбергъ, половину Кальвскаго графства (1308) и большую часть земель, которыя принадлежали носившимъ герцогское званіе баронамъ Текскимъ и графамъ Тюбингенскимъ. При Генрихѣ VII новое несчастіе разразилось надъ Вюртембергомъ. Эбергардъ, объявленный изгнанникомъ за свои постоянныя распри съ швабскими имперскими городами, былъ доведенъ до такой крайности союзомъ императора съ его многочисленными недругами, что долженъ былъ бѣжать къ своему зятю Рудольфу Баденскому, оставя край и подданныхъ на произволъ враговъ. Однако послѣдовавшая вскорѣ смерть императора, дала графу возможность снова пріобрѣсти утраченное. Сынъ его Ульрихъ (1325—1344) пріумножилъ отцовское наслѣдіе покупкою многихъ замковъ, городовъ и помѣстій. Эбергардъ Ворчунъ или Трескучая Борода (1344—1392), рыцарственный сынъ Ульриха, прославленный въ сказаніи и поэзіи,

до 1366 года правившій Вюртембергскимъ краемъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ульрихомъ, продолжалъ дѣйствовать въ духѣ отца и своею храбростью въ войнахъ съ рыцарскими и городовыми союзами снискалъ себѣ ратную славу и расширилъ свои владѣнія (§ 359). Преемникомъ его былъ Эбергардъ Кроткій (1392—1417), который, женивъ своего сына на наслѣдной графинѣ Мёмпельгардской, пріобрѣлъ своему дому это прекрасное графство, нѣкогда принадлежавшее къ Бургундскому королевству. Графъ Эбергардъ Бородатый († 1495), основатель тюбингенскаго университета (1477), получилъ отъ императора Максимиліана титулъ герцога.

§ 346. Адольфъ Нассаускій и Альбрехтъ Австрійскій. Отчасти опасеніе быстро возраставшаго могущества Габсбурговъ, отчасти ненависть къ суровому, алчному сыну Рудольфа Альбрехту, побудили князей, по совѣту ловкаго майнцскаго архіепископа Гергарда Эппенштейна, избрать въ императоры храбраго, рыцарственнаго графа Адольфа Нассаускаго (1292). Но, подобно Габсбургамъ, и онъ, дотолѣ «бѣдный рыцарь», стремился расширить свою небольшую область на лѣвомъ берегу Лана, и для этого воспользовался денежнымъ вспоможеніемъ (субсидіями), полученнымъ отъ соединившагося съ нимъ противъ Франціи короля Англійскаго на наборъ нѣмецкаго войска, чтобы купить у ландграфа Альбрехта Безчиннаго Тюрингію и Мейсенъ. Этотъ постыдный торгъ вовлекъ его въ опустошительную войну съ сыновьями ландграфа, Фридрихомъ Укушенною Щекою и Дицманомъ, которыхъ развратный отецъ, изъ злобы къ матери ихъ (§ 331) и къ нимъ самимъ, непремѣнно хотѣлъ лишить наслѣдства. Въ виду такой опасности, князья, поддерживаемые своими земскими чинами противустали шайкамъ хищныхъ рыцарей, которыя привелъ на нихъ императоръ (1294); но они тѣмъ не менѣе въ теченіе пяти лѣтъ опустошали нивы Тюрингіи, разрушали города, мѣстечки и монастыри, грабили, истязали и убивали жителей. Громкое негодованіе на такой безсовѣстный образъ дѣйствій и неудовольствіе властолюбиваго курфюрста Гергарда Майнцскаго, которому новый, энергически и самостоятельно дѣйствующій императоръ не далъ ни ожиданныхъ преимуществъ, ни влія-

нія на дѣла, способствовали его противнику Альбрехту къ образованію сильной партіи, во главѣ которой стояли курфюрсты Майнцскій, Богемскій, Саксонскій и Браденбургскій. Они вызвали Адольфа передъ самовластно созванный сеймъ въ Майнцъ, и когда онъ не явился, то, приводя противъ него цѣлый рядъ жалобъ на неправомѣрный и беззаконный порядокъ вещей, безчестные поступки и дурные замыслы, они объявили его низложеннымъ и выбрали Альбрехта Австрійскаго. Послѣдній тотчасъ выступилъ къ Рейну съ превосходными силами легкой конницы и стрѣлковъ, однако встрѣтилъ достойнаго противника въ Адольфѣ, сторону котораго держали пфальцграфъ Рудольфъ, герцогъ Баварскій, графъ Гессенскій, а главное—богатые и могущественные при-рейнскіе города. Снова угрожала опустошительная междоусобная война плодоноснымъ краямъ Рейна и Вогезовъ, и исходъ ея казался весьма сомнительнымъ, когда Адольфъ Нассаускій, мучимый нетерпѣніемъ привести дѣло къ развязкѣ, въ надеждѣ на своихъ рыцарей и латниковъ, завязалъ поспѣшный бой съ превосходившимъ его силами противникомъ, не дождавшись даже пѣхоты изъ городовъ, и тѣмъ навлекъ себѣ пораженіе въ битвѣ при Гёльгеймѣ у Доннерсберга (2-го іюля 1298). Сбитый въ пылу боя съ лошади копьемъ своего противника, онъ палъ въ общей сумятицѣ отъ неизвѣстной руки. Тѣло его покоится въ шпейерскомъ соборѣ.

Графы Нассаускіе. Изъ династическихъ родовъ, владѣвшихъ между рѣками Майномъ, Ланомъ и Рейномъ, въ 11 столѣтіи заняли видное мѣсто графы Лауренбургскіе, которые сидѣли при Ланѣ въ двухъ часахъ пути ниже Дица. Съ теченіемъ времени, когда владѣнія ихъ расширились до Рейна, одинъ изъ графовъ Лауренбургскихъ построилъ въ половинѣ 12-го вѣка замокъ Нассау; но майнцскій соборный капитулъ оспоривалъ право собственности на него какъ у этого графа, такъ и у ближайшихъ его преемниковъ; споръ этотъ былъ разрѣшенъ не ранѣе 1160 года при посредничествѣ Трира, послѣ чего графы Лауренбургскіе назывались уже «графами Нассаускими» и стали ленниками Трирскаго архіепископства. Вальрамъ, участвовавшій въ крестовомъ походѣ съ Фридрихомъ I, около 1195 года соединилъ всѣ земли своего дома въ долинѣ Лана вплоть до Кобленца. Сынъ его Генрихъ II, ходив-

шій въ Святую Землю съ императоромъ Фридрихомъ II, увеличилъ свои владѣнія и построилъ Дилленбургъ и Гинсбергъ. Онъ умеръ въ 1250. Пять лѣтъ послѣ его смерти, сыновья его Вальрамъ II и Оттонъ подѣлили между собою Нассауское графство (декабрь 1255). Оттонъ выбралъ себѣ земли на правомъ берегу Лана съ городами Зигеномъ, Бейльштейномъ, Герборномъ и съ замками Дилленбургомъ и Гинсбергомъ; Вальраму достались земли на лѣвомъ берегу Лана съ городами Идштейномъ, Висбаденомъ и Вейльбургомъ. Замки Нассау и Лауренбургъ были общею собственностію. Сынъ Вальрама, Адольфъ Нассаускій, носилъ императорско-нѣмецкую корону. Сынъ Адольфа Герлахъ I наслѣдовалъ отцовское графство на югъ отъ Лана. По смерти его въ 1361 году, его дѣти Адольфъ II и Іоаннъ раздѣлили между собою небольшое его владѣніе, такъ что первый получилъ Идштейнъ и Висбаденъ, а второй Вейльбургъ, и передали ихъ своимъ потомкамъ. До начала 17-го вѣка, обѣ отрасли Вальрамовой линіи оставались раздѣльными, и только въ 1605 году, когда прекратилась отрасль Идштейнъ-Висбаденская, всѣ земли на югъ отъ Лана были соединены вновь, такъ что Вейльбургская линія, которая между тѣмъ пріобрѣла посредствомъ брачныхъ союзовъ графство Зарбрюкъ и другія помѣстья на лѣвомъ берегу Рейна, получила всѣ владѣнія Нассауско-Вальрамова княжескаго дома. Хотя впослѣдствіи происходили новые передѣлы, однако всѣ владѣнія опять возвращались въ однѣ руки, и наконецъ линія Нассау-Узинген и Вейльбургъ получили сперва княжескій, потомъ герцогскій санъ. Вѣтвь Оттона также распалась на многія побочныя линіи, которыхъ наслѣдіе слилось въ пережившей всѣ ихъ Оранo-Дилленбургской линіи. Послѣдняя пользовалась намѣстническимъ саномъ въ Нидерландахъ.

§ 347. Альбрехтъ Австрійскій (1298—1308) былъ человѣкъ весьма дѣятельный, но суровый; его непреклонный, безпощадный нравъ отражался уже въ мрачномъ лицѣ, обезображенномъ потерею одного глаза. Властолюбіе и алчность къ захвату были господствующими страстями души его. Первое внушило ему замыселъ уничтожить права князей, городовъ и земскихъ чиновъ и основать неограниченную монархію; вторая заставила его продолжать неправую борьбу своего предшественника противъ обложенныхъ опалою ландгра-

фовъ Фридриха и Дицмана Тюрингенскихъ, предъявить свои притязанія на Голландію, Бургундію, Богемію и другія земли и поперемѣнно завоевывать ихъ, но безъ продолжительнаго успѣха, съ помощію своихъ наемныхъ войскъ, швабскихъ и швейцарскихъ. Притѣснительными налогами и насиліемъ добывалъ онъ себѣ денежныя средства, нужныя для этихъ предпріятій. При всемъ томъ, Альбрехтъ былъ человѣкъ проницательнаго ума. Чтобы сокрушить преобладаніе духовныхъ и свѣтскихъ князей онъ поощрялъ города, благопріятствовалъ ихъ союзамъ, обезпечивалъ имъ права и оживлялъ ихъ торговую дѣятельность. Четверыхъ рейнскихъ курфюрстовъ, въ особенности же высокомѣрнаго архіепископа Гергарда Майнцскаго, хвалившагося, что у него еще и не одинъ запасной король въ дорожной сумѣ, заставилъ онъ, послѣ гибельной для благословенныхъ при-рейнскихъ и при-некарскихъ земель войны, отмѣнить притѣснительные поборы на Рейнѣ и возвратить присвоенное ими имперское имущество. Но курфюрсты нашли могущественнаго союзника въ лицѣ пылкаго папы Бонифація VIII. Послѣдній потребовалъ Альбрехта, «именующаго себя Нѣмецкимъ королемъ», передъ святой престолъ къ отвѣту, какъ виновнаго въ измѣнѣ королю Адольфу; онъ же взялъ въ свои руки рѣшеніе относительно упразднившейся венгерской короны; онъ обвинялъ императора и въ томъ, что тотъ женился на княжнѣ «ехидниискаго» отродья Фридриха II (на сестрѣ Конрадина). Но принявъ на себя роль третейскаго судьи между Англіею и Франціей, Бонифацій приготовилъ и себѣ, и римскому престолу великое бѣдствіе (§ 353). Оттого онъ вскорѣ пожелалъ сблизиться съ Нѣмецкимъ королемъ и подалъ ему руку примиренія. Но какою дорогой цѣною приходилось Альбрехту покупать себѣ миръ! Онъ долженъ былъ обѣщать, что признаетъ папу своимъ верховнымъ лѣннымъ господиномъ, что будетъ повиноваться и помогать ему противъ его враговъ. — Наконецъ, страшный для всѣхъ и всѣми ненавидимый, Альбрехтъ былъ убитъ (1308), близъ Виндиша на берегу Рейса, собственнымъ племянникомъ Іоанномъ Швабскимъ (Парриципой, т. е. отцеубійцей), у котораго онъ отнялъ отцовское наслѣдіе,—и убитъ въ то время, когда готовился къ подав-

ленію вольныхъ Гельветовъ. Іоаннъ искупилъ свое «Каиновское дѣло» въ монастырѣ; но страшно отомстили жестокосердая супруга императора и дочь его Агнеса Венгерская Рудольфу Вартскому, Бальму и Эшенбаху, сообщникамъ убійцы, и всѣмъ ихъ друзьямъ, роднымъ и слугамъ. Около 1,000 человѣкъ были принесены въ жертву тѣни императора, На мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, царственныя мстительницы построили монастырь Кёнигсфельденъ, гдѣ Агнеса провела остатокъ жизни въ набожномъ покаяніи.—Наслѣдство Альбрехта въ Австріи и Швабіи досталось пятерымъ его сыновьямъ.

Тюрингенъ. Въ Тюрингенѣ Альбрехтъ потерпѣлъ, въ 1307 г., превознесенное саксонскими хрониками пораженіе при Лукау (близь Альтенбурга) отъ Фридриха Укушеннаго. Дицманъ въ томъ же году погибъ жертвою коварнаго убійства; но Фридрихъ остался владѣтелемъ Тюрингена и Мейссена, и передалъ этотъ край своимъ потомкамъ, Фридриху Важному (—1349) и Фридриху Строгому (—1381), которые расширили его новыми пріобрѣтеніями.

§ 348. Учрежденіе Швейцарскаго союза. Съ завоеваніемъ Бургундіи при Конрадѣ II, Гельвеція отошла къ Германіи (1033). Въ 11 и 12 вѣкахъ, тамъ управляли могущественные герцоги Церингенскіе (§ 318), и ознаменовали свое господство основаніемъ городовъ Берна, Фрейбурга, Мильдена, Бургдорфа и друг. По пресѣченіи этого дома, край распался на множество мелкихъ владѣній (1218); республики и вольныя сельскія общины, аббатства и епископства и бездна независимыхъ маетностей, начиная съ усадьбы вольнаго крестьянина до сильнаго графства, состояли непосредственно подъ лѣнною верховною властью императора. Вскорѣ возвысились надъ другими могуществомъ и обширностію владѣній,—на югѣ графы Савойскіе, на сѣверѣ Габсбурги. Послѣдніе, которымъ принадлежало ландграфство Ааргау, именемъ имперіи завѣдывали управленіемъ и уголовнымъ судомъ въ земляхъ при озерѣ Четырехъ Кантоновъ,—въ Швицѣ, Ури и Унтервальденѣ (это три такъ-называемые «первобытные кантона»), гдѣ были у нихъ большія помѣстья. Возвышеніе Рудольфа и усиленіе ихъ дома навело Габсбурговъ на мысль подчинить эти города австрійскому владычеству. Съ этою цѣлью Альбрехтъ допустилъ управлявшихъ габсбургскими помѣстьями фогтовъ (особенно Геслера брунекскаго и Беринегера ланденбергскаго) пользоваться им-

перскими правами надъ свободными сельскими общинами и вольнымъ крестьянствомъ, и злоупотреблять своимъ положеніемъ, угнетая это простое, воинственное и свободолюбивое горское племя. Тогда три старѣйшихъ кантона, руководимые Вальтеромъ Фюрстомъ, Арнольдомъ Мельхтальскимъ и Вернеромъ Штауффахеромъ, заключили между собою на удолѣ Рютли союзъ во имя свободы (1307), вслѣдствіе чего замки были взяты приступомъ и фогты прогнаны (1308); но передъ этимъ стрѣлокъ Вильгельмъ Телль (такъ говоритъ преданіе) отплатилъ кровавою местью свирѣпѣйшему изъ нихъ, Геслеру, который заставлялъ его подстрѣлить яблоко съ головы роднаго сына только за то, что Телль не преклонилъ колѣнъ предъ выставленною въ Альторфѣ герцогскою шляпой. Умерщвленіе Альбрехта избавило Швейцарцевъ отъ послѣдствій его гнѣва. Преемникъ его Генрихъ VII подтвердилъ за ними свободу и непосредственную зависимость ихъ отъ имперіи.

§ 349. Сынъ Альбрехта Леопольдъ, разгнѣванный тѣмъ, что Швейцарцы признали императоромъ врага Габсбурговъ, Людвига Баварскаго, воспользовался ссорой между Швицомъ и Эйнзидельнскимъ монастыремъ (котораго онъ былъ фогтомъ), чтобы внести войну въ Ури, Швицъ и Унтервальденъ. Но въ узкомъ проходѣ при Моргартенѣ войско его было совершенно разбито Гельветами (1315), которые умѣли извлечь выгоду изъ своего благопріятнаго положенія. Горсть воинственныхъ пастуховъ и поселянъ истребила неповоротливое, тяжело вооруженное рыцарство, отчасти сброшенными внизъ массами камня, отчасти быстрымъ натискомъ съ высоты, при помощи одного дубья и бердышей. Съ тѣхъ поръ палo вліяніе Габсбурговъ въ швейцарскомъ краѣ. Съ добровольнымъ присоединеніемъ австрійскаго города Люцерна (1332) къ тремъ названнымъ выше, всѣ берега озера Четырехъ Кантоновъ вошли въ составъ Союза, который вскорѣ привлекъ къ себѣ и сильный Бернъ (1339), послѣ того какъ первые союзные города оказали ему помощь противъ нападеній сосѣдняго дворянства (бой при Лаупенѣ). Спустя двѣнадцать лѣтъ (1351) энергическій, но суровый цюрихскій бургомистръ Брунъ, которому древніе роды и Австрія угрожали войной за его политическія нововведенія, присоединилъ этотъ важный городъ къ Союзу; вскорѣ приступили къ нему еще два габсбургскіе города, Гларусъ и Цугъ. Повсюду во главѣ об-

щиннаго управленія стоялъ ландамманнъ, или земскій староста, съ совѣтомъ. Въ битвѣ при Земпахѣ (1386, § 359), союзники (какъ нѣкогда аѳинскіе демократы при Маратонѣ) выдержали страшное испытаніе противъ австрійской и нѣмецкой рыцарственной аристократіи, и доказали, что они достойны свободы. То, что дѣлали тогда первобытные кантоны, какъ устроивались они въ гражданскія общины, какъ отстаивали въ кровопролитныхъ бояхъ съ габсбургскимъ рыцарствомъ свободу предковъ, все это въ теченіе цѣлыхъ полутораста служило поощрительнымъ примѣромъ и нравственнымъ возбужденіемъ для городовъ южной и западной Германіи.

3. Люксембургская и баварская династіи.

а) Правленіе Генриха VII.

§ 350. Старанія короля Французскаго доставить, съ помощію папы, нѣмецко-императорскую корону своему брату, сокрушились объ энергію, съ какою архіепископъ майнцскій Петръ Айхшпальтеръ настаивалъ и наконецъ настоялъ на выборѣ благороднаго графа Люксембургскаго (или Люксельбургскаго). Сидя на королевскомъ столѣ въ Рензе [1], принялъ Генрихъ VII (1308 — 1313) германскую корону, и потомъ носилъ ее съ честію. Бывши еще незнатнымъ графомъ, отличался онъ рыцарскою храбростью, любовью къ гражданскому порядку и строгимъ, безпристрастнымъ правосудіемъ; эти добродѣтели сохранилъ онъ и на тронѣ. Ардепскій край (очень дикій), служившій еще и въ позднѣйшіе вѣка надежнымъ убѣжищемъ ворамъ и разбойникамъ, сталъ подъ его управленіемъ такъ безопасенъ, что купеческіе обозы, навьюченные дорогимъ товаромъ, шли безъ прикрытія по тамошнимъ захолустьямъ и пустырямъ: до того всѣ боялись строгой расправы безпощаднаго владѣльца. Тоже энергическое правосудіе явилъ онъ и въ новомъ своемъ достоинствѣ. Проникнутый идеальными понятіями объ имперской власти,

[1] Ренсъ, Рензе — мѣстечко въ Колсбленцскомъ округѣ. Устроенный тамъ королевскій столъ былъ осьмиугольникъ изъ плитняку съ семью сѣдалищами.

старался онъ доставить ей вездѣ благоговѣйное признаніе, и потому былъ столько же строгимъ повелителемъ къ строптивымъ и непокорнымъ, сколько щедрымъ и кроткимъ до всѣхъ послушныхъ и почтительныхъ. Принявъ энергическія мѣры къ поддержанію земскаго мира и поручивъ наказаніе опальнаго Эбергарда Вюртембергскаго, неугомоннаго врага швабскихъ городовъ, самимъ раздраженнымъ его сосѣдямъ, особенно имперскому фогту Конраду Вейнсбергу, онъ воспользовался споромъ за богемскій престолъ, чтобы бракосочетаніемъ своего сына Іоанна съ сестрою бездѣтно умершаго короля того края, Венцеслава III [1], доставить обладаніе этимъ королевствомъ своему дому, съ добровольнаго согласія самихъ богемскихъ чиновъ. Едва, съ помощію многихъ дружныхъ съ нимъ князей, успѣлъ онъ привести къ благополучному концу это дѣло, положившее основу великому могуществу Люксембургской династіи, какъ уже обратилъ свой взоръ на давно-забытую, междоусобствующую Италію, и движимый романтическимъ духомъ недавняго еще прошлаго предпринялъ походъ въ Римъ (1310), чтобы снова возстановить въ прекрасной апеннинской странѣ исчезнувшій тамъ блескъ императорства. Съ восторгомъ привѣтствовали угнетенные гибеллины прибытіе веледушнаго государя, пробудившее въ нихъ память былыхъ временъ, и величайшій поэтъ, пѣвецъ Божественной Комедіи, Дантъ флорентійскій, праздновалъ появленіе его стихами, которые скоро были въ устахъ у всѣхъ, и старался пламенными манифестами привлечь умы и сердца согражданъ въ законной монархіи. «Когда ты, преемникъ Цезаря и Августа (писалъ онъ къ императору), спускался съ Апеннинскаго хребта, внезапно прервались длинные вздохи, высохли потоки слезъ, и для Италіи заблистала новая надежда лучшей будущности, точно при восходѣ многолюбимаго солнца.» Генрихъ вначалѣ осторожно избѣгалъ рѣшительно становиться на чью-либо сторону, среди вездѣ господствовавшей страстной ярости партій; онъ принялъ на себя роль миротворца, чтобы тѣмъ скорѣе дать вѣсъ достоинству императора, а вмѣ-

[1] Принцессѣ Елисаветѣ было 22 года, а мужу ея Іоанну всего—14.

стѣ возстановить и утвердить ослабѣвшее уваженіе ко всякой, и духовной и свѣтской, власти. Въ Миланѣ возложилъ онъ на себя ломбардскую корону, строго взыскалъ съ городовъ верхней Италіи податную недоимку, безпощадно наказалъ республиканскихъ гражданъ Кремоны и Брешіи и, обезпечивъ за собой Ломбардію назначеніемъ въ ней императорскихъ фогтовъ съ тѣмъ, чтобы они «и нежелающихъ понуждали къ справедливости», Генрихъ черезъ Генуу отправился въ гибеллинскую Пизу, гдѣ встрѣтилъ его величайшій почетъ. Но теперь возстали на него гвельфы, озабоченные успѣхами императора и возрастающимъ мужествомъ своихъ противниковъ, — возстали такъ сильно, что «августѣйшій рыцарь скоро лишился своего блеска, внушавшаго благоговѣніе». Ими предводили король Робертъ Неаполитанскій и богатая, гордая Флоренція, которая незадолго до того изгнала отъ себя партію бѣлыхъ и принудила къ покорности гибеллинскій городъ Пистойю, подвергнувъ его всѣмъ ужасамъ войны; къ гвельфамъ пристали также многіе ломбардскіе города, недовольные судейской строгостью, съ какою Генрихъ стремился возстановить идею подчиненія властямъ, и раздраженные притомъ поборами, къ которымъ онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть. Самъ папа (бывшій тогда въ Авиньонѣ, § 353) объявилъ себя его противникомъ, такъ что онъ только продолжительною борьбой добился коронованія въ Римѣ отъ руки папскаго легата. Но это было сигналомъ возобновленія войны между гвельфами и гибеллинами. Генрихъ мужественно боролся съ партіею непокорныхъ и орудіями Юстиніана и мечемъ Карла Великаго. Въ союзѣ съ королемъ Сицилійскимъ, вспомоществуемый Пизанцами и многими гибеллинскими городами и вельможами, принималъ онъ энергическія мѣры для покоренія гвельфскихъ городовъ Тосканы и уничиженія Флоренціи, какъ вдругъ скончался во цвѣтѣ лѣтъ въ Бонконвенто, недалеко отъ Арно (24 авг. 1313). Такъ какъ непосредственно передъ тѣмъ онъ принялъ изъ рукъ бенедиктинца Бернардино св. причастіе, то возникло подозрѣніе, что при этомъ употребленъ былъ ядъ, и смерть подана императору въ пищѣ небесной жизни. Торжество гвельфовъ по случаю кончины врага усилило (неосновательную)

вѣру въ отравленіе. Огорченные Пизанцы схоронили на своемъ великолѣпномъ городскомъ кладбищѣ (Campo santo) государя, сведеннаго темною судьбой въ слишкомъ раннюю могилу. Со времени Фридриха Барбароссы не было въ Германіи императора, который бы принималъ такъ къ сердцу и ставилъ такъ высоко величіе своего царственнаго долга. Онъ вѣровалъ въ высоту своего призванія и жилъ для него, исполненный глубокаго благочестія. Онъ питался не отъ «земли и металла», а—какъ говоритъ о немъ Дантъ — «отъ мудрости, добродѣтели и любви». «Память его не запятнана ни однимъ злымъ укоромъ даже и со стороны враговъ», удостовѣряетъ другой современникъ. Смерть Генриха и слѣдовавшая за тѣмъ борьба кандидатовъ на упразднившуюся корону расторгла въ Италіи всѣ узы между отдѣльными городами и владѣніями, война и грабежъ свирѣпствовали во всѣхъ концахъ и въ каждомъ углу.

Взглядъ на политическую исторію Италіи могъ бы привести въ отчаянье, еслибъ изъ общаго развитія этого края не оказывалось ясно, какъ неистощима природа человѣка на способы, при которыхъ утрата одного блага непосредственно вознаграждается другимъ. Не смотря на эту анархическую вольность, отчасти даже благодаря ей, дивно процвѣтали тогда въ Италіи торговля внутренняя и внѣшняя, науки и ремесла, искусства и поэзія. Этой высокой степени образованія содѣйствовали во-первыхъ университеты, которые, кромѣ прежнихъ болонскаго и падуанскаго, учреждены были постепенно во Флоренціи, Сіэнѣ, Луккѣ, Феррарѣ, Римѣ и друг. мѣст., академіи и школы, возникшія во всѣхъ значительныхъ городахъ Италіи,—во-вторыхъ, множество богатыхъ фамилій, которыя полагали свою славу въ покровительствѣ наукамъ, искусству и литературѣ и соперничали между собою въ щедрости къ поэтамъ, ученымъ и художникамъ. Денежныя дѣла и торговля восточными произведеніями были исключительно въ рукахъ Итальянцевъ; нѣмецкіе города научились тому и другому, а также суконной торговлѣ, фабрикаціи стекла, зеркалъ и шелковыхъ тканей, искусной обработкѣ золота и серебра—у Милана, Венеціи, Генуи и Брешіи. Флорентинцы были банкирами государей и князей, рыцарей и прелатовъ; сверхъ-того они распространились по всей Европѣ въ качествѣ шелковыхъ фабрикантовъ и состояли въ особенно тѣсной связи съ Фламандцами, которые превосходили ихъ въ выдѣлкѣ сукна.

§ 351. Дантъ. Петрарка. Боккаччіо. Гибеллины вскорѣ потомъ получили трехъ вождей, которые, соединяя умъ съ энергіей, возстановили упавшее-было значеніе ихъ партіи: то были Маттео Висконти, который хитростью и насиліемъ утвердилъ свое господство на низверженіи гвельфскаго дома делла Торре въ Миланѣ; Каструччіо Кастракани, властитель Лукки, извѣстный по его жизнеописанію, сочиненному великимъ историкомъ Макіавелли, и Канъ делла Скала веронскій. У послѣдняго нашелъ себѣ защиту и радушный пріемъ, изгнанный изъ родины своей, Флоренціи, знаменитый гибеллинъ Данте Алигьери († 1321), и трудился здѣсь надъ своею обширною и превосходною (эпическою) поэмой: Божественная Комедія, состоящею изъ трехъ частей: Ада, Чистилища и Рая, и вмѣстившею въ себѣ всю мудрость среднихъ вѣковъ, весь запасъ тогдашней науки,—астрономіи, естествовѣдѣнія, философіи, богословія, исторіи, политики и археологіи; вотъ почему Дантъ въ правѣ былъ сказать, что небо и земля приложили руку къ его творенію. Аллегоріи, намеки на современныя событія и взгляды, глубокія изреченія и изслѣдованія касательно господствовавшихъ тогда философіи и богословія затрудняютъ уразумѣніе поэмы, и потому уже съ весьма раннихъ поръ начали писать къ ней толкованія (комментаріи). Дантъ былъ творцомъ поэтическаго языка Итальянцевъ (срав. § 343. 4. Италія), который въ его удивительныхъ стихахъ соединяетъ благозвучіе и мягкость съ необыкновенною силой. Въ тѣсной связи съ великою его поэмою состоитъ такъ-называемая Vita nuova (Новая жизнь), собраніе лирическихъ піэсъ (канцонъ и сонетовъ), въ которыхъ онъ описываетъ исторію своей любви къ прославленной въ Божественной Комедіи Беатриксѣ. Свои гибеллинскія воззрѣнія Дантъ обнародовалъ преимущественно въ латинской книгѣ О монархіи, гдѣ онъ проводитъ ту мысль, что императоръ стоитъ не ниже папы, но на ряду съ нимъ, и что оба предназначены отъ Бога быть руководителями и учредителями міра, вождями человѣчества къ разумной свободѣ. Тотъ же самый взглядъ обнаруживается вездѣ и въ Божественной Комедіи. Житейскія бѣдствія ожесточили Данта и сдѣлали его непривѣтливымъ. — Съ нимъ начинается для Италіи новый періодъ искусства и литературы, который развивался болѣе 200 лѣтъ и достигъ своей высшей точки въ 16 столѣтіи. Уже и Дантъ выбралъ себѣ Виргилія въ проводники по вертепамъ ада, а Петрарка († 1374), своимъ пламеннымъ

удивленіемъ къ этому стихотворцу и ко всей римской литературѣ, особенно содѣйствовалъ пробужденію изящнаго вкуса, совсѣмъ погибшаго въ монашескихъ училищахъ. Его нѣжные, чрезвычайно благозвучные Сонеты къ Лаурѣ и теперь еще слывутъ у Итальянцевъ недостижимымъ образцомъ мелодичности поэтическаго языка, какъ ни пусты они впрочемъ по содержанію. Но европейскую знаменитость пріобрѣлъ себѣ Петрарка своими латинскими сочиненіями, въ стихахъ и въ прозѣ. Изъ послѣднихъ весьма важны были его Письма и Жизнеописанія римскихъ героевъ для оживленія патріотизма и нравственной дѣятельности; но своими риторскими панегириками государямъ и вельможамъ того времени, особенно покровителю своему, императору Карлу IV, онъ заслужилъ себѣ упрекъ въ явной лести [1]. Петрарка имѣлъ сильное вліяніе на ходъ образованія Флорентинца Боккаччіо († 1375), творца новой итальянской прозы, которой мастерской образецъ далъ онъ въ своемъ Декамеронѣ, собраніи ста разсказовъ и повѣстей, почерпнутыхъ преимущественно изъ провансальскихъ и испанскихъ стихотворцевъ и отчасти очень грязныхъ и безнравственныхъ. Боккаччіо оставилъ также латинскіе разсказы изъ древней миѳологіи и друг.; но важною заслугою его было еще то, что онъ далъ первый толчокъ изученію греческаго языка и греческой литературы. Въ то же время Джованни Виллани († 1348) отлично обработалъ Исторію Флоренціи на отечественномъ языкѣ. Высокая простота и разнообразіе рѣчи и изложенія напоминаютъ Геродота. Виллани былъ гвельфъ и демократъ; поэтому онъ и отозвался не совсѣмъ благопріятно о Дантѣ. Его исторію, доходящую до 1345 г., можно назвать хроникой Европы, потому что онъ упоминаетъ въ ней и о событіяхъ чужихъ странъ (§ 343). Эта небывалая полнота и еще лѣтописная форма, требующія частыхъ отступленій и повтореній, придали его труду характеръ повѣсти. Не даромъ онъ былъ одною изъ замѣчательнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ историческихъ книгъ средневѣковой эпохи. Самъ Виллани былъ практическій дѣлецъ, знакомый со всѣми отраслями образованія того времени, а по складу мысли и религіозному воззрѣнію, по суевѣрію и крѣпкой

[1] Петрарка принималъ живѣйшее участіе въ политическихъ интересахъ своего времени и не разъ игралъ роль дипломатическаго агента. Возстановленіе независимости Италіи было любимою его мечтою. Для осуществленія ея обращался онъ то къ папѣ то къ императору, то къ демократическому движенію въ Италіи.

вѣрѣ въ чудеса—вполнѣ дитя своего вѣка; честно и прямодушно старался онъ вездѣ о благѣ своего роднаго города, при этомъ былъ миролюбивъ и врагъ всякаго безпорядка, но дальнѣйшихъ политическихъ интересовъ не обнималъ его близорукій взглядъ. Маттео Виллани († 1378), который довелъ его трудъ до 1363 г., образомъ мыслей, добросовѣстностью и патріотизмомъ былъ подобенъ своему брату. Онъ тужитъ объ упадкѣ старыхъ нравовъ и гражданской доблести, о томъ, что всплылъ на верхъ низшій классъ и что въ рукахъ неопытныхъ новичковъ политика слишкомъ измельчала.

Дантъ. Особенно возвысило Данта то счастливое воспитаніе самою общественною жизнью, которое, подобно древне-греческимъ и римскимъ писателямъ, получилъ онъ въ разнообразнѣйшихъ службахъ своему республиканскому отечеству: эта школа очистила и закалила величавый его характеръ. Еще юношей участвовалъ онъ въ двухъ славныхъ битвахъ за родную Флоренцію. Но служба не мѣшала ему ревностно заниматься ученьемъ, и сочиненія Данта свидѣтельствуютъ о той необычайной многосторонности и томъ высокомъ умственномъ образованіи, которыя изумляли уже современниковъ. Но что имѣло важнѣйшее вліяніе на великую его поэму, что послужило ей настоящимъ основаніемъ, что дало для нея историческій и эпическій матеріалъ, такъ это, конечно, его треволненная политическая дѣятельность и то живое участіе, какое принималъ онъ въ судьбахъ и политикѣ своей отчизны. Вскорѣ онъ былъ избранъ членомъ въ высшую коллегію государства и дотого отличился тамъ своими талантами, своей смѣтливостью, зрѣлостью взглядовъ, свободнымъ отъ предразсудковъ и глубоко-просвѣщеннымъ умомъ, что безъ его совѣта и содѣйствія не постановлялось ни одной важной мѣры, не отправлялось ни одного посольства, не предпринималось никакого измѣненія въ законахъ. Въ этой-то многосложной дѣятельности государственной пріобрѣлъ онъ свои взгляды на взаимныя отношенія народовъ и властителей, церкви и государства, на права и обязанности различныхъ сословій, — взгляды, которые подняли его несравненно выше тѣснаго кругозора родной Флоренціи и поставили на твердую почву собственнаго убѣжденія, свободнымъ отъ всѣхъ партій, мнѣній и страстей своей эпохи. Эти воззрѣнія вывелъ онъ подъ глубоко-поэтическою оболочкой въ своей Божественной Комедіи. Но систематичнѣе изложилъ ихъ Дантъ въ трудѣ своихъ преклонныхъ лѣтъ, въ трактатѣ О монархіи,

который поэтому находится въ тѣсной связи съ Божественною Комедіей и вмѣстѣ съ его Письмами составляетъ главную основу для уразумѣнія трудной поэмы. Въ хаосѣ крупныхъ и мелкихъ страстей, усобицъ внутри, нападеній и опустошеній извнѣ, насилія и жестокостей тирановъ, захватовъ церкви наконецъ, Дантъ не видалъ иного средства возстановить свободу, единодушіе и силу своего народа, кромѣ того, чтобъ поставить его подъ щитъ одного общаго императора, который, будучи выше всѣхъ королей, герцоговъ и князей, и поэтому сравнительно свободный отъ низкихъ поползновеній, страстей и лицепріятія, оберегалъ бы право и обезпечивалъ миръ, первую основу народнаго развитія, и подъ охрану церкви, которая, оставивъ всякую заносчивость и лишенныя всѣхъ правъ вмѣшательства въ мірскія дѣла, тѣмъ дѣятельнѣе пеклась бы о духовномъ благѣ народовъ. Эту основную мысль поэтъ перенесъ, сообразно вкусу вѣка, въ высшую сферу мистики и въ своемъ провидческомъ путешествіи по аду, чистилищу и небу представилъ ее наглядно цѣлымъ рядомъ возвышенныхъ образовъ и картинъ. Два совершенно равные по положенію и только Богу отвѣтственные вождя и распорядителя должны были предводительствовать міромъ, — императоръ, который, съ помощію философскихъ ученій, распространялъ бы мудрыми учрежденіями мірское благо на землѣ, и папа, который по слову Божественнаго откровенія руководилъ бы міръ къ истинной вѣрѣ и добродѣтели и такимъ образомъ содѣлывалъ его достойнымъ небеснаго блаженства. Вотъ почему Дантъ избралъ себѣ двухъ проводниковъ и въ таинственномъ своемъ путешествіи, — сперва Виргилія, какъ пѣвца римскаго имперіализма, прославившаго въ своемъ эпосѣ священную Римскую имперію и перваго императора Августа, потомъ Беатриксу, подъ именемъ которой Дантъ чествуетъ память своей чистой юношеской любви и которая является здѣсь символомъ божественной любви и откровенія. Поэтому-то Виргилій свѣдущъ только во всемъ томъ, что относится къ мірскому управленію, къ императорству; онъ показываетъ ученику своему Данту, во время шествія ихъ въ аду, печальныя слѣдствія беззаконности, противленія божественному порядку, тиранніи, мятежа, хищничества, — однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ грѣховъ, которые нарушаютъ мирный поступательный ходъ человѣчества къ его цѣли. Чистилище представляетъ, въ различныхъ степеняхъ, способы покаянія и благодати, даруемые Богомъ чрезъ посредство Церкви, для воз-

вращенія на путь истины, всѣмъ тѣмъ, кто лишь временно ослѣплялся страстями. Въ земномъ раю, на вершинѣ чистилищной горы, Дантъ переходитъ въ руки новой водительницы, созерцаетъ тамъ въ видѣніи символическую исторію церкви и порчу ея до самаго своего времени и, получивъ отъ Беатриксы отрадное удостовѣреніе, что скоро явится избавитель и учредитель міру, одною силою вдохновеннаго стремленія воспаряетъ съ нею къ небесамъ, витаетъ по небесному раю отъ планеты къ планетѣ, сквозь сонмъ неподвижныхъ звѣздъ и сферы небесныя, и видитъ тамъ славу тѣхъ свѣтлыхъ душъ, которыя въ своей земной жизни содѣйствовали великому дѣлу воспитанія человѣчества къ достиженію двоякой его цѣли, земнаго и духовнаго блаженства, мудрыхъ законодателей и великихъ государей, святыхъ отцевъ церкви и богослововъ, мучениковъ и подвижниковъ вѣры, равно какъ и всѣхъ великихъ государственныхъ людей. Въ заключеніе созерцаетъ онъ въ вышнемъ небѣ сонмъ блаженныхъ, окружающій Св. Троицу, и вдохновенными чертами изображаетъ идеалъ духовнаго и свѣтскаго порядка, который ему такъ желалось видѣть осуществленнымъ на землѣ, которому всю жизнь свою онъ отдавалъ лучшія силы своего ума и сердца. — Божественная Комедія вскорѣ по своемъ появленіи распространилась далеко, и вездѣ нашла себѣ достойный пріемъ и справедливое удивленіе. Послѣдовалъ безчисленный рядъ изданій, комментарій и переводовъ, который не прекращается до нашихъ дней, и величайшіе философы и богословы трудились надъ объясненіемъ многихъ мѣстъ трудной для уразумѣнія поэмы. Итальянецъ въ полномъ правѣ гордиться этимъ высокимъ художественнымъ созданіемъ, которое обезпечиваетъ его языку и его генію великую, всемірную славу.

б) Людвигъ Баварецъ.

§ 352. Смерть Генриха VII привела въ Германіи къ новому спору за престолъ: изъ семи курфюрстовъ, обыкновенно совершавшихъ теперь избраніе (Пфальцъ, Майнцъ, Триръ, Кёльнъ, Богемія, Саксонія, Бранденбургъ), одни, преданные богемско-люкембургской партіи, выбрали опытнаго въ бояхъ Людвига Баварскаго (1313—1347) во Франкфуртѣ; другіе, дѣйствовавшіе въ интересахъ Габсбурговъ, собравшись въ Саксенгаузенѣ, дали свои голоса кроткому и прямодушному австрійскому герцогу, Фридриху Красивому.

Слѣдствіемъ этого разлада была осьмилѣтняя война, которую съ особеннымъ ожесточеніемъ велъ братъ Фридриха, Леопольдъ, и которая всего тяжеле пала на юго-западную Германію, гдѣ дворянство стояло за Австрію, а города за Людвига Баварца. Не смотря на превосходную силу австрійской партіи, испытанный въ военномъ дѣлѣ Людвигъ съумѣлъ благополучно устоять, особенно послѣ того, какъ войска Леопольда потерпѣли страшный уронъ въ несчастной битвѣ при Моргартенѣ (§ 349) противъ Швейцарцевъ. Однакожь рѣшительный перевѣсъ получилъ Людвигъ только сраженіемъ при Мюльдорфѣ (или Амфингѣ, 28 сент. 1322); здѣсь Фридрихъ, не дождавшись помощи брата, съ одними австрійскими и венгерскими войсками отважился на бой, но былъ побѣжденъ военнымъ искусствомъ нюрнбергскаго полководца Зейфрида Швеппермана и даже самъ попалъ въ плѣнъ. Леопольдъ однакожь не склонился къ миру. При помощи короля Французскаго, разныхъ имперскихъ князей и особенно папы, который, дѣйствуя въ видахъ Франціи (§ 355), утверждалъ, «что римскому столу принадлежитъ разсмотрѣніе, допущеніе, утвержденіе, а равно и отверженіе избранныхъ», Леопольдъ старался привести курфюрстовъ къ новому выбору, а между тѣмъ успѣшно продолжалъ войну. Людвигъ отпустилъ плѣннаго соперника, который, бывъ заточенъ въ Трауницкомъ замкѣ, обратился духомъ къ небесному, и получилъ свободу съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ императорскаго титула и подвигнуть свою партію къ миру. Когда же ни папа, ни Леопольдъ не захотѣли согласиться на это условіе, Фридрихъ, вѣрный своему слову, воротился въ плѣнъ и, этимъ прямодушнымъ поступкомъ, до того тронулъ своего рыцарственнаго противника, что тотъ жилъ съ нимъ оттолѣ въ самой тѣсной дружбѣ и даже раздѣлилъ бы съ нимъ правленіе, еслибъ курфюрсты не возстали на него за эту мысль. Послѣдовавшая вскорѣ смерть рьянаго Леопольда (1326) утвердила Людвигово господство въ Германіи; но папа упорно стоялъ на своемъ и даже поразилъ его анаѳемой и интердиктомъ. Причины тому увидимъ мы далѣе (§ 353 и слѣд.).

Вительсбахи въ Баваріи и въ Палатинатѣ (Пфальцѣ). Третій Виттельсбахъ, Оттонъ Сіятельный (1231—1253), гер-

цогъ Баварскій, присоединилъ къ владѣніямъ своего дома и Палатинатъ. Когда онъ умеръ, старшій сынъ его Людвигъ (прозванный Строгимъ потому, что онъ изъ-за одного подозрѣнія умертвилъ свою невинную жену и выбросилъ въ окно Гейдельбергскаго замка ея горничную (§ 345), наслѣдовалъ ему въ Палатинатѣ и Верхней Баваріи съ городами Амбергомъ, Регенсбургомъ и Мюнхеномъ; второй сынъ Генрихъ получилъ Нижнюю Баварію съ гор. Штраубингеномъ, Ландсгутомъ и друг. Первый оставилъ двухъ сыновей: Рудольфа, наслѣдовавшаго Палатинатъ, и Людвига, которому досталась Верхняя Бавaрія; послѣдній вскорѣ получилъ и попечительство надъ малолѣтными двоюродными братьями въ Нижней Баваріи, такъ что въ рукахъ его слилось управленіе обоихъ герцогствъ. Соискатель его по опекѣ, равно какъ впослѣдствіи и по императорской коронѣ, Австрійскій герцогъ Фридрихъ Красивый, былъ разбитъ Людвигомъ при Гамельсдорфѣ (1313). При послѣдовавшемъ вскорѣ пресѣченіи нижнебаварской линіи, Людвигъ соединилъ свой верхнебаварскій участокъ съ Нижнею Баваріей въ одно герцогство Баварію, выдѣливъ сыновьямъ своего брата Рудольфа ту часть, которая съ тѣхъ поръ носила названіе Верхняго Палатината (Оберпфальцъ). Это состоялось въ 1329 году по Павійскому семейному договору, который и признавался кореннымъ закономъ для пфальцской и баварской линій дома Виттельсбаховъ. Пфальцграфъ Рупрехтъ ввелъ въ 1395 г. такъ-называемымъ Рупертинскимъ постановленіемъ право первородства и воспретилъ всякое отчужденіе принадлежащихъ къ Палатинату земель.—Сыновья Людвига Баварца получили во владѣніе Бранденбургъ, Тироль и Голландію; но двѣ первыя страны скоро перешли опять въ другія руки.

§ 353. Упадокъ папской власти. Властолюбивый Бонифацій VIII, въ лицѣ котораго папство достигло высшаго своего блеска, былъ вмѣстѣ и виновникомъ его паденія. По поводу войны между Филиппомъ (IV) Красивымъ, королемъ Французскимъ, и Эдуардомъ I Англійскимъ съ его союзниками, папа, въ гордомъ сознаніи своего могущества, выступилъ повелительно въ качествѣ верховнаго судьи, и когда Филиппъ отвергъ его вмѣшательство и обложилъ денежными сборами свой церковный чинъ, Бонифацій запретилъ ему

взимать подати съ французскаго духовенства. Тогда Филиппъ запретилъ въ свою очередь всякой вывозъ серебра и золота изъ своего королевства и тѣмъ задержалъ выпускъ папскихъ доходовъ. Изъ-за этого началась ссора; Бонифацій рѣшительно объявилъ, что король Французскій и въ мірскихъ дѣлахъ подвластенъ папѣ, что онъ правитъ королевствомъ въ качествѣ его лэнника, а для устраненія господствующихъ во Франціи несправедливостей и притѣсненій онъ вызвалъ оттуда къ себѣ въ Римъ нѣсколько вельможъ и прелатовъ; Филиппъ, напротивъ того, собралъ (1302) думу земскихъ чиновъ (états généraux), пріумноженную еще городскими депутатами, и черезъ нихъ торжественно провозгласилъ независимость королевской власти, осыпая главу церкви самыми тяжкими обвиненіями. Дѣло дошло до анаѳемы и интердикта, послѣ чего французскій канцлеръ Ногарѐ отправился подъ предлогомъ посредничества въ Италію, набралъ войско и заодно съ гонимою Бонифаціемъ гибеллинскою фамиліей Колонна захватилъ папу на родинѣ его, въ Ананьи, и держалъ тамъ плѣнникомъ въ его же собственномъ дворцѣ. Хотя Бонифацій, освобожденный стекшимся къ нему на выручку сельскимъ людомъ, и поспѣшилъ пылая местью въ Римъ, но впечатлѣніе, произведенное позорнымъ плѣномъ на этого гордаго и запальчиваго человѣка было такъ сильно, что онъ занемогъ горячкою и умеръ въ изступленномъ бреду (окт. 1303). Тогда, хитростью и ловкостью, французская партія умѣла повести дѣло такъ, что не только снято было проклятіе и отмѣнены всѣ изданные противъ Филиппа декреты, но что новый папа Климентъ V (бывшій прежде епископомъ въ Бордо [1]) избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Авиньіонъ въ южной Франціи (1305), и такимъ образомъ поставилъ папство

[1] Бордо находился тогда подъ властью Англичанъ, и епископъ былъ въ личной враждѣ съ Филиппомъ, но какъ по смерти Бонифаціева преемника, Бенедикта XI, отравленнаго черезъ годъ по его избраніи, кардинальскій конклавъ, раздѣленный на партіи гвельфскую—Гаэтани, и гибеллинскую—Колонна, не могъ согласиться въ новомъ выборѣ, и партія Колонны указала Филиппу именно на епископа гор. Бордо, то смѣлый король не усомнился пригласить къ себѣ этого прелата и предложилъ ему немедленно сдѣлать его папою, если онъ обяжется быть на его сторонѣ. Епископъ съ радостью кинулся ему въ ноги, но когда состоялся выборъ, онъ не смѣлъ показаться въ Италію и даже короновался въ Ліонѣ.

подъ вліяніе французскаго двора. Около 70 лѣтъ продолжалось это роковое удаленіе римской куріи изъ вѣчной столицы,—удаленіе, о которомъ приверженцы папства скорбѣли какъ о новомъ плѣнѣ вавилонскомъ. Въ честолюбивомъ стремленіи соединить съ духовною властью и мірское господство надъ правителями и народами, папы сломили императоровъ, но роковою побѣдой надъ благороднымъ Гогенштауфенскимъ домомъ они подкопали себя сами и впали въ безсиліе. Вотъ отчего постигла ихъ теперь заслуженная казнь. Какъ блестящій мыльный пузырь немощно упало наземь міродержавство римскаго престола.

§ 354. Упраздненіе ордена Храмовыхъ рыцарей (Тампліэровъ). Климентъ V долженъ былъ служить орудіемъ алчности и властолюбію Французскаго короля противъ богатаго ордена Храмовыхъ рыцарей, жившаго въ гордой независимости и сластолюбовой нѣгѣ. Темные слухи о богохульныхъ обрядахъ и тайныхъ злодѣяніяхъ, о порокахъ, безвѣріи и сладострастіи ордена подали Филиппу Красивому поводъ велѣть внезапно схватить всѣхъ его членовъ и наложить запретъ на ихъ имѣнія. Несправедливымъ, притѣснительнымъ процессомъ, длившимся пять лѣтъ подъ руководствомъ Гильіома Ногарѐ, и страшно мучительными пытками, заключенныхъ тампліэровъ вынудили къ признаніямъ, которыя повидимому доказывали ихъ вину и оправдывали упраздненіе ордена; и хотя 54 человѣка отреклись потомъ отъ вымученныхъ показаній, называя ихъ ложными, хотя они съ самыми торжественными клятвами отвергали взводимыя на нихъ вины и за это, какъ вдвойнѣ преступные, погибли медленною смертью въ пламени, Климентъ, не смотря на то, все-таки упразднилъ орденъ (1310). Напрасно гросмейстеръ Жакъ де Моле, котораго папа заманилъ съ острова Кипра во Францію, протестовалъ противъ такой мѣры (1312), вызываясь опровергнуть всѣ обвиненія; и онъ умеръ на кострѣ, призывая папу и короля передъ высшее судилище. Народъ почиталъ его какъ мученика и видѣлъ Божій судъ въ послѣдовавшей вслѣдъ за тѣмъ смерти обоихъ властителей (1314). О могильномъ склепѣ тампліэровъ ходитъ преданіе, что каждый годъ въ ночь упраздненія ордена является тамъ призракъ

въ полномъ вооруженьѣ, съ краснымъ крестомъ на бѣломъ плащѣ, и спрашиваетъ: Кто хочетъ освободить Святой Гробъ? «Никто, никто», раздается отвѣтъ изъ склепа, «потому что храмъ подвергся разрушенію!» Изъ имѣній и сокровищъ ордена во Франціи главное захватилъ алчный Филиппъ, а что было въ другихъ странахъ, то досталось частію Іоаннитамъ, частію туземнымъ государямъ. Такъ имущества, съ которыхъ доходъ предназначался на обратное завоеваніе Іерусалима, пошли въ пользу края, гдѣ они были сосредоточены.

§ 355. Людвигъ Баварецъ въ борьбѣ съ папою. Какъ Климентъ былъ орудіемъ Филиппа IV противъ тампліэровъ, такъ бывшій прежде французскій монахъ, пана Іоаннъ XXII, служилъ Филипповымъ преемникамъ орудіемъ противъ Людвига Баварца и нѣмецкой имперіи, которой слабость была выгодна для Французовъ. Людвигъ помогъ гибеллинской партіи Висконти въ Миланѣ противъ наемнаго гвельфскаго войска, которымъ папа заодно съ королемъ Робертомъ Неаполитанскимъ хотѣлъ покорить Ломбардію; тогда Іоаннъ XXII примкнулъ къ австрійской партіи, изрекъ Людвигу анаѳему и обложилъ всѣ вѣрныя ему земли интердиктомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ снова заявилъ древнее начало, что императорская корона есть церковный лэнъ и что, вслѣдствіе того, власть императора во время междуцарствія по праву возвращается опять къ папѣ. Тогда императоръ, назначивъ себѣ намѣстникомъ бывшаго врага своего Фридриха, самъ отправился въ Италію; тамъ, съ помощью непріязненныхъ папѣ миноритовъ (§ 321) и гибеллинской партіи, вначалѣ одержалъ онъ блистательные успѣхи, торжественнымъ процессомъ смѣнилъ отсутствующаго папу за еретическія ученія, возвелъ на его мѣсто одного минористскаго монаха и короновался въ Миланѣ и въ Римѣ. Но когда онъ возбудилъ въ Итальянцахъ неудовольствіе тяжкими денежными поборами, которые были ему необходимы для удовлетворенія алчныхъ наемныхъ дружинъ, и когда притомъ смерть Фридриха вызвала его назадъ въ Германію, то партія папы снова восторжествовала (1330). Антипапа отрекся отъ своего сана, принявъ въ Авиньіонѣ кормленіе изъ милости, и главы гибеллиновъ старались примириться съ Іоанномъ. Напрасно неугомонный и удалый сынъ

Генриха VII, король Іоаннъ Богемскій, выступилъ теперь посредникомъ между враждовавшими; восторгъ, съ какимъ приняли его сначала въ Италіи, скоро прошелъ, когда обнаружились его себялюбивые виды; и державцы и города того края соединились для его изгнанія. Не болѣе успѣлъ онъ и въ своихъ стараніяхъ у папы: Іоаннъ XXII не согласился снять проклятія, пока Людвигъ не откажется отъ императорской короны. Борьба длилась по прежнему. Но когда новый папа Бенедиктъ XII (1334) былъ вынужденъ Французскимъ королемъ повторить анаѳему и интердиктъ и оттолкнуть руку примиренія, смиренно простертую къ нему императоромъ, тогда собравшіеся курфюрсты, убѣдясь напередъ въ правовѣріи и миролюбивыхъ стараніяхъ Людвига, издали на съѣздѣ (Kurverein) въ Рензе (1338) объявленіе: что отнынѣ всякое совершенное курфюстами избраніе въ императоры должно считаться законнымъ и безъ папскаго утвержденія [1], и на достопамятномъ Франкфуртскомъ сеймѣ подкрѣпили императорскую власть энергическими законами противъ непокорства вельможъ, противъ дикихъ внутреннихъ усобицъ и нарушенія земскаго мира вообще. Духовныя лица, исполнявшія интердиктъ, были смѣнены, какъ нарушители общественнаго порядка. Въ тоже время императоръ усилилъ себя союзомъ съ Англіею противъ Франціи и папскаго престола.

Жаркая письменная полемика между папою и императоромъ уронила достоинство обоихъ. Особенно же пострадалъ блескъ папской тіары отъ алчности и сластолюбія, которымъ предались французскіе главы церкви и для удовлетворенія которыхъ Іоаннъ XXII велъ самый позорный торгъ духовными должностями, выдумывалъ новые поборы и прибѣгалъ къ неслыханнымъ вымогательствамъ, такъ что по смерти своей оставилъ 17 милліоновъ гульденовъ золотомъ своимъ роднымъ, да милліоновъ на семь серебряной посуды и дорогихъ камней въ своей сокровищницѣ. Вся іерархическая система направлена была въ то время только къ суетной власти и мірскому великолѣпію. Всякое глубокое чувство христіанское, всякой порывъ святаго вдохновенія или безпощадно подавлялись этою системой, или,

[1] Такъ скоро примѣръ независимости, поданный Филиппомъ Красивымъ, нашелъ себѣ подражателей въ Германіи.

въ рукахъ ея, скоро вырождались, переходили въ гніеніе, въ духовную смерть.

§ 356. Конецъ Людвига Баварца. Это согласіе между нѣмецкими князьями и императоромъ, направленное къ ослабленію папской власти, скоро исчезло, когда Людвигъ, побуждаемый алчностью новыхъ пріобрѣтеній и корыстью, подчинилъ духовный и гражданскій законъ своей личной выгодѣ, самовластно расторгъ бракъ графини Маргариты Маульташъ [1] съ однимъ богемскимъ принцемъ (1342) для того, чтобы женивъ на ней сына своего, Людвига, пріобрѣсти наслѣдіе ея Тироль своему дому, и въ тоже время обнаружилъ свой деспотическій нравъ, кромѣ разныхъ другихъ правонарушеній, произвольнымъ секвестромъ многихъ германскихъ областей, которыя онъ объявилъ упразднившимися имперскими лэнами (Бранденбурга, Голландіи, Зеландіи и друг.). Оттого, новому папѣ Клименту VI, который также пошелъ противъ императора, удалось склонить на свою сторону нѣкоторыхъ курфюрстовъ и настоять на выборѣ (въ Рензе) анти-императора изъ Люксембургскаго дома (1346). Но большинство нѣмецкаго народа, особенно въ имперскихъ городахъ, стояло за Людвига, а потому, избранный подъ французскимъ и папскимъ вліяніемъ, новый императоръ Карлъ IV (сынъ ослѣпшаго короля Іоанна Богемскаго, павшаго въ битвѣ при Креси, § 377) тогда только былъ признанъ всею Германіей, когда энергическій Людвигъ, послѣ многихъ битвъ, умеръ на медвѣжей травлѣ подъ Мюнхеномъ (окт. 1347), да и выбранный баварскою партіей въ преемники ему, храбрый, рыцарственный Гюнтеръ фонъ Шварцбургъ, вскорѣ послѣ коронаціи своей во Франкфуртѣ, сошелъ преждевременно въ могилу (1349): думаютъ, что причиной его смерти былъ ядъ. Во время этихъ войнъ царствовали въ Германіи, и въ городахъ и въ селахъ, страшная безрядица, дикія междоусобія и грабежи, такъ что каждому приходилось стоять за себя и чинить свою собственную расправу. Весь край тяжко страдалъ въ тоже время отъ землетрясеній, саранчи, голода и страшной заразы, извѣстной подъ именемъ

[1] Маульташъ—родовой замокъ этого графскаго дома въ Тиролѣ.

черной смерти. Но рядомъ съ порожденною всѣмъ этимъ суровостью, одичалостью и воинскимъ ожесточеніемъ, въ частности находимъ мы замѣчательныя черты характера, силы и энергіи, а въ общинахъ и корпораціяхъ сильное чувство права и свободы вмѣстѣ съ готовностью положить за нихъ имущество и жизнь. Наконецъ прекратилась чума, утихли мятежи въ Нюрнбергѣ и другихъ городахъ имперіи, «свѣтъ опять повеселѣлъ, люди стали шить себѣ новыя платья и запѣли новыя пѣсенки».

Маргарита Маульташъ, переживъ своего супруга, при кончинѣ (1369) завѣщала Тироль Австрійскому дому. Рудольфъ IV, сынъ браваго Герцога Альбрехта II, былъ признанъ государемъ отъ тирольскихъ земскихъ чиновъ. Не задолго до того и соединенная прежде съ Тиролемъ Каринтія также досталась Габсбургамъ.—Въ Бранденбургѣ пресѣченіе Асканскаго дома въ 1319 г. (§ 316. б.) произвело смуты потому, что множество соискателей хотѣли присвоить себѣ этотъ край. Людвигъ Баварецъ отдалъ его, какъ выморочный лэнъ, соименному своему сыну, отъ котораго оно перешло по очереди къ двумъ младшимъ его братьямъ (Людвигу Римлянину и Оттону). Но мархіи ничего не выиграли, сдѣлавшись привѣскомъ могущества императорской династіи. Казенныя имущества, права и доходы подвергались безмѣрному расточенію для того, чтобъ въ случаѣ нужды добыть приверженцевъ или денегъ; а между тѣмъ ожесточенная борьба папы съ императоромъ пылала здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ другихъ имперскихъ земляхъ. Тогда явился самозванецъ (прежде придворный слуга, потомъ мельникъ подъ Цербстомъ), который выдавалъ себя за бывшаго маркграфа Вальдемара и не только нашелъ многихъ приверженцевъ въ самомъ краѣ, но и поддержку со стороны императора Карла IV, по ненависти его къ Баварскому дому. Только тогда, когда эта династія признала Карла, Лжевальдемаръ былъ предоставленъ собственной участи, но и тутъ Ангальтскій дворъ въ Дессау давалъ ему почетное содержаніе по самую смерть. Воюя за Баварцевъ, король Датскій доходилъ до самыхъ стѣнъ Берлина. Пятьдесятъ несчастныхъ лѣтъ оставался этотъ край въ рукахъ баварской династіи; наконецъ въ 1374 г. перешелъ онъ вслѣдствіе разныхъ договоровъ на Люксембурго-богемскій домъ, и только уже императоръ Сигизмундъ окончательно уступилъ его Фридриху

фонъ Цоллерну. При сыновьяхъ Карла IV скоро миновала та счастливая пора, которую мархіи пережили подъ управленіемъ этого добраго императора, старавшагося изо всѣхъ силъ установить порядокъ и спокойствіе, обезпечить правомѣрность, поднять города и обуздать разбои дворянства. Передѣлы земель и частыя смѣны правителей надѣлали мархіямъ много зла. То та, то другая земля закладывались для обезпеченія займовъ; дошло до совершеннаго безначалія; «со дня на день», сказано въ одной старой граматѣ, «множатся дворянскіе набѣги и разбои, села выжжены, поля опустошены, нагіе и безпомощные покидаютъ люди свои жилища; даже священники для исполненія требъ должны пробираться скрытыми путями, украдкою». Гогенцоллернамъ предоставленъ наконецъ этотъ край, какъ «полупропащій».—Графство Голландія, Зеландія, Утрехтъ, Фрисландія, послѣ того какъ Вильгельмъ IV Голландскій былъ разбитъ и умерщвленъ Фризами, досталось сестрѣ его, Маргаритѣ, супругѣ Людвига Баварскаго, а имъ передано третьему его сыну.—Неслыханныя опустошенія произвела черная смерть, обошедшая всѣ страны Европы. Многія мѣстности вымерли совсѣмъ; людные города сошли на половину или на двѣ трети своего населенія. На больныхъ появлялись злокачественные нарывы, и въ три дня слѣдовала смерть. По сю и по ту сторону моря, въ христіанскихъ и языческихъ земляхъ, свирѣпствовала зараза. Едва третья часть людей осталась въ живыхъ; въ Германіи смертность была еще не самая сильная, однакожь въ одномъ Страсбургѣ схоронено болѣе 16,000 человѣкъ. Вообще умирало больше бѣдныхъ, чѣмъ богатыхъ, особенно въ городахъ, выстроенныхъ тогда тѣсно и неопрятно. Народъ слагалъ всю вину на ростовщиковъ-Евреевъ. Доказано, что генуэзскіе купцы завезли болѣзнь изъ Леванта, и въ этомъ смыслѣ можно конечно допустить, что Евреи также содѣйствовали ея распространенію. Но въ народѣ всѣ утверждали, что Евреи отравляютъ колодези и родники. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пыткою заставили ихъ даже признаться въ этомъ. Уже и прежде, подъ такими же предлогами, поднимали гоненія на Жидовъ. На этотъ разъ народъ, какъ бы по уговору, возсталъ почти одновременно въ большей части городовъ, сгонялъ Евреевъ вмѣстѣ и сожигалъ несчастныхъ въ ихъ собственныхъ домахъ. Кому было защитить ихъ тамъ, гдѣ никто не признавался верховнымъ судьею и гдѣ сами христіанскія сословія тѣснили другъ друга какъ могли?

§ 357. Духовныя братства и мистики. Пребываніе папъ въ Авиньіонѣ и послѣдовавшій за тѣмъ расколъ (§ 362) уронили достоинство церкви. Это очевидно не только изъ побѣдоносной борьбы, которую вели съ церковнымъ главою свѣтскіе властители, какъ наприм. Филиппъ Красивый, Людвигъ Баварецъ, Эдуардъ III и Ричардъ II Англійскіе (§ 376), но и изъ противодѣйствія, замѣчаемаго съ разныхъ сторонъ въ нѣдрахъ самой церкви. Виклифъ и Лоллярды смѣло настаивали на коренномъ ея исправленіи (§§ 363, 376). Итальянскій фанатикъ Дульчино, хотѣвшій склонить духовенство къ апостольской нищетѣ, а богатыхъ къ общенію имуществъ съ бѣдными, нашелъ себѣ въ Ломбардіи столько приверженцевъ, что въ гористыхъ мѣстностяхъ Новары и Верчелли собралось вокругъ него и прекрасной, умной жены его 6000 вооруженныхъ людей, которые восемь лѣтъ сопротивлялись войскамъ епископовъ и дворянства, пока наконецъ были подавлены крестовымъ походомъ (1300). Миноріты, къ которымъ въ братство поступило много мірянъ въ видѣ терціаріевъ (§ 321), упорствовали въ ожесточенной борьбѣ противъ папы, не страшась никакихъ проклятій; отличаясь талантами и ученостью, внушая уваженіе своимъ святошествомъ, сильные своею нищетой и смѣлые до крайности, явились они великимъ могуществомъ противъ погрязшаго въ мірской суетѣ папства, ввѣряемаго по большей части самымъ нечистымъ рукамъ. Бичующіеся братья (флагелланты) и мистики противопоставляли нравственной распущенности духовенства аскетическую строгость и стояли на своемъ даже тогда, когда господствующая церковь объявила ихъ дѣятельность еретичествомъ.—Еще въ 13 вѣкѣ, когда среди борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ страшно размножались пороки и злодѣянія, итальянскіе города были вдругъ испуганы появленіемъ цѣлыхъ процессій покаянниковъ, которыя тянулись подъ звуки гимновъ [1] и бичевали себѣ обнаженную спину до крови, дабы очиститься передъ Богомъ. Тоже самое было въ 14 вѣкѣ въ Венгріи, Польшѣ, Германіи и другихъ странахъ [2], когда черная смерть,

[1] Въ одномъ изъ этихъ гимновъ говорится, что они бичуютъ свое грѣшное тѣло въ память бичеванія и позора, претерпѣнныхъ Спасителемъ изъ любви къ человѣчеству.

[2] Во Францію не пустили ихъ по требованію папы. Въ Лондонъ явились они въ числѣ 120 мужчинъ и женщинъ; каждый поочереди ложился ничкомъ наземь и получалъ по удару отъ всѣхъ своихъ товарищей; они удивили народъ такимъ бичеваньемъ, но не обратили въ свою секту никого.

послѣ губительныхъ опустошеній въ Азіи (1340—1348), прошла по всей Европѣ и почиталась несомнѣнною карою Божіей за господствующій вездѣ порокъ. Составлялись общества бичниковъ; проповѣдуя покаяніе и бичуясь, переходили они съ мѣста на мѣсто и не останавливались въ своей дѣятельности ни страхомъ отлученія, ни инквизиціонными судами. Вѣра въ церковные пути спасенія и въ необходимость священническаго отпущенія грѣховъ поколебалась или исчезла; міряне искали милости и прощенія свыше помимо клириковъ и многіе прибѣгли для этого къ бичу, видя въ кровавомъ крещеніи вѣрнѣйшее средство спасти душу. Плодомъ всеобщаго недовольства состояніемъ господствующей церкви были также общества братьевъ бегардовъ и сестеръ бегинокъ [1], учредившіяся для дѣлъ милосердія; поэтому и они подвергались гоненіямъ инквизиціи.—Подобныя же побужденія привели благочестивыхъ людей, извѣстныхъ подъ названіемъ мистиковъ, къ противодѣйствію церкви и схоластикѣ (§ 322). Негодуя на порочность свѣта и на нравственный упадокъ духовнаго сословія, они сосредоточивались внутри самихъ себя и стремились непосредствен-

[1] Бегинки были старѣйшимъ изъ мірскихъ женскихъ обществъ, соединившимся для благочестивыхъ цѣлей. Начало ихъ, равно какъ и происхожденіе ихъ имени, неизвѣстно; историческіе документы впервые упоминаютъ объ нихъ около половины 11 вѣка въ Нидерландахъ, а въ 1180 г. онѣ получили новую организацію отъ люттихскаго священника Ламберта Бегга или Ле Бега. Въ 13 вѣкѣ особенно распространились онѣ по Нидерландамъ, Германіи и Франціи, живя иногда очень многолюдными общинами въ маленькихъ хижинахъ, иногда порознь у своихъ родныхъ, но имѣя общія церкви, молельни, больницы и содержа все это трудами своихъ рукъ. Онѣ принимали къ себѣ покинутыхъ женщинъ и дѣвочекъ, воспитывали бѣдныхъ дѣтей, ходили за больными; но рядомъ съ благой дѣятельностью являлись у нихъ нерѣдко и злоупотребленія, такъ что Людовикъ XI запретилъ эти общества во Франціи; въ Германіи реформація вытѣснила ихъ совершенно, но въ Бельгіи существуютъ они и до сихъ поръ.—Что касается до беггардовъ, или братьевъ свободнаго духа, то это была секта, державшаяся отчасти пантеистическихъ мнѣній Іоанна Скотта, но въ такой преувеличенной формѣ, которая уничтожала всякое различіе между тварью и Творцомъ. Ихъ можно почитать предшественниками уже болѣе развитыхъ и утонченныхъ мистиковъ. Начиная съ 12 вѣка беггарды распространились на сѣверѣ Франціи, и въ Германіи по берегамъ Рейна; въ концѣ 13 столѣтія они примкнули къ 3-му ордену францисканъ (tertiarii), а въ 1311 подверглись торжественному осужденію церкви на Віэнскомъ соборѣ; наконецъ въ 1467 они связали себя иноческими обѣтами и превратились въ настоящихъ монаховъ. Необходимо впрочемъ замѣтить, что общимъ названіемъ бегинокъ и беггардовъ часто обозначались многоразличныя мірскія братства и секты, стремившіяся замѣнить церковные пути спасенія богоугодною жизнью по собственному измышленію.

но соединиться съ Богомъ въ глубинѣ чувства. Порокамъ свѣта противупоставляли они умерщвленіе чувственности и истязаніе плоти, сластолюбію и суетности духовенства—подражаніе скудной жизни Іисуса Христа, и боролись противъ сухой схоластики съ ея мелочными тонкостями и мудрованіями—теплотою чувства, созерцательностію и погруженіемъ духа въ глубину божественной любви и премудрости, изслѣдованіемъ самыхъ сокровенныхъ движеній и позывовъ души. Отвращаясь отъ выродившейся іерархической церкви, старались они при полномъ отрицаніи человѣка и видимаго міра, достигнуть блаженства совершеннымъ самоуничтоженіемъ въ лонѣ Божества. Мистицизмъ могущественно дѣйствовалъ и въ литературѣ и въ жизни, и хотя ученіе о смиренствѣ и самоуничтоженіи ослабляло силу практической дѣятельности, хотя задушевная жизнь однимъ чувствомъ порождала иногда крайнюю мечтательность, однакожь вліяніе его на огрубѣлое и отупѣлое человѣчество принесло много пользы. Мистицизмъ поколебалъ ханжество глубиною и задушевностію вѣры, замѣнилъ чисто-внѣшнюю обрядность религіею сердца и непосредственнымъ поклоненіемъ тріединому Божеству и указалъ источникъ вѣры въ священномъ писаніи, которое въ то время было почти совершенно заслонено преданіями и легендами. Мистики вызвали такимъ образомъ въ 15 и 16 столѣтіяхъ переводы Библіи на нѣмецкій языкъ,—переводы, которыхъ число доходило уже до пятнадцати, когда появился переводъ Лютера и своимъ превосходствомъ заставилъ забыть всѣ другіе. Но на сколько были они согласны между собою въ цѣли своихъ стремленій, на столько же расходились въ выборѣ ведущихъ къ ней путей. Одни (какъ доминиканецъ, «мейстеръ» Генр. Экартъ[1], † 1329) углублялись въ философскія умозрѣнія и дошли до пантеистическихъ началъ, которыя церковь осудила какъ еретическія; другіе вдавались въ нѣкоторый родъ мистико-аллегорической поэзіи (каковы наприм. «Книга семи степеней», «Книга дѣвъ» и др.), въ которой старались представить въ чувственныхъ образахъ порываніе души къ общенію съ Богомъ; но значительнѣйшіе изъ нихъ, каковы геніальный и полный живаго чувства проповѣдникъ Іоаннъ Таулеръ (доминиканскій монахъ въ Страсбургѣ, † 1361), «потрясавшій сердца

[1] Онъ учился и потомъ преподавалъ въ Парижѣ, а послѣ отправился въ Римъ и вступилъ въ доминиканскій орденъ. Экартъ былъ однимъ изъ первыхъ, начавшихъ говорить проповѣди на народномъ нѣмецкомъ языкѣ, вмѣсто латинскаго.

нищетою духа и смиреніемъ, и возбуждавшій жажду къ этой нищетѣ, какъ истинному богоуподобленію, новыми, неслыханными рѣчами», или пламенѣвшій божественною любовью Генрихъ Сузо (der Seusse, † 1366), который жилъ попеременно въ Констанцѣ, Кёльнѣ, Ульмѣ и другихъ городахъ и съ самой юности носилъ въ себѣ «любвеобильное сердце»,—такіе избранные люди дѣйствовали проповѣдями и назидательными сочиненіями и тѣмъ самымъ выработали нѣмецкую прозу, которая до нихъ встрѣчалась только въ немногихъ сборникахъ законовъ (§ 338), а вскорѣ послѣ нихъ стала употребляться и въ нѣкоторыхъ хроникахъ. (Эльзасская и Страсбургская хроника Твингера фонъ-Кёнигсгофена, † 1420). Таулерово «Подражаніе скудной жизни Христа» и написанная Генрихомъ Сузо «Книжка о вѣчной мудрости», въ разговорной формѣ, пользовались великимъ уваженіемъ у ихъ учениковъ и приверженцевъ, составившихъ особенное братство («учениковъ вѣчной мудрости»). Хотя церковь вооружилась на мистиковъ и ихъ ученіе анаѳемой и гоненіемъ, они тѣмъ не менѣе продолжали существовать и по временамъ являли признаки новой, возрастающей силы. Особенно доказало это въ 15 вѣкѣ учрежденное Герардомъ Гроотомъ въ Нидерландахъ Общежительное братство, которое столько же отличалось нравственно-благочестивою жизнію, сколько и основательнымъ образованіемъ, и чрезъ свое цвѣтущее училище въ Девентерѣ старалось насадить сѣмена высшей жизни въ сердцахъ молодаго поколѣнія. Изъ членовъ и питомцевъ этого братства особенно замѣчательны Ѳома Кѣмпенскій (или Кемпійскій, † 1471) и Іоаннъ Весселъ изъ Грёнингена († 1489). Первый, который «своими сочиненіями, полными отрадныхъ и часто игривыхъ картинъ, равно какъ и своими совѣтами, отклонялъ отъ римской церкви и вводилъ въ церковь внутреннюю, въ тихое общеніе съ Богомъ и Христомъ», почитается творцомъ весьма распространенной и переведенной на всѣ языки назидательной книги О подражаніи Христу, которая учитъ, что истинное, внутреннее подражаніе Іисусу состоитъ въ умерщвленіи всякаго себялюбія и въ безусловномъ отданіи себя божественной любви; что́ касается Весселя, то это былъ человѣкъ искренняго благочестія, обширнаго ума и блистательныхъ гуманистическихъ свѣдѣній; будучи во многомъ предшественникомъ Лютера, онъ строго отдѣлялъ внутреннее христіанство отъ внѣшней обрядности и утверждалъ вѣру на мисти-

ческомъ основаніи, «какъ нѣчто чисто внутреннее, происходящее между сердцемъ и Божествомъ».

Великое бичеваніе въ хроникѣ Якова фонъ-Кёнигсофена описывается такъ: «Когда бичники захотятъ каяться (такъ называется у нихъ бичеванье), то выходятъ въ поле, и это бываетъ дважды въ день, утромъ и вечеромъ. Зазвонятъ въ колокола и пойдутъ попарно, а сами поютъ свою пѣснь; и когда придутъ на бичевалище, то снимаютъ одежду и ноги обнажаютъ до лядвей; только нижнюю часть тѣла, отъ пупа до ногъ, прикрываютъ балахономъ или бѣлымъ полотномъ, и потомъ ложатся большимъ кругомъ. Каждый ложится смотря по тому, въ чемъ именно онъ согрѣшилъ: если онъ клятвопреступникъ, то ложится на бокъ, поднявъ вверхъ три пальца; если прелюбодѣй, то ложится на брюхо. Такъ ложатся они по грѣхамъ своимъ, и всякой тотчасъ можетъ узнать, въ чемъ кто изъ нихъ виновенъ. Когда всѣ такъ полягутъ, старшина ихъ начинаетъ съ кого захочетъ, окликаетъ его, трогаетъ бичемъ и говоритъ: «Во имя чистыхъ мукъ своихъ вставай! но, впредь, грѣху не поблажай.» Такъ окликалъ онъ каждаго, и тотъ, по его голосу, вставалъ и окликалъ потомъ вслѣдъ за старшиной остальныхъ лежащихъ, пока всѣ они поднялись на ноги, запѣли и начали бичевать другъ друга ремнями съ узломъ на концѣ каждаго ремня. Когда набичевались и напѣлись вдоволь, одинъ изъ нихъ сталъ читать письмо, которое, говорили они, ангелъ принесъ съ неба; а въ письмѣ было сказано, что Богъ прогнѣвался за грѣхи міра и хотѣлъ истребить его въ конецъ; но Матерь Божія и ангелы молили Его умилосердиться, и обо многомъ еще говорилось въ томъ письмѣ. Когда оно было прочитано, кающіеся пошли назадъ въ городъ опять попарно, съ пѣніемъ гимновъ, съ хоругвями и свѣчами впереди. — А когда они бичевались, народу нахлынуло множество и всѣ были убѣждены, что письмо дѣйствительно пришло съ неба, и что все разсказанное объ немъ чистая истина. Когда же попы спрашивали ихъ, почему узнать, что бичеваніе дѣло благое, и кто приложилъ къ письму печать? они возражали на это: а кто приложилъ печать къ Евангелію? Такъ и вышло, что народъ вѣрилъ больше бичникамъ, нежели попамъ, и куда ни приходили они въ городъ, къ братству ихъ пристава̀ли многіе и также дѣлались бичниками.»

в) КАРЛЪ IV И ВЕНЦЕСЛАВЪ (1347—1400).

§ 358. Карлъ IV (1347—1378), при несомнѣнномъ умѣ, заботился только о своей собственной выгодѣ и объ усиленіи могущества своего дома; деньги и стяжаніе ставилъ онъ выше славы и чести. Онъ соединялъ въ себѣ лукавство Славянъ, надъ которыми властвовалъ, съ дипломатическою ловкостью Французовъ, которые его воспитали [1], и съ вѣроломнымъ эгоизмомъ, съ политическимъ ухищреніемъ Итальянцевъ, которымъ былъ обязанъ своимъ окончательнымъ образованіемъ. По его милости въ Италіи исчезла послѣдняя тѣнь императорскаго могущества, потому что онъ далъ владѣтельнымъ князьямъ и городамъ выкупить у себя всѣ имперскія права надъ тѣмъ краемъ и принялъ императорскую корону въ видѣ подарка отъ папы только съ тѣмъ условіемъ, чтобы пробыть въ Римѣ не болѣе одного дня (1355). Не трогаясь упреками всѣми уважаемаго тогда ученаго и поэта Петрарки (§ 351), который указывалъ ему на примѣръ его дѣда, Генриха VII, не возмущаясь презрѣніемъ Ломбардовъ и могучихъ Висконти въ Миланѣ, поспѣшилъ онъ обратно за Альпы, выѣхавъ изъ Рима тайкомъ, подъ предлогомъ, поохотиться. Холодный и сдержанный отъ природы, онъ не легко поддавался одушевленію. Отнынѣ прекратилась борьба гвель-

[1] Франція въ 13 и 14 вѣкѣ развитіемъ своего рыцарства и блистательною внѣшнею обстановкой служила во многомъ образцомъ для высшаго сословія другихъ земель и особенно для дворовъ. Но Люксембургскій домъ, и помимо этого, состоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Французамъ. Родоначальникъ его, Генрихъ Люксембургскій, родился въ Валансьенѣ, выросъ при французскомъ дворѣ, женился на дочери герцога Брабантскаго, воспитанной совершенно по-французски, и передалъ сочувствіе къ этому образованію своимъ преемникамъ. Сынъ его, король Іоаннъ Богемскій, постоянно льнулъ къ французскому двору и, даже ослѣпши отъ своего распутства, погибъ на службѣ Франціи въ битвѣ при Креси. Карлъ, сынъ второй жены Іоанна, уже Чехини, былъ воспитанъ въ Парижѣ, и отецъ поспѣшилъ женить его на французской принцессѣ, когда мальчику было всего восемь лѣтъ. Въ немъ, разумѣется, не было ничего нѣмецкаго, но онъ обладалъ блистательнымъ, по тогдашнему, образованіемъ и говорилъ между прочимъ на пяти языкахъ: по-чешски, по-французски, по-нѣмецки, по-латини и по-итальянски. Подъ руководствомъ будущаго папы (Климента VI), который пророчилъ питомцу императорство, а тотъ ему папство, онъ изучилъ всѣ хитрости тогдашней политики и рано принялъ своимъ девизомъ изреченіе: Optimum, aliena insania frui, т. е. «всего лучше пользоваться неразумѣемъ другихъ».

фовъ съ гибеллинами; зато державцы и вольные города Италіи боролись изъ-за расширенія своихъ территорій и, вмѣсто прежнихъ гражданскихъ дружинъ, тамъ вошли теперь въ употребленіе (какъ въ древней Греціи) наемныя войска, которыхъ смѣлые, опытные въ битвахъ предводители (кондотьеры, condottieri) нерѣдко распоряжались судьбою государствъ и пользовались выгоднымъ положеніемъ для своего личнаго возвышенія. Точно такъ же, какъ предоставилъ онъ на произволъ судьбы Аппенинскій полуостровъ, Карлъ отступился и отъ правъ имперіи на Бургундію: наслѣдникъ французскаго престола безъ труда получилъ отъ него Дофине (Дельфинатъ [1]), какъ имперскій лэнъ. — Въ Германіи заботы Карла также преимущественно были устремлены на удовлетвореніе его своекорыстія и жажды поземельныхъ пріобрѣтеній своему дому. Многихъ князей возвысилъ онъ въ званіи, имперскимъ городамъ продавалъ льготы и права, общее достояніе имперіи расточалъ въ свою пользу и въ пользу своихъ пріятелей; доставилъ себѣ новый источникъ доходовъ, придумавъ жалованныя дворянскія граматы [2]; прибралъ въ руки своего дома Бранденбургъ, Силезію, Лузацію и Верхній Палатинатъ, такъ что всѣ славяно-германскія земли отъ Дуная до береговъ Балтики принадлежали его династіи.—Богемія подъ его державой достигла высокаго могущества и процвѣтанія. Онъ привлекъ туда нѣмецкихъ поселенцевъ, основывалъ новыя деревни и города (Карльсбадъ), поощрялъ земледѣліе и промыслы, строилъ дороги и мосты; пустоши и лѣса обращались по его волѣ подъ пашню, изъ горъ добывались таившіяся въ нихъ сокровища. Художники и ремесленники, строители и рабочіе толпами шли въ Богемію изъ Италіи, Германіи, Франціи, и пріохочивали Славянъ къ образованному быту и гражданскимъ учрежденіямъ. Въ столицѣ его Прагѣ выросли церкви, дворцы, прекрасные жилые дома; наконецъ, съ согласія папы и при содѣйствіи дружнаго съ Карломъ поэта Петрарки, учрежденъ тамъ первый въ

[1] Дельфинатомъ, по-французски Дофинѣ) (Dauphiné), называлась часть Бургундіи по Юру, получившая это имя вслѣдствіе того, что владѣтельный графъ ея Гигъ или Гвидонъ IV († 1142) принялъ почетное прозвище дофина или дельфина, отъ изображенія этой рыбы, украшавшаго его шлемъ.

[2] Также по французскому образцу.

Германіи университетъ (1348), въ которомъ скоро собралось отъ пяти до семи тысячъ студентовъ. Много также пекся онъ объ улучшеніи правосудія, хотя строптивый, непокорный духъ богемской знати препятствовалъ ему въ этомъ отношеніи. Онъ самъ, не рѣдко вплоть до солнечнаго заката, чинилъ судъ и расправу передъ воротами замковъ или на торговой площади въ городахъ; по его порученію знаменитый юристъ Бартолъ составилъ первое писанное уложеніе въ Богеміи; для лучшаго упроченія общей безопасности, онъ учредилъ губные округи и положилъ за грабежъ и убійство казнить смертью и лишеніемъ имущества, не смотря ни на чье лицо. «Это — мое созданіе!» говаривалъ онъ съ гордостью князьямъ, показывая имъ изъ оконъ своего Пражскаго кремля (градшина) лежащій внизу Новый городъ. Единственная хорошая сторона перемѣнности императорскихъ династій была та, что средоточіе общественной жизни и всего того, что способствуетъ къ возвышенію провинцій, оставалось не на одномъ мѣстѣ, а переходило изъ края въ край.—Карлу IV обязана Германія первымъ кореннымъ закономъ имперіи, который извѣстенъ подъ именемъ Золотой буллы и которымъ за семью курфюрстами положительно обезпечены права избранія императора (§ 352), опредѣлены линіи тѣхъ княжескихъ домовъ, которые должны были пользоваться курфюршескимъ достоинствомъ, учрежденъ порядокъ выбора и вѣнчанія императора и установлены іерархическія отношенія имперскихъ князей. Въ немъ содержались также многія (плохо соблюдаемыя) распоряженія противъ нарушенія земскаго мира, злоупотребленія правомъ бить монету, самовольнаго учрежденія новыхъ таможень и мног. въ этомъ родѣ. Санъ курфюрста, первый послѣ императорскаго, носили три рейнскіе архіепископа Маинцскій, Трирскій и Кельнскій, потомъ рейнскій Палатинъ (пфальцграфъ при Рейнѣ) и властители Саксоніи, Бранденбурга и Богеміи. Такъ какъ этотъ законъ далъ курфюрстамъ («седми свѣщникамъ») большія преимущества, надѣливъ ихъ почти полнымъ самодержавіемъ съ независимымъ отъ имперіи «вольнымъ судомъ», обезпечивъ имъ въ предѣлахъ ихъ владѣній императорскія регаліи—разработки рудъ, битья монеты,

таможеннаго (мытнаго) сбора по старинѣ, права оберегать (а слѣдственно и облагать) Евреевъ, и поставивъ ихъ выше всѣхъ прочихъ князей имперіи, то дворянство и имперскіе города, для поддержанія равновѣсія, старались подкрѣпить себя помощію союзовъ. Отъ этого значеніе императора мало-помалу обратилось въ ничто, и снова наступилъ періодъ безрядицы, беззаконія и произвольнаго самоуправства. «Каждое государство, несогласное внутри, обречено на гибель», сказано во вступленіи къ «Золотой буллѣ». «Князья его стоятъ заодно съ разбойниками, поэтому Богъ и ниспосылаетъ на нихъ духъ смуты. Онъ отнимаетъ у нихъ свѣточъ разума, такъ что они и сами становятся слѣпцами, и руководятъ слѣпцовъ, и, полные слѣпыхъ помысловъ, совершаютъ много худа». Этими словами всего лучше характеризуется положеніе имперіи въ тѣ времена.

§ 359. Великое ополченіе городовъ (1388). Эта неурядица, раздоръ и беззаконіе достигли высшей степени при сынѣ и преемникѣ Карла IV, Венцеславѣ (1378—1400, а † 1419), который, исходя отъ добрыхъ началъ и любя справедливость, старался защитить слабаго отъ своевольства сильныхъ, но скоро палъ жертвою собственныхъ страстей и трудныхъ обстоятельствъ той эпохи. Своею запальчивостью, своимъ строгимъ судомъ, при истинно варварскихъ казняхъ, и своею дикою охотническою жизнью, нажилъ онъ себѣ въ богемскомъ дворянствѣ и духовенствѣ множество враговъ и противниковъ, которые потребовали всѣхъ его усилій и заботъ въ томъ краю, а между тѣмъ усобицы въ южной и средней Германіи запылали сильнѣе, чѣмъ когда либо прежде. Оскорбляясь тѣмъ, что новымъ кореннымъ закономъ имперіи воспрещены всякіе «союзы и скопы» и ограничено распространеніе права подгороднаго гражданства на окрестныхъ помѣщиковъ, возмущенные выпускомъ все худшей и худшей монеты и безпрерывными помѣхами торговымъ сношеніямъ, швабскіе, франконскіе и при-рейнскіе города заключили такъ-называемый Швабскій городовой союзъ для поддержанія (не разъ тщетно предписаннаго) земскаго мира и для обороны противъ испорченнаго и крайне упавшаго дворянства, которое большею частію жило однимъ грабежемъ, да

разбоемъ по большимъ дорогамъ. Этотъ союзъ, обнявшій съ теченіемъ времени 72 города, а съ другой стороны стремленіе значительнѣйшихъ державцевъ къ расширенію своихъ областей, дотого угрожали собственности и правамъ рыцарей и дворянъ въ Швабіи, Баваріи, Франконіи, Гессенѣ и друг. м., что и они, по примѣру своихъ враговъ, сомкнулись въ рыцарскіе союзы (каковы были союзъ шлеглеровъ [1], львиный и роговой, звѣздный, общество св. Вильгельма, св. Георгія и т. д.). Обѣ стороны сопротивныхъ союзовъ вели между собой безпрерывную малую войну. Князья и графы примыкали то къ той, то къ другой, чтобы ни одной изъ нихъ не дать усилиться чрезъ мѣру. Попытки императора къ примиренію и полюбовной сдѣлкѣ остались безуспѣшны. Наконецъ убійство баварскими герцогами епископа зальцбургскаго, который присоединился къ швабскому союзу, усиленному приступленіемъ всѣхъ рейнскихъ городовъ, и нападеніе среди большой императорской дороги на городскихъ торговцевъ изъ Нюрнберга и Аугсбурга повели къ всеобщему ополченію городовъ (1388), которое легло тяжкою бѣдой на всю южную Германію отъ Боденскаго озера вплоть до Майна. Мало того, что выжигали дома, угоняли скотину, вытаптывали вездѣ посѣвъ,—нарочно засѣвали поля горчицей, которая своимъ сильнымъ ростомъ совершенно губитъ нивы, вырубали всѣ плодовитыя деревья, вырывали съ корнемъ виноградники; если же некогда было рубить дерево, то по крайней мѣрѣ сдирали съ него кору. А бѣдный народъ спасался какъ и куда можно. Въ Баваріи взяли верхъ горожане; во Франконіи мужество Нюрнбергцевъ по крайней мѣрѣ поддерживало равновѣсіе въ борьбѣ; но въ Швабіи, гдѣ во главѣ дворянъ стоялъ отважный недругъ городовъ, Эбергардъ Ворчунъ, графъ вюртембергскій (§ 345), потерпѣли они при Деффингенѣ и на Рейнѣ при Вормсѣ (гдѣ бился съ ними палатинъ) сильныя потери. Сынъ Эбергарда Ульрихъ, желая отомстить городамъ за пораженіе, понесенное при

[1] То-есть «колотилъ» или «дубинниковъ», оттого что они выбрали себѣ девизомъ «дубину», обычное оружіе мятежныхъ поселянъ. Рыцари намекали этимъ на то, что ополчаясь противъ земскихъ державцевъ, они становятся къ нимъ въ подобное же отношеніе.

Рейтлингенѣ, палъ при самомъ началѣ битвы. «Мой сынъ такой же человѣкъ какъ и всѣ!» воскликнулъ старый графъ, ободрилъ колеблющіеся ряды и повелъ ихъ къ побѣдѣ. Ополченіе Франкфуртцевъ, состоящее большею частію изъ наемныхъ войскъ, такъ же не могло мѣриться въ силахъ съ привычнымъ къ охотѣ, турнирамъ и войнѣ гессенскимъ и веттераускимъ рыцарствомъ. Цвѣтъ городской рати палъ въ полѣ передъ закованными въ сталь дружинами противниковъ, и общинное имущество истощилось на выкупъ плѣнныхъ. Только на Эгерскомъ сеймѣ (1389) положенъ этому кровопролитію хотя временный предѣлъ; союзные уговоры должны были прекратиться, но городамъ, наряду съ имперскими князьями и господами, предоставлялось участіе въ обезпеченіи земскаго мира, и сверхъ-того въ разныхъ мѣстностяхъ учреждены постоянные мировые суды. Въ этихъ стремленіяхъ лежали начатки федеративнаго устройства, при которомъ городамъ отводилось мѣсто соотвѣтственно ихъ значенію. Ибо нѣмецкіе города были въ то время пріютами народнаго благоденствія, гражданственности, просвѣщенія и, наконецъ, самой поэзіи, со страхомъ бѣжавшей рыцарскихъ замковъ, какъ вертепа разбойниковъ. — Неудачи нѣмецкихъ горожанъ наверстались побѣдоносною борьбой, которую въ тоже время швейцарскій союзъ велъ противъ дворянства южной Германіи. Герцогъ Леопольдъ Австрійскій, съ сильной ратью вооруженныхъ господъ, которые видѣли въ немъ красу рыцарства, напалъ на свободолюбивыхъ Швейцарцевъ, которыхъ вѣчный союзъ угрожалъ опасностью владѣніямъ Габсбурговъ и всему дворянству. Но въ битвѣ при Земпахѣ, (1386), гдѣ великодушный Арнольдъ фонъ-Винкельридъ, изъ Унтервальдена, проложилъ землякамъ «дорогу» въ рядахъ броненосныхъ рыцарей, охвативъ разомъ множество копій и завязивъ ихъ себѣ въ грудь, горделивый герцогъ палъ вмѣстѣ съ 656 своихъ знатныхъ господъ подъ дубинами сельскаго ополченія Гельветовъ [1]. Когда Леопольдъ увидѣлъ, что и австрійское знамя склонилось наконецъ къ землѣ, онъ не захо-

[1] Въ рядахъ Швейцарцевъ стояли впрочемъ и многіе рыцари, принадлежавшіе къ древнимъ родамъ того края.

тѣлъ пережить смерть такого множества благородныхъ рыцарей, рипулся въ свалку и, неузнанный, былъ убитъ однимъ швейцарскимъ пастухомъ. Тѣло его покрылъ своимъ тѣломъ Мартинъ Мальтереръ изъ Фрейбурга. Въ этотъ достопамятный день угасло много древнихъ фамилій и блескъ разныхъ княжескихъ дворовъ померкъ на многіе годы.

§ 360. Побѣда при Нефельсѣ (1388), одержанная черезъ два года послѣ Земпахской битвы Гларусцами надъ вдесятеро сильнѣйшимъ австрійскимъ войскомъ, которое привелъ на нихъ сынъ убитаго Леопольда, окончательно утвердила свободу вѣчнаго союза; къ нему вскорѣ присоединился Аппенцелль, и онъ еще дважды одолѣлъ Австрійцевъ (при Шпейхерѣ и Штосѣ, 1404 и 1405), явившихся союзниками жестокосердаго Санктъ-Галленскаго аббата, который часто налагалъ на подвластную ему землю несправедливый и тяжкій гнетъ. Во главѣ Аппенцельцевъ сражался графъ Рудольфъ фонъ Верденбергъ въ одеждѣ простаго пастуха и босой, чтобы «тверже ступать по скользкому дерну». Слѣдующія войны Швейцарцевъ имѣли цѣлію не столько огражденіе независимости, сколько пріобрѣтеніе господскихъ земель или отстаиваніе уже пріобрѣтенныхъ. Опала и анаѳема, положенная Констанцскимъ соборомъ (§ 364) на Фридриха Австрійскаго, лишила Габсбурговъ аргауской волости и другихъ отчинъ въ долинахъ Швейцаріи, такъ что за ними остались только Тургау, Виптертуръ, Раппперсвиль и нѣкоторыя другія мѣстности. Тогда усобица, возникшая между Цюрихомъ и Швицомъ за наслѣдіе графа Тоггенбурга (1436), подала имъ повидимому благопріятный случай воротить потерянное. Цюрихъ, побѣжденный храбрыми жителями первобытныхъ кантоновъ у моста рѣки Зиля, гдѣ погибъ геройскою смертью отважный бургомистръ Рудольфъ Штюсси, заключилъ союзъ съ Австріей, вслѣдствіе чего Фридрихъ III выслалъ противъ Гельветовъ сильное войско изъ нанятыхъ во Франціи арманьяковскихъ дружинъ (§ 379 и 380). Но геройское мужество Швейцарцевъ въ кровопролитномъ бою при Санктъ-Якоби у р. Бирса (въ виду Базеля) до того напугало французскихъ наемниковъ, что они прекратили сраженіе и заключили съ непріятелемъ дружественный договоръ (1414). Это побудило Цюрихъ помириться съ первобытными кантонами и снова приступить къ союзу (1446). Съ этихъ поръ перевѣсъ Французовъ въ Швейцаріи одержалъ верхъ и сталъ еще болѣе преобладающимъ во

время бургундскихъ войнъ (§ 398), въ которыхъ Швейцарцы значительно расширили предѣлы союза. Отнынѣ эти энергическіе горцы начали поступать въ военную службу къ Французамъ и Итальянцамъ и проливали храбрую кровь свою за постыдную мзду въ чужихъ краяхъ. Ихъ связь съ Нѣмецкою имперіей была уже только весьма слаба, да и та при императорѣ Максимиліанѣ порвалась окончательно (§ 369).

§ 361. Низложеніе Венцеслава. Венцеславъ, сначала не лишенный ни энергіи и ума, ни правительственныхъ способностей, обладавшій свѣтлымъ взглядомъ на церковныя и религіозныя дѣла и съ строгою справедливостію защищавшій городское сословіе отъ насилій своекорыстнаго дворянства, мало-по-малу навлекъ себѣ ненависть и презрѣніе грубостію своихъ страстей, тираніею и алчностью. Колеблясь между запальчивостью и слабодушіемъ, которыя уживались въ немъ непримиренныя, онъ привыкъ наконецъ тоску внутренней пустоты заглушать винными парами. Справедливость его нерѣдко переходила въ жестокость; алчность и сребролюбіе доводили его до суровости и до угнетенія Евреевъ, которыхъ при возстаніи въ Прагѣ онъ перебилъ и обобралъ до 3,000 человѣкъ (1389); страстный охотникъ, онъ всегда былъ окруженъ большими собаками, и однажды ночью онѣ растерзали первую жену его (1386); во время спора съ архіепископомъ пражскимъ за заложенныя ему коронныя имѣнія, онъ велѣлъ бросить съ пражскаго моста въ рѣку Молдаву безукоризненное духовное лице — генералъ-викарія Помука (1393), чѣмъ и воспользовались впослѣдствіи при сложеніи легенды о покровителѣ мостовъ, св. Непомукѣ. Выведенные изъ терпѣнія и до крайности раздраженные тѣмъ, что король толпами переселяетъ въ Богемію Нѣмцевъ и даетъ имъ всевозможныя преимущества, богемскіе дворяне, заключившіе между собою «господскій союзъ» по совѣту честолюбиваго Венцеславова родственника Іоста (1394), подняли мятежъ и нѣкоторое время держали Венцеслава въ заключеніи. Отъ этого все болѣе и болѣе падало его вліяніе въ имперіи, и времена кулачнаго права грозили возвратиться. Всѣмъ извѣстное безсиліе короля остановить господствующую въ церкви и государствѣ неурядицу, и вѣсть о томъ, что онъ, попирая достоинство и честь

имперіи, продалъ герцогское званіе богатому, вѣроломному и хитрому Галеаццо Висконти и тѣмъ подтвердилъ присвоенное имъ господство надъ Миланомъ и большею частію ломбардскихъ городовъ, навели нѣкоторыхъ князей, — преимущественно честолюбивый родъ Виттельсбаховъ, на мысль отнять императорскій санъ у Люксембургскаго дома, и центръ тяжести имперіи, передвинутый со временъ Рудольфа Габсбургскаго, снова перемѣстить въ многострадальный франконо-аллеманскій край. Такимъ образомъ, вслѣдствіе далеко развѣтвившейся интриги, было провозглашено на съѣздѣ въ Ланштейнѣ (20-го августа 1400) низверженіе Венцеслава «за то, что онъ не помогалъ водворенію мира въ церкви, умалилъ права имперіи, не соблюдалъ мира земскаго и совершилъ много жестокихъ и насильственныхъ дѣлъ». На мѣсто его, по проискамъ пронырливаго и себялюбиваго архіепископа Іоанна майнцскаго, который вмѣстѣ съ Виттельсбахами преимущественно способствовалъ низложенію Венцеслава, былъ избранъ четырьмя рейнскими курфюрстами и бургграфомъ Фридрихомъ Нюрнбергскимъ храбрый Рупрехтъ Пфальцскій (1400—1410), который не смотря на свои хорошія качества, не соотвѣтствовалъ однако требованіямъ тогдашней трудной эпохи. Къ счастію, поддерживаемыя нѣмецкими врагами Венцеслава распри его съ богемскимъ дворянствомъ и съ собственною роднею помѣшали ему оружіемъ отстаивать свои права на императорскую корону; но это еще не привело къ возстановленію порядка и спокойствія. Одичалость и беззаконіе въ имперіи дошли до того, что «слуги, васаллы и подлѣнники» майнцскаго архіепископа напали близь Фрицлара на возвращавшагося съ франкфуртскаго княжескаго съѣзда, кроткаго и честнаго герцога Фридриха Брауншвейгскаго, который не одобрялъ поступка съ Венцеславомъ, и убили его совершенно безнаказанно. Императоръ не могъ помѣшать и тому, что нѣсколько князей и городовъ южной Германіи, по проискамъ того же майнцскаго архіепископа, который наиболѣе содѣйствовалъ его возвышенію, но вскорѣ отсталъ отъ него по злокозненности и своекорыстію, заключили тайкомъ отъ него въ Марбахѣ союзъ (1404) «для вооруженной защиты и отпора всякому, кто бы онъ ни былъ, кто только осмѣлится повредить

одному изъ нихъ или ихъ васалламъ въ принадлежащихъ имъ вольностяхъ, грамотахъ, правахъ, земляхъ, людяхъ или имуществѣ». Такимъ образомъ имперскіе чины присвоили себѣ право заключать между собою союзы и безъ императорскаго разрѣшенія, и блюсти земскій миръ уже на свой страхъ. Еще болѣе жалкій исходъ имѣло передъ этимъ появленіе Рупрехта въ Ломбардіи. Задумавъ снова присоединить къ имперіи верхнюю Италію и выступивъ противъ Милана, онъ потерпѣлъ пораженіе при Брешіи (октябрь 1401) отъ итальянскихъ кондотьеровъ (§ 358), положившихъ основаніе новому, болѣе искусному веденію войны (тактикѣ), и долженъ былъ оставить за Висконти присвоенное послѣднимъ господство въ Ломбардіи. Нѣмецкая отвага, слѣпо ринувшаяся въ дѣло, вышла такъ же несостоятельною передъ итальянскимъ военнымъ искусствомъ, какъ и бѣдный деньгами императоръ передъ богатымъ и хитрымъ герцогомъ. Въ апрѣлѣ (1402) имперское войско возвратилось домой, «оборванное, посрамленное и осмѣянное». Не успѣшнѣе были и заботы императора о возстановленіи церковнаго мира, который былъ водворенъ съ неимовѣрнымъ трудомъ лишь преемникомъ его Сигизмундомъ (1410—1437), братомъ Венцеслава. Когда Рупрехтъ наконецъ умеръ въ маѣ 1410 г., имперская власть была сокрушена и уничтожена, потому что всякій въ свою очередь «пощипалъ орла»; общественное благо страдало, оттого что безпрерывныя усобицы превратили цвѣтущія мѣстности въ пепелища и плодоносныя нивы въ пустыни; законъ и справедливость были попраны, и міръ даже не находилъ утѣшеній въ религіи: люди громко просили о хлѣбѣ, а выродившаяся и разъединенная церковь подавала имъ камень.

Легенда о св. Непомукѣ. Историческое лицо,—генералъ-викарій Іоаннъ, изъ деревни Помукъ, который въ спорахъ архіепископа Іоанна Генценштейна съ императоромъ Венцеславомъ за замокъ Рудничъ и другія коронныя имѣнія, присвоенныя церковью, былъ главнымъ орудіемъ и совѣтникомъ архіепископа и потому долженъ былъ погибнуть въ волнахъ Молдавы,—составляетъ слабую основу легенды о св. Непомукѣ, распространенной многими побочными сказаніями и извращенной народнымъ преданіемъ. Сначала представляли святаго Іоанна мученикомъ, пострадавшимъ за

тайну исповѣди, и время его смерти перенесли десятью годами назадъ, потому что благочестивая королева Іоанна умерла еще въ 1386 году (по преданію, растерзанная дикими собаками своего мужа), а слѣдующая жена Венцеслава Софія, тоже баварская княжна, была вѣрною послѣдовательницей и духовною дочерью Іоанна Гуса. Въ этомъ видѣ, у чешскаго писателя первой половины 16 вѣка, Хайека, легенда изложена такъ: «На утро послѣ праздника св. Сигизмунда (3-го мая), Венцеславъ призвалъ къ себѣ священника Іоанна Непомука, мужа богобоязненнаго, который былъ магистромъ пражскаго университета, каноникомъ и духовникомъ королевы, и всѣми силами понуждалъ его сказать, въ какихъ грѣхахъ покаялась королева. Священникъ отвѣчалъ: «Государь, я уже не знаю этого, а если бы и зналъ, то мнѣ было бы такъ же неприлично разсказывать вамъ объ этомъ, какъ вамъ меня спрашивать.» Разгнѣванный король велѣлъ бросить его въ подземную темницу и приказалъ палачу, котораго величалъ своимъ кумомъ, пытать его; но не успѣвъ и этимъ средствомъ вымучить у него тайну, онъ велѣлъ ночью отвести его на пражскій мостъ и связаннаго бросить въ рѣку. Въ туже самую и въ слѣдовавшія за тѣмъ ночи надъ тѣломъ утопленника появились огоньки. Пражское духовенство вынуло трупъ изъ воды подъ монастыремъ св. Креста, похоронило его въ церкви св. Вита и поставило надъ нимъ камень. Съ тѣхъ поръ совершилось тамъ много разныхъ чудесъ, и оттого многіе называли покойнаго мученикомъ Божіимъ и святымъ. А если кто оспоривалъ его святость и дерзновенно ступалъ на высѣченный въ камнѣ крестъ, то въ тотъ же день подпадалъ осмѣянію или позору, и потому духовные владыки обнесли могилу желѣзною рѣшеткой». Этотъ разсказъ, по изслѣдованіямъ новѣйшаго историка (О. Абеля), возникъ вскорѣ послѣ гуситскихъ войнъ, когда духовенство старалось снова примирить чешскій народъ съ католическою церковью, возстановить во всей ея святости тайную исповѣдь передъ священникомъ, противъ которой ратовалъ Гусъ, и въ тоже время доставить преобладаніе католическо-нѣмецкой національности надъ чешско-гуситскою. Поэтому-то «врагъ поповства» Венцеславъ, благопріятствовавшій чешской партіи Гуса и Іеронима и ненавидѣвшій Нѣмцевъ, прежде всего былъ выведенъ въ наихудшемъ свѣтѣ и поставленъ въ рѣзкую противуположность съ жившимъ за четыре вѣка «святымъ» Венцеславомъ; но еще болѣе старались перенести сохранившееся въ

народѣ уваженіе къ «святому Іоанну изъ Гусинеца» на «святаго Іоанна Непомука», и вытѣснить чешско-еретическаго мученика католическимъ святымъ. Съ этою цѣлью день смерти его былъ перенесенъ на 16 мая, такъ какъ въ этотъ день празднуется память «мистра Яна» (магистра Іоанна), гуситскіе образа были превращены въ Непомуковы чрезъ прибавленіе пятизвѣздія на головѣ святаго, чрезъ замѣну библіи распятіемъ и другія передѣлки, и такимъ образомъ «еретикъ» Іоаннъ былъ вытѣсненъ «святымъ» Іоанномъ, подобно тому какъ нѣкогда изъ національнаго языческаго божества Свантевита (Свѣтовита) возникъ католическій св. Витъ. И не королева Софія, духовникомъ которой былъ Гусъ, а благочестивая королева Іоанна, сдѣлавшаяся жертвоюдикихъ нравовъ Венцеслава, должна была стать другомъ святаго. Явное хронологическое противорѣчіе впослѣдствіи вызвало мнѣніе о двухъ Іоаннахъ Непомукахъ. Еще усерднѣе старалось духовенство, по одолѣніи чешско-реформатской оппозиціи противъ австрійско-католическаго императорскаго дома въ сраженіи при Бѣлой Горѣ (8 ноября 1620), воспользоваться народнымъ образомъ святаго Іоанна Непомука для того, чтобы доставить полное торжество своему церковному и національному дѣлу. Іезуиты собирали всевозможныя доказательства, письменныя и изустныя, какія только можно было собрать въ пользу св. Непомука, и потомъ приступили къ папѣ съ просьбою о торжественномъ признаніи его святымъ; 78 прошеній, подписанныхъ духовными и свѣтскими вельможами, подкрѣпили просьбу отцовъ-іезуитовъ. Слѣдствіемъ этихъ усилій было то, что 19 марта 1728 г. Іоаннъ Непомукъ былъ причтенъ къ лику святыхъ мучениковъ. «Безъ всякой натяжки (заключаетъ Абель), соотвѣтственно миѳическимъ или дѣйствительнымъ образамъ, которымъ покланялся чешкій народъ, раздѣлили мы 1,200 лѣтъ чешской исторіи на 4 большіе отдѣла, поразительно совпадающіе съ періодами политческой исторіи. За національно-языческою первобытною эпохой, въ которой господствуетъ Свѣтовитъ, слѣдуетъ введеніе христіанства и связь съ Германіею: это время святаго Вита, къ которому рано присоединяютъ святаго Венцеслава. Въ началѣ 15 вѣка поднимается движеніе противъ нѣмечины и вмѣстѣ противъ католической церкви, начинается періодъ національной независимости, во главѣ котораго стоитъ Іоаннъ Гусъ. Спустя два вѣка, самые бурные въ чешской исторіи, Гусъ и его приверженцы подпадаютъ опа-

лѣ, и вмѣстѣ съ габсбургкимъ владычествомъ беретъ верхъ Іоаннъ Непомукъ; съ тѣхъ поръ какъ въ Богеміи пала политическая и религіозная свобода, онъ считается святымъ заступникомъ этой страны.»

г) Императоръ Сигизмундъ и состояніе церкви въ его время.

§ 362. Церковный расколъ (Schisma). Римъ, раздираемый борьбою партій, уже давно требовалъ возвращенія папы. Наконецъ, благомыслящій Урбанъ V рѣшился уступить общему желанію и ѣхать въ опальный городъ (1367); но итальянскія смуты вскорѣ привели его снова въ Авиньонъ. Спустя десять лѣтъ, преемникъ Урбана Григорій XI тоже уступилъ желанію Италіи (1377) и съ торжествомъ былъ встрѣченъ Римлянами; но онъ нашелъ Церковную область въ такомъ безотрадномъ состояніи, что только смерть удержала его отъ возвращенія на Рону. Настроенные въ пользу Франціи кардиналы, чувствуя себя гораздо свободнѣе и лучше подъ пріятнымъ небомъ южной Франціи, всѣми силами старались препятствовать переселенію двора въ Римъ; и когда Урбанъ VI, прежде бывшій епископомъ въ Бари, рѣшился на этотъ шагъ (1378) и строго принялся за преобразованіе разстроенной церкви, тогда двѣнадцать кардиналовъ французской партіи собрались въ Ананьи, объявили избраніе недѣйствительнымъ и, обнадеженные въ содѣйствіи Французскаго короля и подкрѣпленные нѣкоторыми Итальянцами, избрали папою кардинала Роберта Женевскаго. Онъ принялъ имя Климента VII и отправился съ своею партіей въ Авиньонъ. Такимъ образомъ церковь имѣла двоихъ папъ, одного въ Авиньонѣ, другаго въ Римѣ, и каждый изъ нихъ, ссылаясь на законность своего избранія, изрекалъ проклятіе своему сопернику и его приверженцамъ. Весь христіанскій западъ распался на двѣ партіи, совѣсть помутилась, церковь впала въ расколъ, да и поборы еще умножились вслѣдствіе расходовъ двойнаго придворнаго штата. «Все стало продажно на землѣ и на небѣ», и такъ какъ оба первосвященника окружили себя каждый своими кардиналами, то и смерть обоихъ не могла прекратить раскола. Бенедиктъ XIII и

Григорій XII, одинъ въ Авиньіонѣ, другой въ Римѣ, продолжали раздоръ и взаимныя проклятія. Тщетно пытался открывшійся безъ папскаго призыва соборъ въ Пизѣ (1409) устранить это зло, низложилъ обоихъ папъ и выбралъ новаго (Александра V, а по смерти его Іоанна XXIII), на основаніи того начала, что церковь самобытна по установленію Спасителя: оба низложенные папы упорствовали въ своихъ притязаніяхъ, такъ что церковь распалась уже на три партіи, и, сверхъ того, Испанія выбрала себѣ особеннаго папу. Негодованіе проникло весь христіанскій міръ и вызвало громкій кличъ въ пользу исправленія церкви, и въ лицѣ членовъ ея и въ лицѣ главы.

§ 363. Виклифъ и Гусъ. Въ то время какъ ученые богословы Парижскаго университета (Сорбонны), особенно Жерсонъ и д'Альи (d'Ailly), старались произвести это улучшеніе внутри господствующей церкви, противодѣйствіемъ ученію о папской непогрѣшимости и посредствомъ всеобщаго собора, который стоялъ бы выше папы,—въ это время ученики и приверженцы оксфордскаго профессора Джона Виклифа (Виклефа, † 1384) стремились къ болѣе обширному преобразованію церкви въ ея вѣроученіи и устройствѣ. Виклифъ ратовалъ не только противъ папской власти, противъ душеспасительности монашества и противъ злоупотребленій, связанныхъ съ нѣкоторыми церковными учрежденіями (отпущеніемъ грѣховъ, иконопочитаніемъ, поклоненіемъ святымъ и т. под.), но и выступилъ реформаторомъ (§ 376) съ своимъ переводомъ библіи на англійскій языкъ, съ катехизисомъ своего сочиненія и съ отрицаніемъ многихъ истинъ вѣроученія католиковъ, какъ-то тайной исповѣди, безбрачія, преосуществленія и т. под. [1] Важнѣйшимъ приверженцемъ его былъ пражскій профессоръ Іоаннъ Гусъ (изъ Гусинеца), человѣкъ замѣчательный своею ученостью, нравственною жизнію и христіанскою кротостью, уже давно подвизавшійся съ большимъ краснорѣчіемъ за нравственное исправленіе духовенства и теперь подкрѣпленный въ своемъ

[1] Авторъ забылъ упомянуть, что Виклифъ присоединялъ ко всему этому политическій догматъ, отвергавшій божественное право государей.

стремленіи своей дѣятельности знакомствомъ съ ученіями Виклифа. Сочиненія и проповѣди, въ которыхъ Гусъ остроумно бичевалъ злоупотребленія папства, роскошь и земное могущество духовныхъ лицъ, испорченность монастырской жизни, отпущеніе грѣховъ посредствомъ индульгенцій и другія вредныя явленія въ католической церкви, были прокляты совокупными усиліями мѣстнаго архіепископа и нѣмецкихъ преподавателей пражскаго университета (1409), и распространеніе многихъ мнѣній его, признанныхъ еретическими, запрещено подъ страхомъ смертной казни. Негодуя на этотъ приговоръ, состоявшійся вслѣдствіе перевѣса Нѣмцевъ и принадлежавшихъ къ нимъ университетскихъ «земщинъ» [1], природные Богемцы (Чехи), преимущественно бывшіе сторонниками Гуса и противниками Нѣмцевъ, отчасти по національной враждѣ, отчасти по своему научному направленію, старались ограничить права послѣднихъ, и это удалось имъ тѣмъ легче, что Венцеславъ былъ самъ озлобленъ на Нѣмцевъ со времени своего низверженія. Недовольные сокращеніемъ принадлежавшихъ имъ дотолѣ правъ, 5,000 студентовъ и профессоровъ выселились изъ Праги и тѣмъ способствовали учрежденію другихъ нѣмецкихъ университетовъ, прежде всего въ Лейпцигѣ (1409), гдѣ 300 изъ нихъ нашли себѣ хорошій пріемъ. Архіепископъ утратилъ этимъ всякую опору, такъ что духовные карательные приговоры его не могли быть исполняемы. Даже проклятіе, изреченное наконецъ самимъ папою популярному проповѣднику реформы, не уменьшило общаго къ нему уваженія и числа его приверженцевъ, изъ которыхъ особенною ревностію отличался необыкновенно краснорѣчивый чешскій дворянинъ Іеронимъ (изъ Фаульфиша, но его обыкновенно называютъ «Пражскимъ»). Послѣдній даже сжегъ у позорнаго столба, при шумномъ стеченіи народа, папскую грѣхоотпускную буллу (1412). Гусъ занималъ должность королевина духовника.

§ 364. Констанцскій или Костницскій соборъ (1414—1418). Когда наконецъ, по настоянію императора Сигизмун-

[1] Земщинами, или ландсманшафтами, называются въ нѣмецкихъ университетахъ товарищества студентовъ-земляковъ, т. е. родомъ изъ одного края.

да, папа Іоаннъ XXIII созвалъ (1414) Костницкій соборъ, цѣлыя толпы духовныхъ и свѣтскихъ господъ, съ папою и императоромъ во главѣ, прибыли въ Констанцъ. Никогда не видалъ міръ подобнаго собранія: тутъ соединился блескъ всего Запада. Вмѣстѣ съ христіанскими государями всѣхъ странъ и богатыми ихъ посольствами находились тутъ высшіе сановники церкви, знаменитѣйшіе доктора и ученые западнаго христіанства, посланцы слишкомъ 400 имперскихъ и областныхъ городовъ; полагаютъ, что всего собралось до 150,000 человѣкъ. Единеніе и исправленіе церкви составляли высокую цѣль собранія, которое съ самаго начала заявило себя вселенскимъ [1], объемлющимъ все христіанство соборомъ, имѣющимъ власть непосредственно отъ Христа и право требовать повиновенія отъ каждаго, даже отъ папы. Поэтому прежде всего понудили троихъ папъ къ отреченію, и когда Іоаннъ XXIII, отрекшійся изъ страха передъ угрозою, что порочное поведеніе его будетъ изслѣдовано соборомъ, потомъ раскаялся въ этомъ шагѣ и, воспользовавшись однимъ турниромъ, переодѣтый бѣжалъ при помощи Фридриха Австрійскаго II, въ надеждѣ на господствующее разномыслiе, взялъ назадъ всѣ свои уступки, то собраніе торжественно объявило себя самостоятельнымъ и превыше папы, провозгласило отрѣшеніе Іоанна (1415) и съ твердостію продолжало свои совѣщанія (причемъ голоса подавались по четыремъ главнымъ націямъ [2], а не поголовно). Фридрихъ Австрійскій, по прозванію «Пустой Карманъ», способствовавшій побѣгу Іоанна, въ надеждѣ помѣшать возвышенію и усиленію императорской власти, что̀ на соборѣ также имѣлось въ виду, былъ приговоренъ къ изгнанію и проклятъ, и за тѣмъ имперскіе города, Швейцарцы и многіе князья вторгнулись въ его владѣнія. Союзники овладѣли городомъ Аарга̀у и срыли Габсбургъ и остальные замки, между прочимъ крѣпость Штейнъ, гдѣ хранились граматы Габсбургскаго дома. Лучшая часть его владѣній уже была въ чужихъ ру-

[1] Едва ли нужно говорить, что для оправданія этого эпитета собору не доставало всей восточной половины христіанскаго міра.

[2] Эти націи были Итальянская, Нѣмецкая, Французская и Англійская; впослѣдствіи присоединилась къ нимъ еще пятая — Испанская.

кахъ, когда онъ смирился передъ Сигизмундомъ и тѣмъ снова пріобрѣлъ свои нѣмецкія земли; но находившіеся въ Швейцаріи города, замки, селенія и многія важныя права остались утраченными для его дома. Іоаннъ XXIII, послѣ разныхъ тяжкихъ испытаній, попалъ наконецъ въ руки курфюрста Людвига Пфальцскаго и, плѣнникомъ въ Гейдельбергѣ, оплакивалъ превратность счастія, пока не былъ помилованъ своимъ преемникомъ. Изъ двухъ остальныхъ папъ, одинъ отрекся отъ престола на почетныхъ условіяхъ (1417), а другой послѣ долгихъ безуспѣшныхъ переговоровъ, былъ отрѣшенъ, какъ еретикъ, нарушитель единства христіанской церкви. Но вскорѣ мнѣніе многочисленныхъ ультрамонтановъ [1] (папскихъ сторонниковъ, Итальянцевъ), что избраніе новаго папы должно предшествовать всѣмъ задуманнымъ улучшеніямъ, взяло перевѣсъ надъ требованіями Нѣмцевъ и Французовъ, которые, вмѣстѣ съ императоромъ, хотѣли сначала дать новое устройство церкви. Кардиналъ Оттонъ Колонна вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Мартина V. Это былъ умный, умѣренный человѣкъ, съумѣвшій раздѣлить націи заключеніемъ особыхъ договоровъ (конкордатовъ) съ отдѣльными государями, и подавить требованіе реформы отмѣною нѣкоторыхъ вопіющихъ злоупотребленій при замѣщеніи церковныхъ должностей. Такимъ образомъ были обмануты надежды и желанія народовъ, папство оставлено при прежней своей власти, церковь—при своей порчѣ, а императорство—при своемъ безсиліи.

Наложеніе проклятія и опалы на Фридриха. Соборъ провозгласилъ о Фридрихѣ Австрійскомъ: «Такъ какъ онъ, подобно Фараону, ожесточилъ свое сердце и, какъ змій къ заклинателямъ, сталъ глухъ къ плачу страждущей церкви, къ увѣщаніямъ лучшихъ друзей своихъ и къ напоминаніямъ короля, то да будетъ онъ подъ бременемъ Іудина проклятія и высшаго отлученія отъ общества вѣрныхъ; церковь поручаетъ Нѣмецкому королю, своему любезному сыну и хранителю, оберегать ее отъ него и наложить на него свою

[1] Ультрамонтаны собственно значитъ загорцы, т. е. живущіе за Альпами. Большинство бывшихъ на соборѣ духовныхъ лицъ состояло изъ Итальянцевъ; къ нимъ же пристала потомъ и французская клерикальная партія, которая только нехотя слѣдовала вначалѣ за преобразовательными планами партіи Парижскаго университета.

мірскую кару». Вслѣдствіе этого, Сигизмундъ наложилъ на Фридриха имперскую опалу и запретилъ всѣмъ и каждому «пускать его въ домъ или во дворъ, давать ему содержаніе, пищу, оказывать какую то ни было помощь, находиться при немъ или даже только быть съ нимъ въ мирѣ».

§ 365. Стремленіе возстановить единство церкви съ самаго начала привело соборъ къ разсмотрѣнію мнѣній Іоанна Гуса, которыя уклонялись отъ господствующаго вѣроученія. Сожженіе сочиненій Виклифа архіепископомъ пражскимъ и обнародованіе буллы объ отлученіи Гуса произвели сильное волненіе въ Богеміи. Толпы народа сопровождали изгнаннаго проповѣдника и внимали рѣчамъ его подъ открытымъ небомъ, что̀ не обошлось безъ прискорбныхъ сценъ [1]. Это побудило соборъ призвать реформатора къ отвѣту. Снабженный императорскимъ охраннымъ листомъ, въ которомъ ему было обѣщано безопасное возвращеніе, Гусъ отправился въ Констанцъ, но тотчасъ по прибытіи былъ взятъ подъ стражу и обвиненъ въ распространеніи ересей. Тщетно защищался онъ съ достоинствомъ противъ обвиненій — судьями его были его враги: духовные потому, что, строгій проповѣдникъ нравственности, онъ возставалъ противъ испорченности и мірскихъ увлеченій духовнаго чина; нѣмецкіе доктора потому, что онъ былъ виновникомъ сокращенія правъ ихъ въ пражскомъ университетѣ; богословы и ученые потому, что будучи номиналистами, они враждовали противъ его реализма (§ 322). Напрасно друзья его ссылались на императорскій листъ — соборъ сослался на правило, по которому никто не обязанъ держать данное еритику слово, и требовалъ, чтобъ онъ безоговорочно отрекся отъ своихъ мнѣній. Отказавъ въ этомъ, Гусъ былъ лишенъ священства и, какъ закоренѣлый еретикъ, приговоренъ къ сожженію (16 іюля 1415), которое онъ выдержалъ съ энергіею и твердостью мученика. Спустя годъ, Іеронимъ Пражскій, не смотря на свое ослабленное и удрученное

[1] Во время изгнанія онъ написалъ много памфлетовъ на чешскомъ языкѣ, волновавшихъ умы народа, и сверхъ-того латинскій Трактатъ о церкви (Tractatus de ecclesia), въ которомъ сильно возставалъ противъ папы, какъ «намѣстника І. Христа», и противъ всѣхъ церковныхъ преданій и постановленій, не согласныхъ съ «словомъ Божіимъ» въ св. Писаніи.

душевными страданіями и тюремными муками тѣло, съ мужествомъ стоика перенесъ ужасы костра (23 мая 1416). «Ни одинъ мудрецъ (писалъ Эней Сильвій [1]) не выказалъ столько мужества на ложѣ смерти, сколько онъ среди огня». Ультрамонтаны надѣялись запугать смертью Гуса реформаціонную партію и противниковъ папства, а послѣдніе согласились осудить его только для того, чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ сочувствіи къ ереси.

Гусъ на кострѣ. Снявъ съ Гуса облаченіе, передали его, какъ отлученнаго отъ церкви, въ руки мірской власти. Когда надѣли на него высокій колпакъ изъ писчей бумаги съ тремя нарисованными на немъ чертями и съ надписью: «Ересіархъ», и предали душу его аду, онъ сказалъ: «А я предаю ее Господу моему Іисусу Христу!» Императоръ, видѣвшій все это, приказалъ курфюрсту Людвигу Пфальцскому сдать Гуса палачу и проводить его до мѣста казни. Курфюрстъ исполнилъ повелѣніе, предварительно снявъ съ себя княжескій орнатъ. На пути Гусъ съ улыбкою смотрѣлъ, какъ сожигали его сочиненія. У костра Ульрихъ Рейхенталь спросилъ его, не желаетъ ли онъ исповѣдаться, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Когда уже привязали его къ столбу, курфюрстъ еще разъ увѣщевалъ его отрѣчься отъ своихъ ересей. На это Гусъ объявилъ, что готовъ запечатлѣть свое ученіе смертью. Онъ хотѣлъ еще сказать нѣмецкую рѣчь къ народу, но курфюрстъ велѣлъ зажигать. Тогда Гусъ вручилъ свою душу Богу и претерпѣлъ мучительную кончину. Пепелъ его былъ развѣянъ по Рейну, чтобы Чехи не могли собрать его. Но бывшій при этомъ народъ все-таки остался въ увѣренности, что папа Іоаннъ больше Гуса заслуживалъ сожженія за свои гнусные поступки.

§ 366. Гуситы. Вѣсть о костницкомъ злодѣйствѣ довела пылавшихъ ненавистью и фанатизмомъ гуситовъ до страшной религіозной войны. Чаша, которая по ученію Гуса должна быть доступна и мірянамъ, стала знаменемъ ихъ ополченія (отсюда утраквисты и каликстины [2]); священники и

[1] Впослѣдствіи папа Пій II.

[2] Отъ латинскихъ словъ utraque (та и другая) и calix (чаша), такъ какъ гуситы, въ противоположность католикамъ, требовали причащенія въ той и другой формѣ, или въ обоихъ видахъ, т. е. какъ въ видѣ крови, изъ чаши, такъ и въ видѣ тѣла, которое у всѣхъ западныхъ христіанъ предлагалось мірянамъ отдѣльно и исключительно.

монахи, отказывавшіе имъ въ чашѣ, подвергались тяжкому кровавому мщенію. Тщетно папа проклялъ приверженцевъ Гуса,—разъяренный народъ презиралъ угрозу, остававшуюся при слабомъ Венцеславѣ безъ всякаго послѣдствія. Когда же онъ умеръ отъ удара, раздраженный взятіемъ пражской ратуши и убіеніемъ градскаго головы [1] (1419), и на престолъ богемскій долженъ былъ вступить ненавистный Сигизмундъ, тогда весь народъ ополчился, чтобы вѣроломному императору, вмѣнившему себѣ въ непремѣнный долгъ искоренить ересь, отнюдь не дать овладѣть страною. Къ религіозному фанатизму присоединялась еще національная ненависть къ Нѣмцамъ и демократическое раздраженіе; помышляли о союзѣ всѣхъ славянскихъ земель и тайно предлагали корону Богеміи королю Польскому. Напрасно издалъ папа сильную, такъ-называемую крестовую буллу противъ Гуситовъ (1420) и призывалъ вѣрныхъ къ истребительной войнѣ, — религіозное рвеніе ослабѣло; напрасно велъ Сигизмундъ сильныя войска противъ нестройныхъ полчищъ, — наемные солдаты и рыцари со страхомъ отступали передъ дикою яростью озлобленнаго народа, которымъ начальствовалъ смѣлый, опытный въ военномъ дѣлѣ и удивительно способный управлять массами — Іоаннъ Жишка. Прекрасный замокъ Вышеградъ, которымъ гордился Карлъ IV, былъ взятъ приступомъ и срытъ; три имперскія арміи пали жертвою несокрушимой энергіи Гуситовъ (битва при Дейчъ-Бродѣ 1422), которые не только жгли церкви и монастыри въ Богеміи, но вносили опустошеніе даже и въ сосѣднія земли. «Они причинили столь великое бѣдствіе и страданіе нѣмецкому христіанскому народу», говоритъ одинъ современникъ, «что неудивительно, еслибы народъ отчаялся въ Провидѣніи и сталъ недругомъ всякому, кто говоритъ чешскимъ или моравскимъ языкомъ». Имя предводителя, слѣпца Жишки, сдѣлалось пугаломъ для всѣхъ странъ Европы. Чтеніемъ исторіи ветхозавѣтныхъ войнъ, болѣе привлекательной для массъ нежели состояніе первопачальныхъ христіанскихъ

[1] Гуситамъ въ Прагѣ предоставлены были три церкви. При торжественномъ ходѣ изъ одной въ другую, мимо ратуши, они были грубо оскорблены ратманами и, раздраженные такимъ безчинствомъ, ворвались въ зданіе и семерыхъ изъ нихъ побросали въ окна.

общинъ, народъ совершенно перенесся въ прежнее положеніе Израильтянъ. Горы, на которыхъ собирались Гуситы, получили библейскія названія (Хоривъ, Θаворъ или Таборъ, Масличная гора, Зеленѣющая гора, гора Агнца). Монаховъ и вообще католиковъ величали они филистимлянами, язычниками, могаммеданами. Все считалось позволительнымъ въ отношеніи къ нимъ, какъ нѣкогда у Израильтянъ противъ Хананитовъ. За недостаткомъ настоящаго оружія, множество народа вооружилось дубьемъ, пожарными крюками, цѣпами. Жишка ежедневно упражнялъ ихъ въ войнѣ и посадилъ нѣкоторое число на коней, отбитыхъ у противниковъ. Онъ называлъ себя самого: «Іоанномъ Жишкою отъ Чаши, начальникомъ Таборитовъ въ упованіи на Господа». Неясныя изреченія св. писанія были относимы къ настоящему и направлены къ усиленію воинскаго фанатизма сектаторовъ. Народная энергія и религіозное одушевленіе Гуситовъ побѣждали всякое военное искусство. Тутъ не требовалось ни рыцарскихъ пріемовъ, ни гербовъ, ни турнирной ловкости и любезности; полчища «братьевъ», ремесленники и крестьяне, подмастерья, рабы, поденьщики, изъ коихъ каждый былъ готовъ побѣдить или умереть за чашу, каждый былъ готовъ къ безусловному повиновенію вождямъ, ко всякой службѣ, къ любому самому тяжкому походу, словомъ ко всему на свѣтѣ,—эти люди были уже совсѣмъ не то, что старое феодальное ополченіе, не умѣвшее ни повиноваться, ни переносить лишеній, искавшее отличій, милостей и добычи, тогда какъ Гуситы сражались за вѣру, отечество, свободу, за идеи.—По смерти Жишки (1424), умѣренные (каликстины, требовавшіе, при свободной проповѣди Слова Божія на отечественномъ языкѣ и причащеніи подъ двумя видами, также возвращенія духовенства къ апостольской бѣдности и строгаго наблюденія всей общины за церковнымъ благочиніемъ клириковъ) отдѣлились отъ радикаловъ (таборитовъ и сиротъ), которые отвергали начисто всѣ церковныя правила, не вытекавшія прямо изъ буквы священнаго писанія, стремились къ искорененію учительскаго сана и, постепенно увлекаясь фанатизмомъ, ожидали скораго пришествія Христова. Соціальный вопросъ также все болѣе и болѣе выступалъ у нихъ впередъ: «какъ въ градѣ Таборѣ не было различія

между твоимъ и моимъ, а все было общее, такъ все и всегда должно принадлежать всѣмъ; имѣть частную собственность— грѣхъ смертный». Этотъ «ополчившійся народъ», эти диконастроенныя массы упорствовали въ «священной войнѣ»; онѣ продолжали (подъ начальствомъ Прокопія Старшаго и Прокопія Младшаго) свои гибельные набѣги и грабительства, опустошили Саксонію и Франконію и вынудили дань у Бранденбурга и Баваріи (съ 1426 по 1430). Никакое войско не могло устоять противъ сокрушительнаго ихъ натиска; никакія стѣны не могли защитить отъ нихъ. Подобно опустошительному горному потоку, неудержимо разливались они по трепещущимъ странамъ; пылавшіе города и селенія обозначали путь ихъ; со страхомъ бѣжали рыцари и граждане въ лѣса, помышляя лишь о собственномъ спасеніи и предоставляя женъ и дѣтей состраданію враговъ. Нужда и бѣдность были такъ велики, «что ребенокъ умиралъ на груди матери, а сама она была чуть жива отъ голода». Напротивъ, каликстины, и спуганные фанатическимъ неистовствомъ чешскихъ церквеборцевъ и религіознымъ изступленіемъ моравскихъ адамитовъ, которые всякое внѣшнее богослуженіе считали идолопоклонствомъ, отвергали таинства и хотѣли, побѣдивъ плоть, жить вовсе безъ одежды въ состояніи невинности, — болѣе умѣренные каликстины вскорѣ согласились на миръ, какъ только Базельскій соборъ (1433) уступилъ имъ причащеніе подъ обоими видами и проповѣдь на отечественномъ языкѣ. Лишь послѣ того, какъ таборіты потерпѣли тяжкое пораженіе при Прагѣ, а оба Прокопія пали (1434), удалось наконецъ императору, благодаря искусству умнаго и заслуженнаго канцлера своего, графа Каспара Шлика, склонить и ихъ къ миру на тѣхъ же условіяхъ. За тѣмъ Сигизмундъ былъ признанъ королемъ. Но величіе Богеміи распалось въ прахъ, и когда по смерти Сигизмунда (1437), нація воспользовалась своимъ избирательнымъ правомъ и тѣмъ вызвала споры за престолъ, тогда опять запылала междоусобная война, и прекратилась окончательно только по установленіи королемъ Владиславомъ религіознаго мира на Куттенбергскомъ земскомъ сеймѣ (1485), при чемъ за каждою изъ враждующихъ партій, католическою и каликстинскою, было упрочено ея тогдашнее

положеніе. Послѣ столь продолжительныхъ политическихъ бурь, Гуситы изъ всѣхъ своихъ религіозныхъ особенностей не сохранили почти ничего, кромѣ внѣшняго отличія—чаши. При великихъ отрицательныхъ силахъ, совершившихъ отпаденіе отъ старой церкви, имъ недоставало положительной, всепроникающей, глубокой основной мысли, которая могла бы создать церковь новую. Чехамъ удавалось разбивать и истреблять непріятельскія войска, то торжество ихъ вѣры обозначалось лишь разрушеніемъ монастырей и иконъ, а не обращенными душами.—Недовольная уступками, которыя были сдѣланы католикамъ, и исчезновеніемъ евангелическаго духа, небольшая партія, преимущественно изъ пережившихъ грозу таборитовъ, отдѣлилась отъ каликстиновъ и образовала подъ названіемъ чешскихъ и моравскихъ братскихъ общинъ особенную секту, бѣдную, строго держащуюся Библіи и миролюбивую.

Вытѣсненныя на восточную границу, отдѣльныя небольшія общины братьевъ распространились, среди тяжкихъ гоненій, въ Богеміи, Моравіи и Польшѣ, при поставленіи себѣ первыхъ епископовъ давали посвящать ихъ епископамъ вальденскимъ и принимали въ свою среду остатки вальденцевъ и другихъ мирныхъ раскольниковъ. Раздѣляясь по степенямъ на начинающихъ, преуспѣвающихъ и совершенныхъ, они отвергали святыхъ и іерарховъ католической церкви, вмѣсто пресуществленія принимали мистическое соединеніе тѣла Христова съ хлѣбомъ и виномъ, не хотѣли называться единственною, дающею спасеніе церковью, а только членами ея, и церковнымъ благочиніемъ въ духѣ первыхъ вѣковъ христіанства поддерживали у себя строго-нравственную, задушевную, набожную и вообще очень ограниченную жизнь.

§ 367. Базельскій соборъ (1431 — 1449). Сигизмундъ былъ красивый собою и весьма умный государь, отличавшійся неутомимою дѣятельностью и стремленіемъ къ высокимъ цѣлямъ. Послѣ своего римскаго похода (1431), онъ соединялъ на головѣ своей не менѣе пяти коронъ, и въ пышномъ императорскомъ облаченіи самодовольно воображалъ себя властителемъ всего свѣта; однако и онъ не могъ возвратить прежняго блеска императорству въ Германіи. На его глазахъ, бывшія провинціи Нѣмецкой имперіи отошли къ Новобургундскому герцогству (§§ 397. 398), императорскую Италію все болѣе и

болѣе урѣзывали Венеціанцы и другія возраставшія государства той страны, а дальнія лэнныя земли мало-по-малу высвобождались изъ-подъ зависимости отъ имперіи. Его роскошь и щедрость, его дорогія предпріятія и многообъемлющая политика причиняли ему большіе расходы и нерѣдко поставляли его въ трудныя денежныя обстоятельства. Однакожь разсказъ о томъ, будто важная уступка Бранденбургской маркіи (1411) съ самомъ курфюрста бургграфу Нюрнбергскому, Фридриху Гогенцоллерну, въ полную и наслѣдственную собственность (§ 356), состоялась вслѣдствіе отдачи этой маркіи въ залогъ за предшествовавшую ссуду, есть уже выдумка позднѣйшихъ временъ. Напротивъ, дѣлая эту уступку, императоръ желалъ отчасти наградить Фридриха за вѣрность и преданность, которыя онъ доказалъ многими важными услугами, отчасти же дать сильнаго и надежнаго властелина полупропащему и пришедшему въ упадокъ краю. Тутъ передаточная запись была не обезпеченіемъ, предоставляемымъ недовѣрчивому кредитору, но знакомъ истинно-царскаго довѣрія къ вельможѣ, о которомъ императоръ зналъ, какъ разумѣетъ онъ долгъ и призваніе княжескаго сана. Спустя нѣсколько времени, Сигизмундъ передалъ ему и регенство въ нѣмецкихъ земляхъ. — Даже большіе соборы, составляющіе блестящую сторону Сигизмундова царствованія, привели только къ умаленію императорской власти. Вслѣдствіе клятвеннаго обязательства, даннаго преемникомъ Мартина V, Евгеніемъ IV, — порѣшить гуситскіе споры и осуществить прерванныя въ Костницѣ преобразованія, былъ, по долгомъ колебаніи, созванъ соборъ въ Базелѣ. Но здѣсь совѣщанія вскорѣ приняли опасный для папской власти оборотъ. Собраніе, состоявшее отчасти изъ членовъ низшаго духовенства, требовало упрощенія римской придворной жизни, отмѣнило притѣснительные сборы съ церквей по сю сторону Альповъ, запретило самовластное замѣщеніе епископствъ и доходныхъ церковныхъ мѣстъ и ограничило аппеляціи и переносъ церковныхъ процессовъ въ Римъ. Это до того встревожило Евгенія, что онъ воспользовался путешествіемъ византійскаго императора въ Италію ради соединенія церквей восточной и западной (§ 413), какъ предлогомъ для того, чтобы перевести соборъ сначала въ Феррару, а

потомъ во Флоренцію. Но многіе члены собранія остались въ Базелѣ, на мѣсто низложеннаго ими Евгенія выбрали новаго папу (Феликса V, герцога Амедея Савойскаго, жившаго набожнымъ отшельникомъ при Женевскомъ озерѣ) и вновь подтвердили провозглашенное въ Костницѣ начало, что всеобщій соборъ выше папы, и что только собору, а не папѣ, присвоивается непогрѣшимость. Ободренный тѣмъ, что государи и народы страшились новаго раскола, Евгеній предалъ проклятію ослушныхъ членовъ собора, отвергнулъ ихъ постановленія и отрѣшилъ обоихъ архіепископовъ, майнцскаго и кёльнскаго, главныхъ ратоборцевъ непокорнаго собранія; а чтобы еще вѣрное преодолѣть сильное сопротивленіе Германіи, онъ склонилъ на свою сторону хитраго Итальянца Энея Сильвія Пикколомини (впослѣдствіи папа Пій II), умнаго, ловкаго, замѣчательнаго и своими сочиненіями [1], тайнаго секретаря и историка императора Фридриха III. Хитро веденными переговорами, подкупами и двусмысленными обѣщаніями, а также отмѣною постановленій о низложеніи архіепископовъ, онъ добился наконецъ того, что князья, принявшіе базельскія рѣшенія, согласились видоизмѣнить ихъ (1439). Благодаря итальянскому коварству и добродушной слабости императора, эти измѣненія были такъ значительны, что договоромъ, заключеннымъ между императоромъ и папою подъ именемъ ашаффенбургскаго конкордата, удержаны почти всѣ злоупотребленія и поборы, и отняты у германской церкви всѣ права и преимущества, данныя ей базельскими рѣшеніями. Тщетно выставленный обоими архіепископами адвокатъ, нюрнбергскій синдикъ Григорій Геймбургъ, ученикъ Энея Сильвія, подобно ему, поборникъ новаго образованія и противникъ средневѣковой школьной мудрости, и въ тоже время нѣмецкій патріотъ, отстаивалъ всѣми средствами ума и крас-

[1] Въ своей латинской повѣсти Эвріалъ и Лукреція, писанной по образцу итальянскихъ новеллистовъ, Эней Сильвій изобразилъ увлекательно и живо любовныя похожденія нѣмецкаго канцлера Шлика съ одною благородною гражданкой гор. Сіэны, и своею остроумной шуткой и сатирой сильно содѣйствовалъ къ тому, чтобъ пробудить высшія сословія Германіи изъ ихъ лѣниваго и тупоумнаго самодовольства и внушить имъ хотя сколько нибудь участія къ литературѣ и умственной дѣятельности,

норѣчія дѣло церковной свободы и національнаго права; покинутый императоромъ и большинствомъ вельможъ, соборъ по нѣкоторомъ колебаніи призналъ Евгеніева преемника, Николая V, законнымъ папою и потомъ разошелся (1449). Такимъ образомъ папство вторично вышло побѣдителемъ изъ борьбы, но обязанное побѣдой скорѣе нецерковнымъ средствамъ, чѣмъ своей внутренней силѣ и истинности.

Гогенцоллерны въ Бранденбургѣ. Еще при Фридрихѣ Барбароссѣ, графъ Фридрихъ Цоллернскій, изъ стариннаго, преданнаго Гогенштауфенамъ рода въ Швабіи, былъ возведенъ въ санъ бургграфа Нюрнбергскаго. Къ этой должности принадлежало управленіе имперскими имѣніями въ той части Франконскаго герцогства, верховный судъ за особу императора и высшее военное начальство во всемъ краѣ. Бургграфъ состоялъ въ такомъ же отношеніи къ маркграфу, въ какомъ пфальцграфъ къ королю. Въ этомъ званіи Цоллерны пріобрѣли по наслѣдству и покупкою большія собственныя имѣнія, какими не владѣлъ никто другой изъ духовныхъ или свѣтскихъ вельможъ во Франконіи, и такъ какъ интересы ихъ совпадали съ интересами имперской власти, то они всегда держали сторону императора. Между приближенными Фридриха II и сыновей его часто упоминается Конрадъ фонъ-Цоллернъ, бургграфъ Нюрнбергскій. За услуги, оказанныя преемникомъ его Фридрихомъ III († 1297) при избраніи Рудольфа Габсбургскаго, императоръ «пожаловалъ ему въ лэнъ, наслѣдственный и по женскому колѣну, всѣ тѣ земли, какими онъ въ то время владѣлъ», не говоря уже о томъ, что онъ пользовался преимущественно совѣтомъ и содѣйствіемъ Фридриха при возстановленіи всеобщаго мира. Въ рѣшительной битвѣ на Мархфельдѣ (26 августа 1278) Фридрихъ несъ боевое знамя. По смерти его 14 августа 1297 года, несовершеннолѣтній сынъ бургграфа Фридрихъ IV († 1332) наслѣдовалъ его званіе и приверженность къ императорскому дому. Онъ сопровождалъ Генриха VII въ Италію и въ битвѣ при Мюльдорфѣ (1322) доставилъ побѣду баварско-богемской партіи. Отчасти въ награду за эти услуги, отчасти въ обезпеченіе денежныхъ ссудъ получилъ онъ отъ императора Людвига многіе имперскіе лэны, напримѣръ Гофъ, Штауфъ, особенно доходную горную регалію на Майнѣ. Сынъ и преемникъ его Іоаннъ II (1332—1358) держался той же политики. Онъ и братъ его Альбрехтъ были преданы императору Людвигу до самой его

смерти, а потомъ заключили миръ и договоръ съ Карломъ IV. Еще тѣснѣе примкнулъ сынъ Іоанна Фридрихъ V (1358—1398) къ императору Карлу; часто помогалъ онъ ему ссудами, за которыя потомъ бралъ имперскія имѣнія и права; отъ другихъ дворянскихъ домовъ пріобрѣлъ онъ также покупкою или въ видѣ просроченныхъ залоговъ обширныя маетности, такъ что имѣнія бургграфскаго дома увеличивались съ каждымъ годомъ. Бережливость, заботливое управленіе, вмѣстѣ съ плодоносіемъ почвы и другими источниками доходовъ, давали ему возможность дѣлать такіе выгодные обороты и покупки. Передъ смертью раздѣлилъ онъ свои владѣнія между двоими сыновьями, Іоанномъ и Фридрихомъ; первый получилъ земли на Рудныхъ Горахъ и въ Фогтландѣ [1]), второй—подгорную часть (Ансбахъ). Не задолго передъ тѣмъ, оба участвовали въ Сигизмундовомъ походѣ противъ Турковъ и сражались въ несчастной битвѣ при Никополѣ (сентябрь 1396). Вопреки прежней политикѣ своего дома, бургграфъ Фридрихъ VI (1398—1440), въ борьбѣ нѣмецкихъ князей съ Венцеславомъ, отступился отъ императора и принялъ сторону Рупрехта Пфальцскаго, которому приходился зятемъ и которая избранію онъ ревностно помогалъ. Но не задолго до смерти Рупрехта, бургграфъ съ его согласія отправился въ Венгрію къ Сигизмунду, и оказалъ ему большія услуги на боевомъ полѣ и въ совѣтѣ. Оттого Сигизмундъ предоставилъ ему переговоры съ нѣмецкими князьями, когда, по смерти Рупрехта, потребовалось новое избраніе, и уполномочилъ подать на выборахъ голосъ за Бранденбургъ. Его содѣйствіемъ Сигизмундъ былъ избранъ во Франкфуртѣ Нѣмецкимъ королемъ (21 сентября 1410), не смотря на происки враждебнаго ему курфюрста майнцскаго. Другое избраніе, состоявшееся подъ вліяніемъ послѣдняго въ пользу маркграфа Іоста Моравскаго, не имѣло никакихъ послѣдствій за скорою смертью избраннаго (янв. 1411). Король Венцеславъ вступилъ въ соглашеніе съ братомъ Сигизмундомъ и предоставилъ ему государственные клейноды и ближайшее право на императорскій санъ; при вторичномъ избраніи, курфюрстъ майнцскій и его приверженцы тоже подали голосъ въ пользу Сигизмунда (іюль 1411). Вслѣдствіе смерти Іоста, Бранденбургская мар-

[1] Terra advocatorum—волость, нѣкогда управлявшаяся императорскими фогтами и обнимавшая нынѣшнія княжества Рейсъ и прилегающіе къ нимъ амты или приказы: Вейду (веймарскій), Роннебургъ (альтенбургскій), Цигенрюкъ (прусскій) и Гофъ (баварскій).

хія, доведенная при Люксембургахъ усобицами рыцарства до безвыходнаго состоянія, досталась Сигизмунду, и первою заботой его было возстановить павшее уваженіе къ власти передачею маркіи надежному и энергическому человѣку. Императоръ, получивъ съ большимъ трудомъ согласіе брата своего Венцеслава, назначилъ бургграфа Фридриха «наслѣдственнымъ правителемъ и главнымъ воеводой» (oberster Hauptmann) въ маркіяхъ (8 іюля 1411) и тѣмъ наградилъ его за услуги при своемъ избраніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выдалъ ему закладную во 100,000 гульденовъ золотомъ на маркіи и потомъ въ 50,000 на приданое дочери саксонскаго герцога при вступленіи ея въ бракъ съ сыномъ Фридриха, слѣдовательно далъ еще большее обезпеченіе, потому что съ этимъ обезпеченіемъ связано было условіе,—что въ случаѣ обратнаго требованія маркій Сигизмундомъ или его преемниками, эти огромныя (по тогдашнему) суммы должно было выплатить бургграфамъ всѣ сполна. Такимъ образомъ маркіи были заложены бургграфу, но не за ссуду, сдѣланную имъ императору, а за расходы и труды, которые онъ принималъ на себя для спасенія полупогибшаго края. Ибо для того, чтобы утвердить вѣсъ и силу власти на болѣе прочныхъ основаніяхъ, онъ долженъ былъ выкупить многія коронныя имущества и права. Мнѣніе, будто императоръ за ссуду заложилъ бургграфу Бранденбургскую маркію и потомъ оставилъ ее за нимъ, возникло не раньше начала 17 вѣка. Фридриху предстояло одолѣть много препятствій, прежде чѣмъ онъ могъ вступить во владѣніе краемъ. Хотя чины и признали императора, однако бургграфъ, по прибытіи на мѣсто, повсюду еще встрѣчалъ враговъ. Дворяне, привыкшіе къ необузданному хищничеству и усобицамъ, чувствовали себя довольно сильными для того, чтобы защищать свою удачно пріобрѣтенную независимость и на первыхъ же порахъ воспротивиться замыслу снова дать странѣ порядокъ, миръ и настоящее правительство. Они согласились между собою не сближаться съ «нюрнбергской сволочью». Даже города колебались признать Фридриха, боясь навлечь себѣ гнѣвъ вельможъ. Составился заговоръ дворянства подъ водительствомъ Каспера Ганса фонъ-Путлица, съ цѣлью противиться вооруженною рукою распоряженіямъ лэннаго владыки (1412). Но Фридрихъ одолѣлъ своихъ противниковъ умомъ и твердостью; поддерживаемый императорскими повелѣніями и подкрѣпленный союзомъ съ архіепископомъ магдебургскимъ, онъ сначала привлекъ къ себѣ умѣренныхъ, а потомъ оружіемъ подчинилъ упорныхъ;

Квицова, Рохова, Ганса Путлица и друг. (1414). Противъ остальныхъ ослушниковъ дѣйствовалъ онъ уже формальнымъ судомъ; право, порядокъ и спокойствіе были водворены. Прочнымъ установленіемъ «земскаго мира въ мархіи» пресѣчены въ самомъ корнѣ кулачное право и хищничество. Императора Фридриха отблагодарилъ онъ своею неизмѣнною преданностью и помогалъ ему противъ всѣхъ его враговъ. Его быстрому походу обязанъ былъ императоръ полною побѣдой надъ опальнымъ Фридрихомъ Австрійскимъ, дерзнувшимъ нарушить долгъ и право, и грамата Сигизмунда отъ 30-го апрѣля 1415 года, которою, «по доброму совѣту большинства курфюрстовъ, а также многихъ другихъ князей, графовъ, дворянъ и вѣрныхъ слугъ», онъ передавалъ въ наслѣдственное владѣніе бургграфу Фридриху Бранденбургскую мархію съ званіемъ курфюрста и архи-камерарія, удерживая за собою только право выкупа, было лишь новымъ заявленіемъ его признательности. Торжественное пожалованіе лэномъ происходило въ Констанцѣ (1417); а вскорѣ по закрытіи собора, императоръ назначилъ маркграфа «намѣстникомъ и правителемъ Римской имперіи въ нѣмецкихъ земляхъ» (2 октября 1418). Энергически боролся онъ всю свою жизнь за единство имперіи и усиленіе императорской власти, особенно въ печальную эпоху гуситскихъ войнъ. Его стремленіе совокупить, устроить Германію, поддержать монархическое ея единство, и призваніе его, для этой великой національной реформы, къ совѣту на пользу имперіи и къ высокой маркграфской должности, доставило ему и его роду владѣнія, права и притязанія, которыя въ себѣ самихъ носятъ оправданіе этой передачи и служатъ дому Гогенцоллерновъ лучшимъ доказательствомъ его правъ.

4. Германія при Фридрихѣ III и Максиміліанѣ I.

§ 368. Когда мужское колѣно Люксембургскаго дома пресѣклось съ Сигизмундомъ, императорская корона вручена была зятю его и наслѣднику Альбрехту II Австрійскому (1437—39) и съ тѣхъ поръ непрерывно оставалась въ домѣ Габсбурговъ. Альбрехтъ былъ благонамѣренный, справедливый и энергическій человѣкъ, но въ кратковременное царствованіе свое онъ не могъ предпринять ничего полезнаго для Германіи, потому что всю дѣятельность долженъ былъ посвя-

тить своимъ собственнымъ обширнымъ владѣніямъ (особенно Богеміи и Венгріи), смущаемымъ и внутренними безпокойствами и внѣшними врагами (Турками). Не смотря на усилія достойнаго канцлера Шлика, попытки Альбрехта раздѣлить имперію, для лучшей поддержки земскаго мира, на четыре или на шесть округовъ встрѣтили неодолимое препятствіе въ имперскихъ чинахъ (князьяхъ) и въ городахъ. Альбрехтъ умеръ на 42 году въ неудачномъ походѣ противъ Турковъ. Племянникъ его Фридрихъ III, герцогъ Стирійскій и Каринтійскій (1440—1493), сталъ преемникомъ его въ имперіи; это былъ государь, надѣленный семейными добродѣтелями и благочестивый въ душѣ, но слабыхъ правительственныхъ способностей:—вмѣсто того, чтобъ давать сильный отпоръ внѣшнимъ врагамъ и рѣшительно подавлять внутреннія возстанія, онъ избралъ спокойный путь союзовъ и договоровъ, и многоразличнымъ бѣдствіямъ своего долгаго царствованья противупоставлялъ только бездѣйственное, тупое равнодушіе ко всему. Онъ былъ опекуномъ посмертнаго Альбрехтова сына Владислава, и однакожь не съумѣлъ помѣшать, чтобъ въ малолѣтство его Венгры и Богемцы не поручили управленія—одни храброму Гуньяду и его сыну Матѳѣю Корвину (§ 407), а другіе—энергическому другу гуситовъ, Георгію Подыбраду, и чтобъ послѣ ранней смерти Владислава (1457) эти намѣстники не были избраны чинами обѣихъ странъ въ короли. Бездѣйственно смотрѣлъ онъ и на то, что Турки овладѣли Константинополемъ (§ 414), что Карлъ Смѣлый широко раздвинулъ предѣлы своей державы (§ 398), что Миланъ и Ломбардія попали въ руки предводителя шайки Франческо Сфорцы (§ 385), что даже его наслѣдственныя земли опустошались Турками, и возмутившаяся Австрія, съ столицею Вѣной, отошла къ его брату. Попытка возвратить Габсбургскому дому прежнія владѣнія его въ Швейцаріи вовлекла императора въ раззорительную войну, при чемъ онъ взялъ къ себѣ на жалованье и двинулъ противъ того края многочисленныя толпы французской вольницы, которая по имени своего перваго вождя называлась Арманьяками, а у нѣмецкаго простонародья прослыла за Arme Gecken (т. е. за шаверь). Въ верхней Альзаціи, по Шварцвальду, око-

ло Боденскаго озера до Цюриха и выше до Сарганскаго графства [1], разрушались крѣпкіе замки, сожигались селенія, угонялись стада, везлѣ распространялись плачъ и бѣдствіе, а между тѣмъ не дошло ни до одного значительнаго дѣла, которое бы рѣшило судьбу войны. Фридрихъ былъ наконецъ вынужденъ оставить свое намѣренье, а Швейцарія отдалялась отъ имперіи все больше и больше.—Въ Германіи значеніе императора стало вполнѣ ничтожно, потому что земскіе державцы сдѣлались совершенно независимы, присвоили себѣ всѣ имперскіе сборы, расширили свою территоріальную судебную власть и усобничали по произволенію. Въ Баваріи земскіе правители еще при Сигизмундѣ попирали законъ имперіи: такъ герцогъ Эристъ въ Мюнхенѣ, «изъ родительской любви», велѣлъ публично утопить въ Дунаѣ прекрасную Агнесу Бернауэръ (1435), обвѣнчанную съ сыномъ его Альбрехтомъ [2], и за это не подвергся наказанію по законамъ. Швабскій союзъ (§ 359), состоявшій изъ 32 швабскихъ и франконскихъ городовъ, разныхъ прелатовъ и другихъ князей имперіи, велъ кровопролитную войну съ Альбрехтомъ (Ахилломъ или Улиссомъ), храбрымъ маркграфомъ бранденбургскихъ земель во Франконіи (Байрейта), къ которому примкнули многіе князья, епископы и почти все дворянство верхней Германіи,—а въ эту войну за одинъ годъ выжжено было 200 деревень, 25 мѣстечекъ и дано девять битвъ. Императоръ сердился на верхнегерманскіе города за то, что они не помогли ему въ войнѣ съ Гельветами и смотрѣли на нее безучастно; теперь и онъ предоставилъ ихъ собственной судьбѣ. По пораженіи маркграфа Нюрнбергцами

[1] Сарганъ принадлежитъ теперь къ Санктъ-Галленскому кантону Швейцаріи.

[2] Агнеса, дочь баньщика изъ Биберахи или Аугсбурга, дотого очаровала Альбрехта своей красотой, что онъ женился на ней по смерти первой своей супруги. Отецъ, за такой нерыцарскій поступокъ, не допустилъ его на торжественный турниръ въ Регенсбургѣ, а сынъ, съ досады, назначилъ молодой женѣ блестящую резиденцію въ Штраубингѣ и приказалъ отдавать ей почести, какъ настоящей герцогинѣ Баварской. Братъ Эриста Вильгельмъ вступился за племянника, но, когда онъ умеръ, злопамятный Эристъ, воспользовавшись отсутствіемъ сына изъ Штраубинга, захватилъ Агнесу и обвинилъ ее въ колдовствѣ. Принцесса отказалась защищаться передъ судомъ въ такомъ обвиненіи, и безжалостный свекръ велѣлъ утопить ее, какъ колдунью, въ Дунаѣ. Альбрехтъ пошелъ было войною на отца, однако вскорѣ съ нимъ примирился.

при Билленрёйтерскомъ озерѣ, враждующія стороны заключили въ Бамбергѣ мирный договоръ. Въ Саксоніи и Тюрингенѣ пять лѣтъ (1446—51) свирѣпствовала страшная война между братьями, курфюрстомъ Фридрихомъ Кроткимъ и герцогомъ Вильгельмомъ; послѣдствіемъ ея было знаменитое похищеніе принцевъ (Prinzenraub) безстрашнымъ Кунцемъ фонъ-Кауфунгенъ [1] (1455), которому курфюрстъ отказалъ въ вознагражденіи за утраты, понесенныя въ войнѣ. Кунцъ, захваченный въ лѣсу угольщиками и препровожденный вмѣстѣ съ принцемъ въ замокъ Альтенбургъ, поплатился за свою дерзость головою на плахѣ. Края по Рейну и Некару были опустошены такъ-называемою пфальцскою усобицей, въ которой упорный противникъ императора, пфальцграфъ Фридрихъ Побѣдоносный, выигралъ славную битву при Зекенгеймѣ (Фридрихсфельдѣ) и взялъ въ плѣнъ вождей составившагося противъ него союза (Ульриха Вюртембергскаго, маркграфа Баденскаго и епископа мецскаго), однакоже не могъ помѣшать смѣнѣ своего союзника, архіепископа Дитера майнцскаго, котораго папа отлучилъ отъ церкви за удержаніе имъ въ свою пользу слѣдовавшихъ въ Римъ аннатъ и въ защиту котораго вооружился пфальцграфъ. Придунайскія мѣстности также пострадали отъ войны, когда курфюрстъ Бранденбургскій и многіе имперскіе города, именемъ императора, воевали съ опальнымъ герцогомъ Баварскимъ,

[1] Рыцарь Кунцъ отличился уже въ гуситской войнѣ и особенно въ войнѣ Швабскаго союза противъ Альбрехта Бранденбургскаго, котораго при Билленрёйтерѣ онъ взялъ даже въ плѣнъ, но освободилъ за значительный выкупъ. Поступивъ на службу къ Фридриху Кроткому, онъ во время усобицы его съ братомъ былъ захваченъ богемскими войсками, помогавшими герцогу Вильгельму. Курфюрстъ отказался его выкупить и потомъ не хотѣлъ вознаградить Кунца даже за тѣ раззоренія и потери, которымъ онъ подвергся въ этой войнѣ. Чтобы имѣть въ рукахъ вѣрное обезпеченіе, Кунцъ ухитрился похитить изъ Альтенбургскаго замка двоихъ малолѣтныхъ сыновей курфюрста, и одного повезъ къ себѣ самъ, а другаго поручилъ привезти окольною дорогой своимъ товарищамъ; но слухъ объ этомъ удивительномъ похищеніи быстро разнесся по всему краю, такъ что ни Кунцъ, ни его товарищи не успѣли доѣхать до дому, и лишились своей добычи. Кунцъ былъ казненъ; такой же участи подверглись всѣ соучастники его преступленія и даже братъ его, виновный только въ томъ, что зналъ о его намѣреніи и не донесъ; но два товарища, везшіе другаго принца, спрятали его въ одну пещеру, и выдали только тогда, когда имъ было обезпечено помилованіе.

который взялъ имперскій городъ Донаувертъ, увезъ дочь Фридриха и женился на ней противъ воли отца; наконецъ, и храбрые граждане Бреславля подверглись опасности, когда сталъ имъ угрожать новый Богемскій король Подыбрадъ. Такимъ образомъ вся Германія терзалась усобицами внутри, а Турки опустошали ея восточные предѣлы, и между тѣмъ ни старанія папъ, ни предложенія императора на имперскихъ сеймахъ (состоявшихъ изъ курфюрстовъ, духовныхъ и свѣтскихъ господъ, и депутатовъ вольныхъ городовъ) не могли привести къ тому, чтобы двинуть противъ общаго непріятеля общее христіанское войско. Да и можно ли было думать о томъ, что дѣлалось въ дали, когда тутъ же на мѣстѣ болѣе тысячи различныхъ владѣній и городовъ безпрерывно усобничали между собою и кромѣ-того каждый мелкій дворянинъ при первомъ случаѣ брался за оружіе и расправлялся самъ, не обращая никакого вниманія на безсильные законы о земскомъ мирѣ?

Богемія. Георгій Подыбрадъ, возведенный на тронъ сильною партіей утраквистовъ, былъ признанъ въ королевскомъ санѣ и отъ папы, и отъ императора; но когда онъ началъ отстаивать противъ папскаго легата дѣло гуситовъ и требовалъ непремѣннаго исполненія постановленій Базельскаго собора, тогда легатъ изрекъ ему анаѳему и повелъ дѣло такъ, что въ Богемію опять вступили крестовыя войска [1]. Скорбь объ этомъ сократила дни Подыбрада. Онъ умеръ въ 1471 г., и тогда Богемія досталась Польскому королю Владиславу, который по смерти Матѳѣя Корвина получилъ и венгерскую корону. Но черезъ браки Максимиліановыхъ внуковъ съ Владиславовыми дѣтьми оба государства съ принадлежавшими къ нимъ побочными землями все-таки воротились потомъ къ Австріи. Въ 1526 году Фердинандъ I былъ избранъ земскими чинами и коронованъ въ санѣ короля Богеміи, Силезіи и Лаузица.

§ 369. Печальная участь Германіи стала наконецъ невыносима для самихъ имперскихъ чиновъ и городовъ, и общее желаніе новаго устройства высказывалось все громче и громче. Между тѣмъ владѣтельные князья не хотѣли поступиться

[1] Римская церковь была безсильна поднять крестовую войну противъ грознаго владычества Турковъ, но громы ея оказывались очень дѣйствительны въ тѣхъ случаяхъ, когда личный интересъ государей побуждалъ ихъ исполнять ея приговоры.

ни малѣйшею частью пріобрѣтенныхъ или захваченныхъ ими правъ, и всякое предложеніе, клонившееся къ возвышенію императорской и къ ограниченію княжеской власти, встрѣчало себѣ упорное сопротивленіе. Наконецъ—и преимущественно стараніями патріота, архіепископа Бертгольда майнцскаго—императоръ Максимиліанъ I и три имперскія коллегіи,—курфюршская подъ предсѣдательствомъ курфюрста майнцскаго, княжеская подъ руководительствомъ Австріи, и коллегія имперскихъ городовъ, согласились между собою ввести новое государственное устройство, которое положило конецъ прежнимъ усобицамъ, но еще болѣе умалило императорскую власть. На сеймѣ въ Вормсѣ (1495) установленъ былъ вѣчный земскій миръ, и всякое вооруженное самоуправство, всякое кулачное право было запрещено подъ страхомъ опалы и изгнанія. Для разрѣшенія всѣхъ споровъ между членами имперіи учрежденъ былъ имперскій верховный судъ (Reichskammergericht), который не зависѣлъ ни отъ императора, ни отъ земскихъ державцевъ, въ замѣщеніи котораго участвовали всѣ чины имперіи и который долженъ былъ блюсти ея единство и права всѣхъ членовъ ея, а вмѣстѣ поставить преграду всякому насилію и самоуправству; для облегченія же хода судебныхъ дѣлъ имперія была потомъ раздѣлена на десять округовъ. Этой перемѣной отнято у императора важнѣйшее изъ его правъ—верховное завѣдываніе правосудіемъ,—ущербъ, который слабо вознаграждался учрежденіемъ въ Вѣнѣ имперскаго дворцоваго совѣта (Reichshofrath) въ видѣ верховнаго судилища для австрійскихъ наслѣдственныхъ земель; а какъ этотъ совѣтъ рѣшалъ иногда и тяжбы между чинами имперіи, то отсюда происходило очень вредное двоесудство. Вскорѣ всѣ имперскіе чины установили у себя подобныя же учрежденія, и власть земскихъ державцевъ утвердилась этимъ еще болѣе. Причина этого ясна: такъ какъ ни самъ императоръ, ни имперскіе сеймы, на которыхъ теперь большею частію засѣдали одни послы, не имѣли уже никакого значенія, а отъ имперскаго верховнаго суда съ трудомъ можно было добиться рѣшенія по многосложному его формализму и крайне медленному производству дѣлъ, то владѣтельные князья, особенно курфюр-

сты, могли распоряжаться въ своихъ земляхъ, какъ неограниченные владыки, по собственному благоизволенію. Только Швейцарскій союзъ, находившійся тогда въ дружбѣ съ Франціей, рѣшительно не хотѣлъ подчиниться власти имперскаго верховнаго суда и отказалъ въ исполненіи военной повинности, которой требовали отъ него, какъ отъ члена имперіи. Максимиліанъ вздумалъ было принудить Швейцарцевъ силою, но, разумѣется, не смогъ; при заключеніи мира въ Базелѣ (1499) онъ долженъ былъ отступиться отъ своихъ требованій и тѣмъ самымъ, формально признать независимость Швейцарцевъ отъ Германіи.

Раздѣленіе Нѣмецкой имперіи на округи. Имперскій верховный судъ засѣдалъ сперва во Франкфуртѣ, потомъ въ Шпейерѣ, наконецъ въ Вецларѣ. Названія и главныя составныя части десяти округовъ были слѣдующія: 1) Австрійскій округъ (обнималъ принадлежащія Габсбургамъ области Австрію, Стирію, Каринтію, Тироль, Брейсгау и друг., и былъ такъ обширенъ, что большая часть окружныхъ учрежденій оказалась къ нему вовсе неприложима). 2) Баварскій округъ (герцогства Баварія и верхній Палатинатъ; епископства Зальцбургъ, Регенсбургъ, Пассау, Фрейзингенъ и друг.). 3) Швабскій округъ (возведенный Фридрихомъ III въ герцогство, Вюртембергъ, маркграфство Баденъ; княжества Гогенцоллернъ, Лихтенштейнъ, Фюрстенбергъ; епископства Констанцъ и Аугсбургъ; имперскіе города Ульмъ, Гейльбронъ, Рёйтлингенъ, Меммингенъ и мног. друг., всего 90 духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ на пространствѣ 729 квадр. миль, не считая многочисленнаго рыцарства). 4) Франконскій округъ (епископства Бамбергъ, Вюрцбургъ, Эйхштедтъ; маркграфство Ансбахъ и Байрёйтъ; графства Геннебергъ, Эрбахъ, Вертгеймъ и друг.; имперскіе города Нюрнбергъ, Швейнфуртъ и проч., Мергентгеймъ и другія маетности Нѣмецкаго ордена, всего 29 владѣній на пространствѣ 484 квадр. миль). 5) Курърейнскій округъ (Куръ-Пфальцъ; епископства Триръ, Кёльнъ, Майнцъ; княжество Нассау, графство Изенбургъ). 6) Верхне-рейнскій округъ (епископства Вормсъ, Шпейеръ, Страсбургъ, Базель и друг.; герцогство Пфальцъ-Цвейбрюкенъ и другія принадлежащія къ Рейнскому Палатинату владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна (наприм. Зиммернъ), ландграфства Гессенскія (Дармштадтъ и Кассель съ Фульдою); Лейнингенъ, Зальмъ и мног. друг.; импер-

скіе города Вормсъ, Шпейеръ, Франкфуртъ, Вецларъ и друг., также Мецъ, Туль, Вердёнъ, Безансонъ и другіе отнятые потомъ Франціею города). 7) Нижне-рейнско-вестфальскій округъ (епископства Мюнстеръ, Оснабрюкъ, Падерборнъ, аббатство Корвей и друг.; герцогство Юлихъ, Клеве, Бергъ; графство Ольденбургъ съ Остфризландіею и маетностью Іеверъ, Липпе и Вальдекъ и друг., имперскіе города Ахенъ, Дортмундъ и Кёльнъ, со множествомъ графскихъ и княжескихъ владѣній, такъ что пространство въ 1200 квадр. миль дѣлилось на 52 разныхъ территоріи). 8) Верхне-саксонскій округъ (курфюршества Саксонія и Бранденбургъ; Тюрингенъ, Шварцбургъ, Рёйсъ, Ангальтъ, Мансфельдъ и герцогство Померанія). 9) Нижне-саксонскій округъ (герцогства Брауншвейгъ, Мекленбургъ, Лауэнбургъ, Голштинія; архіепископства Магдебургъ, Бременъ, епископства Гальберштадтъ, Гильдесгеймъ и друг.; имперскіе города Любекъ, Госларъ, Магдебургъ, Мюльгаузенъ, Нордгаузенъ, Гамбургъ и Бременъ. Въ Верхне и Нижне-саксонскомъ округахъ Бранденбургъ-Пруссія и курфюршество Саксонія пріобрѣли со временемъ такой перевѣсъ, что остальные члены не могли уже сохранить свою самостоятельность). 10) Бургундскій округъ (Австро-испанскіе Нидерланды, Голландія и Бельгія).— Исполненіе приговоровъ имперскаго верховнаго суда поручалось могущественнѣйшимъ изъ князей имперіи, изъ которыхъ по два стояли во главѣ каждаго округа въ званіи старшинъ (Kreisobersten). Богемія, Моравія, Силезія, Лузація и другія земли не введены въ составъ округовъ, какъ принадлежности Австрійской державы, а потому онѣ не подчинялись и имперскому верховному суду. Это окружное устройство существовало до окончательнаго разложенія имперіи въ 19 вѣкѣ. Каждый округъ имѣлъ почти такую же политическую организацію, какъ и вся имперія вообще. Окружные чины собирались на окружные или земскіе сеймы, участвовали въ отправленіи общественныхъ повинностей, опредѣляли контингенты «окружнóго войска» подъ начальствомъ выше упомянутыхъ старшинъ, и т. под. Въ позднѣйшія времена конечнаго упадка имперской власти окружнóе устройство оказалось весьма полезнымъ учрежденіемъ; окружные сеймы поддерживали надлежащее исполненіе имперскаго правосудія, придавали силу постановленіямъ имперскаго сейма о монетѣ, облегченіи взаимныхъ сообщеній, полицейскихъ дѣлахъ и мѣрахъ и т. д., наконецъ служили преградой возрастающему распаденію имперіи.

VI. ИСТОРІЯ ДРУГИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

1. Франція и Англія.

а) Франція въ правленіе первыхъ Капетинговъ.

§ 370. Феодальная монархія. Когда ГугонъКапетъ(§279) вступилъ на обезсиленный престолъ Каролинговъ, значеніе короля было унижено до крайности. Герцоги и графы различныхъ областей, такъ-называемые коронные васаллы, считали короля, владѣвшаго собственно только герцогствомъ Франціей [1], себѣ за ровню, и единственно въ этомъ смыслѣ признавали за нимъ первенство, когда приходилось заявить ему покорность какъ верховно-лэнному господину. Онъ былъ только первымъ между равными (primus inter pares). Но это первенство, эти верховно-лэнныя права коронные васаллы не должны были ослаблять уже ради личной своей выгоды, чтобы не подать своимъ собственнымъ васалламъ примѣра въ нарушеніи вѣрности и не ободрить ихъ къ подобному же образу дѣйствій противъ нихъ самихъ. Поэтому верховно-лэнное право короля все-таки пользовалось уваженіемъ, и въ

[1] Или графствомъ Парижскимъ, то-есть половиною той области, которая называлась потомъ Иль-де-Франсъ, да частицею Орлеанской провинціи (Orléanais) и Пикардіи. Все вообще пространство тогдашней Франціи было раздроблено на сотню феодальныхъ владѣній, изъ которыхъ восемь особенно отличались своимъ могуществомъ, и державцы ихъ едва уступали только почетное первенство тому, который носилъ королевскій титулъ; это были: 1) графство Фландрія; 2) графство Вермандуа; 3) герцогство Нормандія; 5) герцогство Бургундія; 6) герцогство Аквитанія; 7) герцогство Гасконья, и 8) графство Тулузское. У этихъ главныхъ державцевъ состояли въ васальствѣ и другіе меньшіе, но зависимость ихъ была часто только нарицательная: такъ, герцоги Брстанскіе по названію зависѣли отъ Нормандскихъ; графы Анжу—непосредственно отъ короля; графы Ангулемскій, де-ла-Маршъ и Перигорскій — отъ Аквитаніи; графы Арманьякіи и Бигорры — отъ Гасконскихъ герцоговъ и т. д.— Родъ перваго Капетинга, Гугона, былъ популяренъ во многихъ отношеніяхъ: онъ происходилъ не отъ древней знати, такъ что не понималъ уже франко-германскаго языка и говорилъ только на простонародномъ (lingua rustica) франко-романскомъ, а сверхъ-того онъ жилъ въ большой дружбѣ съ духовенствомъ и церковью. Современникъ Гугона, Гербертъ, не даромъ говоритъ, что и родовыя воспоминанія и обычаи новаго короля,—все побуждало его искоренить во Франціи выродившееся пламя Карла Великаго, то-есть послѣдній живой символъ чисто-германскихъ стихій на франко-романской почвѣ.

случаѣ ссоръ коронныхъ васалловъ между собою и съ ихъ лэниками, его часто выбирали посредникомъ и судіей, что и послужило началомъ къ возвышенію королевской власти. Такимъ образомъ дикій произволъ и грубое своекорыстіе смягчались и обуздывались въ извѣстной мѣрѣ силою обычая и вѣсомъ общепризнаннаго феодальнаго права.—Съ другой стороны и духовенство сочло за лучшее признавать короля верховнымъ военачальникомъ и судіей, какъ изображаетъ царей священное писаніе, и по временамъ помогать ему въ нуждѣ добровольными приношеніями или дарами, такъ какъ оно не могло обойдтись безъ его защиты противъ захватовъ самовольныхъ вельможъ. Опираясь на короля, французское духовенство оказывало болѣе самостоятельности и противъ папы, чѣмъ духовенство всѣхъ другихъ земель, ревниво охраняя древнія права и вольности галликанской церкви.—Сильною опорой королевской власти явилось въ 12 вѣкѣ общинное устройство городовъ. Благодаря крестовымъ походамъ, сильно двинувшимъ торговлю и промышленность, среднее сословіе на столько же выиграло въ зажиточности, на сколько обѣднѣло французское дворянство, которое всѣхъ больше принимало участія въ священныхъ войнахъ; зажиточность придала мужество и подняла чувство свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ разбогатѣвшій мѣщанинъ никогда не упускалъ случая откупить у нуждающагося въ деньгахъ барона какія-нибудь права и привилегіи. Льготныя грамоты, выдаваемыя дворянствомъ, утверждались потомъ королемъ, такъ что на него смотрѣли какъ на источникъ городоваго права, и его верховный судъ рѣшалъ въ высшей инстанціи всѣ споры между городами и помѣстною аристократіей. Но чѣмъ болѣе поднимались городскія общины, чѣмъ болѣе вырабатывалось гильдейское и цеховое устройство, а опытное городское ополченіе дѣлалось способнымъ защитить противъ всякаго нападенія права и льготы, общинный уставъ и свободный выборъ городскихъ властей (муниципалитетъ) и судій, тѣмъ болѣе нуждались онѣ въ верховномъ покровительствѣ короля противъ разгоравшейся къ нимъ ревности дворянства и тѣмъ скорѣе были онѣ расположены обезпечить себѣ это покровительство услугой за услугу. Поэтому когда въ 13 и 14 столѣтіяхъ вошло въ обычай созывать соборы общихъ земскихъ чиновъ (états généraux) для совѣщанія о новыхъ податяхъ и законахъ, то короли естественно старались присоединить къ дворянству и духовенству какъ можно болѣе вы-

борныхъ отъ городовъ, чтобъ усилить свою партію этими всегда преданными имъ голосами. Таковъ былъ вообще ходъ развитія гражданскихъ учрежденій во Франціи при Капетингахъ старшей линіи (987—1328).

Начало городской свободы во Франціи. Во французскихъ городахъ, точно также какъ въ Лангобардскихъ и Нѣмецкихъ, древне-римское муниципальное устройство погибло среди бурь великаго переселенія народовъ. Но изъ смѣси германскихъ элементовъ съ романскими возникъ со временемъ новый городской порядокъ, который введеніемъ при Каролингахъ скабинскихъ думъ для суда и администраціи получилъ постоянную и однообразную форму. Эти скабинскія думы, съ старшиною (major, меромъ) во главѣ, отстаивали свободу и независимость городовъ противъ епископовъ, аббатовъ и графовъ, которые въ качествѣ лэнныхъ господъ, старались подчинить и города своей власти. Противъ скабинства, основаннаго первоначально на правѣ аристократической породы, явилась здѣсь въ 12 вѣкѣ, какъ позже и въ Германіи [1] (§ 338), оппозиція съ демократической стороны, которая, при благопріятствѣ королей, не только постепенно превозмогла и оттѣснила родонаслѣдственное скабинство, но и вступила потомъ въ борьбу съ лэнными правами графовъ и епископовъ. Эта оппозиція, возвѣстившая всеобщее пробужденіе городской жизни, пріобрѣтала болѣе и болѣе силъ и привела наконецъ къ водворенію свободныхъ общинныхъ учрежденій во всѣхъ городахъ Франціи. Это совершилось однакожъ не безъ долголѣтней кровавой борьбы горожанъ съ феодальными господами, которые видѣли въ ихъ дѣйствіяхъ открытый мятежъ и хотѣли отстоять свое право силою оружія. Но городская свобода вышла изъ борьбы съ полнымъ торжествомъ. Уже въ 12 вѣкѣ большая часть французскихъ городовъ были вольными «общинами» (communes), съ выборнымъ совѣтомъ во главѣ, и каждая съ своимъ собственнымъ уставомъ [2]. Ког-

[1] Франція вообще предупреждала Германію на всѣхъ путяхъ исторической жизни,—полнымъ развитіемъ лэнной системы, рыцарства съ его поэзіей, исторіей и образованіемъ, схоластической философіи и университетскаго преподаванія, новаго городоваго устройства и наконецъ государственнаго объединенія, при чемъ весьма важно было раннее знакомство государственныхъ людей Франціи съ римско-императорскимъ правомъ.

[2] Само собою разумѣется, что установленія одного города часто переходили, цѣликомъ или съ нѣкоторыми отмѣнами, въ другіе; но дѣло въ томъ, что и заимствованія такого рода происходили на полной волѣ горожанъ.

да гражданамъ удавалось, тѣмъ или другимъ путемъ, ввести у себя общинное устройство, они тотчасъ же обращались за утвержденіемъ его къ королю, отчасти для того, чтобы доставить новому порядку высшую законную силу, отчасти для обезпеченія себѣ на всякій случай королевской помощи. Съ другой стороны и королевская власть получала такимъ образомъ существенное подкрѣпленіе: подчиненные коронным васалламъ города, получивъ отъ короля утвержденіе своихъ общинныхъ уставовъ, вступали въ ближайшую съ нимъ связь въ качествѣ подзащитныхъ и обыкновенно сами обязывались при этомъ помогать ему въ случаѣ войны. Но вскорѣ лэнные и земскіе властители также увидѣли въ свою очередь, что они могутъ ожидать большихъ выгодъ отъ освобожденія своихъ городовъ, чѣмъ отъ налагаемаго на нихъ гнета, а потому начали и сами уступать въ сдѣлкахъ съ горожанами не только обширныя привилегіи, но иногда и полные общинные уставы.—Поэтому, начиная съ 12 вѣка, городскія учрежденія во Франціи состояли изъ трехъ началъ,—изъ скабинской думы, общины и верховной власти державца. Какъ во фландрскихъ и сѣверно-французскихъ городахъ образовались общинные совѣты, такъ точно, подъ итальянскими вліяніями, въ городахъ южной Франціи возникли городовые консулы.

§ 371. Стремленіе капетингскихъ королей было направлено прежде всего къ утвержденію и возвеличенію трона, и въ этомъ помогало имъ столько же счастіе, сколько и ихъ собственный разсчетъ. Счастливымъ случаемъ было то, что при долголѣтіи большей части государей корона рѣдко становилась праздною, что почти всегда отцу наслѣдовалъ совершеннолѣтній сынъ и потому никогда не возникало ни спора за престолъ, ни войны за наслѣдство. Къ разсчетливости ума относится то, что первые капетингскіе короли еще заживо короновали старшихъ сыновей и брали ихъ себѣ въ соправители, такъ что по кончинѣ отца въ правленіи не происходило почти никакой перемѣны. При Людовикахъ VI и VII, около половины 12 вѣка, благотворное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ оказалъ аббатъ монастыря Сенъ-Дени, знаменитый Сюже (по латинскому произношенію Сугерій), человѣкъ глубокой предусмотрительности и замѣчательнаго политическаго образованія. Мудро и бережно велъ онъ все государственное строительство и много содѣйствовалъ возвы-

шенію королевской власти. При изученіи древняго имперскаго права пропикся онъ идеей особеннаго призванія верховной власти (быть представительницею не личныхъ и сословныхъ, а общенародныхъ интересовъ государства) и выработалъ въ себѣ живое сознаніе законности и права, ихъ необходимой связи съ могуществомъ (если оно не хочетъ быть тираннією) и наконецъ обязанности государя блюсти правосудіе вездѣ и во всемъ. По его совѣту благопріятствовали короли (начавшемуся еще ранѣе) учрежденію городскихъ общинъ, и настояли на томъ, чтобъ королевскіе суды защищали горожанъ и посадскихъ, а равно и клириковъ, отъ притѣснительнаго своеволія дворянъ.—Людовикъ VII доказалъ свою добросовѣстность, возвративъ, при разводѣ съ невѣрною ему женой Элеонорой [1] (1152), богатое наслѣдіе ея, Аквитанію (Гвіэнну, Пуату и Гасконью). Спустя нѣсколько недѣль она вышла за Генриха Плантагенета Анжуйскаго, который сталъ вслѣдъ за тѣмъ Англійскимъ королемъ, и этимъ пріумножила обширныя владѣнія Англичанъ на западѣ и югозападѣ Франціи,—владѣнія, значительно превосходившія величиной какъ области самого Французскаго короля въ срединѣ края, такъ и принадлежавшія еще къ Нѣмецкой имперіи бургундскія земли, на востокѣ (§ 294). Исчислено, что болѣе половины позднѣйшей Франціи было тогда въ ихъ рукахъ, между тѣмъ какъ королю принадлежала едва ли четвертая часть, да и та не вся находилась у него въ повиновеніи. Передъ этимъ могуществомъ, создавшимъ для большей части Франціи новое средоточіе, померкнулъ блескъ туземнаго короля.

Капетингскіе короли старшей линіи слѣдовали одинъ за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Гугонъ Капетъ (—996); Робертъ

[1] Элеонора такъ неприлично вела себя во время втораго крестоваго похода, въ Антіохіи, что, еслибъ не аббатъ Сюжѣ, король тогда же развелся бы съ нею. Онъ сдѣлалъ это вслѣдъ за кончиною аббата, съ разрѣшенія церковнаго собора въ Божанси. Элеонора, по выходѣ за Генриха Плантагенета, герцога Нормандійскаго, графа Анжуйскаго и потомъ короля Англійскаго, не ужилась и съ новымъ супругомъ. Изъ ревности велѣла она умертвить одну придворную даму, Розамунду, и за это до самой смерти короля была заключена въ замкѣ Вудстокъ, но и оттуда умѣла возстановлять противъ Генриха непокорныхъ его сыновей. Въ отсутствіе Ричарда Львиное-Сердце она управляла потомъ Англіей.

(—1031); Генрихъ I (—1060); Филиппъ I (—1108); Людовикъ VI Толстый (—1137); Людовикъ VII (—1180); Филиппъ II Августъ (—1223); Людовикъ VIII (—1226); Людовикъ IX Святой (—1270); Филиппъ III (—1285); Филиппъ IV Красивый (—1314); Людовикъ X (—1316); Филиппъ V Рослый (—1322); Карлъ VI (—1328).

б) Англія при Генрихѣ II (Плантагенетѣ). Ирландія.

§ 372. Внука Вильгельма Завоевателя (§ 286) и наслѣдница всѣхъ его владѣній, Матильда [1], уступила послѣ опустошительной войны англійскій тронъ своему племяннику и соискателю Стефану, съ тѣмъ условіемъ, чтобы преемникомъ его былъ сынъ ея, Генрихъ II Анжуйскій (1154—1189). Въ лицѣ его на престолъ Англіи вступилъ знаменитый родъ Плантагенетовъ, и его наслѣдственныя земли по берегамъ Луары (области Анжу, Мэнъ, Турэнъ) и Гаронны существенно расширили нормандскія владѣнія англійскихъ королей въ западной Франціи, но вмѣстѣ съ этимъ повели къ враждебнымъ столкновеніямъ и безконечнымъ войнамъ между обѣими державами, потому что Французскіе короли, будучи законными лэнными господами герцоговъ Нормандскихъ, графовъ Анжуйскихъ и Гвіэнскихъ, предъявляли надъ Англійскими королями такія права, которыхъ тѣ отнюдь не признавали и отъ которыхъ постоянно старались освободиться. Генрихъ II (современникъ Фридриха Барбароссы) былъ дѣятельный, энергическій и просвѣщенный государь, одаренный великими правительственными способностями, хотя по временамъ и увлекавшійся порывами запальчивости и самовластія; особенно важна его заслуга въ томъ, что сдѣлано имъ для улучшенія судебной части. Для этой цѣли, такъ-называемыми Кларендонскими постановленіями (конституціями) хотѣлъ онъ

[1] Матильда, дочь Вильгельмова сына, Генриха I, была замужемъ за Нѣмецкимъ императоромъ Генрихомъ V, а овдовѣвъ вышла за Готфрида Плантагенета (Geoffroy Plantagenet), графа Анжуйскаго. Племянникъ ея Стефанъ былъ сынъ графа Генриха де Блуа (de Blois) и дочери Вильгельма Завоевателя; своимъ супружествомъ съ наслѣдницею графа Евстаѳія Булоньскаго (также Матильдою), онъ пріобрѣлъ себѣ и это графство. Стефанъ, по рожденію, былъ двоюродный братъ Матильды, а племянникомъ ея называется только потому, что женился на дочери ея сестры, Маріи.

ограничить вѣдомство духовнаго суда, который размножалъ число преступниковъ своимъ снисхожденіемъ къ клирикамъ и слишкомъ мягкимъ наказаніемъ виновныхъ, и узаконить, чтобы по мірскимъ дѣламъ духовныя лица подлежали королевскому суду безъ аппелляціи къ римской куріи, и чтобы отлученія отъ церкви имѣли силу только съ утвержденія короля. Изъ-за этого вышла у Генриха сильная распря съ архіепископомъ кантерберійскимъ, Томасомъ Бекетомъ, который былъ прежде канцлеромъ его, а въ то время уже велъ отшельническую жизнь покаянника и пользовался за то великимъ уваженіемъ въ народѣ. Томасъ отвергалъ Кларендонскія постановленія и отрѣшалъ всѣхъ клириковъ, которые имъ повиновались, а когда ему стали угрожать судебнымъ преслѣдованіемъ, онъ покинулъ Англію и предалъ Генриха анаѳемѣ. Благодаря посредничеству папы, черезъ нѣсколько времени состоялось между ними соглашеніе. Но едва Томасъ успѣлъ возвратиться въ Кантербери, какъ началъ поступать съ прежнею строгостью противъ духовныхъ лицъ, признавшихъ Кларендонскія правила. У короля, въ то самое время воевавшаго Францію, сорвалось съ языка слово негодованія на Томаса. Пылая гнѣвомъ, поклялся онъ «Божьими очами» и жаловался на своихъ рыцарей и вѣрныхъ слугъ, что всѣ они ѣдятъ его хлѣбъ, всѣ видѣли отъ него столько добра въ теченіе его жизни, а не найдется изъ нихъ ни единаго, чтобы избавить его отъ какого-нибудь злокозненнаго попа. Этотъ вопль отчаянья прослышали четверо приближенныхъ рыцарей королевскихъ. Тайкомъ удалились они отъ двора, пустились разными дорогами въ Кантербери и умертвили архіепископа на ступеняхъ главнаго алтаря соборной его церкви (1170). Такое осквернепіе святыни возбудило общій ужасъ и доставило папству въ Англіи полнѣйшее торжество [1]. Виновные были наказаны и, отправленные на покаяніе въ Святую Землю, нашли тамъ свою смерть; Кларендонскія поста-

[1] Король немедленно послалъ удостовѣрить папу въ совершенной своей невинности, каясь только, что въ запальчивости произнесъ неосторожныя слова. Четыре рыцаря, пораженные анаѳемой, бѣжали въ Іоркъ и жили тамъ нѣсколько времени среди общаго презрѣнія; потомъ пустились покаянниками на Востокъ и погибли тамъ за святое дѣло христіанства.

новленія были отмѣнены, и Томасъ Бекетъ возведенъ въ святые. Тысячи богомольцевъ стекались къ его алтарю, и самъ король, спустя нѣсколько лѣтъ, явилъ замѣчательный примѣръ раскаянья, давъ монахамъ отбичевать себя по обнаженной спинѣ на могилѣ мученика и проведши потомъ ночь на голомъ каменномъ полу подземной церкви.

Смерть святаго Томаса. Архіепископъ, раненный въ голову и плеча, поручилъ духъ свой Богу и упалъ лицомъ на помостъ. Тогда (одинъ изъ рыцарей) Вильямъ Брито широкимъ размахомъ снесъ ему гуменцо, такъ что раскрылся черепъ. Мечъ, которымъ нанесенъ былъ страшный ударъ, упавъ наземь, разлетѣлся въ куски. Поддіаконъ Гугонъ Моклеро, бывшій заодно съ нечестивцами, наступилъ убитому ногою на подзатылье, такъ что выдавилъ у него и кровь и мозгъ. Убійцы съ своими проводниками бросились тогда изъ церкви въ архіепископскій дворецъ и обобрали тамъ золото, серебро и дорогія облаченія; всего же болѣе доискивались они граматъ и привилегій, съ тѣмъ чтобы выдать ихъ королю. Вездѣ господствовалъ грабежъ и ужасъ. Всю эту ночь выла страшная буря; только уже позже проглянула луна; видно было и сѣверное сіяніе. Утромъ монахи поспѣшили схоронить архіепископа, и велико было ихъ удивленіе, когда, раздѣвая покойника, они подъ архіерейскимъ облаченіемъ нашли монашескую рясу и подъ ней власяницу, а на тѣлѣ свѣжіе слѣды постоянныхъ бичеваній. Въ Кантербери почти цѣлый годъ продолжался общій трауръ; до дня св апостола Ѳомы (11 декабря) литургія совершалась тихо, безъ пѣнія и колокольнаго звона. Начинали уже ходить разсказы о чудныхъ исцѣленіяхъ, совершавшихся при гробѣ мученика, и слухи эти вскорѣ нашли себѣ вѣру даже и въ чужихъ земляхъ.

Начатое при Генрихѣ II завоеваніе острова Ирландіи, который папа Адріанъ IV пожаловалъ Англійскому королю, едва можно и назвать завоеваніемъ; потому что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ только Дублинъ съ его округомъ (такъ-называемый Пэль) признавалъ надъ собою англійское господство. Кровопролитныя войны, раздиравшія съ тѣхъ поръ несчастный край, погубили на «Зеленомъ Островѣ» и поэтическую культуру первобытныхъ гэловъ, и христіанское вдохновеніе 7 и 8 вѣковъ. Мелкіе туземные державцы, называвшіеся королями, безпрерывно дрались между собою и

съ англійскими («саксонскими») завоевателями, препятствуя этимъ развитію городскихъ промысловъ и ремеслъ. Рыцарскіе подвиги и похожденія, романтизмъ военной и охотничьей жизни сельскихъ господъ, — вотъ что наполняетъ лѣтописи средневѣковой исторіи Ирландцевъ; народъ коснѣлъ безъ свободы и образованія, гнетомый знатью и руководимый духовенствомъ; гражданскій порядокъ и господство закона были здѣсь неизвѣстны. Самое переселеніе въ Ирландію англійскихъ дворянъ, вызванное слѣдующими королями, ни чуть не повело къ сліянію враждебныхъ элементовъ. Эти «кровные Англичане» сдѣлались современемъ настоящими Ирландцами, принявъ отъ побѣжденныхъ языкъ, нравы, обычаи, одежду, самое даже имя, и такъ упорно сопротивлялись введенію германства и цивилизаціи на ихъ островъ, что «природные Англичане» метрополіи должны были направить оружіе и противъ нихъ, отчего старая борьба приняла только новый, еще болѣе сложный характеръ. Ненависть Англичанъ къ ихъ выродившимся одноплеменникамъ дѣлала ее день отъ дня болѣе кровопролитною, усиливала одичалость неподатливыхъ островитянъ и расширяла бездну народной вражды между покорителями и покоряемыми.—Кромѣ многихъ внѣшнихъ войнъ Генриху II пришлось выдержать сильную борьбу съ своими собственными сыновьями, которыхъ возбуждала противъ него богатая ихъ мать Элеонора (§ 371), изъ ревности къ прекрасной Розамундѣ Клиффордъ.

Генрихъ былъ роста средняго, бѣлокуръ и сталъ сѣдѣть только въ поздніе годы. Голова его имѣла прекрасныя очертанія, носъ и глаза были соразмѣрны. Взглядъ, при спокойномъ расположеніи духа, отличался привѣтливостью и кротостью; возбужденный гнѣвомъ или страстью, онъ блестѣлъ и сверкалъ какъ огонь. Его умъ былъ такъ же удивительно подвиженъ, какъ и тѣло, и Генрихъ всегда держалъ его въ напряженіи: большую часть времени посвящалъ онъ управленію подвластныхъ ему земель, а часы отдыха проводилъ въ сообществѣ начитанныхъ духовныхъ особъ, которымъ предлагалъ на разрѣшеніе умные вопросы. Онъ не чуждался также литературы; зналъ многіе языки и говорилъ, кромѣ природнаго французскаго, еще на латинскомъ. Онъ былъ необыкновенно краснорѣчивъ и умѣлъ выражаться самымъ привѣтливымъ образомъ; разъ заглянувъ кому-ни-

будь въ лицо или разъ что-нибудь услышавъ, онъ не забывалъ того почти никогда или по крайней мѣрѣ очень рѣдко.

в) Филиппъ Августъ во Франціи, Іоаннъ Безземельный въ Англіи (ок. 1200).

§ 373. Изъ четырехъ сыновей Генриха пережили его только двое, Ричардъ Львиное Сердце (1189—1199, § 317) и Іоаннъ Безземельный (1199—1216). Въ характерѣ перваго рыцарское богатырство и неудержимая храбрость соединялись съ легкомысліемъ и необдуманностью; поэтому англійскій народъ и утратилъ черезъ него тѣ преимущества, которыя были пріобрѣтены его отцомъ. Ричардъ былъ истымъ чадомъ той романтически-дикой эпохи со всѣми ея слабостями и недостатками, за то и съ нѣкоторыми изъ ея добродѣтелей. Но безразсудный и деспотическій Іоаннъ, въ борьбѣ съ умнымъ и предпріимчивымъ Филиппомъ Августомъ, потерялъ Нормандію и всѣ родовыя владѣнія свои во Франціи; въ борьбѣ съ папою—независимость своей короны, а въ борьбѣ съ англійскимъ народомъ — неограниченную власть своихъ предковъ. Когда Іоаннъ велѣлъ умертвить въ руанской тюрьмѣ племянника своего Артура [1], имѣвшаго ближайшее право на наслѣдіе Плантагенетовъ, или, какъ повѣствуетъ поэтическій разсказъ, самъ прикололъ его ночью въ лодкѣ на Сенѣ и бросилъ потомъ тѣло въ рѣку,—тогда Филиппъ Августъ, къ которому чины Нормандіи обратились съ жалобой какъ къ своему лѣнному господину, позвалъ англійскаго короля на судъ пэровъ, составленный изъ двѣнадцати первыхъ барановъ Франціи (шести духовныхъ и шести свѣтскихъ), и какъ обвиненный не предсталъ по вызову, то Филиппъ объявилъ

[1] Артуръ былъ сынъ Готфрида (Джофри), одного изъ старшихъ братьевъ Іоанна, который, чтобы незаконно обезпечить себѣ престолъ, завладѣлъ прежде всего королевскимъ сокровищемъ и склонилъ на свою сторону вельможъ множествомъ лестныхъ обѣщаній. Филиппъ Августъ тотчасъ же вступился за права Артура, и хотя потомъ на время поладилъ-было съ Іоанномъ, но вскорѣ снова объявилъ ему войну. Артуръ съ небольшимъ отрядомъ французскихъ рыцарей осадилъ замокъ Мирбо, гдѣ жила осмидесятилѣтняя бабка его, знаменитая Элеонора; на помощь матери подоспѣлъ съ войскомъ Іоаннъ, захватилъ измѣннически молодаго принца и, продержавъ нѣкоторое время въ заточеніи, кончилъ тѣмъ, что тайнымъ убійствомъ сбылъ его съ рукъ.

его лишеннымъ всѣхъ французскихъ лэновъ (1203) и съ помощью наемныхъ войскъ (Брабансоновъ) покорилъ себѣ Нормандію вмѣстѣ съ Бретанью, графство Анжу, Мэнъ и Турэнъ, область Пуату и мн. друг. Іоаннъ, человѣкъ безъ рыцарскаго мужества, сластолюбивый и безпечный, былъ, какъ и ближайшіе преемники его, слишкомъ слабъ для того, чтобы помышлять о возвращеніи потеряннаго, тогда какъ Филиппъ Августъ, рано созрѣвшій въ сферѣ практической дѣятельности и одушевленный къ борьбѣ и завоеваніямъ рыцарскою поэзіей той эпохи, соединялъ умъ и предусмотрительность съ силою и энергіей. Нормандскіе вельможи, покинутые легкомысленнымъ Іоанномъ, покорились Французскому королю послѣ храбраго, но тщетнаго сопротивленія, и признали его своимъ лэннымъ господиномъ. — Англійскій король успѣлъ между тѣмъ своимъ деспотизмомъ и жестокосердіемъ раздражить всѣ сословія своего народа, и къ этому еще разсорился съ папою по поводу замѣщенія кантерберійскаго престола (который папа непремѣнно хотѣлъ отдать достойному Стефану Лангтону и для этого отрѣшилъ избраннаго монахами и утвержденнаго королемъ другаго кандидата), что навлекло лично ему и всему краю тяжкій интердиктъ, анаѳему и наконецъ формальное отрѣшеніе его отъ престола. Подданные, освобожденные отъ присяги на вѣрность, готовы были къ возстанію, Французскій король, которому папа подарилъ земли Іоанновы, собирался предпринять завоевательный походъ,— тутъ Іоаннъ изъявилъ полное смиреніе, торжественнымъ актомъ передалъ онъ папѣ короны Англіи и Ирландіи въ качествѣ наслѣдія св. Петра и получилъ ихъ обратно отъ руки легата, уже какъ папскій лэнъ, съ обязательствомъ платить за него тысячу марокъ ежегодной дани. Тогда съ Іоанна снято было проклятіе, и королю Французскому запрещенъ походъ противъ него. Но, раздраженный этимъ оборотомъ дѣлъ, Филиппъ Августъ направилъ свое оружіе противъ Іоаннова союзника, графа Фландрскаго, и послѣ побѣдоносной битвы при Бувинѣ (§ 318) овладѣлъ частію его земель (1215). Для Франціи эти событія особенно замѣчательны тѣмъ, что съ ними было соединено первое живое движеніе общаго чувства французской народности.—Между тѣмъ англійскій народъ,

возмущенный уничиженіемъ королевской короны и еще болѣе гнетомый наложенною на него новой податью, взялся за оружіе и принудилъ короля, навлекшаго себѣ своей безсовѣстностью общую ненависть, а трусостью и падкостью къ грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ—общее презрѣніе, дать на лугу близь Виндзора Великую льготную грамату или хартію (Magna charta), которою снова подтверждены и распространены прежнія права и уставы и тѣмъ самымъ положено начало развитію свободныхъ государственныхъ учрежденій въ Англіи (1215). Эта достопамятная грамата обезпечила церкви и духовенству ихъ древнія преимущества и льготы, опредѣлила точнѣе лѣнныя отношенія дворянства, поставила торговлю и городской бытъ подъ охрану законовъ, исправила главные недостатки правосудія и утвердила первыя основы сословной государственной думы или парламента. Можно сказать, что съ тѣхъ поръ во Франціи процвѣтала монархія, а въ Англіи свобода [1].

Великая хартія (Magna charta), признаваемая въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ за сводъ главнѣйшихъ законовъ англійскаго государства и служащая отчасти до сихъ поръ основаніемъ правъ и вольностей англійской націи, предоставляетъ духовенству свободу выбора епископовъ и высшихъ церковныхъ чиновъ вмѣстѣ съ разными другими привилегіями; дворянству,—обезпеченіе (отъ королевскаго произвола) его собственности и всѣхъ его преимуществъ по предмету наслѣдованія, въ случаѣ малолѣтства, по дѣламъ о накопленіи долговъ и т. д., особенно же освобожденіе его отъ тягостныхъ лѣнныхъ обязанностей и притѣснительныхъ поборовъ; горожанамъ—свободное производство торговли, постоянные, вѣрные мѣру и вѣсъ, защиту отъ произвольнаго обложенія таможенными сборами и отмѣну вреднаго для торговли стѣсненія водяныхъ сообщеній. Король часто требовалъ съ купцовъ высокихъ и незаконныхъ поборовъ, а нѣкоторымъ избраннымъ давалъ напротивъ того особые тарханы. «Отнынѣ, сказано было въ хартіи, купцы могутъ свободно и невозбранно пріѣзжать въ Англію сухимъ путемъ и во-

[1] То-есть политическая жизнь, основанная на взаимныхъ соглашеніяхъ тѣхъ сословій, которые имѣли тогда вѣсъ и голосъ въ обществѣ. Такъ какъ преобладающій вѣсъ былъ на сторонѣ землевладѣльческой аристократіи, то львиная часть въ этомъ дѣлежѣ и должна была выпасть на ея долю.

дою, переѣзжать тамъ съ мѣста на мѣсто, жить, торговать и потомъ свободно возвращаться на родину». Чрезвычайные налоги можно было установлять только съ согласія парламента, состоящаго изъ прелатовъ, дворянъ, вольныхъ хлѣбопашцевъ и старшинъ знатнѣйшихъ городовъ. Для обезпеченія личной свободы учрежденъ былъ постоянный судъ съ присяжными, а для рѣшенія обыкновенныхъ судебныхъ дѣлъ разъѣзжіе (королевскіе) судьи должны были посѣщать графства по четыре раза въ годъ и имѣть въ назначенное время засѣданія въ соприсутствіи четырехъ рыцарей-землевладѣльцевъ. Надъ графами и баронами судъ произносятъ только лица ихъ же сословія. Право и судъ не должны быть болѣе ни продажны, ни недоступны по чьему либо произволу. Безъ свидѣтелей нельзя постановить никакого рѣшенія, и свободный человѣкъ можетъ быть присужденъ къ тюрьмѣ, къ лишенію собственности или изгнанію только по приговору своихъ односословныхъ, и притомъ на законномъ основаніи. Великая хартія завершалась всеобщею амнистіей и назначеніемъ 25 бароновъ королевства для того, чтобы блюсти за точнымъ ея исполненіемъ и устранять все, что могло бы ее нарушить; король и бароны утвердили ее во всей полнотѣ своей присягою и подписью «на лугу Ронимидѣ, между Виндзоромъ и Стэнзомъ (Staines), 15 іюля 1215, въ 17 годъ царствованія короля Іоанна». Нельзя при этомъ не признать, что въ ту пору возникало уже духовное броженіе въ Англіи; именно—начиналъ снова оживать саксонскій элементъ (дотолѣ совершенно пригнетенный французско-норманскимъ). Къ этому времени принадлежитъ большая эпическая поэма, подъ названіемъ «Брютъ» [1], написанная священникомъ Лейямономъ, въ Эрли на Севернѣ, на основаніи Альфредова перевода Беды и метрической хроники «Le Brut d'Angleterre» французскаго стихотворца Роберта Васа. По своему плану и формѣ эта поэма—явное подражаніе французскому образцу, но языкъ ея чисто-саксонское нарѣчіе. Упоминаются также и сатирическіе стихи по поводу политическихъ обстоятельствъ того времени; но образчики ихъ сохранились только на латинскомъ. Вотъ въ переводѣ одинъ изъ нихъ, для примѣра: «Англія все поставила у себя вверхъ дномъ, такъ что каждому кто о томъ услышитъ, покажется оно страннымъ. Отнынѣ голова уже не будетъ украшать тѣла, и народъ станетъ самъ управлять своимъ королемъ.»

[1] Баснословный основатель британской монархіи.

г) УСИЛЕНІЕ СВОБОДЫ ВЪ АНГЛІИ И КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦІИ.

§ 374. Іоаннъ, при содѣйствіи папы и многочисленныхъ наемныхъ войскъ, хотѣлъ уничтожить исторгнутую у него льготную грамату, но попытка его сокрушилась о рѣшительное сопротивленіе народа, который не напрасно прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ помощи Филиппа Августа Французскаго [1], и вслѣдъ за тѣмъ еще вѣрнѣе освободился отъ грозившей опасности скорою смертью короля. Продолжительное царствованіе сына его Генриха III (1216—1272) благопріятствовало утвержденію свободы, сколько ни было печально въ это время состояніе края вообще. Его расточительная щедрость къ любимцамъ, его неудачная попытка пріобрѣсти для втораго своего сына, Эдмонда, отнятое у Гогенштауфеновъ королевство Неаполь (§ 330), огромныя издержки брата его Ричарда Корнваллисскаго для достиженія безсильной нѣмецко-императорской короны (§ 344), вымогательства папскихъ легатовъ, которые объѣзжали королевство въ сопровожденіи мѣнялъ и ростовщиковъ, и высасывали его какъ только было можно, и толпы итальянскихъ клириковъ, надѣляемыхъ въ Англіи доходными мѣстами, — все это нанесло глубокія раны благосостоянію страны и вызвало наконецъ тяжко угнетаемый народъ къ возстанію. Честолюбивый, но храбрый Симонъ Монфорскій и Лесстерскій [2], много сдѣлавшій для сво-

[1] Англійскіе бароны предложили корону сыну его Людовику (VIII), который вслѣдъ за тѣмъ явился къ нимъ съ войскомъ и занялъ Лондонъ; но по смерти Іоанна нѣкоторые изъ нихъ, боясь лишиться своей власти, одумались и возвели на тронъ малолѣтнаго сына его, Генриха III. Главнымъ виновникомъ такого оборота дѣлъ былъ лордъ Пемброкъ, который и управлялъ Англіей три года до самой своей смерти.

[2] Меньшой сынъ знаменитаго Симона де-Монфора; поссорясь съ матерью малолѣтнаго Людовика IX, Бланкою Кастильской, онъ удалился въ Англію, родину своей матери, и умѣлъ до того приблизиться къ королю, что тотъ пожаловалъ ему титулъ графа Лесстерскаго, поручилъ ему въ управленіе Гасконью и отдалъ за него Элеонору, сестру свою. Будучи самъ заѣзжимъ человѣкомъ, Симонъ сталъ однакожь во главѣ тѣхъ англійскихъ вельможъ, которые рѣшились положить конецъ расточительности короля и главное — его безумному пристрастію къ иностранцамъ, которымъ онъ готовъ былъ роздать всѣ доходы Англіи. Такъ-называемыми Оксфордскими постановленіями принудилъ онъ короля допустить надъ собой контроль правитель-

боды и общественнаго благоденствія, дошелъ наконецъ до того, что довольно долго держалъ въ плѣну слабодушнаго и вѣроломнаго короля съ его сыновьями и всѣмъ семействомъ. Въ это время господствовали вездѣ грабежъ, убійство и дикое безначаліе; право и законъ утратили всякую силу. Не только дворяне начальствовали разбойничьими шайками, даже монахи рыскали по всему краю и щеголялись чужой собственностью. Король успѣлъ снова достигнуть своей власти только тогда, когда Симонъ потерялъ побѣду и жизнь въ битвѣ при Ивзгамѣ (Evesham) противъ бѣжавшаго изъ плѣна принца Эдуарда; наученный горькимъ опытомъ прошлаго, Генрихъ управлялъ съ тѣхъ поръ кротче и справедливѣе. Онъ подтвердилъ Великую хартію и даровалъ подданнымъ новыя права и льготы. Генрихъ III былъ (по тогдашнему) благочестивый, богобоязненный человѣкъ, высоко цѣнившій чистоту нравовъ, связи кровнаго родства и уважавшій духовенство, но не способный къ самостоятельности въ дѣйствіяхъ. Онъ, между прочимъ, поощрялъ архитектуру и ваяніе, какъ видно изъ сооруженнаго имъ великолѣпнаго зданія Вестминстерскаго аббатства, а пристрастіе его къ внѣшнему блеску и изяществу въ домашней утвари и нарядахъ много благопріятвовало развитію промышленности, особенно золотыхъ дѣлъ мастерства и производства красныхъ товаровъ.—Въ то время какъ въ Англіи тяжко вырабатывались народныя права, во Франціи, при помощи благопріятныхъ обстоятельствъ, удалось многимъ умнымъ королямъ расширить свои предѣлы присоединеніемъ разныхъ графствъ и самостоятельныхъ территорій къ коронным владѣніяхъ, и тѣмъ самымъ поднять и утвердить свою державную власть. Особенно совершилось это: при Филиппѣ Августѣ (1180—1223, § 317, 373), посвятившемъ

ственнаго комитета изъ 24 бароновъ подъ предсѣдательствомъ самого Симона, и когда Генрихъ возсталъ противъ этого съ оружіемъ въ рукахъ, Симонъ взялъ его въ плѣнъ и держалъ подъ стражей. Въ это-то смутное время созванъ былъ первый Парламентъ, при составленіи котораго дѣйствительно играло нѣкоторую роль выборное начало и въ которомъ засѣдали уже депутаты отъ городовъ (1264). Любопытно, что въ распряхъ своихъ съ королемъ бароны обратились къ суду короля Французскаго, и онъ рѣшилъ, что баронамъ слѣдуетъ отмѣнить Оксфордскія постановленія, а Генриху вновь возстановить и свято соблюдать Великую хартію; но ни та, ни другая сторона не удовлетворилась этимъ приговоромъ.

послѣдніе годы своего многодѣятельнаго правленія успленію и укрѣпленію городовъ, поднятію промышленнаго и торговаго класса, поощренію наукъ и учрежденію королевскихъ судовъ,— при Людовикѣ Святомъ (§ 333), у котораго благочестіе и справедливость соединялись съ благоразуміемъ и рыцарственностью, и при Филиппѣ Красивомъ, который своей побѣдоносною борьбою противъ папъ (§ 353), при чемъ на соборъ земскихъ чиновъ впервые призваны были городскіе депутаты, доставилъ французскому королевскому престолу такой вѣсъ, какой дотолѣ имѣли (и то лишь въ лучшую свою пору) одни римско-германскіе императоры, и возложилъ на своихъ преемниковъ священный долгъ, въ мірскихъ дѣлахъ не признавать надъ собою никакой высшей власти на свѣтѣ. Чуждый религіознаго одушевленія, онъ не заботился о томъ, что послѣднія владѣнія христіанъ на Востокѣ, пріобрѣтенныя особенно подвигами самихъ же Французовъ, достались въ руки невѣрныхъ мусульманъ, и уничтожилъ орденъ храмовыхъ рыцарей, который одинъ могъ еще предпринять дѣло обратнаго завоеванія. Помышляя только о величіи своего народа и объ усиленіи королевскаго могущества, король Филиппъ, «этотъ второй Пилатъ», какъ называетъ его Дантъ, съ безпощадною несправедливостью урѣзалъ изъ владѣній Нѣмецкой имперіи городъ Ліонъ съ округою и присоединилъ ихъ къ своему королевству, родному имъ по языку [1]. Изъ многочисленныхъ указовъ его видна еще нераздѣленность судебной, законодательной и исполнительной властей во Франціи.—По смерти троихъ его сыновей, цар-

[1] Еще въ половинѣ 10 вѣка Ліонская провинція уступлена была Французскимъ королемъ Лотаромъ шурину его Конраду Миролюбивому, королю за-Юрской Бургундіи. Она управлялась графами, но власть ихъ болѣе и болѣе вытѣснялась возрастающею властью архіепископовъ, такъ что къ концу 12 столѣтія духовный глава явился здѣсь полнымъ распорядителемъ. Граждане богатаго, многолюднаго и торговаго города не ладили съ своимъ владыкой, а между тѣмъ короли Французскіе успѣли водворить своего судью въ одномъ изъ посадовъ или предмѣстій Ліона. Пользуясь этимъ, Филиппъ хотѣлъ кстати овладѣть всѣмъ городомъ, но граждане вооружились и прогнали королевскаго сановника; тогда король послалъ войско занять Ліонъ. Архіепископъ былъ привезенъ въ Парижъ и вынужденъ уступить права свои Филиппу. Папа не дерзнулъ противорѣчить, Нѣмецкій императоръ не счелъ нужнымъ протестовать, и съ тѣхъ поръ древняя столица римской Галліи осталась за Франціей навѣки нерушимо.

ствовавшихъ другъ за другомъ, но не оставившихъ по себѣ наслѣдниковъ въ мужской линіи, французскій престолъ перешелъ къ дому Валуа (1328), въ силу освященнаго старинной салійскаго закона, который устранялъ женщинъ отъ наслѣдованія.

Людовикъ VIII (1223—26), своимъ участіемъ въ альбигойскихъ войнахъ (§ 341), подчинилъ большую часть южныхъ провинцій своему непосредственному владычеству. Двѣ трети того края немедленно достались коронѣ, остальную часть графъ Раймундъ удержалъ въ пожизненное владѣніе, а при кончинѣ передалъ ее своей дочери, вышедшей за третьяго сына короля. — Людовикъ IX Святой (1226—70) хотя и возвратилъ Англійскому королю, въ силу мирнаго договора, земли по Гаронпѣ, однако достигъ за это признанія лэннаго господства Франціи надъ Гвіэнною со смежными мѣстами и формальной уступки Нормандіи и при-Луарскаго края. Великимъ торжествомъ для королевской власти во Франціи было то, что Англійскій король лично явился въ Парижъ принять лэнъ и присягнуть за него въ вѣрности. Для лучшаго устройства правосудія Людовикъ IX раздѣлилъ государство на судебные округи съ главными королевскими судилищами (парламентами) во главѣ, на рѣшеніе которыхъ поступали всѣ значительнѣйшія дѣла, равно какъ и аппелляціи по приговорамъ судовъ вотчинныхъ или господскихъ (патримоніальныхъ) [1]. Онъ былъ самымъ энергическимъ учредителемъ благоустроеннаго судебнаго порядка во Франціи. Блюсти правосудіе считалъ онъ важнѣйшею обязанностью государя, которую возлагаетъ на него сама религія. Достоинство и превосходство его судей вмѣстѣ съ справедливостью самого Людовика, настаивавшаго на уваженіи чужихъ правъ наравнѣ съ его собственными, повсюду открыли дорогу королевскому суду (предпочтительно передъ всѣми другими). Запрещеніе судебныхъ поединковъ, постепенное введеніе Юстиніанова кодекса и учрежденіе жалованнаго дворянства, чему первый примѣръ находимъ въ царствованіе сына его, Филиппа III (1270—85), возвы-

[1] Авторъ, конечно по недосмотру, приписываетъ Людовику учрежденіе многихъ, и слѣдовательно провинціальныхъ парламентовъ, тогда какъ они возникли только начиная съ 15 столѣтія по мѣрѣ упроченія новыхъ коронныхъ владѣній и подчиненія ихъ непосредственной власти короля. Даже попытка Филиппа Краснваго учредить въ 1302 г. первый областной парламентъ въ Тулузѣ осталась еще безуспѣшною.

сили значеніе короля и умалили могущество знати. Людовикъ IX, среди подвиговъ покаянія и набожности никогда не терявшій изъ виду мірскихъ пользъ короны, умѣлъ, подобно умной своей матери Бланкѣ Кастильской, неоднократно завѣдывавшей государственнымъ управленіемъ, ослабить грозную силу вельможъ войнами и договорами и расширить предѣлы коронныхъ владѣній. Герцоги и графы Бургундіи, Бретани, Анжу, Пуату, Тулузы, Артуа, принадлежали уже къ королевской фамиліи, и король былъ естественнымъ главою всѣхъ этихъ владѣльческихъ родовъ. Черезъ это начало законности укоренялось все тверже и тверже.—Внукъ Людовика, ловкій, умный и предпріимчивый Филиппъ IV Красивый (1285—1314), успѣшно шелъ по пути, проложенному дѣдомъ и Филиппомъ Августомъ. Мало по-малу умѣлъ онъ оттягать у сословія господъ право битья монеты, которое впрочемъ самъ употребилъ во зло выпускомъ низкопробныхъ денегъ, распространилъ сборъ королевскихъ податей на народъ, подвластный господамъ и духовенству, и подчинилъ многія самостоятельныя графства непосредственной власти короля. Особенно же возвысилъ онъ значеніе и могущество короны той поддержкою, какую оказывалъ городамъ въ ихъ борьбѣ противъ духовныхъ и свѣтскихъ ленныхъ владѣльцевъ (§ 370). Въ видахъ усиленія собственной власти благопріятствовалъ онъ началу прирожденной свободы всѣхъ людей, началу освобожденія крѣпостнаго класса [1]. Отъ всей жизни этого короля, отъ каждаго его шага вѣетъ уже рѣзкимъ вѣтромъ новой исторіи. Менѣе успѣшны были предпріятія его во Фландріи. Онъ взялъ въ плѣнъ графа Гвидона и съ помощью богатыхъ гражданъ гор. Брюгге, такъ называемыхъ «лиліардовъ», думалъ уже присоединить къ своему государству этотъ богатый край, гдѣ пышность женскихъ одеждъ возбудила зависть французской королевы, какъ вдругъ возстали противъ него ремесленные цехи суконщиковъ, мясниковъ и ткачей, перебили въ день «фламандской вечерни» болѣе 3,000 Французовъ, и потомъ, когда французское рыцарство пришло отмстить за

[1] Справедливость требуетъ сказать, что папы неоднократно провозглашали то же самое начало: не говоря уже объ увѣщаніяхъ Григорія Великаго въ 6 вѣкѣ, папа Александръ III настаивалъ на освобожденіи въ 1167 г., а Климентъ говорилъ въ 1226, что «природа весь родъ человѣческій надѣлила свободой» и что «только неразуміе людское нарушило равенство, установленное между ними самимъ Богомъ (humana imprudentia impares esse voluit quos Deus coaequaverat)».

это съ сильнымъ ополченіемъ, они, подъ начальствомъ «самаго громкаго говоруна», ремесленнаго головы Питера де Конинга, нанесли ему такое пораженіе [1] (11 іюля 1302), что фландрскій народъ еще долго потомъ гордился воспоминаніемъ «о шпорной битвѣ», въ которой легло 20,000 всадниковъ и добыто 7,000 шпоръ, принесенныхъ потомъ въ даръ соборной церкви въ Мастрихтѣ. Династія туземныхъ владѣльцевъ удержалась во Фландріи.

д) Англія подъ державою трехъ Эдуардовъ (1272—1377).

§ 375. За Генрихомъ III слѣдовалъ рыцарственный сынъ его Эдуардъ I (1272—1307), крестоносецъ (§ 335), котораго правленіе достопамятно цѣлымъ рядомъ кровопролитныхъ войнъ, улучшеніемъ земскаго права и правосудія и распространеніемъ Великой хартіи. Онъ присоединилъ къ своей державѣ независимый прежде Валлисъ (Уэльсъ), ввелъ туда англійскіе законы и судоустройство, и первый далъ титулъ принца Валлисскаго наслѣднику престола, родившемуся тамъ въ замкѣ Карнарвонъ.—Когда вскорѣ потомъ въ Шотландіи вспыхнулъ споръ за престолъ между Робертомъ Брюсомъ и Джономъ Баліолемъ, при чемъ Эдуардъ избранъ былъ въ посредники, онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы прочно утвердить за Англійскими королями многоспорное лэнное господство надъ Шотландіей [2], и рѣшилъ въ

[1] Эта битва при Куртрэ ознаменовала новую эпоху въ исторіи средневѣковаго быта: здѣсь въ первый еще разъ «мѣщанская сволочь» разбила цѣлую армію самаго блестящаго рыцарства въ Европѣ. Рыцари всего западнаго міра встревожились этой новостью и начали соединяться противъ заклятыхъ враговъ своихъ, «мятежныхъ горожанъ».

[2] Со времени соединенія Пиктовъ и Скотовъ (кельтійскаго племени, переселившагося изъ Ирландіи) подъ державою короля Кеннета II въ половинѣ 9 вѣка, войны между Шотландіей и Англіей рѣдко прекращались, особенно когда Англичане стали объявлять притязанія на лэнное господство надъ сосѣднимъ краемъ, основываясь на томъ, что въ 945 г. Шотландскій король Малькольмъ I получилъ отъ Англійскаго короля Эдуарда Исповѣдника графство Комберландъ въ видѣ лэна. Языкъ и обычаи Англичанъ сильно распространились въ Шотландскомъ подольѣ съ тѣхъ поръ, какъ множество Англо-Саксовъ бѣжало туда отъ нашествія Вильгельма Завоевателя. Мужское колѣно Шотландскихъ королей пресѣклось въ 1283 смертію Александра III, присоединившаго къ своему королевству Гебридскіе острова. При возникшемъ спорѣ за престолъ между двумя отраслями древней династіи по женскому колѣну, шотландскій сеймъ или парламентъ обратился къ посредничеству Эдуарда I,

пользу Баліоля, который согласился дать ему за то лэнную присягу. Это возмутило Шотландцевъ, гордыхъ своей независимостью. Они взялись за мечъ и, подъ предводительствомъ удалыхъ витязей (особенно славимаго въ сагахъ и пѣсняхъ рыцаря Вильяма Валлеса), вели противъ Англичанъ полную поэзіи войну за свободу. Жаркія битвы упитывали равнины южной Шотландіи кровью горскихъ богатырей; Валлесъ, мелкій рыцарь безъ дружины и потому жертва презрѣнія и зависти знатныхъ вельможъ, попалъ въ плѣнъ и умеръ подъ сѣкирой палача какъ преступникъ; коронаціонный камень (столъ) Шотландскихъ королей въ Сконѣ перевезенъ былъ въ Лондонъ, и украшаетъ собою Вестминстерское аббатство до сихъ поръ; побѣдоносныя войска Эдуарда прошли всю Шотландію до горныхъ дебрей, гдѣ воинственные родоначальники имѣли неограниченную патріархальную власть каждый надъ своимъ родомъ со всѣми его васаллами и челядью (что̀ называлось у нихъ кланъ), и не смотря на то, Шотландцы все-таки отстаивали свою независимость. Внукъ одного изъ прежнихъ соискателей престола, также Робертъ Брюсъ, достигъ, послѣ разнообразныхъ перемѣнъ счастья, многихъ битвъ и военныхъ хитростей, шотландской короны и утвердилъ ее за собою побѣдой при Баннокборнѣ (1314), одержанной надъ Эдуардомъ II (1307—1327), на котораго не перешелъ богатырскій духъ отца и которому тревожное царствованіе въ самой Англіи мѣшало думать объ отдаленныхъ завоеваніяхъ. Хотя при воинственномъ Эдуардѣ III сынъ Роберта Давидъ изъ обладателя шотландскою короной сдѣлался англійскимъ плѣнникомъ, однакожь она все-таки осталась наслѣдіемъ его дома и перешла потомъ въ родственную фамилію Стуартовъ. Эти годы были героическою эпохой Шотландіи; особенною славой въ воинскихъ подвигахъ увѣнчался домъ Дугласовъ [1]. Но борьба противъ Англичанъ естественно вела къ утвержденію прочнаго союза между Шотландіей и Франціей. — На слабаго Эдуарда II, управляемаго высокомѣрными временщиками (Гевстономъ, Спенсеромъ), англійскіе

[1] Этотъ домъ выставилъ цѣлый рядъ самыхъ отважныхъ защитниковъ національной независимости. Только одинъ изъ Дугласовъ вступилъ въ переговоры съ Эдуардомъ III о выдачѣ ему Шотландіи, да и тотъ былъ вскорѣ убитъ.

вельможи не разъ подымали оружіе и потомъ спокойно смотрѣли на то, какъ наконецъ королева и любовникъ ея Мортимеръ свергнули несчастнаго монарха съ престола и погубили его мучительною смертью въ заточеніи [1]. Но когда могучій сынъ его Эдуардъ III (1327—77) достигъ совершеннолѣтія, онъ, въ наказаніе за это злодѣйство, велѣлъ повѣсить Мортимера, а королеву мать свою (Изабеллу Французскую) сослалъ въ уединенный замокъ; потомъ онъ принялъ мѣры противъ папскихъ захватовъ въ дѣлахъ англійской церкви, при чемъ энергически содѣйствовалъ ему оксфордскій профессоръ Виклифъ (§ 363), и наконецъ поднялъ противъ Франціи кровавую войну за наслѣдство (подъ предлогомъ мнимыхъ правъ своихъ на французскую корону). Поставленный этою войной въ ближайшую связь съ своею союзницей, промышленною Фландріей, Эдуардъ познакомился тамъ съ выгодами развитой промышленности и вслѣдствіе того благопріятствовалъ переселенію и водворенію въ Англіи фландрскихъ и брабантскихъ мастеровъ. Этимъ былъ впервые данъ широкій ходъ англійской шерстяной фабрикаціи. Старый предразсудокъ противъ чужеземцевъ постепенно утратилъ свою силу, прежнія недружелюбныя отношенія стали мало-по-малу исчезать и добровольныя переселенія умножались съ каждымъ годомъ. Такимъ образомъ Эдуардъ III, рыцарственный основатель англійскаго ордена подвязки и залы круглаго стола въ Виндзорѣ, сталъ вмѣстѣ и первымъ поощрителемъ фабричной промышленности, источника будущаго величія Англіи.

§ 376. Эдуардъ I продалъ многимъ городамъ право посылать депутатовъ въ парламенты (собранія земскихъ чиновъ); этотъ обычай усилился при обоихъ его преемникахъ, и къ половинѣ 14 вѣка число представителей четырехъ сословій сдѣлалось такъ велико, что онѣ раздѣлились на двое: высшее дворянство и прелаты составили палату пэровъ, или верхнюю, а низшее сельское дворянство (gentry) и выборные отъ городовъ— нижнюю палату, или палату общинъ,—Когда войны Эдуарда I угрожали Англіи постояннымъ бременемъ тяжкихъ податей, чины въ

[1] Двое подосланныхъ убійцъ вонзили ему раскаленное желѣзо во внутренности, чтобъ не было слѣда наружныхъ ранъ.

огражденіе себя отъ произвола истребовали дополнительную статью къ Великой хартіи, поставлявшую всякій сборъ налоговъ въ зависимость отъ согласія четырехъ сословій (1297). Самостоятельность земскихъ чиновъ усилилась еще болѣе на счетъ королевской власти при слабомъ Эдуардѣ II, такъ что законы, изданные при Эдуардѣ III [1] и внукѣ его Ричардѣ II противъ вымогательствъ папскихъ легатовъ и раздачи церковныхъ должностей въ Англіи иноземнымъ клирикамъ, исходили уже главнымъ образомъ отъ парламента, въ которомъ вліяніе городскаго (средняго) сословія стало теперь замѣтно. Въ этомъ самооборонительномъ стремленіи парламентъ и правительство нашли себѣ сильную опору въ Джонѣ Виклифѣ, оксфордскомъ профессорѣ богословія, который ратовалъ письменно и словесно противъ папскаго преобладанія, противъ богатства іерархіи, мірской суетности духовенства и крайняго размноженія монаховъ, стараясь въ то же время положить начало преобразованію религіозной жизни народа своимъ переводомъ Библіи и катехизисомъ; поэтому и нашелъ онъ у нихъ защиту отъ своихъ могущественныхъ враговъ, а когда нападенія его на догматы церковной вѣры сдѣлали неизбѣжнымъ удаленіе его изъ Оксфорда (1384), то и тогда они повели дѣло такъ, что онъ до самой смерти могъ спокойно остаться въ своемъ званіи приходскаго священника. Его многочисленные приверженцы, прозванные ненавистнымъ именемъ нидерландскихъ еретиковъ лоллардовъ [2], дѣйствовали въ духѣ

[1] Въ теченіе долгихъ и крайне разорительныхъ войнъ своихъ, Эдуардъ III часто долженъ былъ прибѣгать къ хитростямъ, увертками и явнымъ нарушеніямъ законовъ, чтобы доставить себѣ необходимыя денежныя средства. «Военные походы Эдуарда, говоритъ Лингардъ, стоили много денегъ и много крови, но зато въ окончательномъ результатѣ принесли такіе плоды, какихъ не ожидалъ и не предвидѣлъ самъ ихъ начинатель. Обремененный долгами, онъ сталъ зависимѣе отъ своихъ подданныхъ, которые, горько жалуясь на возрастающій гнетъ податей, временнымъ денежнымъ пожертвованіемъ обезпечили себѣ и своему потомству прочныя блага. Не было почти злоупотребленія, введеннаго хитростію феодальныхъ легистовъ или паглостію феодальныхъ господъ, противъ котораго чины не добились бы наконецъ законнаго и часто дѣйствительно оружія. Правда, что въ то время парламентскіе статуты плохо исполнялись. Но въ теченіе этого пятидесятилѣтняго царствованія нижняя палата ежегодно представляла однѣ и тѣ же жалобы; король ежегодно дѣлалъ однѣ и тѣ же уступки, и наконецъ силою такихъ безпрерывно повторявшихся жалобъ и уступокъ, злоупотребленія во многихъ случаяхъ были смягчены, а въ нѣкоторыхъ даже и совершенно уничтожены».

[2] Лоллардъ — имя англійскаго ересіарха, жившаго въ концѣ 13 и въ началѣ 14 вѣка. Онъ отвергалъ всѣ обряды и даже всѣ таинства церкви, бракъ называлъ при-

учителя и породили тревожное волненіе въ народѣ. И какъ въ то же самое время низшіе классы терпѣли отъ гнета тяжкихъ податей, къ которымъ привели французскія войны Эдуарда, а огромная масса необузданныхъ дворянъ производила въ деревняхъ бездну своевольствъ и насилій, то при Ричардѣ II (1377 — 99) вспыхнулъ подъ предводительствомъ Вата Тайлера (т. е. Черепичника) и подъ вліяніемъ разжигающихъ проповѣдей монаха Джона Болля (Ball), опасный народный мятежъ (1382), подавленный только быстрою рѣшимостью короля, который, выѣхавъ для переговоровъ съ начальникомъ, закололъ его собственной рукою [1].

Е) ФРАНЦУЗСКО-АНГЛІЙСКАЯ ВОЙНА ЗА НАСЛѢДСТВО.

§ 377. Когда меньшой сынъ Филиппа Красиваго умеръ бездѣтнымъ, по желанію вельможъ вступилъ на французскій тронъ племянникъ его Филиппъ VI Валуа. Но Эдуардъ III, король Англійскій, протестовалъ противъ этого и потребовалъ французской короны, какъ сынъ одной изъ дочерей Филиппа Красиваго. Не обращая вниманія на салійскій законъ (§ 374) и на сопротивленіе гордыхъ бароновъ, не желавшихъ подчиниться иноземному властителю, онъ принялъ титулъ и гербъ короля Франціи и пошелъ на Филиппа вой-

---

сяжнымъ любодѣяніемъ и былъ сожженъ за это въ Кельнѣ. Послѣдователи его, гонимые въ Германіи, перешли въ Нидерландцы, а оттуда въ Англію, и соединились тамъ съ приверженцами Виклифа, которыхъ вслѣдствіе того и прозвали лоллардами.

[1] Ближайшимъ поводомъ къ возстанію было возобновленіе введенной въ предъидущее царствованіе поголовной подати, которой подвергались всѣ мужщины и женщины свыше четырнадцати лѣтъ, кромѣ нищихъ. Эта подать, извѣстная подъ именемъ poll-tax, была ненавистнѣйшею изъ всѣхъ. Часть мятежниковъ заняла даже Лондонъ и, окруживъ короля, просила объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, о пониженіи наемной платы за землю, о правѣ свободно покупать и продавать на всѣхъ рынкахъ и базарахъ и о дарованіи ей прощенія за прежнія вины. Король согласился и выдалъ имъ на все это жалованныя граматы (которыя потомъ парламентъ принудилъ его отмѣнить). Но Тайлеръ и другіе коноводы возстанія, мало полагаясь на такія уступки, стремились къ коренному общественному перевороту, основанному на общемъ равенствѣ. Говорятъ, что выѣхавъ для переговоровъ съ королемъ, Тайлеръ дерзко поигрывалъ своимъ кинжаломъ, потомъ схватилъ королевскую лошадь за узду, но въ ту же минуту былъ пораженъ или самимъ королемъ (пятнадцатилѣтнимъ юношей), или стоявшимъ подлѣ него лордомъ-мэромъ. Ричардъ вызвался самъ быть предводителемъ народа, но сдѣлался имъ только для того, чтобъ вслѣдъ за тѣмъ наказать главныхъ виновниковъ.

ною. Съ помощью фландрскихъ торговыхъ городовъ отважный Эдуардъ одержалъ первую побѣду въ жаркомъ морскомъ сраженіи при Слёйсѣ (bataille de l'Ecluse, 1340), а потомъ вторую, гораздо болѣе славную, на сушѣ при Креси (1346), гдѣ цвѣтъ французскаго рыцарства—и въ рядахъ его слѣпецъ Іоаннъ, король Богемскій—покрылъ собою поле битвы. Мало осталось тогда знатныхъ семействъ во Франціи, которымъ не пришлось бы оплакать покойника или выкупить плѣннаго. Покореніе важнаго приморскаго города Калэ было плодомъ этой побѣды. Вскорѣ потомъ скончался король Филиппъ, государь, не явившій доблести и не снискавшій любви народной, и спорный престолъ наслѣдовалъ сынъ его, Іоаннъ Добрый (1350—1364). Жаждя изгладить горестную память Креси, напалъ онъ при Пуатье (1356) на ослабленное войско, предводимое доблестнымъ сыномъ Англійскаго короля, Чернымъ Принцемъ [1], но потерпѣлъ совершенное пораженіе и долженъ былъ ѣхать плѣнникомъ въ столицу Англіи. Въ отсутствіе его, правленіе предоставлено было дофину (такъ титуловались наслѣдные принцы Французскіе съ тѣхъ поръ какъ Филиппъ пріобрѣлъ графство Дофинѐ). Тогда-то парижское городское сословіе, раздраженное высокомѣріемъ господъ и гнетомъ податей (налога на соль и питейнаго акциза), возстало подъ предводительствомъ ловкаго демагога Роберта Лекока и отважнаго парижскаго головы (prévôt des marchands) Этьена Марселя [2], вслѣдствіе чего знатнѣй-

[1] Онъ прозванъ былъ Чернымъ по цвѣту вооруженія.

[2] Здѣсь необходимо замѣтить, что Этьенъ Марсель игралъ важную, преобладающую роль въ предшествовавшемъ битвѣ при Пуатье собраніи земскихъ чиновъ 1355 года. Собраніе это, назначая королю потребные для военныхъ издержекъ пять милліоновъ ливровъ, не только поставило подъ строгій надзоръ земской думы финансы королевства, но и приняло такія мѣры къ ограниченію произвола власти и ея органовъ, что Франція должна была повидимому вступить совсѣмъ не на ту дорогу, какою суждено ей было идти. Послѣ несчастія при Пуатье дофинъ поспѣшилъ снова собрать земскіе чины; тутъ предсѣдателемъ средняго сословія былъ Марсель, а предсѣдателемъ духовенства — единомысленный съ нимъ Лекокъ, епископъ Ланскій (de Laon), президентъ парижскаго парламента. Оба они рѣшились настоять на преобразованіи государства въ ограниченную монархію, и только подъ этимъ условіемъ соглашались назначить средства для оборонительной войны. Дофинъ, уклоняясь отъ рѣшенія вопроса, отправился просить помощи у императора Карла IV., а депутатамъ земскихъ чиновъ предложилъ спросить мнѣнія своихъ довѣрителей по областямъ; ког-

шіе совѣтники и маршалы королевскіе были убиты въ самомъ дворцѣ, у регента передъ глазами, самъ онъ подвергся оскорбленіямъ и былъ вынужденъ бѣжать, а городъ остался въ рукахъ мятежниковъ, которые управляли имъ черезъ цеховыхъ старшинъ и защищали его наемнымъ войскомъ. Вскорѣ возстаніе разлилось по всему краю, въ видѣ крестьянскихъ жакерій. Крестьяне, гнетомые бременемъ войны, и еще болѣе наглостію и хищничествомъ наемныхъ войскъ, поднялись цѣлой массою, раззоряли господскіе замки и производили страшныя злодѣйства, пока острый мечъ рыцарей, соединенныхъ общею опасностью, не сокрушилъ мятежныхъ дружинъ, украшенныхъ «шапками свободы». Самъ Марсель палъ въ схваткѣ на парижскихъ улицахъ (1358); кровавая месть постигла его приверженцевъ. По возстановленіи внутренняго спокойствія, между Англіею и Франціею состоялся 1360 г. миръ въ Бретиньи (Bretigny), по которому Калэ съ его ближайшею округою, потомъ Гвіэнна, Пуату и другія области юго-западной Франціи предоставлены Англичанамъ безъ всякой лэнной обязанности съ ихъ стороны, а за Іоанна выговоренъ огромный по-тогдашнему выкупъ (три милліона ефимковъ, съ уплатою въ 6 лѣтъ). Съ своей стороны Эдуардъ III отказался отъ притязаній на французскій престолъ. Такъ какъ сборъ выкупной суммы замедлился, то Іоаннъ добровольно воротился въ плѣнъ и умеръ въ Лондонѣ (1364).— Передача младшему и худшему изъ сыновей его Филиппу

да же, по возвращеніи изъ своей напрасной отлучки, онъ узналъ, что областные чины вполнѣ подтвердили требованія земской думы, то не созывалъ ея болѣе, а рѣшился выйдти изъ затрудненія выпускомъ негодной монеты. Парижъ отказался принять ее, остановилъ по распоряженію Марселя всѣ дѣла и прибѣгнулъ къ оружію. Тогда дофинъ взялъ свою монету назадъ, снова созвалъ земскую думу и обѣщалъ удовлетворить всѣ ея требованія, а между тѣмъ выпросилъ у плѣннаго короля, своего родителя, повелѣніе всѣмъ вѣрноподданнымъ, не исполнять предписаній дофина, даваемыхъ по требованію земскихъ чиновъ. Видя себя обманутымъ, Марсель поднялъ на главныхъ совѣтниковъ дофина весь Парижъ; въ то же время сельское сословіе, угнетаемое больше чѣмъ когда-нибудь поборами для выкупа множества плѣнныхъ господъ, собралось безчисленными ватагами, выбрало себѣ короля подъ именемъ Жака Бономa (Jaques Bonhomme), какъ называли крестьянъ въ насмѣшку аристократы, и подняло дикую, опустошительную войну противъ замковъ и ихъ обитателей, не разбирая уже ни возраста, ни пола.

Смѣлому [1] упразднившагося герцогства Бургундіи повела къ учрежденію Новобургундскаго государства (§ 397).

§ 378. Сынъ Іоанна, Карлъ V Мудрый [2] (1364—80), государь основательнаго и находчиваго ума, исцѣлилъ язвы своего отечества. Бережливость на расходы двора дала ему возможность рѣже созывать земскую думу и тѣмъ самымъ подчинить своей власти вольнолюбивый духъ городовъ. Онъ мастерски умѣлъ привязывать къ себѣ противоположныя партіи дворянства и горожанъ и уравновѣшивать или по крайней мѣрѣ сдерживать разныя враждебныя направленія. Война за престолъ въ Кастиліи (§ 393) представила ему удобный случай сбыть съ рукъ толпы наемныхъ войскъ, которыя высасывали средства края; вслѣдъ за тѣмъ неудовольствіе Гвіэнцевъ на притѣснительное господство Англичанъ открыло ему виды на возвращеніе утраченныхъ владѣній, и тутъ онъ нашелъ себѣ въ неустрашимомъ Бертранѣ Дюгескленѣ отличнаго полководца. Когда Черный Принцъ, который, въ качествѣ англійскаго намѣстника жестоко притѣснялъ завоеванные края, зачахъ и умеръ отъ изнурительной болѣзни, а вскорѣ потомъ сошелъ въ могилу и Эдуардъ III (1377), Дюгесклену удалось оживить національный и рыцарскій духъ Французовъ и безъ успѣшной борьбы снова покорить всю южную Францію, такъ что въ рукахъ Ричарда II (сына Чернаго Принца) остался одинъ Калэ. А новый англійскій король не могъ и помышлять о вторичномъ завоеваніи. Внутренніе мятежи, возбужденные гнетомъ налоговъ и феодальныхъ повинностей и руководимые смѣлымъ народнымъ вождемъ Ватомъ Тайлеромъ (§ 376), возмущали его царствованіе; кромѣ того онъ перессорился до явнаго междоусобія съ своими дядями, герцогомъ Глостеромъ и Ланкастеромъ; у послѣдняго была сильная партія, и когда король, подъ ничтожнымъ предлогомъ, выслалъ изъ королевства своего двоюроднаго брата Генриха Ланкастера (который при жизни отца назывался Болинброкомъ), то послѣдній съ

[1] Онъ получилъ это прозвище за необыкновенную отвагу въ несчастной битвѣ при Пуатье.

[2] Бывшій дофинъ, которому трудное время его регентства пошло очевидно въ пользу.

помощью своихъ многочисленныхъ приверженцевъ успѣлъ склонить парламентъ къ отрѣшенію Ричарда и возведенію его самого на престолъ. Ричардъ умеръ съ голоду въ одномъ отдаленномъ замкѣ [1], а Генрихъ IV (1399—1413), въ лицѣ котораго на тронъ Англіи вступилъ Ланкастерскій домъ, умомъ и рѣшительностью обезпечилъ себѣ и своимъ потомкамъ (Генриху V, 1413—22. и Генриху VI 1422—61) неправо пріобрѣтенную корону [2]. Возстаніе англійскаго дворянства подъ начальствомъ графа Нортомберланда (того самаго, который помогъ Генриху занять престолъ) и доблестнаго сына его Перси, прозваннаго Горячею Шпорой (Hotspur), кончилось 1403 г. пораженіемъ мятежниковъ при Шрусбери (Shrewsbury).

Чтобы привлечь на свою сторону духовенство и имѣть въ немъ опору противъ крамольныхъ дворянъ, Ланкастерскіе короли пожертвовали лоллардами (§ 376). При Генрихѣ V изданы парламентомъ противъ еретиковъ кровавые законы, въ силу которыхъ лолларды лишились самыхъ отважныхъ своихъ предводителей (напримѣръ Ольдкастля) и, покинутые высшими сословіями, скоро впали въ презрѣніе и находили себѣ приверженцевъ только въ низшихъ классахъ ремесленниковъ и мѣщанъ. Подъ бременемъ церковнаго проклятія выдѣлилось изъ нихъ малое число вѣрныхъ и влачило безотраднѣйшую жизнь въ видѣ всѣми избѣгаемой секты, на которую правительство то смотрѣло сквозь пальцы, то поднимало гоненія и обрушивало самыя позорныя наказанія. Тѣ изъ нихъ, которые изъявляли готовность отступиться отъ своей ереси, должны были въ одеждѣ покаянника принести къ церковнымъ вратамъ пукъ хворосту и зажженный факелъ, чтобы этимъ всенароднымъ самообличеніе торжественно исповѣдать свою вину и заявить раскаяніе; или имъ налагали клеймо на щекѣ, а на рукава нашивали особые значки, чтобы пресѣчь всякое сообщеніе ихъ съ другими. Но, когда кто либо изъ нихъ твердо упорствовалъ въ своемъ противоцерковномъ направленіи, или когда внѣшнія обстоятельства или

---

[1] Смерть его ускорили крамолы многихъ вельможъ, поднявшихъ его именемъ неудачное возстаніе противъ новаго короля.

[2] Не говоря уже о беззаконномъ сверженіи короля Ричарда, Генрихъ не имѣлъ права на престолъ и потому, что ближайшимъ наслѣдникомъ былъ молодой графъ Марчъ, Эдуардъ Мортимеръ, потомокъ герцога Кларенса, старшаго Генрихова дяди.

чья-нибудь личная продерзость случайно указывали духовенству на гноящуюся язву церкви,—въ такихъ случаяхъ спѣшили запугать дерзновенныхъ новыми казнями и принудить ихъ къ прежнему укрывательству во мракѣ. Многихъ упорныхъ или ревностныхъ еретиковъ заключали также въ лоллардовскую башню архіепископскаго дворца Ламбета въ лондонскомъ Вестъ-Эндѣ, лишая ихъ навсегда не только человѣческаго сообщества, но и свѣта дневнаго, и оставляя имъ единственное скудное утѣшеніе выцарапывать на мрачныхъ стѣнахъ тюрьмы исповѣданіе своей вѣры и выраженіе своихъ горестей и страданій.

§ 379. Въ теченіе этихъ событій, Франція подъ державою Карла VI (1380—1422), который вскорѣ по своемъ совершеннолѣтіи впалъ въ разстройство ума, находилась въ крайнемъ замѣшательствѣ и безначаліи [1]. Двѣ сильныя придворныя партіи, изъ которыхъ одною руководилъ дядя короля, герцогъ Бургундскій, а другою братъ его, герцогъ Орлеанскій, оспоривали другъ у друга управленіе, между тѣмъ какъ среднее сословіе возставало противъ неутвержденныхъ имъ налоговъ и требовало расширенія своихъ правъ. Въ осьмидесятыхъ годахъ четырнадцатаго вѣка, стало-быть въ то самое время, когда въ Германіи города боролись съ рыцарями (§ 359), когда гельветскіе поселяне отражали нападенія господъ, а въ Англіи опасный народный бунтъ подъ начальствомъ Вата Тайлера и друг. (§ 376) сдѣлалъ быстрые успѣхи, городское и сельское сословія во Франціи воротились опять къ прежнимъ смутамъ и подняли мятежъ, въ которомъ разгорѣлись всѣ страсти и подверглась нарушенію даже всѣми признанная собственность. Молотъ и топоръ одерживали быстрыя побѣды. Начиная съ Фландріи, гдѣ демократическіе цехи Гента ополчились на своего графа подъ начальствомъ богатаго пивовара Артевельде и отняли у него правленіе (1382), до самыхъ Пиреней и до торговыхъ городовъ при Средиземномъ морѣ, распространилось страшное волненіе противъ дворянства и двора. Городскіе рабочіе и сельскій людъ взя-

[1] Англія не пользовалась этимъ разстройствомъ, главное, потому, что сама страдала отъ внутреннихъ смутъ, отчасти же и потому, что король Ричардъ II, вопреки совѣту вельможъ, сблизился съ Франціей и женился на семилѣтней дочери короля Карла VI.

лись за оружіе и совершали страшныя злодѣйства противъ жизни и собственности привилегированныхъ классовъ. «Ночная рѣзня въ Брюгге» надолго осталась въ памяти фландрскихъ господъ. Но отсутствіе дружнаго содѣйствія между мятежниками все-таки дало окончательную побѣду дворянству. Французское рыцарство соединилось съ фландрскимъ, одолѣло гражданскія дружины «бѣлошапочниковъ»[1] въ битвѣ при Росбекѣ (ноябрь 1382) и, просіявъ надеждой, двинуло орифламму противъ непокорной столицы Франціи. Рогатки были уничтожены, ворота сняты съ петель, отобрано все оружіе, желѣзныя цѣпи, которыми улицы запирались на ночь, также убраны, а бастилія[2] быстро окончена постройкой. Подавленіе мятежа имѣло своимъ послѣдствіемъ умноженіе народныхъ тягостей, наложеніе новыхъ податей уже безъ предварительнаго согласія земской думы, оскудѣніе городскаго и сельскаго сословія, потерю важнѣйшихъ общинныхъ преимуществъ и возвышеніе верховной власти короля. Спустя двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ этой побѣды дворянства, Парижъ снова пришелъ въ страшное броженіе, когда ненависть орлеанской партіи противъ бургундской дошла до того, что кровавыя схватки сдѣлались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ и наконецъ, по приказанію Іоанна Бургундскаго, герцогъ Орлеанскій былъ вѣроломно убитъ въ улицѣ Тампль (1407). Но орлеанская (аристократическая) партія нашла себѣ новаго главу въ смѣломъ графѣ д'Арманьякѣ, съ которымъ заодно были самъ дофинъ и почти взрослый уже сынъ убитаго герцога. Цѣлію ихъ было отомстить Бургундцамъ и совершенно искоренить свободный духъ городовъ, въ которыхъ

[1] Такъ назывался союзъ, составленный гражданами Гента, которыми руководилъ теперь сынъ знаменитаго Якова Артевельде, Филиппъ. Гентское гражданство находилось все это время въ постоянныхъ сношеніяхъ съ городскими общинами Франціи и Англіи и служило имъ образцомъ въ мужественномъ отстаиваніи не однѣхъ городскихъ вольностей, но и самыхъ широкихъ политическихъ правъ. За полгода до рѣшительнаго Росбекскаго дѣла, Филиппъ Артевельдъ разбилъ на голову графа Фландрскаго подъ Брюгге, покорилъ себѣ всѣ города того края, принялъ титулъ регента, подражалъ въ роскоши и во всѣхъ пріемахъ знатнымъ господамъ и управлялъ съ неуклонной твердостью, часто доходившей до тиранніи. Въ кровопролитной битвѣ при Росбекѣ онъ палъ смертью храбраго вмѣстѣ съ 26,000 Фламандцевъ.

[2] Внутренняя городская крѣпость.

ихъ противники находили главную свою опору. Попеременныя побѣды и пораженія выносили на верхъ то ту, то другую партію. Герцогъ Бургундскій, сдѣлавшійся теперь и фландрскимъ графомъ [1], возвратилъ столицѣ Франціи муниципальныя права и дозволилъ вооруженіе гражданской милиціи. Подъ покровительствомъ Бургундцевъ снова появилась заимствованная изъ Фландріи бѣлая шапка, которая еще въ 1357 г. служила символомъ возстанія, а съ 1382 была сильно гонима. Выступилъ на сцену и краснорѣчивый защитникъ «тираннобійства»: тезисы Жана Пёти [2] (Jean Petit) перенесли ядъ политическихъ крамолъ даже въ тихій кругъ науки, и за герцога Бургундскаго раздались теперь самые громкіе голоса.

ж) ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ВОЙНЫ ПРИ ГЕНРИХѢ V АНГЛІЙСКОМЪ. ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА.

§ 380 Этими обстоятельствами воспользовался для возобновленія войны съ Франціей рацарственный король Англійскій Генрихъ V, котораго юношескую рьяность и легкомысліе, благородство души и геройское величіе, такъ мастерски изобразилъ славный британскій поэтъ Шекспиръ (§ 558). Онъ потребовалъ возвращенія завоеванныхъ прежде областей, а получивъ отказъ, вступилъ черезъ Калэ во Францію и повторилъ при Азенкурѣ (1415) несчастные для нея дни Креси и Пуатье. Вчетверо сильнѣйшее войско Французовъ было разбито, цвѣтъ ихъ рыцарства или погибъ въ сраженіи, или попалъ въ руки враговъ; побѣдителю открыта была дорога въ Парижъ, гдѣ именно тогда распри партій достигли высшей степени ожесточенія. Бургундцы, съ которыми королева Изабелла (супруга помѣшаннаго Карла VI) была заодно, подняли народное возстаніе, въ которомъ графъ Арманьякъ и главы его партіи

[1] Именемъ жены наслѣдовалъ онъ графства Фландрію, д'Артуа и проч.

[2] Жанъ Пети, францисканецъ и докторъ богословскаго факультета въ Парижѣ, публично защищалъ, по порученію герцога Бургундскаго, убійство, совершенное надъ герцогомъ Орлеанскимъ, какъ тираномъ, и доказывалъ, что виновникъ этого убійства заслуживаетъ не кары, а награды. Это чудовищное ученіе не осталось впрочемъ безъ громоваго отвѣта, а по смерти его автора (1413), разумѣется покровительствуемаго Бургундцами, оно было признано за ересь парижскимъ епископомъ, проклято на Констанцскомъ соборѣ и осуждено парламентомъ и университетомъ.

были перебиты, а чернь предалась самымъ дикимъ буйствамъ и злодѣяніямъ. Народъ любовался на связанные вмѣстѣ трупы властителей, которымъ онъ дотолѣ долженъ былъ повиноваться. Но за то и Іоаннъ Бургундскій, при съѣздѣ съ дофиномъ въ Монтерò, былъ внезапно схваченъ друзьями убитаго графа и сброшенъ съ моста въ Іонну, гдѣ и утонулъ (1419). Это побудило сына его, Филиппа Добраго, й королеву Изабеллу примкнуть къ Англійскому королю Генриху V (1420), признать его съ потомствомъ наслѣдниками Франціи и, опредѣленіемъ парламента, отнять у дофина право престолонаслѣдія. Съ помощію Бургундцевъ, Генрихъ V вскорѣ овладѣлъ всѣмъ краемъ на сѣверъ отъ Луары, а дофинъ оставался между тѣмъ праздно въ Турѣ, не предпринимая ничего. Народъ съ радостью привѣтствовалъ чужеземнаго властителя, ожидая отъ него свободы, и безъ ропота подчинялся даже всѣмъ денежнымъ поборамъ; о политической самостоятельности никто уже и не помышлялъ. Но среди геройскаго поприща, Генриха V постигла ранняя кончина (1422) въ тотъ же самый годъ, когда разстроенный умомъ Карлъ VI сошелъ въ могилу. Дофинъ принялъ титулъ короля подъ именемъ Карла VII (1422—1461), а Англичане и ихъ сторонники провозгласили законнымъ обладателемъ Франціи своего новаго короля, едва годовалаго младенца Генриха VI; подъ предводительствомъ дяди и опекуна его, храбраго Бедфорда, они такъ успѣшно продолжали войну, что осадили уже Орлеанъ, и Карлъ VII готовился перенести дворъ свой въ Дофинѐ, какъ послѣднее убѣжище. Тогда-то павшій духъ короля и его воиновъ былъ внезапно пробужденъ явленіемъ дѣвы орлеанской Іоанны д'Аркъ (1429); эта юная поселянка изъ Домреми въ Лотарингіи выступила призванницею свыше для спасенія Франціи. Ссылаясь на бывшее ей видѣніе, одѣлась она въ стальной панцырь и съ шлемомъ на головѣ, со щитомъ, украшеннымъ ликомъ Святой Дѣвы, въ рукѣ, шествовала передъ войскомъ и своими боговдохновенными рѣчами пробуждала «вѣру въ королевское могущество» между расшатанными массами. Подъ ея увлекающимъ водительствомъ освобожденъ былъ Орлеанъ, Карлъ сквозь цѣлый рядъ непріязненныхъ городовъ благополучно проведенъ въ Реймсъ для вѣнчанія на царство, и бòльшая

часть завоеваній быстро отнята у Англичанъ. Вѣра въ высшее ея призваніе внушила столько же мужества и самоувѣренности Французамъ, сколько страха и недоумѣнія ихъ врагамъ. Это вліяніе сохранилось даже и тогда, когда она попала въ руки Англичанъ, была осуждена французскою инквизиціей, какъ богохульница, и сожжена англійскимъ начальствомъ въ Руанѣ [1]. Ея вдохновеніе, патріотизмъ и самоотверженность возбудили тѣ же чувства во французскихъ войскахъ и породили у нихъ новую энергію и мужество; отъ этого побѣда была съ тѣхъ поръ всегда на ихъ сторонѣ, особенно подъ начальствомъ храбраго Дюнуа, побочнаго сына герцога Орлеанскаго, и Англичане теряли область за областью. Снова воскресло то благоговѣйное почитаніе, съ какимъ искони смотрѣли во Франціи на пома-

[1] Раннею весной 1430 г. Іоанна, съ ополченіемъ изъ грубыхъ, непривычныхъ и не довѣрявшихъ ей воиновъ, при которомъ не было ни короля, ни другаго высшаго начальства, пустилась на помощь сѣверному краю. Противъ нея выступилъ герцогъ Бургундскій и осадилъ главный въ тѣхъ мѣстахъ городъ Французовъ, Компіэнь. Іоанна поспѣшила туда съ отрядомъ и въ самый день своего прибытія сдѣлала вылазку; послѣ подвиговъ дивной храбрости нападеніе ея было отбито, солдаты бросились бѣжать и столпились на подгородномъ мосту, а она, все еще мужественно сражаясь, прикрывала ихъ отступленіе, но когда сама хотѣла уйдти въ городъ, рогатки были уже сдвинуты, и воины сира де-Люксамбура взяли ее въ плѣнъ (24 мая 1430). Люксамбуру отнюдь не хотѣлось отдать героиню Англичанамъ, но по феодальному обычаю, Бедфордъ, именемъ короля, имѣлъ право выкупить даже самаго знатнаго плѣнника за 10,000 ливровъ. Карлъ VII могъ бы сдѣлать то же самое, однакоже не сдѣлалъ. Послѣ полугодоваго заключенія Люксамбуръ продалъ Іоанну Англичанамъ, а тѣ передали ее своему жестокому приверженцу Кошону, епископу города Бовэ. Она была заточена въ руанской башнѣ, посажена въ желѣзную клѣтку и подвергнута всякимъ истязаніямъ и даже безстыднымъ посягательствамъ на ея честь. Инквизиціонный судъ, состоявшій изъ 50 членовъ подъ предсѣдательствомъ епископа и инквизиторскаго викарія, томилъ ее безконечными и запутанными допросами до тѣхъ поръ, что она наконецъ согласилась не отстаивать бывшихъ ей видѣній; но этого было мало для преданія ее казни. Безграмотной поселянкѣ подсунули къ подписи бумагу, въ которой она признавала себя сретичкою, колдуньею и непотребною. Судъ приговорилъ ее за это къ вѣчному заточенію на хлѣбѣ и на водѣ. Но Англичане были недовольны такимъ рѣшеніемъ; подсмотрѣвъ, что для лучшаго укрытія себя отъ насилій, она опять надѣла мужское платье, которое судъ принудилъ ее снять, они представили ее епископу, какъ нарушительницу судебнаго приговора, и тотъ отдалъ ее въ руки свѣтской власти на сожженіе. Услышавъ это, несчастная залилась слезами и призывала Бога въ свидѣтели тому, какъ жестоко съ ней поступаютъ; 30 мая англійскіе солдаты сожгли ее на кострѣ, но даже и изъ нихъ многіе были тронуты спокойствіемъ, кротостью и благочестіемъ ея кончины. Смерть эта крайне повредила дѣлу Англичанъ.

заннка Божія, короля. Черезъ четыре года по смерти Іоанны, Филиппъ Добрый (Бургундскій) заключилъ съ королемъ миръ, и непріятель лишился въ немъ важнѣйшаго союзника; въ слѣдующемъ же году Парижъ отворилъ ворота Карлу VII, явившемуся не съ казнью, а съ прощеніемъ, и привѣтствовалъ его радостнымъ торжествомъ. Вскорѣ всѣ владѣнія Англичанъ на французской почвѣ ограничились опять однимъ Калэ. Смерть ихъ лучшихъ полководцевъ и возрастающая крамола въ самой Англіи, скоро перешедшая въ открытую войну, препятствовали имъ помышлять о возвращеніи потеряннаго. Такимъ образомъ около половины пятнадцатаго вѣка прекратилась эта слишкомъ столѣтняя война, собственно безъ заключенія мира. Но опустошенныя земли, обезлюденные города и непримиримая международная ненависть были плодомъ этого кроваваго посѣва. Изъ части бродившихъ теперь безъ куска хлѣба наемныхъ солдатъ, съ согласія земскихъ чиновъ [1], учреждено было первое постоянное войско и для содержанія его введенъ новый постоянный налогъ; другая часть этихъ наемниковъ пала подъ ударами храбрыхъ Швейцарцевъ (§ 360). Учрежденіе новой военной силы, зависящей исключительно отъ воли короля и состоящей на опредѣленномъ жалованьи, въ то самое время какъ огнестрѣльное оружіе, впервые примѣненное къ дѣлу въ англо-французскихъ войнахъ, повело средневѣковое воеустройство къ постепенному упадку,— это небывалое учрежденіе рѣшительно содѣйствовало къ возвышенію королевской власти. Поднятый чувствомъ своей побѣды надъ чужеземцами и внутренними врагами, Карлъ VII принялъ мѣры для того, чтобы поставить галликанскую церковь въ бо̀льшую независимость отъ Рима [2], а главное завѣдываніе правосудіемъ снова сосредоточить въ

---

[1] Чины сами предложили королю эту мѣру, какъ единственный исходъ изъ того ужаснаго положенія, въ какое приводили Францію сбродныя ватаги наемниковъ, свои и чужія.

[2] Онъ созвалъ французское духовенство на соборъ въ Буржѣ (1438) и предложилъ ему принять постановленія Базельскаго собора, благопріятныя для національныхъ церквей и огражденія королевской власти. Соборъ согласился на это съ нѣкоторыми только отступленіями, и изданная королемъ прагматическая санкція узаконила важнѣйшія изъ допущенныхъ въ Базелѣ ограниченій папскаго главенства.

рукахъ очищеннаго и преобразованнаго имъ парижскаго парламента (какъ высшаго изъ обыкновенныхъ судилищъ). Благодаря счастію и умѣнью кротко пользоваться побѣдой, Карлъ VII доставилъ коронѣ французской новый вѣсъ и болѣе надежныя опоры.

Карлъ VII возвелъ дѣву орлеанскую, подъ именемъ Жанны д'Аркъ, въ дворянское достоинство со всѣмъ ея родомъ. На мѣстѣ казни сооруженъ ей памятникъ.—Спустя сто лѣтъ, когда въ Британіи царствовала королева Марія, Калэ перешелъ отъ Англичанъ къ Французамъ; въ рукахъ первыхъ остались и остаются до сихъ поръ одни только Норманскіе острова—Гернсей, Джерсей, Ольдерней (Ориньи).

§ 381. За добродушнымъ, слабымъ, водимымъ женщинами (Агнеса Сорель) и любимцами Карломъ VII, слѣдовалъ Людовикъ XI (1461—1483), коварный, но умный политикъ, успѣвшій хитростью, насиліемъ и неслыханною тиранніей совершенно преобразовать государство. Онъ сломилъ могущество коронныхъ васалловъ и постепенно присоединилъ къ своимъ владѣніямъ всѣ большіе лэны на югѣ и западѣ, за исключеніемъ Наварры и Бретани; онъ заключилъ съ Швейцарцами договоръ (1474), по которому за значительную денежную плату всегда могъ разсчитывать на вспомогательныя ихъ войска и искусно заманивалъ гельветскихъ наемниковъ къ себѣ на жалованье; при содѣйствіи этой новой силы онъ низложилъ Карла Смѣлаго и овладѣлъ герцогствомъ Бургундскимъ (§ 398); обходя права земскихъ чиновъ, онъ произвольно налагалъ новыя подати или возвышалъ существующія; при этомъ онъ поощрялъ развитіе областныхъ чиновъ (мѣстнаго представительства), которые не могли стѣснять его полновластія въ политическихъ дѣлахъ, а между тѣмъ способны были поселить довѣріе и довольство въ новопокоренныхъ областяхъ; онъ уничтожилъ судебную власть дворянъ учрежденіемъ новыхъ парламентовъ (королевскихъ судилищъ) и благопріятствовалъ городамъ и гражданскимъ учрежденіямъ насчетъ вельможъ, къ которымъ питалъ непримиримую ненависть [1]. — Боязнь людей и угрызенія совѣсти за безпощадную

[1] Будучи дофиномъ, онъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ возстаніи высшаго дворянства противъ военныхъ преобразованій Карла VII (1440), извѣстномъ подъ

жестокость и вѣроломную политику мучили его въ уединенномъ замкѣ (Плеси), гдѣ онъ провелъ послѣдніе годы своей бурной жизни. Онъ былъ совершенно чуждъ нравственной высоты и сдѣлалъ свое государство великимъ, не имѣя самъ ни тѣни личнаго величія. Чрезъ супружество Анны Бретанской съ обоими преемниками Людовика, Карломъ VIII (1483—98) и потомъ Людовикомъ XII (1498—1515), и это герцогство было соединено съ французскими коронными землями. Но начатые обоими этими королями походы для покоренія верхней и нижней Италіи (§ 385. 391) не доставили Франціи никакихъ существенныхъ пользъ. Италія сдѣлалась могилою для Французовъ, точно такъ же какъ прежде была могилою для ополченій Германіи. За то, при народолюбивомъ, привѣтливомъ и правосудномъ королѣ Людовикѣ XII окрѣпли во Франціи гражданская свобода, государственный порядокъ и чувство права вообще.—На событія этого времени проливаютъ яркій свѣтъ Записки Филиппа де-Комина (1445—1509): это былъ французскій дворянинъ, снискавшій себѣ справедливую славу умнаго государственнаго человѣка и сторонника извѣстной системы въ политикѣ.

3) войны бѣлой и красной розы въ англіи.

§ 382. Беззаконіе, которымъ домъ Ланкастеровъ достигъ англійскаго трона, принесло свои плоды въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи. Ричардъ, герцогъ Іоркскій, правнукъ короля Эдуарда III, полагалъ имѣть ближайшія притязанія на корону, нежели Генрихъ VI [1]. Составивъ себѣ сильную партію, онъ поднялъ знамя бунта и началъ страшную

именемъ praguerie (отъ памятныхъ тогда гуситскихъ волненій въ Прагѣ), а потомъ, когда отецъ далъ ему въ управленіе Дофинѣ, онъ противился его волѣ и открылъ у себя пристанище всѣмъ недовольнымъ и мятежникамъ. Карлъ наконецъ послалъ противъ непокорнаго сына войско (1457), но Людовикъ лучше захотѣлъ бѣжать къ герцогу Бургундскому, нежели повиноваться отцу. Говорятъ, что это упорное ослушаніе ускорило смерть Карла VII.

[1] Герцогъ Іоркскій, впрочемъ только по женской линіи, происходилъ отъ графа Марча, устраненнаго Генрихомъ IV (§ 378). Онъ, конечно, не имѣлъ бы успѣха, еслибъ король Генрихъ VI не былъ слабоумнымъ игралищемъ своей жены, Маргариты Анжуйской, и происковъ крамольной знати.

междоусобную войну, которая по девизамъ вождей сопротивныхъ партій прозвана войною красной (Ланкастерской) и бѣлой (Іоркской) розъ. Хотя Ричардъ и палъ въ жаркомъ сраженіи противъ войскъ мужественной королевы (1460), которая велѣла выставить на стѣнахъ Іорка его голову, увѣнчанную бумажною короной, и умертвить храбраго его сына Ротланда; но старшій сынъ Ричардовъ, рыцарственный Эдуардъ, отомстилъ за позоръ своего родителя. Съ помощью могущественнаго графа Варвика онъ побѣдилъ королеву въ двухъ битвахъ, посадилъ слабаго Генриха VI въ заключеніе, а самъ овладѣлъ престоломъ. Но когда храбрый король Эдуардъ IV (1461—83) началъ оказывать чрезмѣрное предпочтеніе роднѣ многолюбимой жены своей Елисаветы и тѣмъ пріумножилъ число своихъ враговъ, тогда по прошествіи нѣкотораго времени имъ удалось съ помощію раздраженнаго королемъ графа Варвика [1] (прозваннаго «короледѣломъ», kingsmaker) опять свергнуть его съ престола (1470) и принудить къ бѣгству въ Голландію. Однако въ слѣдующемъ же году онъ воротился изъ Нидерландовъ (съ бургундскою помощью), призвалъ подъ свое знамя сторонниковъ бѣлой розы и сначала разбилъ Варвика (который погибъ въ сраженіи вмѣстѣ съ своимъ братомъ), а потомъ одержалъ побѣду въ кровопролитной битвѣ при Тьюксбери (1471), гдѣ сынъ Генриха VI былъ убитъ и легло или попало въ плѣнъ почти все передовое дворянство. Эдуардъ IV снова торжественно вступилъ въ свою столицу; несчастный Генрихъ VI, который четыре раза переходилъ съ трона въ заключеніе, былъ насильственно умерщвленъ въ Тауэрѣ [2], а пылкая жена его (послѣ пятилѣтняго плѣна) отпущена была за выкупъ во Францію. Но окровавленная корона и Іоркскому дому не принесла добра.

---

[1] Варвикъ, которому такъ много былъ обязанъ Эдуардъ, не могъ видѣть равнодушно возрастающаго преобладанія Елисаветы и ея родственниковъ и особенно оскорбился тѣмъ, что король, поручивъ ему переговоры о бракѣ сестры своей съ однимъ изъ французскихъ принцевъ, выдалъ ее за герцога Бургундскаго.

[2] Тауэромъ (Tower) называется внутреннее укрѣпленіе города Лондона, родъ кремля, гдѣ до Генриха VIII жили англійскіе государи. Тутъ были особыя палаты для жилья и для храненія коронныхъ драгоцѣнностей, башня для государственныхъ узниковъ и т. д.

Братъ Эдуарда, герцогъ Кларенсскій, давно уже возбуждавшій подозрѣнія его тѣмъ, что держалъ сторону тестя своего, Варвика, былъ наконецъ убитъ по приказанію недовѣрчиваго короля, а когда самъ онъ умеръ (1483), оставивъ по себѣ двухъ малолѣтныхъ принцевъ, то меньшой его братъ Ричардъ III (1483—85) велѣлъ задушить ихъ въ Тауэрѣ и овладѣлъ тро-номъ, но напрасно чаялъ удержаться на немъ новыми злодѣйствами. Генрихъ Тюдоръ, побочная отрасль Ланкастерскаго дома, спасшійся бѣгствомъ во Францію отъ общей гибели своего рода, высадился съ помощью Французовъ на берегъ Англіи и, поддержанный сторонниками красной розы, выигралъ въ битвѣ при Босвортѣ (1485) и побѣду и престолъ. Ричардъ III палъ, храбро сражаясь въ пылу боя. Вслѣдъ за тѣмъ Генрихъ VII (1485—1509), въ лицѣ котораго вступилъ на тронъ домъ Тюдоровъ, примирилъ обѣ розы, соединясь съ дочерью Эдуарда IV. Въ его царствованіе два самозванца (Симнель и Перкинъ Варбекъ), выдававшіе себя за потомкомъ Іоркской фамиліи и привлекшіе на свою сторону значительныя толпы, попытались еще разъ возобновить кровавыя междоусобія [1]; но счастье благопріятствовало оружію Тюдора: оба измѣнника попали въ его руки и поплатились жизнью за дерзкое предпріятіе.—Едва ли въ исторіи всего міра найдется война, исполненная такихъ ужасныхъ злодѣйствъ, какъ борьба на жизнь и смерть между бѣлою и красною розами. Въ ней погибло восемьдесятъ членовъ королевской фамиліи и палъ жертвою меча лучшій цвѣтъ всего дворянства. Вотъ почему умный, жестокосердый и корыстолюбивый Генрихъ VII могъ придать коронѣ гораздо болѣе силы, нежели она имѣла при Плантагенетахъ [2]. Ревниво

[1] Ближайшимъ наслѣдникомъ, былъ, конечно, Эдуаръ Плантагенетъ, котораго по умерщвленіи отца его, герцога Кларенсскаго, Эдуардъ IV приблизилъ къ своему двору и пожаловалъ графомъ Варвикскимъ. Ричардъ III сначала также благоволилъ къ нему, но потомъ опасаясь соперничества этого отрока, заточилъ его въ одномъ іоркширскомъ замкѣ. Генрихъ VII, при самомъ восшествіи на престолъ, перевелъ Эдуарда для большей сохранности въ Тауэръ, эту привилегированную бойню англійскихъ принцевъ, принцессъ и королевъ. Самозванцы Симнель и потомъ Варбекъ оба являлись подъ его именемъ. Послѣдній заключенъ былъ въ Тауэръ вмѣстѣ съ Эдуардомъ, и когда они сговорились убѣжать, ихъ обоихъ предали суду и смертной казни.

[2] Парламентъ, утратившій во время междоусобій свое, преимущественно аристократическое значеніе сталъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Генриха VII.

заботился онъ о томъ, чтобы всѣми признаны были въ полной законной силѣ сомнительныя права Ланкастерскаго дома на престолъ. Достигнувъ этой цѣли, онъ съ большою осмотрительностью и умомъ занялся исцѣленіемъ язвъ, насенныхъ войною; поощряя торговлю и промышленность, путешествія для открытій [1] и переселенія въ Новый Свѣтъ, онъ старался поднять среднее сословіе, возбудить производительность и положить прочныя основы благосостоянію народа.

§ 382 б. Шотландія при Стуартахъ. Во время грозныхъ бурь, постигшихъ Англію, въ суровой, туманной Шотландіи безспльный феодальный тронъ находился въ рукахъ Стуартовъ [2]. Но дворянство, владѣя множествомъ населенныхъ земель и привычное къ боевымъ и охотничьимъ занятіямъ и потѣхамъ, пріобрѣло себѣ почти полную независимость и нашло подражателей своему примѣру въ духовенствѣ, котораго знатнѣйшіе члены принадлежали къ аристократическимъ домамъ. При малочисленности и маловажности городовъ, здѣсь не могло, какъ въ другихъ земляхъ, выработаться свободное среднее сословіе и подкрѣплять законодательный вѣсъ короля въ парламентахъ, а потому право и законъ были совершенно въ рукахъ землевладѣльческой знати, и народъ, состоявшій бо́льшею честію изъ пастуховъ и поселянъ, не зналъ себѣ другаго суда, кромѣ господскаго. Такимъ образомъ королевская власть въ Шотландіи ограничивалась только главнымъ предводительствомъ въ войнѣ; судебное ея значеніе простиралось только на непосредственныя владѣнія короны; на верховно-лэнныя права короля строптивые вельможи обращали мало вниманія, зависимость знатныхъ васалловъ слабѣла со дня на день, и даже коронныя имущества подвергались противозаконнымъ захватамъ. Кланное (родовое) устройство, сообщая землевладѣльцу патріархальную власть надъ всѣми членами клана и ставя къ нему всѣхъ мѣстныхъ обывателей,—кортомщиковъ, крѣпостныхъ и обя-

[1] Онъ между прочимъ содѣйствовалъ экспедиціи служившаго въ Англіи Венеціанца Кабота, которая впервые достигла американскаго материка (1496).

[2] Этотъ домъ пріобрѣлъ право на престолъ супружествомъ своего главы съ дочерью короля Роберта I Брюса. Плодъ этого брака воцарился въ 1370 г. подъ именемъ Роберта II.

занныхъ,—въ отношеніе кліэнтовъ или подзащитныхъ, много содѣйствовало къ возвышенію могущества дворянъ, которые, состоя и безъ того въ близкихъ связяхъ по родству и взаимнымъ бракамъ, часто еще заключали между собой ратные союзы, съ единственною цѣлію противиться и посмѣваться королю. Владѣтельный домъ Стуартовъ могъ указать въ средѣ своей не одного энергическаго и дѣятельнаго государя, но злая судьба по большей части рано сводила ихъ во гробъ, а за тѣмъ наступали царствованія малолѣтныхъ и регентства, во время которыхъ расточались коронныя имущества и верховныя права, подсудность королю сводилась въ самые тѣсные предѣлы и значеніе его слабѣло болѣе и болѣе. Исторія государей Стуартскаго дома не представляетъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ почти ничего, кромѣ, разнообразныхъ попытокъ съ ихъ стороны, возвратить себѣ утраченныя права и коронныя имущества, отстоять свою власть противъ хищной и междоусобствующей знати и сдерживать узами порядка безурядицу рыцарской анархіи. Во всемірной исторіи не найдется другаго царственнаго дома, на которомъ желѣзная рука неотразимой судьбы лежала бы такимъ тяжкимъ бременемъ, какъ надъ злополучными потомками Банко [1]. Жребій родоначальника, изображенный съ такою потрясающею силой великимъ поэтомъ Британіи, достался въ наслѣдіе его роду, которому какъ будто свыше было суждено сдѣлаться предметомъ величавой трагедіи. Гнѣвный Макбетъ видѣлъ корону на головѣ потомковъ убитаго товарища, но онъ не видалъ кровавыхъ ранъ, отъ которыхъ пала въ цвѣтѣ лѣтъ бо́льшая часть этихъ несчастныхъ, онъ не видалъ скорби сокрушеннаго сердца, которая свела въ могилу остальныхъ.

Робертъ III (1390—1406), второй король изъ фамиліи Стуартовъ, имѣлъ двоихъ сыновей, изъ которыхъ старшій, по милости коварнаго дяди, погибъ страшною, голодною смертью, а младшій Іаковъ томился осемнадцать лѣтъ въ плѣну у Англичанъ [2], что́ окон-

[1] Происхожденіе Стуартовъ возводятъ къ Банко, тану Локабера, вѣроломно убитому Макбетомъ. Одинъ изъ его потомковъ Вальтеръ сдѣлался въ концѣ 11 вѣка сенешалломъ (первымъ царедворцемъ) при королѣ Малкольмѣ III, а правнукъ его Вальтеръ IV, женясь на дочери короля Роберта I, сталъ отцомъ Роберта II.

[2] Робертъ III, чтобы унять буйство старшаго своего сына Давида, посадилъ его въ заключеніе, но когда юноша, по происканъ дяди своего, Роберта Альбани, былъ пре-

чательно сокрушило осиротѣлаго Роберта. Когда, послѣ бурнаго междуцарствія, Іаковъ I (1406 — 1437) вступилъ наконецъ на шотландскій престолъ, и старался по англійскому образцу смягчить господствующее вокругъ него варварство, поощреніемъ промышленности, учрежденіемъ университета въ Сентъ-Андрусѣ [1], законами для водворенія между знати и духовенства болѣе нравственныхъ отношеній,—противъ него составился заговоръ, и онъ былъ звѣрски умерщвленъ вельможами (1437) въ Пертскомъ картузіанскомъ монастырѣ, куда удалился отъ ихъ преслѣдованій. Отважный сынъ его Іаковъ II (1437—60) еще въ малолѣтствѣ выдержалъ съ могущественнымъ домомъ Дугласовъ жестокую борьбу, отъ исхода которой зависѣло повидимому обладаніе престоломъ; и едва успѣлъ онъ привести ее къ желанному концу и обратить свою дѣятельность на ослабленіе дворянства, смягченіе нравовъ полудикой страны и расширеніе силы королевскихъ судилищъ, какъ несчастный походъ въ Англію положилъ ему насильственный конецъ на 30 году жизни, и правленіе перешло въ руки семилѣтняго его сына и наслѣдника (1460). Іаковъ III (1460—88) былъ одаренъ большими способностями, и когда достигъ совершеннолѣтія, то держался въ отношеніи къ знати той же политики, какой слѣдовали его предки, но употреблялъ при этомъ другіе способы. Не находя удовольствія въ рыцарскихъ подвигахъ, не увлекаясь ни охотой, ни войной, онъ избѣгалъ всѣхъ сношеній съ полудикой знатью, предоставилъ бо́льшую часть государственныхъ дѣлъ духовенству и оказывалъ расположеніе и милость лицамъ низшаго званія, раздѣлявшимъ страсть его къ астрологіи, музыкѣ и архитектурѣ, а въ то же время и льстившимъ его слабостямъ. Онъ повидимому стремился къ тому, чтобы поощреніемъ искусства и промышленности противодѣйствовать суровымъ нравамъ дворянства, подрывать его феодальную власть и, по примѣру Людовику XI и другихъ европейскихъ государей той эпохи, учре-

---

данъ голодной смерти, отецъ, спѣша укрыть отъ злодѣя втораго сына, Іакова, отправилъ его моремъ во Францію; на пути царственный отрокъ попалъ въ руки Англичанъ. Король умеръ съ горя при этой вѣсти, а Робертъ Альбани тотчасъ же воспользовался случаемъ захватить правленіе въ свои руки. По волѣ Генриха IV Іаковъ получилъ въ Англіи отличное воспитаніе, а когда умеръ Генрихъ V, то регентъ Бедфордъ возвратилъ ему и свободу. Шотландіею управлялъ тогда уже Мардокъ, сынъ Роберта Альбани. Іаковъ, еще въ Англіи, женился на дочери герцогини Кларенсской, Жаннѣ Бофоръ.

[1] Приморскій городъ, въ 60 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Эдинбурга.

дить неограниченную монархію. Но средства его были такъ недостаточны, избранный имъ путь среди окружавшей обстановки такъ превратенъ, и сопротивленіе ему до того сильно, что своими мѣрами онъ только раздражилъ аристократію, ни мало ея не ослабивъ. Поэтому, когда онъ двинулся однажды съ войскомъ къ границѣ, чтобы помѣшать вторженію Англичанъ, въ станѣ при р. Лодерѣ ворвались въ его палатку нѣсколько дворянъ, оскорбленныхъ его пренебреженіемъ, перехватали всѣхъ его любимцевъ, кромѣ одного Рамсея, укрывшагося въ объятіяхъ короля, и повѣсили ихъ у лодерскаго моста. Черезъ нѣсколько времени Іаковъ хотѣлъ отмстить за ихъ смерть и выступилъ съ своими вѣрными слугами противъ мятежниковъ, но при рѣчкѣ Баннокбёрнѣ, которая такъ часто обагрялась шотландскою кровью, войска его были разбиты закаленными въ бояхъ дружинами противниковъ. Король былъ вынужденъ бѣжать. При переправѣ черезъ рѣку, лошадь подъ нимъ упала; неузнаннаго отвели его на сосѣднюю мельницу, и тамъ онъ былъ убитъ непріятельскимъ солдатомъ. Сынъ его Іаковъ IV (1488—1513) былъ совсѣмъ противоположнаго характера; рыцарски-откровенный, нашелъ онъ къ себѣ гораздо болѣе сочувствія въ средѣ дворянства. Война его съ Англійскимъ королемъ Генрихомъ VII привела къ союзу, вслѣдствіе котораго Іаковъ въ 1503 г. женился на дочери этого государя, Маргаритѣ. Тогда настала для Шотландіи многолѣтняя пора спокойствія, отдыха и отрады. При дворѣ рыцарственнаго и щедраго короля праздники и игры смѣнялись одни другими; дворская обстановка сдѣлалась великолѣпнѣе, прекрасныя зданія выросли въ столицѣ; въ водахъ Форта [1] появился новый флотъ, и дворянство съ любовью окружило государя, который самъ обращался къ нему довѣрчиво и вообще раздѣлялъ его образъ мыслей и его чувства. Но когда въ Англіи воцарился Генрихъ VIII, шуринъ Іакова, и духъ рыцарства, охватившій на своемъ исходѣ въ началѣ 16 вѣка многихъ государей, породилъ цѣлый рядъ международныхъ войнъ, Іаковъ IV, жаждя вмѣстѣ съ своей знатью случая возвысить ратную славу Шотландцевъ и еще разъ доказать ихъ часто испытанную храбрость, возобновилъ старинный союзъ съ Франціей, существовавшій со времени великихъ войнъ за наслѣдіе французской короны, и двинулся въ Нортомберландъ. Но тутъ, у холма Флод-

[1] Главной шотландской рѣки, впадающей въ Нѣмецкое море обширною губою.

дена, на южномъ скатѣ Чивіотскихъ горъ, онъ былъ разбитъ графомъ Сорреемъ, и десять тысячъ Шотландцевъ, въ томъ числѣ главы знатнѣйшихъ фамилій, усѣяли поле своими трупами. Самъ король исчезъ, и тѣло его нашли только на другой день подъ грудой убитыхъ вокругъ него рыцарей, не захотѣвшихъ пережить смерть любимаго государя. При малолѣтномъ сынѣ его, Іаковѣ V (1513—42), Шотландія терзалась неистовствомъ религіозныхъ и политическихъ партій, и разнузданныя страсти снова повергли этотъ край въ страшную одичалость и беззаконіе.

2. Италія.

А) ВЕРХНЯЯ ИТАЛІЯ.

§ 383. Венеція. Въ верхней Италіи, въ средніе вѣка, особенно въ эпоху крестовыхъ походовъ, двѣ республики—Венеція и Генуа—торговлею и мореходствомъ достигли такого процвѣтанія, которое напоминаетъ лучшія времена древней Греціи. Первая направила свою дѣятельность на Адріатическое и Эгейское моря и сначала совершала завоеванія только на островахъ (Кандіи, Кипрѣ и друг.) и по морскимъ побережьямъ, съ цѣлью пріобрѣсти удобныя складочныя мѣста, пристани и амбары, напр. въ Далмаціи и Греціи, въ Архипелагѣ, Константинополѣ (§ 323) и другихъ мѣстахъ. Торговля съ Левантомъ доставила богатство и могущество замѣчательному городу, возникшему (§ 243) на группѣ острововъ, соединенныхъ между собою мостами и искусственными набережными. Великолѣпные храмы (соборъ св. Марка), пышные дворцы (дворецъ дожей), прекрасныя площади (площадь св. Марка) и смѣлыя водныя сооруженія (мостъ Ріальто) дѣлали Венецію чудомъ свѣта. Но пышность, богатства и наслажденія не могли замѣнить недостатка свободы. Устройство, первоначально демократическое, перешло въ 13 и 14 столѣтіяхъ въ наслѣдственно-аристократическое, а подъ конецъ изъ него выработалась притѣснительная олигархія. Во главѣ государства былъ выборный дожъ, съ весьма ограниченною властью; подлѣ него стояли шестеро совѣтниковъ изъ разныхъ благородныхъ фамилій,

которые, вмѣстѣ съ нимъ, составляли синьіорію (правительственный совѣтъ) и завѣдывали текущими государственными дѣлами; высшимъ судебномъ мѣстомъ былъ совѣтъ сорока (кварантія); но вся власть сосредоточивалась въ большомъ совѣтѣ, куда допускалось лишь извѣстное число знатныхъ фамилій (nobili), которыхъ имена были внесены въ золотую книгу[1]. Въ предотвращеніе всякой перемѣны въ государственномъ устройствѣ, былъ учрежденъ комитетъ изъ десяти членовъ съ диктаторскою властью, которымъ приданы государственная полиція съ шпіонами и доносчиками и государственная инквизиція съ подземными темницами, орудіями пытки и свинцовыми камерами. Въ Венеціи слѣдили за каждымъ шагомъ, подслушивали каждое слово, наблюдали за каждымъ движеніемъ народа. Попытка дожа Марино Фаліери (1355) низвергнуть гордую аристократію чрезъ заговоръ съ нѣсколькими смѣльчаками изъ низшаго класса, окончилась его собственнымъ паденіемъ и насильственною смертью подъ сѣкирой палача.—По возстановленіи византійскаго престола Михаиломъ Палеологомъ (§ 324) при содѣйствіи Генуи (1261), Венеція, ревностно способствовавшая основанію франкскаго государства въ Константинополѣ, утратила часть своей левантской торговли, перешедшую къ ея соперницѣ. Трудная борьба, которая возгорѣлась съ тѣхъ поръ между этими республиками за исключительное обладаніе торговлею на Греческомъ и Черномъ морѣ, была гибельна для обѣихъ. Съ этого времени Венеція старалась расширить свои владѣнія въ итальянской части материка и, при помощи искусныхъ кондотьеровъ, достигла въ 14 и 15 столѣтіяхъ господства надъ Вероною, Падуей, Брешіей и многими другими городами и областями верхней Италіи, но тѣмъ самымъ была вовлечена въ политику европейскихъ государей и державъ, что̀ нерѣдко ставило ее въ весьма опасное положеніе. Миланскіе Висконти, веронскіе ла-Скала, властелины Каррары и мн. друг. оказывали сильное сопротивленіе Венеціанцамъ.

[1] Учрежденіемъ этой книги въ 1315 г. завершилось зданіе венеціанскаго аристократизма. Въ нее внесены были имена всѣхъ достигшихъ 25 лѣтъ Венеціанцевъ, которыхъ роды засѣдали до того времени въ большомъ совѣтѣ, и съ тѣхъ поръ только члены этихъ фамилій поступали въ него уже по одному праву рожденія.

Подозрительные республиканцы, въ пораженіяхъ или недостаточныхъ успѣхахъ своихъ военачальниковъ, нерѣдко видѣли доказательство злоумышленій противъ своей независимости и старались предупреждать дѣйствительную или мнимую опасность убійствомъ, отрѣшеніемъ и пыткою. Такъ свергнули они насильственнымъ образомъ предпріимчиваго полководца Карманьіолу (1432); энергическій дожъ Фоскари, одна изъ самыхъ смѣлыхъ и сильныхъ натуръ, послѣ тридцатилѣтняго славнаго исполненія своей должности былъ лишенъ сана враждебно-соперническою партіею, а единственный сынъ его до смерти замученъ пыткою (1457), что въ конецъ сокрушило престарѣлаго отца. Въ началѣ 16 столѣтія (1508) республикѣ угрожалъ гибелью Камбрейскій союзъ (лига), которымъ императоръ Максимиліанъ, Людовикъ XII Французскій, король Арагоніи Фердинандъ Католическій и Папа Юлій II соединились для того, чтобы подѣлить между собою венеціанскія владѣнія. Послѣ побѣды при Аньяделло, Французы (во власти которыхъ былъ тогда Миланъ) уже грозили богатой Венеціи завоеваніемъ, когда умному совѣту удалось наконецъ разстроить союзъ (1509) и нѣкоторыми жертвами снискать себѣ дружбу папы и Фердинанда. Такимъ образомъ республика была спасена и Французы вытѣснены изъ Италіи. Но неизлѣчимы были раны, нанесенныя Венеціи основаніемъ Османскаго царства въ ея восточныхъ владѣніяхъ и открытіемъ морскаго пути въ Остъ-Индію. Съ тѣхъ поръ символическое обрученіе дожа съ Адріатикой на государственномъ кораблѣ Бученторо утратило весь свой смыслъ.—Ненасытная корысть къ деньгамъ и богатству воспитала въ Венеціанцахъ неисправимую жестокость сердца, подрывавшую семейныя узы и ослаблявшую религіозную и церковную жизнь. Въ концѣ 15 вѣка видимъ мы въ Венеціи государство, лишенное благочестія, преисполненное самой сухой разсудочности, строжайшаго уваженія къ наружной формѣ закона и въ то же время сильнѣйшей несправедливости къ подданнымъ и величайшей чувственной распущенности, которая потому лишь нѣсколько облагораживалась въ изящномъ строѣ общежитія и въ чудныхъ произведеніяхъ живописи, что Венеціанцы были даровиты и умны, что и для нихъ была

живая струя того неизсякающаго ключа духовной отрады, которымъ природа повидимому наградила всѣхъ Итальянцевъ безъ изъятія.

§ 384. Генуа. Гордою соперницей Венеціи была Генуа. Сокрушивъ въ 12 вѣкѣ могущество Пизы и овладѣвъ западною торговлей, островами Корсикою и Сардиніей (которая, впрочемъ, скоро отошла къ Арагоніи), эта республика направила свои виды на Востокъ и старалась отнять у Венеціи исключительное обладаніе восточною торговлей. По этому поводу возникли ожесточенныя войны и было много кровопролитныхъ морскихъ сраженій; но умная политика Венеціи, въ соединеніи съ мужествомъ и настойчивостью, давала ей возможность выходить съ честью и выгодой изъ каждой борьбы, хотя однажды (въ войнѣ за Кіоджу [1]) непріятельскій флотъ побѣдоносно проникъ въ самыя лагуны [2] (1380). Великолѣпные мраморные дворцы Генуи, гавань, покрытая густою чащею мачтъ, ея коммерческій банкъ и т. под. доказывали богатство города; но раздоръ и дикая борьба между аристократами и демократами, между гвельфами (Фіэски и Гримальди) и гибеллинами (Спинола и Доріа) подточили внутреннія силы, и загубили доблести и всѣ благороднѣйшія побужденія [3]. Корысть и киченіе богатствомъ стали господствующими страстями народа. Политическое устройство города подвергалось частымъ перемѣнамъ. Сначала, во главѣ управленія стоялъ подеста, по большей части призванный издалека; вмѣстѣ съ совѣтомъ «осьми» (осьмигласною думой) онъ завѣдывалъ внутреннимъ управленіемъ и полиціей, высшимъ судомъ и военною частью; потомъ введено было, по примѣру Венеціи, званіе дожа; но при дикой борьбѣ партій рушилась наконецъ всякая правомѣрная власть, произвольное самоуправство и кровомщеніе смѣнило законъ и

[1] Кіоджа, или Кіоцца, важный торговый городъ въ Венеціанской области, соединенный съ материкомъ посредствомъ громаднаго каменнаго моста.

[2] Такъ называются замкнутыя песчаною косой взморья, на которыхъ построена Венеція.

[3] «О, Генуэзцы, родъ безнравственный, порочный,
Зачѣмъ не стерли васъ давно съ лица земли!»
говоритъ Дантъ. Адъ, пѣснь XXXIII, стр. 151.

порядокъ. Неспособная къ самоуправленію, Генуа искала для себя чужеземныхъ правителей, пока наконецъ не стала подпадать то миланскому, то французскому господству. Искусно обдуманное уложеніе, которое въ 16 вѣкѣ начерталъ для своего роднаго города морской герой Андрей Доріа (1528), послѣ того какъ онъ же свергнулъ французское иго и возстановилъ республиканскія формы, хотя и возвратило государству независимость, но не доставило ему внутренняго мира. Въ теченіе двухъ послѣдующихъ десятилѣтій, прекрасный собою, богатый и образованный Фіэско старался отнять званіе дожа у фамиліи Доріа (главою которой грозилъ сдѣлаться тщеславный и честолюбивый племянникъ Андрея); но исполненію этого замысла помѣшала неожиданная смерть отважнаго заговорщика.—Могущество и торговое величіе Генуи также было потрясено основаніемъ Османскаго царства и отрытіемъ морскаго пути въ Остъ-Индію.

§ 385. Миланъ. Республиканское устройство Милана погибло (1395), съ тѣхъ поръ какъ домъ Висконти получилъ власть надъ Ломбардіей (§ 361). Богатство этого дома давало ему возможность содержать сильное наемное войско подъ начальствомъ способныхъ кондотьеровъ, и съ помощію ихъ завоевать сосѣдніе города и расширить предѣлы герцогства. Но подъ вліяніемъ борьбы партій одичалъ характеръ царственнаго дома; пытка и казни считались необходимыми средствами власти, и въ свою очередь вызывали противъ себя заговоры и убійства; возмутительные ужасы ожесточали сердца гражданъ. Одинъ изъ самыхъ жестокихъ тирановъ владѣтельнаго дома Висконти, Джанъ Маріа, предававшій своихъ враговъ на растерзаніе свирѣпымъ, вскормленнымъ на человѣческомъ мясѣ собакамъ, былъ убитъ при входѣ въ храмъ; единомысленный преемникъ его, Филиппо Маріа умертвилъ свою добродѣтельную жену (1412), напрасно подвергнувъ ее напередъ мученіямъ пытки, чтобы вынудить у ней признаніе въ мнимой винѣ, и все это съ единственною цѣлью вступить въ новое супружество. Онъ управлялъ самовластно, эгоистически и коварно. Когда по смерти его пресѣклась мужская линія Висконти (1447), наступили времена бурнаго раздора между партіями. Милапцы, тѣснимыя Вене-

ціею и другими врагами, въ половинѣ 15 вѣка (1450) вручили власть умному и храброму кондотьеру Франческо Сфорцѣ, зятю умершаго герцога. Ему наслѣдовалъ въ герцогскомъ званіи сынъ его Галеаццо Маріа,—сладострастная и вмѣстѣ жестокая натура. Онъ не довольствовался тѣмъ, что соблазнялъ благородныхъ женщинъ, но еще находилъ удовольствіе въ разглашеніи ихъ слабости; ему было мало казнить своихъ подданныхъ—онъ любилъ жестокими истязаніями замучить ихъ до смерти. Ненавистный за свой нравъ и преступныя дѣла, онъ погибъ жертвою заговора въ день Рождества Христова (1476), въ Миланской церкви св. Стефана. Разстройство и ослабленіе государства, порожденныя такими обстоятельствами, возбудили во Французахъ и Испанцахъ, имѣвшихъ виды на этотъ прекрасный и богатый край, надежду овладѣть герцогствомъ. Раздоры въ самомъ семействѣ Сфорцы облегчили завоеваніе Ломбардіи Французскому королю Людовику XII, который основывалъ свои притязанія на происхожденіи отъ дочери перваго Висконти. Герцога Людовика Моро увезъ онъ въ плѣнъ (1500) и десять лѣтъ томилъ въ подземной темницѣ. Когда же (не смотря на храбрость Баяра и Гастона де-Фуа) Французы были побѣждены въ вызванной Камбрейскимъ союзомъ войнѣ съ соединенными силами Итальянцевъ и ихъ союзниками Швейцарцами (1512), тогда Миланское герцогство было отнято у нихъ и передано сыну плѣннаго Моро, Максимиліану Сфорцѣ; но не дальше какъ черезъ три года сынъ Моро снова былъ лишенъ власти воинственнымъ королемъ Францискомъ I, какъ ни храбро сражались съ Французами его Швейцарцы въ «гигантской битвѣ» при Мариньяно (1515). Десять лѣтъ спустя, герцогство подпало власти Испанцевъ, которые послѣ трудной борьбы владѣли имъ около двухъ столѣтій.

§ 386. Савойя и Піэмонтъ. Западныя государства верхней Италіи достались отчасти графамъ Савойскимъ, которые своимъ умомъ, счастіемъ и оружіемъ умѣли мало-помалу расширить свое сначала небольшое владѣніе въ значительное герцогство, обнимавшее на сѣверѣ южную Швейцарію до Юры (Женеву, Ваадтъ, Валлисъ и друг.), а на югѣ

Піэмонтъ съ Туриномъ, графство Ницское и другія области. Герцогъ Амадей, передавшій свое государство послѣ долгаго и славнаго правленія сыновьямъ своимъ (1434) и жившій тихо, какъ «святой отшельникъ», въ Рипальѣ, при Женевскомъ озерѣ, былъ избранъ въ папы Базельскимъ соборомъ (1439, § 368), но признанъ лишь немногими. Въ Савойской династіи рано получило силу право первородства и начало нераздѣльности и неотчуждаемости наслѣдственныхъ земель, что не мало способствовало къ расширенію государства. Когда же на сѣверѣ Швейцарскій союзъ, а на западѣ сплоченная въ сильное королевство Франція стали сосѣдями Савойи, тогда предѣлы ея постепенно сократились. Въ Бургундской войнѣ (§ 398) она утратила Ваадтъ; во время реформаціонной борьбы освободилась отъ нея Женева, а въ войнахъ Франциска I съ Карломъ V за обладаніе Миланомъ, герцогъ Карлъ III Савойскій, союзникъ послѣдняго, лишился лучшей части своихъ наслѣдственныхъ владѣній, и она возвращена, съ нѣкоторыми утратами, только сыномъ его Эмануиломъ Филибертомъ, по миру въ Шато-Камбрези (1559). Но потомки его, умно соображавшіе обстоятельства и умѣвшіе пользоваться ими, съ избыткомъ возмѣстили утраты другими пріобрѣтеніями (Сардиніей и Генуей) и наконецъ добились королевской короны.

Б) СРЕДНЯЯ ИТАЛІЯ.

§ 387. Тоскана. Въ Тосканѣ процвѣтала первоначально торговая республика Пиза. Когда послѣдняя стала жертвой зависти Генуэзцевъ, тогда Флоренція возвысилась надъ другими городами и потомъ подчинила своей власти самую Пизу. Во Флоренціи сначала господствовало дворянство; но оно было ослаблено распрями гвельфовъ и гибеллиновъ, а по паденіи послѣднихъ—борьбою между «черными» и «бѣлыми» [1], и тогда власть перешла къ раздѣленному на многочисленные цехи народу, состоявшему преимущественно

[1] Т. е. между партіею дворянства (черные) и народною (бѣлые).

изъ фабрикантовъ и работниковъ шерстяныхъ издѣлій (1343). Но какъ только дворянство лишилось власти, и во Флоренціи введена была полная демократія, то между богатыми купцами и бѣднымъ фабричнымъ народомъ возникла новая борьба, въ продолженіе которой управленіе и правосудіе были попеременно то въ рукахъ денежной аристократіи, то во власти демократическихъ цеховъ. Однако среди этой борьбы развились чувство свободы, патріотизмъ и образованность, такъ что Флоренція была на высшей степени своей силы и процвѣтанія, когда другія государства Италіи уже приближались къ упадку. Наконецъ удалось отличавшейся богатствомъ и талантами фамиліи Медичи до того расположить къ себѣ низшій классъ кротостью и доброжелательствомъ, высшій—дружескою предупредительностью, что Косма Медичи (1428—64), человѣкъ высокаго ума и патріотъ въ душѣ, безъ всякаго званія и титула почти неограниченно управлялъ Флорентинскимъ государствомъ и сдѣлалъ его могущественнымъ и цвѣтущимъ, съ внѣшней стороны—счастливыми войнами, внутри—поощреніемъ искусствъ и наукъ и сооруженіемъ великолѣпныхъ зданій. Ему по праву принадлежитъ названіе отца отечества. Піэтро, сынъ Космы, повредилъ значенію своего дома строгимъ взысканіемъ тѣхъ небольшихъ ссудъ, которыми отецъ его поставилъ въ зависимость отъ себя существованіе многихъ гражданъ и умножилъ число своихъ приверженцевъ. Но сынъ Піэтро, Лоренцо Великолѣпный (Magnifico, 1472—92), спасшись отъ заговора фамиліи Пацци [1] (1478), пошелъ по пути Космы, и благородствомъ души своей, величавою щедростью и царственнымъ образомъ мыслей до того усилилъ блескъ и могущество своей фамиліи, что потомки его при всѣхъ общественныхъ буряхъ сохранили власть во Флоренціи, знамени-

[1] Заговоръ былъ составленъ подъ вліяніемъ папы Сикста IV и съ соучастіемъ племянника его, кардинала Ріаріо, и пизскаго архіепископа Франческо Сальвіати. Во время большаго выноса, когда весь народъ въ церкви палъ ницъ, заговорщики ринулись на Лоренцо и брата его Джуліано; послѣдній былъ немедленно убитъ, а Лоренцо, только еще раненнаго, успѣли окружить друзья и проводили домой благополучно. Преданный ему народъ разсвирѣпѣлъ до того, что тутъ же повѣсилъ передъ его дворцомъ пизскаго архіепископа, въ полномъ облаченіи.

тѣйшіе римскіе первосвященники (Левъ X и Климентъ VII) принадлежали къ его дому, и двое французскихъ королей взяли себѣ женъ изъ фамиліи Медичи. При немъ Флоренція была пріютомъ всякаго искусства и науки, какъ нѣкогда Аѳины при Периклѣ (§ 87).

Основанныя Космою библіотека и Платоновская академія получили окончательное устройство при Лоренцо. Византійскіе ученые (Виссаріонъ ,Ласкарисъ и друг.) преподавали греческій языкъ и открывали Западу сокровища древне-эллинской мудрости, такъ что со всей Европы любознательное юношество стекалось во Флоренцію. Лучшіе представители литературы, искусства и науки украшали собою дворъ Космы и Лоренцо. Сочиненія Платона нашли въ нихъ самихъ и въ ихъ кругу пламенныхъ почитателей, а въ Марсиліи Фичинѣ — неподражаемаго латинскаго переводчика. Анджело Полиціано, «въ которомъ ожилъ прекрасный духъ древности», воспитывалъ дѣтей Лоренцо. Будучи самъ поэтомъ и знатокомъ въ искусствѣ, Лоренцо въ тоже время умѣлъ цѣнить всякій талантъ. Великолѣпные дворцы и церкви образовали и поддерживали изящный вкусъ въ архитектурѣ; ваяніе и ваятельно-литейное искусство (Гиберти), живопись (Мазаччіо, Фіезоле) и музыка начали проявлять лучшій цвѣтъ свой (§ 440) [1]. Однако съ любовью къ духовнымъ наслажденіямъ Лоренцо соединялъ любострастіе и чувственность.

§ 388. По смерти Лоренцо, вдохновенная рѣчь доминиканца Савонаролы, возбуждавшаго къ возстановленію республиканской свободы, къ очищенію церкви и исправленію образа жизни, такъ сильно подѣйствовала на Флорентинцевъ, что они изгнали домъ Медичи, возстановили демократію и предались величайшей воздержности. Не отличаясь ни изяществомъ своихъ образовъ, ни основательною ученостью и глубиною богословскихъ познаній, Савонарола умѣлъ однако поразительно представить народу ту пропасть, какая раскрылась между его жизнію и жизнію истинно-христіанскою, и всѣ

[1] Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые незнакомы съ подлинникомъ предлагаемаго «Курса», считаемъ нелишнимъ замѣтить, что полное обозрѣніе литературы и науки конца Среднихъ Вѣковъ отнесено авторомъ въ исторію новаго времени, чтобы не нарушать неразрывной связи обѣихъ эпохъ въ этомъ отношеніи.

считали его проповѣдь, его ученіе какъ бы мостомъ, который ведетъ черезъ эту пропасть и одинъ можетъ спасти отъ неизбѣжной гибели. Когда Папа наложилъ на смѣлаго «флорентинскаго пророка» анаѳему и когда возстало противъ него духовенство, чью роскошь и расточительность онъ безпощадно бичевалъ, тогда врагамъ Савонаролы удалось его низвергнуть; приговоренный къ смерти, какъ нарушитель церковнаго мира и соблазнитель народа, онъ долженъ былъ погибнуть на кострѣ за свои дерзкія преобразовательныя попытки (1498). Фамилія Медичи вскорѣ возвратилась; а когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, демократическій духъ снова пробудился во Флоренціи и послѣдовало новое ея изгнаніе, императоръ Карлъ V, по соглашенію съ папою Климентомъ VII, изъ фамиліи Медичи, пошелъ на Флоренцію, послѣ тяжкой осады принудилъ городъ къ сдачѣ и, уничтоживъ республиканскія формы, поставилъ жестокаго Александра Медичи (1530) герцогомъ надъ усмиренною республикой (§ 465). Хотя Александръ и палъ жертвою народнаго мщенія послѣ семилѣтняго тиранства, однако фамилія Медичи все-таки сохранила власть свою во Флоренціи [1].

§ 389. Церковная Область. Во время пребыванія папъ въ Авиньіонѣ (§ 353), Римъ былъ жертвою дикаго беззаконія, вызваннаго кровавыми распрями между фамиліей Колонна (гибеллинскою) и фамиліей Орсини (гвельфскою). Это навело Кола Ріэнци (Николая Лавренція), исполненнаго фантазіи и воодушевленнаго Петраркой (§ 351) страстью къ древнему Риму, на соблазнительную мысль возвратить государству спокойствіе и древнее величіе возстановленіемъ республиканскаго устройства. Его пламенное краснорѣчіе увлекло Римлянъ. Они учредили новую римскую республику, избрали смѣлаго народнаго оратора трибуномъ (1347) и выгнали изъ города нарушителей новаго порядка. Судейское сѣдалище Ріэнци было поставлено на древнемъ форумѣ. Но блестящая роль трибуна вскорѣ износилась. Тщеславіе и гордость обуяли его; необходимые для борьбы съ изгнанными дворянами, тяжкіе

[1] Александръ былъ убитъ однимъ изъ членовъ этой же фамиліи, именно Лоренцино, потомкомъ Лоренцо, меньшаго брата Космы.

налоги лишили его народной любви; недостатокъ политическаго такта и военныхъ способностей вовлекъ его въ ошибки, такъ что врагамъ удалось низвергнуть нововводителя и принудить его къ бѣгству. Хотя онъ и воротился черезъ нѣсколько лѣтъ уже съ порученіемъ отъ папы, но воротился для того только, чтобы вскорѣ погибнуть при одномъ народномъ волненіи (1354). Видя, что его краснорѣчіе и народное балагурство не производятъ прежняго чарующаго дѣйствія на шумныя толпы, окружившія его палаццо, онъ попытался было бѣжать переодѣтый, но былъ узнанъ и убитъ [1]. Съ возвращеніемъ прежняго устройства возвратилось и прежнее замѣшательство. — Установленные папами въ 1300 и 1350 юбилейные годы, когда каждому, кто помолится въ римскихъ церквахъ, давалось отпущеніе грѣховъ, вызвали безчисленныя толпы богомольцевъ со всѣхъ концовъ западной Европы въ вѣчный городъ, а тамъ съумѣли извлечь выгоду изъ благочестія иностранцевъ.—По устраненіи церковнаго раскола (§§ 362, 364), нѣкоторые замѣчательные папы старались залѣчить язвы государства и церкви. Изъ нихъ особенно достопамятны папа Николай V (ок. 1450), основатель богатой драгоцѣнными рукописями ватиканской библіотеки, оказавшій большія услуги дѣлу образованія и науки, и Пій II (Эней Сильвій, § 367), извѣстный какъ умный и многосторонній писатель (ок. 1460). Напротивъ Александръ VI Борджіа, ок. 1500), своею порочною, богопротивною жизнію раздражилъ все христіанство; члены его семейства (особенно Цезарь и Лукреція Борджіа), какъ нѣкогда племя Тантала, совершали одно за другимъ самыя гнусныя дѣла; въ это время происходили такія неистовства, передъ которыми съ ужасомъ отступаетъ воображеніе. Преемникъ Александра, Юлій II (ок. 1510) былъ одаренъ обширнымъ умомъ, но воинственныя наклонности его слишкомъ противорѣчили его сану. Камбрейскому союзу (§ 383), въ которомъ онъ сначала участвовалъ, противупоставилъ онъ, примирясь съ Венеціан-

[1] Преемникъ Климента VI, папа Иннокентій VI, вызвалъ его въ Римъ, чтобы смирить непокорное дворянство; при народномъ возстаніи, Різнци былъ убитъ слугою гибеллинскаго дома Колонна.

цами, священную лигу (1512) и сражался противъ Французскаго короля Людовика XII духовнымъ и мірскимъ оружіемъ. При помощи наемныхъ швейцарскихъ войскъ, набранныхъ для него предпріимчивымъ епископомъ Шиннеромъ зиттенскимъ, онъ надѣялся освободить Италію отъ «варваровъ» и самъ выступилъ въ походъ. Пріобрѣтеніемъ Болоньи, Анконы, Феррары и другихъ городовъ и мѣстъ, онъ доставилъ церковной области нынѣшнее ея пространство [1]. Левъ X (ок. 1517), высокопросвѣщенный сынъ Лоренцо Медичи, соединилъ въ Ватиканѣ весь блескъ искусства и образованности, какъ наслѣдіе своего дома. Но за классическими сочиненіями греко-римскаго язычества онъ забывалъ ученіе церкви и уваженіе къ Евангелію, что̀ не мѣшало ему однако брать дань съ простодушной вѣры народовъ, чтобы удовлетворять собственную любовь къ искусству и щедро награждать художниковъ.

§ 390. Въ Моденѣ, Реджіо и другихъ сосѣднихъ мѣстахъ управляли съ давнихъ поръ, въ званіи васалловъ то императора, то папы, маркграфы д'Эсте изъ младшей линіи этого дома (отъ старшей ведетъ свое происхожденіе Вельфскій или Брауншвейгъ-люнебургскій княжескій домъ). Въ 15 вѣкѣ, маркграфство было обращено въ герцогство съ присоединеніемъ къ нему Феррары (1452), гдѣ вскорѣ послѣ того процвѣталъ дворъ, соперничавшій съ флорентинскимъ въ блескѣ, образованности и поощреніи искусствъ и наукъ. Когда со смертію Альфонса II (дворъ котораго украшалъ собою поэтъ Тассо) пресѣклась мужская отрасль дома Эсте, Феррара досталась папѣ (1598).—Въ Мантуѣ маркграфскаго достоинства достигла фамилія Гонзага, а въ Мирандолѣ имѣлъ свое пребываніе ученый князь Пико (чудо того времени). —Искусства и науки, торговля и промышленность процвѣтали во всѣхъ этихъ городахъ, блескъ и богатство княжескихъ дворовъ и аристократическихъ фамилій нигдѣ не имѣли ничего себѣ равнаго.

---

[1] Въ послѣднее время (1860) названные авторомъ города со всею Романьею отошли къ Піэмонту.

в) НИЖНЯЯ ИТАЛІЯ.

§ 391. Въ Неаполѣ, который сталъ папскимъ лэномъ послѣ паденія Гогенштауфеновъ, царствовали до половины 14 вѣка Карлъ Анжуйскій († 1285), храбрый сынъ его Карлъ II († (1309) и внукъ Робертъ († 1343). Дѣло гвельфовъ нашло въ нихъ такихъ же ревностныхъ защитниковъ, какихъ имѣли гибеллины во врагахъ ихъ, корольхъ Сицилійскихъ изъ Арагонскаго владѣтельнаго дома. При помощи многочисленныхъ наемныхъ полчищъ (Каталонцевъ), состоявшихъ у нихъ на службѣ, они имѣли большое вліяніе на судьбы Италіи. — Когда исцѣлены были раны, нанесенныя войною, мощно зацвѣли торговля и промышленность, принося съ собою богатство, образованіе и довольство. При дочери Роберта, порочной Іоаннѣ I († 1382), Неаполитанское королевство впало въ новыя смуты, въ бездну дикаго безначалія и ужасныхъ злодѣйствъ. Совершенное подъ ея вліяніемъ убійство родственника и супруга ея Андрея Венгерскаго возбудило кровопролитныя войны съ его братомъ, Людовикомъ Великимъ Венгерскимъ (§ 406), вслѣдствіе которыхъ Неаполь былъ взятъ грубыми наемниками и сильно пострадалъ, королева принуждена была бѣжать въ Провансъ, а убійца ея мужа (Карлъ Дураццо) погибъ на эшафотѣ. При посредничествѣ папы (которому Іоанна продала провансальскій городъ Авиньіонъ съ округомъ, что̀ потомъ было утверждено императоромъ Карломъ IV) послѣдовало черезъ нѣсколько времени соглашеніе между враждебными сторонами, вскорѣ смѣнившееся однако новыми распрями, пока наконецъ двоюродный братъ Іоанны, младшій Карлъ Дураццо (Карлъ III, 1382—86), достигнувъ власти, велѣлъ умертвить королеву и потомъ на короткое время соединилъ короны венгерскую и неаполитанскую. Сынъ его Владиславъ († 1414), по убіеніи отца, отстоялъ за собою королевство противъ своего соперника (усыновленнаго прежде Іоанною), Людовика Анжуйскаго, расширилъ его завоеваніями въ Церковной области и въ Тосканѣ и уже помышлялъ о соединеніи всѣхъ итальянскихъ державъ въ одно государство, когда скоропостижная смерть свела его во гробъ. Ему наслѣдовала

сестра его Іоанна II († 1435). Такъ какъ она сначала усыновила Альфонса (V) Арагонскаго и Сицилійскаго, а потомъ, разсорясь съ нимъ, Людовика III Анжуйскаго (1424), то съ этого времени началась за обладаніе Неаполемъ ожесточенная борьба между партіями французскою и арагонскою. Послѣдняя пересилила, но суровость арагонскихъ королей сдѣлала владычество ихъ ненавистнымъ и помогла французскому королю Карлу VIII завоевать этотъ край, когда онъ явился съ войскомъ поддерживать притязанія Анжуйскаго дома и, чрезъ Флоренцію и Римъ, вступилъ въ Неаполь (1495). Но быстрые успѣхи его въ ослабленной внутренними раздорами Италіи испугали папу и другихъ государей. Составился сильный союзъ, слѣдствіемъ котораго было изгнаніе Французовъ. Хотя преемнику Карла, Людовику XII, и удалось, въ союзѣ съ испанскимъ королемъ Фердинандомъ Католикомъ, снова покорить Неаполь (1502); однако, когда побѣдители перессорились при раздѣлѣ добычи, Фердинандъ съумѣлъ хитростію и искусствомъ своего великаго полководца Гонсальво Кордовскаго доставить себѣ исключительное обладаніе Неаполемъ (1504), который, съ тѣхъ поръ надолго соединенный съ Сициліей, составилъ одно изъ прекраснѣйшихъ владѣній испанско-австрійскаго дома—и управлялся вицекоролями (все еще подъ папскимъ лэннымъ господствомъ). Два вѣка оставалось Неаполитанское королевство подъ скипетромъ Испаніи. Возраставшій гнетъ налоговъ, преобладаніе духовенства и монашества и уничтоженіе всѣхъ представительныхъ правъ мало-по-малу произвели тамъ всеобщее обѣдненіе, а о свободѣ не было и помина.

3. Испанія.

§ 392. Арагонія. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій королевства Арагонія и Кастилія (§ 267) существовали одно подлѣ другаго раздѣльно и самостоятельно. Первое старалось расширить свои предѣлы на восточномъ побережьѣ, второе—на югѣ. Такъ энергическій Іаковъ I Завоеватель (ок. 1250) присоединилъ къ Арагонскому королевству, уже усиленному Каталоніей, мавританскія государства Вален-

сію и Мурсію. Особенности трехъ соединенныхъ народностей: гордость и суровая воинственность Арагонцевъ, отвага и чрезвычайная подвижность Каталонцевъ, нерѣдко вступавшихъ по найму въ иностранную службу моряками или сухопутными солдатами, и восточный пылъ обитателей Валенсіи, въ совокупности своей образовали съ теченіемъ времени крѣпкій національный характеръ и самобытную народную и государственную жизнь. Воинскій духъ и любовь къ бранной славѣ, гордость происхожденіемъ и чистотою крови, привязанность къ закону предковъ и унаслѣдованной свободѣ—вотъ преобладающія стороны народнаго характера. Подобно Римлянамъ и Спартанцамъ, Арагонцы меньше заботились о внутренней, духовной жизни, чѣмъ о военныхъ упражненіяхъ и законодательствѣ, и предпочитали простоту быта, привычку къ лишеніямъ и воинскую доблесть искусству, наукѣ и внѣшнему блеску. Напрасно стали бы искать у нихъ высшихъ духовныхъ стремленій или облагороженія насущныхъ физическихъ потребностей; наслажденіе настоящимъ, созданія вкуса и фантазіи были почти совершенно чужды имъ; за то гордясь прошедшимъ и предками, Арагонецъ сохранялъ гражданское благородство и гражданскую доблесть, и съ особенною любовью лелѣялъ унаслѣдованныя права и славу праотцевъ; и то и другое передавалъ онъ съ суевѣрною добросовѣстностію своимъ внукамъ, не въ стихѣ и напѣвѣ, но путемъ изслѣдованія, разъясненія и защиты своихъ древнихъ обычныхъ правъ и своей народной исторіи. Оттого здѣсь не можетъ быть и рѣчи о самобытной поэзіи, но правовѣдѣніе и исторію Арагонія обработывала, подобно Риму; во всѣ времена она имѣла весьма замѣчательныхъ государственныхъ людей и правовѣдовъ.—Сынъ Іакова I, Петръ III (ок. 1282, § 331), присоединилъ къ тремъ упомянутымъ государствамъ Сицилію, и хотя она сдѣлалась потомъ самостоятельнымъ королевствомъ, но это пріобрѣтеніе положило начало вліянію арагонскаго королевскаго дома въ нижней Италіи. Острова Мальіорка и Минорка, по временамъ и Сардинія, тоже были подчинены испанскому скипетру. При Петрѣ III и сынѣ его Альфонсѣ III (ок. 1287) были расширены и безъ того значительныя права земскихъ чиновъ.

Арагонскіе короли, изъ которыхъ многіе могутъ считаться «образцами рыцарства и законности», не могли предпринять ничего важнаго безъ согласія сейма (кортесовъ), состоявшаго изъ представителей высшаго и низшаго дворянства (гидальго [1]), духовенства и городовъ, обогащенныхъ и цвѣтущихъ торговлею и промышленностію. Земскіе чины не только пользовались правомъ участія въ законодательствѣ и установленіи налоговъ, но еще провозгласили на сеймѣ въ Сарагосѣ (1287) такъ-называемыя союзныя привилегіи, по которымъ король былъ обязанъ спрашивать мнѣнія и согласія чиновъ при выборѣ своихъ совѣтниковъ, и сейму предоставлено право избирать новаго властелина, въ случаѣ если король подвергнетъ наказанію члена сейма безъ приговора верховнаго судьи (хустисіа) и чиновъ.

Эти, слишкомъ ограничивавшія королевскую власть привилегіи были уничтожены суровымъ и повелительнымъ Петромъ IV (1336—87), по усмиреніи возстанія союзныхъ дворянъ и послѣ жестокой казни ихъ предводителей; но стародавнія права были вновь подтверждены имъ. Въ избѣжаніе нарушеній государственнаго устава, верховному судьѣ былъ предоставленъ болѣе обширный кругъ дѣятельности, именно рѣшеніе въ послѣдней инстанціи всѣхъ споровъ, возникающихъ у чиновъ съ королемъ, или у чиновъ между собою, и обереганіе закона отъ всякаго нарушенія. Такимъ образомъ народъ, напоминавшій государства древняго міра своею замкнутостію, гражданскою доблестью и многими другими чертами характера, вращался въ соотвѣтственномъ новѣйшимъ учрежденіямъ государственномъ и судебномъ порядкѣ, который является здѣсь въ своей первоначальной простотѣ и рельефности.—Въ началѣ 15 вѣка пресѣклась барселонская линія древняго королевскаго дома. Тогда чины трехъ главныхъ составныхъ частей государства: Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи, провозгласили королемъ Арагонскимъ Фердинанда, инфанта кастильскаго, какъ ближайшаго наслѣдника престола по женской линіи (1412). При немъ и рыцарскомъ сынѣ его Альфонсѣ V (1416—56), завоевателѣ Неаполя (§ 291), дѣятельномъ пособникѣ и распро-

[1] Въ Португаліи—фидальго.

странителѣ расцвѣтавшей итальянской образованности и литературы, политическія права были опять расширены. Между прочимъ было признано, что для назначенія верховнаго судьи нужно согласіе кортесовъ и что вступленію его въ должность необходимо предшествуетъ производимое ему отъ нихъ же испытаніе. — Второй преемникъ Альфонса, предпріимчивый политикъ Фердинандъ Католикъ (1479 — 1516), своимъ бракосочетаніемъ съ Изабеллою Кастильскою, положилъ начало соединенію обоихъ испанскихъ королевствъ, которыя онъ еще расширилъ пріобрѣтеніемъ Наварры и другихъ провинцій.

§ 393. Кастилія. Фердинандъ III Святой (1217—52, § 267), удачными войнами противъ Мавровъ (въ томъ числѣ прославленною и романтически разукрашенною въ испанской поэзіи и сагѣ битвою при Хересъ-де-ла-Гвадіана, 1233), присоединилъ къ королевству Кастильскому и Леонскому Кордову, Севилью и Кадиксъ, и уже помышлялъ перенести войну въ Африку, чтобы прекратить вторженія Арабовъ на будущее время, какъ вдругъ похитила его смерть. Сынъ его Альфонсъ X Мудрый (1251—84, отъ дочери Гогенштауфскаго императора Филиппа, § 318), занимался астрономіею (Альфонсовы таблицы) и астрологіею, музыкой и поэзіей, расширилъ Саламанкскій университетъ, поощрялъ разработку отечественнаго языка, далъ своему государству собраніе законовъ и пекся о составленіи историческихъ книгъ; но ему недоставало практической, житейской мудрости. Поблажая своей страсти къ великолѣпію, роскоши и блестящей придворной обстановкѣ и гоняясь за призракомъ римской императорской короны (§ 344), онъ расточалъ свои сокровища, притѣснялъ народъ налогами, выпускомъ негодной монеты ввергнулъ страну въ большое затрудненіе и былъ свидѣтелемъ распространенія въ южной Испаніи, прибывшихъ вновь изъ Африки, сарацынскихъ полчищъ (кочевыхъ Меринитовъ). По смерти его возникли споры за престолъ, которые въ теченіе сорока лѣтъ терзали усобицами Кастилію, ослабили королевскую власть и чрезмѣрно усилили дворянство.—Арабы, призванные на помощь однимъ наслѣднымъ принцемъ, утвердились бы здѣсь при такихъ обстоя-

тельствахъ, еслибы героическій Пересъ де Гусманъ не высказалъ суроваго, истинно-брутовскаго патріотизма при оборонѣ города Тарифы (1293).

Въ Кастиліи города не имѣли ни такого важнаго значенія, ни такихъ большихъ правъ, какъ въ Арагоніи. Но духовенство и высокомѣрное, готовое на распри дворянство, къ которому принадлежали и три рыцарскихъ ордена: Калатравскій (учрежденъ въ 1164), Сантъ-Яго ди Компостелья (учрежденъ въ 1175) и Алькантарскій (учрежденъ въ 1219), имѣли большія привилегіи.

Только Альфонсу XI (1324 — 50) удалось на нѣкоторое время возстановить внутренній порядокъ; въ союзѣ съ Португаліею, онъ навсегда сокрушилъ могущество Мавровъ славною, много разъ воспѣтою побѣдой при рѣкѣ Саладо, и положилъ конецъ приливамъ ихъ изъ Марокко, овладѣвъ (1344) Альхесирасомъ (въ Андалузіи), который упорно защищали африканскіе Сарацыны, какъ ключъ ко всей Испаніи. На покрытіе военныхъ расходовъ введенъ былъ земскими чинами весьма невыгодный для торговли и разныхъ сдѣлокъ налогъ алькавала [1], взимавшійся со всякаго движимаго и недвижимаго имущества при продажѣ и мѣнѣ. Съ тѣхъ поръ этотъ налогъ удержался въ Испаніи. По смерти Альфонса, Кастилія больше ста лѣтъ была раздираема внутренними усобицами, которыя возбуждались то спорами за право на престолъ, то фимильными распрями дворянства, то борьбою королей съ аристократіей. Сынъ Альфонса Петръ Свирѣпый (1350—69), государь, «рожденный безъ души и воспитаніемъ подготовленный къ злодѣйствамъ», неистовствовалъ противъ своихъ братьевъ и родныхъ, противъ своихъ женъ и любовницъ, противъ дворянства и народа; наконецъ рыцарственный сводный братъ его Генрихъ (графъ Трастамарскій) возсталъ на чудовище и при помощи французскихъ наемниковъ подъ начальствомъ храбраго Бертрана Дюгесклена (§ 378), послѣ исполненной превратностей, опустошительной и обильной сраженіями войны, одолѣлъ и своеручно убилъ жестокаго ко-

[1] Отъ арабскаго аль кабалату, налогъ на потребленіе, простиравшійся до 10 процентовъ со всякой продаваемой или обмѣниваемой цѣнности.

роля (которому помогалъ «Черный принцъ» англійскій) и потомъ занялъ его мѣсто († 1379). При преемникахъ Генриха, малолѣтство государей и корыстные опекуны снова повергли Кастилію въ смуты, при чемъ дворянство и высшее духовенство присвоили себѣ всю власть, умалили коронныя имѣнія и доходы, и когда наконецъ Изабелла (1474—1504) наслѣдовала престолъ, королевское достоинство лишено было всякаго значенія и силы, законы и правосудіе были попраны, и въ государствѣ господствовала аристократическая анархія съ свойственными ей фамильными усобицами и хищнымъ произволомъ.

§ 393. б. Португалія. Графъ Генрихъ Бургундскій, храбрый основатель Португальскаго королевства, владѣлъ отнятою имъ у Арабовъ областью вокругъ Опорто (Порто Кале), сначала только какъ кастильскимъ намѣстничествомъ (§ 267). Сынъ и преемникъ его Альфонсъ I, послѣ побѣды надъ Арабами при Урикѣ (1139) и по завоеваніи Альгарвіи, принялъ королевскій титулъ и объявилъ страну, которой далъ хорошее устройство и законы на сеймѣ въ Ламего (1143), независимою отъ Кастиліи. Вскорѣ послѣ того онъ завоевалъ Лиссабонъ при помощи нижне-нѣмецкихъ и фламандскихъ крестоносцевъ (§ 310), и сдѣлалъ этотъ городъ столицею своего государства. Но лишь послѣ продолжительной борьбы съ Кастиліей Альфонсъ добился отъ папы Александра III, чтобы тотъ призналъ его королевское достоинство и самостоятельность его державы (1179), при чемъ папа выговорилъ себѣ ежегодную дань. Побѣда храбраго сына его Санчо I надъ фанатическою сектой альмогадовъ (§ 267) при Сантаремѣ (1184), упрочила существованіе новаго королевства. Заботливостію о земледѣліи и основаніемъ селъ и мѣстечекъ, Санчо пріобрѣлъ себѣ прозваніе друга крестьянъ.—Съ тѣхъ поръ до самаго 15-го вѣка, когда государство расширилось завоеваніемъ Сеуты и Тангера въ сѣверной Африкѣ и когда отважныя морскія открытія и путешествія доставили ему большее значеніе, главное содержаніе португальской исторіи составляютъ борьбы то между королемъ и сильною аристократіей, то между разными соискателями престола, войны съ Маврами и Кастильцами, и распри королей съ папами и съ могущественнымъ духовенствомъ, кото-

рое пользовалось своимъ неограниченнымъ вліяніемъ на легковѣрный, увлекаемый пылкимъ воображеніемъ народъ, для наживы себѣ имѣній и сокровищъ.—Изъ королей этого времени особенно замѣчательны Педро Строгій (1357—67), страшный мститель за свою прекрасную супругу Инесу де Кастро [1], убитую нѣсколькими придворными по приказанію его отца, и сынъ его Іоаннъ Незаконный (1385—1433), совершившій завоеванія въ Африкѣ [2].

Постоянная борьба между христіанами и могаммеданами на Пиренейскомъ полуостровѣ имѣла величайшее вліяніе на выработку народныхъ нравовъ и народнаго характера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на проявленія исторической жизни его обитателей. Эта борьба породила и поддерживала рыцарскій духъ въ дворянствѣ; она сдѣлала народъ воинственнымъ и всегда готовымъ къ бою, и пробудила въ немъ сознаніе силы и свободы; она дала матеріалъ для воинскихъ и героическихъ пѣсенъ и вдохновляла на тѣ романтическія народныя пѣсни, которымъ такъ часто удивлялись и подражали Средніе Вѣка и которыя сообщили испанской религіозной борьбѣ такой же поэтическій оттѣнокъ, какъ и крестовымъ походамъ; но въ то же время эта борьба привила націи зародышъ фанатизма и узкой религіозной ненависти, на которомъ духовенство въ послѣдствіи основало свое мрачное владычество, окруженное нетерпимостью, гоненіями и суевѣріемъ.

§ 394. **Испанія при Фердинандѣ и Изабеллѣ.** Соединеніе Арагоніи съ Кастиліей, вслѣдствіе брака между главами двухъ царственныхъ домовъ, состоялось только по имени, такъ какъ Фердинандъ въ Арагоніи, а Изабелла въ Кастиліи управляли самостоятельно и воздерживались отъ вся-

[1] Инеса де Кастро, побочная отрасль одного знаменитаго кастильскаго рода, была фрейлиною при инфантѣ Констанціи, супругѣ Педро. Бывши еще принцемъ, онъ страстно влюбился въ эту дѣвушку, и связь ихъ, начавшаяся при жизни Констанціи, продолжалась и послѣ. Около 1354 г., имѣя уже многихъ дѣтей отъ Инесы, Педро вступилъ съ нею въ тайный бракъ. Козни придворныхъ навели короля Альфонса, отца его, на жестокую мысль умертвить несчастную Инесу (1355). Педро, сначала глубоко возмущенный этимъ гнуснымъ поступкомъ, въ послѣдствіи примирился съ отцомъ, но вступивъ на престолъ, онъ настоялъ у короля Кастильскаго, Педро Свирѣпаго, на выдачѣ обоихъ убійцъ своей милой жены и велѣлъ при себѣ вырвать у нихъ сердце. Тѣло Инесы было вынуто изъ земли, и онъ торжественно вѣнчалъ его короной (1361).

[2] Онъ именно взялъ Сеуту.

каго вмѣшательства въ дѣла неподвѣдомой страны; но стремленія обоихъ были направлены къ одной и той же цѣли, и оба руководились совѣтами умнаго кардинала Хименеса (потомъ архіепископа толедскаго). Они прежде всего старались ослабить могущество дворянства и духовенства и перенести его на корону. Для этой цѣли хитрый Фердинандъ (Католикъ) выпросилъ себѣ у папы званіе гросмейстера трехъ кастильскихъ рыцарскихъ орденовъ и право назначать епископовъ. Потомъ отнялъ у дворянства правосудіе и передалъ его своимъ судебнымъ мѣстамъ, въ которыя назначилъ правовѣдовъ, внушившихъ страхъ и уваженіе своими безпристрастными и скорыми рѣшеніями. Для поддержанія земскаго мира и для прекращенія междоусобій и хищничества, онъ воспользовался милиціей, существовавшей во многихъ городахъ подъ названіемъ святой германдады (братства), которую онъ преобразовалъ и усилилъ, и учредилъ постоянное войско. Но важнѣйшимъ средствомъ для возвышенія королевской власти было предложенное Хименесомъ введеніе инквизиціоннаго суда (1480), который сначала направленъ былъ противъ обращенныхъ къ христіанству (иногда—всѣми неправдами) Евреевъ и Мавровъ (Морисковъ), но вскорѣ сталъ страшнымъ бичемъ для цѣлой Испаніи. Такъ какъ королю принадлежало право назначать великаго инквизитора и всѣхъ судей, то инквизиція сдѣлалась въ Испаніи политическимъ учрежденіемъ, или королевскимъ, вооруженнымъ духовными орудіями судомъ, который употреблялъ свои устрашительныя средства не только противъ еретиковъ, тайныхъ могаммеданъ и Евреевъ, но держалъ въ страхѣ и дворянство, и духовенство, и наложилъ тяжкія оковы на свободу совѣсти и мысли. Малѣйшее подозрѣніе, ложный доносъ врага могли вести человѣка въ страшную инквизиціонную темницу, гдѣ старались вынудить признаніе ужаснѣйшими пытками и опутать даже стойкій характеръ сѣтью козней и лжи. Безчисленныя жертвы предавались сожженію съ торжественностью и при многочисленномъ стеченіи народа (auto da fè), или томились всю жизнь въ гнилыхъ тюрьмахъ, между тѣмъ какъ государственная казна обогащалась ихъ имуществомъ. Никогда тронъ и алтарь не были въ такомъ опасномъ союзѣ

между собою противъ свободы народовъ, какъ въ Испаніи со времени учрежденія инквизиціи. Но не смотря на этотъ духовный гнетъ внутри, Испанецъ съ гордостью взираетъ на блестящее великими подвигами царствованіе Фердинанда и Изабеллы, какъ видно изъ достойнаго историка той эпохи, Фердинанда дель Пульгаръ (§ 343).

§ 595. Изгнаніе Мавровъ. Укрѣпивъ королевскую власть, Фердинандъ и Изабелла стали помышлять о завоеваніяхъ. Мавританское королевство Гранада, уже давно обложенное данью, но уклонившееся отъ нея во время смутъ въ Кастильскомъ королевствѣ, было завоевано послѣ десятилѣтней кровопролитной войны (1492). Низвергнутый съ трона принцъ Абу-Абдилехи (Боабдиль), коварно лишенный своихъ владѣній, переплылъ съ небольшою свитою преданныхъ людей въ Африку, гдѣ храбро сражаясь, палъ въ войнѣ противъ Марокко. — Договоры были непрочны; фанатизмъ пересиливалъ вѣрность любой клятвѣ. Данное сначала обѣщаніе полной религіозной свободы, какая нѣкогда была предоставлена арабскими завоевателями христіанамъ, вскорѣ было нарушено, и могаммеданамъ отдано на выборъ: веселиться изъ Испаніи или принять христіанство. Архіепископъ Хименесъ, тотъ самый, который съ благочестивымъ вандальствомъ велѣлъ сжечь всѣ арабскія книги, и принуждалъ Мавровъ къ крещенію тюремными муками и бичеваньемъ. Тогда многіе изъ нихъ покинули родину, для вѣчной войны противъ своихъ притѣснителей—или въ Африкѣ, въ качествѣ корсаровъ, или въ Сіерра-Невадѣ, въ качествѣ разбойничьихъ шаекъ; другіе съ затаеннымъ негодованіемъ приняли христіанство, но жестокость инквизиціи и гнетъ правительства доводили ихъ много разъ до возстаній, несчастный исходъ которыхъ постепенно повергалъ Мавровъ все въ худшее и худшее положеніе. Борьба съ ними была племенною и вмѣстѣ религіозною борьбой. Каждая побѣда считалась ступенью къ блаженству; всякая вина находила для себя искупленіе въ крови невѣрнаго врага. То, что удовлетворяло племенныя стремленія, считалось вмѣстѣ и христіанскимъ долгомъ; освобождать отечество отъ чужеземнаго ига значило созидать царство Божіе; чистота крови облагороживала цѣлыя народности, подобно тому, какъ въ по-

слѣдствіи одна капля не-христіанской крови служила инквизиціи полнымъ доказательствомъ ереси; сами священники и прелаты ходили на войну. При деспотическомъ Филиппѣ II велѣно было потомкамъ Мавровъ отречься отъ своего языка, одежды, національности и обычаевъ. Когда просьбы и представленія оказались тщетны, несчастные взялись за оружіе (1568), дабы спасти послѣдніе остатки своей религіи и національности. Вождемъ ихъ сталъ перешедшій въ христіанство потомокъ Омейядовъ, Донъ Фернандо, провозглашенный королемъ Гранады подъ именемъ Абанъ Омейи,—человѣкъ смѣлый, ловкій и предпріимчивый. Но послѣ двухлѣтней кровавой войны, ознаменованной непрерывнымъ рядомъ ужасовъ и злодѣйствъ, внушенныхъ яростію и местью, они должны были уступить превосходнымъ силамъ и военному искусству Донъ Жуана, побочнаго брата Филиппова, послѣ чего остальные Мориски были частію казнены, частію переселены въ другія мѣста Кастиліи. Но духовенство постоянно смотрѣло на нихъ съ недовѣрчивостью, и такъ какъ содержаніе миссій и школъ было для него слишкомъ тягостно, то оно выговорило у Филиппа III указъ (1609) всѣмъ потомкамъ Мавровъ выселиться изъ Испаніи, и этотъ указъ, не смотря на представленія землевладѣльцевъ, которые имѣли въ нихъ самыхъ трудолюбивыхъ арендаторовъ, былъ исполненъ съ свирѣпою жестокостью. Тогда около 800,000 Мавровъ, мущинъ и женщинъ, старцевъ и дѣтей, покинули свою родину, свои цвѣтущія поля и построенныя собственными трудами хижины, чтобы снова вести бродячую жизнь на африканскомъ побережьѣ или, въ качествѣ морскихъ разбойниковъ, мстить судамъ своихъ мучителей. Оставшіеся въ Испаніи наружно подчинились христіанскимъ церковнымъ обычаямъ и глубоко затаили вѣру своего сердца. Вскорѣ цвѣтущія нивы южной части края превратились въ пустыню; земледѣліе пришло въ упадокъ, промышленность въ застой; цвѣтущія селенія стали развалинами, промышленные города опустѣли; бѣдность, нечистота и лѣнь водворились въ нѣкогда богатыхъ и счастливыхъ областяхъ, объ исчезнувшей роскоши которыхъ и теперь еще свидѣтельствуютъ громадныя развалины. Евреевъ постигла та же участь; духовенство и

придворные подѣлили между собою имущество и сокровища гонимыхъ. — Поразительно описалъ эти ужасныя войны въ Гранадѣ (§ 343) великій испанскій историкъ Мендоса.

§ 396. Уничтоженіе сословныхъ правъ при Карлѣ I (V). Жестокая судьба преждевременно свела въ могилу большую часть дѣтей Фердинанда и Изабеллы, вслѣдствіе чего правленіе перешло къ дочери ихъ Іоаннѣ и мужу ея Филиппу Бургундскому (§ 399), по смерти матери въ Кастиліи (1504). Когда же Филиппъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, а Іоанна лишилась разсудка, тогда земскіе чины Кастиліи, подъ вліяніемъ Хименеса, провозгласили Фердинанда (незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшагося государемъ Неаполитанскимъ, § 391) опекуномъ его внука, Карла I (какъ Нѣмецкій императоръ, Карлъ V), назначеннаго имъ наслѣдникомъ всѣхъ испанскихъ владѣній. По смерти Фердинанда (1516), Хименесъ принялъ на себя регентство въ Кастиліи за находившагося тогда въ Нидерландахъ, шестнацатилѣтняго Карла, и усердно дѣйствовалъ въ его интересахъ, такъ что послѣдній (не смотря на то, что Іоанна была еще въ живыхъ) былъ признанъ королемъ Кастиліи и Арагоніи (1517). Хименесъ привелъ войска, финансы и военные запасы въ такое состояніе, что земскіе чины не осмѣлились ничего предпринять противъ него. Но юный, неопытный король, Фламандецъ по нравамъ, языку и склонностямъ, прибывъ въ Испанію, внималъ лишь совѣтамъ своихъ нидерландскихъ любимцевъ, неблагодарно уволилъ кардинала Хименеса, оказавшаго большія услуги коронѣ (эта неблагодарность сильно поразила 80-лѣтняго старика) и назначилъ Нидерландцевъ на важнѣйшія церковныя и государственныя должности. Это возбудило такое неудовольствіе въ цѣломъ краѣ, что въ отсутствіе Карла для принятія нѣмецко-императорской короны, въ Кастиліи и Валенсіи дворянство соединилось съ городами для возстанія (1519) и рѣшилось оружіемъ вынудить ограниченіе королевской власти и расширеніе своихъ политическихъ правъ. Во главѣ возставшихъ былъ храбрый и полный высокихъ замысловъ Донъ Жуанъ Падилья, изъ Толедо; ближайшею цѣлью ихъ было учрежденіе новаго правительства именемъ поврежденной Іоанны (которою они овладѣли). Но когда го-

рода ввели у себя демократически-общинное управленіе, заключили между собою хунту (союзъ) и потребовали распространенія податей на дворянское сословіе, тогда между послѣднимъ и горожанами произошелъ разладъ, доставившій окончательную побѣду коронѣ. Послѣ пораженія возставшихъ при Вильяларѣ и казни Падильи (1521), мятежъ мало-помалу былъ подавленъ. Однако Толедо, гдѣ обороною управляла великодушная супруга Падильи, донья Марія Пачеко, былъ взятъ лишь послѣ шестимѣсячной осады. Съ тѣхъ поръ политическая жизнь прекратилась въ Испаніи. Дворянство и духовенство тѣсно примкнули къ престолу; города лишились своихъ вольностей и правъ, сеймы (кортесы) собирались все рѣже и рѣже, и оппозиція городскихъ депутатовъ потеряла всякое значеніе.

4. Новобургундское государство.

§ 397. Филиппъ Смѣлый (1363 — 1404), къ полученному имъ въ лэнъ отъ отца своего, короля Іоанна Французскаго (§ 377), Бургундскому герцогству (съ Дижономъ, Отёнемъ и другими городами), присоединилъ черезъ брачный союзъ принадлежавшее прежде Нѣмецкой имперіи бургундское Вольное графство (Franche Comté), и получилъ въ наслѣдство богатыя фландрскія области съ Артуа, Мехельномъ, Антверпенемъ и проч. Сынъ его Іоаннъ Безстрашный (1404—19) и внукъ Филиппъ Добрый (1419—67) распространили свое господство въ другихъ нидерландскихъ областяхъ, дотолѣ повиновавшихся разнымъ герцогамъ, графамъ и духовнымъ и свѣтскимъ господамъ подъ верховнолэннною властью нѣмецкихъ императоровъ, подчинивъ себѣ наслѣдованіемъ, куплею или оружіемъ Голландію, Фризландію, Зеландію, Геннегау, Брабантъ, Намюръ, Люксембургъ, Лимбургъ и другія области, и основавъ такимъ образомъ государство, которое могло соперничать съ Италіею въ образованности, искусствѣ, промышленности и благосостояніи.

Города Гентъ, Брюссель, Антверпенъ, Брюгге, Лувенъ и другіе, обогатившіеся промышленностію (брабантскія кружева) и торговлею, и густо населенные множествомъ фабричнаго народа, имѣ-

ли большія привилегіи, свободныя учрежденія и обученное ратному дѣлу городовое войско, съ которымъ они всегда были на готовѣ отстранять всякую помѣху ихъ торговлѣ и промышленности, и всякое посягательство на ихъ права. Въ эпоху англо-французскихъ войнъ (§ 379), богатый пивоваръ Яковъ Артевельде съ своими слугами и наемниками отнялъ у графа Фландрскаго господство надъ своей родиной Гентомъ и въ теченіе девяти лѣтъ управлялъ подъ защитою Англіи учрежденною тамъ республиканской общиной, пока былъ низвергнутъ и убитъ своимъ соперникомъ, фабрикантомъ шерстяныхъ издѣлій Денисомъ (1345). — Подати могли быть налагаемы не иначе, какъ съ согласія земскихъ чиновъ, судъ въ каждой провинціи, въ каждомъ городѣ производился по мѣстному праву и собственнымъ законамъ. Каждый герцогъ, принимая власть, долженъ былъ клятвенно обѣщать, что это право и эти законы останутся неприкосновенными (Joyeuse entrée [1]).

Благоразумный герцогъ Филиппъ Добрый былъ однимъ изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ государей того времени. Онъ окружилъ себя дворомъ, далеко прославившимся пышностію и свѣтскимъ образованіемъ; воинскими потѣхами и правилами вѣжливости онъ перевоспиталъ нидерландскихъ дворянъ въ блестящее, отличавшееся ловкостію и тонкимъ обхожденіемъ рыцарство и привлекъ къ себѣ знатные роды, жалуя ихъ орденомъ Золотаго Руна и другими отличіями. Въ тоже время былъ онъ благосклоненъ и внимателенъ къ горожанамъ, которыхъ расположеніе умѣлъ снискать и сохранить любезною народу простотою своихъ пріемовъ. При немъ былъ основанъ его дядею Антономъ университетъ въ Лувенѣ.

§ 398. Сынъ Филиппа Карлъ Смѣлый (1167—77) пріобрѣлъ покупкою еще области Гельдернъ и Цютфенъ и довелъ до высшей степени блескъ рыцарственнаго двора въ Бургундіи. То былъ человѣкъ, исполненный энергіи, храбрости и воинскаго духа, способный къ высокому и благородному образу мыслей и къ истинно-геройскому величію; но властолюбіе,

[1] Joyeuse entrée, т. е. радостнымъ вшествіемъ, называлось именно это вступленіе во власть при торжественномъ возобновленіи сопряженныхъ съ нею условій, изъ которыхъ важнѣйшимъ было то, что въ случаѣ нарушенія герцогомъ установленныхъ правъ, подданные освобождались отъ своихъ къ нему обязанностей.

жажда славы и необузданныя страсти, подавили въ немъ лучшія стремленія и сдѣлали изъ него съумасброднаго, гордаго и жестокаго государя.—Карлъ стремился къ расширенію своего прекраснаго, простиравшагося отъ Голландіи до Альповъ герцогства въ австразійское (галло-бельгійское) королевство, котораго восточною границей былъ бы Рейнъ. Поэтому онъ охотно принялъ вызовъ низложеннаго папою архіепископа кёльнскаго—помочь ему въ завоеваніи утраченнаго епископства, надѣясь при этомъ подчинить своей власти прирейнскіе города. Но стойкое сопротивленіе гражданъ Нёйса (1473) и приближеніе императорскаго войска подъ начальствомъ Фридриха III помѣшали исполненію этого плана и принудили Карла къ отступленію.—Незадолго передъ тѣмъ, герцогъ Сигизмундъ Австрійскій, нуждаясь въ деньгахъ для покрытія расходовъ на несчастную войну съ Швейцарцами, отнявшими у него Тургау, заложилъ габсбургскія владѣнія въ Эльзасѣ, Зундгау и Брейсгау Карлу Смѣлому, а тотъ поставилъ надъ ними несправедливаго фохта. Хитрый король Французскій Людовикъ XI (§ 381) съ завистію и безпокойствомъ смотрѣлъ на возрастающее могущество сосѣда, но съ тѣхъ поръ какъ, въ союзѣ съ многими недовольными французскими вельможами, Карлъ побѣдилъ его на полѣ битвы и принудилъ къ невыгодному миру, онъ уже болѣе разсчитывалъ на обманъ, хитрость и вѣроломство чѣмъ на перемѣнчивое военное счастіе, а потому и постарался уладить между Габсбургами и Швейцарцами «вѣчный миръ», а герцога австрійскаго снабдилъ деньгами на выкупъ заложенныхъ владѣній. Но какъ Карлъ сталъ медлить возвращеніемъ ихъ, то тѣснимые Эльзасцы прогнали бургундскій гарнизонъ, по приказанію Сигизмунда казнили осужденнаго чрезвычайнымъ судомъ фохта (Петра Гагенбаха) и, когда разгнѣванный Карлъ выступилъ противъ нихъ съ войскомъ, заключили, при посредничествѣ Франціи, союзъ съ герцогомъ Лотарингскимъ и Швейцарцами. Карлъ овладѣлъ уже давно соблазнявшею его Лотарингіей, столицу которой Нанси онъ намѣревался сдѣлать своею резиденціей, и потомъ съ отличнымъ, превосходно вооруженнымъ и богато одѣтымъ ополченіемъ двинулся изъ Рейзигена черезъ Юру противъ

Швейцарцевъ. Участь храбраго грансонскаго гарнизона, отчасти повѣшеннаго, отчасти утопленнаго побѣдителемъ въ Нейенбургскомъ (Нёшательскомъ) озерѣ, воодушевила Швейцарцевъ къ отмщенію. Въ битвѣ подъ Грансономъ (1476) вдвое слабѣйшее войско ихъ нанесло такое полное пораженіе Бургундцамъ, что оставшіеся въ живыхъ разбѣжались въ безпорядкѣ, а превосходная артиллерія, также какъ и великолѣпный лагерь, полный дорогихъ тканей, одеждъ, золота, серебра и самоцвѣтныхъ камней, достались не знавшему цѣны имъ непріятелю. Внѣ себя отъ досады на это уничиженіе, Карлъ такъ дѣятельно вооружался, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ уже выставить новое сильное войско противъ Швейцарцевъ. Но и Муртенская битва имѣла такой же исходъ; побѣдители снова обогатились несмѣтною добычей, и сверхъ того Бернъ отнялъ у союзнаго съ Бургундіей, Савойскаго дома, область Ваадтъ.—Несчастіе помутило умъ Карла; предаваясь слѣпой ярости и помышляя только о мщеніи, онъ отвергалъ всякое примирительное посредничество, и когда герцогъ Лотарингскій снова завоевалъ свои владѣнія при помощи Швейцарцевъ, онъ въ третій разъ выступилъ противъ закаленнаго въ бояхъ врага. Но въ январѣ 1471 г. войско его потерпѣло на обледенѣвшихъ поляхъ близъ Нанси третье страшное пораженіе, частію отъ храбрыхъ Швейцарцевъ, Эльзасцевъ и Лотарингцевъ, частію вслѣдствіе измѣны его итальянскаго кондотьера. Самъ онъ бѣжалъ и былъ убитъ на одномъ замерзшемъ болотѣ.

§ 399. Тогда Людовикъ XI присвоилъ себѣ собственно-Бургундское герцогство (Бургонь), какъ упразднившійся лэнъ французской короны, и уже замышлялъ овладѣть остальными землями. Но дочь Карла Марія вышла замужъ за храбраго Максимиліана Австрійскаго [1], избраннаго ей въ женихи еще отцомъ; его не разъ испытанный мечъ побѣдилъ Французовъ въ битвѣ при Гинегатѣ [2] (1479) и заставилъ

[1] Будущій императоръ былъ въ то время еще такъ бѣденъ, что Марія должна была послать ему денегъ на проѣздъ!

[2] Въ нынѣшнемъ департаментѣ Франціи Па-де-Кале. Сраженіе это было не рѣшительное, и придавая ему (въ подлинникѣ) названіе «битвы шпоръ», авторъ очевидно смѣшиваетъ его съ другимъ позднѣйшимъ сраженіемъ при Гинегатѣ (1513), въ кото-

ихъ отказаться отъ остальныхъ провинцій. Вскорѣ умерла благородная Марія (1482) отъ паденія подъ ней лошади на соколиной охотѣ. (Смѣлая охота была также страстью и Максимиліана). Тогда Французскій король возобновилъ свои коварные происки, чтобы возстановить нидерландскіе города (могущество которыхъ возросло съ тѣхъ поръ, какъ бургундское рыцарство подверглось кровавымъ пораженіямъ) противъ Максимиліана, избраннаго опекуномъ къ своему малолѣтному сыну Филиппу (1488). Гентъ отложился отъ него, Брюггскіе цехи нѣсколько времени держали его въ плѣну, Брабантъ колебался; однако своей твердостью и мужествомъ Максимиліанъ умѣлъ достигнуть повсемѣстнаго признанія въ Нидерландахъ своихъ опекунскихъ правъ. Сынъ Филиппа Карлъ, отъ испанской королевы Іоанны (§ 396), родившійся въ первый годъ шестнадцатаго вѣка (1500) въ Гентѣ, наслѣдовалъ всѣ владѣнія своихъ родителей и дѣдовъ. Но всего болѣе любилъ онъ свои бургундскія наслѣдственныя земли, особенно же богатые, образованные и дѣятельные Нидерланды, которые онъ соединилъ въ одно цѣлое пріобрѣтеніемъ Фрисландіи, Грёнингена, Оверъ-Исселя и Утрехта и завоеваніемъ возставшаго Гельдерна. Конечно, это соединеніе было чисто внѣшнее; названныя области, состоя подъ управленіемъ одного верховнаго главы, имѣли каждая свои обычаи, культуру, бытъ и стремленія и разъединялись между собою враждебнымъ чувствомъ и провинціальною завистью. Общаго между ними была лишь любовь къ свободѣ и приверженность къ наслѣдованнымъ отъ предковъ учрежденіямъ и уставамъ. Оттого Карлъ щадилъ ихъ національныя права, какъ ни сильно стремился онъ къ единообразію въ государственномъ и судебномъ устройствѣ и къ усиленію королевской власти. Кажется, онъ имѣлъ въ виду именно это единообразіе, совокупляя всѣ Нидерланды въ одинъ округъ Нѣмецкой имперіи. Безразсудныя нововведенія сына его, Филиппа, повлекли къ отпаденію Нидерландскихъ областей.

ромъ Французы были дѣйствительно разбиты Англичанами, а Максимиліанъ, хотя и участвовалъ въ немъ какъ союзникъ Англіи, но явился въ поле безъ денегъ и безъ войскъ.

5. Скандинавія.

§ 400. Введеніе христіанства и его послѣдствія. Когда прекратились отважныя мореплаванія и странствованія Норманновъ и Датчанъ (§ 277, 284 и слѣд.) въ далекіе края, нѣкоторымъ предпріимчивымъ князьямъ удалось возвыситься надъ другими племеначальниками (фюлькенконунгами, т. е. князьями отдѣльныхъ народцевъ) и соединеніемъ подъ своей рукою разныхъ племенъ или волостей основать королевство. Въ Норвегіи (875) сдѣлалъ это Гаральдъ Прекраснокудрый (Гарфагръ), въ Даніи (ок. 900) — Гормъ Старый, а въ Швеціи — Инглинги [1]. Но лишь послѣ сильнаго сопротивленія храбрые племеначальники Норманновъ склонились передъ верховнымъ королемъ, котораго привыкли считать себѣ равнымъ; многіе недовольные князья вспомнили тогда прежніе морскіе походы и пустились искать себѣ въ чужихъ земляхъ новой родины. Такъ Ролонъ (Рольфъ, Ганга-Рольфъ, при крещеніи Робертъ) водворился съ своими смѣлыми дружинами во французской Нормандіи (§ 279), а другіе заселили отдаленную Исландію (§ 288). Поэтому-то вся средневѣковая исторія Скандинавіи и состоитъ изъ ряда внутреннихъ усобицъ, безпрерывной борьбы сильныхъ съ сильнѣйшими; при господствовавшей тогда идеѣ равенства между князьями-волостеначальниками, каждый считалъ себя въ правѣ носить корону точно также какъ и другой. Вслѣдствіе того каждое упраздненіе престола вызывало борьбу за него между соискателями; корона обыкновенно доставалась побѣдителю, но приносила съ собой мало власти и вѣса. Языческія понятія о царѣ, какъ только о военачальникѣ, верховномъ жрецѣ и судіи, сохранились и въ христіанскую эпоху. Часто не ожидали даже упраздненія престола, а прямо подымали мечъ для низверженія царствующаго короля. Раздоры въ самихъ королевскихъ фамиліяхъ частые

[1] Такъ назывался древнѣйшій родъ Шведскихъ королей отъ Ингве или Фрея, одного изъ преемниковъ короля Гюльфе, при которомъ, по преданію, пришелъ изъ Гардарика (сѣверной части нынѣшней Россіи) Одинъ и былъ усыновленъ бездѣтнымъ государемъ Швеціи. Инглингамъ, какъ и многимъ другимъ владѣтельнымъ родамъ Скандинавовъ и Англо-саксовъ, необходима была кровная связь съ Одиномъ.

передѣлы и отсутствіе закона о престолонаслѣдіи облегчали строптивымъ вельможамъ ихъ мятежныя предпріятія. Безпрестанныя борьбы королей съ племеначальниками мореходныхъ Норманновъ мѣшали быстрому и прочному водворенію христіанства въ Скандинавіи. Ибо хотя еще въ 9 вѣкѣ Евангеліе проповѣдывалось во всѣхъ трехъ государствахъ «апостоломъ сѣвера» Ансгаромъ (§ 284) и британскими миссіонерами (§ 280), и въ Норвегіи — Гаконъ Добрый, въ Даніи — дѣдъ Канута, Гарольдъ Синезубъ, а въ Швеціи — Олафъ Счётконунгъ (т. е. Пѣстунецъ) обратились къ христіанству во второй половинѣ десятаго вѣка, однакожь культъ Одѝна еще болѣе столѣтія боролся за первенство съ поклоненіемъ Спасителю, и многіе исповѣдники Евангелія приняли мученическую смерть. Долго христіанскіе короли управляли народцами и племеначальниками, изъ которыхъ одни служили уже истинному Богу, другіе по обычаю предковъ приносили жертвы на алтаряхъ своихъ національныхъ божествъ. Прежде всего христіанство восторжествовало въ Даніи благодаря Кануту Великому (§ 285); нѣсколько позже въ Норвегіи и Исландіи, послѣ настойчивыхъ усилій Олафа Святаго (правнука Гаральда Прекраспокудраго), который хитростью и строгостью вводилъ евангельское ученіе у своего народа; въ Швеціи же совершилось это не ранѣе половины 12 столѣтія, при Эрихѣ XI Святомъ, хотя уже лѣтъ за сто передъ тѣмъ низвергнутъ былъ главный идолъ въ Упсалѣ и основанъ тамъ христіанскій соборный храмъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ Евангеліе перешло и къ Финнамъ, у которыхъ вмѣстѣ съ шведскимъ завоеваніемъ началось и обращеніе язычниковъ. Финскій народъ (особенно Карелы), состоявшій только изъ господъ и рабовъ, былъ еще въ полудикомъ состояніи, безъ всякой государственной связи и законнаго порядка; одни родовые старшины имѣли нѣкоторую власть надъ суровыми и кровожадными язычниками. Первыя понятія о свободѣ и достоинствѣ человѣческомъ водворены у нихъ христіанствомъ, имѣвшимъ на Скандинавскомъ сѣверѣ вообще самое благодѣтельное вліяніе [1].

[1] Суровость климата, скудость почвы и трудная борьба съ неблагопріятною природой и бурнымъ моремъ развили у сѣвернаго язычника характеръ дикаго, отчаяннаго разгула, необузданной удали и привычки ставить кровь и жизнь ни во что.

Бенедиктинскіе монахи, поселясь въ этой гористой, изрѣзанной рѣками, озерами и заливами, странѣ, не только насадили въ ней семя духовнаго развитія, но и облагородили самый бытъ, познакомивъ здѣшній народъ съ выгодами цивилизаціи. Они ввели грамоту и замѣнили недостаточныя рунические письмена латинскимъ алфавитомъ, они поощряли земледѣліе и сѣяли новые хлѣба, строили мельницы, разрабатывали рудники и навели суровый народъ, дотолѣ занятый только войною да мореплаваніемъ и жившій скотоводствомъ да рыбной ловлею, на путь мирныхъ занятій промыслами и хлѣбопашествомъ. Христіанство умалило также неизмѣримую бездну, зіявшую до тѣхъ поръ между свободными и несвободными, водворивъ въ сердцѣ каждаго чувство человѣческаго достоинства и сознаніе равенства людей передъ Богомъ, а принятіемъ рабовъ въ христіанскую общину оно значительно смягчило ихъ тяжкую прежде участь. — Только языческая поэзія и преданія старины пострадали отъ религіозной ревности монаховъ, и внутренная жизнь отдаленнаго Исландца утратила свое прежнее богатство, лишась поэтическаго клада прадѣдовъ-язычниковъ, который отняло у него христіанство.

Перемѣну, произведенную христіанствомъ въ Исландіи, Дальманъ изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ: «Когда зима налегала на сонную природу и затягивала ее въ свой громадный саванъ, мѣстами только прорываемый струями кипучихъ ключей и огнедышащими жерлами волкановъ, когда умолкали судбища, и земледѣльцу почти нечего было дѣлать въ полѣ, тогда при возвращеніи его изъ-подъ бури и изъ-подъ стужи къ пылающему домашнему очагу, къ своимъ односемьянамъ и къ оставшемуся у него на зимовку гостю, возникалъ передъ нимъ опять цѣлый міръ воспоминаній. Изъ всѣхъ сыновъ сѣвера конечно наиболѣе потерялъ Исландецъ, отвратясь отъ своихъ боговъ и принявъ служеніе иному Богу. Онъ утратилъ тогда все, въ чемъ былъ неподражаемымъ мастеромъ, утратилъ свой прежній взглядъ на природу и съ нимъ всю образную, наглядную, живую основу своего знанія, свое ученіе о созданіи міра и его кончинѣ, которое безспорно только въ этой странѣ мороза и огня могло выработаться въ такомъ видѣ, въ какомъ представляетъ ее намъ Вёлуспа,—утратилъ все накопленное богатство своей фантазіи, дѣтище

его бѣдности и единственную его отраду за неимѣніемъ потѣхъ войны и военной славы,—утратилъ для того, чтобъ сдѣлаться младшимъ ученикомъ новаго южнаго ученія, и ученикомъ остаться навсегда. Вѣдь онъ не могъ возсоздать ни священной музыки южанъ, ни изящныхъ образовъ ихъ; его деревянныя молельни, часто скромныя до того, что ночующій въ нихъ путешественникъ прикрѣпляетъ свою койку однимъ концомъ къ рѣшеткѣ алтаря, а другимъ къ столбу каѳедры,—эти молельни никогда не выростали въ соборы, и живое, теплое участіе къ ученію, передаваемому на латинскомъ языкѣ, было здѣсь совершенной невозможностью. Только искусство писать, вошедшее сюда вмѣстѣ съ христіанствомъ, могъ онъ собственно принимать за чистый выигрышъ, и онъ рано и ревностно приложилъ это искусство къ своему родному языку [1].»

§ 401. Средневѣковой бытъ Скандинавіи. Скоро и въ Скандинавіи совершилось такое же раздѣленіе народа на сословія, какъ и въ остальной Европѣ, хотя только въ одномъ изъ трехъ государствъ, именно въ Даніи, выработалась феодальная система (при Канутѣ Великомъ). Изъ вольныхъ землевладѣльцевъ выдѣлились богатые и сильнѣйшіе и добились для себя свободы отъ податей за обязательство нести на свой счетъ конную службу въ ополченіи; другіе, менѣе сильные, не имѣя этого преимущества, сохранили однакожь свою личную вольность, благодаря тому, что имъ предоставлено было право носить мечъ, тогда какъ большая часть вольныхъ хлѣбопашцевъ лишилась своего оружія; слѣдствіемъ этого было безпрерывное стѣсненіе и умаленіе ихъ свободы, такъ что они приравнялись наконецъ къ безправному сословію крѣпостныхъ и оброчниковъ въ другихъ земляхъ, пока наконецъ въ Швеціи, къ исходу 15 вѣка, не пріобрѣли снова участія въ политической жизни государства съ учрежденіемъ сеймовъ, которые заступили мѣсто средневѣковыхъ господскихъ съѣздовъ или думъ и въ которыхъ представители свободныхъ поселянъ получили мѣсто и голосъ. Только въ Норвегіи свободное крестьянское сословіе постоянно сохраняло за собою значительнѣйшія права.—Всего ближе къ высшему дворянству стояло духовное сословіе, котораго главы,

[1] Картина вѣрна и трогательна, но не надо при этомъ забывать, что безъ введенія христіанствомъ грамотности Исландецъ не имѣлъ бы даже средствъ обезпечить сохраненіе памятниковъ своей драгоцѣнной старины,—драгоцѣнной не только для него, но и для всего человѣчества.

архіепископы: упсальскій для Швеціи, лундскій для Даніи (потому что южныя области Швеціи, Сканія, Галландъ и Блекингенъ, въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ принадлежали Датчанамъ), и дронтгеймскій для Норвегіи, могуществомъ почти равнялись съ королями и даже присвоивали себѣ право располагать короною. Вклады и отказы, сборъ десятины и свобода отъ податей (иммунитетъ) доставляли великія богатства церкви, а благодаря самосуду (въ силу каноническаго права) и независимому положенію передъ тономъ, она достигла высокой степени могущества. Оба сословія, дворянское и духовное, при слабости короны, должны были пріобрѣсть тѣмъ болѣе силы и значенія, что здѣсь не противустало имъ, какъ въ Германіи, самостоятельное среднее сословіе съ свободнымъ общиннымъ устройствомъ и сильнымъ городскимъ ополченіемъ. Ибо и тѣ немногіе города, которые находимъ мы теперь въ томъ краѣ, достигли нѣкотораго процвѣтанія и значенія только уже въ позднѣйшія времена. Произведенія искусства и промышленности доставлялись туда ганзою, имѣвшею въ трехъ скандинавскихъ королевствахъ свои факторіи, заправлявшею всѣми торговыми дѣлами прибалтійскихъ странъ и можетъ-быть мѣшавшею изъ зависти учрежденію городскихъ общинъ у сосѣдей. — Напротивъ, законодательство въ этихъ трехъ державахъ развилось довольно рано. Земскій миръ былъ уже прочно водворенъ въ то время, когда въ Германіи частныя усобицы и разбои по большимъ дорогамъ были еще въ полномъ ходу; суды Божіи были воспрещены и законы о наслѣдствѣ (наприм. установленіе, что дочь получаетъ третью часть послѣ родителей) равно положили основаніе благоустроенному быту. Какъ законодатели, достопамятны: въ Даніи Вальдемаръ I (которому помогалъ умный архіепископъ лундскій, Авесаломъ изъ Рёскильда); въ Швеціи Биргеръ Ярлъ и сынъ его Магнусъ Ладулосъ (во второй половинѣ 13 вѣка), а въ Норвегіи Магнусъ VII, прозванный «Исправителемъ законовъ».

§ 402. **Скандинавскія державы до Кальмарскаго союза.**

а) **Данія и Норвегія.** Въ Даніи, гдѣ по несчастію господствовала смѣсь наслѣдственнаго и избирательнаго начала, потомки сестры Канута II (Эстридиды [1]) въ 12 и 13 вѣкахъ

[1] Авторъ называетъ ихъ Эстридидами, но имъ чаще придаютъ названіе Ульфинговъ по имени мужа Эстриды, Ульфа, который въ отсутствіе Канута управ-

обладали бо́льшею частію острововъ и побережьевъ Балтики. Вальдемаръ I (1157—82) и сынъ его Канутъ VI (1182—1202) положили начало этому величію; поощряемые предпріимчивостью и руководимые совѣтомъ епископа Авесалома (Акселя) зеландскаго, «пробудителя и знаменоносца смѣлаго патріотическаго чувства», они покорили своей державѣ Голштинію, Рюгенъ, Померанію, Мекленбургъ и разные другіе берега и острова Балтійскаго моря. Смуты и рознь Нѣмецкой имперіи во время усобицъ Вельфовъ съ Гогенштауфенами (§ 316. 318 б.) очень благопріятствовали ихъ замысламъ. Всегда почти величіе Германіи плохо мирилось съ величіемъ Даніи; могущество и успѣхи одной шли большею частью объ-руку съ слабостью и разорванностью другой. Въ союзѣ съ императоромъ Оттономъ IV, Канутъ перешелъ за Эйдеръ, послѣ побѣды при Стильновѣ (1201) надъ графомъ Шауэнбургскимъ покорилъ себѣ сѣверное Приэльбье или Полабье (Нордальбингію) и подчинилъ датскому владычеству города Гамбургъ, Рацебургъ, Гадебу́шъ и даже сильный на морѣ Любекъ. Завоеванія отца и брата продолжалъ Вальдемаръ II (1202—1241), Побѣдитель, съ такимъ успѣхомъ, что наконецъ присоединилъ къ прочимъ своимъ владѣніямъ всѣ славянскія земли на южномъ и восточномъ берегахъ Балтики, отъ Голштиніи до Эстляндіи (слѣдовательно—Лауэнбургъ, Мекленбургъ, Померанію, часть Пруссіи и всю береговую полосу Остзейскаго края) и могъ справедливо назваться королемъ Датчанъ и Вендовъ и властителемъ Нордальбингіи (Швезвигъ-Голштейна). Войну противъ языческихъ Ливовъ и Эстовъ западное христіанство почитало за крестовый походъ, а потому одержанная Датчанами побѣда при Ревелѣ (1219) слыла у нихъ за торжество самой Церкви, которая возвеличила ее легендою о священной, съ неба упавшей хоругви, данеброгъ, оставшейся съ тѣхъ поръ государственнымъ знаменемъ Датчанъ. Слово Вальдемара II имѣло силу отъ Финскаго залива до Стаде [1]. Онъ основалъ городъ Штраль-

лялъ Даніею, какъ попечитель малолѣтнаго сына его Гардикнуда (впослѣдствіи Канута III) и потомъ былъ убитъ возвратившимся королемъ, за явное стремленіе овладѣть престоломъ.

[1] Теперь укрѣпленный торговый портъ въ Ганноверѣ, при рѣкѣ Швинге, недалеко отъ впаденія ея въ устье Эльбы.

зундъ и надѣлилъ его большими правами и льготами, и старался новымъ уложеніемъ еще крѣпче привязать къ Даніи новопокоренные края. — Но жестокосердіе его возбудило къ нему общую ненависть, и всѣ подвластные ему князья поспѣшили отложиться отъ него, какъ скоро узнали, что глубоко оскорбленному имъ графу Генриху Шверинскому удалось захватить его на охотѣ (май 1223) и, вмѣстѣ съ молодымъ королемъ, его сыномъ, заключить въ крѣпкій замокъ Деннебергъ, гдѣ узники провели болѣе двухъ лѣтъ. Когда отступясь отъ лѣннаго господства надъ Голштиніей и славянскими землями и заплативъ большой выкупъ, Вальдемаръ освободился изъ заточенія, онъ хотѣлъ было снова покорить уступленныя области; но князья и города, которымъ угрожалъ вѣроломный король, быстро соединили противъ него свои силы и, побѣдою при Борнгёведе (22 іюля 1227), близь Киля, отстояли свою независимость. Голштинія, Мекленбургъ, Померанія и т. д. возвратились къ прежнему политическому быту подъ верховно-лѣнной властью императора; Гамбургъ и Любекъ достигли прочнаго начала своей имперской вольности, а крестьянская республика Дитмарсеновъ (§ 316 б.) опять пріобрѣла свою самобытность. Такъ рушилось горделивое зданіе обоихъ Вальдемаровъ; изъ всѣхъ завоеваній своихъ Данія сохранила только остр. Рюгенъ и Эстляндію до тѣхъ поръ, пока первый достался Померанін (1325), а вторая была уступлена Нѣмецкому Ордену (1347). Города сѣверной Германіи воспользовались новопріобрѣтенною ими непосредственною подвластностью имперіи для достиженія городскихъ правъ и свободно установленныхъ законоположеній. Брауншвейгъ, оказавшій полоненному въ Борнгёведской битвѣ союзнику Вальдемара, Вельфу Оттону Дитятѣ, трогательную преданность, получилъ въ награду за это важныя преимущества и льготы. — Съ кончиною Вальдемара (1241) начинается для Даніи печальная пора внутренняго разлада. Правило, что когда старшій сынъ становился королемъ, меньшіе получали каждый свою область въ независимое управленіе, вело къ кровопролитнымъ войнамъ и безпрерывнымъ усобицамъ, въ которыхъ короли по большей части погибали насильственною смертью или бѣдствовали въ изгнаніи, важнѣйшіе острова и области

становились добычею сосѣднихъ государей, а знатное дворянство прибирало къ рукамъ всю власть. Къ свободѣ отъ всякихъ податей большіе землевладѣльцы присоединили теперь еще право собственнаго суда, замѣнивъ прежніе окружные суды, которыхъ вѣдомство простиралось на всѣхъ вообще подданныхъ, своими вотчинными судами, простершими мало-по-малу свою власть и на мелкихъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ [1]. Только уже Вальдемаръ IV (Аттердагъ, 1340—75), государь дѣятельный и предпріимчивый, возстановилъ опять внутренній порядокъ и снова присоединилъ къ Даніи отнятыя у нея земли. Дочь его Маргарита (— 1412), въ супружествѣ съ Гаакономъ VIII, королемъ Норвегіи (гдѣ по пресѣченіи въ мужскомъ колѣнѣ потомства Гаральда Прекраснокудраго въ 1319 г., избранъ былъ государь изъ шведскаго владѣтельнаго дома Фолькунговъ), соединила чрезъ такъ-называемый Кальмарскій союзъ (1397) всѣ три скандинавскія державы подъ своимъ скипетромъ. — «Черная смерть» (§ 357), постигшая въ половинѣ 14 вѣка всѣ европейскія страны, такъ жестоко свирѣпствовала въ Норвегіи, что край совершенно обезлюдѣлъ; въ Даніи погибла отъ него цѣлая треть населенія.

б) Швеція. И Швеція въ 12 и 13 столѣтіяхъ была жертвою такихъ ожесточенныхъ споровъ за престолъ, что лишь немногіе изъ ея государей умирали естественною смертью; междоусобствующіе владѣтельные дома Готовъ или Готландцевъ, на югѣ, и Шведовъ (Свеоновъ), болѣе къ сѣверу, истребляли другъ друга какъ могли, а между тѣмъ вся сила и власть переходила въ руки воинственной и своевольной знати. Даже могущественный родъ Фолькунговъ, вступившій въ 13 вѣкѣ (1250) на престолъ въ лицѣ Вальдемара I (сына ярла [2], т. е. регента или намѣстника, Биргера, который основалъ Стокгольмъ, положилъ начало земскому миру и исправилъ законодательство),—даже и этотъ знаменитый родъ палъ черезъ нѣсколько десятилѣтій отъ ударовъ жестокой судьбы, преслѣдовавшей всѣ владѣтельные домы Швеціи. Изъ

[1] Сельскіе жители стали вслѣдствіе того совершенными рабами.

[2] Сходно съ англосаксонскимъ эрль (earl), т. е. графъ.

семи королей этой достославной династіи пятеро были свергнуты съ престола и умерли въ темницѣ или въ изгнаніи. Вѣчныя распри и частые передѣлы государства подорвали силу Фолькунговъ; при возстаніяхъ знати одинъ изъ членовъ королевскаго дома стоялъ обыкновенно во главѣ. Наиболѣе чтимымъ, счастливымъ и правосуднымъ между ними былъ выше упомянутый нами Магнусъ (1275—1290), снискавшій себѣ всеобщее уваженіе водвореніемъ правомѣрнаго порядка, такъ что его прозвали Ладулосъ, то-есть «овиннымъ замкомъ», потому что онъ дѣйствительно какъ замокъ охранялъ крестьянскіе овины отъ расхищенія. Его похоронили въ усыпальницѣ, которую самъ онъ устроилъ себѣ въ монастырѣ францискановъ, въ Стокгольмѣ, изъявивъ при томъ желаніе, чтобъ «память его не замерла вмѣстѣ съ звономъ колоколовъ надъ его могилой». По отрѣшеніи послѣдняго Фолькунга, Магнуса II (1319—63, царствовавшаго и въ Норвегіи) и сына его Гакона, Шведскій престолъ достался герцогу Альбрехту Мекленбургскому (1363—89, сыну Магнусовой сестры). Но вельможи, предоставившіе ему корону, отняли у нея всю власть и черезъ нѣсколько времени передали ее королевѣ Датско-Норвежской, Маргаритѣ (—1412). Это породило осьмилѣтнюю междоусобную войну, въ теченіе которой королевство терзалось крамолами, народъ былъ тѣснимъ и ганзеатами и Нѣмецкими рыцарями, помогавшими сверженному Альбрехту, а побережья опустошались морскимъ разбоемъ. Наконецъ Маргарита одержала верхъ, взяла въ плѣнъ Альбрехта и Кальмарскимъ союзомъ совокупила три скандинавскія державы въ одно государство (1397), только съ условіемъ, что каждая изъ нихъ сохранитъ свои особенныя права и свое отдѣльное устройство. Но чѣмъ именно было и чѣмъ могло впослѣдствіи сдѣлаться такое соединеніе, улаженное сильными міра по чисто случайнымъ побужденіямъ, объ этомъ не было и тѣни помысла ни у самихъ учредителей, ни у другихъ; вотъ почему этотъ внѣшній союзъ повлекъ только къ внутреннему разладу, и отъ него осталось одно имя, явившееся и исчезнувшее безъ значенія.

§ 403. Скандинавія со времени Кальмарскаго союза. Кальмарскій союзъ былъ пагубенъ для всѣхъ трехъ

державъ, да не могъ имѣть и прочной основы, какъ по враждѣ и племенной ненависти сосѣдственныхъ народовъ, такъ и по недостатку энергіи въ большей части правителей *. Въ Даніи короли были до того ограничены избирательными условіями (капитуляціями, рядами) со стороны землевладѣльческой аристократіи, что они скорѣе выходили предсѣдателями государственнаго совѣта, нежели правителями свободнаго народа; Норвегія утратила свою самостоятельность,—съ нею обходились уже какъ съ датскою провинціей, и если Швецію не постигла та же доля, то этимъ она была обязана отчасти своему упорному и энергическому сопротивленію, отчасти безсилію враждебныхъ ей государей. Ганзеаты, старавшіеся всѣми силами помѣшать прочному соединенію трехъ державъ, разжигали чувства ревности и подозрѣнія къ жившимъ въ Копенгагенѣ общимъ королямъ, которыхъ правители и чиновники распоряжались въ Швеціи какъ въ завоеванномъ краѣ; но какъ при этомъ взаимная зависть вельможъ, не хотѣвшихъ предоставить корону ни одному изъ своей туземной братьи, благопріятствовала господству Датчанъ, то отсюда происходило то странное явленіе, что союзъ, не будучи никогда крѣпокъ, никогда и не разрывался вполнѣ. Чуждые намѣстники хотя и были изгнаны изъ Швеціи, хотя къ союному договору и прибавлено условіе, что только туземцы могутъ занимать мѣста правителей королевства, однакожь если который-нибудь изъ нихъ, какъ напримѣръ Карлъ Кнутсонъ въ половинѣ 15 вѣка, простиралъ руку къ коронѣ, то его же односословники дружно возставали противъ такого замысла. Особенность этихъ отношеній вполнѣ сознавалъ храбрый, умный и любимый народомъ правитель королевства Стенъ Стуре (1471—1504), и не разрушалъ призрака датскаго владычества при Христіанѣ I (1448—81, съ которымъ на тронъ Даніи вступилъ Ольденбу́ргскій домъ) и сынѣ его Іоаннѣ (1481—1513), но въ Швеціи управлялъ мудро и энергически какъ вполнѣ независимый властитель. Онъ держалъ дворянъ въ повиновеніи и покорности, упреждалъ возстанія, искусно поддерживая ревность между свѣтскими и духовными вельможами и создавъ обѣимъ сторонамъ сильнаго врага въ депутатахъ отъ городовъ и вольныхъ хлѣ-

бопашцевъ; онъ поднялъ образованіе края, основавъ упсальскій университетъ, призывая въ Швецію иностранныхъ ученыхъ и поощряя заведеніе книгопечатень. Однакожь, когда второй преемникъ его, Стенъ Стуре Младшій, поссорился съ запальчивымъ архіепископомъ упсальскимъ Густавомъ Тролле, то съ помощью послѣдняго предпріимчивому, но самовластному Христіану II, снова удалось водворить датское господство въ Швеціи. Стенъ Стуре былъ побѣжденъ и смертельно раненъ на полѣ битвы (1520), и вслѣдъ за тѣмъ Христіанъ велѣлъ обезглавить въ Стокгольмѣ 94 человѣка самыхъ вліятельныхъ и могущественныхъ вельможъ (Стокгольмское кровопролитіе). Но самая эта жестокость, нѣсколько лѣтъ спустя, окончательно разорвала союзъ между Даніей и Швеціей.

*) Уже при наслѣдникѣ (двоюродномъ внукѣ) Маргариты, Эрихѣ Померанскомъ (1412—39, который велъ долгую, несчастную войну за обладаніе Шлезвигомъ съ герцогомъ Голштинскимъ и союзниками его Любчанами), возстали Шведы подъ начальствомъ великодушнаго Далекарлійца Энгельбрехта, сына Энгельбрехтова, противъ датскихъ намѣстниковъ и гнета податей, и выбрали себѣ правителемъ туземца. Когда вскорѣ потомъ Эриха отрѣшили также въ Даніи и онъ былъ вынужденъ бѣжать въ Готландію, гдѣ еще десять лѣтъ велъ удалую, наѣздническую жизнь, тогда Шведы признали своимъ совмѣстнымъ монархомъ Эрихова сестринича, герцога Христофора Баварскаго (1439—48), избраннаго Датчанами (безъ согласія Шведовъ); но скорая смерть безсильнаго властителя снова расторгла временный союзъ. Тогда шведской короны достигъ государственный маршалъ Карлъ Кнутсонъ (Карлъ VIII) и на короткое время соединилъ съ нею Норвегію, тогда какъ между тѣмъ Датчане призвали къ себѣ на тронъ герцога Ольденбургскаго Христіана I. Но Карлъ Кнутсонъ навлекъ себѣ ненависть жестокосердіемъ и алчностью. Постояннымъ войскомъ держалъ онъ въ повиновеніи дворянство и изгонялъ по своей волѣ враждебныхъ ему лицъ этого сословія; отобраніемъ въ казну духовныхъ имуществъ для обогащенія короны, онъ раздражилъ духовенство и особенно могущественнаго главу его, архіепископа упсальскаго, а гнетомъ податей возстановилъ противъ себя народъ. Послѣ непродолжительнаго царствованія Шведскій король поднялъ

на себя общее возстаніе, руководимое заодно дворянами и духовенствомъ, и былъ вынужденъ бѣжать въ Данцигъ, послѣ чего Христіанъ I былъ коронованъ въ Упсалѣ и союзъ трехъ королевствъ возобновленъ опять. Но и Христіанъ не поладилъ съ духовенствомъ, которое онъ тщетно думалъ запугать взятіемъ подъ стражу самого архіепископа. Новый мятежъ, доведенный возвращеніемъ Карла Кнутсона до междоусобной войны, поколебалъ тронъ и государство, еще болѣе ожесточилъ сердца и отнялъ у королевской власти всякое значеніе. Только по смерти Карла и архіепископа, правителю Стену Стуре удалось возстановить порядокъ и повиновеніе законамъ. Реформаторъ и историкъ Лаврентій Петри изображаетъ правителя «человѣкомъ искуснымъ, осторожнымъ, свободно-мыслящимъ и притомъ очень счастливымъ въ своихъ начинаніяхъ». Союзъ возобновлялся еще много разъ и при всякомъ подобномъ случаѣ Датскіе короли признавались законными государями,—но повелѣнія ихъ не исполнялись, а ихъ военныя предпріятія для вынужденія Шведовъ къ покорности обыкновенно оканчивались неудачей, тогда какъ Стенъ Стуре и оба его преемника, Сванте Стуре (1504—12) и Стенъ Стуре Младшій, умомъ, храбростью и патріотическимъ образомъ мыслей болѣе и болѣе утверждали свою власть.

6. Венгрія.

а) Венгрія, подъ управленіемъ династіи Арпадовъ, до 1301

(Сравни § 278, 290).

§ 404. Вскорѣ послѣ того какъ побѣда Оттона I на Лехскомъ полѣ положила конецъ вторженіямъ Венгровъ, опустошавшимъ не только Германію во всѣхъ направленіяхъ, но простиравшимъ свои хищничества и раззоренія даже въ Италію и области Византійской имперіи, властитель ихъ Гейза (972—997) обратился къ христіанству (973) и велѣлъ нѣмецкимъ миссіонерамъ проповѣдывать Евангеліе его подданнымъ. Но сердце его осталось по прежнему жестоко; собственноручно убивалъ онъ тѣхъ, кто возбуждалъ его гнѣвъ, и дико свирѣпствуя противъ идолопоклонниковъ, онъ въ то же время самъ приносилъ еще жертвы ложнымъ богамъ. Такъ же поступала и супруга его Сарольта, «прекрасная влады-

чица», «не женщина, а мужъ по нравамъ и помысламъ». Слабые начатки родителей довершилъ, съ помощію ревностныхъ проповѣдниковъ Радлы и Астрика, сынъ Гейзы Стефанъ Святой (ок. 1000), принявшій отъ папы Сильвестра II священную корону, которую возложилъ самъ онъ въ качествѣ перваго христіанскаго короля и которою вѣнчались потомъ всѣ его преемники. Учрежденіемъ десяти епископствъ и призывомъ дѣятельныхъ бенедиктинскихъ монаховъ обезпечилъ онъ побѣду христіанству, къ которому, отчасти по внутреннему загрубѣнію, отчасти по ненависти къ Нѣмцамъ (и къ десятинѣ въ пользу церкви), Мадьяры питали сильную вражду. Вмѣстѣ съ тѣмъ заботился онъ о томъ, чтобы поднять новое значеніе королевской власти: раздѣливъ весь край на 72 комитата (графства, по-мадьярски фе-испанъ), завѣдываніе въ нихъ ратнымъ дѣломъ, управленіемъ и судомъ предоставилъ онъ назначеннымъ отъ него графамъ (испанамъ) [1], а прежнихъ родовыхъ старшинъ или ордоначальниковъ постепенно лишилъ ихъ высокой власти. Не менѣе пекся Стефанъ и о цивилизаціи своего разноплеменнаго народа, поощряя земледѣліе (тогда какъ до тѣхъ поръ Венгры преимущественно жили скотоводствомъ) и вводя соотвѣтственныя своимъ цѣлямъ законоположенія, такъ что вполнѣ заслужилъ себѣ славу учредителя іерархіи, государственнаго строителя и законодателя своего народа.

§ 405. Пристрастіе Стефана къ Нѣмцамъ и Итальянцамъ породило между ревностными къ своей народности Мадьярами сильное отвращеніе отъ его церковныхъ и государственныхъ преобразованій, и когда преемникъ его началъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, то противъ него возстала національная партія и запылала опустошительная война за престолъ, вслѣдствіе которой венгерская корона стала лэномъ Нѣмецкаго императора Генриха III [2]. Только при Влади-

[1] Въ главѣ ихъ стоялъ палатный графъ, палатинъ (наидоръ-испанъ). Мѣсто прежнихъ народныхъ сходокъ заступили съѣзды графскіе.

[2] По смерти единственнаго сына своего, Эммериха, Стефанъ, помимо двоюродныхъ братьевъ, Андрея и Белы, назначилъ себѣ въ преемники своего племянника Петра Венеціанскаго (сына его сестры, супруги венеціанскаго дожа Андрея Дандоло).

славѣ (ок. 1080) возвратилось опять спокойствіе, и Венгры не только отвоевали вслѣдъ за тѣмъ свою прежнюю независимость, но еще покорили себѣ Кроацію и Далмацію. Однакожь государство подверглось опять новымъ смутамъ и ожесточающимъ нравы усобицамъ за престолъ, благодаря отсутствію закона о престолонаслѣдіи и нелюбви народа къ христіанству и къ западной гражданственности, которыя на мѣсто древней дикой свободы принесли ему крѣпостную зависимость, разныя повинности и многотрудную воздѣлку земли. При Гейзѣ II (ок. 1150) въ Трансильваніи [1] водворились толпы фландрскихъ и нижненѣмецкихъ поселенцевъ, войнолюбивыхъ удальцовъ изъ разныхъ областей Германіи, которые, подъ именемъ Саксонцевъ, сохранили тамъ и до сихъ поръ свои отечественные нравы, языкъ и учрежденія. Упорнымъ и прилежнымъ трудомъ превратили они этотъ край изъ пустыни въ цвѣтущую область съ богатыми и зажиточными селеніями и, не смотря на всѣ нападки, энергически отстояли себѣ большія преимущества, — свой собственный судъ, свободный выборъ должностныхъ и духовныхъ лицъ и т. д. Около 1160 г. одинъ благородный нюрнбергскій гражданинъ основалъ Германштадтъ; другіе важнѣйшіе города, каковы Клаузенбуръ и Кронштадтъ, возникли не многимъ позже.— Въ 13 вѣкѣ (1222) вельможи (магнаты) вынудили у короля Андрея II, крестоносца (1205 — 1235, § 325), льгот-

---

Многіе венгерскіе вельможи, въ томъ числѣ и обойденные имъ родственники, возстали противъ этого еще при жизни Стефана, но мятежъ былъ подавленъ, и въ 1038 г. Петръ Венеціанскій, или Нѣмецъ, вступилъ на венгерскій престолъ. Черезъ три года онъ былъ свергнутъ національною партіей; тогда императоръ Генрихъ III вступился за Петра и снова утвердилъ его на престолѣ, обязавъ лэнною себѣ присягой. Однако жестокость нелюбимаго короля и самое то обстоятельство, что онъ подчинился Нѣмцамъ, возбудили противъ него новое возстаніе, вслѣдствіе котораго онъ былъ ослѣпленъ и погибъ въ тюрьмѣ. Венгерцы возвели на тронъ Андрея. Малолѣтный сынъ его Соломонъ на время долженъ былъ уступить престолъ дядѣ своему Белѣ, а впослѣдствіи былъ вторично свергнутъ его сыновьями Гейзою и Владиславомъ; только послѣднему удалось склонить Соломона къ формальному отреченію, за что онъ обязался выдавать ему ежегодно извѣстную сумму денегъ.

[1] То-есть Залѣсьѣ; это почти буквальный латинскій переводъ мадьярскаго Erdely Orczag, т. е. Лѣсной край. Седмиградіемъ назвали ее Нѣмцы по семи присудамъ или станамъ, къ которымъ были пріурочены тамошнія нѣмецкія поселенія.

пую грамату («Золотую буллу»), которая обезпечила дворянамъ и духовенству важныя права, въ томъ числѣ свободу отъ податей и огражденіе личности отъ судейскаго произвола и, подобно Великой Хартіи у Англичанъ (§ 373), положила основаніе свободному государственному устройству въ Венгріи. Нарушеніе «Золотой привелигіи» со стороны короля давало дворянству право сопротивляться вооруженною рукою. Ужасныя опустошенія, которымъ этотъ край вскорѣ подвергся отъ Монголовъ (1241) послѣ битвы на Могійскомъ полѣ, обезлюдили его до такой степени, что по удаленіи дикихъ ордъ король Бела IV (1235—70) счелъ необходимымъ вызвать еще нѣмецкихъ и итальянскихъ колонистовъ, слѣдствіемъ чего было основаніе новыхъ городовъ (Офенъ 1245), улучшенная воздѣлка почвы, разведеніе виноградниковъ, обработка горныхъ рудъ и т. д. За нимъ слѣдовали еще три короля изъ Арпадова дома,—Стефанъ V (1270—72), Владиславъ Куманъ [1] (1272 — 90) и Андрей III Венеціанецъ (1290—1301).

Б) ВЕНГРІЯ, КАКЪ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ МОНАРХІЯ.

§ 406. Когда съ Андреемъ III пресѣклась династія Арпада (1301), тронъ Венгріи колебался нѣсколько лѣтъ до тѣхъ

[1] Жизнь этого короля такъ характеризуетъ нравы времени и края, что можно посвятить ей нѣсколько строкъ. Держа въ заключеніи жену свою, дочь короля Сицилійскаго, Марію, Владиславъ проводилъ время съ любовницами изъ Куманокъ и раздавалъ родственникамъ ихъ всѣ почетныя мѣста. Въ числѣ этихъ женщинъ были и язычницы, что подало папѣ поводъ прислать легата для изслѣдованія соблазнительныхъ поступковъ короля. Владиславъ посадилъ легата подъ стражу, но за него вступились духовные и свѣтскіе вельможи, захватили самого короля и принудили его согласиться на всѣ ихъ требованія. Получивъ свободу, Владиславъ и не думалъ исполнять своихъ обѣщаній; тогда магнаты заключили его вмѣстѣ съ королевою, въ надеждѣ, что у нихъ будетъ наконецъ законный наслѣдникъ престола; но надежда эта не сбылась, а между тѣмъ тѣснимые мадьярскими властями Куманы, произвели опасное возстаніе. Устрашенные вельможи выпустили короля, какъ главнаго военачальника, съ тѣмъ, чтобы онъ смирилъ своихъ Кумановъ. Владиславъ прогналъ ихъ къ Черному морю. Но и послѣ этого онъ не могъ поладить съ своей знатью, которая требовала отъ него все большихъ и большихъ правъ. Пользуясь ихъ раздоромъ, освободилась отъ венгерской власти Сербія, а потомъ герцогъ Альбрехтъ Австрійскій отнялъ у королевства до 30 разныхъ городовъ. Раздраженные магнаты рѣшились призвать на царство, изъ Венеціи, послѣднюю отрасль Арпадовой династіи, королевича Андрея, и тогда трое подосланныхъ къ королю Кумановъ положили конецъ бурной его жизни.

поръ, пока утвердилъ его Карлъ Робертъ (1308—1342) [1], изъ царствовавшаго въ Неаполѣ дома Анжу (§ 391), и передалъ уже обезпеченнымъ своему сыну, Людовику Великому (1342 — 82). Въ царствованіе этого короля, замѣчательнаго и воинственнымъ геройствомъ и правительственной мудростью, Венгрія достигла вершины своего внѣшняго могущества и внутренняго благоденствія. Людовикъ пріобрѣлъ польскую корону, раздвинулъ предѣлы Венгріи по нижнему Дунаю въ Булгарію, Валахію и другія земли и выпудилъ у Венеціанцевъ ежегодную дань. Держава его касалась береговъ Чернаго, Адріатическаго и Балтійскаго морей и совмѣщала въ себѣ народы, весьма различные по нравамъ, языку и степени образованія; но до того великъ былъ царственный его духъ, что его равно любили и боялись при устьяхъ Вислы, какъ и на берегахъ Савы. Итальянскіе походы Людовика (§ 391) познакомили Венгровъ съ преимуществами образованнаго быта, и этотъ упорный прежде народъ охотно повиновался его распоряженіямъ. Холмы около Токая усажены были виноградною лозой, въ законодательствѣ сдѣланы превосходныя улучшенія, граждане и поселяне обезпечены отъ гнета и произвола сильныхъ; возникли образовательныя учрежденія (между прочимъ первый въ Венгріи фюнфкирхенскій [2] университетъ). —По смерти Людовика, не оставившаго по себѣ сыновей, Венгрія снова стала жертвою неистовыхъ крамоловъ и споровъ за корону; наконецъ зять его, Нѣмецкій императоръ Сигизмундъ, успѣлъ одержать верхъ надъ другими соискателями, и то не столько энергіей, сколько уступками, съ одной стороны—магнатамъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ даже продержали его въ плѣну (1404), съ другой — Туркамъ и инымъ внѣшнимъ врагамъ; при кончинѣ онъ оставилъ корону своей дочери Елисаветѣ (1437), бывшей сперва за Альбрехтомъ Австрійскимъ, потомъ вышедшей за Владислава Польскаго.

[1] Карлъ Робертъ получилъ Венгрію отъ Бонифація VIII, какъ папскій лэнъ, и былъ признанъ иллирійскими магнатами, но венгерскіе магнаты противопоставили ему богемскаго королевича Венцеслава. Однакожь когда папа отлучилъ отъ церкви и его и всѣхъ противниковъ Карла Роберта, то бо́льшая часть Венгровъ смирилась, и Венцеславъ принужденъ былъ уступить.

[2] Фюнфкирхенъ по-мадьярски Печъ.

При Сигизмундѣ народное представительство получило свои опредѣленныя формы. Четыре сословія,—прелаты, высшее и низшее дворянство и сверхъ-того депутаты отъ городовъ, должны были совѣщаться о нуждахъ и пользахъ государства и дѣлать свои постановленія; два первыя сословія носятъ титулъ магнатовъ, тогда какъ подъ именемъ чиновъ обыкновенно разумѣются только два послѣднія. Со времени сейма 1405 г. Сигизмундъ путемъ смѣлыхъ преобразованій съумѣлъ поднять среднее сословіе, умножить число и благосостояніе городовъ; предоставивъ приписному къ владѣльческимъ имѣніямъ народу право переходить въ города и участвовать въ ихъ преимуществахъ и льготахъ, онъ далъ самому городскому населенію новый толчокъ, который могъ благопріятно подѣйствовать на отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ. Многія выгоды предоставлены были и многочисленному мелкому дворянству, на него по преимуществу разсчитывалъ король при составленіи своей бандеріи [1], или дружины, которая была началомъ постоянной арміи, выведшей корону изъ зависимости отъ доброй воли магнатовъ и исполненія ими военной повинности. Съ тѣхъ самыхъ поръ «чины» явились конституціоннымъ противувѣсіемъ магнатскимъ столамъ князей или «штатовъ».

§ 407. Когда Владиславъ погибъ въ битвѣ подъ Варной (§ 413) противъ Турковъ (1444), герой Гуньядъ Корвинъ [2], воевода трансильванскій, принялъ управленіе Венгріей за малолѣтнаго Альбрехтова сына, Владислава Посмертнаго; главнымъ дѣломъ его было отразить съ успѣхомъ и славою воинственныхъ Османовъ. По смерти его (1456), неблагодарный, подозрительный король поднялъ страшное гоненіе противъ всего рода Гуньядовъ и истребилъ бы его совершенно, еслибъ самъ не умеръ въ слѣдующемъ году (1458). Тутъ Венгерскій народъ съ торжествомъ освободилъ могучаго Гуньядова сына, Матѳѣя Корвина, и изъ тюрьмы перевелъ его прямо на тронъ (1458 — 90). Занимая его 32 года со славою, Матѳѣй явилъ себя достойнымъ преемни-

[1] Бандеріями назывались не только дружины магнатовъ, но и всѣхъ тѣхъ дворянъ, которые могли выставить до 50 вооруженныхъ конниковъ. Впослѣдствіи онѣ обратились только въ почетную свиту, сопровождавшую магнатовъ въ торжественныхъ случаяхъ, ради блеска.

[2] Побочный сынъ короля Сигизмунда.

комъ Стефана Святаго и Людовика Великаго. Онъ блисталъ равно и въ мирѣ и въ войнѣ, и на всѣхъ дѣлахъ его лежитъ печать истиннаго величія. Онъ сдерживалъ могущество Османовъ и отвоевалъ у нихъ Боснію; онъ принудилъ императора Фридриха III къ бѣгству изъ Вѣны и къ значительнымъ уступкамъ изъ Австрійскихъ областей; онъ присоединилъ на нѣкоторое время къ Венгріи Моравію, Силезію и Лузацію и значительно улучшилъ военное устройство. «Черный легіонъ» Корвина былъ страшилищемъ его враговъ.— Въ Офенѣ (по-мадьярски Будѣ) и Пресбургѣ учреждены имъ новые университеты, основана съ большими издержками великолѣпная библіотека и уровень народнаго образованія поднятъ призывомъ иностранныхъ (особенно итальянскихъ) ученыхъ и художниковъ, типографщиковъ и строителей, садовниковъ, сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ. При этомъ обезпечилъ онъ земскій миръ и пекся о законности и правосудіи съ такою энергіей, что имя его долго жило въ памяти народной. («Матѳѣй умеръ, съ нимъ схоронена и справедливость»).— При наслѣдникахъ его, Владиславѣ Богемскомъ (1490—1516) и сынѣ его Людовикѣ II [1] (1516—26) Венгрія утратила всѣ блага, доставленныя Корвиномъ. Турки покорили Боснію и взяли приступомъ Бѣлградъ; постыдные мирные договоры и трактаты снова лишили королевство его западныхъ пріобрѣтеній; усобицы между дворянствомъ и духовенствомъ возгорѣлись безпрепятственно по-прежнему; походъ противъ Турковъ обратился въ возстаніе крестьянъ [2], которое внесло убійство и пожаръ въ города и въ замки аристо-

[1] Матѳѣй Корвинъ, женатый на дочери Богемскаго короля, Георгія Подыбрада, не имѣлъ отъ нея дѣтей и умеръ, тщетно стараясь обезпечить престолъ побочному своему сыну Іоанну Гуньяду. Изъ многихъ соискателей Венгерской короны всѣхъ скорѣе достигъ своей цѣли Владиславъ.

[2] По просьбѣ архіепископа гранскаго, папа Левъ X разрѣшилъ проповѣдывать крестовый походъ на Турковъ и назначилъ въ предводители Георга Дозу. Къ этому человѣку, родомъ изъ Секлеровъ (потомковъ части печенежскаго племени, оставшейся въ сѣверо-восточномъ углу Трансильваніи), стекалось множество крестьянъ, что, разумѣется, было крайне непріятно помѣщикамъ, лишившимся вдругъ своихъ рабочихъ; но когда они стали удерживать крестьянъ силою, Доза обратилъ свое дикое ополченіе на дворянъ, провозгласилъ себя королемъ и около года сопротивлялся даже такимъ людямъ какъ храбрый Трансильванскій воевода Іоаннъ Заполья и палатинъ Стефанъ Баторій. Послѣдній однакожъ взялъ его въ плѣнъ и казнилъ.

кратовъ; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока крестьянскія толпы не были наконецъ разсѣяны и мятежъ—залитъ потоками крови. При этомъ королевская власть была до того ограничена новою капитуляціей, что съ тѣхъ поръ не только наложеніе податей, но даже вопросъ о мирѣ и войнѣ зависѣлъ уже отъ (аристократическаго) національнаго конвента, и магнаты прибрали наконецъ къ рукамъ рѣшительно всю власть. Для довершенія всѣхъ внутреннихъ смутъ явились Османы съ страшною военною силой; король Людовикъ погибъ при Могачѣ (§ 415), и государство было близко къ совершенному распаденію. По удаленіи Турковъ Могачское поле битвы осталось въ томъ самомъ видѣ, какъ они его покинули; сама природа, которая, какъ бы ужасаясь тлѣнія, держитъ на этотъ случай своихъ собственныхъ могильщиковъ, должна была принять на себя уборку тѣлъ: слетѣлись цѣлыя стаи хищныхъ птицъ и дикія собаки стадами рыскали по полю, такъ что прохожему и проѣзжему грозила отъ нихъ опасность. Такъ быстро наступаетъ дичь пустыни тамъ, откуда хоть на короткое время удалится вѣчно-дѣятельная культура! И въ тоже время поражаетъ насъ другое явленіе: магнаты, сами бѣгущіе отъ Турковъ, грабятъ на ходу у бѣглаго духовенства церковную утварь, не уважая ни несчастія въ несчастливцѣ-товарищѣ, ни права, ни гнѣва Божія, хотя грозный бичъ его былъ у нихъ за спиной. По смерти Людовика возникъ бѣдственный споръ за престолъ (1526) между богатымъ магнатомъ Іоанномъ Запольею и Фердинандомъ Австрійскимъ, который, въ качествѣ супруга королевы Анны, сестры Людовика, имѣлъ права на венгерскую корону и по законамъ края, и по брачному договору, заключенному именно съ этой цѣлью. Этимъ споромъ, который благодаря внутренней крамолѣ затянулся въ долгую, опустошительную войну, собственно и началось «паденіе Венгріи». Три года послѣ битвы при Могачѣ, избранный Венгерцами король, воевода Заполья, цѣловалъ у султана Солимана руку на томъ самомъ побоищѣ, чтобы получить отъ него Венгерскую корону и быть посажену на тронъ сильною рукой турецкаго паши. Слѣдствіемъ вмѣшательства Турковъ, поддерживавшихъ своего кліэнта оружіемъ, было то, что коро-

левство распалось наконецъ на двѣ безсильныя половины, — Трансильванію и Восточную Венгрію до рѣки Тейса, находившіяся подъ верховной властью Турковъ, и Западную Венгрію, которую Фердинандъ присоединилъ къ другимъ своимъ областямъ, обязавшись ежегодною данью султану, и которую, не смотря на то, онъ въ теченіе всего своего царствованія долженъ былъ охранять съ оружіемъ въ рукахъ.

3. Польша.

а) Польша при пястахъ до 1386 г.

§ 408. Великая, необозримая равнина побережій Вислы и край по Одеру и Вартѣ были населены славянскими племенами, которыя то управлялись однимъ общимъ главою, то дробились по наслѣдственнымъ удѣламъ на многія княжества. Со времени обращенія къ христіанству князя (герцога) Мешко (Мечислава) нѣмецкими миссіонерами (966) Польша считалась лэномъ Германской имперіи, но связь ея съ нею была слаба, а при императорѣ Фридрихѣ II порвалась совершенно. Образовалось Польское королевство, которое въ своихъ политическихъ и церковныхъ учрежденіяхъ имѣло явныя черты сродства съ римско-германскими государствами той эпохи, но вовсе не было областью Германіи, а оставалось вполнѣ своеобразнымъ, давая развитію своей народности приволье и просторъ [1]. Разнообразные передѣлы разры-

[1] «Со времени Болеслава Храбраго (992—1025) Польша составляла нераздѣльное королевство, хотя съ одной стороны политика римскаго двора, съ другой—Нѣмецкіе императоры не признавали ея королевствомъ. Гибельный раздѣлъ, совершенный Болеславомъ Кривоустымъ въ предсмертной болѣзни (1139) и подкрѣпленный вельможами, потому что онъ какъ будто основывался на справедливости и на обычаѣ, общемъ всѣмъ славянскимъ народамъ,—этотъ раздѣлъ раздробилъ государство на столько удѣльныхъ княжествъ, сколько было членовъ королевскаго дома, и хотя княжество Краковское считалось главнымъ, однакожъ князья, забывъ родство между собою, вмѣсто того, чтобъ укрѣплять общія силы народныя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свои собственныя, предпочтительно искали личныхъ, частныхъ выгодъ; воевали за Краковъ, какъ Русскіе за Кіевъ, а дворянство, особенно Краковское и Сендомирское, помогавшее имъ, обогащалось между тѣмъ маетностями и деньгами, пока наконецъ безпрерывныя войны привели государство на край гибели, отвращенной только Премиславомъ I (убитымъ послѣ осьмимѣсячнаго царствованія въ 1296) и Владиславомъ Локтикомъ». Бандтке, Истор. госуд. Польскаго.

вали и ослабляли Польское государство, такъ что въ 12 вѣкѣ Силезскія княжества по Одеру отдѣлились отъ него вполнѣ и впослѣдствіи совершенно онѣмечились. Такая же участь постигла бы, можетъ-быть, и другія области Польши, еслибъ частыя нападенія Нѣмцевъ, Русскихъ и Пруссовъ не приводили то-и-дѣло къ необходимости соединяться подъ начальствомъ одного храбраго вождя. Для сопротивленія напору дикихъ Пруссовъ, князь Мазовецкій [1] призвалъ рыцарей Нѣмецкаго ордена въ Кульмскую (Хелмскую) землю (§§ 308. 342),—мѣра, сопряженная съ весьма важными послѣдствіями для культуры балтійскаго побережья, но въ которой князю вскорѣ пришлось раскаяться. Настоящее значеніе пріобрѣла Польша только въ 14 вѣкѣ, когда Владиславъ IV Локтикъ (ок. 1320) прочно соединилъ воеводства по Вартѣ (Познань и друг.), подъ именемъ Великой Польши, съ воеводствами по Вислѣ, или Малой Польшею, короновался въ Краковѣ (1320) и передалъ королевскій санъ своимъ потомкамъ. Сынъ его Казиміръ III Великій (1333—70) наверстalъ утрату сѣверныхъ областей, отошедшихъ къ Нѣмецкому ордену, завоеваніемъ Галиціи или Чермной Руси [2], и оказалъ Польшѣ великія услуги своимъ законодательствомъ [3].

---

[1] Мазовіею называлась часть Польши между Вислою, Наревомъ и Бугомъ.

[2] Волынь и Кіевская область еще въ началѣ 14 вѣка подпали власти Литвы, которая черезъ супружество дочери великаго князя Гедимина съ королевичемъ Казиміромъ (1325) близилась уже къ соединенію съ Польшею.

[3] Онъ во-первыхъ старался объ искорененіи внутреннихъ безпорядковъ, грабежей и разбоевъ и строго запретилъ частныя междоусобія. На Вислицкомъ сеймѣ (1347) онъ издалъ уложеніе или статутъ, доселѣ извѣстный подъ названіемъ Казимирова,—первое собраніе существовавшихъ тогда законовъ, предпринятое по соединеніи польскихъ удѣльныхъ княжествъ въ одну державу и утвержденное властью короля и государственныхъ чиновъ. Казиміръ защищалъ по мѣрѣ возможности крестьянъ отъ притѣсненій помѣщиковъ и старался оживить земледѣліе, торговлю и ремесла, особенно призывомъ иностранныхъ поселенцевъ, въ числѣ которыхъ было множество гонимыхъ вездѣ Жидовъ. Король оказывалъ имъ особенное благоволеніе по ходатайству своей возлюбленной, Еврейки Эсенри. Жиды скоро съумѣли забрать въ руки скудные городскіе и сельскіе промыслы, но это ни мало не содѣйствовало развитію ихъ, и Польша по прежнему осталась почти исключительно скотоводнымъ и земледѣльческимъ, а потому въ сущности бѣднымъ, государствомъ. Сильными торговыми городами были Краковъ, Львовъ, Познань и Люблинъ; оба послѣдніе пользовались Магдебургскимъ правомъ (съ 1253 и съ 1317).—Потерявъ надежду имѣть потомство мужескаго пола, онъ назначилъ себѣ преемникомъ племянника сво-

Но какъ ни старался онъ переломить своеволіе вельможъ, сколько ни благопріятствовалъ развитію городскихъ интересовъ,—у такого воинственнаго и чуждаго гражданственности народа, какимъ были тогда Поляки, не могло расцвѣсть свободнаго городскаго сословія. Основанное на мечѣ преобладаніе постоянно оставалось въ рукахъ дворянъ, а деньги, мелочная торговля и промыслы въ рукахъ Евреевъ; поселянинъ же, въ состояніи крѣпостнаго работника, велъ самое печальное существованіе, и на плодоносныхъ побережьяхъ Вислы едва спискивалъ себѣ свой хлѣбъ. Учрежденіе университета въ Краковѣ, хотя и свидѣтельствуетъ о высокихъ помыслахъ Казимира, но при грубой неразвитости подвластныхъ ему племенъ, оно, естественно, не могло имѣть большаго вліянія. Съ нимъ пресѣклось мужское колѣно Пястовъ, и Поляки передали корону сестриничу Казимира, Людовику Великому Венгерскому, который купилъ себѣ расположеніе знати льготной граматой, обезпечивавшей дворянству, въ числѣ разныхъ другихъ преимуществъ, полную свободу отъ податей. Послѣ Людовика также остались только дочери; поэтому Польша снова отдѣлилась отъ Венгріи и перешла въ руки младшей дочери его Гедвиги (или Ядвиги), вышедшей вслѣдъ за тѣмъ за великаго князя Литовскаго Ягелла [1] (1386).

его отъ сестры, наслѣднаго принца венгерскаго, который своимъ обѣщаніемъ не назначать иностранцевъ въ должности и не облагать дворянъ новыми податями положилъ начало тѣмъ условіямъ или рядамъ польской знати съ королями при вступленіи ихъ на престолъ (Pacta conventa), которыя повели къ крайнему ограниченію верховной власти, къ развращенію нравовъ дворянства подкупами и наконецъ къ совершенному распаденію истерзанной крамолами Польши среди общаго въ Европѣ господства усилившейся монархіе.

[1] Любопытно, какихъ неимовѣрныхъ усилій надъ собою стоилъ молодой Гедвигѣ этотъ бракъ. Обрученная невѣста воспитывавшагося вмѣстѣ съ нею и страстно ею любимаго герцога Вильгельма Австрійскаго, она долго не могла рѣшиться пожертвовать своимъ сердцемъ пожилому, страшному для нея язычнику-Литвину, о которомъ разсказывали величайшіе ужасы и между прочимъ увѣряли, что онъ весь косматъ. Довѣренное лицо Гедвиги, Завиша, нарочно отправился въ баню съ Ягелломъ, чтобы ближе узнать, чудовище онъ или человѣкъ. Завиша успокоилъ бѣдную королеву. Когда страшный Литовскій князь только еще въѣзжалъ въ Краковъ, Гедвига готова была убѣжать съ скрывавшимся тамъ же герцогомъ Вильгельмомъ; вельможи, узнавъ объ этомъ, заперли ее въ замкѣ; она хотѣла выломить двери, но ей помѣшали и тутъ. Наконецъ она рѣшилась покориться необходимости и стала вѣрною супругой и помощницей Ягелла.

Б) ПОЛЬША ПРИ ЯГЕЛЛОНАХЪ (1386—1572).

§ 409. Уже съ этихъ поръ Польша стала почти избирательною монархіей (хотя полное торжество этого разъединяющаго начала относится къ по-ягеллоновской порѣ). Ягелло (Ягайло, или Владиславъ II, какъ онъ назвался, принявъ вмѣстѣ съ короною крещеніе) присоединилъ къ Польскому королевству Литву [1], водворивъ въ ней (съ согласія литовскаго сейма) христіанство и низпровернувъ идоловъ. «Убѣжденіемъ и кротостью, говоритъ Бандтке, король лично обращалъ народъ къ новой вѣрѣ, переводя наставленія польскаго духовенства на литовскій языкъ, но къ словеснымъ убѣжденіямъ присоединялъ и подарки, состоявшіе въ сукнахъ и шитой обуви: до той поры народъ зналъ только сермяги и лапти. Такіе поступки короля (и примѣръ набольшихъ) склонили народъ къ принятію христіанской вѣры; особенно же содѣйствовало къ тому дознаніе, что языческія божества отнюдь не мстятъ тѣмъ людямъ, которые по волѣ короля угасили безпрестанно пылавшій въ Вильнѣ священный огонь, истребили божественныхъ змѣй и вырубили священные дубы и рощи. Основаніе виленскаго епископства и семи приходовъ, которые королева снабдила богатою утварью, столь крѣпко утвердило въ Литвѣ спасительную вѣру Христову, что съ самаго того времени язычество стало быстро исчезать (1388) [2].» Битвою при Таннепбергѣ (§ 342) онъ до того разгромилъ силы Нѣмецкаго ордена, что тотъ уже не долго смогъ отстаивать свою власть и самостоятельность. Чтобы окончательно подорвать орденскіе города, онъ указалъ торговлѣ Польши новый путь изъ Штеттина черезъ Познань на Краковъ. Уже Ягелло расширилъ привилегіи дворянства, чтобы склонить его къ избранію

[1] Посадивъ тамъ, однакожъ, великимъ княземъ своего роднаго брата Скиргайла, а потомъ двоюроднаго Витольда, или Витовта.

[2] Тогда же началось на Волыни столкновеніе католичества съ православнымъ исповѣданіемъ, и еще въ 1432 г. Ягелло вынужденъ былъ дать слово жителямъ Луцка, что русскія церкви не будутъ болѣе обращаемы въ католическія. Волынь, обращенная къ христіанству св. Владиміромъ, раздѣлилась позже на собственную Волынь и Чермную Русь, или Галицію, и стала яблокомъ раздора сперва между Русью, Польшей и Венгріей, а потомъ между Польшею и Литвою. Возрастающая сила крамольныхъ бояръ лишила этотъ благословенный край благоденствія, покоя и независимости.

десятилѣтняго сына своего Владислава III (1434—1444, при которомъ Венгрія еще разъ соединилась съ Польшей), а когда послѣдній, по кратковременномъ царствованіи, погибъ въ битвѣ противъ Турокъ подъ Варной (§ 413) и протекло три года въ переговорахъ и колебаніяхъ прежде чѣмъ корона перешла къ брату его Казимиру IV (1447—92, сидѣвшему великимъ княземъ въ Литвѣ), тогда высшее дворянство достигло такого преобладанія, что явилось уже единственнымъ настоящимъ представителемъ цѣлаго народа и поставило въ полную зависимость отъ себя короля[1].—Продолжительная война, которою Казимиръ принудилъ Нѣмецкій орденъ уступить ему по Торуньскому миру (1466) Кульмъ, Эльбингъ, Маріэнбургъ и другія земли и признать лѣнное господство Польши надъ всѣми остальными владѣніями рыцарей, — эта война требовала частаго созыва дворянъ на сеймы для полученія ихъ согласія на сборъ войскъ и податей. Чтобы облегчить себѣ сопряженныя съ этимъ безпокойства и затрудненія, а между тѣмъ, и не утратить ничего изъ своихъ правъ, дворяне положили посылать на сеймъ отъ каждаго воеводства опредѣленное число уполномоченныхъ депутатовъ, къ которымъ король присоединялъ потомъ нѣсколькихъ представителей духовенства и высшаго чиновничества (сенаторовъ)[2].

---

[1] Положеніе Казиміра было тѣмъ болѣе затруднительно, что любя Литву онъ не хотѣлъ нарушить обязанностей своихъ относительно ея въ угоду польскимъ магнатамъ, а послѣдніе ревниво смотрѣли на расширеніе литовскаго могущества въ юго-западной Руси. «Королю, говоритъ Бандтке, не хотѣлось лишиться наслѣдственной Литвы; хотя права и преимущества дворянъ уже равнялись тамъ съ польскими и возникало мало-по-малу свободное избраніе на великокняжескій престолъ, однако народъ былъ еще гораздо послушнѣе нежели въ Польшѣ. Сверхъ-того король самъ не чувствовалъ въ себѣ довольно ума и силъ, чтобы повелѣвать какъ должно двумя націями, изъ которыхъ каждая хотѣла имѣть своего собственнаго государя.»

[2] «Положено, чтобы на сеймъ въ Пётрковѣ (1468) отъ каждой области явились по два депутата для совѣщанія, и съ того времени такая депутація вошла въ обычай. Съ каждаго частнаго сейма посылались депутаты на сеймъ общій, и безъ ихъ согласія король не въ правѣ былъ ничего предпринять. Прежде сеймъ составляли одни сановники и епископы: дворянство только соглашалось на ихъ постановленія. Съ 1404 г. образовались частные (областные) сеймы, которые однакожъ не отправляли еще депутатовъ на сеймы общіе; къ послѣднимъ приглашались только знатнѣйшіе областные сановники, и то лишь въ качествѣ совѣтниковъ. Но мало-по-малу измѣнялись образованіе и составъ общихъ сеймовъ, и число депутатовъ каждый разъ увеличивалось, особливо съ тѣхъ поръ какъ Русскія области и Литва начали участво-

Безъ согласія этихъ государственныхъ представителей, къ которымъ и не думали присоединять выборныхъ отъ горожанъ, король не могъ сдѣлать никакого распоряженія по предмету налоговъ или законодательства, не принять какой-либо мѣры административной, военной или дипломатической. Дворяне одни считались настоящими гражданами, и основное начало, что они совершенно равны между собою, тѣмъ болѣе возвышало ихъ власть, чѣмъ болѣе частыя (со временъ Казимира) смѣны королей и войны за наслѣдство ослабляли власть королевскую. Хотя, въ эпоху реформаціи, король Сигизмундъ I (1506—1546) утвердилъ верховно-лэнную власть Польши надъ Прусскимъ герцогствомъ, которое основалъ перешедшій къ лютеранству гохмейстеръ Нѣмецкаго ордена (§ 446, 467), а король Сигизмундъ II Августъ, отдавъ Курляндію (также съ титуломъ герцогства) въ потомственный лэнъ гермейстеру ордена Мечниковъ (Ливонскихъ рыцарей) Готгарду Кеттлеру, также принявшему протестантизмъ, присоединилъ къ Польшѣ оспориваемой Россіей Ливонію и, сверхъ-того, на Люблинскомъ сеймѣ (1569), постановилъ совершенное слiяніе Литвы съ Польшею [1], однакожь возрастающая сила Россіи на востокѣ и сѣверѣ и завоевательныя стремленія Османовъ на югѣ, наносили королевству удары, страшные особенно потому, что при себялюбіи польскаго дворянства всѣ издержки на оборону границъ военнымъ кордономъ возложены были на одного короля.

8. Русское Государство [2].

§ 410. Когда правнукъ варяжскаго князя Рюрика (§ 288), Владиміръ Великій, имѣвшій столицу въ Кіевѣ, ввелъ въ

вать въ сеймахъ.» *Бандтке*, Истор. Госуд. Польск. (Русское и Подольское дворянство сравнено въ правахъ съ Польскимъ еще въ 1434 г. при коронаціи малолѣтняго Владислава III).

[1] Чтобы поднять уровень образованія въ Литвѣ, онъ въ 1570 г. основалъ виленскій университетъ.

[2] Крайняя неточность очерка средневѣкой исторіи Руси, представленнаго авторомъ, вынуждаетъ переводчиковъ отступить на этотъ разъ отъ подлинника, который передавали они до сихъ поръ какъ можно ближе.

свою державу христіанство по ученію православной греко-восточной церкви (ок. 1000), владѣнія его простирались отъ нижняго Днѣпра и верховьевъ Днѣпра до Ладожскаго озера и отъ западной Двины до верхней половины Волги и Оки. Обширное пространство между Ураломъ и Днѣпромъ было извѣстно подъ названіемъ Великой (Половецкой) степи, и только на южной его оконечности въ 11 вѣкѣ образовалось отдѣльное русское княжество Тмуторакань (греческ. Таматарха). Вслѣдъ за кончиною Владиміра (1015), который, по обычаю, подѣлилъ свои обширныя, но малолюдныя земли двѣнадцати сыновьямъ, новое государство начинаетъ уже сильно страдать отъ этого способа наслѣдованія въ княжескомъ родѣ, называемаго обыкновенно удѣльнымъ и раздиравшаго Русь въ теченіе многихъ вѣковъ. Земля считалась въ общинномъ, т. е. совокупно-раздѣльномъ владѣніи княжескаго рода, такъ что каждый изъ его членовъ имѣлъ право на долю въ родовомъ наслѣдіи, а это, при неизбѣжномъ неравенствѣ удѣловъ, при запутанности степеней родства и при естественномъ въ такую эпоху желаніи каждаго округлиться насчетъ другихъ совладѣльцевъ, вело къ безконечнымъ спорамъ, тѣмъ болѣе пагубнымъ, что при такомъ порядкѣ не могло быть и верховнаго судьи, способнаго положить имъ конецъ или по крайней мѣрѣ удерживать ихъ отъ крайностей. Умѣренность въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ князей (особенно Владиміра Мономаха 1093) являлась лишь рѣдкимъ примѣромъ необыкновенной доблести, и часто напрасны были усилія даже самыхъ уважаемыхъ духовныхъ лицъ укротить сопровождавшія усобицу страшныя злодѣйства. Подобный порядокъ вещей не могъ не имѣть самаго вреднаго вліянія и на матеріальный и на нравственный бытъ народа. Силы его истощались въ княжескихъ междоусобіяхъ; самая его численность, столь важная для обработки многоземельнаго края, если и прибывала, то очень медленно, а иногда и сильно убывала; городская промышленность, единственный путь для того чтобъ выйдти изъ усыпляющей односторонности земледѣльческаго и скотоводческаго быта, постоянно задерживалась въ своемъ ростѣ; наконецъ, частые переходы князей со всей дружиною (то-есть боярами, гридями и собственно дворнею,—отроками или дѣтскими и дво-

рянами) изъ одной волости въ другую, смотря по случайнымъ перемѣнамъ въ степеняхъ наличныхъ наслѣдниковъ или вслѣдствіе насильственныхъ пріобрѣтеній и утратъ, — эти переходы «не давали дружинникамъ возможности усиливаться въ качествѣ постоянныхъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ» и препятствовали образованію землевладѣльческой аристократіи. Отъ всѣхъ выше исчисленныхъ причинъ произошла относительная невыработанность сословныхъ интересовъ и сословной организаціи, — признакъ недостатка или незрѣлости силъ для опредѣленнаго разчлененія народнаго организма въ цѣломъ его составѣ, но отсюда же и отсутствіе борьбы сословій, занимающей столь видное мѣсто въ исторіи всѣхъ западноевропейскихъ странъ.

Выдѣлъ каждому изъ сыновей доли общаго родоваго наслѣдія съ тѣмъ, чтобы меньшіе оставались подъ рукою старшаго, не собственно какъ государя, а какъ отца, было въ обычаѣ не только у славянскихъ народовъ, но отчасти и на скандинавскомъ сѣверѣ, гдѣ верховный или старшій король игралъ почти ту же неопредѣленную роль, какъ и великій князь древней Руси, и гдѣ этотъ негосударственный порядокъ вещей велъ къ такимъ же печальнымъ послѣдствіямъ; нельзя однакожь не замѣтить, что онъ нашелъ себѣ самую благопріятную почву именно на Руси. Здѣсь запосный скандинавскій элементъ совпалъ въ этомъ отношеніи съ господствующимъ славянскимъ, а врывавшіяся въ русское славянство другія чуждыя стихіи (кромѣ, разумѣется, воспринятой имъ византійско-христіанской, отдѣлившей Русь отъ всей остальной Европы) были вовсе не таковы, чтобы противодѣйствовать внутреннему распаденію: это преимущественно были постоянные наплывы изъ азіятскихъ степей (Печенѣги, Половцы, Татары) съ юго-востока и изъ финскихъ захолустій—съ востока и сѣвера. Сами русскіе князья долго пользовались этими степными наплывами для того, чтобы домогаясь старшихъ удѣловъ жечь и раззорять родную землю. Мало этого, даже лучшіе изъ нихъ, какъ напримѣръ самый рыцарственный характеръ древней Руси, Мстиславъ Удалый, роднились съ ханами Половецкими. Неопредѣленный закономъ обычай родоваго престолонаслѣдія пораждалъ тѣмъ болѣе розни, что нерѣдко самъ народъ требовалъ нарушенія его [1], желая имѣть того

[1] У западныхъ Славянъ это привело къ установленію пагубныхъ для народной самобытности избирательныхъ монархій.

или другаго князя не по родословному порядку, но по чувству особеннаго довѣрія и любви, или наконецъ по тому, что князь и его сторонники умѣли расположить народъ въ свою пользу. А между тѣмъ каждое нарушеніе такого рода плодило новыя распри, и междоусобіямъ не было конца.—Въ одномъ только смыслѣ удѣльная система имѣла полезныя послѣдствія: размножая удѣлы нерѣдко на окраинахъ родной земли (преимущественно на востокѣ), она раздвигала предѣлы русской колонизаціи и, не смотря на частые раздоры князей, связывала самые отдаленные края сознаніемъ единства княжескаго рода и общей его отчины. Отъ этого сознанія не могли отдѣлаться даже тѣ изъ городовъ, которые, по своей отдаленности отъ главнаго поприща княжескихъ усобицъ, могли развивать свой бытъ гораздо независимѣе остальныхъ, такъ что онъ подходилъ къ быту демократическихъ общинъ западной Европы. Таковы были Новгородъ и Псковъ.—Любопытно, что господствовавшее въ древней Руси патріархальное чинопочаліе распространялось и на города, которые также дѣлились на старшіе и младшіе, и послѣдніе обыкновенно принимали въ общихъ дѣлахъ за руководство то, на чемъ положатъ старшіе. Нерѣдко однакожь возникали между ними споры, къ которымъ подавали поводъ или княжескія усобицы, или нарушенія старшинства, или наконецъ запосчивость старшихъ городовъ передъ младшими,—Новгорода передъ Псковомъ, Ростова передъ Владиміромъ. Старшіе города особенно отличались тѣмъ, что между гражданами ихъ долго удерживался стародавній обычай, въ важныхъ случаяхъ сходиться на общія совѣщанія, или вѣча [1], и рѣшать такимъ образомъ чрезвычайныя дѣла.

Споры между князьями происходили всего чаще за кіевскій великокняжескій престолъ, который издавна почитался старшимъ, да Кіевъ былъ въ то время и дѣйствительно важнѣйшимъ средоточіемъ русской жизни, гражданской, церковной и промышленной; въ Переяславлѣ сидѣлъ обыкновенно ближайшій преемникъ великаго князя. Но когда и по праву старшинства, и по праву сильнаго Кіевъ достался внуку доблестнаго Мономаха, Андрею Боголюбскому, который, родясь и выросши на сѣверѣ, въ Ростовской области

[1] Едва ли нужно замѣчать, что эти вѣча были то же самое, что̀ мірскія сходки (тинги, динги, мали и проч.) у другихъ средневѣковыхъ народовъ.

своего отца, не взлюбилъ южнаго обычая и предпочиталъ быть «самовластцемъ», тогда, отдавъ Кіевъ меньшому брату, онъ перенесъ великокняжескую столицу на сѣверъ, и притомъ не въ «старшій» городъ своей области, Ростовъ, и даже не во второй по немъ, Суздаль, а именно въ «младшій» —Владиміръ, гдѣ не было старообычныхъ, нерѣдко буйныхъ вѣчъ, мѣшавшихъ князю распоряжаться на полной волѣ. Андрей, наперекоръ обычаю, выгналъ изъ своего княжества младшихъ братьевъ, племянниковъ и старыхъ бояръ, и хотѣлъ, чтобъ и во всей Руси на него смотрѣли не только какъ на старшаго въ родѣ, но и еще болѣе какъ на государя. Въ то самое время какъ этотъ новаго склада князь готовился нанесть рѣшительный ударъ вышедшимъ изъ его воли князьямъ Кіевской области (Ростиславичамъ), онъ былъ убитъ по заговору ближнихъ; но сѣмя, брошенное имъ на сѣверѣ, не умерло. Владимірцы отстояли за собой великокняжескій престолъ послѣ жестокой борьбы съ обиженными тѣмъ Ростовцами (1175). Братъ Андрея, Всеволодъ III, слѣдовалъ по его стопамъ; простирая руку, съ одной стороны на Новгородъ, съ другой на Рязань, онъ утверждалъ свое владычество на сѣверѣ, а на югѣ заботился лишь о томъ, чтобъ не дать слишкомъ усилиться ни одному изъ междоусобствовавшихъ тамъ родовъ (ни Ольговичамъ, ни ближайшимъ ему Мономаховичамъ).—На юго-западной оконечности Руси завязалась у южныхъ князей борьба за Галицкое княжество, въ которую вмѣшались Венгры и Поляки, а на сѣверо-западѣ слабые Полоцкіе князья должны были уступить Меченосцамъ всѣ свои владѣнія въ Ливоніи, и сами вслѣдъ за тѣмъ подпали владычеству Литвы, усиливавшейся болѣе и болѣе насчетъ западной Руси. — Въ 1237 и 1238 г. Татары страшно опустошили бо́льшую часть сѣверныхъ русскихъ областей, а въ 1239 и 1240 обрушились всею тяжестью на южныя и разгромили ихъ до того, что начавшіеся вскорѣ потомъ Литовскіе захваты не встрѣтили себѣ здѣсь почти никакого сопротивленія, и съ 1315 г. Кіевъ и Волынь отошли надолго къ Литвѣ. — Въ то самое время какъ Татары опустошали южную Русь, внукъ Всеволода III и сынъ Ярослава, Александръ (онъ прозванъ потомъ Невскимъ и церковію причтенъ къ лику святыхъ), княжившій

въ Новгородѣ и подобно всѣмъ другимъ князьямъ не ладившій съ своевольнымъ вѣчемъ, геройски отразилъ, одно за другимъ, нападенія Шведовъ, Ливонскихъ рыцарей и Литвы на сѣверо-западныхъ границахъ Руси. Но когда, по смерти отца, онъ сѣлъ на великокняжескій престолъ во Владимірѣ, геройскій духъ не избавилъ его отъ горькой необходимости ѣздить четыре раза въ Орду, которая, утвердясь на нижней половинѣ Волги, какъ туча висѣла надъ восточными русскими княжествами, наложила на нихъ дань и присвоила себѣ право утверждать и низлагать князей по волѣ хановъ, ихъ любимцевъ и подслужниковъ. Тѣснимая съ одной стороны Татарами, съ другой Литвою, раздвинувшеюся вскорѣ до Угры (притока Оки), Русь, казалось, должна была навѣки потерять свою независимость, когда возникло мало-по-малу изъ ничтожества мелкое Московское княженіе и подъ управленіемъ цѣлаго ряда умныхъ, ловкихъ и разсчетливыхъ князей, потомковъ Даніила, меньшаго сына Александра Невскаго, выдвинулось нечувствительно впередъ и стало наконецъ на первомъ планѣ. Держась политики прадѣда своего Андрея, Московскіе князья болѣе и болѣе отступали отъ древнихъ началъ родообщиннаго владѣнія и смотрѣли на свои волости не какъ на общее достояніе всего княжескаго рода, но болѣе какъ на свою личную собственность. И силою, и хитростью, и покупками, и униженіемъ передъ Ордой стараются они расширить небольшія свои владѣнія. Конечно, обстоятельства благопріятствовали ихъ успѣху, но умѣнье пользоваться обстоятельствами, осторожное и вмѣстѣ неуклонно-твердое стремленіе къ одной цѣли, придаютъ дѣятельности этихъ князей уже истинно-политическій интересъ. Такъ они пользуются покровительствомъ Орды для сдерживанія угрожающей литовской власти; такъ переселеніе митрополита всея Руси изъ опустошеннаго Кіева во Владиміръ (1299) подаетъ сыну Даніила, Іоанну Калитѣ, благую мысль утвердить первосвятительскій престолъ въ Москвѣ, сдѣлать ее церковнымъ средоточіемъ всего русскаго православія; и мы видимъ, что вслѣдъ за тѣмъ Московскій князь дѣйствуетъ противъ своихъ враговъ уже не однимъ мірскимъ, но и духовнымъ оружіемъ: митрополитъ Ѳеогностъ отлучаетъ непокорнаго Калитѣ Псковскаго князя Александра, митропо-

литъ св. Алексій, по желанію Димитрія Донскаго (внука Калиты), посылаетъ преподобнаго Сергія Радонежскаго запереть всѣ церкви въ Нижнемъ, чтобы смирить ослушника Москвѣ князя Бориса Константиновича и т. д. Димитрій уже воспользовался тѣмъ, что̀ такъ удачно подготовили его предки. Онъ еще въ дѣтствѣ (съ помощью митрополита и бояръ) смиряетъ непокорный Суздаль, а потомъ даетъ почувствовать свою силу Рязани и Твери; побѣдивъ великаго князя Тверскаго, онъ ставитъ его къ себѣ не только въ отношеніе «младшаго брата», но и подручника. Наконецъ, пользуясь усобицами Татаръ, онъ дважды поражаетъ ихъ — на Вожѣ (1378) и на Куликовскомъ полѣ (1380); но еще не пришла пора окончательнаго освобожденія: тотъ же Димитрій посылаетъ потомъ дань хану. Сынъ его Василій пріобрѣлъ по ханскому ярлыку княжества Нижегородское и друг. и принудилъ Псковъ получать князей отъ руки Московскаго государя. Въ его царствованіе разгромъ Золотой (Приволжской) Орды Тамерланомъ надолго обезпечилъ Русь съ этой стороны, такъ что Василій прекратилъ уже высылку дани, хотя и собиралъ ее по-прежнему, обогащая свою собственную казну. Послѣдняя сильная усобица, поднятая при сынѣ его Василіи Васильевичѣ Темномъ дядею и двоюродными братьями этого князя (Юріемъ Звенигородскимъ и Галицкимъ, Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой), напомнила народу всѣ ужасы старины и вмѣстѣ показала крѣпость новаго порядка, который не пошатнулся въ основаніяхъ даже и при такомъ слабомъ правителѣ, каковъ былъ Василій. По счастію Литва не могла воспользоваться этими смутами, будучи сама въ то время жертвою междоусобій. Не смотря на то, что Василій съумѣлъ попасться въ плѣнъ къ шайкѣ Татаръ, а освободясь отъ нихъ былъ захваченъ Шемякою и лишенъ зрѣнія, на время даже и престола,—онъ все-таки наконецъ восторжествовалъ, присоединилъ въ своимъ владѣніямъ удѣлы Серпуховской и Можайскій, смирилъ непокорный Новгородъ и утвердилъ свою власть въ Рязани. Умирая въ 1462 г., онъ оставилъ престолъ старшему сыну Іоаннy III, котораго еще при жизни объявилъ своимъ соправителемъ; онъ далъ удѣлы и младшимъ сыновьямъ, но ограничивъ ихъ такими размѣ-

рами, что всѣ они вмѣстѣ далеко уступали одному удѣлу Іоанна. Новый государь соединялъ въ себѣ достоинства лучшихъ своихъ предковъ: обдуманность, разсчетъ и неуклонную твердость тамъ, гдѣ она была необходима. Узнавъ, что Новгородцы, подъ вліяніемъ сильной партіи Борецкихъ, отдались въ покровительство королю Польскому и великому князю Литовскому Казимиру, Іоаннъ (1471) принудилъ ихъ заплатить тяжкую денежную пеню, обязалъ не поддаваться Литвѣ и архіепископовъ посылать на посвященіе только къ московскимъ митрополитамъ: послѣднее важно было потому, что новгородскіе архіереи ставились иногда отъ кіевской митрополіи, отдѣлившейся подъ владычествомъ Литвы отъ Московской. Принявъ на себя въ Новгородѣ роль верховнаго судьи, выгодную для всѣхъ обижаемыхъ на вѣчѣ, Іоаннъ вскорѣ нашелъ поводъ положить конецъ самостоятельности гордой общины (янв. 1478), а въ 1489 г. покорилъ и отдаленную колонію ея, Вятку. Союзъ Твери съ Литвою, вопреки обѣщанію данному Москвѣ, побудилъ Іоанна овладѣть и Тверскимъ великимъ княжествомъ (1485); наконецъ рядъ присоединеній завершился отобраніемъ удѣловъ Верейскаго и Углицкаго за ослушаніе ихъ владѣльцевъ передъ московскимъ государемъ. Въ стремленіи къ водворенію единодержавія и возвеличенію своей власти подкрѣплялся онъ второю супругою, племянницею послѣдняго императора византійскаго, Софіею Палеологъ. Ей не нравилась грубая простота московскаго двора и отсутствіе церемоніала, окружающаго лицо монарха особеннымъ, не легко доступнымъ величіемъ, и вскорѣ Іоаннъ повелъ себя съ боярами совсѣмъ не по старому и такъ гордо, что заслужилъ отъ нихъ прозваніе Грознаго. — Усобицы въ Ордѣ и новое распаденіе ея на Золотую, Казанскую и Крымскую, представили Іоанну возможность окончательно расторгнуть слабыя узы дани и подвластности, еще связывавшія Русь съ татарствомъ. Когда въ 1475 г. Крымъ былъ завоеванъ Турками, и тамошній ханъ Менгли-Гирей сдѣлался подручникомъ Султана, онъ при содѣйствіи Іоанна вступилъ въ борьбу съ ханами Золотой Орды и наконецъ довершилъ ея паденіе (1502). Ханъ казанскій сталъ подвластенъ Московскому государю (1487), но еще до этого русскіе люди покорили Пермь (1472) и другіе края

по обѣ стороны Урала. Война съ Литвою, возбужденная происками ея державцевъ и въ Новгородѣ, и въ Ордѣ, особенно же переходомъ подъ власть Московскаго царя многихъ литовско-русскихъ князей (Рыльскихъ и Новгородъ-Сѣверскихъ, Стародубскихъ, Черниговскихъ, и друг.), утѣсняемыхъ за православіе, кончилась также успѣшно для Іоанна. Благополучное его царствованіе не могло не отразиться и на общемъ состояніи государства, особенно при тѣхъ усиліяхъ, какія, подъ вліяніемъ образованной жены своей, употреблялъ онъ на то, чтобы воспользоваться на Руси плодами западнаго просвѣщенія: онъ вызывалъ изъ-за границы строителей, всякаго рода мастеровъ и лѣкарей; по его же повелѣнію составленъ первый на Руси Судебникъ, которымъ постановлялось между прочимъ, что судья никогда не можетъ судить одинъ безъ присутствія дворскаго, старосты и лучшихъ людей данной мѣстности.—Преемникомъ своимъ, помимо ближайшаго наслѣдника (внука отъ старшаго сына [1]), Іоаннъ назначилъ втораго сына своего, первенца отъ Софіи Палеологъ, Василія (1505 — 1533). Новый государь поступалъ съ враждебными ему въ-тайнѣ боярами еще безцеремоннѣе отца: дѣла предлагались имъ на обсужденіе только для вида, а всякое противорѣчіе царской волѣ наказывалось какъ преступленіе.—Война съ Литвою, дважды подожженная знатнымъ выходцемъ изъ того края, княземъ Михаиломъ Глинскимъ, дядею жены Василія (1507 и 1512), кончилась въ 1522 г. тѣмъ, что кромѣ прежнихъ пріобрѣтеній за Москвою еще осталось важнѣйшее для нея, Смоленскъ. Борьба съ Крымскою ордою за ханство Казанское навлекла опять большой набѣгъ со стороны Татаръ (1521), которые, простоявъ нѣсколько времени подъ Москвой и подъ Рязанью, ушли въ степь и увели съ собою многочисленныя толпы плѣнныхъ. Ссоры Псковичей съ намѣстниками московскими послу-

[1] Этотъ внукъ, князь Димитрій Іоанновичъ, еще при жизни дѣда послужилъ старымъ боярамъ предлогомъ къ крамолѣ противъ ненавистной имъ Софіи и ея сына. Іоаннъ III удалилъ было и жену и Василія, оклеветанныхъ въ зломъ умыслѣ, и торжественно вѣнчалъ Димитрія великимъ княземъ, но Софія вскорѣ успѣла одолѣть интригу, и тогда страшная опала постигла знатнѣйшихъ вельможъ. Несчастный Димитрій умеръ въ заточеніи 1499 г.

жили Василію предлогомъ (1509) къ уничтоженію тамъ народныхъ вѣчъ и окончательному присоединенію Пскова; въ 1517 г. той же участи подверглась Рязань за сношенія ея князя съ Крымскимъ ханомъ, а князья Стародубскій и Новгородъ-Сѣверскій, бывшіе прежде только подъ рукой Московскаго государя, лишены своихъ владѣній за то, что враждуя между собой, сносились то съ Москвой, то съ Литвою. — Василію наслѣдовалъ старшій, трехлѣтній сынъ его, Іоаннъ IV Грозный (1533 — 1584), сначала подъ опекою своей матери, Елены Васильевны Глинской. Крамоламъ бояръ, часто возникавшимъ въ ея правленіе, открылся полный просторъ послѣ ея кончины (1538), когда въ руки ихъ перешло попечительство надъ малолѣтнымъ еще государемъ. Чего не насмотрѣлся, не наслушался, не натерпѣлся среди ихъ этотъ пылкій, впечатлительный отрокъ, столько же и запуганный, сколько развращенный тѣмъ, что происходило передъ его глазами! Слѣды этого воспитанія отразились на всей его замѣчательной личности и выступили особенно ясно въ зрѣлые годы его жизни. Достигнувъ 16 лѣтъ, онъ короновался и принялъ титулъ царя, а вскорѣ потомъ и вступилъ въ бракъ съ Анастасіею Романовной, изъ знатнаго боярскаго рода Захарьиныхъ-Кошкиныхъ, которой дядя былъ близкимъ человѣкомъ отцу Іоанна, Василію. Вслѣдъ за его свадьбой три страшные пожара совершенно опустошили Москву, взволнованный народъ винилъ во всѣхъ бѣдахъ родственниковъ царя, Глинскихъ, и дядя Іоанна, Юрій Васильевичъ, погибъ жертвою этихъ подозрѣній, не смотря на то что укрылся въ Успенскомъ соборѣ. Толпы черни, окруживъ царскій домъ въ селѣ Воробьевѣ, требовали выдачи и остальныхъ, но Іоаннъ велѣлъ казнить главныхъ коноводовъ и тѣмъ тотчасъ усмирилъ возстаніе. Все это оставило глубокое впечатлѣніе въ душѣ царя; чуждаясь бояръ, которыхъ крамольная опека также не выходила у него изъ памяти, онъ прибѣгъ къ совѣту простыхъ людей, — священника Сильвестра и дворянина Адашева, и въ порывѣ нравственнаго увлеченія, поспѣшилъ торжественно заявить передъ народомъ, передъ выборными отъ городовъ, созванными нарочно для того въ Москву (1550), о своемъ твердомъ намѣреніи быть настоящимъ государемъ и загладить память о притѣсненіяхъ и

неправдахъ, совершенныхъ въ его дѣтство боярскимъ управленіемъ. За тѣмъ онъ приступилъ къ составленію новаго Судебника и созвалъ соборъ для исправленія церковныхъ безпорядковъ. Впослѣдствіи онъ созывалъ еще два такихъ собора и, сверхъ того, для рѣшенія важнаго вопроса о продолженіи Ливонской войны, собралъ на совѣтъ или думу людей всякаго званія, начиная отъ архіереевъ до купцовъ (1566). — Волненія въ Казани, которая давно уже колебалась между московскою и крымскою партіями, побудили царя двинуться туда съ огромнымъ войскомъ, и послѣ отчаяннаго сопротивленія это царство было присоединено къ Москвѣ (1552); спустя четыре года та же участь и по тѣмъ же поводамъ постигла Астрахань. Пріобрѣтенія эти были чрезвычайно важны въ двоякомъ отношеніи, — какъ торжество христіанства надъ невѣрными, и какъ открытіе для русской колонизаціи и торговли плодоноснаго юго-восточнаго края и удобнаго пути сообщенія по Волгѣ. — Встрѣчая со стороны Ливонцевъ упорное сопротивленіе въ пропускѣ на Русь вызываемыхъ имъ иностранныхъ мастеровъ и ученыхъ, Іоаннъ задумалъ обезпечить себѣ доступъ къ морю пріобрѣтеніемъ Ливоніи и, подъ предлогомъ невзноса ею старообычной дани за Юрьевскую (Дерптскую область), вступилъ съ орденомъ Мечниковъ въ открытую войну (1558). Гохмейстеръ ордена Кетлеръ нашелъ себѣ союзника въ Польскомъ королѣ Сигизмундѣ II Августѣ (1559), но не видя оттого никакой пользы, предпочелъ уступить Сигизмунду Ливонію вполнѣ, и самъ принялъ отъ него въ лэнъ герцогство Курляндію съ Семигаліей (1261). Еще прежде Эстонцы отдались подъ покровительство Шведамъ, такъ что послѣдніе тоже были вовлечены въ войну Іоанна съ Польшею, — войну, которая шла для него успѣшно до тѣхъ поръ, пока на полѣ битвы не явился избранный Поляками въ короли, знаменитый воевода Трансильванскій, Стефанъ Баторій: съ 1579 по 1581 г. удачныя прежде наступательныя дѣйствія Русскихъ перешли въ рѣшительное отступленіе. Тогда Іоаннъ прибѣгнулъ съ жалобами на Баторія къ папѣ Григорію XIII, который, въ надеждѣ воспользоваться этимъ случаемъ для обращенія Руси къ католицизму, прислалъ іезуита Антонія Поссевина, и при его содѣйствіи заключено враждую-

щими перемиріе на десять лѣтъ. Іоаннъ чувствовалъ всѣ невыгоды замкнутаго положенія своей державы и, добиваясь ливонскаго приморья, поступалъ наперекоръ мнѣнію ближайшихъ своихъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева, которые постоянно противорѣчили ему въ этомъ, указывали цѣль для его дѣятельности, съ своей точки зрѣнія, на могаммеданскомъ югѣ. Впрочемъ они скоро утратили расположеніе царя; ихъ докучная смѣлость, ихъ слишкомъ явное соперничество не только съ роднею любимой Іоанномъ царицы, но и съ нею самой, часто оскорбляли Іоанна; къ тому же во время тяжкой болѣзни, постигшей его еще въ первые годы совершеннолѣтія, онъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что не можетъ разсчитывать на безусловную ихъ преданность, — все это поколебало довѣріе его къ нимъ, и въ 1560 г. онъ не только удалилъ ихъ, но и поднялъ жестокое гоненіе на всѣхъ, кто заодно съ ними или подобно имъ осмѣливался порицать его распоряженія. Опасаясь такихъ же преслѣдованій и для себя, одинъ изъ знаменитѣйшихъ воеводъ царя, князь Андрей Михаиловичъ Курбскій, отъѣхалъ къ королю Польскому и завелъ оттуда любопытную обличительную переписку съ Іоанномъ. Вскорѣ по удаленіи Сильвестра и Адашева умерла царица Анастасія. Іоаннъ предался съ горя буйнымъ чувственнымъ развлеченіямъ, и тогда пылкая страстность его натуры скоро взяла верхъ надъ сдержкою, налагаемою до тѣхъ поръ стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ. — Онъ мало по малу привыкъ все считать себѣ позволеннымъ; послѣ семи браковъ, уже больной и преждевременно хилый, стоя одной ногой въ гробу, онъ вновь помышляетъ о разводѣ, съ тѣмъ чтобы жениться еще разъ на родственницѣ королевы Елисаветы Англійской; въ припадкѣ гнѣва онъ по несчастію убиваетъ свое собственное дѣтище, старшаго сына, Іоанна; даже возвраты на самого себя, неизбѣжные въ человѣкѣ съ его умомъ и образованіемъ, переходятъ у него въ мрачное раздумье, въ глубокую, трагическую тревогу души, и разрѣшаются наконецъ мѣрами то затѣйливой, то кровожадной подозрительности, — учрежденіемъ опричины (1564) и рядомъ многочисленныхъ казней, безъ пощады даже и такимъ личностямъ какъ св. Филиппъ митропо-

литъ. — Обильнымъ послѣдствіями событіемъ Іоаннова царствованія было занятіе богатыми землевладѣльцами промышленниками Строгановыми Камскаго и части Зауральскаго края (со второй половины 16 вѣка), откуда начальникъ ихъ сбродной военной дружины, бѣглый донской козакъ Ермакъ Тимоѳеевъ простеръ покореніе Сибири до береговъ Иртыша (1582). Къ числу важнѣйшихъ внутреннихъ мѣръ этого времени принадлежитъ ограниченіе вреднаго для пользъ государственной службы мѣстничества, стремившагося навѣки упрочить за цѣлымъ родомъ то служебное старшинство, которое хотя однажды получилъ кто-либо изъ его членовъ; потомъ — учрежденіе стрѣльцовъ, перваго начатка постояннаго войска, устройство съ помощію козаковъ станичной и сторожевой службы для обереганія степной границы на югѣ отъ частыхъ крымскихъ вторженій [1], предоставленіе городскимъ и сельскимъ жителямъ права самимъ преслѣдовать и казнить разбойниковъ, а наконецъ и права выбирать себѣ начальство, подъ именемъ излюбленныхъ старостъ. При Іоаннѣ же положено въ Москвѣ начало книгопечатанію (1563). — Старшій сынъ его, слабоумный Ѳеодоръ (1584 — 98), вступивъ на престолъ, сначала былъ подъ руководствомъ боярина Никиты Романова, и когда онъ вскорѣ потомъ умеръ, мѣсто правителя запялъ царскій шуринъ, боярин Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ. Время Ѳеодора ознаменовалось двумя важными мѣрами, — закрѣпленіемъ крестьянъ, безъ чего отводимыя за ратную службу помѣстныя земли не давали болѣе достаточныхъ средствъ исправно нести воинскую повинность, и учрежденіе въ Москвѣ патріаршества (1579) для уравненія русской церкви въ іерархическомъ отношеніи съ восточными, хотя и старѣйшими, но давно уже гнетомыми игомъ невѣрныхъ. — Младшій братъ Ѳеодора, царевичъ Димитрій, погибъ отъ руки убійцъ, подосланныхъ по всей вѣроятности Годуновымъ, въ удѣлѣ своемъ, Угличѣ (1591), и какъ самъ Ѳеодоръ былъ бездѣтенъ, то смертію его (1598) пресѣклась династія Рюрика, обладавшая Русью около семи

[1] Еще при Іоаннѣ IV Крымцы два раза прорывались къ самой Москвѣ (въ 1571 и 1591) и въ первый разъ успѣли выжечь ее всю, за исключеніемъ того, что охранялось кремлевскою стѣной.

съ половиною вѣковъ. — Отдаленіе отъ Запада и безпрерывная борьба съ ордами восточныхъ степняковъ характеризуютъ все пространство этого длиннаго періода, такъ что и лучшій поэтическій памятникъ древней Руси — Слово о Полку Игоревѣ, имѣетъ предметомъ именно эту народную борьбу.

Казаки. Съ конца первой половины 15 вѣка казаки являются уже въ видѣ пограничнаго населенія, составившагося изъ бездомовныхъ людей, которыхъ влекла въ степь или удаль, или просто нежеланіе, а иногда и невозможность, по какимъ-либо причинамъ, долѣе оставаться среди земства. Это были піоперы, передовики русской колонизаціи. «Какъ люди отважные, они пролагали пути къ заселенію пустыхъ степныхъ пространствъ; выходъ въ казаки былъ легокъ русскому человѣку, потому что, уходя въ степь, онъ не уходилъ въ чужую сторону, не переставалъ быть православнымъ русскимъ человѣкомъ, и въ степи, среди казаковъ, онъ находилъ своихъ же; они признавали надъ собой власть правительства русскаго, но повиновались ему только тогда, когда это было имъ выгодно; въ большей зависимости отъ правительства находились тѣ казаки, которые жили недалеко отъ границъ, подъ руками правительства; въ меньшей тѣ, которые удалялись въ глубь степей» [1]. Со второй половины 16 вѣка сильную волю взяли Донскіе казаки, выѣзжавшіе разбойничать на Волгу, такъ что уже царь Іоаннъ IV посылалъ воеводъ для ихъ усмиренія.

9. Государство Османскихъ Турковъ.

§ 411. Къ концу 13 столѣтія воинственныя кочевыя племена Османовъ, избѣгая монгольскаго меча, покинули прежнія свои жилища къ востоку отъ Каспійскаго моря и завоевали себѣ въ Малой Азіи обломки Сельджукидской державы (§ 301. 2). Во главѣ храбрыхъ полчищъ, одушевляемыхъ магомеданскими дервишами на борьбу противъ христіанъ, Османъ чрезъ тѣснины Олимпа проникъ въ Виѳинію (1299), утвердилъ въ Прузѣ (Бурсѣ) свою столицу и отстоялъ свои завоеванія противъ слабыхъ Грековъ и призванныхъ ими на помощь западныхъ наемниковъ (Каталон-

[1] Соловьевъ. Учебная Книга Русской Исторіи.

цевъ). Преемники его улучшили свое воеустройство тѣмъ, что изъ самыхъ красивыхъ и сильныхъ юношей, взятыхъ ими въ плѣнъ у христіанъ и обращенныхъ къ исламу, составили превосходно обученную и отважную пѣхоту, подъ названіемъ янычаръ [1]. Вскорѣ Никомидія, Никея и классическая область Иліонъ подпали власти Бурсскаго султана (падишаха, т. е. великаго царя), а между тѣмъ византійскій дворъ отнималъ у своей дряхлой имперіи послѣднія силы борьбою партій, происками и гнусными злодѣйствами, какъ будто нарочно ускоряя часъ ея паденія. Мурадъ I (1361—89), настоящій основатель несокрушимой силы янычаръ, покоривъ своей власти всю Малую Азію, переправился въ Европу и въ нѣсколько походовъ завоевалъ все пространство отъ Геллеспонта до Гема, или Балканскаго хребта. Взявъ Адріанополь, Мурадъ украсилъ его великолѣпными мечетями и основалъ въ немъ свою столицу; передъ побѣдоноснымъ мечемъ воодушевляемыхъ исламомъ турецкихъ полчищъ пали и христіанскіе державцы древней Ѳракіи, и обезлюденные города, нѣкогда основанные здѣсь Греками и Римлянами. Только воинственные Сербы и Болгары оказывали нѣкоторое время успѣшное сопротивленіе. Но когда сила ихъ сокрушилась на кровавомъ Косовскомъ полѣ (1389), гдѣ самъ Мурадъ погибъ отъ руки отчаяннаго сербскаго юноши, тогда и они преклонили голову передъ неотразимымъ напоромъ янычаръ. Сынъ Мурада, дѣятельный, но самовластный Баязетъ (1389—1403) продолжалъ побѣды своихъ предшественниковъ съ такимъ успѣхомъ, что его прозвали Молніей. Онъ завоевалъ Македонію и Ѳесалію, проникъ чрезъ Ѳермопилы въ опустошенныя Элладу и Пелопоннесъ, взялъ приступомъ Аргосъ и послалъ своихъ быстрыхъ всадниковъ объѣхать южную оконечность древней Лаконіи. Тогда-то наконецъ христіанскій западъ вооружился противъ страшнаго врага. Императоръ Сигизмундъ, властитель Богеміи и Венгріи, Іоаннъ Бургундскій, цвѣтъ французскаго рыцарства, множество нѣмецкихъ и богемскихъ господъ выступили, въ числѣ слишкомъ

[1] По турецки ены-чери, т. е. новое войско. Учрежденіе ихъ приписываютъ султану Орхану около половины 14 столѣтія.

ста тысячъ человѣкъ, къ нижнему Дунаю. Но не смотря на ихъ геройское мужество, смертоносное сраженіе при Никополѣ (1399) рѣшило дѣло противъ христіанъ. Сигизмундъ едва успѣлъ спастись моремъ съ немногими лишь спутниками; французскіе графы и рыцари попали въ плѣнъ къ Туркамъ и выкупились только дорогою цѣной; десять тысячъ плѣнныхъ низшаго званія Баязетъ принесъ въ жертву памяти своихъ убитыхъ соотечественниковъ. Боснія была для него плодомъ этой побѣды, и обложенная данью столица Византійской имперіи, къ осадѣ которой онъ теперь приступилъ, едва ли выдержала бы, не смотря на свою крѣпость, грозное его нападеніе, еслибъ не явился совсѣмъ неожиданно такой врагъ, который шелъ еще болѣе широкими кровавыми путями, нежели непобѣдимый доселѣ султанъ Османовъ.

§ 412. Монголъ Тимуръ. Этотъ врагъ былъ воинственный и умный властитель Монголовъ, Тимуръ Хромой (Тимурлянкъ, Тамерланъ), потомокъ Чингисъ-хана (§ 332), котораго распавшуюся державу онъ рѣшился вновь возстановить. Съ толпами храбрыхъ пастуховъ покинулъ онъ очаровательную мѣстность своей столицы, Самарканда, чтобы покорить себѣ всѣ народы, отъ китайской стѣны до Средиземнаго моря и отъ предѣловъ Египта почти до Москвы. Персія (Иранъ) была упитана кровью, Дельги сталъ жертвою пламени, въ Индіи всѣ военноплѣнные были перебиты, чтобы преемнику его, «Великому Моголу», безопаснѣе было тамъ властвовать; путь его побѣдъ обозначался дымомъ пожаровъ, развалинами и грудами мертвыхъ тѣлъ, его трофеи были пирамиды изъ многихъ тысячъ головъ съ ихъ насмѣшливо скаленными зубами. Разворивъ вторично Багдадъ, предавши великолѣпный Дамаскъ безпощадно пожару и отнявъ у Мамелюковъ Сирію, Тимуръ наполнилъ опустошеніемъ и ужасомъ малоазійскія земли, Кавказъ, придонскій и приволжскій край [1]. Одною рѣшительною битвой уничтожилъ онъ могущество великаго хана Золотой Орды (1396), который вышелъ къ нему навстрѣчу не съ одними Татарами, но также и съ славянскою подмогой. Съ огромною добычей золота, серебра,

[1] Въ Россіи онъ доходилъ до Рязани.

соболей, горностаевъ и другихъ драгоцѣнностей возвратился Тимуръ въ Малую Азію. Тогда Баязетъ оставилъ осаду Константинополя и пошелъ навстрѣчу всемірному завоевателю. Близь Ангоры (Анкиры), въ древней Галатіи, произошла между ними ужаснѣйшая битва (1402), которая, не смотря на храбрость и военное искусство Турковъ, все-таки окончилась въ пользу отважныхъ пастуховъ. Самъ Баязетъ попалъ въ плѣнъ и въ слѣдующемъ же году умеръ съ горя. Тимуръ также вскорѣ потомъ сошелъ въ могилу; его міровая держава распалась такъ же скоро, какъ и создалась, между тѣмъ какъ подавленная сила Османовъ въ короткое время достигла опять прежняго блеска, потому что ни слабодушные Византійцы, ни погруженная въ раздоры и междоусобія западная Европа не воспользовались благопріятною минутой для того, чтобы уничтожить ихъ окончательно.

§ 413. Уже внукъ Баязета, Мурадъ II (1421—51), успѣлъ снова подчинить своей власти непокорныхъ эмировъ Малой Азіи и опять началъ завоеванія по Дунаю и по Гему. Византійская имперія все еще держалась среди турецкаго владычества, хотя уже и ограничиваясь одною столицей съ нѣсколькими ближайшими къ ней округами и постоянно платя Туркамъ дань. Тогда императоръ Іоаннъ VII Палеологъ (по примѣру обоихъ своихъ предшественниковъ, Іоанна VI и Мануила, тщетно старавшихся о томъ же) рѣшился доставить себѣ помощь Запада соединеніемъ восточной церкви съ римскою. Для этой цѣли отправился онъ съ патріархомъ и многими епископами въ Италію (1438), гдѣ долго велись жаркія словопренія о томъ, происходитъ ли Духъ Святой только отъ Отца, или отъ Отца и Сына вмѣстѣ (какъ учатъ латиняне), и о другихъ частію неизслѣдимыхъ, частію несущественныхъ для человѣка вопросахъ, между тѣмъ какъ османскій мечъ все болѣе и болѣе угрожалъ существованію Византіи. И когда наконецъ утвердили хартію соединенія, составленную въ двусмысленныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, то неудовольствіе столицы противъ возвратившагося императора и епископовъ его высказалось такъ громко, что бльшая часть святителей отступилась отъ даннаго прежде согласія и раздѣленіе между церквами еще усилилось

противъ прежняго [1]. Богословскіе споры были главнымъ занятіемъ константинопольскихъ гражданъ; въ городѣ и его окрестностяхъ считалось до трехсотъ монастырей, тогда какъ войска не было и пяти тысячъ. Однакожь слѣдствіемъ соединительнаго договора было то, что папа, чрезъ своего легата Юліана, старался склонить христіанскихъ государей на крестовый походъ противъ Турковъ, а между тѣмъ склонилъ Венгровъ, Поляковъ и другихъ немедленно напасть на Османскую державу. Тщетно возражали противъ этого, что не задолго заключенъ съ нею десятилѣтній миръ,—всѣ отговорки должны были уступить тому казуистическому правилу, что христіане не обязаны держать слова невѣрнымъ. Владиславъ, король Венгерскій и Польскій, и герой Гуньядъ (§ 407), котораго военное искусство и мужество не разъ вынуждало Турковъ къ отступленію, перешли черезъ Дунай и проникли къ берегамъ Чернаго моря. Тогда Мурадъ покинулъ свой дворецъ близь Магнезіи, гдѣ въ сластолюбивой нѣгѣ отдыхалъ до тѣхъ поръ среди чувственныхъ удовольствій, и поспѣшилъ противъ христіанъ, призывая Бога въ мстители за нарушеніе ими клятвы. Въ кровавой битвѣ подъ Варной (1444) побѣда была сначала на сторонѣ Гуньяда, но преждевременное нападеніе Владислава на непоколебимые ряды янычаръ привело войско христіанъ къ совершенному пораженію. Молодой король былъ въ числѣ убитыхъ; голову его побѣдители носили на пикѣ съ торжествомъ; легата Юліана смерть настигла во время бѣгства; разомъ исчезли всѣ плоды Гуньядовыхъ побѣдъ. Мурадъ поспѣшилъ воротиться къ нѣгѣ и наслажденіямъ, которыя оставилъ еще разъ, четыре года спустя, только для того, чтобъ одержать новую побѣду на упитанныхъ кровью поляхъ Косовы (1448).

§ 414. Взятіе Константинополя. Когда, по смерти Мурада II, падишахомъ Османовъ сѣлъ дѣятельный, власто-

[1] Изъ Москвы, вопреки желанію всѣхъ православныхъ, отправился на этотъ, такъ-называемый, Флорентинскій соборъ новопоставленный митрополитъ, Грекъ Исидоръ; но когда по возвращеніи изъ Флоренціи онъ хотѣлъ вводить условленное тамъ единеніе, то былъ встрѣченъ взрывомъ общаго негодованія и свергнутъ съ митрополичьяго престола.

любивый и кровожадный сынъ его Могаммедъ II (1451 — 81), тогда насталъ послѣдній часъ восточно-римской имперіи. Рѣшась утвердить свою столицу въ Константинополѣ, объявилъ онъ императору, своему даннику, войну и приступилъ къ осадѣ города (1453), который хотя и былъ смятенъ внутреннимъ раздоромъ, однакожь, благодаря храбрости Генуэзцевъ и истинному геройству послѣдняго императора, Константина, сопротивлялся цѣлые пятьдесятъ дней всѣмъ приступамъ и осаднымъ снарядамъ Турковъ. Наконецъ имъ удалось взойдти на стѣну. Тогда великодушный Константинъ, въ которомъ еще сохранилось чувство древняго величія Римлянъ, въ которомъ были еще живы независимость, религія и народность, ринулся въ самыя густыя толпы сражающихся и палъ смертью храбраго ни валахъ своей столицы (29 мая). Прекрасный Константинополь, древнее сѣдалище византійскаго велелѣпія, сталъ мѣстопребываніемъ султана. Храмъ св. Софіи обращенъ въ мечеть, на христіанскихъ обывателей наложено иго рабства, и надъ развалинами христіанской гражданственности турецкій исламъ торжественно водрузилъ свой побѣдоносный полумѣсяцъ. Въ ужасѣ бѣжали на Западъ многіе ученые и образованные Греки и, распространеніемъ тамъ греческаго языка и литературы, содѣйствовали появленію новаго времени, наступавшаго вдругъ съ разныхъ сторонъ. — За паденіемъ Константинополя послѣдовало вскорѣ и покореніе Трапезунтской имперіи [1] (§ 324), которой послѣдній властитель, сначала пощаженный Могаммедомъ, былъ потомъ обезглавленъ, далѣе—завоеваніе всей Греціи и Морея (Пелопоннеса), на защиту которой Венеціанцы напрасно истощили всю свою храбрость. Папы Николай V и Пій II (Эней Сильвій) тщетно старались пробудить уснувшую религіозную ревность и уладить крестовый походъ противъ враговъ христіанской вѣры,—лишь не многія нестройныя толпы двинулись подъ предводительствомъ краснорѣчиваго франци-

[1] Любопытный историческій эпизодъ составляетъ двухвѣковое существованіе этой миніатюрной имперіи, раздираемой двумя партіями,—партіею пришлыхъ вельможъ (схоларіевъ) и народно-туземною (месохалдіевъ),—имперіи, которая была поочередно данницей Туркменовъ, Монголовъ и Турковъ и, не смотря на то, пережила нѣсколько лѣтъ свою сосѣдку и соперницу, Византію.

сканца Капистрано на помощь доблестному Гуньяду, тѣсно обложенному въ Бѣлградѣ. Сербія и Валахія были присоединены къ Османскому царству, Молдавія стала его данницей; турецкія полчища производили опустошительныя вторженія въ Стирію, Каринтію и Крайну; только въ гористыхъ странахъ Албаніи и Эпира (съ 1467) герой Александръ Кастріотъ [1] (у Турковъ—Скандербегъ) отстаивалъ до самой смерти независимое владѣніе, а самостоятельность Венгріи спасла послѣдняя Гуньядова побѣда подъ Бѣлградомъ (1456). Могаммедъ уже сталъ было твердою ногою въ раздробленной Италіи [2] и устремлялъ взоръ на Римъ, котораго паденіемъ онъ чаялъ стереть съ лица земли вѣру въ Спасителя міра, когда смерть положила конецъ его предпріятіямъ (1481). Онъ соединялъ славу воина съ славою законодателя; имъ положено основаніе государственному управленію, судоустройству и придворному чину въ Турціи, — трудъ, который завершилъ потомъ Солиманъ.

Султанъ (падишахъ)—неограниченный властелинъ въ жизни и смерти своихъ подданныхъ и обладатель всей недвижимой собственности, земли. Воля его—законъ и стѣсняется только заповѣдями Корана и нѣкоторыми исконными обычаями У Турковъ нѣтъ дворянства и ни какого различія сословій, кромѣ священнослужителей (имамовъ) и духовныхъ орденовъ (дервишей). Султанъ живетъ въ сералѣ [3], соединеніи многихъ дворцовъ, садовъ, жилыхъ строеній и проч. Теремъ для женщинъ, строго отдѣленныхъ отъ мужчинъ, называется гаремомъ [4]; у каждаго знатнаго Турка есть гаремъ, потому что законъ всякому дозволяетъ имѣть четырехъ женъ и дер-

[1] Имя его собственно Георгій; прозваніе Александра (Искандера) получилъ онъ за свою силу, ловкость и смѣлость отъ Турковъ, среди которыхъ выросъ, какъ одинъ изъ заложниковъ, выданныхъ его отцомъ султану Амураду II въ 1423 г. Онъ былъ воспитанъ въ правилахъ ислама вмѣстѣ съ Могаммедомъ II, противъ котораго потомъ такъ славно боролся за независимость родины.

[2] Полководцы, отправленные имъ въ Апулію, уже овладѣли Отрантомъ.—Въ 1475 году, отнявъ у Генуэзцевъ Кафу (Θеодосію), Могаммедъ II покорилъ своей власти Крымъ,—событіе, замедлившее расширеніе русскихъ владѣній къ южному поморью, но и избавившее Московскую Русь отъ страшныхъ столкновеній, для которыхъ у ней не было еще довольно силъ.

[3] По-настоящему серай. Такъ называется вообще всякое обширное зданіе, устроенное для разныхъ помѣщеній.

[4] Отъ арабскаго гарама, защищать; означаетъ все заѣтное, заповѣдное.

жать столько невольницъ, сколько можетъ онъ прокормить своими средствами. Разумѣется, обильнѣйшій гаремъ—султанскій, которымъ управляетъ начальникъ черныхъ евнуховъ, кисляръ-ага (кисъ евнухъ, ага—начальникъ, старшина).—Ближайшее къ султану лицо—великій визирь, котораго дворецъ называется портой (дверью). На немъ лежитъ все бремя государственныхъ дѣлъ; онъ предсѣдательствуетъ въ диванѣ, или верховномъ совѣтѣ, который собирается въ важныхъ случаяхъ и въ которомъ участвуютъ генералъ-адмиралъ (капуданъ-паша), оба верховные судьи (кади-аскеры), министръ иностранныхъ дѣлъ (рейсъ-эффенди, которому подчинены переводчики, драгоманы), государственный казначей (дефтердаръ) и другіе.—Большое вліяніе на администрацію и судебную часть имѣетъ коллегія раздѣленныхъ на классы улемовъ, или законовѣдовъ, отъ которыхъ по всѣмъ важнымъ дѣламъ требуется ихъ заключеніе или постановленіе (фетва); муфти—глава этихъ духовныхъ ученыхъ, изъ которыхъ выбираются обыкновенно судьи въ большіе и малые города (моллы и кадіи). Области управляются намѣстниками или чиновниками съ неограниченною военною и судебною властью. Смотря по обширности подвѣдомаго имъ края носятъ они разныя названія: бегларбеги (князья князей) начальствуютъ цѣлыми провинціями (таковы Румъ и Анадоли); мѣньшія части управляются пашами, еще мѣньшія беями (бегами), самыя мелкія агами; но ни одинъ изъ нихъ не зависитъ отъ другихъ.—Мусульмане обязаны вносить въ казну десятину съ дохода своихъ имѣній; не мусульманскіе подданные (райя [1]) платятъ поголовщину (харачъ), поземельную и имущественную подать и сверхъ того обременены гнетомъ произвольныхъ и тяжкихъ повинностей и дачею мальчиковъ для пополненія янычаръ. — Къ счастію для Запада, въ то же самое время умный и богато одаренный природою властитель, Гассанъ, чрезвычайно возвысилъ могущество Персидской державы. Въ историческомъ романѣ Галлера (1708—1777): «Усонгъ», жизнь этого государя описана на такой же ладъ, какъ жизнь Кира въ Ксенофонтовой Киропедіи (§ 101). На развалинахъ Гассанова дома, въ началѣ слѣдующаго столѣтія, одинъ фанатическій приверженецъ Али (§ 260 и слѣд.) основалъ династію Софи.

---

[1] Райя означаетъ вмѣстѣ и паству, и подданныхъ; мусульмане—не подданные, они только правовѣрные.

§ 415. Первая половина 16 вѣка была блистательнѣйшимъ періодомъ оружія Османовъ. Внукъ Могаммеда, Селимъ I (1512—20), сдѣлалъ Тигръ своимъ восточнымъ рубежемъ съ Персіей, побѣдилъ Мамелюковъ въ двухъ кровопролитныхъ битвахъ и присоединилъ къ своей державѣ Сирію и Египетъ. Онъ же положилъ начало морской силѣ Турціи. Сынъ его Солиманъ (Сулейманъ) Великолѣпный (1520—66) продолжалъ завоевательное поприще Селима. Островъ Родосъ, который Іоанниты храбро отстояли противъ Могаммеда II, былъ обложенъ великими силами. Но и на этотъ разъ орденскіе рыцари съ 6,000 человѣкъ, подъ начальствомъ своего доблестнаго гросмейстера, Виллье де л'Иль Адана (Villiers de l'Isle Adam), успѣли отразить всѣ приступы высокомѣрнаго врага. Около 150,000 Турковъ погибло въ продолженіи осады, и только тогда, подъ условіемъ свободнаго выхода, рыцари согласились очистить островъ (1522) и переселились въ Мальту (§ 308).—Дешевле обошлись Сулейману завоеванія на Дунаѣ, гдѣ онъ взялъ приступомъ Бѣлградъ и Петервардейнъ и послѣ ужасной битвы при Могачѣ (1526, здѣсь, спасаясь бѣгствомъ, погибъ въ болотахъ юный король Венгерскій и Богемскій Людовикъ II) покорилъ своей власти половину Венгріи съ городомъ Офеномъ. Преемникомъ Людовика признанъ былъ Фердинандъ Австрійскій, но Сулейманъ рѣшилъ въ пользу соперника его, Запольи Трансильванскаго (§ 407), и подступилъ съ войскомъ къ самымъ стѣнамъ Вѣны (1529). Геройское мужество гарнизона этой столицы спасло однакожь христіанскій западъ отъ турецкаго порабощенія. Послѣ великихъ потерь и страшныхъ опустошеній Сулейманъ удалился въ свои владѣнія, предоставивъ сѣверную Венгрію кровавой борьбѣ партій, въ которой Фердинандъ одержалъ верхъ и, обязавшись данью Туркамъ, получилъ корону. — Въ Азіи Сулейманъ также раздвинулъ предѣлы своей имперіи: Багдадъ, Басра, Мосулъ и Іеменъ были покорены, а въ Африкѣ порта поставила подъ свою высокую руку корсарскія владѣнія Алжиръ, Тунисъ и Триполь, отнятыя у прежнихъ арабскихъ державцевъ двумя предпріимчивыми братьями съ острова Лесбоса (Горукомъ или Арруджемъ, и Шереддиномъ или Хайраддиномъ

Барбароссой, сыновьями одного гончара [1]).—Въ союзѣ съ Франциском ъ I, королемъ французскимъ, Сулейманъ не разъ грозилъ нижней Италіи; но какъ этотъ край, такъ и сильно тѣснимая имъ Мальта, сопротивлялись его могуществу. Въ глубокой старости выступилъ онъ еще въ Венгрію для новыхъ завоеваній, но умеръ (1566) подъ Сигетомъ, при оборонѣ котораго палъ геройскою смертью доблестный Зрини [2].

§ 416. Съ Сулейманомъ сошла въ могилу и прежняя энергія Османовъ. Его слабые, выросшеные въ гаремѣ преемники забыли среди растлѣвающихъ серальскихъ наслажденій ратныя доблести предковъ, а между тѣмъ владычество ихъ все основывалось на остріѣ меча. Козни гарема свергали и султановъ и знатнѣйшихъ сановниковъ; янычары стали уже совсѣмъ другіе съ тѣхъ поръ, какъ имъ разрѣшено было вступать въ бракъ и помѣщать собственныхъ дѣтей въ свои дружины; мѣсто воинской доблести, развиваемой общественнымъ воспитаніемъ, заступили строптивость, высокомѣріе и пагубный духъ мятежа. Судьи и намѣстники сдѣлались подкупны, гнетъ и вымогательства раззоряли области въ конецъ, восточная нѣга и растлѣвающее сладострастіе сломили силу народа. Скоро одичалость и запустѣніе легли надъ покорными Туркамъ землями Византійской имперіи; куда ни заносили они ногу, вездѣ затаптывали всякое сѣмя живаго развитія. Вокругъ городовъ, гдѣ среди развалинъ великолѣпно жили ихъ паши, скоро все превращалось въ пустыню. Населеніе любаго, занятаго ими края, часто въ конецъ истребленное войной,

[1] Этотъ гончаръ былъ сицилійскій ренегатъ Якубъ. Дѣти его съ отроческихъ лѣтъ стали заниматься морскимъ разбоемъ, и собравъ подъ свое начальство многочисленную шайку удальцовъ, сдѣлались ужасомъ всего сѣвернаго берега Африки и покрыли Средиземное море своими разбойничьими судами.

[2] Банъ Кроаціи, Славоніи и Далмаціи. Съ 3,000 человѣкъ оборонялъ онъ Сигетъ противъ 200,000 Турковъ подъ начальствомъ Солимана. Тщетно осаждающіе дѣлали по семи приступовъ въ день, тщетно грозилъ Солиманъ убить сына Зриньи, своего плѣнника, — герой отнюдь не хотѣлъ сдаться. 4 сентября Солиманъ умеръ отъ повальной болѣзни, господствовавшей въ лагерѣ; великій визирь утаилъ его смерть, и 7 сент. повелъ Турковъ на общій приступъ. Когда Сигетскій замокъ былъ уже весь въ огнѣ, Зриньи вышелъ оттуда съ 600 воиновъ, и всѣ они погибли въ сѣчѣ, но и Турки потерпѣли большой уронъ, особенно отъ взрыва пороховаго погреба, куда Зриньи велѣлъ подложить зажженный фитиль передъ самымъ своимъ уходомъ.

не прибывало и во время мира. Земледѣліе и всѣ производительные промыслы замирали подъ ихъ господствомъ. Для торговли и ея развитія дѣлалось очень мало или не дѣлалось ровно ничего. Дороги, которыя находили они устроенными въ покоренныхъ областяхъ, оставлялись въ небреженіи и скоро совершенно портились, рѣки обращались въ болота и засорялись, такъ что вездѣ, куда проникало ихъ владычество, возможенъ былъ почти только одинъ древній, трудный и неудобный способъ перевозки — караванный, съ помощію вьючнаго скота. Черное море какъ будто бы опять покрылось мглой и снова стало «негостепріимнымъ», какимъ было до Грековъ. Ни одна цвѣтущая пристань не украшала береговъ, въ виду которыхъ только изрѣдка кочевники проходили съ своими стадами. Духовная лѣнь мѣшала собственному развитію Турковъ, а религія, питающая ненависть къ христіанству, удерживала ихъ отъ усвоенія западной образованности. При такихъ обстоятельствахъ христіанскимъ державамъ было бы легко отнять у варваровъ хотя часть ихъ недавнихъ завоеваній, еслибъ взаимная зависть и ревность не препятствовали каждому общему предпріятію въ этомъ смыслѣ [1]. Такимъ образомъ даже славная побѣда, одержанная побочнымъ сыномъ императора Карлъ V, Донъ Жуаномъ Австрійскимъ, и Венеціанцами, въ морской битвѣ при Лепанто (1571), не имѣла никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, кромѣ того, что въ ней истребленъ былъ турецкій флотъ. Вся сила Испаніи не смогла прочно покорить даже сѣверо-африканскія разбойничьи державы.

§ 417. Исходъ средневѣковой эпохи. Правленіе Максимиліана I можно считать переходною порой отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Съ одной стороны онъ самъ, всѣмъ своимъ существомъ, принадлежитъ еще отходящей рыцарской эпохѣ и является «послѣднимъ рыцаремъ» на престолѣ имперіи, съ другой—его царствованіе есть очевидно

[1] Грустно подумать, что политическія отношенія заставляютъ беречь и поддерживать варварское господство Турковъ и въ наше время. Турція представляетъ разительнѣйшій примѣръ того, до какой степени одна нравственная лѣнь можетъ обездолить края, щедро надѣленные всѣми дарами природы.

время поворота въ европейской политикѣ и во взаимныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ государей и дворовъ. Читая о смѣлыхъ и опасныхъ охотахъ витязей Максимиліана (преданіе о Мартинсвандѣ [1]), о подвигахъ его въ полѣ и на турнирахъ, о его страсти къ упавшей уже въ то время рыцарской и любовной поэзіи, о его походахъ въ Нидерландахъ, Венгріи, Италіи, о его романтическомъ бракѣ съ Маріею Бургундской (§ 399), вездѣ встрѣчаемъ характеръ среднихъ вѣковъ, идеи рыцарскаго времени; но если обратимъ вниманіе на политическіе союзы въ Италіи, на дипломатическія козни, на разрывы и сближенія дворовъ, на Камбрейскую лигу (§ 383), гдѣ грубое властолюбіе и неудержная алчность пріобрѣтенія преодолѣваются тонкою политикой, тутъ увидимъ себя перенесенными въ другое время, когда душою государственной жизни являются уже династическіе интересы и политическія выгоды, когда союзы съ одной стороны и сопротивные союзы съ другой полагаютъ основаніе политики общеевропейской, когда судьбы каждой державы вліяютъ на судьбу всѣхъ остальныхъ. Эти начатки дипломатической политики еще носятъ на себѣ отпечатокъ простоты и наивности, доходящихъ иногда до смѣшнаго. Смотря по указанію мгновенной выгоды, нынче вступаютъ въ союзъ съ однимъ, завтра съ другимъ, вчерашній другъ становится сегодня противникомъ, но скоро можетъ и опять войдти въ прежнія отношенія. Своекорыстіе и эгоизмъ явно выступаютъ на показъ, не стараясь прикрываться никакою обманчивою личиной. Современники Максимиліана, Генрихъ VII въ Англіи, Людовикъ XI во Франціи и Фердинандъ Католикъ въ Испаніи, могутъ считаться «коноводами политическихъ надувательствъ». Въ средніе вѣка все однородное стремилось къ соединенію, чтобы противустать разнородному, которое относилось къ нему враждебно: отсюда цехи, корпораціи, рыцарскіе, городовые, крестьянскіе и областные союзы. Такъ же точно распадались на двое и государства или націи, не допуская между собою ничего, кромѣ однихъ враждебныхъ отношеній, безъ

[1] Мартинсвандъ или скала св. Мартина въ Тиролѣ, на которой Максимиліанъ провелъ, говорятъ, двое сутокъ, заблудившись во время охоты на дикихъ козъ.

всякаго взаимнодѣйствія другъ на друга. Это состояніе розни и замкнутости приходитъ къ своему концу именно въ царствованіе Максимиліана: въ Италіи, этомъ питомникѣ новаго образованія, сталкиваются при переходѣ въ 16 вѣкъ всѣ важнѣйшія государства Европы, Германія, Франція, Испанія, Англія, Швейцарія, Венгрія. Войны, союзы, мирные трактаты размножаютъ эти соприкосновенія и споспѣшествуютъ образованію общей внутренней связи; соотношенія и взаимнодѣйствія различныхъ державъ становятся день ото дня замѣтнѣе; средневѣковое обособленіе постепенно смѣняется многосложною и запутанною политическою системой; судьбы и событія одной державы отзываются болѣе или менѣе на всѣхъ другихъ; открытія, изобрѣтенія и мощныя идеи скоро становятся всеобщимъ достояніемъ Европы; потрясеніе въ одной изъ европейскихъ странъ отдается уже въ цѣлой части свѣта. Великое распространеніе латинскаго языка облегчаетъ международное общеніе.—Подобно государствамъ и народамъ, сближаются между собою и сословія. По мѣрѣ, какъ упадаетъ сословіе рыцарей и своимъ буйнымъ хищничествомъ становится недостойнымъ славы предковъ, поднимается среднее сословіе, гражданство, и своимъ образованіемъ, достаткомъ и энергіей наверстываетъ преимущества рыцарскаго рожденія и воспитанья. Сильное городское ополченіе, дѣйствуя въ великихъ борьбахъ 14 и 15 вѣковъ и, какъ отличная пѣхота, со славою выдерживая натиски желѣзныхъ рядовъ рыцарства, отнимаетъ у него исключительное право владѣть оружіемъ и одному вѣдать ратное дѣло; изобрѣтеніе огнестрѣльныхъ снарядовъ и распространяющійся обычай водить въ битвы наемныя войска, совершенно лишаетъ конное дворянство его прежняго перевѣса и ставитъ его въ ровень съ городскимъ сословіемъ, растущимъ не по днямъ, а по часамъ. Дворяне переселяются въ города и сливаются мало-по-малу съ богатѣйшими и знатнѣйшими родами средняго класса. — Два великіе свѣточа средневѣковаго христіанства, императорство и папство, утратили свой блескъ, первое—отъ возрастающаго могущества областныхъ державцевъ, которые болѣе и болѣе ограничивали созданную ими имперскую власть, второе — отъ злоупотребленій, какія дѣлали изъ своего положенія верховные

главы церкви въ бытность свою въ Авиньонѣ. Большіе церковные соборы 15 столѣтія только еще болѣе обнаружили порчу духовнаго чина и совершенный упадокъ папства, такъ что даже и хитро улаженная побѣда послѣдняго была не болѣе какъ призракъ, послѣдній, предсмертный вспыхъ угасающаго факела. При окрѣплости народнаго духа и пробужденіи разума не могли долѣе держаться созданія средневѣковаго легковѣрія и ограниченнаго взгляда. Такимъ образомъ все, какъ бы по тайному уговору, стремилось къ новому времени. Гордое зданіе феодальной монархіи и церковнаго самодержавства совершенно обветшало: могло ли оно выдержать сильные удары, направленные на него одновременно съ разныхъ сторонъ? Смертоносный застой водворился и въ государственной и въ церковной жизни: или онъ долженъ былъ породить всеобщее гніеніе, или новая великая борьба должна была внести жизнь и движеніе въ оцѣпенѣвшую массу.

СОДЕРЖАНІЕ II-го ТОМА.

А. Великое переселеніе народовъ и утвержденіе единобожія.

Стр.

I. Торжество христіанства надъ язычествомъ 7

1. Христіанская церковь первыхъ вѣковъ. . . . , ... —

§ 229. Гоненія на христіанъ, стр. 7. — §§ 230 231. Устройство церкви въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства, стр. 9. — § 232. Еретики и секты, стр. 12.

2. Правленіе Константина (325—337). 18

§ 233. Новое государственное устройство, стр. 18. — § 334. Іерархія и монашество, стр. 20. — § 235. Отцы церкви и другіе писатели церковные. Ученіе о предопредѣленіи. Пелагіанизмъ. Оригенъ. Іеронимъ. Августинъ, стр. 21.

3. § 236. Юліанъ Отступникъ. Паденіе язычества и языческой литературы. 26

II. Переселеніе народовъ. 31

1. § 237. Народные союзы Германцевъ. . . . . —

2. §§ 238. 239. Ѳеодосій Великій. Переселеніе народовъ до раздѣла Римской имперіи (395) 33

3. §§ 240—242. Вестготы. Бургунды. Вандалы. 37

4. § 243. Аттила, царь Гунновъ (450). 42

5. § 244. Паденіе западной Римской имперіи. 45

6. § 245. Ѳеодорихъ остготскій (ок. 500) 47

7. Франки. 52

§ 246. а) Хлодвигъ, стр. 52. — § 247. б) Мервинги (Внутреннее состояніе Франціи), стр. 54.

8. Англосаксы 58

§ 248. Эгбертъ. Англосаксонскія учрежденія, стр. 58.

III. Византійская имперія 61

1. Императоръ Юстиніанъ (527—565). . . . . —

§ 249. Партіи цирка, стр. 61. — § 250. Corpus juris. Возстаніе въ день Ники, стр. 64. — § 251. Походы Велисарія противъ Вандаловъ и Остготовъ, стр. 68. — § 252. Паденіе Остготскаго царства, стр. 69.

Стр.

2. § 253. Лангобарды 70
3. §§ 254—256. а. Византійскій дворъ и иконоборство 73
4. § 256. б. Славянскіе народы 77
5. § 256. в. Общее обозрѣніе и выводы 80

IV. Арабы подъ вліяніемъ ислама 83

§ 257. Аравія, стр. 83. — § 258. Могаммедъ, стр. 85. — § 259. Исламъ, стр. 86. — § 260. Халифатъ, стр. 87. — § 261. 262. Омейады, стр. 88. — § 263. Битвы при Хересѣ и Пуатье, стр. 91. — § 264. Арабская образованность, стр. 94. — § 265. Упадокъ халифата, стр. 96. — § 266. Газневиды. Тагериды. Фатимиды. Моравиды, стр. 98. — § 267. Борьба между Маврами и Христіанами въ Испаніи, стр. 102. — § 268. Могаммеданская образованность и литература, стр. 104.

Б. Средневѣковая эпоха, въ тѣсномъ смыслѣ.

I. Время Каролинговъ 115
1. § 269. Пипинъ Малорослый (752—768) . . . . . —
2. Карлъ Великій (768—814) 116

§ 270—272. Войны съ Саксами, Лангобардами и Арабами, стр. 116. — § 273. Тассилонъ, стр. 121. — § 274. Возстановленіе Римскаго императорства, стр. 123. — § 275. Правосудіе, управленіе, образованность, стр. 124.

3. Распаденіе Франкской державы 129

§ 276. Людвигъ Кроткій и его сыновья, стр. 129. — § 277. б. Италія въ безъимператорское время, стр. 134. — § 278 Мадьяры, стр. 136. — § 279. Гугонъ Капетъ, стр. 140.

4. Христіанская церковь. Возрастаніе папской власти 143

§ 280. Григорій Великій. Бонифацій, стр. 143. — § 281. Миссіи и монастыри, стр. 146. — § 282. Развитіе церковнаго единовластія и Исидоровы декреталіи, стр. 147.

5. § 283. Лэнное устройство (феодализмъ) 149

II. Норманны и Датчане 152
1. § 284. Скандинавія . . . . . —
2. Англія 155

§ 285. Альфредъ Великій. Канутъ Великій, стр. 155. — § 286. Вильгельмъ Завоеватель, стр. 157.

3. § 287. Норманны въ Италіи 159
4. § 288. Исландія и Русь 161

III. Преобладаніе нѣмецко-римскаго императорства . . . 164
1. Саксонскій императорскій домъ (919—1024) . . . . . —

§ 289. Генрихъ I Птицеловъ, стр. 164. — § 290. 291. Оттонъ I Великій, стр. 169. — § 292. Оттонъ II, стр. 190. — § 292. б. Оттонъ III, стр. 194. — § 292. в. Образованность во времена Оттоновъ, стр. 200. — § 293. Генрихъ II, стр. 203.

Стр.

2. Салійско-Франконскій императорскій домъ (1024—1125) . . 205

§ 294. Конрадъ II, стр. 205. — § 295. Генрихъ III, стр. 211.— § 296. Генрихъ IV, стр. 212. — § 297. 298. Генрихъ IV и папа Григорій VII, стр. 214. — § 299. Исходъ борьбы за инвеституру, стр. 221. — § 300. Внутреннее состояніе Германіи. А. Нѣмецкія сословія. — Б. Ученое образованіе (языкъ, исторіографія), стр. 226.

IV. Преобладаніе церкви въ эпоху крестовыхъ походовъ. 232

1. Первый крестовый походъ (1096—99) . . . . . —

§ 301. Восточный міръ: 1) Византійская имперія. Василій — Мануилъ Комнинъ, стр. 232. 2) Магометанскія державы, стр. 238.—§ 302. Петръ Аміенскій, стр. 243.—§ 303. Готье Неимущій, стр. 245. — § 304. Готфридъ Буйліонскій, стр. 246.—§ 305. Дорилей и Антіохія, стр. 248.—§ 306. Іерусалимъ, стр. 250. — § 307. Іерусалимское королевство, стр. 252. — § 308. Рыцарскіе ордены, стр. 254.

2. Гогенштауфены (1138—1254) 256

A. Кондрадъ III (1138—1152). . . . . —

§ 309. Вельфы и Вайблинги (Гвельфы и Гибеллины), стр. 256. — § 310. Религіозная ненависть Германцевъ и стремленіе къ обращенію язычниковъ, стр. 259. — § 311. Второй крестовый походъ (1147—49), стр. 261.

Б. Фридрихъ I Барбаросса (1152—90)— 264

§ 312. Его цѣль, стр. 264. — §§ 313. 314. Арнольдъ Брешіанскій и Ломбардскій городовой союзъ, стр. 266. — § 315. Миланъ и Леньяно, стр. 270. — § 316. Паденіе Генриха Вельфа, стр. 272. — § 316. б. Образованіе новыхъ государствъ въ Германіи. Баварія и Пфальцъ. Австрія. Бранденбургъ и Саксонія. Тюрингенъ и Мейсенъ. Фризы и Дитмарсы, стр. 275. — § 317. Третій крестовый походъ (1189—92), стр. 280.

B. Папство на высотѣ своего могущества и въ борьбѣ съ императорствомъ. 284

§ 318. Генрихъ VI, стр. 284.— § 318. б. Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV, стр. 287. — § 318. в. Церингеры, стр. 295. — § 319. Иннокентій III и Фридрихъ II, стр. 298. — § 320. Іерархическая монархія, стр. 300. — § 321. Монашескіе ордены, стр. 301. — § 322. Схоластика, стр. 303. — § 323 — 326. Четвертый и пятый крестовые походы, стр. 306. — § 327 — 329. Борьба гвельфовъ съ гибеллинами, стр. 314 — § 330. Гибель Гогенштауфеновъ, стр. 318. — § 331. Конрадинъ, стр. 320. — § 332. Монголы, стр. 322.

3. Исходъ и послѣдствія крестовыхъ походовъ. 325

§§ 333—335. Предпріятія Людовика (IX) Святаго, стр. 325. — § 336. Слѣдствія крестовыхъ походовъ. Духовное образованіе, стр. 329. — § 337. Рыцарство, стр. 330. — § 338. Нѣмецкій

Стр.

городовой бытъ, стр. 331. — § 339. Приращеніе силы церкви, стр. 336.—§ 340. Секты, стр. 338.—§ 341. Альбигойскія войны, стр. 339. — § 342. Орденъ Нѣмецкихъ рыцарей въ прибалтійскихъ краяхъ, стр. 341. — § 343. Образованность и литература въ эпоху крестовыхъ походовъ: 1) Исторіографія. 2) Школьная ученость. 3) Средневѣковое правосудіе. 4) Средневѣковыя стихотворенія на романскомъ языкѣ. Италія, стр. 345.

V. Упадокъ феодальной монархіи и поврежденіе церкви. 336

1. § 344. Междуцарствіе (1250—73). . . . . — (Кулачное право. Городовой бытъ. Ганза. Несвободный классъ. Евреи).

2. Начало Габсбургскаго могущества 371

§ 345. Рудольфъ Габсбургскій и Оттокаръ Богемскій, стр. 371. Маркграфы Баденскіе и Графы Вюртембергскіе, стр. 375. — § 346. Адольфъ Нассаускій. Графы Нассаускіе, стр. 378. — § 347. Альбрехтъ Австрійскій. Тюрингенъ, стр. 380. — § 348. Учрежденіе Швейцарскаго союза, стр. 382. — § 349. Моргартенъ, стр. 383.

3. Люксембургская и баварская династіи. 384

а) Правленіе Генриха VII, § 350. . . . . — § 351. Данъ. Петрарка. Боккачіо. Виллани, стр. 388.

б) Людвигъ Баварецъ 392

§ 352. Битва при Мюльдорфѣ. Виттельсбахи въ Баваріи и въ Палатинатѣ, стр. 392. — § 353. Упадокъ папской власти, стр. 394.—§ 354. Упраздненіе ордена Храмовыхъ рыцарей (Тампліэровъ), стр. 396. — § 355 Людвигъ Баварецъ въ борьбѣ съ папою, стр. 397. — § 356. Конецъ Людвига Баварца, стр. 399. — § 357. Духовныя братства и мистики, стр. 402.

в) Карлъ IV и Венцеславъ (1347—1400)— 407

§ 358. Карлъ IV, стр. 407. — § 359. Великое ополченіе городовъ (1388), стр. 410.—§ 360. Расширеніе Швейцарскаго союза, стр. 413. — § 361. Низложеніе Венцеслава. Легенда о св. Непомукѣ, стр. 414.

г) Императоръ Сигизмундъ и состояніе церкви въ его время. 419

§ 362. Церковный расколъ (Schisma), стр. 419.—§ 363. Виклифъ и Гусъ, стр. 420.—§ 364. Констанцскій или Костницкій соборъ (1415 — 18), стр. 421. — § 365. Гусъ на кострѣ, стр. 424. — § 366. Гуситы, стр. 425. — § 367. Базельскій соборъ (1431 — 49). Гогенцоллерны въ Бранденбургѣ, стр. 429.

4. Германія при Фридрихѣ III и Максиміліанъ I. 435

§ 368. Безсиліе императора и борьба во Франконіи, Саксоніи и Палатинатѣ. Богемія, стр. 435. — § 369. Раздѣленіе Нѣмецкой имперіи на десять округовъ и имперскій верховный судъ, стр. 439.

Стр.

VI. Исторія другихъ европейскихъ государствъ въ среднie вѣка 443

1. Франція и Англія. . . . . —

а) §§ 370. 371. Франція при первыхъ Капетингахъ. . . . . —

б) § 372. Англія при Генрихѣ II (Плантагенетѣ). Ирландія. . . . 448

в) § 373. Филиппъ Августъ Французскій и Іоаннъ Безземельный Англійскій (ок. 1200). 452

г) § 374. Усиленіе свободы въ Англіи и королевской власти во Франціи 456

д) § 375. Англія при трехъ Эдуардахъ (1272—1377) 461

§ 376. Виклифъ и Лолларды, стр. 463.

е) § 377—79. Французско-англійская война за наслѣдство 465

ж) §§ 380. 381. Возобновленіе войны при Генрихѣ V. Дѣва Орлеанская. 472

з) § 382. Войны Бѣлой и Алой Розъ въ Англіи 477

§ 282. б. Шотландія при Стуартахъ, стр. 480.

2. Италія 484

а) Верхняя Италія . . . . . —

§ 383. Венеція, стр. 484. — § 384. Генуа, стр. 487 — § 385. Миланъ, стр. 488 — § 386. Савойя и Піэмонтъ, стр. 489.

б) Средняя Италія 490

§ 387. Тоскана. Медичи, стр. 490. — § 388. Савонарола, стр. 492. — § 389. Церковная область, стр. 493. — § 390. Модена, Феррара и проч., стр. 495.

в) § 491. Нижняя Италія. 466

3. Испанія и Португалія. 497

§ 392. Арагонія, стр. 497. — § 393. Кастилія, стр. 500. — § 393. б. Португалія, стр. 502. — § 394. Испанія при Фердинандѣ и Изабеллѣ, стр. 503. — § 395. Изгнаніе Мавровъ, стр. 505. — § 396. Уничтоженіе политическихъ правъ при Карлѣ I (V), стр. 507.

4. Новобургундское государство. 508

§ 397. Іоаннъ Безстрашный и Филиппъ Добрый, стр. 508. — § 398. Карлъ Смѣлый, стр. 509.—§ 399. Марія Бургундская, стр. 511.

5. Скандинавія 513

§ 400. Введеніе христіанства и его послѣдствія, стр. 513. — § 401. Средневѣковой бытъ Скандинавіи, стр. 516. — § 402. Скандинавскія государства до Кальмарскаго союза: а) Данія и Норвегія, стр. 517.—б) Швеція, стр. 520.—§ 403. Скандинавія послѣ Кальмарскаго союза, стр. 521.

6. Венгрія. 524

а) §§ 404. 405. Венгрія при Арпадахъ (до 1301), стр. 524. — б) Венгрія, какъ избирательная монархія, стр. 527. — § 406. Людовикъ Великій, стр. 527. — § 407. Гуньядъ и Матѳѣй Корвинъ, стр. 529.

Стр.

7. Польша 532

а) § 408. Польша при Пястахъ (до 1386), стр. 532. — б. § 409. Польша при Ягеллонахъ (1386—1572), стр. 535.

8. Русское государство 537

§ 410. Состояніе Руси по введеніи христіанства. Удѣлы и междоусобія. Борьба съ степными племенами. Вліяніе того и другаго на бытъ народа. Нашествіе Татаръ. Усиленіе Литвы. Успѣхи Московскихъ князей и стремленіе къ единовластію. Ослабленіе Орды. Расширеніе Московскаго великато княжества при Димитріи Донскомъ и двухъ его преемникахъ. Государственная дѣятельность Іоанна III и его сына. Іоаннъ IV Грозный, первый царь Московскій. Пресѣченіе Рюрикова дома. Казаки, стран. 537—550.

9. Государство Османскихъ Турковъ 550

§ 411. Непрерывныя побѣды Янычаръ, стр. 550. — § 412. Монголъ Тимуръ, стр. 552. — § 413. Бѣдственное положеніе Византійской имперіи и несчастія христіанъ, стр. 553.— § 414. Взятіе Константивополя, стр. 554. — § 415. Побѣды Сулеймана, стр. 558. — § 416. Постепенное разслабленіе Османовъ, стр. 559. — § 416. Исходъ среднихъ вѣковъ, стр. 560.

[230]